

**Елена
Кисель**

Путь варга

Пастыри чудовищ

Книга 3

Когда Гильдия Чистых Рук направила меня в королевский питомник — я-то полагал, что всё будет чуточку иначе. Что мне не придётся ждать сигнала месяцами. Что я не привяжусь к сумасшедшей варгине с кнутом и тысячей, тысячей дел. Что в этом задании ставки будут пониже.

Только вот Гильдия наконец-то подёргала за ниточки, и теперь я должен сорвать задание, в котором завязались в узел древние мифы о Сонном Море, международные отношения, секретные лаборатории и самый могущественный человек в Кайетте.

Крысе время жечь корабли, наёмник Лайл Гроски.

Вот только крыса на этот раз очень сильно хочет остаться на палубе.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ. СТРОКИ И СНЫ. Ч. 1

«...однажды она мне рассказывала о дневниках, которые ведут главы и наставники варгов — это память, которая остаётся от них для потомков.

— Но не все мы наставники. Что останется от нас? — спросила я тогда.

— Наведённые мосты, — ответила она, но я была слишком мала, чтобы понять. Тогда мне ещё казалось, что записать можно — всё».

ГРИЗ АРДЕЛЛ

Сундучок с виду прост. Ни изящной резьбы, ни замысловатой ковки, ни артемагических замков. Тёмный, скучный сундук — в самый раз, чтобы расположить в нём дюжину таких же скучных, среднего размера книг.

Незамысловатый сундучок, а возьмёшь — покажется непомерно тяжёлым. Приблужишь к глазам, сощуришься — и углядишь в тёмном дереве словно огнистые проблески, тёплые завораживающие переливы...

Тот, кто дарил сундучок на Перекрестки, сказал так: «Ты не любишь бесполезных подарков. Это тейенх, тёплое дерево. То, что внутри, сохранится даже в самом сильном пожаре — дерево Дарителя Огня только становится красивее от пламени, но не пропускает жар внутрь. Ещё оно всегда тёплое... впрочем, тебе не грозит замёрзнуть когда-нибудь. В таких ларцах часто хранят важные документы. Памятные реликвии. Даже сокровища».

Она взяла погладила шелковистое дерево — ощутила вечное тепло тейенха. «Почему же ты не хранишь в нём реликвии или сокровища?» — «Потому что мне плевать на реликвии, а единственное моё настоящее сокровище... вряд ли захочет спрятаться в сундук».

Сундук теперь наполнен памятью и сам — память.

Гриз открывает его вечерами. Коротко проводит пальцами по тёмной полированной крышке — приветствие, от которого теплеет ладонь. Тайная пружинка сбоку. Бережно поднять крышку.

На дне притаилась пачка писем, обёрнутых в жёсткую почтовую бумагу — больно перечитывать, невозможно сжечь. Рядом с письмами, всё в той же бумаге — портрет, который никогда не достаётся, не открывается... вот уже скоро будет семь лет. Сбоку притаились перчатки из мягкой кожи, отличное шитьё — дар на последние Перекрёстки. Гриз примеряла перчатки четырежды, крутила так и этак — и прятала обратно в сундучок: пусть полежат до подходящего случая. Они пропитаны защитным составом, но в питомнике никакие составы не помогают: рукавицы из кожи яприля рвутся и пачкаются... словом, жалко.

Большую часть сундучка занимают тетради. Их десять, каждая — толста как книга, оплетена в кожаный переплёт. Красивые тетради, с листами, пропитанными составами от времени и потускнения чернил — ещё один подарок, от той, которую взяла земля.

— Пусть будут у тебя, — говорила она осенним вечером. — Было дело, дарил мне один человек... «для лучшей из наставниц варгов», так он сказал. А я всё берегла и писала в других. А ты пиши в этих, пусть пригодятся. Пиши и меня вспоминай.

Они проговорили тогда весь вечер — пятнадцатилетняя Гриз Арделл и одна из лучших

наставниц варгов, перед болезнью которой оказались бессильны зелья умельцев общины и дружественных ноёя. А ночью наставница варгов встала с постели так, словно была молодой. И Гриз поддерживала её под руку, пока та обходила общину — прощаясь с домами, с людьми в них и с животными возле домов. Сидела рядом, когда та с усталым вздохом опустилась на постель из осенней листвы и откинула голову, глядя на звёзды, и в открытых глазах навсегда проросли извивы тёмной зелени.

К утру деревья одели тело в золотистый саван.

Дневники лучшей из наставниц остались в общине добавились к сотням таких томов-тетрадей. Память общины, средство связи с прошлым, источник знаний о зверях и их обычаях, тревожная летопись людских безумств. Теперь по дневникам той, глаза которой были так похожи на глаза Гриз, учатся маленькие варги. Наверное, тоже вздыхают: томов так много, кажутся бесконечными как жизнь, а на реке такой заманчивый лёд, и так весело танцевать на голубоватой глади...

Свой дневник Гриз начала вести через три года после того, как покинула общину. Тогда уже стало ясно, что не быть ей наставником варгов, и поперёк ладони легли первые глубокие зарубки, и затерялся след того, чей портрет она иногда только трогает через бумагу кончиками пальцев, с неизменным ноющим чувством в груди.

Заметки о животных — после середины тетради. «Альфины», «вивернии», «гарпии», «грифоны». Возле каждой заметки — дата и примечание на полях «корм», «привычки», «Дар», «лечение», «размножение». Бывают другие: «внезапно», «важно», «что за...?!».

«Тхиоры очень понятливы и легко откликаются на объединение с разумом варга. В круг хозяев пока явно включают меня и Мел, с симпатией выделяют Йоллу. Вольерных после первой девятницы не пытаются атаковать. Однако установка «Все, кроме хозяев — добыча» — очень серьёзная и поддаётся медленно работе медленно...»

«Единорог-драккайна Вулкан проявляет живой интерес к сородичам. Скучает без общения и игр. Кажется, удалось до него донести, что остальные единороги устроены иначе и не могут выдыхать пламя. Завтра попробуем поместить в соседний от Принцессы загон, под пламягасилкой».

«Плохой аппетит яприля Пьянчужки — обычный запор».

«Йоссы Вафелька и Ромашка быстро оправляются, у Ртути сегодня был жар и нагноение ран. ”Длань Девы“, видимо, на даёт нужного эффекта, попытаемся ввести ”Зимний штиль“».

«С чем связаны сбои в поведении халадриана Сирила — пока неясно. Продолжает петь брачные песни. Сегодня — крики вроде ”Красавица! Красивые! Любви!“ Крики пронзительные и постоянные, завешивание клетки не помогает, варжеское единение тоже. Горевестник уверен, что пришла весна, и разубедить его пока не получается. Впрочем, в практике варгов встречались случаи, когда горевестники видели, что им подберут пару...»

Первой части тетради не должно быть вовсе.

«Пиши, что с тобой случается каждый день», — не глупо ли. Вместить на бумагу тысячи дел. Десятки тысяч мыслей. Вылить боль, страх, радость, усталость, опасения.

Гриз совсем не умеет этого — потому пишет то, что видит.

Короткие, сухие заметки — словно краткие сообщения для кого-то, кого не видела годы:

«На патруле ночью были Янист и Мел, взяли двух браконьеров. Не местных и с хорошим грузом ловушек».

«Обед с благотворительницами. Четыре часа расспросов и сплетен. Новое Чудо Энкера»

— тема всех светских салонов».

«Игольчатый волк, у которого охотники убили подругу. Нэйш. Проводить я не успела».

«Гости Лортена решили отметить второй день Перекрёстков фейерверком прямо у поместья. Истерика у зверей, Мел чудом никого не убила. Как выразился Лайл, “Праздник продолжается”».

«С утра Тербенно на два часа. Допрос о наших прошлых потерях. Связывает то ли с Душителем, то ли с пропадающими охотниками».

Временами строк больше — словно ученица хочет посоветоваться с наставником: «Лайл пытается вести себя как ни в чём не бывало, и это выглядит самым тревожным из всего. Хуже то, что он молчит — или, вернее, пытается никак не проявить того, что с ним происходит. Меня пытается по возможности избегать. При этом я вполне верю, что он не сердится за моё вмешательство в замке Шеу. Он отлично скрывает чувства — но в его поведении видна даже не подавленность, а что-то вроде вины...»

Некоторые страницы исписаны целиком. Здесь притаились истории о крупных и значимых выездах. Бешенство одиннадцати единорогов в знатном поместье. Рассказ о вызове в цирк Эрнсау. Потеря второго «клыка» — бешеный виверний... Описание эффекта Овхарти и история феникса, который весной поднимется в небо и будет возвращён в родные места. Тхиоры и невинная девочка Милли. Линешенты и их фамильяр. Кровь на снегу Зброшья и замок Шеу. Истории притёрлись на страницах (как вместились?!). Со страниц опасно глядят на другие.

Другие — это бешенство зверей в питомнике Гэтланда. Визит к Моргойлам и проклятие Врага Живого. Луна Мастера, Энкер и новое Чудо. Другие... между которыми вьётся насмешливо подмигивая, цепочка. Связывает страницу со страницей, притягивает одну историю за другой. Нанизывает на себя всё новые тревожные строки:

«Ещё два нападения в зверинцах. В Ракканте свидетели утверждают, будто видели женщину, которая надрезала себе ладонь — и после этого звери взбесились. Обошлось без больших жертв, но прогрессисты в газетах уже начали трубить о зловещих варгах. Тем временем всё больше наших не откликается на вызовы и не отвечает на письма».

«Хаата в последнее время беспокоит меня — то и дело отлучается куда-то (к своим?), не желает ничего рассказывать, твердит о дурных знаках, дурном соке в корнях».

«Сегодня я почувствовала смерть варга. Не знаю, кто, не знаю, почему, но переживание было крайне острым. Когда я вообще в последний раз ощущала не смерть одного из наших, но рождение?»

Строки... Тени от настоящего. Короткие зарубки (словно те, что поперёк ладони — не забыть).

Обмакни перо в чернила. Открой желтоватую от особой пропитки страницу — и укрась размашистой вязью букв, за которыми — день.

«Сегодня утром случилось то, что уже называют вторым Энкером...»

* * *

Звук появляется раньше. Она ещё только бежит от «поплавка», а он лупит в лицо: плотный, пронзительный. Тревожный вой псов, ржание коней, вопли, стоны, ругательства. Гриз бежит по снегу, розовато-утреннему и умильно-пушистому, а звук тащит её за собой, и

в нём она различает главное: что бы там ни было, многие остались живы...

«Стрелой сюда, тебе понравится», — сказал тот, кто позвал её сюда.

Увиденное Гриз не нравится.

В белом пухе барахтаются люди, собаки и кони. Несколько сотен. Лежат — нелепо рассыпанными игрушками под дымчато-голубым небом. Рядом — опрокинутые столы, разорванные шатры, щепки от повозок, раскиданные вещи. Опушка высокого леса вытоптана, изуродована огнём, стволы перекошились, лежат друг на друге. И на опушке — тоже тела.

— О, Единый, — выдыхает Янист Олкест, который напросился с ней на выезд. — Что... что это?!

Наречённый Мел не хуже Гриз знает — что такое Охота Дикта, Зимняя Травля — главный зимний выезд аристократии Даматы. В восточной стране снег приходит только на северную окраину и только в Луну Дикта («Ледяная Дева папашку посетила», — хмыкают даматцы). Потому травля назначается на первое число луны. Но подготовка начинается за месяц.

Сперва являются егеря и загонщики: приманивают зверей из глубины лесов. Рассыпают душистые снадобья — и грифоны, яприли, игольчатники идут, не в силах сопротивляться. В округе разбрасывают побольше подкормки, чтобы не ушли. Являются контрабандисты и торговцы — привозят опасных бестий для любителей изысканно опасных забав: виверний, мантикор, альфинов... Этих сажают в клетки, в обустроенные загоны — выпустят потом. Затем приезжают слуги и распорядители: нужно поставить шатры (у кого богаче?), подготовить столы и яства, разложить вороха мехов, установить согревающие артефакты...

Окружённое лесами поле, которое называется Охотничьей Плешью, оживает, набирает краски. Зарастает шатрами, стягами, деловито снующими фигурами. С утра в день Травли начинают со всей страны прибывать знатные *эйшееты*: хвастают мощью атархэ, драгоценностями на одеждах, сбруей коней, сворами. Пьют и болтают, пока егеря (тоже собранные со всей страны) не подадут первый сигнал. Тогда разномастная толпа выезжает на позиции — выстраивается по краю Плеши, нацелившись в лес. Белые одежды смерти, разгорячённые лица, бесшумные слуги, нетерпеливое взлаивание псов...

И пение рога — сигнал, после которого несколько сот охотников рвутся в лес, показывать удаль. На конях, на единорогах — летят между деревьями (каков ты наездник?), гикают и убивают всё, что попадётся. Пение рогов, завывание псов, ржание, ругательства, крики — и загнанная дичь, и удары по ней, всё равно чем: Даром, артефактами, атархэ... Потеха длится до вечера — а после наступает время пирушек и плясок приглашённых нойя у воздвигнутых шатров. Похвальба добычей, демонстрация трофеев: «Как, только две огнистые лисицы? Мы вон двух грифонов завалили и пару йосс!» — «А где Ахэт?» — «Ему не повезло с той мантикорой, ха!» — «Помянем!»

Цена Зимней Травли — не меньше сотни зверей... и не меньше десятка охотников. Каждый раз.

В этот раз Травля не удалась. Или удалась слишком основательно. Вот группа в белом — собрались, взмахивают руками, обсуждают что-то... кто-то пытается выбраться из-под упавшего шатра. Жалобно ржёт упавший конь — не может подняться. Егеря несут прикрытые белым тела...

— Ну? Каково?

Широкое лицо Норна Клеска согрето огнём рыжей бородачи. Норн выныривает из-за

ближней сосны (сам больше сосны в объёме, так что непонятно, как он там схоронился). И косолапит навстречу, ухмыляясь так восторженно, будто учинил всё это сам и исключительно для Гриз.

— Говорил же, тебе понравится, — без лишних церемоний загребаёт в дробилку объятий. — Сто лет не видались, куда пропала? Хлия обижается уже, когда к нам выберешься?

— Тышшаша джел, — попробуй поговори, когда тебя втискивают в меховую куртку. — Ты ж, вроде, собирался с семьёй посидеть.

— Так... Хлия сама выперла, понимаешь. Надоело ей, что я к малому кидаюсь на каждый хлюп. Мол, разбалую. Ну, и говорит — берись уже за лук, а то совсем мозги размякли колыбельные петь...

В пламени бородачи прячется смущённая улыбка, и легко представить Норна — одного из лучших охотников Кайетты — поющим над кроватью первенца. Пальцы поглаживают сжимают лук-атархэ, изукрашенный затейливой резьбой — наверное, так же бережно, как погремушку.

— На Травлях раньше не был, ну, и решил сюда... что смотришь, не егерем же! Бывший клиент, хороший мужик, позвал: говорит, я на травли отъездился, а сын молодой, горячий — присмотри, чтобы на мантикору какую не полез. Кто ж знал, — и гордо обводит широченной ладонью зрелище. Потом сует ладонь в лицо Янисту. — Новенький? Ну, ты-то, парень, как к ней под крыло угодил, а?!

Олкест бубнит что-то невнятное, а Норн берёт его за рукав, кивает Гриз — пошли — и тащит за деревья. Подмигивает на ходу:

— Ты, парень, не пойми неверно — с Гриз бы я и сам работал. Когда на выездах пересекались... эх, до сих пор вспоминаю, как она контрабандистам-то кнутом и по сусалам! Но вот быть у неё под начальством — тут извините, у вас там условия в группе — проще сразу на Рифы отъехать. Всё удивляюсь, что чокнутые какие-то находятся.

— Да я не... и у нас не... м-м-могу заверить, что условия меня полностью устраивают!!

Норн Клест дотаскивает их до вершины более высокого холма — теперь вся Охотничья Плешь как на ладони. Гриз рассматривает пропадины на опушках.

— Они были не готовы, когда началось?

Слишком многие пытаются выбраться из-под шатров. Много упавших коней — словно скакали в бешенстве, в панике. И тела керберов и игольчатников повсюду — испепелённые, пронзённые стрелами...

— Первый рог ещё прозвучать не успел, да. Кто-то уже начал места занимать, кто ещё копался, снаряжение проверял. Смолкли сигналы...

...лагерь жил — предвкушением, охотничьей суетой. Тревожно фыркали лошади, сновали деловитые слуги, готовили снадобья травники — вдруг кому нужно будет восполнение Дара, а то и кроветвор. Лагерь заливался звуками — и потому не заметил, как звуков вокруг не стало. Короткие сигналы рожков егерей в лесу будто задавило — только одинокий короткий взвизг...

Отлив перед высокой волной. И сразу же вслед — знак приближающейся бури. Рёв, треск стволов и пламени, клич гарпий, и рык, и «Песнь крови» — всё одновременно, отовсюду, и ближе, ближе...

«Это, что ль, сигнал?» — глупо спросил кто-то из первоходов, когда хаос звуков рухнул

на лагерь.

— ...потом взбесились бестии в лагере. Все, сколько было. Единороги, керберы, игольчатники из свор. Девятеро помиловали — алапардов никто не припёр покрасоваться! Звери были дрессированные, обученные на людей не кидаться. А тут рванули убивать. Единороги, воображаешь себе?! Что ж с ними такое случилось-то...

Я знаю, молчит Гриз, поглаживая правую ладонь. Под пальцами ощущаются извилистые следы, один ещё сравнительно свежий.

— И... что же вы сделали тогда?

Норн молча демонстрирует ладонь — на ней выгнулся лук. Стрела наложена на тетиву, трепещет — сейчас полетит.

— Прикрывал своего парня, сказал слугам — уведите в шатёр, спрячьте. Сам — в позицию, ну, и... кто ближе, того и... Ты прости, Гриз. Сам не рад, что так, но тут...

Норн Клеск искренне любит природу. Обожает путаные лесные тропы, и птичье пение, и звериные игры. Терпеть не может капканы. Не отстреливает дичь бессмысленно — берёт заказы на людоедов. Норну Клеску нечего извиняться перед ней и смотреть так, будто варг сейчас вскрикнет: «Убийца!»

Они теперь молчат вдвоём — глядя на хаос внизу. Слушают друг друга.

Молчание Норна Клеска — густое, словно суп сердитой Фрезы.

Плавают воспоминания: перевернуть стол, загородиться вторым, воззвать к Печати — и лук становится продолжением пальцев, стрела — продолжением взгляда, мир словно замедляется в тягучем вздохе... Окровавленная пасть кербера. Игольчатник взвился в прыжке. Единорог, весь в кровавой пене, храпя, мотает головой... Пальцы легко отпускают тетиву — опять, и опять, и опять. Вокруг вопли, кто-то бьёт магией, кто-то бежит, несётся лошадь — волочит за собой всадника, полыхает шатёр слева, и лавина грохочет в лесу, снося и подпаливая деревья, всё ближе и ближе, с воем и рёвом...

Молчание Гриз — лёгкое, печальное. Будто розоватый пушистый снег на земле.

Не вини себя, Норн, — молчит Гриз. Это были уже не они. Алая паутина, огненная, сжирающая — то, что опутало их в этот момент. Не ты виноват — тот, кто закутал их в эту паутину. Кто-то, кто ходит по лёгким путям.

Чуткости Норна Клеска могут позавидовать десять Следопытов.

— Не сердись. Тогда дальше. В лагере началось... ты видишь, что. Даматский Энкер какой-то! Ещё никто отойти не успел, все орут, кто отбивается, кого единорог топчет — а из лесу уже все остальные ломанулись.

«Кто?» — шепчет Янист Олжест, и его широко раскрытые глаза — глаза ребёнка, которому рассказывают страшную сказочку. Норн машет лопатой-ладонью:

— Дичь. Добыча. Бестии. Все.

С высоты холма можно рассмотреть следы и тела. Первыми были яприли, и это они сшибали стволы. Рядом неслись бескрылые гарпии, дикие игольчатники, керберы... вивернии поджигали лес, они отстали, как и грифоны. А вон там — густая пропалина, там шла мантикора.

Все, кому дали сигнал для начала Зимней Травли.

Словно сотня стрел, нацеленных на лагерь, где и так уже царит хаос.

— Вон, смотри, шатёр клиента внизу. На макушке голова грифона позолоченная, ага. А вон столы, за которыми я был. Ближе к лесу, да? В общем, в мыслях успел уже и со своими попрощаться. В жизни такого не видел. Стреляю... в яприля, который на нас шёл, пришлось

четыре раза.

Япирль лежит в снегу: до шатров осталось шагов тридцать, не больше. Четыре стрелы — одна глубоко ушла в глаз, опытный Стрелок всё же попал.

— Больше вряд ли успел бы, там алапард был, да и гарпия... Стрелу наложил, а они остановились.

Люди кричали. Закрываясь руками, как в детстве: «А-а-а-а, мама!» Кричали — слуги, и охотники, и егеря, и богатые, эйшееты, визжали служанки и рабыни, которых привели для пирушки. Люди вопили от боли, ругались, молились — и всё это падало во внезапную тишину. Уходило частым дождём — в пустыню.

Грохота, треска, рёва и клёкота больше не было. Ярость унялась, как внезапная гроза, и звери на миг обратились в статуи.

Потом повернули головы и уставились на холм.

— На этот, — для надёжности Норн притопывает по холму. — Только он стоял вон там, пониже, у деревьев.

Одинокий человек в плаще с капюшоном. Они находят его следы — простые сапоги, стоптанная обувь. По размеру чуть больше, чем у Олкеста. Норн ставит рядом свою лапищу — разница в пару дюймов.

— Слышал, ты была в Энкере, когда там вся эта заваруха с мэром и алапардами?.. И там правда был тип в капюшоне, который ходит в пламени? Я думал, газеты ввали.

— Нет, Норн, мы его сами видели. А насчёт пламени — он...

— Ну да, у него же был феникс.

...маги тоже взглянули, тоже видели это. Высокий силуэт человека в капюшоне на фоне побледневшего от испуга неба.

И над его головой — огненный знак, распластавший крылья феникс.

— Вроде как, он только руку протянул, а звери разбежались. Рванули — кто куда, со всех ног. Кто-то даже и в его сторону. А он просто развернулся и с холма начал спускаться, потом полыхнуло там, за холмом... ну, и всё.

Следы человека в плаще точно, спускаются с холма. Потом идут — неторопливые и ровные. Потом — чёрная проплешина. Магическое, быстро прогорающее пламя. Растопленный снег.

Больше нет следов.

«Чистые ходят в пламени», — шепчет Янист Олкест. Гриз впервые готова поспорить с ним о правильности цитат. Она помнит из дневников варга другое.

«Пламя — путь безумцев и чистых».

— Если это не Дитя Энкера, то я уж не знаю, кто. Вот я тебя и вызвал. До кучи ещё думал — может, просветишь, кто это сотворил? Отовсюду слышно, что будто бы варги...

Тихо охает Янист позади. Взглянул на Охотничью Плешь, представил, что последует: цвет аристократии Даматы... сейчас ещё журналисты подтянутся.

— Много жертв? — спрашивает Гриз, продолжая его мысль.

Охотник машет рукой на лагерь.

— Человек двадцать тут — мелкая знать и слуги в основном. Местные славу Дикту возносят — отвёл, мол, Всеотец. Раненых много. Худо другое — от егерей ничего не слышно. По-моему, о них и не вспомнил никто. Я думаю пойти посмотреть, ты со мной?

Вместе они оставляют холм и углубляются в лес — тихий и утративший нежно-розоватую рассветную гладкость. Тонкий снежный покров взорван, изрыт копытами, лежат

посреди лесных дорог и троп поваленные стволы. Олкест шумно выдыхает — ещё не видел, как выглядит «тропа ярости» яприля.

Насмешники-скрогги примолкли ошеломлённо, что видели? Вот сожжены кусты — тут шёл виверний. А вот стремительный мах алапарда. Здесь неслась, хохоча и предвкушая кровь, гарпия.

Обратные следы тоже есть — совсем не такие страшные. Звери улепётывали стремительно. Будто кто-то шепнул: «Послушайте, это же не вы. Бегите от этих, чуждых...»

Говорю я, настоящий настырь.

Изуродованный лес безмолвен и строг. Тяжко вздыхает ветер в кронах: зачем пришли? Поздно уже, тут всё без вас...

Гнедая загнанная лошадь — вздрагивает, с храпом пятится в кусты.

— Кого-то из загонщиков, — говорит Норн, когда Гриз оглаживает и успокаивает лошадку. — Привяжи покрепче, потом заберём. Мы уже близко — они где-то мили за две и должны были работать.

На ближайшей развилке отходит от них влево — Гриз и Янист берут вправо. Тропы в Охотничьей Пуще хорошие, наезженные за годы охот. На деревьях прибиты таблички-указатели — чтобы знатные охотники не потеряли лагерь из виду.

Гриз копается в слякотной неразберихе следов. Выстраивает их цепочки — кожей ощущая на себе взгляд Олкеста.

— Янист, я что говорила по поводу этого вашего «держать мысли в себе»?

— Думаете, это он? Тот самый, который... в Энкере?

— Если только у вас на примете нет другого варга уникальной силы, да ещё и с фениксом.

— Но... почему он так? Получается, он просто появился, спас людей, да? И не показался им, не поговорил, ничего не объяснил, просто исчез. Это всё как-то...

— Подозрительно?

За густыми кустами — поляна, на поляне — свора. Собаки скулят жалобно, бегают кругами. Двое псов зарылись в снег, мелко дрожат. Подозвать тихим голосом, успокоить — лаской и зельями. Слушая сердитое бормотание Олкеста. *Подозрительно, что внезапный варг очень удобно появляется во время катастрофы. Так вовремя вмешивается. И уходит, оставляя за собой разве что домыслы да легенды. С чего бы это он?*

— Потому что время ещё не пришло.

— Что, простите?

— Ничего, продолжайте.

Голос Яниста странным образом успокаивает, не даёт уплыть вслед за зрением и слухом (слух ловит мёртвую тишь, зрение — спутанные следы с пятнами крови).

— Вы думаете, он как-то связан с теми, кто натравил животных на лагерь.

— Я не утверждаю, но... как он вообще узнал, что они здесь будут?

— Феникс в небесах. Варг смотрел его глазами.

— Это я понял, но я не о том... как он вообще узнал, что это случится? Он же как-то сюда прибыл... получил сигнал или заранее был здесь?

Это кажется маловажным, понятным. Словно тот, другой, в капюшоне, идёт сейчас рядом по тропе. Говорит тихо: мы же вместе, сестра. Так что ты знаешь.

Ты же видела все эти зверинцы... питомники. В которых тоже было бешенство зверей. Куда приходили хищные настыри. Кровавые настыри. Но питомников слишком

много, и я не знал — где начнётся... Здесь же было просто, ты понимаешь?

— Понимаю, да... Это должно было случиться обязательно — вот почему он был здесь.

— Боюсь, я не совсем по...

Она отворачивается от следов (теперь они уже густо испятнаны кровью), вглядывается в удивлённое лицо Яниста Олкеста.

— Этот варг... Пастырь. Был уверен, что те, другие, не пропустят Зимнюю Травлю.

— Почему тогда он не предупредил охотников? И почему не остановил животных сразу же?

Ты знаешь, сестра, — отвечает тот. Кажется — у него там хорошая улыбка, под капюшоном. Они были слишком далеко. И я не ожидал, что взбесятся животные в лагере. Силы мои велики, сестра, но я не могу остановить всех и сразу. Может, если бы они не были опутаны силой Хищных Пастырей... но я явился слишком поздно. Такое случается даже с теми, кто идёт сквозь пламя.

Пересказать это Олкесту Гриз не успевает: они натыкаются на первое тело. Парнишка-егерь лежит, глядя удивлёнными, широко раскрытыми глазами, в пальцах зажат посеребрённый рожок. Грудная клетка смята страшным ударом — алапард.

— Никто не выжил, — шепчет Олкест. — О Единый. Никто не выжил...

Под поваленными стволами, разодранными кустами, в оврагах — тела... Гриз кажется, что она вернулась в Заброшь, опять бежит с Мел по следам пропавшей охоты. Только снега слишком мало, и вместо россыпей ягод кровяницы — брызги крови, и никто не подумал прикрыть трупы белым, хрустким саваном.

— Уйдём, — просит Олкест, когда они находят шестого егеря. — Всё уже понятно, просто... уйдём. Не смотрите туда. Пожалуйста.

Гриз упрямо мотает головой. Прикрывает глаза пожилому, седоусому, пожранному пламенем виверния.

— Янист. Кричите.

—?!

— Тихо идём, если кто живой — может, услышат. Давайте. В Энкере у вас получилось неплохо.

Дарит ему кривую улыбку — крепость в порядке, крепость выстоит... Непонятно, чем Олкест ошеломлён больше: гримасой Гриз или распоряжением, но он набирает воздуха побольше — и сотрясает лес пронзительным: «Ээээй, кто живоооой?!»

Вот и ладно, кивает Гриз. А то у меня что-то с голосом — каменеет в горле.

И нужно разобраться. Почему так лежат тела егерей и загонщиков. Их убили, но словно бы мимоходом. Не пытаюсь разорвать, растерзать... В зверинцах было иначе.

Кровь варга — и неудержимое бешенство всех, кто учуял эту кровь. Потому звери калечили людей и друг друга, разносили клетки и всё вокруг. Но здесь на это непохоже. Яприли сшибали деревья, будто они в бешенстве или ранены — но не метались из стороны в сторону, а неслись в сторону лагеря. Виверний не бил огнём по гарпиям, по игольчатникам. Только целясь в людей.

«Лю-у-у-уди!! — надрывается Олкест. — А-у-у-у-у!» — и словно пробуждает криками лес. С разных сторон отзывается ржание лошадей, лай и вой псов — но не человеческие голоса.

Кони и собаки попали под удар — только те, на ком были всадники или кто попытался защищать людей. Их тела тоже здесь, на снегу. А остальных слышно, они живы.

«Потому что это не было бешенство на крови варга, — шепчет тот, который ходит в пламени. — В зверинцах... но не здесь. Здесь зверей вели. Толкали вперёд. И потому я замешкался — пришлось преодолевать сопротивление тех, которые направляли их ярость...»

Поляна и загоны для крупных и опасных бестий — массивные приземистые строения, одно сожжено, высокая ограда в кольях разнесена в щепки. Из-за одного загона доносится слабый отклик:

— Здесь!

Чёрные волосы егеря присыпаны — пеплом, пылью, сединой? И прогоревший пепел ужаса в глазах — но двигается твёрдо, говорит чётко.

— Нас восемь, есть раненые, один пошёл в лагерь на разведку. А вы кто? Что творится?

— Королевский питомник Вейгорда, — отвечает Гриз. — Лекарственные зелья у вас есть? Помощь нужна?

Подсобка возле загонов — с плотными стенами, защищена артефактами. Поэтому тем, кто добежал до неё, удалось выжить — и сюда же направились уцелевшие. У двоих глубокие раны — укусы игольчатников, еще трое обожжены, остальные с переломами и вывихами. Хромая, выходят из полутёмной подсобки. Бинтуют товарищей, булькают водными трубками, кто-то делает глоток из фляжки. Рассказы одинаковые: выпустили зверей из загонов и клеток, те разошлись в глубь леса — как раз насколько нужно. А потом понеслись назад, словно подчиняясь невидимому приказу.

— Их не брала магия, — старший из егерей поднимает фляжку — будто тост готовится произнести. — Хвала Всеотцу, алапарды были в лесу дальше, по нам ударили яприли и гарпии. Все, кто пытался задержать, испугать, остановить... — прикладывает руку к губам, — прими, вода. Кровью братьев могу поклясться — магия зверей не брала, они все были... как вы зовёте это в Вейгорде? У нас говорят — «тайфун»: это когда бестия в бешенство приходит.

— И проявляет максимум магических способностей, — кивает Гриз. — Как алапарды на кровной мести или яприли в момент ярости. В Вейгорде никак особенно не зовут, а варги, бывает, говорят, что животное полн...

— Т-ты.

Будто струна лопается. Туго-туго натянутая. Встаёт из-за спин друзей — молодой парнишка, с исцарапанным лицом. Тяжело припадает на изодранную гарпией ногу. И наводит на Гриз дрожащую ладонь со знаком Огня.

— Т-ты... из н-н-них, — губы у него сводит, а Печать на ладони плюётся искрами, но он всё идёт, выпучив глаза. Выплёвывает: — Т-ты... варг... ладонь... шрамы...

Что-то с грохотом рушится внутри Гриз одновременно с последним словом:

— К-к-к-кровавая!!

— Кровавая?!

Остальные егеря оказываются на ногах, поднимают ладони с Печатами. Кто-то хватается за атархэ, в воздух взлетает дарт — даматское оружие... А раненый хрипит и идёт на неё, покачиваясь, Гриз отшатывается от перекошенного лица, от скрюченных пальцев, мелькает короткая мысль: кнутом нельзя, раненые же — а бессмысленные глаза и дрожащие губы всё ближе:

— Т-т-т-тваа-арь! Ты с ними! Ты...

— П-позвольте!

Это втискивается перед ней Рыцарь Морковка — полыхая шевелюрой. Перехватывает кисти раненного, выпаливает ему в лицо сердито:

— Вы что творите, а? Да в своём ли вы уме, я вас спрашиваю?! Как вам не стыдно!

От егерей долетает слабое «Ч-чего...» — и даже парень с огненной Печатью застывает с недоумением на физиономии.

— А вам я бы посоветовал лечь и не бросаться бессмысленными подозрениями, — добивает его Олкест. — Эй, кто там есть, уложите своего товарища. И выкладывайте — откуда набрались этого, о... кровавых варгах.

Янист Олкест великолепен в своём рыцарственном порыве: сверкает глазами, внушает почтение осанкой, мечет глазами молнии. Егеря сразу тушуются, переглядываются, опускают ладони, бормочут, что Жикс сказал, он видел, да...

— Пусть ваша милость не сердится, — бормочет верзила-егерь с переломанной рукой. — Да это я вроде как видел. Ну, издалека. Женщина, в капюшоне. А рука разрезала, и кровь по земле идёт... посмотрела на меня, а потом звери как набегут...

— Про глаза огненные скажи, — напоминают шёпотом остальные. Кто-то чувствительно прибавляет: «Нам-то про драконский хвост врал, небось!» Старший егерь вклинивается осторожно:

— В зверинцах по всей Кайетте уже не первый месяц, значит. И в Энкере тогда, на Луну Мастера — варги с кровью...

— И вы с чего-то решили, что госпожа Арделл — из их числа?! — Олкест как будто становится выше ростом. — Мало ли от чего могут быть шрамы на ладони! А что до Энкера — я был там сам, желаете — расскажу?

И бестрепетно шагает в самую гущу егерей. Начиная повесть с убойного: «Если уж речь зашла о варгах крови — я знаю побольше вашего».

Гриз стоит в молчаливом оцепенении. Янист Олкест, читающий даматским егерям лекцию о варгах крови и Энкере, завораживает, словно пламя. Кажется, он даже согревает воздух вокруг себя — энергичными взмахами рук.

Иначе с чего бы щекам так тепло.

Норн выходит из леса почти неслышно — несмотря на всю свою медвежью статью. Возникает за левым плечом и пару минут с почтением внимает огненной речи Яниста: «... уверяю, что никакого отношения к так называемым Хищным Пастырям госпожа Арделл не имеет. Они, как я уже говорил, считаются отступниками в общинах, а госпожа Арделл — глава ковчезников и все силы свои отдаёт на защиту жизни. Так вот, а теперь об Энкере...»

Потом охотник трогает её за плечо — пошли, мол, покажу чего.

Олкест тревожно дёргается за ними, но видит успокаивающий жест Гриз и остаётся расписывать егерям Энкер и Луну Мастера.

— За ранеными скоро подойдут, — говорит Норн. — Я связался.

Гриз не задаёт вопросов, но он отвечает на её мысли — чуткий, как даарду.

— Выжило четверть, не больше. Может, одна пятая. У кого были быстрые лошади и кто смог добраться до укрытия. Или влез на дерево повыше и его не заметили. Я четверых нашёл. Всё равно не меньше сотни примет вода.

Не меньше сотни. И два десятка в лагере. Второй Энкер, Даматское побоище — в газетах назовут это поярче, покрасивее. И прогрессисты своего не упустят — те, кто истово верует, что бестии лишь кровожадные твари, а варги их натравливают. Это распишут в газетах на сотни ладов, преувеличат в десятки раз слухами — и будет вторая волна за

первой...

Площадка между деревьями — небольшая и укромная. На ней нет места монументам, её не стискивают дома. И всё-таки Гриз кажется — та, что стояла здесь, представляла себя ребёнком Энкера на белой площади, залитой закатно-алым. Вечный сюжет: протянуть руку, сказать: «Умрите»...

Только в этом сюжете умирают не алапарды.

— Выше тебя и малость погрузнее, — говорит Норн, когда Гриз присаживается на корточки, задумчиво касается женских следов. — В длинном плаще. Вот здесь интересно — смотри: это она переступала с места на место, будто нехорошо ей стало. А тут на колени свалилась, а после почти сразу ушла.

Неверные следы ведут в глубь леса, отмечены частыми каплями кровью. Останавливаются — и пропадают, теряются среди следов зверей, которых спугнул неизвестный варг с фениксом.

— Что скажешь?

— Она ушла верхом. Вон там следы копыт — это единорожий прыжок. Единорог вряд ли из лагеря, скорее всего — на нём и приехала. Вскочила и — в галоп.

Норн хмыкает презрительно — мол, а то сам не понял.

— Гляну, куда направлялась. И остальных поищу. Только лошадку добуду. Чего интересное скажешь, говорю?

— Кроме того, что ты понял и увидел сам?

Они пришли сюда незадолго до травли и начали действовать. Кто-то был ближе к лагерю — нужно было взбесить животных там — а кто-то здесь, на границе, у которой животных выпускают из клеток и загонов перед травлей. Как только животных выпустили — они взяли их под контроль на крови и отдали приказ: убить людей, только людей.

И добились бы своего, если бы им не помешал тот, другой. С фениксом и хорошей — точно хорошей — улыбкой.

Норн пристально вглядывается в её лицо, качает головой:

— Кто-то из ваших здорово сбрендил, а? Ладно, пошли твоего парня забирать. Кто он там в твоём «теле» — «кровь»? Ну и совпадение.

Они забирают Яниста — егеря вежливо раскланиваются с ней на прощание. Норн рассказывает Олкесту о находках, а Гриз всё повторяет один и тот же вопрос — обращаясь к ним, потому что их просто должно было быть несколько, чтобы удержать такое количество животных. Один и тот же вопрос, пока он не становится эхом в её крепости.

Зачем?

— Понавыперлось... — ворчит Норн, когда они выходят из лесу к тому самому холму — холм густо усеян ищейками и журналистами.

В лагере — суета: туда принесли родичи пострадавших, ещё слуги, законники, местные урядники, другие какие-то представители закона — и между них снуют охотники в белых костюмах из таллеи, рассеянно стряхивая с нарядов драгоценности. Норн задумчиво ворошит пальцами пожар бороды.

— Пожалуй, что вам тут не будут рады. По следам я гляну — может, смогу чего нарыть. А ты гляди поосторожнее там! С вашими, у которых мозги набекрень.

— Будь и ты осторожнее, — отвечает Гриз. — Приветы Хлие и сыну.

На прощание он награждает её костоломным объятием и басит: «В гости ждать буду. И тебя, и Яниста». И добавляет лукавым шёпотом:

— Хороший выбор, кстати... не чета тому придурку в белом.

После чего, утробно похохатывая, скрывается за сосной.

Олкест оборачивается с опозданием — в самый раз, чтобы заметить пунцовость главы ковчежников.

— Буду счастлив навест... о. Он уже ушёл? Позорная неучтивость с моей стороны — вот так, не попрощаться. Прошу прощения, мне отвлекаться не следовало... — он кивает на лагерь. — Причудливое зрелище, знаете... похоже на съезд Нэйшей. Кхм. Извиняюсь.

С какой, спрашивается, стати я вообще потащила его сюда? — думает Гриз, потирая лоб. Ну, помимо того, что сам напросился?

— Янист. Прекращайте уже извиняться. Возвращаемся к «поплавку».

Позади остаётся гул растревоженного лагеря, гневливое человечье гнездо.

Для возвращения Гриз выбирает обходной путь — всё равно дорога занята всеми, кто принёсся на знак беды. На тропинке — нетронутый снег, Гриз расшвыривает его сапогами. Самое время распахнуть темницы там, внутри себя, как следует обдумать всё это — варги крови, смерти, Пастырь и феникс...

А думается всё больше о глупостях. Вроде той, что надо бы поменьше брать Олкеста с собой. Он, конечно, сам рвётся на выезды, а Мел так и вовсе демонстрирует облегчение. И нельзя сказать, что наречённый Мел бесполезен.

Но Олкест отвлекает, словно шрам, о котором постоянно помнишь — его вечная тревога, чересчур навязчивая забота, искренность и громкость переживаний, и прописанное в манерах аристократическое воспитание, манера ерошить волосы и таскать в сумке хоть одну книжку, нерешительно мяться и покашливать — а вдруг, мол, потревожу...

— Вы как будто знаете здешние места? — спрашивает Янист за спиной, и рука Гриз невольно взмывает к волосам — поправить. Вот какого чёрта, а.

— Охоты тут бывают не только зимой. Несколько крупных выездов... а мелкие не прекращаются — бестий много.

Гриз цепляет упрямой рукой ветви кустарника, растирает в пригоршне снег — всё такой же пушистый.

— Вы пытались спасти зверей?

— Старалась увести подальше в лес... или остановить, если в опасности охотники. Вы же видели сегодня, что может раненый яприль.

Не совсем так, — поправляет внутри занудный голос, удивительно похожий на голос Олкеста. Как раз раненые яприли крушат всё, до чего могут дотянуться. Но не целенаправленно отмахивают пару миль по направлению к лагерю охотников.

— Они... направляли их, да?

Наверное, он ступает за её спиной, след в след — точно так же, как идёт вслед за её мыслями.

— Направляли, как... вы тогда, с йоссами. Только вы приказали зверям уснуть, а они...

— Да.

Гриз старается считать следы. Старается — не обернуться, чтобы увидеть, какое у него лицо.

— Вы сказали мне как-то, что варгов крови считают в общинах изгоями. Что рано или поздно они переступают грань и становятся Хищными Пастырями. Значит, кто-то из них мог... к примеру, решить, что зверинцы — зло. Приходить, разбрызгивать кровь, пробуждать бешенство в зверях... Всего один варг — ведь его было бы достаточно, чтобы учинить все

эти бесчинства в зверинцах, да?

Гриз кивает, замороженная чистотой, белизной бесконечного свитка тропы, который разворачивается под ногами. Можно написать сколько угодно красивых догадок. Замечательных догадок про одного сумасшедшего варга крови. Который с чего-то решил нападать на зверинцы. Или — ещё лучше — не менее замечательных догадок о прогрессистах, которые всё это подстроили. Взяли кровь варга, перебаламутили несколько питомников — а потом последовал бы Энкер, молодой Мастер под маской явил бы чудо на всю Кайетту — и варги бы стали изгоями, а на зверей открыли бы охоту... В эту версию даже отлично вписывался артефакт Петейра — того самого Мастера. Ведь в основе артефакта лежала именно кровь варга, и Мастер как-то достал её.

Дивные версии. Гриз стирает их. Разрывает снежный свиток тяжёлыми ударами сапог.

— ...но сегодня мы увидели иное. Вы же говорили — контроль на... «легких путях» сложен. Значит, та женщина, следы которой вы с Норном видели, действовала не одна. Как вы полагаете, сколько их было?

— Сложно посчитать. Для этого надо было бы обыскать весь лес вокруг Охотничьей Плещи. Найти все места, откуда они... Норн поищет, он обещал. В любом случае — зависит от мастерства. Удержать дюжину зверей достаточно сложно. Два десятка... опасно, сознание может уйти.

Откуда-то она знает, что Рыцарь Морковка сейчас морщит веснушчатый нос. Так, будто наткнулся на сложную главу в книжке.

— Значит, если учитывать, что они не превосходят вас по мастерству — действовало пять или семь варгов-на-крови?

— Могло быть и больше — они направляли зверей долго, на большом расстоянии. Отдавали приказы...

Гриз потирает шрам на ладони, и пытается объяснить, что это неправильно, невозможно, что на «лёгких путях» — свои опасности, и вот так держать зверей полчаса на контроле крови — это за пределом всего, что она себе вообще себе представляла, потому что там — ты каждую секунду ступаешь по грани, и секунда тянется — годы, а в ушах отдаётся твой собственный крик, и нити, нити, навевающие безумие нити... неужели те — не слышат их зов?!

— Отдельные отшельники-варги пытались приспособиться к «легким путям». Иногда даже сами отказывались от сочувствия к животным и полностью практиковали Дар на крови. Но я не слышала, чтобы они достигали такого уровня. Потому я надеюсь, Янист... я очень надеюсь, что их было десять. Хотя бы семь. Потому что если пять или меньше... тогда мы столкнулись с силой, природа которой мне непонятна.

— Как у того Пастыря? Дитя Энкера?

— Наверное, да. Дар Варга — но в то же время нечто иное. Способности за пределами Просто в одном случае — на крови, а в другом просто так.

— Но он действительно мог это сделать? Мог остановить их всех, обратить в бегство? Звери ведь были уже под контролем, на крови. Получается, что он просто...

— Просто освободил их сознания.

— И исчез в пламени, — подхватывает Олкест. — Знаете, я читал — в прежние времена... до Пламенного Мора и Прихода Вод — это считалось знаком особой праведности. Нечто вроде благословения высших сил — и в легендах даже утверждается, что в Аканторе до сих пор существует испытание для Кормчей: названная претендентка

должна пройти сквозь огонь — и только тогда... Впрочем, это, конечно, не находит подтверждения.

Тропа становится шире, и теперь он идёт с Гриз бок о бок. И от того, что они почти сталкиваются плечами, она чувствует себя странно неловкой — но живой, и тёплой, а от его голоса растворяется тряская, жадная, алая паутина перед глазами. Становится легче дышать и думать.

Янист Олкест потчует её легендами — почтенными, обомшелыми, пахнувшими пылью. Но клубы воздуха, которые рвутся у него изо рта, похожи на маленькие вопросительные знаки.

— Попытаюсь узнать, откуда они, — отвечает Гриз на незаданный вопрос. — В Кайетте сейчас триста сорок три... хм, триста сорок четыре варга. Большинство в общинах, но есть ковчезники, «сеятели» и отшельники. С последними мне не связаться, так что попытаю удачи в других группах. Десяток варгов на «лёгких путях», кто-то же должен знать.

Вопросов вокруг Яниста становится больше.

— Ну конечно, я пыталась. Только вот у меня с немногими из собратьев сложились доверительные отношения, — Гриз поворачивает ладонь с рубцами. — В общинах недолюбливают варгов крови. Но я пыталась, а результаты...

Здесь нужно говорить долго. Рассказывать о дежурных вечерах наедине с Водной Чашей — когда сидишь, обняв за шею Морвила, и глядишь в огонь, и ловишь бирюзовые блики, блики, блики — но вода в чаше спокойна, в ней не появляется ничьё лицо. Нет ответа, или ответы уклончивые и невнятные: слышали, знаем, отношения не имеем, а ты зачем спрашиваешь?! Может, она была недостаточно настойчива. Может, ей следовало не пытаться связаться с общинами или другими ковчезниками, а попросту вышибить им дверь с ноги. Ворваться в стиле Мел, махнуть кнутом и заорать: «А заткнуться, вы хоть понимаете, что творится?!»

Она сама не понимает — что творится, но может — нужно бы уже наконец сделать это.

— Вы навестите свою общину?

В голосе Олкеста — живое сочувствие. Он ведь был там, — вспоминает Гриз. Говорил с ними... с ним.

— Рано или поздно придётся. Не сейчас, но если не удастся узнать ничего... или наоборот — удастся... Перекопаю всё, что знаю, к весне соберусь, думаю. Пока попробую через мать. Мы с ней видимся временами, связываемся через «сквозники». Но она мало знает о делах варжеских — живёт на отшибе, возится с малышкой. Вряд ли отец будет её слушать... но с ним больше шансов, чем со мной.

— Если я могу чем-нибудь помочь... поехать с вами...

— Спасибо. Я съезжу сама. Семейный визит, — она усмехается. Наверное, слишком устало.

Олкест делает такое движение, будто хочет взять её за руку.

Впрочем, это ей, конечно, просто кажется.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Строкам в дневнике тесно. Толкаются, как скупые покупательницы на рынке. Пытаются выхватить новость поважнее, побольше: Зимняя Травля, бешенство в лагере, женщина-варг крови. Пастырь и феникс. Сотня погибших.

В строках нет места Янисту Олкесту с его заступничеством или рассказами о древних легендах. Или веснушками.

Гриз сажает на страницу кляксу. Вздыхает, двумя мазками превращая её в тёмный зёв то ли пещеры, то ли подвала. Смотрит на пальцы — огрубевшие, покрытые рубцами и ожогами, Аманда сочувственно цокает языком и предлагает «отличную мазь для бархатных ручек, ай, девять поколений моих бабушек пользовались!» Может, стоит взять?

«Месяцы безумия» нынче пришли что-то рано. Может, просто слишком много весны в воздухе. Вот все и сходят с ума по-своему: Сквор внизу, изнывает от страстных воплей, варги крови натравливают животных на охотников, Пастырь с фениксом охотников спасает... Весна стучится в виски, и нужно оттолкнуть её крылья, сосредоточиться и подобрать слова. Идти дальше по своей памяти, как по узкой крепостной улочке.

От алой паутины на белом снегу — к бессмысленным глазам и воплю: «Освободи!»

* * *

«Надо попасть к Водной Чаше, — твердит себе Гриз. — Предупредить остальных варгов о Зимней Травле. Связаться с общиной. Надо...»

Дела её не слушают. Выпрыгивают неизвестно откуда, будто озорные щенки. Вцепляются в рукава, в штанины, тащат — мне! Нет, мне!! И носятся вокруг, ошалелые.

Успокоить единорогов, которые решили обидеться на Вулкана. Нет, сперва поговорить с той мамашей — спрашивается, куда она смотрела, пока её отпрыск хватал койну за хвост?! Потом ещё посетители, и нужно поговорить с Лайлом — хватит ему торчать на попойках у Лортена. Мел и Йолла не справляются с перевязками. Ещё выяснить, отчего стимфа теряет перья...

Гриз засучивает рукава — и набрасывается на дела с ожесточением. Распихивает кое-как, перед вечерним кормлением выskalзывает из их цепких лапок и спешит в свою комнату. Озираясь по пути: вдруг опять налетят?

Хаата возникает на пути внезапно. Поднимается из тени корявой яблони — лица не видно из-за грубого шерстяного капюшона.

— Что с твоим племенем, сестра?

Гриз останавливается и выдыхает обречённо. Это из тех дел, которые нельзя упустить — хотя бы потому, что Хаата наконец-то перестала ускользать и молчать.

— Я не знаю, Хаата. Правда, не знаю. Кто-то использует Дар на крови. Несколько варгов, которые действуют заодно против людей. Сегодня вот больше сотни погибло.

— Дурные знаки прочтёшь по снегу, — бормочет даарду, раскачиваясь. — Пока травы ещё не проросли. По шёпоту, когда крик ещё не раздался. Среди ваших тоже есть те, кто слышит. Читает знаки. Чует, что идёт.

Снова хочет стать тенью: шагает назад, приникает к коре, вот-вот — и ускользнёт за зимним ветром. Гриз Арделл подаётся следом. Прихватывает даарду за рукав:

— Пстой. Теперь спрошу я. Раз уж ты не хочешь мне пояснить — какие знаки ты видишь или куда уходишь — я задам другой вопрос. Только один вопрос. Хаата, — она переходит на язык терраантов: — Что с твоим племенем?

Даарду передёргивается, как от сильного озноба, обхватывает хрупкие предплечья — и теперь вздрагивает и шипит уже от боли. Понимание окатывает Гриз волной холодного воздуха.

Она подходит к даарду вплотную и осторожно заставляет её оголить руки.

По землистого цвета коже бугрятся синеватые рубцы. Распухшие и безобразные шрамы. Ало-коричневые ожоги. Недавние.

— Хаата... зачем? — Гриз делает движение в сторону «Ковчежца»: позвать Аманду, крикнуть, чтобы взяла кофр, тут работы не на один вечер. Но даарду вцепляется в неё пальцами-прутиками. Приближает лицо и шепчет, обдавая запахом умирающих листьев:

— Затем, чтобы быть дурным сосудом, сестра. Корни уснули до весны. Но птицы ещё говорят. Добрым сосудам нынче плохо, говорят они. Они всё больше полны до краёв. И они всё больше слышат...

— Полны до краёв чем? — Хаата издаёт высокое, осторожное шипение, и Гриз просит мягко: — Взгляни на меня. Ты говорила — мне откликаются все... так отзовись мне. Я не хочу препятствовать тебе — я только хочу разобраться и помочь.

Из-под капюшона слышен частый стук зубов. Пальцы Хааты — крепкие корешки — впиваются в руки Гриз. Врастают.

— Идём, — выдыхает даарду. — Идём, сестра. Помочь не сможешь. Но увидишь.

Они не берут «поплавок». Идут через вир, даарду перевивает их пальцы перед шагом, обозначает: «Альшента, речной порт, идём туда, сестра» — и Гриз вцепляется в эти слова, не успев ничего осознать.

Осознаёт, когда они поднимаются по скользким каменным ступеням, кивают сонноглазому дежурному в здании портала.

Альшента — это северо-запад Вейгорда, где-то на границе с Вольной Тильвией. Возле города — крупный речной порт, стоящий на Морвиле — самой крупной реке Кайетты.

В подступающих сумерках порт вырастает впереди — запах смолы и рыбы, покрякивание грузчиков, нагромождение складов, «деловых домов», яркие огни кабаков. Но Хаата тянет за рукав в сторону от порта, на неприметную тропу, а потом в холмы — на такой местности удобно скрывать контрабандные базы...

Здание похоже как раз на такую базу — или на одиноко стоящий склад. У хозяина помятая физиономия бывшего пирата и протез руки. По Хаате скользит равнодушным взглядом, Гриз окидывает цепкими прищуренными глазками. Жестом показывает — входите — и шаркает куда-то вглубь помещения.

По тому, как ловко даарду пробирается между старыми ящиками вдоль стен, становится ясно, что она бывает здесь часто.

Это и впрямь бывшая база контрабанды — а может, она использовалась для работорговли, потому что Хаата отыскивает тайный люк, ведущий в подвал. Они спускаются по ступенькам в полутьму, и в этой полутьме есть живое. Что-то дышащее, подвывающее. Пахнущее кровью и умирающими листьями.

— Хаата...

Светильники из ракушек флектуса вливают в подвал тоненькие ручейки призрачного голубоватого света. Можно рассмотреть прочную, частую решётку, которой немаленький подвал перегорожен надвое. За решёткой — вороха соломы и скорченные тела.

Изломанные позы — как после агонии. Лица повернуты в сторону решётки, глаза открыты, но бессмысленны, тусклы и неподвижны. Двигаются лишь руки — тонкие землистые пальцы изранены и с обломанными ногтями. Пальцы разрывают солому, скребут надёжную, каменную кладку пола — безостановочно, словно пытаются непременно докопаться до земли, вцепиться в неё, прорасти, а потом...

Что потом?

Их восемь, и они из разных общин даарду — видно по отличиям в одежде. Трое мужчин, пять женщин. Разный возраст — тому пареньку лет четырнадцать, а женщина у самой решётки — глубокая старуха...

— Что это, Хаата?

— Добрые сосуды, — отвечает даарду. Она стоит рядом — и в птичьем голосе боль. — Полные сосуды... Гляди.

Глаза старухи останавливаются на лице Гриз. Всё с тем же бессмысленным выражением на лице даарду медленно поднимается на ноги, склоняет голову — едва ли не до хруста шеи, и не своим, грубым голосом говорит на общекайетском:

— Освободи.

Рядом с ней встаёт истощённый молодой мужчина — лицо с синяками и царапинами. Приникает к решётке и ползёт по ней вверх, словно плющ, и тоже просит — всё тем же хриплым, грубым голосом, будто в горле застряло что-то распухшее:

— Освободи.

— Освободи... — шепчет юный паренёк, уставясь через решётку.

— Освободи, — царапает стену хрупкая женщина лет сорока. Они теперь поднимаются разом — или их поднимает невидимая рука, потому что в глазах — всё та же пустота, бездумная, перемешанная с немым, задавленным страданием.

— Освободи, — голоса перемешиваются, сливаются в единый, утробный гул, и Гриз невольно делает шаг назад — ей кажется, это гул моря, и сейчас налетит волна...

Восемь тел разом ударяются о решётку, протягивают через прутья руки — и исторгают из себя единый, пронзительный вопль:

— Освободи! Освободи! Освободи!!

Скрюченные пальцы царапают воздух, изломанные ногти, искажённые лица — и пена на губах: даарду бьются и кричат невыносимым, высоким криком, и Гриз видит, что их руки искалечены точно так же, как у Хааты.

Хаата смотрит на собратьев с упрямым, злым выражением на лице. В голубоватом сумраке глаза её горят зелёным. Когда Гриз невольно подаётся навстречу к протянутым рукам, израненным пальцам — Хаата отталкивает её назад. Прикрывает лицо рукавом и швыряет сквозь прутья решётки маленькую хрупкую ампулу, которая взвивается бирюзовой дымкой.

«Бирюзовый сон» — одна из ампул с патрулирования.

Вслед за Хаатой Гриз отходит назад, вытаскивает и натягивает антидотную маску. И ждёт действия зелья — ждать приходится почти две минуты, хотя средний апрель обычно засыпает мгновенно.

«Осво-бо-ди...» — словно шторм стихает по ту сторону решётки, и удары волн о берег

становятся всё реже. — «Ос...во... бо...»

Тела корчатся на соломе — и на той грани, когда уже близок сон, даарду как будто начинают приходить в себя: кто-то рассматривает руки, мальчик всхлипывает...

Потом — тишина. Сонный присвист восьми терраантов в подвале. Тусклый перламутр флектусов. И лицо Хааты — такое же мертвенное, как и у её сородичей.

Но Гриз кажется — есть что-то ещё. Что-то, увиденное или почувствованное не так уж и давно. Слабый запах плесени, а может, паутины — в каменных стенах подвала. Тонкая-тонкая серебристая плёнка — глаза терраантов словно затянуты паутиной, пока они кричат и бьются — рассмотреть сложно, но если прикрыть глаза, вспомнить, всмотреться мысленно...

— Добрые сосуды, — повторяет Гриз. Подходит, касается узловатых пальцев старой даарду. — Полные сосуды...

Сколько уже к ним не обращались из общин даарду? С лета, не меньше. Раньше звали постоянно — помочь животным при общинах. Полечить тех, кто пострадал от охотников или морозов. Да и эти заметки в газетах — она не читает газеты, нет времени, но посетительницы судачат, да и Лортен, бывает, забегает с пересказами новостей.

— Ходят слухи, что даарду нападают на людей.

Слухи ходят всегда, а подобного рода заметки всегда с радостью печатают, так что какой смысл вслушиваться, верно?

— Не слухи, сестра.

Гриз тихонько втирает заживляющее в пальцы старой даарду. Поглядывает на Хаату снизу вверх:

— Когда это началось?

— Знаки... были давно, — в горле будто плотина, перекрывающая реку слов. — Были... годы назад. С теми, кто был слишком хорошими сосудами... я видела всякое.

Они обе не упоминают о том, что вмещают эти сосуды. Гриз достаточно знакома с верованиями терраантов — и с ритуалом Посвящения, когда ребёнок связывается с Роем. Обязательная маленькая травма — порез, любое увечье — чтобы он не стал «сосудом, который полон»...

Гриз знает того, кто в секунду может заполнить собой любого из Роя. Кто прячется за серебристыми бельмами в глазах, как за завесой паутины, пахнет плесенью и тленом. Она слышала крик «Освободи» — из уст Хааты, когда попросила её воззвать в поместье Моргойлов, чтобы избавить мальчика от проклятия. От клейма Врага Живого.

«Люди Камня ей не дети. Пришлые. Чуждые. Приняла их, как мать — подкидышей. Как белая сова — птенцов скрогга. И они рвут её тело, и она кричит. Она кричит громче и громче, и её крик в водах, и в лесах, и в крови. Ты слышишь её крик, Пастырь? Голос Ардаанна-Матэс из глубин.»

Огромная, безразмерная тварь — за нитями кокона из тысяч нитей, и каждая нить вросла под кожу одному из Роя, каждая нить заходится пронзительным воплем:

— *Освободи! Освободи! Освободи!»*

— Годы назад... такое было? Он заставлял терраантов нападать на людей?

Хаата оглядывается по сторонам, будто стены могут подслушать.

— Видела... разное у добрых корней. Сосуды заполнялись. Мало их воли. Много чужой. Иной.

Всесущий — жрец Ардаанна-Матэс, общий корень для Роя, связанный с ним... чем?

Древней пуповиной, какая раньше была у всех терраантов? Древним кровным обрядом, создавшим Рой? Эту тайну если и знают кто-то — то высшие жрецы даарду. Но если Всесущий может слышать, видеть и говорить через любого из Роя — может ли он обратить любого из Роя в марионетку?

Выходит, что может. Если они...

— Это всё жрецы, верно? Или те, кого готовили в жрецы. Ваши *сиэршьэ*, — старательно выговаривает полузабытое слово — «пуповинник», нечто вроде наставника или мудреца. — Те, у кого, как считают, крепкая связь с землёй... И раньше это тоже было с теми, кто умел *слышать* лучше других, так? Он заполнял их... кого-то под старость, кого-то просто так... И потом — что он заставлял их делать, Хаата?

В глазах у Хааты — бесконечное озеро усталости. Она открывает дверь камеры, чтобы Гриз могла обработать остальным израненные пальцы. Но сама не помогает — кутается в тени, шепчет из них:

— Не всё знаю, сестра. Они уходили туда, где Рой не слышал. В общинах не ищут таких — говорят, что *он*... призвал их. Для Неё. Чтобы Ардаанна-Матэс жила. Вечно петь в Её святилищах.

— Но ты в это не веришь.

— Есть другие, как я. Дурные корни. Много своей воли, мало другой. Искали пропавших. Находили разное. Убитые охотниками. Замёрзшие во льдах. Умершие в подземных храмах.

Может, это было, когда я жила в их общине, — думает Гриз. Я жила в общине, лечила зверей, осваивала их язык, и дети даарду учили меня плести одежды из крапивного волокна. А женщины притаскивали соты, полные дикого мёда, и щебетали о травах... И дни казались мирными и чистыми — заживали шрамы на ладони и в душе. А где-то в это время уже шли они — марионетки Сиа-а-Тью, Тысячеглазого... Отравленные то ли его безумием, то ли приказом — освободить... что?

И где-то были те, кто отмечен знаком Роя — но не хочет впускать в себя верховного жреца, подчиняться его воле, становиться марионеткой...

— Ты поэтому ушла из общины.

— Дурные корни, неполные сосуды. Плохо живём в общинах, среди добрых корней. Они гонят. Или идём сами. Живём одни. Уходим к бэраард. Маги Камня шумные, вонючие. Но в них... своя воля.

— Почему ты не сказала мне?

На это ответа нет долго: Хаата копошится у затенённой стены, притаскивает фляжку, начинает поить собратьев. Мёд и яблочный сок, понимает Гриз, потянув носом. Она не подходит, чтобы помочь: Хаата не хочет этого, и это разлито в воздухе.

— Ты Пастырь, — наконец цедит даарду. Так, словно это оскорбление. — Спасаясь жизни. Тебе... нельзя.

Варг не должен убивать, — бьётся в виски первый закон, и выход, который нашли даарду-отступники — леденит, но страшнее леденит голос Хааты:

— Молчи, сестра. Ты клялась *ему*... дала большую клятву. Своей кровью. Слушай ещё. Они не знают, что ищут, — она кивает на бессильно лежащих сородичей. — Что *он* слышит. Куда ведёт их. Что хочет освободить. Спасти.

Спасти... заполняя собой своих же сородичей, заставляя их скитаться, искать неизвестно что, нападать на магов, биться в безумии. Что можно спасти — такой ценой,

ценой своего народа?

«Всех», — говорит внутри неё древний, плесневый голос — словно она случайно заразилась от остальных. Хаата будто чувствует это — потому что выныривает из теней, наклоняется вплотную и шепчет:

— Может, *он* хочет спасти... Её. Слышит знаки. Видит дальше, понимает, что будет. Я только дурной корень. Не вижу. Не знаю. Но так... — она задыхается и мотает головой. — Так не должно быть. Ты спасаешь живое, дала клятву, ты Пастырь... береги живых. Не ходи за мной, сестра.

Взгляд у Хааты говорит куда больше, чем слова: там открытое предупреждение. Не соваться, не лезть, потому что Всесущий могущественен — и страх, что вмешательство Гриз может невольно всё испортить, выдать её верховному жрецу, выдать остальных...

— Но почему они ведут себя так? — Гриз заканчивает с зельями, Хаата — со своей фляжкой, они выходят из-за решётки, и даарду закрывает засов. — Это больше похоже на безумие или болезнь.

— Коснулись чужой силы. Чужой воли и чужой боли. Слишком близко от солнца можно сгореть. Полные сосуды часто трескаются. Здесь камень — нет земли, плохие корни. Тут им легче.

Гриз представляет, что в таком случае значит «тяжелее» — и в спину ей будто дует холодным воздухом.

— Но как же они тут...

— Завтра их отсюда увезут. По воде.

Они уходят из подвала, заполненного перламутровыми и голубыми отблесками — и спящими терраантами — марионетками чужой силы. Хаата всё говорит на своём языке, очень быстро, поскрипывает и посвистывает под нос: увезут на корабле, за Вейгорд, за Тильвию — в мёртвое место, там корни не слышат, травы не говорят...

— В Алчнодол? — Хаата по привычке сплёвывает сквозь зубы, потом кивает, добавляет:

— Там Она мёртвая. Там... *он* не достанет.

Оека слов обмелела, но за неровной плотиной ещё полно горькой воды. Боли о жертве, на которую обречены собратья — если Алчнодол у Магов Камня постепенно забирает магию, то ведь и терраанты там будут навеки отрезаны от своих способностей: не прочитают звонкую переключку птиц, не ощутят счастье весеннего леса, — отсечены от Пуповины, от Ардаанна-Матэс навеки.

— Но как же они там будут...

— Плакать, — падает в ответ, тяжкое.

Если даже Хаата до сих пор чувствует себя неудобно в каменных зданиях, если ей нужна живая природа рядом, то остальным, таким же как она...

Гриз усилием воли словно поворачивает рычаг подвесного моста внутри себя.

— Там их встретят? Или... как они будут жить?

И вообще, на какие всё это средства, — интересуется внутри кто-то подозрительно похожий на Гроски. Нужно ведь оплатить это помещение. Договориться с этим подозрительным сторожем. Нанять корабль, проводников, потом ещё как-то обустроиться в Алчной Долине...

— Ты мне давала много, сестра. Долго давала ваши деньги.

Гриз словно подсекают под колени — она удерживает равновесие и останавливается

посреди тропы. И таращится на смущённую Хаату. Не в силах поверить, что не поинтересовалась раньше — как она вообще распоряжается заработками.

Сколько я ещё ухитрилась пропустить у себя под носом?

— Твой Олкест, — Гриз вторично пытается поймать равновесие, — говорил, там община. Не *бэраард*... пустые, много пустых. Научил, кого спросить, кому сказать. Говорил — там хорошие люди, помогут.

И наверняка ведь они ещё раньше Перекрёстков обговаривали — Хаата начала пропадать где-то в конце года. И Янист не обмолвился ни единым словом — это же не его тайна. Да и едва ли Хаата с ним откровенничала — спросила, да и всё.

Гриз стоит, пытаясь унять головокружение. От бесконечного дня и внезапного понимания.

— Это не первые, кого ты отправляешь.

Хаата отворачивает лицо — чтобы не дать Гризу увидеть что-то лишнее.

— Знаю тебя, сестра. Говорю: не ходи, не помогай. Зелья, деньги, община — всё есть... будет. Не надо, не помогай. Не затем тебя сюда звала.

Гриз кажется, что она видит — стыд. В склонённой голове Хааты, в приглушённом голосе, в пальцах, терзающих грубую накидку.

— Хотела, чтобы ты увидела. Чтобы поняла.

Больше Хаата не говорит ничего — прерывисто выдыхает и растворяется в тенях деревьев.

* * *

К оконному стеклу липнет раннее тепло: на юге зимы коротки. Дикт прогнал суровые ветры на восток, и стекло покрывается серо-серебристой тонкой взвесью. Похожей на ту, что в глазах безумных даарду.

Водная Чаша бросает на стол голубоватые отблески. Гриз прикрывает светильник из желчи мантикоры, и отблески заполняют комнату — как те, в подвале.

Вот-вот в оконное стекло ударятся ладони: «Освободи! Освободи!!»

Узников, которые теперь стали жильцами в её крепости. Крепость разрослась за годы. Превратилась в город, наводнённый жильцами: терраанты и нойя, охотник Норн, его жена и маленький сын, Истинный варг с фениксом и другие варги...

Так много всех и всего. Иногда кажется, крыши царапают рёбра.

Страницы древника кажутся зеленоватыми из-за отсветов Чаши. Гриз тихо поглаживает шершавую бумагу, по которой змеятся строки и имена.

Йенна из Тильвии — не отвечает. Ковчезники Даматы — не пожелали говорить. Эммент, отшельник из Ракканта — не отвечает. Дана из ковчезников Ирмелея — ушла из группы, и в группе не знают — куда... Община в землях Акантора — отказались разговаривать сразу.

До всех не дотянуться, всех не охватить одним вечером. И одной Чашей. Имена варгов и общин сплетаются на зеленоватой бумаге. Образуют узлы.

Всё связано.

Безумие зверей в питомнике. Проклятие Врага Живого. Юный Мастер, уверенный, что место природы — у ног человека. Пастырь с фениксом в Энкере...

«Теперь я понимаю, как чувствует себя маг без Дара Варга, впервые зашедший в

клетку, где полно разных бестий. Ты знаешь, что они все как-то связаны между собой — но чего они хотят и что от них можно ожидать...

Слишком много вопросов. Слишком призрачны знаки.

У варгов говорят, что когда бестия выходит на пик магических сил — она «полна» или «заполнена»... Как алапарды в момент кровной мести в Энкере. Или яприли и мантикоры, разрушающие стены, сносящие деревья.

Всегда думала, что это просто выражение, теперь же, после того, как увидела «полные сосуды» — тех несчастных в подвале...

С детства я слышала о том, что всё в этом мире связано — просто у варгов и бестий чуть более тесная связь. И всё, что я успела увидеть после своего обучения — только подтверждало это. Я не верю в совпадения и не верю, что эти силы пришли в движение сами по себе, без веской причины.

Варги-на-крови убивают охотников.

Истинный с фениксом пытается спасти жизни.

Прогрессисты утверждают, что идёт война, и хотят уничтожить варгов.

Всесущий сводит с ума свой же народ.

Хотят ли они разного — или на самом деле хотят одного... должна была быть причина. Событие, слово, дело, человек — кто-то или что-то, что начало это.

Терраанты говорят: корни всегда уходят под землю. Как глубоко могут увести эти корни?»

Гриз ставит вопросительный знак и ждёт, пока высохнут чернила. Пальцы ломают: слишком долго писала, уже глубокая ночь. Но всё равно кажется — сказано мало.

За окном начинает шуршать целительный, предвесенний дождь. Гриз поднимается и подходит к окну, приоткрывает — и ей слышится за пеленой дождя — знакомый смех.

Старушечий, ободряющий.

Земля давно взяла старую наставницу, и теперь она соединилась с Вечной Жизнью — может быть, дождь теперь взял её смех.

«Мы все строим своё, — звучит в чуть скрипучем смехе. — Дворцы и норы. Гнёзда и корабли. Но потом налетает вихрь — ломает стены и уносит наши здания. Что ты будешь делать, если придёт вихрь, девочка?»

Быть крепостью, — отвечает Гриз. — Держать мои стены. Защищать тех, кто там, внутри. Вряд ли я смогу спасти многих. Но ты сама говорила — я плохо умею останавливаться.

Что же тебе нужно, моя маленькая крепость? — ласково спрашивает смех дождя. — Что укрепит твои стены? Сделает сильнее — башни? Нерушимыми — ворота?

Гриз растирает брызги по лицу — умывается лаской холодного дождя. И прикрывает глаза, нащупывая внутри себя ответ, который на самом деле найден уже давно, просто хранился в кладовых до нужного момента...

До ночи, наполненной тихим смехом пробуждённой земли. Переломной ночи, полной строк, решений — и бесшумных шагов. Незаметных: половицы в стоворе с непрошенным лазутчиком в крепости, которая обречена выстоять.

Шаги приближаются вместе с горячим, насмешливым шёпотом:

— Не знал, что ты любишь сквозняки, аталия.

Так говорят воры. Или сны.

Сны серебрятся вокруг меня. Переливаются в темноте коридора, по которому я крадусь. Мерцают, клубятся, тянутся к моей ладони. За окном — дождливая, скверная ночь, в такие ночи хорошо спится, и я иду по дорожке, полной суетливых теней, а чужие сны летают вокруг, просачиваются из-за дверей в коридор, уплывают в стены и растворяются в воздухе.

Это так прекрасно, что здесь только я и они.

Днём всё слишком громкое и яркое: Аманда с травами и котлами, Мел со своими ножами, и этот Олкест, а ещё Лайл (Лайл, правда, добрый, просто болтает, он мне почти что нравится). И ещё есть вольерные, и Йолла — всегда громко топает и кричит, и эта... ну, Арделл. Все они лезут и не смолкают, пыжятся, будто мир спасают или что-то вроде этого, и их тени постоянно мечутся, прыгают, тоже как будто кричат.

Хочется надеть на себя футляр, уйти в тени совсем, залезть в угол и не смотреть. Но здесь очень трудно побыть в одиночестве: во дворе достаёт Фреза, или пьяная мамочка Йоллы. Потому днём я заслоняюсь тенями и волосами, я — серая мышка, та самая Уна — незаметная ученица травницы, потому что ей, бедняжке, не повезло с Даром...

Мама так считала. У неё было пять нормальных детей — шумных, как щенки, визгливых, как поросята. И я. «Моль какая-то, куда её», — жаловалась она соседкам, а когда я получила Дар — стало совсем плохо, потому что кто меня возьмёт такую замуж, моль-Сноходца, и кто меня будет учить, и за какие деньги.

Она всем говорила, какая я никчёмная: соседкам, и молочнику, и жрецам в храмах. И Аманде — когда тринадцать лун назад мать решила устроить «семейный выезд в зверинец при питомнике». Аманда просто попала на пути — шла куда-то с кофром. И это она сказала маме, что у меня — редкий «Дар Перекрестницы», ни у кого такого нет, и я смогу хорошо разбираться в травах и зельях (она ещё прибавила это своё красочное, как у всех нойя — «травы ведь тоже спят» или что-то такое). Мать ещё три дня думала и узнавала, а потом решила, что с меня будет хоть какой-то толк, если стану травницей. И отдала в обучение к нойя. Просто вытряхнула, как вредное насекомое из дорогой шубки. Отец не возражал, и они с братьями и сёстрами даже не написали мне ни разу.

Иногда я хочу написать им сама. Рассказать обо всём. Что Аманда учит меня пользоваться Даром — вслушиваться в сны и взывать к теням, как она сама взывает к травам. И что иногда я придумываю зелья — они приходят, будто сны, разные рецепты ткуются из теней трав, это страшно и интересно. Только когда я пытаюсь их составить — часто что-нибудь идёт не так. Аманда говорит — я чутьё не слушаю, и слишком боюсь. Боюсь и стесняюсь, и от чужих взглядов у меня всё падает из рук — я — неловкая, неразговорчивая тень этого дома...

Но это днём. Ночью моль превращается в волшебную бабочку, будто в сказке. Моя комната самая дальняя по коридору, и я дожидаюсь глубокой темноты, чтобы превратиться. Отращиваю радужные крылья из снов и шагаю в коридор. Плыву тихо и медленно, а тени радуются мне и приглашают в прогулку. И сны играют в воздухе, переливаются, обвиваются друг вокруг друга, и если кто-нибудь увидит меня в коридоре — то, конечно, решит, что я тоже тень, а может, сон.

Тень, который ходит по вашим теням, и сон, повелевающий вашими снами. Это как в самой сказке о могущественной чародейке Инилии, которая могла являться людям во снах. Я

пока что не могу изменять сны или навевать их (Аманда говорит, смогу со временем). Но мне хватает и этого. Видеть и знать их тайны, их изнанку, касаться их ладонью — и окунаться в память, в мечты, в их чувства. А потом улыбаться их жалостливым взглядам днём — только когда они не видят, конечно.

Рядом с моей комнатой — комната Аманды, и возле неё полно снов — душистых, сладких, тягучих и томных. Аманда сама настаивает, чтобы я чаще практиковалась: «Смотри в мои сны, сладенькая, главное — никому не рассказывай, что ты там видишь, а то, пожалуй, мне придётся всех поить настоем беспамятников!» Сквозь её сны прорастают и шепчут травы, там много костров, песен и плясок возле них, а ещё губ, прикосновений, сплетения нагих тел, и от этого иногда становится стыдно и сладко внутри. Её сны будто бы голые, они совсем бесстыдные, и там можно встретить тех, с кем она была, или тех, кого хочет, и на её сны часто хочется набросить покрывало — слишком открытые, яркие...

Но я не поэтому редко касаюсь её снов. Боюсь. Не снов, а её саму — наставницу и благодетельницу, выпечка-вязание-травы, улыбки и песни... Потому что она только кажется добренькой и сладенькой, и даже сны её лгут, а на самом деле... на самом деле она похожа на другие свои сны, которые приходят под утро. Там ей на руки брызжет кровь, и хрипит, умирая, кто-то от яда, какой-то человек стоит на коленях и умоляет её простить. Она вся — ложь, даже её обычные сны, и её красота — тоже сплошное притворство. Просто никто не видит, что на самом деле за её фигурой, и волосами, воркованием, яркими шальями — яд.

Однажды за варкой зелий она рассказывала легенду своего племени — лейра Пёстрой Ленты. Будто бы упала лента-змея из волос Перекрестницы и услышала песню красивого юноши, поползла к костру и захотела стать прекрасной девушкой — и это были основатели лейра. Тогда я поняла, на кого она похожа. На эту девушку, которая внутри так и осталась змеей.

Мне противно брать из её рук печенье — кажется, что в нём чешуя. Но я всё-таки беру: нельзя, чтобы она догадалась.

Чуть-чуть дальше и напротив по коридору — комната, где живут Гроски и Олкест. Сны Гроски тянет к полу — они налиты темнотой и серой водой. Раньше они были интересными: города, воздушные корабли, таверны и драки, рыжеволосая женщина, маленькая смешная девочка, тренировки в учебке законников. Ещё были кошмары, их смотреть было интереснее всего: Рифы, корабль с горящими парусами, крики и треск досок — всё как в страшном романе.

Теперь совсем не так интересно, но я всё-таки призываю сон к себе на ладонь: может, повезёт? Нет, опять: темные тоннели, и по ним идёшь-идёшь, будто ищешь кого-то, а следом что-то длинное волочится, будто бы хвост. И тыкаешься в стены, а выхода не видно, а за стенами скребутся и топчут — там погоня. А Гроски всё идёт и теперь он кого-то тащит за собой, сжимает пальцы, тянет изо всех сил: «Давай, давай!» — а рука этого кого-то выскальзывает, и стены начинают сдвигаться...

Я уже решаю, что прогулка не удалась, но тут стены сжимаются, и Гроски соскальзывает в другой сон.

Речка недалеко от деревни. Деревня кажется размытой: Гроски просто знает, что она есть. Он сидит на берегу в закатанных брюках. Немного смешно видеть взрослого Гроски, который болтает ногами. Рыжий мальчишка пытается спускать кораблики на воду. Только вода — тёмная, жадная, будто живая: хватает корабли и переворачивает их, глотает. Мальчишка всё пытается, достаёт корабли из воздуха — только теперь они не из коры или

листьев, это настоящие резные кораблики, как на Корабельный День.

— Они всё время тонут, Лайли. Какого чёрта? — хмурится мальчишка.

— Это потому, что ты не прогнал с них крыс, — отвечает взрослый Гроски. — Просто крысы рано или поздно всегда топят корабли.

Рыжий мальчик начинает смеяться над этой шуткой, он хохочет как-то странно, булькает горлом, а серые воды начинают отъедать от него по кусочку: руки, ноги...

Смотреть на это невыносимо, до боли в сердце, поэтому я выхожу из сна. Мне немного жалко Гроски — он ведь безобидный, а с ним что-то такое страшное было в замке Шеу. В чём наверняка виновата... ну, эта со своим алапардом. А так Гроски славный — даже не смотрит на меня с жалостью и не смеётся надо мной. Хотя он пытается ухаживать за Амандой, а это глупо, потому что у него нет шансов, они совсем не ровня, и она же так любит всё красивое.

Сны Олкеста — бирюзовые, лёгкие, пахнут морем. Я их очень люблю смотреть, потому что они яркие, от них дух захватывает, как от последнего романа Пианы Ламорр. Они расшиты как гобелены: большой дворец, выезды на охоту, мелкая девочка скачет на единороге. Сны — стремительные, бурные: он представляет себя на турнире в виде рыцаря, или он сражается с разбойниками, или спасает какую-то деву от бестий, вроде мантикоры или драккайн. Или от пиратов. Девы раньше были тоже как будто из романов: в красивых платьях, белокурые или темноволосые, а лица расплывчатые. Но иногда у них появлялось лицо Мел. Такие сны было очень весело подглядывать, потому что спасти от чего-то Мел... ну, это так смешно. Особенно если от бестий. Она совсем на них помешана, и в её сны я никогда не заглядываю: во-первых, она спит отдельно, в своём флигеле с кучей тварей, а во-вторых, что интересного может быть её снах, как и в ней самой. Сплошные корма, раны, роды, паразиты и навоз.

Мел — самый неинтересный человек в питомнике, и как можно считать её своей наречённой — непонятно. Олкест просто наивный и не разбирается в людях, пусть себе и прочитал столько книг. Я с ним тоже не заговариваю, но опасаясь меньше всех остальных: он сам убил свою магию в Алчнодоле, решил, что Мел нужна какая-то там помощь... а теперь вот засматривается на *эту*.

Она теперь тоже часто в его снах. Будто и так не видно — что он с неё глаз не сводит. Наверное, ей этого было мало (ей всегда всё мало), поэтому она всё испортила в его сновидениях, влезла и отравила самые красивые, романтичные истории, и с каждым днём её больше и больше. Она в Энкере, рядом с алапардами, в серебристой ночи, и посреди зимнего леса на коней, и в каком-то переулке со своим кнутом. От этого хочется заплакать — почему они все такие идиоты и совсем не видят, что *эта* представляет из себя?

Сон встаёт мне навстречу, окутывает снежно-серебристой пылью — и опять не везёт, потому что *эта* уже там, успела раньше меня. Я знаю эту поляну, где она часто тренируется с алапардом и с Ним (будто не желает их различать). Эта... стоит со своим кнутом, но под её ногами — не трава, а снег, заляпанный кровью. И алапарда нет, а вокруг — сплошь фигуры в белом, нет, одна и та же фигура, и мне хочется подойти ближе, смотреть, коснуться...

А в воздухе висят и серебрятся дарты, и все наведены в Арделл. Олкест её пытается прикрыть своим телом. Дурацкий сон. Я выхожу в коридор, напоследок полюбовавшись на ту фигуру в белом, которая ближе. Так и знала, что Олкест ничего не понимает. Совсем ничего не понимает.

Сердито стряхиваю с ладоней остатки чужого сна и крадусь, затаив дыхание, к Той

Самой Двери. За которой — Он. Мой белый принц, заколдованный и зачарованный, из сказки о Снежной Деве, которая влюбилась в смертного и начала ходить к нему по ночам, дарить морозные поцелуи и холодить ими глаза и сердце.

Я это поняла в тот же день, как его увидела. В питомнике, пока мама говорила с Амандой о моём Даре — Он прошёл мимо, учтиво наклонил голову, и один этот взгляд стоил всей моей жизни, всей семьи, всей меня. И я сама просила мать отправить меня учиться на травницу — не потому, что хотела овладеть ремеслом, а потому, что в питомнике — Он.

У него прозрачно-голубой взгляд, и я знаю, почему это: просто там льдинки, как в сердце. Это всё из-за Снежной Девы, и теперь он, как в той сказке, ждёт нищенку, которая сумеет согреть его сердце поцелуями. Простую девушку, на которую он даже не взглянет (это всё лёд, лёд и чары) — но она полюбит его Истинной Любовью, и будет рядом с ним, отдавая себя всю, до остатка, ловя каждый его взгляд, каждый жест. И тогда однажды настанет время — и он пробудится.

Я сразу поняла, что это судьба. Пусть себе он на меня не смотрит — что я для него... Но нужно время. Терпение и время — они не понимают его, *эта* уж точно его не понимает, со всеми её нотациями из-за дрянных бешеных зверей. Но однажды он рассмотрит — что настоящее, а что нет, и он меня увидит, а я... что я, я готова для Него на всё.

Достаточно, что он просто здесь, в питомнике. Можно смотреть: он такой красивый, когда уходит на патрулирование, или совершает утренние пробежки, или проводит между клетками благотворительниц, или склоняется над блокнотом — какой у него профиль, скульпторы и художники плакали бы... Я знаю о нём всё-всё — что он отдаёт своё костюм прачке в городе, потому что в деревне не умеют стирать таллею, и что обедает он обычно в деревне, что не любит носить шляпу, потому что больше привык к капюшонам — каждый его жест, каждое движение, улыбка...

Только снов я его совсем не знаю. Рихард (его имя даже в мыслях прокатывается, как конфета) не впускает меня в сны — или не видит снов с чёткими образами, которые может прочитать мой Дар. Там темнота, темнота и тишина, иногда они бывают морозными — и всё. За всё время я уловила только один образ: узкий коридор и прочная, окованная железом дверь в конце, окно под потолком, взмах крыла бабочки через решётки... Это странно (может, его сны тоже скованы холодом Снежной Девы?) и немного обидно. Но мне хватает и просто стоять у двери, и представлять его с закрытыми глазами, погружаться в спокойную темноту мыслей — чувствовать его там...

Но сегодня я не слышу даже темноты, нет сонной пульсации на ладони. Может быть, Рихард не спит? Иногда он по ночам читает или занят своей коллекцией. Той, которая по стенам... или другой.

Я тороплюсь и слишком резко дышу сквозь зубы, когда свиваю из теней «поисковую» нить. Она тянется с болью через сердце, дважды обрывается, наконец уходит в правую ладонь. Я иду, отыскивая тень Рихарда, и нить тащит меня дальше по коридору, к лестнице... к двери *этой*.

Возле которой тоже нет снов, а я хочу, чтобы они были. Я часто вглядываюсь в её сны, бестолковые и несуразные, как она сама. В снах люди не лгут, и мне непременно нужно всматриваться в них, чтобы увидеть хотя бы часть её-настоящей, потому что... на самом деле она подлая, вот почему. И всё это — и её кнут, и забота показная, и командирство — это только ширма, как у Аманды. На самом деле она никого не любит.

Её сны суматошливые, прыгучие. Она несётся в них то за единорогом, то за Мел, вечно куда-то опаздывает. Ещё ей часто снится община и какая-то старуха, тоже с кнутом. И танец на льду замёрзшей реки, лёд трескается под ногами, — мне немного стыдно оттого, что этот сон мне нравится. Наблюдать, как *эта* летит в холодную воду.

Ещё она часто видит Энкер — это её помешательство. Мальчик в белом с очень синими глазами, алапарды ползут к нему по испачканной кровью площади. Только это всё тоже притворство. Как и тот сон (видела только раз), где был красивый вельможа с чёрными волосами посреди поляны в белых цветах. Ещё один, кого она обманула, наверное.

В настоящие сны *этой* трудно пройти, а ещё труднее из них выпутаться. Там свиваются тёмные, звериные тропы, слышен вой, рык... Там болотные тропинки под ногами, и повсюду паутина — серебристая, с росой, раскинулась между деревьями. Паутина звенит, качается, наливается кровью, потом вспыхивает огнём — и начинает расти, звать, визгливо смеяться, заполнять собой мир, она обжигает, хочет дотянуться, закутаться в огненный кокон...

Я испугалась, когда увидела это в первый раз. Выбралась с трудом — сначала в обычные сны. И зареклась ещё раз делать так, а потом не удержалась, посмотрела ещё раз и ещё раз... и ещё раз. И теперь каждый раз, когда я вижу её, я знаю, что это — её настоящая натура. Что у неё там внутри прорастает кровавая, голодная паутина. Что она монстр. Самый настоящий монстр — вот кто она такая.

Может, Он догадывается об этом — потому что иначе непонятно, зачем она ему.

Я стою у двери ненавистной комнаты, перед которой нет снов. Если захочу — могу потрогать дверь пальцами. Но я боюсь. Боюсь, что дышу слишком громко. И на глазах у меня слёзы, потому что это неправильно, что Он в ней нашёл?! У Рихарда куча других женщин — Аманда иногда сплетничает об этом с Фрезой, когда думает, что я не слышу. Посетительницы, благотворительницы, постоянные клиентки питомника. Но это всё для него развлечения на один раз, как охота или коллекция, а с Арделл он уже больше года, хотя что в ней такого интересного или особенного, она же даже не слишком-то красивая, не то что Аманда, а ещё ей на него плевать, ей на всех тут плевать, тогда почему... зачем?

Слёзы катятся и катятся, и я пытаюсь уйти, чтобы не... услышать, не представлять... как они... Мне хочется кричать от того, что я не могу сдвинуться с места — и всё равно ищу, вслушиваюсь, вглядываюсь...

Из комнаты слышны тихие голоса. Я опускаюсь на колени перед дверью и погружаю пальцы в жирную черноту тени. Смотреть и слушать из тени я пока что тоже умею плохо, это отнимает много сил, но мне ведь совсем недалеко... туда, под дверь, в комнате полутьма, только бирюзовые отблески Водной Чаши по стенам, и тени достаточно...

— ...на чем мы с тобой остановились в прошлый раз, атак? Припоминаю, что на желаниях. Тебе никогда не казалось, что ты слишком уж проникаешься своей ролью?

Голос у Рихарда мягкий. Он стоит у окна, за спиной Арделл. Обхватывая *эту* за талию. Улыбаясь куда-то ей в волосы.

И через тени я вижу её стиснутые на подоконнике пальцы.

— Ролью?

— Моста между двумя берегами. Бабочки, которая приносит людям огонь. Пастыря... как там ещё? Ты не считаешь это просто ролью, я не сомневаюсь. Долг? Предназначение? Но тебе не кажется, что ты уделяешь слишком уж большое внимание тому, что хотят другие? Что происходит с другими. Отдаёшь огонь без остатка и без оглядки на то, что хочешь ты.

Голос Рихарда струится, как дождь по стеклу. Или как волосы по её волосам — он

распутывает эту её дурацкую причёску, а Арделл даже лицо к нему не поворачивает, будто бы и не здесь.

— А если это моё желание? Быть такой?

— Полагаешь, такого можно хотеть? Всё для дела, и... — он ведёт пальцем линию по её щеке, потом по шее, — совсем ничего для себя? Брось, аталиа. Бабочки не чувствуют боли и не мечтают. Но ты ведь не бабочка — ну, во всяком случае... не совсем.

Он смеётся — и от этого тихого, шелестящего смеха комната будто наполняется жаром. Его смех опалает мне лицо и ладонь, и я точно знаю, каким взглядом он смотрит на её шею и плечи. Наверное, сейчас глаза у него кажутся почти зелёными. Если бы он хоть раз так посмотрел на меня...

— Ты как-то спрашивала меня, чего я хочу. Могу спросить тебя о том же. Или даже... как насчёт небольшого урока, а? Иметь желания, в конце концов, совсем неплохо, а потакать им... иногда приносит редкостное удовольствие.

Арделл поворачивает голову. Весь её профиль в тени — на фоне серой завесы дождя. Она как чернильная клякса на холсте.

— Думаешь, мне нужно последовать за моими желаниями? Сделать то, что хотела уже давно?

— Любой хищник тебе скажет, что это одна из сторон свободы.

— Звучит заманчиво, — выдыхает Арделл. — Раз так — убери руки и вали из моей комнаты.

Дождь начинает шуршать тише, а тени будто бы перестают двигаться, и в этом молчании вопрос.

Эта выныривает из объятий и отходит к своему столу. Рихард остаётся у окна и смотрит, слегка склонив голову.

— День был трудным, аталиа? Может, мне не следовало являться в белом — Дамата...

— Ты мог прийти хоть в оранжевом — это не сделало бы тебя менее чокнутым извращенцем. И не переступай мой порог в принципе, нужно будет поговорить — в кабинет вызову.

Она смеет смотреть на него так — с вызовом, чуть ли не с пренебрежением. Она его совсем не стоит — растрёпанная замухрышка, в полной тени комнаты кажется даже меньше ростом. Она только забавляет его этим своим ломанием.

— Это похоже на серьёзную настрой. Припоминаю, ты и раньше говорила мне убираться, но...

— ...но сейчас, если ты попытаешься продолжить, — я возьму кнут. Конечно, Морвила со мной нет, а боевые навыки твоим уступают...

— Аталиа, ты же не считаешь меня насильником?

Рихард выглядит почти обиженным. Арделл — злая, сжалась в комок, глаза как у кошки.

— Нет, эту черту ты только ещё начал переступать, да? Пока только моральное насилие, не больше. Считай, что я сказала на всякий случай. Дверь за твоей спиной.

— А причина немилости? Кажется, за мной в последнее время не замечено прегрешений по варжеской части. Последнее устранение было две девятницы назад... никаких конфликтов, проступков, штрафов... — голос у него теперь нежно-насмешливый. И я понимаю, что на самом деле Арделл не значит для него ничего. Может, она просто была более интересной игрушкой, чем другие.

— Просто пользуюсь твоими советами. Поддаюсь желаниям. И знаешь что? Ты прав, мне нужно было взяться за кнут ещё в первый раз. Приятно быть свободой, ну надо же.

— Правда? Какое внезапное стремление к свободе. От... морального насилия, ты это так назвала? Припоминаю, что раньше почему-то тебя устраивали наши маленькие встречи — особенно в физическом плане, если смотреть на... некоторые признаки. И если подумать о причинах...

Он совсем не выглядит расстроенным — скорее, заинтригованным. И кажется, что это всё ему даже нравится — и мне тоже это нравится, потому что она должна ответить за то, как себя с ним вела... и за то, что посмела бросить.

— Мальчик, не так ли. Неплохой выбор, на самом деле: такой самоотверженный, честный, всегда готов быть рядом. Милый, как новорожденный щенок кербера — невозможно устоять перед искушением. Будь он женщиной — кто там знает, может, и я бы не устоял, тем более что он был бы... тобой. Может, чуть больше сентиментальности и романтичности, меньше шрамов и опыта... во всех смыслах. Но всё то же стремление спасать. Я рад за тебя, аталия. Правда, рад. Испытывать чувства к кому-то — не совсем то же самое, что желать. Больше проблем с ответственностью. Но почему бы и не так. Ты зря так резко решила рвать, я совершенно не против твоей симпатии. Ты могла бы смотреть на него сколько угодно. Ездить на вызовы, слушать его рассказы о книгах, прикасаться, улыбаться... я не склонен к ревности. А ты ведь не собираешься ему *сказать*, верно?

Арделл прижалась к столу и в тених не рассмотреть её лицо. Но пальцы впились в столешницу и подрагивают. Мне хочется, чтобы он сделал ей по-настоящему больно. Чтобы она плакала, как только что плакала я. Эта круглая дура, которая предпочла Рихарду — идиота Олкеста.

— Ведь не собираешься же, аталия? — один шёпот Рихарда стоит всего Олкеста целиком. — Мальчик уже не так яро твердит о том, что Мелони — его наречённая... И, кажется, он проводит с тобой на выездах всё больше времени? Но варги ведь не выют гнезда. И эти шрамы у тебя на ладони. Допускаю даже, что в глубине души ты уже построила теорию о том, что ты его недостойна, что он не смог бы полюбить тебя никогда... Но не скажешь ты ему не поэтому. Потому что никогда не сможешь ему дать то, что он хочет. Теплый семейный очаг. В этом мы с тобой схожи, аталия, — вся эта концепция семьи, дома, детишек на лужайке... она не про нас.

Арделл садится на свой стул, будто придавленная тяжестью его слов. Шуршит дождь за окном, и комната плавает в бирюзовых отблесках, будто опустилась на дно. Белая фигура перед столом кажется светящейся, как у пророка.

— Возможно, чувствуешь себя виноватой, когда смотришь ему вслед. Не имеющей прав даже думать о нём — из-за наших с тобой периодических встреч. Но взгляни правде в лицо, аталия: ты не согласишься на тот вид отношений, который приемлем для него. А он не согласится на то, что приемлемо для нас. Так что я действительно был бы не против твоей романтической увлечённости — не думаю, что это продлится долго. Ты не хочешь ещё немного подумать?

— Убирайся, — цедит Арделл, не поднимая лица. Жаль. И жаль, что мой Дар тает, а ладонь горит, потому что я различаю всё меньше деталей. Я хотела бы увидеть её загнанной.

— Жаль, — говорит Мой Принц так, будто подслушал мои мысли. — По сути, ты ведь выбираешь одиночество, аталия. Не могу сказать, чтобы это было так плохо: одиночество сродни свободе, и мне оно тоже нравится...

Его голос растворяется, как льдинки в тёплом дожде. И я тоже готова растаять, и мне жаль только одного: он никогда не заговаривал со мной так.

Он вообще почти не заговаривает со мной, не замечает меня, а я... я рада была бы быть его тенью, пусть бы были насмешки, издёвки и пренебрежительные взгляды, я простила бы ему всё только за то, что он — это он.

В комнате дождь, дождь и молчание, и я уже думаю, что мне нужно уходить. Но Арделл поднимает голову.

Бирюзовые блики в этих её кошачьих глазах.

— Ты что, ждёшь, что я начну удерживать тебя от ухода из питомника? Уговаривать, может быть? Рихард, если ты забыл — я напомню. На Псовом Побойще я предложила тебе работу. Но согласился на неё ты. И если это была единственная причина, чтобы ты остался — то у меня для тебя плохие новости: тебе придётся как-то разобраться со своими собственными желаниями. И решить, зачем ты здесь по-настоящему.

— Может быть, потому что меня это устраивает, — тут же летит в ответ. — Поверь мне, аталия, у меня хватает причин ещё и сейчас. Мои исследования, к примеру. Огромное поле для наблюдений. Ты не забыла, кстати, что скоро придёт весна? Брачные игры, зов крови... увлекательное время, иногда, впрочем, чуточку сложное... для варгов особенно, верно?

Он поворачивается к выходу, и я понимаю, что нужно уйти, ныряю на лестницу и закутываюсь в тени в уголке. И Дар обжигает мою ладонь с его прощальными словами.

— Моя комната всегда к твоим услугам — можешь входить без стука.

Тихо приоткрывается дверь, и потом звучат шаги — самые мягкие в мире, самые любимые... Смолкают. Рихард застывает посреди коридора, будто он почувствовал чужое присутствие, но потом шаги звучат опять — и вот открывается дверь его комнаты.

Я стою на тёмной лестнице, ошеломлённая. Я будто бы сама уснула, потому что этого не может быть, получается ведь теперь, что он избавился от неё, он наконец-то от неё свободен... И теперь, когда мой Ледяной Принц освободился от оков *этой* — может, он наконец-то оглядится, посмотрит пристальнее, увидит...

Это словно самый лучший сон.

Или, может быть, сказка.

«...верно то, что старые сюжеты могут получать новую жизнь в произведениях современных авторов. Вопрос же об исторических корнях данных сюжетов следует посчитать спорным и недовыясненным. Верно, впрочем, и то, что такие великие трагедии, как Война за воздух, Пламенный мор, Сонный мор породили множество произведений фольклора, в том числе легенд, преданий и сказок...»

Энциклопедия Кайетты

ЙОЛЛА ДОМЕРТ

Вотчина Морвилы Глубоководной, Хозяйки Вод расплескалась по бумаге. С отмелями, омутами и с диковинной разной рыбёхой. Посреди моря развалился разбитый ковчег — Кайетта. Нос от удара скособочился, корма раструхлявилась. Вокруг — осколки-Рифы.

— Поглядим, как у тебя с этим, — говорит Гроски. — Дай-ка подумать... Акантор?

Атлас мне подарил Янист к Перекрёсткам. Передать нельзя — до чего ж шикарная вещь: переплёт роскошный, и красочные страницы, и карты самые разные: на какой звери обозначены, а на какой крупно каждая страна с городами.

На такой-то красоте и не найти Акантор. Вон, в самом центре Кайетты воткнул. Почти круг, самую малость неровный.

— А что надо-то? Если всё государство с землями — то во, земель немного, Акантор больше по другому делу. Законники там... Ордена, которые для всей Кайетты, то есть. Учёные, вирники главные. Совсем все главные, словом. А посередь Акантора — Башня Кормчей. Там Кормчая и жрецы её, да ещё Ковен Камня собирается.

А ещё лежит клятая Каменюка, которая кому даёт силы, а кому и нет.

— ...а из-под камня источник течёт. Магия в нём великая, сильная. Этот-то источник и вирам силу несёт, и остальным водам магию даёт... Гроски, а правда, что воды молчат иногда?

Гроски моргает, щурится — вроде как вопрос недослышал.

— Чтобы воды молчали... да, бывает такое дело. Воды, понимаешь ли, смолкают, когда Кормчая назовёт преемницу. Обряд у них там какой-то особенный. В этот день — всё. Не связаться по сквознику, не пройти через вир. Кстати сказать, последний раз был в двадцать шестом году, так что кто там знает — может, ты застанешь такое.

Ага, жди теперь, пока Кормчая сменится, когда они до двухсот дотягивают. Не все, правда — но Шестая даже перетянула! Потому что была она до того благонаправной и достойной, что Великий Камень определил ей прожить аж две сотни лет уже после того, как её выбрали, а выбрали-то уж после семидесяти.

— А как они это определяют... ну, Кормчие? Кто их преемницей будет? Они что, правда все души видят людские, вот все-все сразу? И кто самый лучший — того называют?

— Думаю, об этом неплохо бы Яниста спросить, — чешет в затылке дядька Лайл. —

Парень-то уж наверняка знает наизусть биографию каждой, до нынешней Девятой.

Я тоже это всё дело знаю наизусть. И про то, что Кормчими становились великие целительницы или просто те, кто много добра сотворил. И про Летейю Стриан, нынешнюю Кормчую. Как она людей лечила да целила, имение своё богатое раздала...

Только мне Гриз большую ответственность поручила. Присмотри, говорит, за Лайлом, что-то сердце не на месте у меня. Ну, я и присматриваю, даже к нам в домик заволокла, все равно ма сейчас на кухне с Фрезой, а в «Ковчежце» не поучишься. Там Сирил, и он орёт.

— Гроски... слышь, а не-маг может стать Кормчей? Ну, понимаешь, если она самая лучшая?

— Боженьки. Если ты поступишь в Академию — а я в этом не сомневаюсь — задай этот вопрос на философском диспуте. Драчка среди профессоров будет нехилая. Так. Дай-ка я вообразу себя аканторским профессором, чтобы осчастливить размытым и многоумным ответом. «С моей точки зрения, если данный феномен до сих пор не был зафиксирован в природе Кайетты — это, однако, не обозначает, что такое явление не может иметь место в будущем...»

Почти даже весёлым выглядит. Только это он от жалости ко мне бодрится. Думает, я это про себя, насчёт Кормчей — чтобы без магии...

Смешной какой. Нашёл самую лучшую.

— Что-то мы заплутали в дебрях учёности. Вейгорд?

— Ха! Это б и Сквор нашёл.

Вот они мы — Вейгорд. В кормовой части Кайетты разлётся возле моря. Косо протащился с юга на восток — продолговатый, как рыбина. Смотрит глазом-столицей в море, на Южные Рифы.

— ...а вот тут, сталбыть, столица, Вейгорд-тэн, где сидит Илай Башкой Бахнутый, да его стерва-королева, да кузен-Мечник, Горбун который...

— Бо-оженьки, от кого ты набралась?!

— Так Мел говорит.

— Про остальной двор можешь не рассказывать, а то моё сердечко не выдержит. А что за государство повыше нас?

— Айлор, ясное дело. Вражины злобные! Змеищи лютые! Аспиды-василиски!

Переихихиваемся. Потому что — Братские Войны, Хартия Непримируемости, торговать нельзя, жениться нельзя, а если кто из двора Айлора приедет в Вейгорд — тому башку открутить должны. И наоборот. Армия на границах двести лет друг в друга магией поплёвывает, привыкли уже все.

— Ай-яй, где ужас на лице, где? — дядька Гроски трясёт пальцем перед носом, шамкает, как бабка из деревни: — Да эти-то айлорцы спясть и видясть, как наши порты отжать. Да они нам тут все реки потравили, и Душителя заслали, и короля ума лишили, а по ночам, небось, через виры так и пруть, сотнями-тысячами — да по углам гадють!

Выпучиваю глаза и за сердце хватаюсь. Скулю, как соседская кумушка:

— Ой, ни гавари, ни гавари, у них же ж там етот... Хромец! Душу-то он заложил, а под перчаткой у него — знак чёрный, чтобы плесень людям сквозь уши заползала. Вона, королеву-то он уж обморочил...

Гроски фыркает носом: «Плесень в уши? Я-то только про хвост слышал и насчёт армии демонов».

— Айлор-тэн, — злобно тычу во вражескую столицу. — Тут этот гад сидит. Умышляет

разное. Как народу больше заморить.

Айлор похож на кошку. Расселась сверху на Вейгорде, хвостом границу проложила, а головой в земли Акантора упирается.

По карте выходит весело. У воды лежит рыба-Вейгорд: небось, выкинуло на тарелку. Кошка-Айлор следит за рыбой: утащить бы! А под боком и той и другой, на востоке...

— А это вот Триграничье, а тут вот Дамата. Белое ханство там правит. Меж собой грызутся, торгуют всяким: специи, ткани, табак... Богатые... как их, лихо... эйшееты. Зверинцев там у них много, зверей много, Гриз говорит.

Дамата пусть побудет змеей. Свернулась — песчаная, с зелёным убором. Уткнулась в море. По чешуе рассыпались города.

— Это вот Дамата-тэн, столица, а вот Тавентатум, там всем торгуют, и рабами тоже. Вир знает, как. Служба закона же есть и Кормчая.

— Выгодное дельце. На словах эйшееты отрещиваются и порицают, а на деле туда съезжаются со всей Кайетты. Фабриканты, владельцы борделей, те, у кого есть грязная подпольная работёнка. Прикрыть эту лавочку непросто, Корпус пробовал много раз, но у Даматы достаточно денег и наёмников, чтобы заткнуть рты даже в Корпусе. Отлавливали, конечно, кое-кого — так, мелочь, шушеру...

Голос у Гроски ровный, глаза остановились, на карту уставились. Ой, ой, надо уводить от Триграничья, подальше от замка Шеу и этого вот всего.

А то как бы снова с мамкой вместе не напились.

— О, а вот это ж Фениа — где колония фениксов и священная роща тейенха, да? Этот город фениксы во время Войны за Воздух дотла спалили. Хотя все говорят — не может такого быть. И Мел говорит. Мол, не нападают фениксы на людей, мутная там история. А это охвостье откуда?

У рыбы-Вейгорда будто хвост торчит. Или это хвост змеи-Даматы? Вроде как, от кормы Ковчега кусок отвалился.

— Велейса Пиратская. Полуостров, только краем граничит с Вейгордом и Даматой. Тут рулит совет пиратских капитанов, ну как совет — одно название только. Мощные порты, хорошее прикрытие отмелями. И покровительство тех, с кем они торгуют. Это если ты спросишь — почему Корпус или кто ещё не прикрыл эту лавочку.

Что ж я, дурная совсем. У нас же тут Фреза. Она мне и про шорма, и про абордажи, и про кристаллы ускорения — завсегда с радостью. Я спросила чисто чтобы Гроски отвлёкся малость. Теперь мотану-ка на запад.

— Хорошее соседство нам досталось, а? Сверху Айлор и Хромой Министр. С востока Дамата и Велейса с пиратами. А с запада Вольная Тильвия притёрлась!

Прислонилась пьяновато: пардон, мы загулявши. И одежды как у пьянчужки — сплошь из заплаток да кусков. У них король для виду — у тильвийцев. А рулят аристократы да магнаты, а уж как между собой грызутся, как земли делят! Их совет — всей Кайетте посмешище.

— ...пару войн так и вовсе продули Айлору и Вейгорду, земли потеряли. Тут тоже на границах вечно стычки. Гриз ещё оттуда, из Тильвийских лесов. Хаата, може, тоже — там и терраанты ютятся. Большие леса там и болота. А в них контрабандисты, наёмники, полно уродов всяких. Да они даже столицу не могут выбрать! То у них Хартрат — вот, на границе с нами, правильно?

— Чем знаменит?

— Большой порт. А то Ойтэр — тут на границе с Ирмелеем...

— А этот чем?

— Ну... тоже порт, в общем. А можно я про Ирмелей рассказывать не буду? Скучища.

Закон и Мудрость, этот их Совет, добропорядочность, травы, стада и прочее. Щурюсь — с чем сравнить? Пусть бы — птица: вытянулась в полете, крылья прижала. Клювом — тюк в Айлор, хвост широкий обмакнула в море, под одним крылом внизу — Тильвия, на голове стоит храм Ракканта.

— Про Раккант тоже не хочешь рассказывать?

Здорово показывать, чего знаю. А только как подумаете: Гроски же, наверное, был во всех этих городах и странах. До единой. И Гриз была, и Мел, Янист вот ездил... а я нигде совсем не была, так, байки одни слушаю.

— Королева там об благопристойность треснутая. Сто тыщ правил придумала для всех: как в обществе себя вести, да при дворе, да дома. А вон Эрдей. Город храмов. Там жрецов мильён, наверное.

Гляжу на Раккант, будто он меня разозлил. Пряничный домик, а может, храмик. Встрял между Ирмелеем, Акантором и Дурными Землями.

— Я бы так сказал, это сильно преувеличено, кхм. Ладно, что там осталось ещё... Крайтос?

Крайтос разлётся на севере — занял здоровущий кусок у носа «ковчега». Жирный, ленивый, как объевшийся шнырок. Шкура поросла зеленоватым мехом-соснами, нацеплялись колтуны — горы и холмы. Интересно, найдётся на карте поместье Драккантов? Или деревня Гроски?

— ...а вот тут Скорпионьи Горы, это вы туда к ним близко мотались, когда за йоссами. Вот оно, Заброшьё-то, и на карте вида. А если дальше — там уж пойдёт Морозный Надел Усклепье... суровые места. Разве что морозные гиены да снежные антилопы там водятся. Король в Крайтосе... забыла, как бишь его. Но его все Стариком обзывают. За него всё министры да дети правят — а уж жадные! Податями всё пооблагали. Сволочи. Давай лучше ещё спрашивай, а то чего тут интересного-то.

Дядька Лайл вскидывает брови: изумление корчит.

— Я даже и не знаю, про что спросить. Что там осталось-то — Рифы? Или Академии Тарраховы?

Будто сам не знает, что от Акантора до Крайтоса лежат Дурные Земли. Или Странные Земли, или Ничейные Земли — долины, окружённые горами. Люди там жили раньше, а вотчине Дарителя Огня, а потом Йенх-Даритель напустил на людей Пламенный Мор да своей вотчине сильнее всего и вдарил. Теперь туда мало кто суётся, да и соваться-то опасно — там горы да пещеры, пустоши да странные твари. Виров мало. А интересного пропасть найти можно.

К Крайтосу прижались Чёрные Льды — как чаша в ущелье, а в ней озеро под вечным льдом, а лёд чёрный — будто горел! Алчнодол там тоже — этот к Ирмелею поближе подкатился, да не докатился. А ещё есть Закрытые Города — Мастерград тот же, куда только Мастерам ход есть. И Гегемония там же, в Странных Землях окопалась, пустошники то бишь.

И сейчас я это всё расскажу Гроски — а может, ещё о чём у него спрошу, пусть видит, что со вниманием. А деревенские пусть утрутся — им-то таких атласов в жизнь не дарили, по географии вот так не спрашивали.

Открываю рот — сказать про Ничейные Земли. И тут от «Ковчежца» звенит колокольчик, зовёт на общий сбор. В неурочный час — стало быть, срочный вызов.

А потом Гроски хватается за карман — наверное, его по сквознику как раз вызвали.

Во какие совпадения бывают.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

«От Ковчежца» долетал залиvistый звон артемагического колокольца — срочный общий сбор. Налившийся холодом карман подмораживал левый бок. Внутри голосила крыса, которая ни на миг не верила, что это совпадение.

— И я ещё на безделье жаловался, — подхватился на ноги, подмигнул на прощание Йолле. — Потом закончим, а?

Теперь, вкрадчивой рысцой... куда? Водная Чаша в «Ковчежце», но там сейчас Арделл, значит, нужен водоём без лишних глаз.

Хотя я же давал право вызова тройке-четвёрке поставщиков, да и тому же Тербенно — в свете нашей маленькой договорённости следить за одним устранителем. Может быть и совпадение. В жизни же бывает куча совпадений, да?

Судьба переждала, пока я преисполнюсь надежды и добегу до ближайшего ручья. После чего размахнулась и привычно треснула по черепушке.

— Приехал Робби, передаёт приветы, — весело заговорило лицо связного Гильдии в ручейковых водах. — Готовы твои часики. Цену вопроса знаешь, а как подойдёшь — это уж сам решай. Забирать будешь?

Стандартные фразочки Гильдии на случай связи. Любое имя — задание, приветы — время выполнять, часы — напоминание не медлить. «Сам решай» — любой способ выполнения задания.

«Заказчика волнует только один заказ. Но если ты вдругпустишь ко дну всю контору или решишь их всех вдругвырезать...»

А цена вопроса — это я. Бляха гильдейца и пыльная крысиная шкурка.

— Что ж вы так тянули-то?

— Вышло так, — отрезал связной тоном «тебе ещё вот не сказали». — А что, проблемы? Так будешь забирать-то?

А, ну да, точно. Стандартный отзыв на подтверждение заказа.

— Сразу как выберусь в столицу. Я сообщу.

Связной Гильдии фыркнул и пропал. Я остался ловить кристалл связи в ледяной воде непослушными пальцами.

В голове вместо визга крысы ни к селу ни к городу звенел колокольчик.

Хотя это не в голове. Общий сбор. Задание, которое я должен «утопить».

Выражения лиц у ковчежников были такими, будто им тоже только что приказали кого-нибудь утопить. Например, свою мать.

Нахмуренная Гриз Арделл отмахнулась от моих попыток изобразить пантомиму на тему «Извините, срочные естественные надобности». Махнула мне на кресло и выпалила:

— У меня в кабинете сидит доверенное лицо заказчика. И предлагает нам пятьсот золотниц только за выезд на место.

Задание Гильдии начало сходу приобретать зловещий размах.

— При этом посыльный отказывается сообщить — кто заказчик, в чём проблема и даже куда нам придётся направиться, — добила Арделл и скрестила руки на груди. — Более того — он требует выезда на место всей группы сразу. И нам придётся оставить боевые

артефакты — в том числе *атархэ* — и любыеяды. Иначе нас просто не пропустят внутрь поместья.

Я задался резонным вопросом — почему Гильдия решила, что я могу сорвать задание, которое мы вообще не возьмём.

— Очень подозрительно, — озвучил очевидное Янист. — А после того, как мы схлестнулись сперва с прогрессистами в Энкере, теперь вот с работорговцами... и, думаю, старшие Линешенты тоже не желают нам добра...

Олкест малость приуныл, осознав, сколько разных существей не желают добра королевскому питомнику Вейгорда. Мел выручила уже-не-суженного, выпалив:

— Ловушкой за миллю несёт.

— Настораживает. Особенно последнее условие и то, что он принёс с собой половину денег, — согласилась варгиня. — Так вот, это ещё не всё. Посыльный настоял на том, чтобы пройти проверку под зельями. Аманда?

Ноя с сокрушённым видом прищёлкнула пальцами:

— Тот человек не лжёт. Он и впрямь служит какому-то высокому и могущественному дому, и ему приказали пригласить нас. Потому что это крайне деликатный и очень важный вопрос — вопрос жизни и смерти, так ли он сказал, золотенькая? Тот, кто инструктировал посыльного, знал, что делал. Отводов от зелий у него в крови не было — даже противоядий! И он согласился на любые зелья, включая «Истину на ладони».

— И не побоялся, что разболтает лишнего? — удивился я, как заслуженный эксперт по потреблению зелья правды.

Травница обогрела меня теплейшим взглядом:

— Представь себе, сладенький. Либо он настолько стоек, что преодолел эффект, который вызывает желание говорить, либо ничего не знает, либо же...

— Связан магической клятвой, — припечатал Олкест. — Клятвой служения — кровной или на Печати. Он сказал что-то ещё?

— Только то, что нам ничего не угрожает — и со стороны заказчика мы в полной безопасности.

Со стороны *заказа*, надо полагать, нам никто такого не гарантирует.

— И он обещает, что мы можем продумать любые гарантии — в разумных пределах, конечно. Например, оставить Фрезу на связи за пределами имения. Всё это как минимум странно, а после выезда на вызов Аграста, в Заброшьё...

Я почесал пузико, в которое угодил кинжальчик Аграста-младшего.

— ...не хочется рисковать, — договорила Гриз. — Мел, Янист, вас я поняла, Аманда, ты тоже сомневаешься, так? Остальные?

Она с сомнением скользнула взглядом по предвкушающей физиономии Нэйша, покосилась на безучастную даарду и Уну под волосами.

— Лайл?

— Ну, похоже, что нам сделали предложение, от которого мы не можем отказаться.

Общество посмотрело с обоснованным сомнением.

— *Буквально* не можем отказаться, — уточнил я и попытался принять полную внушительности позу прямо в кресле. — Много вы знаете в Кайетте особ, которые могут выложить пятьсот золотниц только за выезд? Если там настолько большая шишка, а надежда... как там, только на нас? Вряд ли мы можем сходу заявить: «О, привет, вы нам подозрительны, мы решили не брать заказ». Учитывая, что клиент может быть не в Вейгорде

— мы еще и можем вляпаться в международный инцидент. Раз уж питомник под покровительством короля. Не говоря уж о том, что особа влиятельная и разозлённая может и так не кисло нагадить.

— О таком раскладе я не думала, — призналась Арделл. — Так твоё мнение — нужно ехать?

— По крайней мере — выслушать, что нам собираются подкинуть. И решить на месте. Само-то собой, обговорить страховку. Если, конечно, мы не собираемся склепать себе коллекцию могущественных врагов.

Судя по кое-чьей скульптурной физиономии — у нас даже есть те, кого вдохновляет такая идея.

Начальство оглядело ковчезное тело и особых трепыханий не выявило. Так что варгиня прибегла к последнему аргументу:

— Сквор?

Горевестник в клетке откликнулся грустным предвесенним сипом. Пара девятниц в радостных весенних воплях малость ограничили его предсказательную мощь.

— Посмотри на нити, Сквор, — мягко попросила Гриз. Открыла клетку и позволила халадриану прогуляться по руке. — Погляди вперёд. Кто-то умрёт?

— Кхррр... — жалобно выдал Сквор, топорща перья. Я мысленно поставил золотницу на то, что он прохрипит что-то наподобие «Красавица! Красавица! Любви!» — Крыс-с... Грыз-з... Кхрис-с-и...

Шипение на первом слове так живо отдалось Рифами, что я успел облиться холодным потом — ещё до того, как со стула подорвался Янист.

— Он сказал «Гриз»?!

— Или «Крис», — предположила нойя. — Сладенькая, ты можешь взглянуть в его сознание?

Арделл только головой качнула: смотреть в сознание горевестника можно, а вот поймать момент прозрения будущего — тонкое и сложное мастерство. Особенно когда у тебя на руке полуохрипший и полуобалдевший от воображаемой весны птах.

— Неясно.

— Ещё раз, — умолял Олкест, — это же не шутки, Сквор. Почётче... почётче...

— Кр-р-ы-з-с-и, — как полному идиоту, сообщил Сквор. — Кры-ы-ы-иси-и-и-ивое!!!

После чего перешёл на свист и потрескивания, похожие на язык терраантов.

Если Янист не плюнул с досады в горевестника — то из опасений попасть в Арделл.

Оная Арделл сгрузила горевестника назад. Пробормотала: «Надо бы ещё того бальзама и поилку...» и подняла начальственный взор.

— Сбор на выезд всем «телом». Идём налегке, оставляем боевые зелья и артефакты здесь. Время сбора — час, я раздам распоряжения вольерным.

— Клянусь тропами Перекрестницы, — проворковала Аманда, улыбаясь. — Мы словно семья, что едет навестить дальних родичей.

Умеренной дружности семейка: мама при кнуте, папочка в белом костюмчике, отмороженные детки на любой вкус. Воображение пририсовало ушибленной семейке пожилую крысу-питомца и тётушку нойя в провожатые, икнуло и отвалило.

— ...нойя так любят навещать родичей — особенно тех, о ком ничего не знаешь. Скажи, золотенькая — если нельзя брать опасные зелья, то об ингредиентах же речи не было, так?

А что ты, собственно, трясёшься-то? — резонно спросил внутренний голос. Нет, ты их

видел? Как тебе Мел, которая шипит что-то трудноопределимое и крутит в пальцах метательный ножичек? Или Олкест с «готов жертвовать собой» на лице? Перепуганная Уна, раздражённая Хаата (кстати, тоже шипит) — и здоровенная вишенка на этом десерте из малость неадекватных людей. В белом костюме и с ухмылочкой — будто с рождения мечтал пойти незнамо куда, а дарт оставить рядом с бабочками.

Боженьки, Гроски, тебе и делать-то вряд ли что придётся. Так, порыдать за компанию с заказчиком над эпическим провалом.

* * *

Представитель клиента нам с крысой категорически не понравился.

Светскость, скромность и спокойная, предупредительная повадка общения, от которой зубы ноют. Ни малейшего проблеска чувств на неприметной физиономии. Идеальный сейф для хранения секретов: по одежде не узнать — из какой страны, возраст может колебаться от тридцати до пятидесяти, а на ладони — боевая перчатка. Идеальная штука, если хочешь скрыть Печать и врезать сквозь ткань неожиданным ударом. Применяется у наёмников и в тайных службах.

Посланник отрекомендовался господином Даллейном и окинул нас взглядом так, будто каждого знал с колыбели. На долю мига задержал водянистый взгляд на мне.

На пристани он вежливо напомнил, что нам придётся оставить магическое оружие, боевые артефакты и опасные зелья. После чего безукоризненно светским жестом предложил занять места.

— Я помогу госпоже Ингворт с выбором дороги.

Очевидный вопрос укусил Яниста за бочок, только когда мы оказались внутри «поплавка».

— Какой... госпоже Ингворт?

— Я и не знала настоящую фамилию Фрезы, — задумчиво вставила Аманда из голубоватой полутьмы. Арделл прочистила горло.

— Я тоже.

«Бульк-бульк», — сказала мрачно вода за толстыми стёклами. Да и вообще, молчание установилось довольно тяжёлое. Переполненное взглядами — в основном направленными на меня. Во взглядах явственно было что-то насчёт моей ответственности за аргументы в пользу миссии.

Нужно было сказануть что-нибудь эпическое.

— Всегда, знаете ли, мечтал узнать: как это гиппокампы понимают, куда именно нужно плыть под водой? Или как Фреза путь находит — под водой-то?

Взглядов стало меньше, потому что кое-кто закатил глаза. Аманда тихонько рассмеялась и прижалась в полутьме покрепче (я был бы в положительном восторге, если бы моя левая сторона не упиралась при этом в Нэйша).

— Самое время для таких вопросов, да-да-да? Гриз может тебе рассказать, что гиппокампы очень умные и привязчивые — запоминают место, куда плыть, с одного раза, можешь себе представить?

— Не помнят. Знают.

В свете флектусов глаза Хааты чуть заметно светились зелёным.

— Водные скакуны все связаны. Сохранили остатки *кэлда-ард*, Древней Пуповины, что всех соединяла. Теперь каждый знает, куда плыть. Она говорит им.

Дарду заговорила при всех — это уже новость.

— *Она*, сладкая? — рассеянно переспросила Аманда. — Ардаанна-Матэс? Но ведь гиппокампы же обитают в воде...

— Разве ваши воды не говорят теперь? В них Её кровь. Она говорит с ними. Указывает путь.

Показалось в призрачном свете флектусов — или лицо Хааты стало чуть ли не мечтательным?

— Среди варгов ходили легенды о такой способности гиппокампов, — Арделл вглядывалась в бурлящую за окном воду. — Только мы считали, что они памятью могут делиться, передавать друг другу водные маршруты. Вот, значит, как...

— Только вот гиппокампы — истинные нойя среди морской живности, прошелестела над ухом Аманда. — Любят людей... особенно когда те бросают им блестящие монетки или ракушки. А больше всего любят свободу. Водную волю — в море ли, в реке, неважно. А не любят — служить. Гиппокампов не посадишь силой в упряжку — они всё равно будут плыть туда, куда захотят. И делать то, что захотят.

— Черти водные, какие занятные миляги. Стало быть, с ними никак не сладить?

— Если только они не решат подарить тебе себя, — уточнила Аманда мне на ушко. — Как те трое, что здесь, у нас. Фреза спасла их, когда они были израненными малышами. Выкормила и вырастила, а теперь вот...

Ну да, неплохое подспорье для ковчезников. Если учесть, что гиппокампы преодолевают грандиозные расстояния, проплывают невесть какими путями и спокойно тащат нехилые грузы. Да к тому же ещё перемещение с гиппокампами и не отследить — не то что через вир. Контрабандисты были бы в восторге, да и вообще — Фрезуанда Волнорезка могла бы зашибать нехилую деньгу, не то что в питомничке. Вот и ещё вопрос — что она-то тут делает со своими лошадками?

Ох, что-то многовато тумана в этом вызове.

В туман мы и высадились, прямо в белесую мглу. Непонятно было, на чём даже покачивается «поплавок»: речка это, ров или озеро. Вдалеке виднелся прихотливо изогнувшийся мостик.

— Прошу сюда, — позвал проводник. — Сейчас ваш «поплавок» погрузится. Госпожа Ингворт донесла до меня, что она получила от вас все желаемые инструкции. На случай, если вы не выйдете на связь или останетесь в опасности.

Фреза в своей кабинке свирепо жестикулировала. С предельной ясностью обозначая, что мы — безмозглые яприлеголовые, смотреть надо в оба, а ежели с нами чего случится — все живые тут позавидуют мёртвым.

— Да, разумеется, — отозвалась Арделл, глядя, как Фреза с кровожадной физиономией откручивает кому-то воображаемую головушку. — Донесла...

Туманное шествие началось от пристани по аккуратной аллее, потом продолжилось вдоль ограды примечательного вида. С виду она служила чисто для декораций — изящная ковка, хитросплетения металла — но увидеть, что по ту сторону ажурной ограды, не выходило. Взгляд словно расплывался, соскальзывал, смешивал детали или вовсе рисовал что-то удивительное — нагромождение крыш, пышные кроны деревьев — зимой-то! — исполинские букеты цветов...

Воздух над оградой посвёркивал и отливал едва заметными бирюзовыми искрами, а туман останавливался точно возле неё.

— Высшая магическая защита, — пробормотал Янист, поравнявшись со мной. — Всё это... и даже туман, могу поспорить, он далеко не простирается, только будто укутывает поместье. Сколько ж тут артефактов?

Неудивительно, что нас попросили оставить боевые артефакты и яды. Ограда такого типа может попросту не пропустить гостя с магическим оружием.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Олкест, потирая виски. — Поместий с таким уровнем защиты на всю Кайетту с полдюжины — не считая некоторых королевских дворцов, но... Какая страна? Не Крайтос — там холоднее. В Вольной Тильвии такого нет, и это точно не Дамата... стоп.

Он отстал, и до меня долетело поражённое: «Ковка и цветы... да не может быть!»

А впереди нарисовались высокие ворота — тоже ажурные и изящные, словно состоящие из переплетений цветов. По бокам ворот располагалось два здоровенных щита с гербами.

С каждым шагом гербы проступали яснее. Вот выплыл из тумана первый — вставший на дыбы виверний, в синем пламени и в обрамлении синих же цветов — под сапфировыми изящными буквами «Чисты как пламя».

— Пойдите-ка, — раздалось позади. — Это же может быть только... мы что, в Айлоре?!

Со следующим шагом из белой пелены на меня неспешно выплыл второй герб.

Тускло-серебристый меч, наискось перечёркнутый стеблем полыни. Два слова над ним — «Любыми путями».

Герб и девиз, которые в Кайетте знает последний придорожный нищий.

За гербом и девизом — грозная тень с тростью. Тень заговорщика, интригана и предателя, отравителя и устроителя козней, того, кто пережил Плесенный Мор, двух королей и собственную ночь Искупления.

Плесневого Министра.

Хромого Министра.

Первого министра Айлора.

Эвальда Шеннетского.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Это похоже на сказку. Ту, что прячется в старинном, потёртом, запылившемся томе с полустёртым названием. Вычурная и страшноватая сказка о заколдованном поместье, полном цветов.

Цветочный Замок, Единый Премилосердный! Мог ли я поверить, что мне придётся оказаться в одном из самых таинственных поместий Кайетты? В месте, где воспитывалась Арианта Целительница перед тем, как взойти на престол? Мог ли представить себе, что своими глазами увижу произведения мастерства — дивные оранжереи?

Сразу же за воротами мы вступаем под высокий купол — и окунаемся в душистое тепло, в сияние преломлённого солнца, тонем в кружеве вьющихся роз. Шаг за шагом — мы словно уже внутри дворца, и вправо и влево от дорожки разбегаются живые аллеи. Оранжереи огромны, ими обнесён весь дворец, и всё это — под защитой особых стёкол и артефактов,

которые помогают сохранить тепло и влагу.

Диво Цветочного Дворца выстроил Халест Виверрент вскоре после окончания Братских Войн. Он безумно любил жену, а Рия Виверрент опасалась выходить из поместья, боялась сквозняков и холодов, и ей везде мерещились наступающие воины. И тогда Халест решил подарить своей жене вечное лето. Он перестроил замок, превратив его в удивительный Цветочный дворец — и он же при помощи магов из Мастерграда воздвиг оранжереи, равным которых нет и при дворах королей.

Уже можно рассмотреть здание впереди — похожее на причудливый букет, каждая стена — сложная мозаика или каменная вязь. И щебечут птицы над нами, за стеной зелени журчат фонтаны...

А Гриз Арделл так мрачна рядом со мною. Она идёт вслед за нашим провожатым — не желающая вчитываться в сказку. На лице у неё тревога, и жаль, что нельзя взять её за руку, но может, я могу как-то утешить... или помочь?

Вполголоса рассказываю то, что мне известно об истории Цветочного дворца и о том, чем он знаменит.

— Сын Рии и Халеста нажил себе много недоброжелателей к старости лет. Он опасался, что его могут отравить или послать наёмника. И он решил превратить Цветочный Дворец в артефакторную крепость. Маги из Мастерграда годами трудились над оградой и над самим зданием, чтобы владелец поместья был сохранён от напастей, защищён от врагов. Какие чары вплетены в каждый дюйм этого поместья, какие артефакты его хранят — кто знает.

Даже тирану Даггерну Шутнику приходилось разоружаться, когда в поместье справляли свадьбу Эвальда Шеннетского.

Имя отдаётся скольльзящим, змеиным холодком вдоль позвоночника. Я не называю его — это небезопасно даже здесь, пусть и пишут в книгах о том, как Плесенный Министр оказался одураченным и не обнаружил принцессу Арианту в поместье своей собственной жены.

Мы вступаем на порог Дворца Цветов, и оказываемся в просторном круглом холле, отделанном тёплой древесиной тейенха — и малахитом.

Игра хрустальных светильников — будто рассветные отсветы в листве. Малахитовые листья кажутся усыпанными капельками росы, стволы и ветви источают мягкое свечение, и в вазах на столиках стоят свежие цветы...

Сказочному саду не хватает королевны — и вот она бесшумно спускается по резным ступеням. На ней васильковое скромное платье, из украшений — лишь нить жемчуга да под жемчужную сетку подобраны тёмные волосы, и от этого лицо Касильды Виверрент, жены Хромого Министра, светится, как у статуй в иных храмах.

— Госпожа Арделл, — она учтиво наклоняет голову. — Простите мне секретность, в которой мы прибыли сюда. Я опасалась, что вы откажетесь помочь, если узнаете, куда придётся отправиться.

Гризельда Арделл хмурится, возвращая поклон.

— Госпожа Виверрент. Извините за прямоту — но вы ставите нас в очень неловкое положение. Хартия Непримируемости между Айлором и Вейгордом...

— ...подразумевает запреты на любую торговлю, на браки и дипломатические отношения, — продолжает Касильда Виверрент ровным мелодичным голосом. — Однако я позвала вас не чтобы покупать или продавать.

— Сомневаюсь, что это будет учтено, если о нашем визите узнают в Вейгорде. Моя

группа — под покровительством королевского питомника, и сейчас мы...

Мы не просто в Айлоре, а совсем близко от столицы и наш заказчик — жена Эвальда Хромца. Злейший враг своего мужа — и ближайшая подруга королевы Арианты. Лицо более чем приближённое ко двору.

Касильда Виверрент словно сошла со старинной гравюры. Олицетворение спокойного достоинства, гордая осанка и тонкая, одухотворённая красота... и тайная печаль в синих глазах.

— Я приму ваше решение, госпожа Арделл. И если вы решите тут же вернуться в питомник — не буду уговаривать или препятствовать. Я прошу лишь об одном: чтобы вы взглянули на то, что случилось. Может быть, вы сможете дать какой-то совет. В любом случае — вы и ваша группа будут щедро вознаграждены за тревоги.

Она делает приглашающий жест и выплывает в боковую дверь — воздушная и грациозная, истинная Дама. Гризельда коротко оглядывается на нас и идёт следом.

— Можно спросить, почему...

— ...я обратилась к вам? Ковчезники Айлора могут быть слишком приверженными влиянию известного вам лица. Мой муж, хотя и скован по отношению к королеве Обетом Служения, — не оставил своих интриг и не утратил связей. По этой же причине я не могла обратиться к ковчезникам Ирмелея или Тильвии, или к любой другой группе — я не знаю, кому можно довериться.

О муже Касильда Виверрент говорит, как о чём-то чуждом, с холодным отвращением. Насильный брак, вспоминаю я. Шутка тирана — Даггерна IV.

— И вы решили довериться группе из враждебного государства?

— Нет. Решила довериться вам.

Мы проходим дивные залы, расположенные анфиладой, — и в одном из них Касильда Виверрент останавливается и оборачивается к Гриз Арделл.

— Я слышала о вас достаточно, чтобы понять: вас не просто купить, вы не боитесь идти против сильных мира сего и выше всего ставите жизни. Джиорел Линешент отзывался о вас очень лестно. Дэймок, нынешний Глава Рода, тоже.

Пережитое в подвалах замка Линешент, во время обряда исторжения фамилиара из Рода, вновь вспыхивает перед глазами.

— Возможно, они упоминали меня в письмах, но не называли имён, — проницательно добавляет Касильда Виверрент И верно, в письмах юного Дэймока (он прислал их уже семь) всплывают упоминания некоего могущественного друга и покровителя.

Роскошные залы заканчиваются, мы оказываемся в уютной комнате, где стоят огороженные ширмами кровати. Воздух напоён ароматами лекарственных трав. На первой кровати от двери лежит совсем юная девушка с русыми волосами. Бледное лицо спокойно, и её можно принять за глубоко спящую.

Если бы не пасмурные лица лекаря и служанок в комнате. И не тревога во взгляде Касильды Виверрент.

— Это моя горничная, Тарра. Последняя, кого мы нашли в таком состоянии. Первыми были двое садовников, пять дней назад. И с тех пор не проходило ни дня, чтобы кто-нибудь не впал в забвение. Мы находили их в оранжереях, подсобных помещениях, на кухне... двух последних девушек обнаружили на кухне.

Гриз Арделл кивает Аманде и склоняется над спящей — вслушивается в дыхание, поднимает веко. Травница извлекает из сумки хрустальный шар-проявилку, кладёт под

правую руку девушки и вглядывается в туманные узоры.

Госпожа Вивверент продолжает говорить — удивительная женщина, не проявляющая ни капли страха, лишь заботу о тех, кто служит в её доме:

— Мы сделали всё, что могли, но позавчера двое садовников, найденные первыми, скончались. Вчера умерли повар и девушка, отвечающая за составление букетов. Здесь две девушки и один юноша — те, кого мы нашли последними. Господин Финбо, прошу.

Пожилой лекарь покашливает, поглаживает учёную бородку клинышком:

— Одна из горничных потеряла сознание у всех на глазах, так что точно можно сказать, что жертвы не пили или не ели чего-нибудь сразу же перед тем, как впасть в оцепенение. Состояние, как вы можете заметить, похоже на безобидный, но крепкий сон: ровный пульс, дыхание замедленное... Однако вывести из этого состояния пациента невозможно. Я пробовал комбинации бодрящих зелий, но пациенты только ненадолго приоткрывали глаза — часто даже не узнавая окружающих. Отдельные случаи бреда...

— Вы проверяли их на яды? — хищно спрашивает Аманда. От воркования нойя не осталось и следа, она деловито звенит какими-то пузырьками. Лекарь перечисляет названия нескольких зелий или компонентов — и разводит руками:

— Реакция обескураживает. «Зоркое око» показало, что с кровью что-то не так, однако это скорее не яд, а... что-то вроде чужеродного артефакта или незнакомой энергии, которая пульсирует в крови. Выводящие зелья или противоядия на эту энергию не действуют. И если вы позволите показать... Попрошу мужчин отвернуться.

Он подходит к пациентке — слышен шорох откидываемой ткани.

— Вот тут, выше икры, синяк — видите? Меня он, признаться, несколько насторожил. Похоже на след укола или укуса — только крошечный, и ранка поджигает даже слишком быстро. Мы осмотрели тех пациентов, которые ещё живы, — и обнаружили такие же следы. Собственно, потому я предположил, что это может быть не яд или артефакт.

— И я нашла эти соображения логичными, — отзывается госпожа Вивверент. — Яд или вредоносный артефакт сложно пронести в поместье. Однако защите от бестий столько внимания не уделялось. Мы защищены от огня вивверниев или таранного удара мантикоры. Но... разве нет того, чего мои предки не могли предугадать?

Оборачиваюсь — встревоженный лекарь поправляет одеяло на бедной девушке. Аманда полностью поглощена своими пузырьками. По лицу Гризельды Арделл ничего нельзя прочесть.

— Мы не знаем — заразно ли это, — в твёрдом голосе Касильды Вивверент, сталью в ножнах, прячется дрожь. — И потому я не обращалась к королеве... к Арианте Целительнице. Но если вы можете чем-нибудь помочь... подсказать... обещаю, что даже если в Вейгорде узнают об этом — у меня достаточно связей, чтобы защитить вас и ваших людей. Если что-нибудь нужно...

Варгиня кивает задумчиво.

— Уна, иди-ка сюда, ты понадобишься. Госпожа Вивверент, господин Финбо, вам тоже придётся остаться. На случай, если возникнут вопросы. Остальные... подождите где-нибудь.

Испуганная Уна приближается к постели спящей служанки, а слегка полноватая женщина в костюме горничной подходит, чтобы нас сопровождать.

— Мел! — окликает Арделл, когда мы уже собираемся покинуть лекарскую. — Комнату проверь Даром на полную. Звуки, запахи, движение. Хаата, ты тоже послушай как следует. Засечёте живое — не трогать, не геройствовать, звать меня! Всё поняли?

И добавляет в ответ на вопросительный взгляд хозяйки дома:

— Предосторожность на всякий случай — всё-таки мы с бестиями работаем.

Но у меня остаётся впечатление, что моя невыносимая знает больше, чем говорит.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— Похоже на Сонный Мор, сладенькая, — озабоченно говорит Аманда. Морщит нос, наблюдая за кровью пациентов в своих пробирках. — Не думаю, что здесь болезнь или зараза. Это и впрямь сон, только колдовской, а вот что его вызывает...

Я могу сказать, что его вызывает, — думает Гриз. Глядя на бледную, почти бескровную руку юноши-полотёра. На руке — едва заметный синяк и две точки, словно зловещий знак: не отвертись, не скроешься... не сбежишь из сказки.

— Уна, попробуй проникнуть в его сны.

Девочка подходит робко, садится на край постели, кладёт на лоб юноши руку, на которой едва заметно начинает гореть Печать Сноходца.

Ойкает — и почти сразу руку отдёргивает, словно обожглась.

— Там... он с женщинами. И они... они его зовут, всё время. Чтобы он...

Для чего юношу зовут — отпечатывается на той части лица Уны, которая не закрыта волосами. Край щеки, нос и подбородок стремительно наливаются краской.

— Понятно. Посмотри сны остальных.

Одна из девушек — в кругу семьи, за столом. Обменивается новостями, шутит с маленьким братишкой, с родителями...

— Сирота? — спрашивает Гриз и получает от Касильды Виверрент удивлённый кивок: да, вся семья погибла, девушка воспитывалась в пансионе.

Из снов второй служанки Уна возвращается, подрагивая.

— Там что-то страшное... что-то чёрное. Лес, мокрые стволы, а за ними кто-то стоит. И она бежит, а на неё смотрят... и гонятся за ней.

— Спасибо, Уна, — говорит Гриз мягко.

Если прикрыть глаза, посмотреть через ресницы — легко поверить, что перед тобой старая история: хозяйка замка прогневала богов, и в замке все заснули, и только поцелуй любви...

— У них кто-нибудь был? Кого они любили... с кем встречались? Супруги, помолвленные, любовники...

Травник испускает возмущённое «Ну, это уж...» на последнем слове. Касильда Виверрент невозмутима.

— Я прикажу узнать. И доставить сюда всех, кого сумеют найти.

Отдаёт распоряжения слугам — и те уносятся, а в приоткрытую дверь просачивается гибкий серый кот с зелёными глазами. Независимо поглядывая по сторонам, идёт между кроватями — знакомиться.

— Не выгоняйте, пусть, — говорит про него Касильда Виверрент, которую меньше всего можно заподозрить в безумной любви к кошкам. — Госпожа Арделл, вы, кажется, уже что-то поняли?

Взгляд синих глаз — испытывающий и острый.

— У меня есть догадка. Но я бы предпочла получить доказательства.

— Госпожа Арделл, по всей видимости, считает, что нам поможет легендарное лекарство времён Сонного Мора, — язвительно вклинивается лекарь Финбо. — Поцелуй

любви, не так ли? Прошу прощения, госпожа Виверрент... вы, разумеется, слышали все эти сказочки о том, что во время таких Моров выживали те, кого целовали их возлюбленные. Антинаучная чушь, как доподлинно известно Академии: от Сонных Моров не было найдено лекарство, и они остались ужасными бедствиями эпохи Братских войн. И только варг и нойя могли...

— ...предположить, что официальные источники могут быть неполны, добрый господин? — выпевает Аманда со сладкой угрозой в голосе. — Столько хроник было сожжено и переписано, с той и иной стороны. Чтобы скрыть преступления одних и очернить других... Иногда мне кажется, что в песнях нойя больше правды, чем в исторических текстах.

Лекарь пренебрежительно разводит руками и бросает под нос едва слышное: «Вейгорд!» Касильда Виверрент молчит. Зеленоглазый хулиган требовательно мяукает у ног Гриз.

— Аманда... нойя ведь поют о чёрных снах?

— Старые песни, сладенькая, песни для дождливых ночей, — мгновенно откликается травница. — Тёмные песни о паутине, которая прокрадывается в сны и уносит с собою. О горячих губах, которые способны развеять любое наваждение. И о маленьких следах возле уснувших — крошечных, почти незаметных следах, то ли человеческих, то ли птичьих.

Всё сходится, и всё верно, и иногда сказки и песни оказываются правдивее учёных трактатов... Когда ты оказываешься в цветочном дворце с заснувшими слугами — наука никуда не годится. Нужно чудо.

Чудо входит в комнату, настойчиво подталкиваемое тем самым господином Даллейном. Растрёпанное чудо, конопатое и сероглазое, совсем ещё юное. Парень ни на кого не смотрит — только на бледную Тарру на кровати. Бросается к ней, хватая за руку.

— Меня не пускали, — говорит жалобно. — Не верили, потому что я ещё... такого ничего не говорил.

Кому это он? Наверное, спящей. Гриз тихонько подходит, касается плеча парнишки.

— Нужно, чтобы ты её поцело...

Мальчик не слушает до конца, наклоняется и целует любимую — раз, два, три, четыре, будто количество может что-то решить. Гриз не останавливает — только наблюдает, как розовеют щёки и вздрагивают ресницы служанки.

Тарра открывает глаза посередине очередного поцелуя, недоуменно мычит, отталкивает паренька.

— Пит! Ты чего, а? А где все... там же были...

И оглядывается, ищет тех, с которыми говорила во сне — родителей, братика, может, ещё какую-то родню. Видит Касильду, стыдливо вскрикивает и закутывается в простыню:

— Ой, госпожа...

Но тут подлетает Аманда, обволакивает воркованием: «Ничего не бойся, сладенькая, никто тебя не будет бранить, ты была больна, а вот сейчас мы выпьем укрепляющего, да-да-да? И только посмотри, какой верный у тебя поклонник: вызволил из чёрного сна, ай-яй, молодчинка, мальчик, а тебе вот успокаивающего — и давай до дна...»

Гриз перехватывает требовательный взгляд Касильды Виверрент. Чуть склоняет голову: готова говорить.

Вместе они отдают последние распоряжения. Жестами — потому что и без того ясно, что делать: слугам Касильды — искать пару для остальных спящих. Аманде и Уне — ждать

результатов и хлопотать пока вокруг Тарры и её друга. Местному лекарю — молча изумляться.

Серый кот, гордо подняв хвост, идёт вслед за ними в соседнюю гостиную — всю обитую деревом. Показывает путь, а потом гордо разваливается на дорогой зелёной софе.

— Говорите, — тихо просит Касильда Виверрент. Она вырастает посреди комнаты, будто синий цветок с белым венчиком.

— Веретенщик. Ложный василиск, моровик черносонный... настоящий виновник Сонных Моров двухсотлетней давности.

— Это животное? Вернее... бестия? Магический зверь?

— Не совсем. Вернее, с виду — это ящерица. Совсем небольшая, меньше пяди в длину. Часто разноцветная и может становиться ярче или тусклее в зависимости от настроения или состояния. Может дышать, есть, испражняться и размножаться — на этом сходство с животными исчерпывается. Веретенщик не создан природой. Он был выведен магами во время Братских войн Айлора и Вейгорда. Теперь уже неизвестно, какая сторона несёт ответственность... но это вид магического перерожденца, и создавался он как оружие.

В памяти распаивается нужная дверь — впуская в весенний вечер, в запах сочных трав. Темнеет, и мотыльки собираются вокруг светильника, а лёгкий ветерок шевелит страницы на столе, и за спиной — тёплый смех бабушки: «Снова за старыми дневниками засиделась?» Пожелтевшие от времени страницы уводят на два века назад, в них кровь Братских войн и описание внезапно уснувших людей.

По ту и другую сторону.

— Наставницы и главы наших общин ведут дневники, которые хранятся в общинах столетиями. Во время Сонных Моров, когда возле уснувших начали замечать необычных ящерок, маги обратились к варгам. И тем удалось узнать кое-что о веретенщиках. Так вот местные оранжереи для них — идеальная среда обитания. Если он тут не один... это отличное место и для размножения тоже. А свою территорию веретенщики защищают очень агрессивно.

Гриз очень надеется, что Касильду Виверрент всё-таки можно напугать.

— Вы видите сами — угроза крайне серьёзная. И я настоятельно советую вам на время...

— Нет.

Жена Хромого Министра говорит это тихо, совсем не властно. Но тоном, который ясно даёт понять: другого решения быть не может.

— Я не покину Цветочный Дворец на неизвестное время. Чары защиты завязаны на личность хозяйки и на её приказы. Пока я здесь — дворец скрывает то, что в нём... даже от тех, у кого есть право доступа внутрь.

Она присаживается на софу возле серого кота — и кот недоверчиво косится, фыркает, но с софы не поднимается.

— Это место хранит в своих стенах далеко не только цветы.

Трудно не распознать крепость, когда внутри тебя самой — стены, стены и бойницы. А Цветочный Дворец — это артефакторная крепость. Изящная, утопающая в цветах неприступная твердыня, в которой скрыты чужие секреты... документы? Люди? Можно не спрашивать — от кого они скрыты здесь. Против кого так упорно сражается Касильда Виверрент все эти годы.

— Госпожа Виверрент, ваши опасения я понимаю. Простите мне мою прямоту, но в

случае вашей смерти дворец останется без защиты наверняка.

— Можете звать меня по имени. Гризельда... Гриз, если позволите. Ведь в случае укуса проходит какое-то время до смерти. И жертву ещё можно вернуть через день, два... как вернули Тарру?

— Это всё очень неточно, всё зависит от организма, но...

— В таком случае вы можете обо мне не тревожиться. Однако нужно отослать слуг, — она поднимается, стремительная и сияющая. — Тех, у кого нет... лекарства. Я отдам распоряжение о переводе в одно из моих имений всех одиноких, несчастных в браке, не влюблённых. Словом, тех, кого невозможно пробудить поцелуем. Верно ли я поняла — это действует и в случае безответной любви жертвы или к жертве?

Гриз щурится, вспоминает старые, похрустывающие страницы дневников. «Если ты любишь, если тебя любят»... Действует, да, вот только на ранних этапах, здесь и влюблённость подойдёт, и страсть, и устоявшиеся чувства, а потом «чёрный сон» уводит жертву веретенщика всё дальше, и чувства нужны взаимные и крепкие. И всё это она излагает Касильде, которая смотрит на Гриз ласково, будто на давнюю знакомую.

Взгляд доверчиво приоткрывает истину: «Верно, верно, я не боюсь. У меня есть лекарство, которое легко отыскать».

Счастливых в любви, говорят нойя, легко узнать по сиянию. И если приглядеться — то можно рассмотреть... за красотой, безупречными манерами, ненавистью к мужу. Сияние — даже когда хозяйка дворца спрашивает:

— Итак, после того, как мы обезопасим слуг — что мы будем делать? Вы уже оказали мне неоценимую помощь, Гриз. Согласны ли вы и ваша группа помогать и дальше?

— Я не знаю, сможем ли мы хоть что-то. Мои знания всё же ограничены, и разумом с веретенщиками соединиться нельзя.

Магические перерожденцы даже не слышат голос крови варга, не слышат и не отзываются. Но это люди — тут. Засыпающие беспробудным сном люди, и неизвестно сколько перерожденцев на территории, и если они начнут размножаться...

Лайл Гроски прав. Ей сделали предложение, от которого нельзя отказаться.

— Да. Я сделаю всё, что смогу. На двух условиях. Первое — моя группа... те, кто находится в опасности — должны быть удалены из питомника, как и ваши слуги.

Касильда Виверрент кивает, чуть изогнув безупречной формы брови

— Далее, — Гриз заставляет говорить себя медленнее. — Мы заключаем официальный договор. Где будет указано, что моя группа выполняет работу безвозмездно.

Безупречные брови не отражают ни капли изумления. Или несогласия.

— Это достаточно дальновидно с вашей стороны. Если учитывать Хартию Непримируемости... В любом случае — способ достойно вознаградить вас и ваших людей найдется. Я отдам нужные распоряжения — договор подготовят сейчас же. Нужно также представить вас своему Мастеру — наделить особыми полномочиями в замке. Не беспокойтесь, в дело будут посвящены только доверенные лица, связанные со мной серьёзными обетами.

Она поднимается — стремительная и изящная. Наставница королевы. Одна из самых знаменитых красавиц Кайетты. Вечный полководец на войне против собственного мужа.

Внутри Касильды Виверрент — тоже крепость. Непрístupные стены, увитые цветами и украшенные сапфирами. Вивернии, охраняющие врата. Башня из льдистого металла, в которой скрыто сокровище.

Сияние. Знание о том, что даже сказочные крепости умеют любить.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Если бы злодейка-судьба позволила мне вернуться на полгода назад в трактир «Честная вдовушка» — я бы сделал кучу разных вещей. К примеру, страстно припал бы к бочонку Милки, а то и к самой Милке. Полил бы несчастную пальму, чахнущую в кадке. Очень может быть, я даже схватил бы за шкуру пристарелого Щура. Приволок бы пред ясные глазыньки Стольфси и заявил: это его территория. Вот его на выезд и отправляйте. Потому как — а что вы вообще от меня ждёте, господа хорошие?!

— ...размер — около пяди, — обозначала проблему Арделл. — Искусно маскируется, предпочитает густые заросли, но не брезгует помещениями — карнизы, шкафы, шторы. Окрас — обычно зелёный с радужными переливами на хребте и хвосте. Небольшой гребешок, челюсти с виду слабые и неопасные, это обман. Насчёт питания не знаю, всё же магический перерожденец, так что может быть что угодно. Главное — очень быстрое восполнение яда и крайняя агрессивность. Веретенщик, который обороняет свою территорию, бросается на любого человека. Животные вне опасности, его выводили именно как оружие против магов... Бывали случаи, когда один веретенщик укладывал по сотне магов за сутки. Помните — этих тварей крайне сложно удержать: просачиваются в малейшие щели и прогрызают насквозь толстые деревянные ящики, так что ни о каком «хватать руками, даже в перчатках» речь не идёт...

Арделл сыпала подробностями, будто мешки острейших даматских перцев над головой опрокидывала. От этого хотелось чихать. И потирать нос, по-крысиному обиженно: вот и зачем я тут, спрашивается? А, дорогая Гильдия?! Какими это я, интересно, способами могу поспособствовать невыполнению и без того невыполнимого задания? Мне нужно собственноручно принести ящерку-кошмар к жёнушке Хромого Министра? Ласково погладить, расположить на подушечке и умильно попросить — мол, ты уж меня сейчас не кусай? Или каким-то способом уговорить оную жёнушку Хромца не покидать свою цветочную обитель? Так она, кажись, и не собирается. Гриз сказала, что эта Виверрент отправилась составлять договор и руководить эвакуацией из замка недолюбленных слуг. Интересно бы знать, почему сама остаётся — в такой ситуации лично я бы чувствовал себя спокойно, только если бы крайне сильно кого-то любил. Или кто-то крайне сильно любил бы меня. Или то и это сразу.

— М-да, я бы так поговорил с этим Йелтом Нокторном насчёт того вызова на дуэль от Хромца...

— Что, Лайл?

— Ничего, мысли вслух. А есть способ... я не знаю, приманить эту дрянь? Или убить?

Я уже приготовился, что в меня прилетит кошка — раз уж Мел её взгромоздила на колени. Но наследница Драккантов внезапно не возражала против истребления дрянной ящерки.

— Приманить или отпугнуть... не знаю, но попробовать нужно, Аманда, на тебя вся надежда, — начальство полезло истязать причёску, которая за последний час и так обратилась во что-то малопрстойное. — Убить ложного василиска можно обычным способом. Удар чем-то острым. Огонь. Холод.

— На яд бы я не ставила, сладенькая... — пробормотала Аманда, которая свела плотное

знакомство со второй кошкой. Нэйш улыбался с такой нежностью, что в его улыбке буквально отражался дарт. Олкест кашлянул нерешительно.

— Я ведь не ошибаюсь, они как змеи или другие ящерицы? При холоде впадают в спячку?

— Мантикора знает, это ж магические перерожденцы, — прилетело от Мел. — Может, эти дряни по снегу гуляют, как единорог по полю элейса.

— И в любом случае — переморозить все оранжереи не выход, — добавила Арделл. — В теории, конечно, можно открыть все двери и окна и впустить внутрь холод с улицы...

Тройной вздох Аманды, Хааты и Уны выразил скорбь о местных цветочных красотах. — ...но кто может поручиться, что веретенщик не затаится где-то — да хоть и землю зароется — не заснёт до лучших времён? Или не переберётся в дом? Или что он уже не в доме? Никаких холодных чар не хватит выстуживать все помещения.

Так же, как и никаких магов — хоть и Следопытов — не хватит, чтобы отыскать малька в реке. Или, как говорят у нас в деревне, сосновую иголку в лесу. Я уже даже не удивляюсь, что Арделл согласилась на эту миссию — звучит невыполнимо и безумно, в её лучших традициях. Вон даже Хаата трёт земистой ладошкой лоб и шепчет явно что-то терраантски-малоцензурное.

Начальство скептически оглядело ковчегное «тело» и достало из-за метафорической пазухи мешок с последней дозой перца.

— О веретенщиках в Кайетте не слышали около двухсот лет. Во всяком случае, последний случай Сонного мора был в Вейгорде в тысяча четырёмсот первом. Это если официально. Встречалось что-то подобное в глуши, но только слухи, очень быстро исчезающие. Я склонна думать, что и в Айлоре, и в Вейгорде вряд ли хотели бы, чтобы кто-то знал о том, каково происхождение ложных василисков. Или для чего их применяли.

«Чу-у-у-удненько, — стонала внутри крыса инстинкта, обожравшаяся отборными плохими новостями. — Мне, пожалуйста, ещё парочку вкусеньких. На десерт».

— Думаю, мне не нужно обозначать — чем грозит новое появление веретенщиков. Если кто-то вздумал их то ли выводить, то ли разводить...

То твари могут сбежать и закатить Сонный Мор, не хуже чем во время Братских войн. О которых безбожно врут все стороны, так что точное число жертв всё равно не узнать. Но в любом случае — тысячи.

— Г-госпожа Арделл... а они могут... ну, знаете...

Гриз с некоторым недоумением пронаблюдала за тем, как малый пытается изображать размножение. При помощи кулачков, целомудренно опущенных ресниц и покраснения на всех видимых участках себя.

— Кто-нибудь подглядывал за ними в замочную скважину? — подсказал я шёпотом. — Вообще, магические перерожденцы это умеют?

— Какое прекрасное поле для исследований, — промурлыкала Аманда, перебирая кошачью шерсть.

В «Ковчежец» явно налетело слишком много весны.

— От трёх до десяти яиц в кладке, — отозвалась Арделл, чарам весны неподвластная. — Да. Перерожденец с возможностью размножения. Но размножаются только в местах высокого скопления магии — например, там, где куча артефактов. И если уж собираются размножаться в таком месте — стараются очистить территорию от людей полностью.

Варгиня подождала, пока решительно все ощутят себя сидящими в самом центре

территории, которая идеально подходит для гнезда веретенщика.

— Лекарство от укуса пока что известно одно. То, которое помогло служанке сегодня. Поэтому на этот раз уйдут не только те, кто хотел бы не участвовать, — Олкест возмущённо подпрыгнул в кресле. — Если вы не влюблены в кого-то или в вас кто-то не влюблён...

Скрипучие и свистящие звуки — смех Хааты — идеально подвели черту под этой ситуацией.

— Я остаюсь, — выпалил Олкест. Машинально он изобразил на кулачках какую-то оргию веретенщиков, но излучал решимость пополам с вулканическим румянцем. Наступившая тишина была полна знания — причём, знание поперёк с предвкушением струилось решительно отовсюду.

Гризельда Арделл — единственная пребывающая в блаженном неведении — прочертила взглядом линию «Янист-Мел» и задумчиво кивнула.

— Мел...

— Без вариантов, — отрубил те. Демонстрируя совершенную беспечность в отношении своей жизни. — Следопыт будет нужен. Конфетка, набодяжь мне бодрящего и на восполнение сил побольше.

Вина из глаз Яниста Олкеста, казалось, готова затопить зал.

Вторую черту Арделл прочертила от угла до Нэйша. Или, вернее, от Уны в углу и до Нэйша. И по этому поводу говорить ничего не стала.

Хаата под следующим вопросительным взглядом опять свистяще рассмеялась.

— Дурной корень никто не любит. Только любите вы. Буду ходить. Слушать, искать тут. Не надо бояться. Тварь не тронет. Боятся тех, что с корнями.

И добавила длинную фразу на своём языке — из скрипа, свиста и диковатого распева. Мел хмыкнула со своего места, а у Арделл подскочили брови.

— Об этом я не думала... хм. Ну, если ты так решила — спасибо, Хаата. Аманда...

Черти водные, — сообразил я запоздало. — Она же сейчас дойдёт до меня. И мне придётся либо прилюдно признаваться в горячих чувствах к прекрасной травнице (что-то мне кажется, она не оценит публичное признание), или нужно что-то врать, иначе Гильдия доконает меня не хуже ядовитой ящерицы. В любом случае, нужно остаться в поместье, там посмотрим.

— ...неужели ты полагаешь, что даже и в питомнике на найдётся пылающих сердец, славная?

Аманда подмигнула мне блестящим чёрным глазом — я ответил игривым тиком с левого века.

— Ну-у-у, не знаю, как там у женской половины этого мира с обожанием меня... но я-то точно кое-кого, скажем так, храню в сердечке, — очередная линия, которую прочертила Арделл взглядом, оказалась малость удивлённой. — И клятвенно заверяю, что далеко бегать не придётся... сойдет, если я обозначу имя и положу записку в карман, а?

Черти водные, кого писать? Аманда, конечно, решительно прекрасна, но, Гроски, — ты можешь вот так прямо сказать, что влюблён в кого-то... что вообще за последние лет пятнадцать был влюблён в кого-то? Тёплые ночи, флирт и симпатия — отменное дело, но в список противоядий от ящерицы-то как будто не входят?

— Записку в карман... — Арделл трянула наполовину развившейся причёской. — Да, неплохо — советую сделать то же самое и всем остальным. Итак, расклад по заданию...

— Вы ничего не забыли, госпожа Арделл?

Некоторые присутствующие смогли бы посоревноваться с веретенщиком в количестве яда. Некоторые в белых костюмах и с участливой улыбочкой, да.

— Кажется, вы не назвали себя. Понятно, что вы «сердце» в нашем «теле» и считаете своим долгом остаться... но разве вы не подвергаетесь опасности наравне со всеми? И при отсутствии вариантов...

Жарко в комнате стало даже кошкам. От обивки кресла Олкеста запахло палёным. На скулах Арделл вспыхнули алые пятна.

— Со мной дело решённое, — отозвалась она негромко. Вцепившись при этом глазами в зрачки Нэйша. — Я остаюсь.

— Однако, если вдруг...

— «Если вдруг» — у меня есть страховка, и больше мы к вопросу возвращаться не будем.

Арделл демонстративно старалась не смотреть на Олкеста. Нэйш, наоборот, смотрел с предельным интересом. Как и Аманда. Как и Мел.

Я задался невольным вопросом — не следует ли мне подбежать к парню и охладить его при помощи Дара. Это точно вызвало бы очень громкое «пшшш».

— По делу, — Арделл с силой вогнала в причёску шпильку которая попыталась было совершить побег. — Касильда... госпожа Виверрент после подписания договора представит нас Мастеру. Тот даст нам доступ во все основные помещения замка. У кого хорошо со знанием артефактов? Мел, Олкест? Поспрашивайте его насчёт защиты жилых комнат. И возможности перекрывать помещения. Любые поисковые артефакты тоже очень пригодятся. Предложения принимаются.

— Нужно посмотреть, кто останется из слуг, — буркнула Мел. — Если там Следопыты или маги холода — организовать и послать прочёсывать местность. Оранжереи местные знают лучше нас.

— Хорошая идея. Мел, работаешь на поиск, со слугами тогда... Олкест, вы, — обращаясь к Янисту, Гриз старательно смотрела на Хаату. — Хаата, слушай корни в оранжереях. Я попробую в доме посмотреть. Любые следы — испражнения, кусочки чешуи... ищем всё. Помните об осторожности. Аманда, тебе карты в руки...

— Нойя любят карты, медовая!

— Тогда зайди с козырей и поищи способ приманить или отпугнуть веретенщика. И посмотри, что творится с жертвами: о яде веретенщика известно слишком мало. Уна, ты тоже самое, но с другой стороны: нужно взглядеться в их сны. Понять механизм того, как именно они умирают.

Под волосами в углу наметился утвердительный вздох. Арделл нервно потёрла ладони.

— И ещё. Самое опасное — в том, что мы не знаем, сколько особей сейчас на территории. И это... как говорят нойя?

— Дурная игра, *фианак*, — улыбочка Аманды решительно могла отравить. — Да. Это дурная игра — когда не знаешь, сколько придётся играть.

— А пока мы не узнаем, сколько их — мы и не поймём. Как вы понимаете, узнать это можно только одним способом: найти, каким образом в замке очутились веретенщики. И кто их сюда отправил. Я не уверена, согласится ли со мной наш клиент...

— Я заранее выражаю согласие.

Всё-таки появление Касильды Виверрент создавало ошеломляющее ощущение. С мурашками и благоговением. В моём случае — ещё и с неприятным подёргиванием внутри.

От того, что смотришь на ту, которой придётся помочь умереть.

— Договор составлен и заверен с моей стороны — прошу, вы можете ознакомиться.

Царственный взмах руки — и вот солидный стряпчий, даже бакенбардами излучающий преданность клиентке, разложил бумаги по столу. Ещё один спутник госпожи Виверрент оказался местным Мастером — маленький человечек с тихим, писклявым голосом и высоченным лбом. Мастер держал в руках один из родовых артефактов — статуэтку виверния из прозрачно-синего камня, с живыми, поблёскивающими чёрными глазками.

— Необходимо познакомить магию дворца с вами, чтобы предоставить допуск в основные помещения и оранжереи, — сходу заявил Мастер. Статуэтка с полусшелестом-полускрежетом развернула каменные крылья и пустилась в путешествие по воздуху: подлетала к каждому и на миг словно облекалась лёгким магическим ареолом — голубым возле Яниста, зелёным — у Гриз, ядовито-розовым — у Аманды... Остановилась и возле меня — и чёрные глазёнки артефакта заглянули внутрь, закололо в Печати на ладони... Статуэтка облеклась в светло-светло голубой.

Пока шло магическое знакомство, Арделл сначала изучала договор, потом вполголоса переспрашивала что-то у местного распорядителя бумаг, подписывала и заверяла — при помощи Олкеста и Мел. Поскольку, во-первых, они могли поставить отпечаток Печати. Во-вторых, только они принадлежали к аристократической среде.

Касильда Виверрент заговорила, только когда её подчинённые откланялись.

— Итак, госпожа Арделл, на время работы вам — или вашему заместителю — будет предоставлена должность временного распорядителя в Цветочном Дворце и прилегающей территории. Слуги будут выполнять ваши приказы — в том числе господин Куорд, мой Мастер. Доказательство — моя печать.

Она выложила поверх договора перстень с родовым гербом — синим вивернием.

По ошеломлённым физиономиям Яниста и Мел читалось, что такой уровень доверия к наёмным работникам — это даже как-то и чересчур. На лице Гриз было написано то, что это вот внезапное высокое доверие её как-то даже и не радует.

— Благодарю, госпожа Виверрент... Касильда, — называть вельможную даму Айлора по имени у варгини получалось с трудом. — Я хотела бы обговорить кое-что ещё. Поскольку мы не знаем — сколько особей веретенщика на территории, а разведение этих тварей грозит всей Кайетте...

— ...вы решили оказать мне ещё одну услугу и найти негодяя, который это начал. Да, я успела услышать. И сама хотела провести расследование — однако вы понимаете, что в Айлоре нужно действовать с оглядкой. Я была бы признательна, если бы кто-то из вашей группы присоединился к моим людям. Господин Гроски ведь бывший законник?

Благосклонная улыбка Касильды Виверрент почти заставила меня превратиться в очень печальную лужицу.

— И весьма неплохой. А подстраховкой в случае осложнений займётся господин Нэйш.

Специалист по осложнениям поднялся из кресла и отвесил галантный поклон. Жена Хромца наградила Нэйша даже более тёплой улыбкой и заявила, что придаст нам в помощь своего доверенного помощника — господина Даллейна. О да, на него можно положиться, и мы не будем испытывать трудностей ни с чем.

В конце концов «Погиб из-за сыскной работы» — выглядит для Книги Утёкшей Воды вполне сносно. А что не удалось остаться в поместье... ну, когда у меня было что-то через голову. Судьба всегда показывала мне совершенно противоположные части тела.

Я всё-таки попытался — когда Касильда Виверент дообсудила с Гриз и отправилась руководить эвакуацией слуг.

— Тебе не кажется, что я был бы... ну не знаю... полезнее здесь? Всё-таки, дар Холода.

Гриз покусывала ногти, щурясь от каких-то дурных предчувствий. Предчувствия скрывались за той дверью, куда только что ушла Касильда Виверент.

— Почему я не спросила... надо будет спросить. Что, Лайл? Нет, я считаю, что ты будешь полезнее на другом поиске. У тех, кто прислал сюда веретенщиков, могут сохраниться какие-то сведения о них... Как-то же они с ними работали. Словом, найдите что угодно. Нэйш, с тобой то же самое. Очаровывай служанок, трясى поставщиков, можешь наоборот — но узнайте, откуда прибыли ложные василиски!

Нэйш пожал плечами и открыл рот, чтобы сообщить общественности нечто вроде: «Приятно видеть, что вы цените мои скромные способности» — но Мел срезала фразу цыканьем. Следопытка приподнялась в кресле, сгружая с себя кошку, на чуть приподнятой ладони тихонько светится Знак Глаза.

Через секунду стойки сделали Арделл и Хаата — разве что ладони не поднимали. Варгиня пробормотала:

— Что-то случилось, — и первой рванула к двери, я каким-то чудом успел вторым — и только пробежав за Арделл пару залов услышал топот по коридорам и встревоженные голоса служанок: кто-то звал лекаря, повторяя: «Госпоже плохо!»

Касильда Виверент стояла, прислонившись к увитой каменными цветами колонне — почти сливаясь с колонной синим платьем и белизной лица. Глаза полуприкрыты, на губах задумчивая улыбка. Вокруг метались две горничные с нюхательными солями.

— Госпожа, пойдёмте... давайте сядем! Сейчас принесут воды!

— Лекаря! Травника!!

— Укололась обо что-то, — пролепетала Касильда, едва только Арделл влетела в зал. — Просто головокружение, сейчас... пройдёт. Булавка... острая... расстегнулась...

— В сторону! — гаркнула Арделл, подскочила к жене Шеннета и под дружный ах служанок встряхнула её за плечи. — Касильда, смотрите на меня! Кого вы любите? Быстрее, быстрее, имя! Аманда, бодрящего, антидотку, быстро! Касильда, быстрее! Кого вы любите? Ну?!

Мел вбежала следом, энергично ругнулась и кинулась осматривать колонну с другой стороны. Свистнул нож — одновременно со вторым ругательством. Подбежала Аманда, крикнув на ходу: «Слуг уберите!» — зазвенела пузырьками...

Касильда Виверент сползала по колонне на пол, соскальзывала в сон. Полуулыбка на лице была безмятежной — будто вокруг не раздаётся топот и вопли, будто её не встряхивает с отчаянной силой Гриз Арделл.

— Не засыпайте! Боритесь! Касильда, слушайте меня! Скажите мне, кого найти? К кому обратиться? Кого вы любите? Кого...

— Лучшего, — выдохнула Касильда, улыбаясь снам, которые смыкались над ней. — Лучшего из людей...

— Кого? Имя, имя его!

— ...нельзя говорить... нельзя, чтобы знали... никогда... нельзя...

Янист оттеснял служанок и выглядел чуть ли не более испуганными, чем они. Мел обшаривала зал, Аманда вливала в жену Шеннетского бодрящее, антидоты и вир знает, что.

Я смотрел на платье цвета сапфира, разметавшееся по светлому паркету. На жемчужную

сетку, упавшую с густых черных волос. Едва заметный укус на оголившейся руке — и чёрные, густейшие ресницы, за которыми пропадала, как за частой решёткой, синева глаз.

Крыса внутри шепнула было: «Ну вот и всё, а, Гроски? Тебе и делать-то ничего не пришлось». И я как следует прихлопнул грызуна чем-то тяжёлым.

Арделл стояла на коленях над хозяйкой Цветочного Дворца. Поддерживала под спину и умоляла — не засыпать, бороться, сказать имя... Но Виверрент уже не отзывалась.

Только, когда уже закрыла глаза — нащупала руку Гриз и сдавила в слабом пожатии.

— Он... придёт, — шепнули бледные губы. — Не оставит...

Потом ошалело грохнулась звенящая тишина. Перестали всхлипывать служанки — вытянули шеи и замерли. Мел начала было говорить: «Промазала — ушёл куда-то вверх...» — смолкла. Ругательства нойя, уговоры Яниста, вздохи Уны и свист терраанта — всё смылось сонной, глухой, мягкой тишиной.

Тишиной зачарованного замка, в котором покоится уснувшая красавица.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Что делать, если ты попал в сказку и не можешь выбраться?

Мы заперты в Цветочном Дворце с уснувшей хозяйкой. В пропитанном ядом дворце, где чёрный сон может настичь в оранжереях, комнатах, коридорах... Во дворце, которому словно предсказали уснуть вместе с Касильдой Виверент — и уйти в покой насовсем, в цветочном сне.

Сказка писалась в мыслях, и была в ней Дева-Укротительница, которая ходит по коридорам и ищет — как бы поймать и запереть зловещий сон. И нойя-травница была — чернокудрая, погружённая в котлы и пробирки, поющая над ними протяжные песни. И девочка-сноходец — присела у изголовья зачарованной красавицы. А в оранжереях дикая пещерница вслушивалась в сны цветов.

В сказке был, конечно, рыцарь. Его Светлость Морковка, полный решимости свершить великий подвиг. Отыскать того, чей заветный поцелуй разбудит красавицу. Кого-то, чьё имя запрещено и тайно. Не должно звучать под сводами, где уже обосновалось другое, скользкое и шипящее имя.

На пути к подвигу лежали тяжкие испытания. Нужно было нырнуть в омут... в тяжкий, каменный омут Водной Чаши — и прорваться через войско приветственных улыбочек, одолеть рой сплетен, устоять, не дрогнув, перед сторонними разговорами. Потому Его Светлость Морковка должен был надеть Сказочный Плащ Притворства. Улыбаться в ответ на ужимки, и всплёскивать руками, и наводить на нужные темы, и недрогнувшими пальцами копать в чужой жизни. И нельзя повернуться и сбежать, пусть ты хотел бы лучше заняться сыскной работой на пару с Лайлом Гроски. И вообще, Дама — тоже в пропитанном ядом поместье, потому Рыцарь будет здесь.

Дамы бывают невыносимыми просто на удивление. В этом я убедился, когда открыл дверь своей комнаты и обнаружил Гризельду Арделл сидящей на полу перед камином.

— Господин Олкест, вы не ошиблись комнатой, — сказала волшебное видение, одетое в пламя, когда я застрял в дверном проёме. — Простите, что вторгаюсь вот так. Но мне кое-что срочно нужно.

Я закрыл дверь, каким-то уголком разума отметив, что мы оказались более чем в предосудительной ситуации. Прочая часть разума блаженно пустовала.

— Мой... э-э... пол в вашем распоряжении.

— Спасибо. Мне так думать легче, — повернула ко мне лицо, озарённое отблесками пламени. — У меня есть вопрос, на который из моих знакомых можете ответить только вы. Эвальд Шеннетский — кто он?

Та самая малая часть разума подсказала, что стоять с открытым ртом не пристало Рыцарю и вообще едва ли сказочно.

— Нет, не настолько, — ответила Арделл на мой взгляд. — Кое-что мне известно... но в самых общих чертах. А если вслушиваться в то, что говорят про Хромого Министра — сами понимаете.

Она взмахнула рукой, и я оцепенело пронаблюдал, как пламя в полутьме зашторенных окон придаёт её силуэту то ли огненную шаль, то ли крылья.

— И мне хотелось бы разобраться. Если Касильда права в своих догадках и за появлением веретенщиков стоит её муж — то что он за человек? Кто он такой? Понимаю, что прошу многого...

Немыслимого. Кто может сказать — что такое Шеннет, про которого говорят, что его тень — за каждой войной, каждым переворотом в Кайетте. Свергающий королей, играющий министрами и магнатами, переживший Ночь Искупления — что он такое... посланник иных, могущественных сил? Перевертыш, продавший Дар и Душу, заключивший сделку с Владыкой Пустошей? Человек-тень, облеченный тайнами, будто непроницаемой бронёй, и кто проникнет сквозь неё...

Но чего не сделает Рыцарь — не ради улыбки Дамы, но ради того, чтобы пропала вот эта морщинка между её бровями?

— Я... постараюсь. Всё, что знаю, во всяком случае. Увы, это не так уж много, но если речь про Хромца — это не так уж удивительно.

Лихорадочно собираю в мыслях — цитаты из книг и ошмётки из статей, обрывки разговоров и рассказы бывших аристократов из обители в Алчнодоле. Подхожу, сажусь тоже на пол, совсем рядом с ней — чтобы можно было смотреть на пламя...

Прежде чем начать сказку — долгую, невесёлую, не имеющую конца. Сказку о мальчике в обнищавшем поместье, где герб с сияющим клинком скрывает под собой давнее предательство.

— ...вы не задумывались о том, почему — Шеннетский? Белолисье — Шеннетен на древнем языке — это ведь Вейгорд, а не Айлор. Недалеко от Триграничья. Там — древняя вотчина предков Хромца, его исконное родовое поместье. Замок Лис, сейчас под чарами магической консервации. Всё потому, что больше двух веков назад один из Шеннетов перешёл на сторону Айлора. Виной тому была любовь... и единственный наследник рода присягнул королю враждебного государства, женился и отрёкся от старого герба...

Белый лис на зелёном фоне сменился клинком и лазурным полем — и имя тоже сгладилось и пропало: Шеннет вошёл в род своей жены и назвался Стимфереллом. Несмотря на то что род Шеннетских был древнее.

Знак Мечника, «Отвага и честность»... Перед глазами мелькают страницы рыцарских хроник — и имя Стимферелл, неизменно отмеченное знаком чести и клинка.

— Это был род истинных Мечников — полководцев, воинов, охранников. В родовых хрониках говорится, что даже Камень отметил их знаком особой милости: родовой Дар, каждый следующий наследник рождался Мечником... не меньше девяти поколений, это большая редкость даже в аристократических семьях. У Линешентов, например, в основном Стрелки, но были и исключения. Здесь же был даже родовой *атархэ* — Белый Лис, клинок, мощь которого можно только вообразить.

Родовые атархэ с каждым поколением набирают силы — особенно если Дар наследников один и тот же. И *девятиколенный* клинок... Единый, хотелось бы узнать мне, куда он пропал. Ходили слухи, что Эвальд Шеннет на нём заключил кровавую сделку или даже отдал в уплату за что-то невообразимое. Но я больше верю, что Ашильда Стимферелл сумела не отдать Белый Лис в руки беспутного сына.

— К сожалению, Дар Клинка и родовой атархэ были единственным ценным приобретением семьи Стимфереллов за два столетия. Может, они старались загладить свою дурную славу — всё-таки из Вейгорда... Но они никогда не гнались за прибылью или должностями. И отличались высочайшей принципиальностью. Словом, они были все

несколько похожи на Дерка Мечника, кузена Илая Вейгордского, только...

Едва ли умели вести дела. Рыцари и полководцы ведь редко сражаются с цифрами — чаще с противником. Разят не счётами — клинком. А досуг проводят в охотах или тренировках — не за бумагами.

И потому сказка моя начнётся в сыром и мрачном поместье. В поместье со скрипучими полами, пропитанном сквозняками и с полуобвалившимися стенами. Я ни разу не был в замке Стимфереллов, но словно вижу его — сошедший с гравюр почтенный каменный старик. Дышащий памятью о славных деяниях предков. Гобелены и портреты, и славные истории, и стяги, и голодные собаки...

Глава семьи, отягощённый заботами и сам себе начищающий доспехи. Пятеро сыновей и дочка — и во дворе азартно стучат клинки, потому что из шести детей пять — Мечники... и есть младший.

— Ашильду Стимферелл обвиняли в неверности, — уже после, когда... словом, он стал известен. Посвящение младшего сына, Эвальда, отпраздновали как должно — ему преподнесли клинок в подарок, и соседи видели Печать на его ладони. Вот только после все сходились, что Печать выглядела как-то не так, да и отец с матерью были не рады, а скорее встревожены и испуганы. Пошли слухи о том, что Печать была фальшивой.

Есть умельцы — нанесут на ладонь что угодно. Наклеют фальшивую Печать поверх настоящей или выведут правдоподобный знак на руке. Тогда узнать твой Дар можно, только когда ты применишь магию, да ещё по Книге Кормчей. Но Эвальд Хромец не пользуется Даром на людях, и ходят слухи, что он вымарал даже строку в Книге Кормчей (как?!). И перчатка — почему перчатка, а не фальшивая Печать, что там, на правой руке — ожог? Знак, который ничем не закрыть и никак не изгладить? Гладкая кожа?!

Мечник, Стрелок, Огонь, Ветер — вот что считается достойным для истинного аристократа. Отец рассматривал мою ладонь, бормотал, что стыдно такое людям показать — может, не поздно вызвать специалиста и хоть с виду поменять?

— В общем, это ведомо лишь Кормчей да самому Шеннету — что он получил тогда. Говорили, что Камень вместо магии влил в кровь Эвальда Стимферелла проклятие всему роду — за то самое, старое отступничество. Во всяком случае, как раз с Посвящения младшего сына в семействе Стимферелл начались трагедии. Сперва в стычке на границе погиб Глава Рода, за ним последовали четыре старших сына, один за одним: турнир, потом начались мелкие войны на границе с Вольной Тильвией... Словом, к четырнадцати годам Эвальд Стимферелл оказался единственным мужчиной в семье. Поместье тем временем приходило в упадок, Ашильда сходила с ума от горя и всё время проводила в подобии фамильного склепа, где приказала изваять статуи покойного мужа и сыновей. А дочь, о... Найра Стимферелл...

Может, мне не следует рассказывать и эту историю, но я всё продлеваю сказку — чтобы только можно было смотреть на мотыльки-отблески в её волосах, на склонённую голову, задумчивый изгиб губ. И я перевиваю историю Эвальда с грустной сказкой о Деве-Воине. Найре Стимферелл, храброй и талантливой, преданной и погубленной людской подлостью.

— Найра была сильным Мечником — сумела достойно себя показать на трёх турнирах, едва ей только исполнилось семнадцать. Она мечтала положить клинок к ногам короля — и это ей, а не её брату прочили главенство над Родом и блестящее будущее, славу Эйлы Пламяносной или Тендейры Воительницы. Конечно, её воинственность вызывала пересуды, но в основном все сходились, что раз уж Камень дал Найре Дар такой силы, то её сердце —

сердце настоящего воина. И, как настоящего воина, её погубила любовь.

Пламя пригибается, словно отдёргивая занавес. Открывая пляску теней: вот волосы, непокорные, вьющиеся, растрепались, когда снят шлем. Улыбка поверженного в поединке противника, протянутая рука...

— Мейрик Дазерент был из семьи, у которой со Стимфереллами была затянувшаяся тяжба за земли. Но Найру это не остановило. Может, она думала, что примирит их семейства таким решением, или надеялась на благословение матери, если её поставить перед фактом, но... она...

Пламя плещет, растекается, и в нём без труда можно увидеть — перевившиеся пальцы, скомканный шёлк простыней, губы — шепчущие клятвы друг в друга...

— Дазерент поступил... у меня нет слов для его поступка. Уже наутро он раструбил на каждом углу о позоре девицы Стимферелл. Этим он уничтожил её репутацию — для знатной аристократки это невозможность замужества, невозможность службы при дворе. Она даже не смогла бы участвовать в турнирах Мечников — разве что под градом насмешек. Она могла бы ответить ему мечом, вызвать на дуэль, но... не смогла или не захотела.

Наверное, он говорил ей, что она красива — этот подлец, который полностью заслужил свою судьбу. Пел в уши о том, что она лучше всех придворных красавиц, восхвалял её мастерство боя. И она поверила, что он — её судьба, вцепилась в неё, бросилась безоглядно, как в омут, в единственную ночь...

Утро выбило у неё землю из-под ног. Сплетни затянули на горле петлю.

— Дазерента осудили в обществе после того, как Найра повесилась. Однако Эвальд Стимферелл — единственный, кто имел право призвать обидчика сестры к ответу — не бросил вызова, хотя ему уже исполнилось семнадцать. В то время он был уже в Айлор-тэне — начинал карьеру в столице. Светскую, а не военную карьеру — первый из всех его предков. Секретаря, подручного... словом, он был кем-то вроде помощника у знатных особ. Пособника в переговорах, в налаживании связей, в денежных вопросах и вир знает, в чём ещё.

Кто теперь назовёт — кому он служил, от чьего имени выступал и какими злодеяниями вымостил себе путь в верха. Неприметный молодой человек, о котором никто и не слышал до его двадцатипятилетия, когда он стал подручным у дряхлого министра целительства.

— Плесневый Министр — так его прозвали, пусть он официально и не занимал министерскую должность. Полагаю, при дворе хорошо понимали — кто по-настоящему принимает решения. Борьба с Плесеным Мором шла достаточно успешно — но куда успешнее Эвальд Стимферелл продвигался в высшем свете. Влияние его быстро росло, и тогда-то о нём и поползли эти слухи. О всеведении и о том, что он... ну, словом, заложил душу — ибо он, казалось, знал всё и о всех, предугадывал собеседников, избегал ловушек недоброжелателей, мог что угодно уладить или что угодно достать. Он числился личным помощником министра — однако в его власти было освободить аристократа от Плесневого Налога или решить имущественную тяжбу. Но по-настоящему серьёзное влияние он обрёл после того, как на трон взошёл Даггерн Шутник.

Камин начинает затухать, и я подкладываю в него ещё поленьев. Стоит ли рассказывать, что за человек был узурпатор? Мой опекун, господин Драккант, знал Даггерна, когда тот был лишь королевским кузеном — и многое рассказывал. О пьяных оргиях, разорениях деревень и лабиринте с сюрпризами: коридоры и двери, двери, и за каждой — горка алмазов на столе, или отравленные шипы, или золото, или помрачающие сознание артефакты.

В пансионе поговаривали: Даггерн сверг своего праведного кузена, чтобы тот его не казнил за эти развлечения.

— Во время переворота министр целительства умер — уверяют, что от страха — и Эвальд Стимферелл занял его место. Приглянулся узурпатору. Через два месяца тиран жестоко казнил министра финансов — своего же сторонника, впрочем, у того были неумеренные аппетиты. И место занял Стимферелл, которому тогда едва исполнилось двадцать восемь. Ему быстро удалось пополнить казну — но вот какими методами...

Хромцу приписывают столь многое (от связей с известными грабителями драгоценностей до чеканки фальшивых золотых монет и торговли с пиратами), что едва ли моих скромных способностей хватит, чтобы отделить истину от домыслов. Говорили, что это по его указке Даггерн Шутник принялся казнить своих же сторонников и обращать их имения в доход государства. Ходили и тёмные истории о нескольких тильвийских магнатах, которых он разорил, не говоря уж о Торговых войнах с Ирмелеем.

— Здесь, может быть, стоит отметить ещё одну черту этого человека. Мстительность. Ещё до того, как он стал во главе казначейства, он отстроил и восстановил поместье — причём, разорил всех управляющих, которые прежде это поместье разворовывали. Что до Мейрика Дазерента, который был виновен в смерти сестры Эвальда... Даггерн Шутник внезапно получил доказательства, что Дазеренты, якобы, укрывали одну из беглых принцесс — настоящих наследниц трона. Доказательства были вескими, свидетели заслуживали доверия, однако знающие люди не сомневались, кто стоял за этим. Конец этой истории печален: Даггерн Стрелок со своей гвардией лично принял участие в «охоте на Дазерентов», сжёг их замок, опустошил имение. А после сыграл ещё одну шутку: он предоставил Хромцу решать — что делать с Мейриком и его семьёй. Эвальд Стимферелл переложил решение на свою мать — и это у неё Мейрик Дазерент на коленях вымаливал свою жизнь, жизни жены и дочерей — к тому времени он был женат и с двумя детьми...

Кто-то говорит — Ашильда Безумная просто не узнала его, кто-то — что отпустила со слезами, полная милосердия. Так или иначе — род Дазерентов не оправился от удара. Они и сейчас влачат довольно жалкое существование — в единственной оставшейся у них крошечной усадьбе... не буду говорить об этом моей невыносимой — вот она потирает руки и ежится, будто от моей сказки веет на неё стужей. Хороший предлог поклониться, согреть её руки в своих ладонях... нет, куда мне. Я только скромный сказитель чужого горя нынче — и пришла пора рассказать о безумной женщине, обратившей себя в каменное изваяние. Проклявшей сына на смертном ложе.

— Ашильда Стимферелл, говорят, умерла от горя. Не перенесла последнего удара — дурной славы сына. Она предчувствовала смерть и приказала изваять свою статую в том же подземелье, что и статуи своего мужа и других детей. А последней строкой в Книге Утекшей Воды для неё было «Умираю со своим родом». Как утверждают, перед смертью она скрыла родовой клинок — *девятиколенный атархэ*, великий Белый Лис. Отдала кому-то на сохранение, а может, спрятала в одном из тайников поместья — чтобы меч не достался сыну. И посмертной волей она лишила сына права возглавить род Стимфереллов — отеклась от него в завещании. Он легко мог бы оспорить это: доказать её безумие, а там... Но он внезапно пошёл иным путём.

Перед королём-узурпатором его министр заявил, что имеет право на главенство другого рода — *Шеннетских*, поскольку древний договор вхождения в род был заключён неправомочно: более древний по крови род оказался подчинённым роду Стимфереллов,

который нынче остался без наследников и значит — мёртв. Даггерн Шутник веселился, слушая возмущение своих придворных. Что ему — узурпатору и предателю своей родной крови — было давнее предательство?

— ...король позволил Шеннету носить имя его предков. Наверняка ему это казалось очередной шуткой — имя, но не поместье... и не вейгордский герб: Шеннетский оставил герб своих предков-Мечников, но словно в насмешку перечеркнул клинок на нём веткой полыни — знаком разочарования. И сменил девиз.

— «Любыми путями».

Голос у неё тихий и задумчивый. Звучит впервые с начала моей повести. Я ищу её взгляд и нахожу только короткий жест, которым она просит меня продолжать.

— Да, «Любыми путями» — и он придерживался своего девиза. В короткий срок имя его прозвучало уже по всей Кайетте. Вскоре он получил титул особого королевского советника — и перед ним начали пресмыкаться чуть ли не сильнее, чем перед королём. Одному Единому ведомо, что он творил на этой должности, но... про Заговор Семи Родов вы ведь слышали?

Я готов вновь пересказать историю о том, как советник короля раскрыл заговор, как казнили заговорщиков, о насильном браке Касильды Виверрент... Один кивок невыносимой — и я поведаю о хрупкой девушке со знаком Целительницы на ладони, о том, как жена сумела разбить козни мужа и возвести королеву на трон...

О крике человека на площади.

Не на той площади, что в Энкере, и человек не был маленьким мальчиком, и это было не так давно... но была — ночь, и восход Луны Целительницы, и боль, и пламя, и крик в ночи — и невозмутимое, прекрасное лицо Арианты Златокудрой, воспетой многими поэтами.

В одах воспевают твёрдость обрётённой королевы. В балладах она стоит, выпрямившись, в королевской ложе — и взмахом руки даёт сигнал к началу Казни Искупления. И после наблюдает, с бледным, прекрасным и неподвижным лицом, на котором запечатлелась скорбь.

Не отводя взгляда.

А человек там, внизу, в окружении бушующей толпы, извивается и кричит.

Баллады и оды всегда казались мне фальшивыми. Если Арианта Целительница так милосердна, как её описывают... разве могла она смотреть на Искупление ночь напролёт? Не плакать, не отворачиваться, не зажмуриваться — пока Эвальду Шеннетскому ломали кости, полосовали кожу, прижигали руки и ноги? Рассказывали, что под утро даже некоторые мужчины у помоста начали падать в обмороки — и чтобы смотреть без устали... на такую боль... нужно либо вовсе не иметь сердца — либо всем сердцем ненавидеть.

Но разве может не иметь сердца та, которая шагнула потом в храм Целительницы — и даровала надежду и прощение осуждённому, пропадающему человеку? Эвальд Шеннетский не мог даже стонать, когда его уносили с места Испытания: он сорвал горло и был в шаге от смерти, но Арианта пришла в храм Целительницы, явила свою силу, оставив Шеннету лишь хромоту — в память об Искуплении.

— ...тогда объявили волю королевы: исцеления и нового шанса достоин любой. Даже падший. С той поры во дворец Айлор-тэна не прекращается поток больных и искалеченных со всей страны. И королева много времени проводит за целением.

Дар Арианты Целительницы только расцветает со временем. Уже говорят, что с годами

она может превзойти великую Целительницу Летейю Стриан. Ту, что сейчас называют Девятой Кормчей.

Гриз Арделл подтягивает к груди колени. Упирается в них подбородком и глядит, глядит в огонь, словно зачарованная видениями в нём.

— Почему она его не оставила?

— Что? Арианта?

— Нет, тут я знаю — Шеннет связан обетом служения. Почему Касильда Виверрент не расторгла брак? После того, как на трон взошла Арианта? Касильда ведь столько сделала для королевы. Возвела её на престол... а решение о браке принималось узурпатором. Разве нельзя было это как-то...

— Расторгнуть брак аристократов такого уровня не так просто. Даже Неполный Брачный в случае соединения двух родов — очень серьёзный обряд. Я не слышал о таких случаях. Впрочем... слухи, знаете, ходят...

Сказка не желает писаться — обрастает клубком домыслов, запутывается в скользкой проволоке слухов.

— Говорили, что сама Касильда Виверрент воспротивилась предложению Арианты расторгнуть брак. Якобы она опасалась за судьбу неопытной и молодой королевы и решила находиться от Хромца поблизости — чтобы предупредить его возможные козни. По другим же сведениям — между Касильдой и Ариантой случилась серьёзная ссора, когда королева проявила милость к Хромцу. Касильда настаивала, что Шеннет не заслужил жизни... и... и...

Недостойно говорить так о хозяйке этого замка — когда сама хозяйка погружена в зачарованный сон. Но серые глаза с зелёными разводами внутри просят рассказать — и я выдыхаю:

— И я слышал ещё кое-что. Будто бы за годы отношения между Касильдой Виверрент и её воспитанницей ухудшились. Эвальд Шеннетский после своего Искупления принялся выслуживаться. Всё-таки, Айлор не зря теперь сравнивают с Ирмелеем по благосостоянию. Но Хромец втёрся в доверие к королеве, а Арианта Целительница всё-таки слишком чиста, слишком хочет верить в лучшее в людях, давать им шансы...

Как одна невыносимая, которая сейчас слушает меня, склонив голову.

— ...словом, она поверила в его преображение и год назад отдала ему место первого министра. При дворе были недовольные, но их успокоил обет служения на Хромце.

— Но не Касильду?

— Это было в газетах. Уверяют, что Касильда пыталась переубедить королеву, но наткнулась на резкую отповедь. Утверждали также, что Арианту возмущали... фавориты Касильды.

— С этого места поподробнее.

Пришёл твой час, Рыцарь Морковка. Откладывай перо сказителя, берись за воображаемый клинок — и вступай со слухами в настоящий бой.

Что положу под ноги своей Даме — убитые сплетни?

— Об этом и раньше говорили — но достоверной информации немного, а то, что болтают в салонах... Вскоре после свадьбы с Шеннетским Касильде Виверрент начали приписывать множество романов с самыми разными... ну, словом, это всё можно было бы списать на придворные сплетни, однако количество... И недолговечность этих увлечений... Я правда, не хотел бы прибегать к непроверенной информации.

— Уговорили, — у неё всё-таки очень тёплая усмешка. — Сведения обо всех поклонниках Касильды можете придержать до того момента, как нароете что-нибудь весомое. Но насчёт этой размолвки с королевой всё-таки расскажите, это интересно.

— Это тоже было в газетах, — бесцеремонная Айлорская пресса, острее и лживее только пресса Вейгорда. — Королева Арианта якобы слишком часто начала появляться в обществе молодого Мечника, Хорота Эвклингского, его ещё называют Эвклингом Разящим...

— Это не он соперничал с кузеном короля Илая на аканторских состязаниях?

Я был на Турнире Разящего Клинка до того, как оказаться в общине Алчнодола. С трибун видел сражение фаворитов. Их было трое, лучших Мечников Кайетты: мрачный Дерк Горбун и грузный насмешник Мейро Багряномечный. И красавец Хорот, звонкий и ясный как сталь. Улыбающийся мечной плясун, легко скользящий под ударами, и явный победитель — если не на арене, то уж точно в глазах всех дам.

С Дерком Горбуном он сражался так, будто от этого зависит итог в войне Айлора и Вейгорда. И так огорчился от поражения, что проиграл ещё и Мейро потом.

— Эвклинг Разящий — отличный мастер меча, любезный кавалер, выдающийся охотник, — спохватываюсь, что последнее в глазах Арделл — едва ли комплимент. — И, как я понимаю, это всё, что его интересует: в каких-либо интригах он замечен не был, даже не состоял при дворе у Даггерна — был у себя в поместье. Но зато одним из первых присягнул королеве Арианте и с тех пор начал бывать при дворе куда как чаще. Если же вы о том, может ли он оказаться «лучшим из людей»... У него репутация щедрого благотворителя, мецената... И с Касильдой господин Хорот тоже был знаком, и эта размолвка между королевой и...

— Вы, значит, полагаете, что королева приревновала Касильду к своему фавориту? Или наоборот — Касильда приревновала королеву? И из-за этого Арианта отказалась расторгать брак своей наставницы с Шеннетом?

Учись, Рыцарь Морковка. Наверное, тебе нужно учиться разить вот так. Наотмашь, с точностью и беспощадностью хорошего Мечника.

— Могло быть и такое, верно ведь? В любом случае, я полагаю, что Эвальд Шеннетский тут тоже замешан. Как замешан во всём, что происходит в Айлоре, да и не только в Айлоре. Гриз, — я стараюсь, чтобы это не прозвучало слишком уж интимно, а оно звучит, звучит и заликает щёки проклятым алым. — Это очень опасный человек. И если его цель — как можно скорее овдоветь, то...

Она не слушает. Сидит, вглядываясь в огонь, словно ищет в нём какие-то знаки — сама похожая то ли на тайный знак, то ли на дивное видение в этих отсветах. И я позволяю себе — немислимое. В отравленном замке с заснувшей хозяйкой, перед своим боем со сплетнями и слухами — позволяю себе тишину. Просто несколько мгновений покоя, в которые я пытаюсь навеки сохранить её образ: голова немного склонена в задумчивости, губа прикушена, вернулась морщинка между глаз. А из каштановых волос норвят уползти сразу две шпильки — наверное, чтобы волосы подхватили игру пламени...

Она кажется такой хрупкой в это мгновение, хрупкой, сомневающейся, уставшей — хочется протянуть руку, коснуться её, сказать какую-нибудь глупость про «всё непременно будет хорошо»...

В миг, когда я решаюсь, Гризельда Арделл поднимает подбородок, и под ресницами у неё взвивается колдовское зелёное пламя.

— Олсен, — говорит она.

Тороплюсь сделать вид, что просто хотел взъерошить волосы.

— Вдова Олсен, — поясняет невыносимая и вскакивает на ноги. — У вас же, вроде, возникло взаимопонимание с благотворительницами? Потрясите и их тоже — вдруг кто-то что-то слышал насчёт Касильды Виверрент и этого всего...

Жест её, по всей видимости, обозначает безобразие, которое творится при Айлорском дворе.

— Про этого Эвклинга-Хоррота тоже постарайтесь узнать. Начнут спрашивать, зачем это вам — напускайте тумана и закатывайте глаза — мол, не можете рассказать, но это так важно, так важно... Гроски как-то сказал — с этими дамами работает. Хорошо бы за сутки получить какие-нибудь результаты. А ещё лучше...

А ещё лучше раньше, киваю я. Нужно быть острым и стремительным, словно Дерк Горбун со своим клинком на арене. Я ведь слышал слова Аманды, когда она только осматривала Касильду Виверрент в покоях, куда её отнесли.

«Скорей ищи лучшего из людей, сладенькая, — вот, что она сказала. — Яд будет набирать силу. Первые сутки — самые лёгкие. Хватит симпатии или влюблённости. Хватит безответной любви. Но дальше она будет всё глубже будет уходить в чёрный сон — и нужно будет чувство всё сильнее, чтобы вывести её обратно».

Арделл уже у двери и улыбается мне на прощание. Кутаясь в тени, как в шаль.

— Спасибо за помощь, Янист. Работайте. И... смотрите по сторонам, хорошо?

Как будто я могу смотреть по сторонам, когда она — здесь.

Но её уже нет в комнате — только растворённое в воздухе тепло улыбки да запах осенних листьев — запах её волос.

Я гляжу на дверь и ощущаю себя Мечником, которого его Дама благословила перед аканторским турниром.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Всё сделано, и от тебя ничего не зависит.

Она идёт по коридорам в цветах и каменных кружевах. Минует залы, наводнённые вазами и картинами, инкрустированными столиками и котами.

За прекрасной, безупречной, изящной оболочкой — крепость. Как внутри женщины, которая любит лучшего из людей.

Движения слуг — отточены, нацелены, в них нет страха. Командиры отделений (старшая над горничными, старший по кухне, старший над садом) докладывают обстановку. Ведётся эвакуация всех, у кого нет сердечных наклонностей. Семейные пары опрошены на предмет измен и верности чувств. Некоторые отказываются признаваться — можно ли применить зелья истины? Помощь не нужна, наш травник всё приготовит.

Её отыскивают, где бы она ни была. Почтительно склоняют голову. Все уже в курсе обстановки. Все всё понимают. Да, конечно, неразглашение. Да, госпожа просто занемогла, расстроена после ссоры с мужем. Да, если вызовут через Водную Чашу — сказать, что отлучилась, совершает прогулку в оранжереях, не может принять из-за головной боли...

— А госпожа... поправится? — заглядывает в глаза молоденькая горничная, и словно трескается слой штукатурки на стене, — Гриз видит тревогу и привязанность, опаску, желание помочь.

С «лучшим из людей» слуги помочь не могут: все под клятвами служения. И даже вряд ли что-то знают. Да, госпожа, бывает, ссорится с мужем, если тот приезжает. Нет, её не навещают мужчины (Гриз, задавая этот вопрос снова и снова, чувствует себя посягнувшей на честь Касильды Виверрент). Да, она часто посещает балы и приёмы. Да, её приглашают на танцы...

Гриз пытается сменить тактику. Выспросить— кто из придворных был сколько-нибудь близок к Касильде Виверрент. Предельно общие вопросы — на них не должна распространяться клятва служения.

Ответы погребают под лавиной имён. Касильду Виверрен ценят в обществе. За благотворительность, за разумные советы и добрый нрав, за противостояние своему мужу. За то, что она подарила Айлору новую королеву.

Пару раз звучит имя Хорота Эвклингского. И один раз — нечто интересное.

— Ещё, наверное, Йеллт Нокторн, — вспоминает одна из служанок, которые сопровождают госпожу в поездках на светские приёмы. — Бедолажка, спаси его Тарра Премилосердная — как же он придумал, на дуэль...

Тут она ойкает и замолкает, испуганно тараща глаза, и Гриз понимает, что дальше — уже граница клятвы. Гроски говорил что-то о Нокторне, нужно бы спросить у него или у Олкеста, тот просто кладёшь информации...

Так и хочется припасть.

Гриз ловит себя на крамольной мысли — и старается казнить мысль, вышвырнуть за ворота крепости, нет, лучше со стены сбросить (можно ли варгам убивать мысли?), и сердится на себя, повторяя — тысяча, тысяча дел...

Утешительная ложь. Командиру незачем проверять посты в этой крепости. Мастер

докладывает, что он и два его ученика занимаются поисковыми артефактами. «Попытаемся использовать следы этой отравы в крови жертв, но следы очень слабые, неизвестно, получится ли у нас». Над артефактами холода тоже работают — и можно будет быстро закупить партию, раздать слугам, если вдруг кто-нибудь увидит веретенщика. Распорядитель поместья дал добро, считает ли госпожа Арделл такое решение целесообразным? Госпожа Арделл кивает, подкидывает ещё вопрос: как насчёт манков или отпугивателей для ложных василисков? Мастер учтиво кланяется: да-да, весьма ценная идея, непременно, сейчас же...

Мел и Хаата работают по территории, Янист перебирает сплетни, Нэйш где-то втирается в доверие к служанкам, Лайл пытается выяснить — откуда взялись веретенщики... Аманда и Уна — у постели Касильды Виверрент, одна пытается снять отравление, другая слушает сны... куда впишешь себя, Гриз Арделл?

Если уж ты нынче командир в этой крепости — тебе принимать нелёгкие решения. Слать гонцов и выступать на переговорах — только вот с кем?

Человек с неприметным лицом. Час будешь смотреть — не вспомнишь. Олицетворение Печати Воздуха на своей ладони — потому что словно возникает из ниоткуда прямо на пути у Гриз, в коридоре.

— Госпожа Арделл, — почтительный наклон головы, — с вами хотят побеседовать. Прошу — здесь недалеко.

Недалеко — деревянная дверь, ведущая в тёплый полумрак гостиной. Проводник делает приглашающий жест — и после первого же шага Гриз окутывает искристая темнота. Звездная ночь глядит в окна. Лунные отблески скользят по пушистому ковру — как по морским волнам. Слабым сиянием откликается бархат кресел, а в камине подпрыгивает, изнывает от ласки пламя. Бросает отблески на кресло, повернутое к камину.

Вокруг кресла, в отблесках огня, витают знаки. Зловещие символы.

Вот трость с серебристой головой лисы — прислонена к подлокотнику. На самом подлокотнике покоится правая ладонь. Затянутая в черную тонкую перчатку. Так, что не видно Печати.

Последним знаком становится голос.

— Госпожа Арделл. Я как раз хотел задать вам вопрос...

Эвальд Шеннетский разворачивается к ней лицом и вскидывает брови:

— Вам нравятся котики?

* * *

— Котики, — повторяет Гриз, глядя на Эвальда Шеннетского, Хромого Министра. Самого могущественного человека в Кайетте после Кормчей.

У него улыбка озорного мальчишки — на бледном лице писца или жреца. Глаза — не понять какого цвета — отражают каминное пламя. Темные брови приподняты в ожидании ответа.

— Котики, госпожа Арделл. Вам нравятся котики? Мне вот очень.

На коленях у Эвальда Хромца — котик. Откормленный, серый с белой грудкой.

— Даггерн — мой любимец. Вылитый Даггерн Шутник, да упокоится его тень в Вечном Омуте. И к политике он относится примерно так же, как покойный король. Раньше я держал Дагги в своей резиденции... пока он не пометил сапоги послу Даматы. После этого пришлось удалить его величество в небольшую ссылку. Впрочем, у него судьба всё равно

счастливей, чем у его тезки. Да и характер получше, надо признать.

«Мур-р», — с достоинством говорит пушистый Даггерн, бодая хозяйскую руку. Левую — на которой нет перчатки. «Мурр».

— Удивительные существа, — нежно улыбается Хромец, почесывая кота под подбородком. — О, садитесь же, вот второе кресло. Там, правда, спит Илай, но он с радостью разместится у вас на коленях — он так наивен и доверчив, ну вылитый король Вейгорда. Надеюсь, я не оскорбил ваши верноподданические чувства. Да, так вот, удивительные существа...

Гриз Арделл подходит ко второму креслу. Бережно поглаживает черного, гладкошерстного Илая — тот не протестует, когда она его поднимает. Дружелюбно обнюхивает ей пальцы и массирует колени подушечками лап.

— ...безусловная верность — но только если ты сумел завоевать их уважение и внушить им любовь. Никакого преклонения перед хозяином — равноправные отношения. Способность находить путь во мраке. И это замечательное свойство — приземляться, откуда бы ни падали... у меня, как видите, с этим похуже.

Левая нога Эвальда Шеннетского непринужденно вытянута к огню. Ни за что не поймешь, что на самом деле нога не сгибается в колене после Ночи Искупления. Если бы только об этом не знала вся Кайетта.

— Вы, кажется, что-то у меня хотите спросить, госпожа Арделл?

— Господин Шеннетский ... вы действительно позвали меня сюда поговорить о котиках?

— А. Дипломатическая привычка. Начинай беседу с того, в чем сведущ собеседник или с того, что ему приятно. С королевой Ракканта — о благонравии и нравах современной молодёжи, с ирмелейскими советниками — о законе, с королевой Ариантой — о ее народе, а с варгом вот... Вам ведь не могут не нравиться котики? Вы, кажется, предпочитаете светлой окраски, хищных и крупных. У вас правда есть алапард?

— В питомнике их несколько. Просто Морвил наиболее ручной.

— Здорово это, наверное, — замечает Шеннет как бы мимоходом. — Приручать хищников. Давать шанс тем, у кого, кажется, и шансов-то нет: не только раненым бестиям, но и кровожадным людоедам, убийцам... Трозольдиа, королева Ракканта, неизменно отмечает в своих обширных наставлениях, что это — истинный путь добродетели, ведущий ввысь по ступеням Башни Кормчей. Жаль, что в моём деле таким заниматься не приходится. Я работаю с несколько другими хищниками, и оставлять шансы им... Ты как полагаешь, Даггерн, они ведь втянут когти, если что, да? А потом непременно выпустят, стоит только к ним спиной повернуться... Ага. В любом случае, приятно побеседовать со специалистом — так, значит, госпожа Арделл, вы считаете, что это был веретенщик?

Шеннет почёсывает своего любимца под подбородком и весело улыбается в ответ на её выражение лица.

— Ну, разумеется, меня известили. Если точнее, меня известили, как только слуги начали в спальню впадать. Конечно, моя дражайшая супруга изо всех сил старается, чтобы я не волновался понапрасну, но я-то ведь тревожусь о её здравии! Пришлось отыскать способ кое-как узнавать, что тут творится, немного с опозданием, но...

Даггерн сыто жмурит жёлтые глаза с колен хозяина. Исполнен достоинства и тайны — куда больше, чем Первый Министр. Этот кажется простым и понятным — озорным мальчишкой, который и не заметил, как повзрослел.

И это до дрожи, до озноба неправильно.

— Вам, может быть, тут прохладно? Могу подкинуть дров в камин — Даггерн, правда, обидится и может даже поцарапать мою трость. Совершенно нравом в тѣзку — его величество тоже обожал шуточки, которые оставляли следы. Так вот, а после несчастья с моей дорогой супругой — разумеется, меня не могли не поставить в известность. Как-никак, ближе меня у неё никого нет, ну и...

«А ещё я — единственный наследник Цветочного Дворца», — остаётся звенеть там, за словами. *Наследник — и тот, кто может выдворить тебя из Айлора.* Особенно когда Касильда без сознания и не может возразить.

— Если у вас есть претензии к работе моей группы...

— О, да ради Круга Девятерых, госпожа Арделл — какие тут могут быть претензии? Наоборот, я всемерно одобряю, что моя любимейшая супруга обратилась к вам — отдавая должное вашим качествам и, без сомнения, исключительному подбору работников в вашей группе. Я бы и сам посоветовал ей — если бы она позаботилась бы спросить у меня совета. Пожалуй, моя супруга слышала о вашей группе даже и до того, как сдружилась с Линешентами.

Верно, думает Гриз, — ведь младший из братьев Линешент говорил, что кто-то в Айлоре дал мне отменную характеристику... Их покровитель. Однако почему в таком случае Касильда наблюдала за мной и за группой?

— Мы тут, в Айлоре пристально следим за тем, что происходит за чертой Хартии Непримируемости. И не думайте, что мы склонны к предрассудкам по поводу Вейгорда или его жителей — совсем нет. Наоборот, если жители невраждебных стран настолько лестно отзываются... а о вас отзываются настолько лестно, что даже моя госпожа, королева Арианта, упоминала вас в разговоре с моей дражайшей, любимейшей супругой.

— Вот как, — сдержанно отзывается Гриз, и пытается нащупать собеседника. Различить за непринуждённой болтовнёй, по-мальчишески живыми манерами — то острое и опасное, что всегда сопровождает настоящих хищников.

— Просто хотел, чтобы вы поняли: я не против вашего присутствия и работы вашей группы. У вас ведь исключительный контракт, не так ли? С присвоением вам временной должности распорядителя, практически заместителя моей супруги? На меня пришлось составлять нечто подобное, когда заключался брак, — разве что условия самую малость отличались. Это я к тому, что, пока жива моя прекрасная Касильда, вы здесь в полном праве, слуги будут слушаться вас, ну а я...

«...пока жива Касильда», — врезается шипом в висок Гриз.

— ...а мне нужно только одно: чтобы с моей дражайшей супругой всё было в порядке. Так значит, это был веретенщик, госпожа Арделл?

— Это можно утверждать наверняка.

Шеннет перестаёт почёсывать своего кота.

— Пренеприятные твари. Детство я провёл за чтением хроник и историй о войнах — почти как господин Олкест. Предки собрали отличную библиотеку — в том числе многое о Братских войнах. Я имею в виду — до того, как эти истории подправили в нужную сторону. Кое-что о веретенщиках там было — через годы вспоминается плохо, конечно... но если пожелаете — я прикажу, пусть поищут в поместье Стимфереллов, не думаю, что те книги куда-то пропали.

— Буду весьма благодарна, — могут быть и неверные сведения, но не в её положении

отказываются от помощи.

Эвальд Шеннетский светски кивает и уверяет, что пошлёт за книгами тут же. Сгружает с колен кота и всё-таки подкидывает в камин пару поленьев. Отмахивается от её невольного движения: да сидите, министру иногда полезно встать и размяться, чертова сидячая работа, клятые бумаги, секретные донесения и заговоры.

Он так и говорит — заговоры.

— В общем, пренеприятные твари. Сколько я помню — живучие, увёртливые и ядовитые, словно придворные, когда вводишь новый налог на знать. Но я думал, что их всех истребили? В старые добрые времена этим занимались те, кто блюдут нас от величайших опасностей. Я об этих Орденах, которые мнят себя тайными, ну, знаете. Тающие, к примеру.

О тайных Орденах Служения Кайетте Гриз слышала всё больше легенды и сказки. В них были маги, отрекающиеся от Дара, чтобы обрести нечто большее... навеки рвущие со всем в этом мире и отдающие себя служению в Ордене. Тающие... что-то дальнейшее и смутное. О тех, что, будто бы, появляются и пропадают словно тени, могут переноситься с места на место без вира, словно истаивая в воздухе... о тех, что — хранят.

О Пастырях стада людского, — думает она и поражается: откуда пришло на ум?

— Я не слыхала о том, чтобы Тающие или кто-либо ещё из Орденов занимались истреблением веретенщиков.

— Да, точно, это же засекретили. Не всем хотелось распространяться о том, что привело к Сонному Морю — учитывая, что веретенщиков создали учёные одной из стран. Вы не знаете, какой? А я бы на наших поставил — мощная научная база, в Академии Таррахоры было предостаточно таких вот гениев, выходцев из Айлора. Академия блюла нейтралитет во время Братских войн, но они могли бы... впрочем, я отвлёкся. Так вот, эти милые твари размножились весьма стремительно, и очаги Сонного Мора начали вспыхивать уже и в Крайтосе... видимо, туда кто-то завёз парочку случайно, с товаром или в сундуках. И тогда-то за дело взялись Тающие. Чтобы уничтожить всех веретенщиков им понадобился не один год, но господа Тающие оказались упрямыми и довели дело до конца, как требует их кодекс. Вернее, я-то полагал, что дело доведено до конца, но раз уж веретенщики здесь — получается, парочка сохранилась?

— Нет. Нет, иначе они бы опять размножились. Это спячка, или...

— Или кто-то нашёл старый рецепт и сумел возродить их из небытия? — Хромой Министр излучает неприкрытое восхищение. — Даггерн, иди сюда, малыш. Кто же это такой талантливый? И неужели это всё было затеяно исключительно ради моей дражайшей супруги, госпожа Арделл, вы как полагаете?

Я полагаю, что в вашем упоминании дражайшей супруги слишком много насмешки. Гриз сжимает пальцы на мягкой кошачьей шерстке и удерживается от опасных слов.

— Пока что не знаю. Но надеюсь узнать.

— Сделайте милость, госпожа Арделл, я не останусь в долгу. Если где-то в Айлоре, да и вообще, в Кайетте, такая опасность... О, конечно, я тоже буду искать — возможности у меня немалые, но вот знания... кто может сказать, достаточно ли их окажется. Так что я полностью полагаюсь на вашу группу. Вы, видно, удивлены, госпожа Арделл? Думали, я начну бросаться подозрениями вроде «Она была укушена, как только подписала с вами контракт, разве это могло быть случайно?»

Гриз пожимает плечами. Она уже думала об этом. Нужно было внимательнее осмотреть платье и обуви Касильды, теперь уже поздно — слуги уже вычистили, конечно.

— Вы позволите мне сказать откровенно, господин Шеннетский? В случае с вами меня бы не удивила никакая реакция.

— Ну, и отлично, — отзывается Хромой Министр. — Итак, конечно, я полагаюсь на вас в том, что касается расследования всего этого. Как эти твари вообще проникли на территорию? Кто их вывел? И главное — кто это осмелился злоумышлять против моей дражайшей супруги?

— Или против вас?

Эвальд Хромец переглядывается с обоими котами.

— Меня?

— Господин Шеннетский, а вы не думали о том, что подвергаете себя серьёзнейшей опасности, приходя сюда? Веретенщик ведь может быть где угодно. А лекарство...

— Ах да, поцелуй любви. Никогда не понимал, каким образом это работает — впрочем, Камень и его дары людям не менее загадочны. Я не достиг бы такого положения, госпожа Арделл, если бы боялся риска. Кое-кто утверждает, что я трусоват. Может, так, — но в политике ты никто, если не идёшь на риск или у тебя нет запасных вариантов.

Значит, полагает, что веретенщик ему не страшен. Либо (Гриз почти слышит скептическое хмыканье Мел) всё-таки есть та, которая полюбила Эвальда Шеннетского, либо... либо тот самый вариант. Да, тот самый вариант...

— У вас такой взгляд, госпожа Арделл. Не решили ли вы, что у меня попросту есть защита, потому что я — причина всего происходящего?

Он смотрит на неё с интересом, даже азартом — что ответишь?

— Я не могу этого решить. У меня нет доказательств.

— Ах да, доказательства. Без них приходится верить на слово, не так ли? Поверьте — что бы обо мне ни говорили, я искренне пекусь о здоровье моей дражайшей супруги. Как оно, кстати?

— Касильда Виверрент сейчас во сне после укуса веретенщика. Уверяю вас, мы делаем всё...

— Сколько у неё времени, как по-вашему? В тех историях, которые помню я, люди засыпали иногда и до следующей луны.

В историях, которые Гриз почерпнула из наставнических дневников — тоже так. Но бывали случаи, когда смерть наступала и через три дня. И двое слуг умерли слишком быстро.

— Я не хотела бы делать каких-нибудь прогнозов, — отзывается Гриз осторожно.

— Но вы, конечно, начали поиск лекарства? Как это было в хрониках... «Тот, кого полюбил или же тот, кто полюбил тебя...» Пожалуй, мне стоило бы попробовать — как-никак, я муж Касильды Виверрент. И, как я уже говорил, ближе меня...

Гриз посещает отвратительное чувство прогулки по чуть подтаявшему, похрустывающему льду.

— Боюсь, я не могу вам это позволить.

— Простите? — Хромец смотрит с весёлым каким-то изумлением. И Гриз привычно облекается во внутренние стены крепости. Захлопывает ворота, поднимает стяги.

— О ваших отношениях с женой достаточно известно. И Касильда не назвала ваше имя перед тем, как погрузиться в сон.

— Но мы не можем исключать тайной влюблённости, — замечает Шеннет со слишком серьёзным выражением на лице. С таким выражением обычно отпускают отличные шутки. — Чьё же имя она назвала? Эвклинг Разящий? Бенис Чатр? Может быть, этот бедный

мальчик Йеллт Нокторн — слышал, ему нездоровится, какая неприятность. Никаких имён? Очень похоже на дражайшую мою супругу — обожает секреты, вы, наверное, слышали про королеву Арианту. Прятать целую наследницу престола от своего же мужа в своём поместье — нужна исключительная любовь к тайнам, а? Но если нет никаких имён — значит, у вас некоторые проблемы.

Просто подожди, Гриз, подожди и представь, как волны болтовни разбиваются о твои стены.

— Наша группа ищет лекарство.

— Не сомневаюсь. Но сколько времени вам потребуется, чтобы разобраться с предпочтениями моей милой жёнушки? Молва приписывает ей едва ли не с десяток фаворитов. И при этом вы готовы не пропустить к ней мужа, а это уже как-то... Мой долг навестить супругу. Небольшой визит вежливости, как завещано нам традициями...

Небольшой визит вежливости, после которого Касильду Виверрент примет вода... почему, ну почему здесь нет Лайла Гроски? У него такое выходит лучше.

— Господин Шеннетский, я настоятельно просила бы вас не тревожить сон Касильды Виверрент. Рядом с ней сейчас работает наш травник, она пытается изобрести противоядие или замедлить отравление, эликсиры это весьма тонкие, и любое вмешательство...

— Упаси меня Круг — беспокоить нойя Энешти во время работы! Всего моего запаса противоядий может не хватить.

Понимающая улыбочка Хромца говорит, что он не поверил ни на миг.

— Вы собираетесь настаивать?

— Наверное, мог бы. Всё-таки, я в своём праве, вы не находите? Мне очень не хочется устраивать битву в коридоре — а я не сомневаюсь, что при надобности вы и ваши люди пойдёте на крайние меры. Способности господина Нэйша очень... показательны. Не говоря уж о нойя Энешти или вас самой. И, признаться, я считаю, что сражения — удел тех, кто не умеет договариваться. Славных Мечников, к примеру. Рыцарей, одержимых подвигами. Мы с вами, госпожа Арделл, не относимся к тем или другим, а потому договориться как-нибудь сумеем. Я не стану настаивать на посещении моей супруги... скажем, в ближайшие сутки. Суток вам хватит, чтобы определить, кто её суженый? Могу снабдить вас сведениями почти из первых рук, — мне докладывают о её симпатиях при дворе.

Сутки — это мало. Но сутки — всё же лучше, чем ничего.

— Буду благодарна за любую помощь.

— Не стесняйтесь обращаться — как я говорил, я весьма пекусь о здоровье своей супруги. Буду справляться о её состоянии, конечно. Останусь здесь, неподалёку.

Прекрасно, Гриз, теперь на вверенной тебе территории веретенщик (неизвестное количество), уснувшая Касильда и Эвальд Шеннетский.

— Прошу прощения, но вам это не кажется опрометчивым — оставаться в поместье сейчас, когда в нём...

— Разве что самую малость, — Шеннет нежно надавливает на мокрый кошачий нос. — Кто знает, когда я понадобится. Вы же дадите мне знать в таком случае? Через любого во дворце — меня тут же отыщут.

— Разумеется, — осторожно говорит Гриз. — Если ваше присутствие понадобится... мы пригласим вас незамедлительно.

— Отлично. Неплохо для первой беседы, а? — Эвальд Шеннетский опять сгружает кота на пол, встаёт, слегка потягиваясь. — Так, стало быть, сутки. Прошу, держите меня в курсе

вашего расследования — я и сам буду присматривать, но вдруг что-то пропущу. Благодарю за то, что уделили мне время, госпожа Арделл. Не сомневаюсь, мы ещё побеседуем, и не раз.

Он подхватывает трость (серебристый лис с рукояти насмешливо посвёркивает зелёными глазами), проходит через комнату. У него лёгкая походка. Почти танцующая — даже если учитывать хромоту. Странно сочетается с тёмно-синим, длинным, почти жреческим одеянием. Как и улыбка с сединой. Как и всё остальное.

Рядом с человеком с тростью неспешно выступает серый кот с торжественно приподнятым хвостом. Илай обиженно мяукает, скатывается с колен Гриз и несётся к двери, которую открывает хозяин. Успевает проскочить вслед за Шеннетом и Даггерном.

Бодрые, чуть неровные, удаляющиеся шаги по коридору.

Гриз Арделл глядит в камин — так похожий на тот, у которого она сидела рядом с Янистом, совсем недавно. Слушая историю об Эвальде Стимферелле — мальчике из холодного поместья. О вероломном, мстительном, коварном политике, свято блюдущем свой девиз...

Которому что-то нужно в поместье. Что-то настолько ценное (скрытое?), что он внезапно готов оставаться здесь. Рискуя разделить участь жены.

Нужно спросить Олкеста (вздор, ты просто его хочешь опять увидеть, заканчивай с этим), нет, нужно местного Мастера спросить: какие чары завязаны на хозяйку поместья и что будет, если они спадут с её смертью? Касильда отказалась уехать, оберегая некие тайны — не за ними ли явился её муж?

Искры от потрескивающих ароматных дров взлетают, вспыхивают и гаснут. Как её мысли. Как звук её шагов по мягким коврам: теперь она знает, куда идти и где быть.

Спальня Касильды Виверрент тоже немного похожа на крепость. Окружена защитными чарами и амулетами. Небольшая комнатка перед самой спальней — чтобы было, где встретить врага...

В комнатке маются бездельем пара озадаченных служанок. Поясняют: нойя сказала, готовится какой-то особый эликсир, беспокоить нельзя. Да, вообще никому нельзя, лекарю тоже.

— Мне можно, — уверяет Гриз и стучит в дверь. — Это я, Аманда.

Шорох засова, приглушённый шепот: «Сейчас, сладенькая, артефакты сниму...» — и ещё через полминуты в двери образуется щель, в которую Гриз проскальзывает.

— Потом прикажи, чтобы нам принесли какой-нибудь еды, сладенькая, — вздыхает Аманда. — Уборная здесь есть, и вода тоже. Но запас не помешает.

Крепость в осаде, понимает Гриз. Окидывает взглядом спальню Касильды Виверрент, обращённую в военный лазарет. На изящных столиках с инкрустациями — ворохи трав, коробочки сушёных грибов, пузырьки с чем-то разноцветно-грозным. Побулькивает котелок, пристроенный в камин. На другом столике кощунственно разлётся переносной нагревающий артефакт — на нём стоит кастрюлька, дымит таинственно-изумрудным.

— Ты же это всё не...

— Нет, не брала с собой из питомника, просто местные так очаровательно любезны. И так любят свою хозяйку, что готовы что угодно достать — уверена, если бы я попросила крови для некрозелий, они бы с удовольствием...

Хозяйка покоится на кровати — под васильково-синим покрывалом, затканном тонким серебром, будто морозными узором. Лицо Касильды Виверрент спокойно. «Не оставит, — говорит она даже во сне. — Придёт». Рядом с королевой из сказок притулилась фигурка

Уны.

— ...а такое повиновение я видела лишь когда была содержанкой в замке у... ну, словом, это было давно, моя пряничная. Главное — что мы смогли договориться с этим лекарем, он предоставит мне любые ингредиенты, хотя я и сомневаюсь, что это принесёт хоть какую-то пользу.

«Нет?» — спрашивает Гриз взглядом. Аманда на миг теряет щебетливость и сладость, сжимает губы, коротко дёргает головой — «Нет».

— Мало времени, очень мало. Отравление идёт быстро. Слышала ты наши песни — те, что о Сонном море, о спящих и поцелуях?

Слышала, когда скиталась с лейрами нойя — постигала премудрости трав и зелий, а взамен лечила зверей. Некоторые мотивы застряли намертво — может напеть. О чёрных снах, которые зовут и уводят в непроглядный мрак. О краткости сроков:

И три раза над ней всходила луна —

Чёрный сон уносил её прочь.

И придёт ли тот, чья любовь нужна —

На последнюю эту ночь?

— Три ночи, — Аманда кивает в ответ на шёпот Гриз. — Трое суток... у вас в песнях повторяется это число. В дневниках наших наставников можно отыскать другие сроки. Иногда укушенные веретенщиком могли прожить девятницу. Даже месяц...

— И о таком я слышала тоже — но только про тех, кто умирал в середине или в конце Сонного Мора. Может, сила этих тварей слабела со временем. Те же жертвы, которые были в самом начале...

Верно, варгов не сразу привлекли к делу, Сонный Мор был уже в разгаре, записаны часто поздние случаи, да и там время сильно отличается. Может быть, организм некоторых жертв более успешно сопротивлялся яду. Или они сами сопротивлялись чему-то, что там, в их снах.

Уна всё-таки наблюдала за ними, потому что старается стать ещё меньше. Шепчет невнятно:

— Там... она видит своего прежнего мужа. Он был... был ужасным, он говорил, что она его сокровище, а сокровище должно быть под надёжной охраной. И... она не могла даже никуда поехать. Она сейчас будто в клетке — и там ещё есть какие-то голоса, они зовут, приглашают пойти, вырваться. А...а про любовь ничего нет.

Отворачивается совсем, завешивается чёрными волосами. Устало трогает белую, будто мраморную руку Касильды Виверрент.

— Но она будто бы ждёт кого-то... кого там нет. Это всё очень трудно увидеть, она просто... она как будто бы всё глубже.

«Три дня» — звучит во вздохе Аманды слишком ясно. Веретенщик словно явился из древности, от самого Сонного мора. Ещё плохие новости?

— Мои эликсиры тоже показывают, что отравление идёт быстро. Скоро нам придётся искать не просто того, в кого она влюблена, сладенькая.

— Взаимное чувство.

— И истинное, моя ненаглядная — словом, как раз то, чем не может с ней поделиться её муж.

Гриз оглядывает зловещие знаки осады в спальне Касильды Виверрент.

— Шеннет здесь был?

Аманда полыхает глазами и издаёт угрожающее фырканье. Палочка для помешивания в её пальцах кажется отравленным кинжалом.

— Желал остаться с женой наедине. Плёл мне о том, как он печётся о её здоровье... Ох, я не помню, что наплела ему — что-то о замедляющем отравление эликсире, который постоянно нужно контролировать и который не терпит мужчин на расстоянии десяти футов от себя. К счастью для него, Хромец благоразумен, словно белый лис — он убрался восвояси ещё до того, как я взялась за свои снадобья. Уна, ах, деточка, я же обещала успокаивающее... сейчас.

Аманда какает в стакан бирюзовое зелье с запахом валерианы и певуче поясняет: Уна испугалась, непонятно чего — то ли грозного Хромого Министра, то ли того, что её наставница сейчас избавит от него свет... да-да-да, милая, возьми стакан.

Гриз смотрит на то, как Уна, икая, потребляет зелье. И не знает, смеяться или плакать.

— Ты блефовала? Или правда думала пустить в расход первого министра Айлора? И кстати, чем — сюда же нельзя пронести...

— Нельзя пронести, но кое-что можно быстро смешать, — зловеще улыбается Аманда и вертит в пальцах алый пузырьёк. — Ай, сладкая моя, сейчас я и сама не могу сказать, что на меня нашло. Всё-таки Хромой Министр. Но в тот миг мне казалось, что ещё шаг к моей пациентке... О, я знаю этот взгляд, не смотри на меня так, сладкая.

Гриз кивает: не буду, не время. Это их с Амандой старый спор: давно уже Гриз заметила, как Аманда относится ко своим пациентам. И на что готова — чтобы поднять их с кровати. Давно уже назвала Аманду целителем, но нойя упрямится: «Нет-нет, сладкая, какая самоотверженность, в самом деле, я просто травник, знаток зелий, обычная дочь Перекрестницы».

— Служанок в соседнюю комнату посадила ты?

— Этот лис обещал вернуться. Они должны поднять шум в случае чего... Но вообще-то, хорошо бы установить тут дежурство, медовая. Вдруг мне понадобится отлучиться. С Касильды нельзя спускать глаз — а если в комнате есть тайные ходы? Я сварю зелье... буду готова, чтобы оправдать что угодно: в комнату нельзя заходить, нельзя её осматривать, к ней прикасаться... Именно ему, да-да, можно притянуть эти сны или ненависть жены к нему — я придумаю, дорогая. Ну, а если он вдруг решится убрать меня с пути силой...

В глазах у неё загорается сумрачный колдовской огонь.

— Думаешь, может?

— Скажи мне, что не может этот человек. И если уж он решил добраться до своей жены... что с тобой, сладкая? У тебя странный вид.

«Госпожа Арделл, вы любите котиков?» — Гриз прикрывает глаза и отряхивает с себя видение — мальчишеской усмешки и лукавых, слишком молодых глаз.

— Он со мной говорил. И тоже хотел увидеть жену. Дал нам сутки...

— Карамельная моя — ты веришь, что он сдержит слово?!

Аманда даже руками всплёскивает.

— Не слишком-то, — мрачно отзывается Гриз. — Не знаю, насколько вообще ему можно верить. То, что я о нём слышала сегодня... — приходится усилием воли отодвинуть образ Яниста Олкеста — с волосами, подсвеченными каминным пламенем. — И то, что увидела и услышала... Что бы ты сказала о нём, Аманда?

Аманда раздражается от камина бурным монологом на языке своего народа. Гриз, которая язык нойя знает неплохо, успевает ловить только метафоры вроде «глаза лунной

кошки, которая собирается украсть младенца через трубу» или «если бы хитрость исчислялась хвостами — у этого лиса было бы не меньше тысячи хвостов».

Монолог заканчивается полууважительным: «Если бы он пришёл к Старейшей Тшилабе — она бы признала его вожаком всех нойя». Аманда цокает языком и глядит на Касильду Виверрент с жалостью.

— Бедная девочка. Если всё, что здесь творится, творится по указке её мужа-перевёртыша... Остаётся лишь молиться Перекрестнице — чтобы не допустила зла и чтобы уберегла нас самих.

Она понижает голос, косится на Уну, которая едва не расплёскивает остатки зелья из стакана. Подплывает к Гриз вплотную и шепчет, обдавая запахом ванили:

— С такими хищниками мы ещё не сталкивались, моя золотая. Может, позвать на помощь королеву Айлора? Наши песни про неё сладки. Она — истинная Целительница, и у Хромца перед ней обет... она могла бы приказать ему держаться в стороне.

Янист говорил, что у Касильды размолвка с её воспитанницей. Из-за красавца-мечника Хорота Эвклинга. И сама Касильда не поставила Арианту в известность...

— Сутки, — отвечает Гриз тихонько. — У нас нет информации... нет доказательств. Нельзя соваться к главе государства с такими обвинениями и пустыми руками.

Аманда дует губки разочарованно, но тут же расплывается в улыбке — целящей, будто лучшее из зелий.

— Раз так, нам остаётся надеяться на наших сыщиков, не так ли? На тех, кого ты отправила по следам этих гнусных веретенщиков? Клянусь путями Перекрестницы — это интересно. Сколько ты поставишь на то, что Лайлу Гроски удастся ухватиться за кончик хвоста этой лисицы?

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Водная трубка сочувственно булькнула. Шестая чашка чая почти опустела.

Проницательным и небритым сыщикам положены маленькие слабости. Вроде курения и пристрастия к крепчайшему, до горечи заваренному чаю. В книжонках, которые я залпом поглощал в детстве, дела обстояли именно так.

Я чувствовал себя закинутым в такую вот книжонку. Где на обложке — вороха цветов и темноволосая красавица с томно прикрытыми глазами. И заголовок — что-то вроде «Дело о тайне сказочного замка», да.

Для классического образа сыщика мне не доставало подтянутости и орлиного профиля. Зато я был при щетине и нужном градусе хмурости. Вызванном осознанием ароматности и вязкости субстанции, в которой мы завязли по уши.

Предстояло решить аж две эпохальные задачи. Сказочную — не дать Арделл отыскать того, кто пылает чувствами к жене Хромца. И классическую: не выйти на своих в процессе расследования. При этом каким-то чудом вытащить Гриз из поместья живой. И Аманду. Яниста тоже. Неплохо бы и Мел, конечно.

Ас потолка на меня может свалиться ушлая ящерка. Мелкая машинка для убийства. Та самая зверюшка, которую на территорию поместья каким-то образом протащила Гильдия. Та самая Гильдия, которая протащила на эту территорию меня.

Счастливой концовки в детективном романе что-то не намечалось.

Хотя условия мне создали — сыщикам в романах не снилось.

Отдельный кабинет — между прочим, малахитовые подсвечники — с несомненным плюсом в виде отдельной уборной рядом. Предупредительный господин Даллейн уверил, что кабинет защищён артефактами, в том числе и от прослушки. И решил обеспечить мне всё и по первому слову: питание-напитки, ответы на любые вопросы. Даллейн отлично сошёл бы за Расторопного Помощника, которые в детективах добывают всякое, а попутно — оттеняют ум главного героя.

подавив в себе желание затребовать куропатку с трюфелями, я попросил трубку, побольше чаю и отчёты по посещениям замка за последние две девятницы. Потом потребовал список поставок. Потом сведения о том, как работают сканирующие артефакты на входе. Даллейн кивал, растворялся и объявлялся с затребованным. Предупредительно выкладывал документы на зелёное сукно письменного стола. Мерным голосом пояснял: тут списки поставок продуктов, вот это непродуктовое, тут корма для птиц и единорогов, кухня для слуг идёт отдельно, а это для оранжереи. Что-то ещё? И исчезал опять, заверяя, что стоит вызвать его по Водной Чаше — и он достанет, что надо.

Я кивал, прихлёбывал чай и чёркал в списках карандашом с видом профессиональной задумчивости.

Под видом истинного сыщика из детективных книжонок — мне только нужно было оставаться собой. Отвратительным законником.

Списки, судя по всему, составили ещё до того, как послали за нами — эта Виверрент не зря придворная дама. Даже отсортировали посетителей: первый круг знати, второй круг, просители, добрые знакомые.

На третьей кружке чая я задался невольным вопросом — а не укукошат ли нас вне зависимости от исхода операции, за многие знания.

Впрочем, имена посетителей не говорили мне почти ничего. Их снабдили заботливыми пояснениями (жена зернового магната, высшая аристократия Ирмелея, известный меценат из Акантора). Не хватало самую малость: что эти люди значили для Касильды Виверрент и в каких отношениях с ней состояли. Ладно, в крайнем случае можно запросить подробное досье на каждого — опять же, потянуть время.

Большая часть остальных списков мне попросту была ни к чему. Но надо же было создать впечатление напряжённой умственной деятельности, благо, за годы в Корпусе Закона я этому в совершенстве научился.

Так что шестая кружка чаю подходила к концу, по комнате витали клубы дыма от водной трубки, вокруг меня были разложены исчерканные листы с такими любопытными пунктами, как «Мясо индюшиное, 20 фунтов (для кошек)». Для идеального образа книжного детектива не хватало разве что красотки-секретарши, которая тайно хранит мой мужественный образ в своём сердечке. Не отказался бы от её общества. Или, к примеру, от общества одной травницы.

Судьба предполагала, что-то своё, потому после прогулки в уборную я обнаружил в кабинете не длинноногую прелестницу нойя, а Рихарда Нэйша в задумчивости, какая у хищников наступает перед обедом.

— Привет, Лайл.

Желание вернуться в уборную и замуроваться в ней на пару лет я поборол хлопком двери.

— Виделись уже. Я-то уж думал, тебя где-то доедают орды здешних веретенчиков, — промолчим о том, что меня бы это порадовало. — Как твои попытки обаять служанок?

— Малоэффективны.

— Ух ты ж, неужто им удалось устоять перед целым тобой.

Чтобы пробраться на место за столом, мне пришлось перешагнуть через ноги устранителя. Вытянутые именно так, чтобы преградить мне проход.

— Их нелегко разговорить, они почти все под обетами служения, и едва ли они вообще что-то знают. Во всяком случае, среди посетителей замка за последнее время не было тех, кого можно записать в сердечные интересы Касильды Виверрент. Как не было и её недоброжелателей. Впрочем, это же ни о чём не говорит, да? Нельзя исключать подкуп, заговор или тайный умысел при котором, скажем, человек ждёт только подходящего момента, чтобы ударить в спину...

Я крепче затянулся водной трубкой. Хотелось укутаться в дымы. Хорошо бы ещё — и не вспоминать о милой сценке в замке Шеу. О том, как я посоветовал кое-кому не поворачиваться ко мне спиной.

— Стало быть, у тебя ни шнырка, и ты заявился сюда мне мозги лечить. Ничем не могу порадовать. Разве что сгрузить на тебя пару пудов клятых бумаг — их здесь на любой вкус, как у Лортена — бутылок в резиденции. Ну как, рискнёшь и разделишь со мной тяготы?

Под прищуром Нэйша бумагам стоило бы наложить на себя руки. В тёплой компании кружки и трубки.

— Ты, кажется, не торопишься.

— Спешка хороша, чтобы грохнуть пару-тройку зверушек. У меня куча сведений, вариантов — как здесь мог появиться этот веретенщик — почти столько же. Может, это

прозвучит для тебя удивительно, но мне придётся поразмыслить какое-то время.

Пока не пойму, какую версию можно скормить Арделл. Так, чтобы устроило всех.

— Ни одной версии, ни одной зацепки, — Нэйш покачал головой сокрушённо. — Как-то удивительно для тебя, Лайл. Ты же всегда стремился быть таким полезным.

В ушах, нарастая, зазвенел панический крысиный визг. Качнулись и проросли знакомыми потёками сырости стены.

— Поправь меня, но мы как будто одинаковы в своих достижениях? Или это новая тактика? «Хэй, у меня ни черта не вышло, потому я решил поторопить тебя». Хочешь помочь — садись и просматривай клятые списки, если только у тебя нет других... — на этом моменте я осознал, что вот этого-то говорить точно не следует — и всё-таки не успел заткнуть себе рот и договорил: — более плодотворных идей.

— Выходит так, что как раз есть, — ну, кто бы сомневался. — Пара идей о том, как увеличить твою эффективность.

— Если ты в курсе, где тут взять хорошего пива и сырных лепё...

— Знаешь, на самом деле я о тебе довольно высокого мнения.

Я забыл закрыть рот, остановившись на очень уместном «ё». «Ё» длилось и длилось в мозгу, набирало оттенки и обертона.

— Ты считал иначе? Но ведь странно бы было тебя недооценивать — особенно после замка Шеу. Так что я действительно впечатлён. Твоей способностью играть. Хитростью. Живучестью.

— ...Боженьки, только не падай на колени, как начнёшь возносить хвалу великому мне...

— ...тем, как ты отыскиваешь выходы, даже там, где их нет, — теперь он словно читал с таблички. Под рамочкой, за которой красовался я во весь рост — с моими несомненно замечательными качествами. — Это действительно впечатляет. Как и скрытность. Думаю, даже Олкест уже осознал, что ты отлично скрываешь — и своё прошлое, и мысли... словом, всё, что важно по-настоящему. Мне интересно, что ты ещё можешь скрывать, Лайл. К примеру, твои возможности как законника.

— Ты решил, что я буду работать быстрее, если ты вгонишь меня в краску похвалами?

— Четвёртый ранг после выслуги в десять лет, — размеренно продолжил Нэйш, который мало того что не слышал меня — ещё и адресовался куда-то в пространство. — Ни наград за крупные аресты, ни серьёзных проступков. Средний законник, о котором и сказать-то нечего. Думаю, ты выполнял работу для отвода глаз, в свободные часы — ведь нужно было прикрытие для настоящего промысла, вместе с кузеном. Наверняка ты достиг в этом совершенства: переключивать бумаги, тянуть время, запутывать дела для отвода глаз. Не проявлять настоящий потенциал.

— Ага, на самом-то деле я мог бы уже давно подвинуть старину Холла Аржетта...

Нэйш не смотрел на заваленный списками стол, но я и так понял, откуда дует ветер.

— Интересно — проявлял ли ты себя хоть раз по-настоящему. В расследованиях. И насколько ты в этом хорош. На что бы ты поставил, Лайл? Я бы — на то, что несколько правдоподобных версий у тебя возникло ещё в первый час. И ты никому о них не сообщил, не сузил круг поисков и не затребовал проверок или обысков — я только что говорил с Далли. В связи с этим возникает вопрос...

Дым истаивал в воздухе. Оставляя нас друг напротив друга, разделённых столом: меня и допросчика Рифов с милой улыбочкой.

— ...почему ты настолько не торопишься? Может быть, хочешь всё перепроверить и выбрать наиболее очевидное? Или зачем-то придумываешь ложные версии и следы? Впрочем, зачем бы это тебе было нужно — разве что только ты не желаешь найти что-то определённое...

Обстановка кабинета не давала Нэйшу подняться и гулять — вокруг, и вокруг, и вокруг, постепенно приближаясь к жертве. Но он справлялся и без этого, и остался шаг до привычного «Ты же расскажешь мне всё, что я хочу знать?» — а затем придёт боль.

Я выплеснул остатки чая на ладонь — прошёлся мокрым по лицу, стёр следы липкого страха.

— Гильдия.

Нэйш не выразил что-нибудь вроде «Так я и знал». Только встал — но исключительно чтобы рассмотреть картину на стене.

— Припоминаю, у нас был по этому поводу какой-то договор.

— Черти водные, да они мне это сегодня с утра сообщили. А потом, если ты помнишь, нас закинули в Айлор, под бок к жёнушке Хромого Министра, а потом у меня как-то не было времени шептать тебе на ушко при всех: «Эй, вот задание, которое я должен сорвать!» И кстати, я припоминаю, что у нашего договора было дополнительное соглашение — ты сказал, что поможешь мне, если что. Валяй, подключайся, а то у нас тут маленькая проблема: кто-то заказал Гильдии Касильду Виверент, а мне нужно сорвать этот заказ!

«Клык» отвлекся от рассматривания столицы Таррахоры Сияющей. Какое-то время созерцал меня.

— Мне жаль, Лайл, — обронил наконец негромко.

— Всё, чем можешь помочь?

— Мне правда жаль. Но ты ведь не мог рассчитывать, что я рискну вот так? Ради тебя... в истории, где замешан Хромой Министр?

— Лучшие друзья? — вяло напомнил я. Ответом было до жути выразительное молчание.

— «О, привет, у меня Дар Щита, и я за просто так выйду против бешеного виверния»? — попытался я воззвать к авантюрной части Нэйша. Устранитель оценил мои усилия извиняющейся улыбочкой.

— Предпочитаю иметь дело с бешеными виверниями. Лайл, я говорил уже... я ведь всё-таки не сумасшедший.

Теперь выразительного молчания подпустил я.

— Ты ж говорил, тебе нравится наблюдать, как Арделл прыгает через огненный обруч...

— Обруч, Лайл. Не горящий город. Сравнения можно подобрать разные, но... несмотря на то, что Гризельда достигла впечатляющего уровня в своей заботе об окружающих — она не умеет проходить сквозь огонь, как древние праведники.

— Ты это к тому, что...

— Да. Если объект наблюдения погибает слишком быстро — в чём тогда смысл? Видишь ли, Лайл... я сильно подозреваю, что если мы провалим этот вызов — этого не простят ни ей, ни группе. И в свете этого...

Я открыл было рот, чтобы заметить: может статься, что успеха нам не простят ещё вернее. Если за покушением на Касильду стоит её муженёк. Но физиономия «клыка» ясно говорила, что перебить он себя не даст и в таком случае может перебить мне что-нибудь в ответ — руку-зубы-позвоночник.

— ...в свете этого — чем эффективнее ты будешь работать — тем лучше. Это

возвращает нас к вопросу о твоём потенциале законника. К тому же, ты в курсе, что в дело замешана Гильдия, и ты знаешь, как она может работать. Звучит как редкая удача.

Инстинкт внутри взвизгнул коротко и резко — замер, придушенный. Холодным, будто зимнее небо, взглядом, который говорил: придётся пойти против Гильдии.

— Ты же меня приговариваешь, — голос покатился в крысиный шип. — Ты понимаешь, что со мной... Как насчёт твоего правила «пошёл на вызов — привёл всех»?!

— Я же говорю — мне жаль, Лайл, — обронил устранитель.

— Мне что, самому облобызать эту Касильду?! Если задание касалось именно её...

— Мне, честно говоря, наплевать, чего именно касалось твоё задание. Хотя... — теперь его прищур стал почти заговорщицким. — Ты ведь тоже думал об этом. О том, что тебя послали не помешать исцелению Касильды Виверрент — в конце концов, хозяйку замка охраняют. Нет. Помешать расследованию. Идеальное задание для бывшего законника и «крысы». Бывший законник знает, как потянуть время и подчистить улики. «Крыса» выстраивает ложные следы и вносит сумятицу.

«Кролик», — ни к селу ни к городу попросилось в мысли. Наверное, примерно так жирный крол пялится на змею, которая уже разворачивает кольца для последнего броска. Или всё-таки шнырок? Казалось чертовски важным подобрать правильное сравнение — до того, как на мою голову упадёт приговор.

— Так вот, этого не получится, потому что ты проявишь огромное старание и задействуешь весь свой потенциал, чтобы найти любые следы. Посмотрим, на что ты способен, Лайл. Говорят, крыс подгоняет страх. И если ты сделаешь ошибку, направишь нас по ложному следу... Нет, не только боль. Я сообщу одновременно Гриз и господину Даллейну о твоей работе на Гильдию. Думаю, дальше ты тут не удержишься, а следом... как устраняют тех, кто не выполнил контракт с залогом? Думаю, даже то, что с тобой мог бы сделать я, несколько меркнет.

Он улыбнулся равнодушно-глумливой усмешечкой. Пальцы вспорхнули бабочками изобразили в воздухе — фьють, прости, старина Гроски, шансов у тебя в таком случае нет.

— И не беспокойся — я серьёзно отнёсся к твоему предупреждению в замке Шеу. Не стану поворачиваться к тебе спиной. Так что если ты вдруг попытаешься... решить нашу маленькую проблему иначе — допросы Рифы покажутся тебе лёгкой разминкой. Ты понял, Лайл?

По виску сползла холодная капля — противная, жирная. Я кивнул, стараясь покрепче сжать губы, унять крысу, которая скользила, извивалась где-то в пищеводе.

Будто решила, что надо бы выбраться из трюма обречённого корабля.

«Клык» подбавил в улыбочку пару граммов радушия. Уселся обратно, вытянул ноги и сделал жест, обозначающий — валяй.

— Итак, с учётом того, что ты здесь несколько часов, знаешь обстановку и представляешь себе методы работы Гильдии — не сомневаюсь, что у тебя есть версии. Давай, Лайл. Что ты думаешь насчёт всего этого?

— Дерьмо, — выдохнул я. — И нет, это я не только о ситуации.

* * *

В сарае для удобрений пахло цветами.

Это даже как-то не удивляло — если взглянуть на сам «сарай»: продолговатое уютное

здание с парой колонн и портиками. Надстроить второй этаж — и Лортена можно селить. Внутри нас встречали идеально организованные ряды бутылок-леек-вёдер — и деревянные ящики вдоль стен. Наполненные питательной субстанцией для местных оранжерей.

— Растения в оранжереях подкармливают специальными удобрениями, — вещал Расторопный Помощник, господин Даллейн. — Навоз единорогов при помощи особых зелий перерабатывается, смешивается с другими видами удобрений, подкрашивается и ароматизируется.

Боженьки, надеюсь, они не закатывают его в сусальное золото, чёртовы богатеи.

— Пахнет розами, стало быть?

— Фиалки в этом сезоне, — глазом не моргнул Даллейн. — Удобрения поставляют ко двору «Дэриш и сыновья», это айлорские производители удобрений для садов, оранжерей и клумб знатных домов. Поколения работы, прекрасная репутация. Могу я спросить, что вы собираетесь обнаружить?

Я прихватил перчатки пожёстче и натянул как следует, стараясь изо всех сил слиться со шкуркой истинного детектива, да-да, того самого, из книжек.

— Можете. Где тут последняя партия цветочного счастья?

Партия оказалась изрядной — местные цветочки точно не жили впроголодь. Ну да, огромные оранжереи, цветение почти безостановочное — нужны удобрения особого сорта, от солидной семейки с фамильным клеймом — на каждом ящике красуется «Д», выложенная левкоями. Безупречная репутация, ага.

И слабый магический фон.

— Навоз бестий выдаёт слабый магический фон, так? Единорожий в том числе.

Копошиться в ящиках не хотелось. Так что я гулял вокруг них, готовясь при первом движении лупить холодом через перчатку.

— А дополнительные зелья роста и цветения этот фон усиливают, да?

В продуктах или кормах для животных ничего такого нет. Потому, если хочешь спрятать что-то от проверки артефактами — лучше всего провозить в удобрениях. Особенно если у поставщика безупречная репутация.

Гильдия обожает людей, чьи руки чисты через поколения.

— Вы полагаете...

Какое там — полагаю. Здесь в двух шагах оранжереи. Работники постоянно ходят туда-сюда. Выскользнуть, залезть под дно ведра, прицепиться к ящику — да мало ли что.

— Последняя поставка ведь была шесть дней назад?

— Первые жертвы — садовники...

— Пятого дня, насколько помню. Может, уже возьмёшь наизготовку что у тебя там есть? Не хотелось бы получить кусь от клятой твари.

Последнее относилось к моей тени. Тень была повыше меня ростом, в белом костюмчике и с глумливым настроем. И не желала лежать на земле, как порядочная тень.

Торчала за спиной, заставляя ощущать постоянный зуд между лопатками.

— Как скажешь, Лайл.

Нэйш перетёк с места на место так, чтобы держать в поле зрения и меня, и ящики. За неимением дарта, он вооружился обычным ножичком. Плюс амулет холода, из тех, которыми местный Мастер снабдил всю группу.

Господин Даллейн, как истинный Расторопный Помощник, прихватил перчатки и полез вместе со мной в самую гущу. Отодвинуть ящик, осмотреть бока и дно, вскрыть крышку,

проверить следы — дальше, следующий. Морщась и вдыхая аромат фиалок от того, что когда-то было выделениями единорогов. С премилым ощущением того, что в тебя каждую секунду может прилететь веретенчиком.

Счастливым оказалось число семь. В боку седьмого по счёту ящика обнаружилась дырень размером дюйм на два. Розоватый субстрат удобрения просыпался на пол. Внутри он оказался переверорощён, а сам ящик был полон примерно на три четверти. Во влажном удобрении отпечатались куча следов мелких, почти птичьих лапок и хвоста... или хвостов. Невозможно было сказать: одна тварь гуляла по внутренностям этого ящика или всё-таки несколько.

Осмотр остальных ящиков не помог: других следов не было, и на просыпанном удобрении тоже.

— Цеплялась за ящики, скорее всего, — сказал я. — Перелезла по соседним, шастнула за стенку... Может, влезла в какое ведро или что-то в этом роде. Надо бы пригласить Мел, может, выжмет побольше.

Хотя сомневаюсь. Эти цветочные ароматы забьют чутьё любого Следопыта.

А мне надо бы выдать что-нибудь очевидное, в духе истинных сыщиков.

— Не подскажите, как этот самый господин Дэриш относится к поздним визитам?

* * *

Хрусть, хрусть. Хрусть.

Король элитного навоза нервно потрескивал суставами пальцев. И явно относился к поздним визитам относился не слишком хорошо. В воротах его поместья нас встретила целая орава наёмных ребятушек с мордами сторожевых керберов. Ребятунки пояснили, что господин Дэриш болен, не принимает и вообще отошёл ко сну.

Даллейн вежливо покивал, вскинул руку в боевой перчатке — и в рядах охраны возникла просека. Вторым пассом воздушной магии поверенный Виверрент спеленал всех остальных. Не напрягаясь, вернул Стрелкам в засадах два выпущенных арбалетных болта. И уже после этого сообщил привратнику, что мы настаиваем на беседе.

Теперь долговязый, костистый Иснтон Дэриш обильно потел в своём кресле. Трещал суставами и умоляюще поглядывал на меня. Наверняка я казался ему олицетворением милосердия — по сравнению с двумя моими спутниками.

— Прошу поверить... — поскуливал господин Дэриш. — Мне ничего неизвестно... я не мог отказаться... они угрожали...

Под этот мерный скулёж я старался не поглядывать в сторону Даллейна и с тихим ужасом прикидывал — что ещё может водиться на службы у жёнушки Хромца. Или на службе у её муженька. Одно время я занимался ставками и махинациями на магических турнирах, так что мог оценить мощь настоящего боевого мага — отобранного ещё в детстве за исключительную силу Дара и специально обученного.

Внезапно работать на полную начало выглядеть хорошей идеей.

— Я действительно... я надеюсь, что никто не пострадал... у меня не было выхода... Госпожа Виверрент, она ведь не...

С того момента, как Нэйш обронил своё коронное «Вы ведь расскажете нам всё, что мы хотим знать» — у Дэриша шансов не оставалось. Он это и сам понимал — и был готов горячо сотрудничать со следствием.

— Они пришли семь дней назад, как раз готовилась новая партия удобрений к отправке. Я... понимаете, сам проверяю партию, пересчитываю — всё-таки оранжереи Виверрент. Это здесь, на складе, потом всё грузится на телеги, а дальше — речной порт, он тут недалеко...

Уже что-то интересное. Если только в речном порте не повышенная охрана — любопытно бы знать, почему они явились к самому Дэришу.

— Чет... четверо мужчин. Якобы от торгового представителя с предложением покупать навоз единорогов...

Вот, к слову, интересно: может, нам куда сбывать избыток этого дела из питомника? По хорошей цене... есть вообще кто-нибудь в Вейгорде свои короли удобрений? Нужно будет Гриз предложить — если выживу.

— ...четверо мужчин... Они... они были в перчатках, я не видел Печатей. У одного был чемоданчик, а остальные — так... Говорил один, такой черноволосый, он не назвал имени...

— Внешность? — допросчик Рифов такого момента не упустит. Только вот что скажет перепуганный хозяин? Внешность неприметная, особых примет нет, лёгкий южный акцент... Не запомнил, был напуган, описать не могу, простите великодушно, можете зарисовать в вашем блокнотике огромный шиш, который символизирует неуспех вашего допроса.

Стало быть, время Истинному Сыщику подключать мозги.

Охрану местный повелитель каках завёл недавно — взял не самых дорогих. Скуповат? Или нанимал тех, кого не жалко — в расход? Опросить привратника, сторожей, работников — если те типчики явились открыто и днём — кто-то что-то должен вспомнить.

А подборочка книг у господина «Фекалии для богачей» куда любопытнее, чем он сам.

— Они сказали, им нужна последняя партия... та самая партия удобрений, для дома Виверрент. И я был вынужден... у меня не оставалось выбора... Я провёл их к нужным ящикам... Клянусь, я не видел, что они делали! И я правда хотел сообщить, но я... понимаете, у меня не было выбора.

— Почему? — я постарался не закатывать глаза, когда Нэйш задал этот вопрос. — Вы отправили эту партию, господин Дэриш. Не проверили ящики после ухода ваших гостей. Не сообщили в поместье Виверрент о возможной угрозе...

Его тон с каждым словом набирал мягкость, и под конец неуютно стало даже Даллейну. Бедолага Дэриш застучал острыми коленками от ужаса.

— Я... я не могу, простите. Я готов понести ответственность, я понимаю — госпожа Виверрент... я готов. Прошу, если вы хотите забрать меня, заточить в темницу, что угодно...

— Господин Дэриш. Эти люди назвали вам имя того, кто стоит за ними. Верно?

— Эвальд Шеннетский, — обрисовал я губами одновременно с бедолагой-поставщиком. И так же бесшумно. Айлорцы знают про Хромца побольше нашего. Всего побольше — и жутких слухов тоже. И когда к тебе с угрозами заявляются от его имени...

— Почему вы не обратились к королеве? Вы ведь могли предположить, что под угрозой жизнь её приближённой особы.

Глупый вопрос, господин Даллейн, а я только почтения преисполняться начал. В народе давно ходит слухок, что Шеннет обаял королеву по самое не могу. Вскоре после его чудесного исцеления началось. И у Дэриша поперек физиономии написано, что Арианта в случае чего не достанет его семью из-под земли. А Шеннет — может.

— Вы отослали семью?

Полный ужаса господин Дэриш поднял на меня блеклый взгляд.

— А к-к-куда?

А и правда — злобный и мстительный Хромец отовсюду достанет, похитит, отравит и прочее по списку. Понятненько.

— Они сказали мне... сказали не смей выезжать. Партию я отправлял на их глазах. Сказали — не сообщать никому. Иначе... вы же понимаете, я не мог... пойти против...

Хрусть, хрусть, хрусть.

Сбивчивый полушёпот и дико интересные книги на полках. «Сага о Сиэрле-Следопыте», «Распутывая след», «Дары Перекрестницы». А у хозяина меж тем цветок на ладони — Знак Травника, от этого всё ещё любопытнее.

Информация в самом Дэрише подошла к концу. Дело ясное: приперлись непонятно кто, отрекомендовались что от Хромца, прижали угрозами семье, запихали веретенщика в ящик. Вопрос — как они сделали так, что ящерка доехала до поместья Виверрент и не прогрызла ящик раньше. И кто они, вир побери, такие. Сильно сомневаюсь, что Хромой Министр посылает подручных, которые носятся повсюду с воплями: «Да здравствует Шеннет!»

Сильно смахивает на попытку укрыться за именем Хромца — благо, имечко прямо-таки чудеса творит, у Дэриша даже сомнений не возникло, что Шеннет злоумышляет против жёнушки. И в таком случае — понятно, почему ребяташки не подрезали ящики на пристани или перевозчиков не подкупили. Солидный свидетель — вещь исключительно ценная. И ясно, почему Дэриша сразу не пустили в расход — свидетелю хорошо бы быть живым. Да и смерть поставщика сразу после поставки товара могла на след навести.

А корешки книг так заманчиво маячат под пальцами. Тут полно детективных историй. Про истинных сыщиков, которые выдают догадки в самый неподходящий момент. А Дэриш уже отпирчитал и отвсхлипывал шепотом, и взгляды Даллейна и Нэйша скрещиваются на мне — пора задать вопрос, такой, чтобы не в бровь, а в глаз и насквозь, через затылок.

— Господин Дэриш, какой Дар у вашего младшего сына?

Боженьки, в книгах это так и было описано. От внезапного выпучивания глаз до хватания за сердце и заикания.

— Вы... что вы... Кайви только восемь, и он ничего не слышал! Ничего не слышал!!

Оказывается, это чертовски приятно — когда твои догадки подтверждаются. А исключительно мощный маг воздуха и исключительно чокнутый устранитель вопросительно пялятся на тебя в ожидании объяснений.

— Следопыт, — я кивнул на книжные полки. — У его сына — Дар Следопыта.

* * *

Вызвать Кайви в гостиную или в каминную я отказался наотрез. Так что второй этап допроса проходил в комнате паренька. Который не слишком-то был похож на восьмилетнего несмышлёныша.

Кайвин Дэриш обладал костистостью отца и хитрой рожей природного Следопыта. С нехилым стажем по части подслушивания — по виду пацана казалось, что ему лет четырнадцать. На самом деле было лет десять. Пятый год после Посвящения, да если при хорошем уровне Дара...

Чего в милом Кайви не было видно — так это желания общаться с нашим допросчиком.

Нэйш попытался сделать лицо доброго дяди, результат вымораживал до спинного мозга. Невозмутимый господин Даллейн и папочка-Дэриш с воплещёпотом «Он ничего не слышал,

ничего не знает!» делу не помогали.

— Ничего не слышал, — твердил Кайви. — Ничего не знаю.

По хитрым глазёнкам было видно, что мелкий сын мантикоры знает в принципе обо всём, что происходит на территории здешних навозных куц. Но не выдаст.

Ну, у паренька портрет Эвальда Хромца висит на видном месте в комнате. Я бы на самом-то деле на многое не рассчитывал. Дэриши, конечно, те ещё слуги своего отечества, и у них по стенам кто только не обретается — одних портретов раскрасавицы-королевы я насчитал четыре штуки. Ещё была Касильда Виверрент и куча айлорской знати — никак, клиенты.

Но портретов Хромого Министра я в коридорах что-то не видал. К тому же с такой богатой коллекцией книг — три биографии, два научных труда... о, даже какой-то трактат об экономике авторства самого Шеннета. До кучи — множество авантюрных романов и пара книг о шпионах временах Братских войн.

— А ну-ка оставьте нас одних, — попросил я, когда доблестный представитель своего Дара засопел и замкнулся в гордом молчании. — На полчаса.

Папочка попытался протестовать, встретил ласковый взгляд устранителя и покорно уволокся за остальными.

Отпрыск Дэриша кривил губы высокомерно.

— Вы их специально отослали. Да? Ну, этого типа в белом. Чтобы он вроде как не пугал меня.

— Вообще-то наоборот, — признался я. — Чтобы он меня не пугал. Я-то уже понял, что ты тут не из пугливых.

— Теперь вы меня специально хвалите. Я всё равно ничего не...

— Вот только ты зря не спросил, почему я отослал и второго. А я тебе скажу, — подпустить на лицо доверительности, покатить голос в почти неслышный шёпот. — Он работает на Касильду Виверрент.

Дар у парня оказался отменным: Кайви выпрямился, чуть приоткрыл глаза.

— А вы тогда...

— Мне вообще нужно называть имя? — я глазами указал на портрет.

Эвальд Шеннетский с портрета смотрел ободряюще и весело, казалось — вот-вот подмигнёт. Неведомый художник сделал глаза Шеннета слишком синими, а на руках изобразил котика.

Паренёк сглотнул. Покачал головой, недоверчиво осмотрел меня.

— Что? Ты ждал кого-то в форменной ливрее и с гербом на груди?

Те парниши назвались посланниками Хромца? Отлично — в эту игру можно и с другой стороны поиграть.

— А эти... которые приходили тогда к отцу. Они были не как вы?

— Соображаешь, парень. Думаю, только прикидывались, а вот с какими целями... тут помочь можешь разве что ты. Я гляжу, ты подкован. Собираешься влиться в наши ряды со временем?

Ух ты ж, у паренька аж лицо озарилось, до последней веснушки. Надо же, выбрал себе в кумиры Хромого Министра и собирается поступить к нему на службу. Остро хочется побрюзжать про нравы молодого поколения.

— Так что давай, соображай. Они угрожали твоему отцу, так? Но при этом оставили его в живых. И постоянно говорили при этом — от кого они, а сами... как полагаешь, были

похожи на служащих моего патрона?

— Нет! — восторг решительно преобразил лицо парнишки. — Я сразу это говорил отцу, а он боялся и не слушал. Я знал, что они не от него — не мог он нанять таких тупиц!

«Он» — с большой буквы и с придыханием.

— Дело говоришь. Тупиц мы в рядах не держим. Теперь давай поподробнее — насколько тупицы? Ты же подслушивал, так?

— Только когда они уже пошли на склад, — приуныл паренёк. — В доме я не слышал, вёл разведку во дворе.

Шпионил за обслуживающим персоналом, стало быть. Милые игры Следопытов...

— А дальше учуял, что с этими визитёрами неладно, решил посмотреть?

Паренёк учуял родственную шпионскую душу и кивал.

— Походка отца. Он странно шёл, как будто он их боялся. И зачем им вообще было туда, на склад, где уже скоро отгрузка?

— Точно, подозрительно. А они тебя не заметили?

Фырканье, обиженно оттопыренные губы. Парень, небось, все местные лазейки знает. А ещё нехило запоминает приметы, вон, описывает: чернявый, средний рост, нос крючком, глаза близко посажены; один поплнее, с залысинами, нёс чемоданчик, покашливал; ещё самый высокий, со скошенным подбородком, у этого будто пальцы обожжены были чем-то.

— А последний был тонкий такой, худой совсем, в капюшоне, лица не видно. Он почти не разговаривал, а когда говорил, то шепелявил как-то странно. Очень подозрительно. Это точно были вейгордцы.

И с истовой ненавистью к извечным врагам в глазёнках.

— Вот это уже интересно. А с чего ты это взял?

— Ну, они грубые такие были. Ругались там на складе, — паренёк повторил пару слов — и впрямь, ядрёная южная ругань. — И акцент у них был странный, особенно у этого, в капюшоне. Ещё один сказал, что до костей тут продрог.

— Таа-а-ак, что ещё говорили?

Ах ты ж мурену мне в печень — до чего невовремя у парня гаснут огоньки в глазах.

— Что угодно пригодится может, — приободрил я мелкого шпиона. — Каждая деталь, сколько вспомнишь.

Малец кивнул. Поерошил русые волосики и сдвинул бровки.

— «Ящик давай! Вон тот!», — почти басом, с передачей голоса. Талантливое дитя.

«Давай ящик!» — «Вон тот!» — «Вскрывай!» — «Давай быстрее!» — короткие, рубленые команды. Четвёрка посланников непонятно кого согнулась над ящиком. «Выгребай, выгребай давай, — и шорох высыпаемого удобрения. — Так, места хватит. Коробку давайте! Ты! Осторожно, понятно, иначе опять месяца на три завяжем, пока новая партия...»

— А этот, в капюшоне... сильно шепелявил. Я не понял, что он сказал, но что-то про колбу... вроде как «давайте колбу» или «охлаждайте колбу».

Всё-таки удобрение в том ящике было слишком уж влажным. Я уже прикинул, что тварь могли подкинуть в замороженном состоянии — чтобы раньше времени не смылась. Значит, что-то вроде ледяных колб, сейчас зима, удобрение нагревается не так сильно, чтобы сразу растопить... А в помещении вот всё растаяло, ящёрка очухалась, прогрызла себе выход...

«Клади!» — «Засынай!» — «Вроде, нормально» — «Нужно проверить вес ящика — не отличается?» Без толку, и так понятно, что они потом засыпали колбу или колбы сверху,

закрыли крышку, сунули ящик в середину. Со смехом и шуточками: «Посмотрим, как этим свинкам пойдут наши трюфеля!»

— Свинки и трюфеля? Они точно это сказали?

Паренёк взирал на меня озадаченно.

— Ну... да. Они там смеялись. «Самые дорогие трюфеля в подарочек от мужа», что-то в этом роде.

— Самые дорогие, значит, — пробормотал я. — Лично тебе характеристику напишу. Перед патроном-то.

Озадаченность перемешалась с благоговением — правда, вопроса на физиономии у младшего Дэриша всё ещё оставалось больше. Я отмахнулся.

— Иногда что угодно может помочь... а что-нибудь ещё было?

— Нет. То есть, да. Они ещё ругались, сколько нужно ящиков.

Внутри ожила крыса. Зашлась в тошном, жалобном визге.

— ?

— Сколько ящиков, — повторил пацан. — Один говорил — давайте лучше два или три, может, так надёжнее. Вдруг какой-то пропустят. А остальные говорили... что тогда раньше растает, и вообще, обсуждали это уже, что-то не так тогда получалось. Там было что-то научное про какую-то оболочку и влияние, я не понял. Ещё было... сейчас... что-то про кладку, которая сначала.

Я тоже не слишком-то понял, зато смутно уловил, что ящерок запаковывали не просто в лёд, а в лёд из особого раствора — видно, чтобы не померли или в спячку не ушли. Ящерок. От этого слова по серой шкурке шустро бегают кусачие блохи страха.

— А ты не слышал... может, они говорили... сколько там было этих колб? Нет?

Парень огорченно качнул головой, тут же прикусил палец и нахмурился.

— Там один сказал... там было... Он сказал «Четвёртая. Давайте предпоследнюю теперь». Это... получается, их там было шесть, да?

— Да, — тихо ответил я и расслабил воротничок. — Получается, их было шесть.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Когда получаешь Дар Следопыта — в первый же год учишься ненавидеть всё пахучее, громкое, слишком яркое.

Папаша шутил, что в таком случае я должна шарахаться от животных. Но возле зверей Дар не сбоил ни разу. Зато стоило только к мамаше на приём заявиться куче светских передуренных дам с букетами...

Ненавижу цветы, словом.

Цветочный Дворец выглядит как место, которое Властелин Пустошей мог бы придумать лично для меня. Оранжереи кажутся бесконечными. Окружают весь замок. Инженерное и артемагическое чудо, ну. Только вот мой Дар можно перед входом в мусорку выкинуть.

Наматываю третий круг — мимо кремовых роз. Дальше будут белые розы. Перед этим были розовые, жёлтые, бордовые, умеренно-красные и вир знает, каких там ещё оттенков. На пышных кустах, на низких кустах, на подстриженных кустах, за скамейками, вдоль дорожек и в причудливых фигурах. В каждой может сидеть по веретенщику.

Я уже глянула сарай для удобрений, где Пухлик каким-то чудом откопал следы. Натоптано как минимум на три штуки. Запах потерялся из-за удобрений, разобрать можно мало что. Такое ощущение, что эти твари почти не пахнут — может, их такими вывели?

Топаю мимо беседок. Искусственных гротов и фонтанчиков со статуями. В посеребрённых клетках — певчие тенны. Начинают свирельничать. Наверняка придётся и ночью тут крутиться. Хорошо ещё, «Глаз стража» всегда с собой.

Цветочные ароматы глушат нюх, слух забивается птичьим пением и журчанием воды. Работаю «на глазах» и «кожей». Смотрю сверху вниз, по трём секторам: верхний — купол-стены-макушки кустов, откуда может прыгнуть. Средний — ветки-цветы-клетки-гроты-статуи. Нижний — скамейки, дорожки, клумбы, корни, норы.

Что буду делать, если наткнуся?

Атархэ не брать, заклюй их грифон! Был бы у меня Резун — было б на одну тварь меньше. Веретенщики шустрые, взять простым метательным ножом — глупость.

Местный Мастер всучил амулет холода. Резную снежинку на подвеске с мутно-голубым камушком в центре. Простейший артефакт по типу "сожми-да-вдарь", что с быстрым действием, запиткой и радиусом поражения — непонятно.

Убить — тут даже без вопросов. Веретенщики — не животные. Ни один зверь не будет убивать всех подряд, по сотне в сутки. Только пакостные твари, которых вывели самые опасные хищники — люди.

Отпиваю «Глаз стража». Глаза устали и побаливают, Печать ещё не горит, но начинает чесаться. Интересно, что там у других. Может, Его Светлость раскопал, кто там вздыхает по Касильде Виверрент. Или Грызи сумела что-то найти. И куда вообще забилась Шипелка? Мы обе на патруле, а её не видно и не слышно. Хотя в этих оранжереях может племя даарду поселиться и пару лет незамеченным прожить.

— Ч-ч-ч-чудо, тоже...

Под пышным рододендром отпечатались крошечные лапки. А вот и горошины помёта. Также почти без запаха. Нырнул в куст, ушёл по ветвям. Лезу шерстить куст на

всякий случай.

Морковка бы сказал — самоубийство. Что, интересно, скажет, если веретенщик меня таки цапнет? «Оу, как я скорблю, я любил её как сестру, а ещё я втюрился в Гриз». Или, может, на первый час и братские чувства сойдут?

В кусте никого, продолжаю путь. На каждом секторе — патрули из работников оранжерей. Я же сюда их и поставила. Кивают, отчитываются: нет, пока ничего.

Выстудить бы эти оранжереи совсем, но на улице — едва первая ступень мороза, веретенщики разве что в спячку свалятся. И как их тогда искать?

— Госпожа, во дворце несчастье со служанкой, вас просили позвать.

Слуги у Виверрент толковые. Не пугливые, быстро схватывают. Говорят по делу. Посыльный поясняет: служанку, которая отвечала за гардероб госпожи, нашли в «чёрном сне».

— К счастью, у неё есть муж, мы за ним тут же послали, и он её поцеловал. Гамалия очнулась. Мы отлучились было, чтобы привести дворцового травника на всякий случай, но тут выяснилось, что тварь никуда не делась из комнаты. Был укушен муж. Жена, конечно, сразу же его тоже поцеловала...

Если эта тварь свила гнездо в какой-то комнате — прибить её будет только легче.

— Сейчас там есть кто?

— Мы вывели оттуда всех, постарались запереть двери, заделать щели. Поставили стражу — три опытных мага, два с холодным Даром, ещё один — с воздушным.

Армии Айлора бы такую дисциплину — и у Вейгорда не было бы шансов.

— Ведите.

Идём в «хозяйственное» крыло — где поменьше позолоты, дорогих ковров и картин. Возле нужной комнаты встречаю Шипелку — та цедит что-то неразборчивое на своём языке. Наверное, местные колонны не сказали ничего определённого.

Трое слуг целятся ладонями в дверь. И пялятся на замочную скважину, как на врага.

— Ты страхуешь, — тычу в мага Воздуха. — Теперь вы. Открываем дверь, лупите холодом. Рассеянные удары на заморозку по всей комнате. Нужно, чтобы температура упала, ясно?

Поворачиваю ручку. Две руки протягиваются над моими плечами. Две ладони со снежинками выплёвывают прорву холода. Слуги Дамы стараются от души. Входим не спеша (воздушный маг сзади), продолжаем обрабатывать комнату. Пока не говорю: «Хватит, теперь страхуйте».

Комната — что-то вроде небольшой прачечной или помещения для деликатной обработки тканей. Бутылки с чистящими зельями. На стоячих вешалках — платья, покрытые инеем. Щётки, тряпки, тазик с водой на стуле, вода отливает бирюзой и странно пахнет. Возле стула под стулом валяются туфли — изящные, наверное, самой Касильды.

Кружу по комнате, высматриваю — не зацепили ли тварь. Следов не видать. Мысли крутятся вокруг тазика. Смотрю на мудрёные средства для чистки, обновления и ароматизации ткани. Лезу в шкафчики. Никакого сравнения. Ни по цвету, ни по запаху.

— Чем занималась служанка? Когда её укусили?

Следопытская чуйка и без того нашептывает ответ. Чистила платье своей госпожи — одежду и обувь, в которой Касильда Виверрент была, когда её кусанул веретенщик.

В платье дело или в обуви — вот в чём вопрос.

Отсматриваю синее платье, наклоняюсь, веду ладонью с Печатью. Вроде, ничего

подозрительного. Дальше. Туфли — тёмно-синие, бархатистые, обшитые мелкими жемчужинками. Одна малость влажная: по ней служанка провела тряпкой, а тряпку сполоснула.

На второй туфле — бирюзовый отблеск. Лёгкий запах весны — будто скошенной травы. Или раздавленных листьев. Незнакомый, тревожный.

— Госпожа! — это тот самый посыльный. — Там ещё один случай укуса, и госпожа Арделл просила послать за вами.

Опускаю туфлю на место.

— Дверь закрыть. Сюда никого не впускать. Главное — тут ничего не трогать.

Нужно посмотреть — где Дама могла так вляпаться. Но у меня есть подозрения, что смотреть уже бесполезно.

И точно — посыльный ведёт в комнату к полумойке. Тоже, по счастью, в кого-то там влюблённой. Рыхлая деваха икает и по кругу рассказывает Грыз, как «да ничаво не делала я, только, знаете, паркет протираю, а тут укол — и в глазах темнеет, да!» Грызи хмурым грифоном нависает над тряпкой в углу. Дар ловит привычный лиственный аромат — тонкий-тонкий, неуловимый, и бирюзовые искры тоже есть.

— Где протираю? — позади замолкают. — В зале, где твоей хозяйке плохо стало? Да?

Манतिकоры печёнка, зачем спрашиваю ещё. Ловлю тревожный, воспалённый взгляд Грызи.

— Какой-то состав, который привлекает этих тварей. Кто-то сыпанул незаметно на пути у Касильды. Эта дрянь была у неё на туфлях. Концентрация, видно, высокая. Попало служанке, которая за платье отвечает. Служанка в норме, муж в норме, взаимно перецеловались.

— Отбивающее запаха зелье возьмёт?

— Надо пробовать.

А то не растащить бы нам неведомую дрянь по всему поместью.

Возвращаемся к месту, где Касильду укусили. Нас сопровождают два предупредительных кота с манишками. Грызи с чего-то косится на котов подозрительно.

Бирюзовые искорки блестят на сложном паркете. Прилипшие — будто втёртые. Служанка постаралась, протирая пол — и правда, чуть ли не на зал растащила. Льём сверху средство, отбивающее запах, дальше я прохожусь шваброй — главное руками не притрагиваться.

От колонны, где упала Касильда, идём к гостиной, в которой составляли договор. Лёгкие бирюзовые звездочки в следах Дамы ведут нас. Но только до дверей гостиной — а в ней самой уже кто-то успел прибрать. Нет ни следа, и мощно воняет моющим средством. И это само по себе ответ.

— Тебе тоже показалось странным, что на неё напали сразу, как она вышла от нас?

Грызи кивает. Обходит комнату, тихо чертит пальцами в воздухе. Словно пытается уловить тени, прихватить силуэты из прошлого. Вспоминает, кто был где.

Тут Касильда прошла от двери, остановилась на середине комнаты. Вот сидел Пухлик, тут я, сама Грызи, Конфетка, Мясник, Его Светлость... Плакса и Шипелка, понятно, — где потемнее и от людей подальше. Ещё в комнате был стряпчий с договором.

— И Мастер... господин Куод...

Следы вели отсюда. Здесь кто-то незаметно рассыпал на пути у Касильды Виверрент эту бирюзовую дрянь со свежим запахом. То, что зовёт к себе веретенщиков и заставляет их

кусать.

— Надо заняться стряпчим и Мастером этим.

Грызи кивает, но выглядит она как в дурном сне. Проводит по лицу ладонью — будто хочет убрать страшную мысль.

— Хотели нас подставить, скоты, — продолжаю я. — Свалить свои делишки на группу из Вейгорда. Кто-то из них шпион её муженька. Хромца. Или оба.

При упоминании Хромца Грызи как-то непонятно дёргается. И отвечает не сразу.

— Наверное, так. Мастер работает над артефактами, попрошу Аманду с ним побеседовать. Что со стряпчим — не знаю. Ещё есть мысли?

Одна — очевидная, как понос у стаи бескрылок. Эта штука привлекает веретенщиков? Отлично. Его Светлость сказал бы — нас Единый в небесах возлюбил.

Грызи кивает: действуй, зови, если нужно. Убывает за Конфеткой. Я отправляюсь стряпать засаду на веретенщиков.

В комнате, где укусили первую жертву, мы проморозили всё слишком хорошо. Отыскиваю светлый зал с окнами на оранжерею и минимумом мебели. Переливаю жидкость из тазика в пару банок, заворачиваю туфлю в плотную ткань. Осторожно всё переношу в нужную комнату. В сопровождении тех самых ребят с Даром Холода и Даром Ветра.

По пути веретенщики на меня не зарятся.

Ловушку готовлю простейшим способом: окна нараспашку, две двери открыть, установить посреди комнаты артефакт из тех, что местный Мастер наваял. Мелкий амулет в виде щита, активируется на крик или волну любой магии. Рядом с ловушкой кладу туфлю Касильды Виверрент. Добавляю лоскут ткани, вымоченной в той самой жидкости из тазика (не коснуться, не пролить).

Двух магов Холода ставлю по углам, мага Ветра — возле окна. С приказом лупить во всё мелкое, что пробежится по полу, стенам или потолку.

Сама загораживаюсь софой и торчу у двери. До боли идиотское зрелище.

Наступает ночь, а мы всё сидим в засаде. В открытую дверь заглядывают разве что коты. Оценивают наши ожидания презрительным «Мяу». Через час приходится прикрыть окно: в совсем выстывшую комнату веретенщик вряд ли полезет. Разжигаем камин. Ничего.

Ещё через полчаса является мрачная Грызи: Пухлик прислал весточку.

— В общем, на территории их шесть.

Слуги Виверрент явно много чего повидали: у всех морды тятками. Даже когда я употребляю словечки, которые не к лицу бы девице Драккант.

— Найду, какая скотина их сюда посадила — всех этих веретенщиков запихну ей в...

— Становись в очередь — будешь за Амандой. Она клянётся, что Ночь Искупления Шеннета покажется зачинщику лёгким отдыхом. Извела на местного Мастера половину эликсиров правды — похоже, тот не при делах.

— Значит, дело в стряпчем. Этот-то где?

— Был эвакуирован вместе со всеми, но во втором поместье его не оказалось. То ли отлучился, то ли ударился в бег. Его ищут.

Голос у Грызи похоронный. Видать, Морковка не нарыл — кто может быть возлюбленным Дамы? Гриз мотает головой. Но работу Его Светлости оценивает на высший балл — говорит, он там присох к Водной Чаше, несмотря на ночное время. И как-то пережил трёхчасовую беседу со вдовой Олсен.

Янисту придётся потом пару девятиниц успокоительное пить.

Грызи предлагает остаться. Я предлагаю ей быть поближе к Даме, которую кто-то так настойчиво хочет ухлопать. Кто там знает, может, во дворце куча слуг, купленных Хромцом. И нужно же кому-то в оранжереях проверять патрули. И расставлять со слугами ловушки в коридорах.

Подруга бормочет что-то про то, что замок окончательно превращается в крепость. Оставляет меня с моей рыбалкой.

И местность отличная, и наживка, да вот — не клюёт.

— Ш-ш-шесть сволочей на территории, куда ж они подевались все...

Слуги молчат — посапывают только из углов. Тот, что с Даром Воздуха — худой и длинный, один из «снеговиков» вообще жестами общается, второй всё шею вытягивает.

Жердь, Молчун и Лебедь.

В дверь заглядывает Шипелка — свистит чего-то про безумных Людей Камня. Приносит с собой резкую вонь чеснока, камфары и помёта. Взамен обычного крапивно-жухлого амбре. То ли думает отпугнуть ящериц, то ли у терраантов такое понятие о духах и светских церемониях. Ещё через час приходит Грызи.

— Нашли стряпчего, он к семье отлучился. Допрашивают с эликсирами, результат пока нулевой. Заодно опросят тех, кто тут комнаты убирает. И тех, кто ответственен за одежду Касильды — на всякий случай.

Голос у неё хриплый — ясно, почему.

Раз это не Мастер, не стряпчий, не слуги — это мы. Кто-то из нас. Да какое — кто-то.

— Тербенно же говорил — он из Гильдии?

Грызи молчит с ожесточением кирпичной стены. Пухлику бы лучше не возвращаться во дворец подольше. Если это его рук дело — такое ему устрою...

Только очереди дождусь.

— Свяжись с Мясником — пусть тот понажимает на слабые точки.

Молчание становится гранитным, и между мной и подругой воздвигается невидимая стена с башнями и бойницами.

— Что? Раз в жизни принесёт пользу.

Без толку. Грызи не может отдать приказ попытать одного из «тела». Дело даже не в варжеских запретах. Как человек не может. Она кучей принципов прямо с Морковкой может померяться.

— Ты хотя бы сказала за Пухликом следить?

Кивает с больным видом. Ладно, надеюсь, Палач не прошляпит, если что.

Слуг приходится отпустить и запросить в дозор новых — а то концентрацию потеряют. Веретенщиков упорно нет. Через час после полуночи приходит известие о новой атаке — тварь схоронилась под подушкой слуги. Мантикора их жри — теперь ещё подушки перетряхивать! Слуга не в «чёрном сне», но заработал фингал от супружницы, потому что её поцелуй не сработал, а поцелуй её лучшей подруги — очень даже.

На всякий случай осматриваю место семейной драмы — сперва так, потом с туфлей Касильды. Туфлю держу в перчатках и через ткань. Без толку. Неужели ошиблась в расчётах?

Надо бы проветрить башку. Оставляю усиленный патруль в комнате с ловушкой и обхожу оранжереи. Они освещены — мерцающим, рассеянным светом, в зелени повсюду прячутся светильники-артефакты. Даже регулируются — от «солнечный день» до «интимный полумрак». Папаша сказал бы, что кто-то дурной ввалил сюда сотню пудов золотниц.

В одной руке — фонарь, во второй — арбалет. Со мной два кота, так что нескучно. Чёрный Барон ступает рядом. Прыгучий Резвун убегает вперёд и облизывается на певчих тенн.

Тенны распелись вовсю — густая, переливчатая музыка, оркестр арф и свирелей. Каждая выводит свою мелодию. Видят меня, радуются и поют погромче — артистки.

У ночных оранжерей — строгий наряд: снег и серебро, приглушённые переливы розового и сиреневого. Раскрываются и скромно пахнут ипомеи, подлунницы — серебристые маргаритки, ночные гладиолусы. Голову поднимает «Леди Ночь» — раздевается в пышный белый траур. И повсюду искрис-трава. Днём — незаметная пушистая травка, а ночью выпускает длинные стебли, опушённые синими искрами.

Я пытаюсь понять — что могла прошляпить. Какого вира веретенчики не ловятся на тот же состав? С Касильдой и двумя служанками вон как пёрли. Разве что он может вычхаться. Рассеяться. Спросить Конфетку — как сделать запах гуще... Главное при этом самим не вляпаться. Вляпаться... самим...

Впереди мелькает что-то быстрое, разноцветное, как оживший цветок. Каплей скользит по крылу фонтана-феникса, соскальзывает в траву. Бесшумно, но вижу, как колыхнулись стебли: идёт на меня. Перехватываю правой ладонью артефакт холода.

Шорох, боевое урчание. Рыжий кот с размаху, грудью падает в траву. Воинственно завывая, вцепляется во что-то зубами, отпрыгивает, бьёт лапой. Рычит и снова напрыгивает, кусает, отпрыгивает.

— Уходи, Резвун! — ору я. — Брысь оттуда!

Не могу бить холодом — попаду по коту, а он не уходит. Мелкая, переливающаяся ящерица взвивается из травы прыжком — пытается уйти в кусты. Рыжий кот кидается ей вслед, оскаленный и вздыбленный. Хватает юркую дрянь и валяется, шипя, колошматя зубами и когтями.

— Резвун, уходи, уходи!

Вёрткая ящерица выворачивается, выскакивает на дорожку — и попадает под тяжкую лапу Барона. Тот делает мгновенное движение, клацает челюстями.

Голова веретенчика у него в пасти.

Это точно веретенчик. Переливающееся тельце в пядь длиной. Крупный для своей породы — я три чучела видела, из самых последних, прибитых каким-то там Орденом лет семьдесят назад. Те были меньше и не такими разноцветными.

Барон отплёвывает голову, тело веретенчика бьётся в конвульсиях. Подходит Резвун, с вопросительным мявом шевелит тушку рыжей лапой. Тушка замирает совсем. Кот разочарованно вздыхает, разворачивается и начинает закапывать трофей.

Достойный конец для мелкой дряни. Глажу котиков, говорю им, какие они умнички. Барон мурлычет, Резвун носится вокруг и предлагает играть.

Разжимаю ножом челюсти у головы веретенчика. Зубы складываются внутрь пасти, как у змеи. Железы с ядом — будь здоров. Яд, скорее всего, способен размягчать древесину — неудивительно, что они откуда угодно выбираются.

В пасти полно шерсти. Резвуну досталось несколько укусов, но в основном зубы веретенчика просто вязли. Сказать всем — одеваться поплотнее, перчатки, шарфы, на лица маски...

Резвун мурлычет, носится — по нему не скажешь, что укусили. Ну да, веретенчиков выводили как оружие против магов. На кошек вряд ли действует.

— Из вас бы получились патрули куда получше, — говорю котенькам. Глажу гордую свиту, прихватываю дохлого веретенщика, двигаю в замок. Надо передать Конфетке дохлую тварь — вдруг на противоядие поможет.

Новостей нет: ни сведений от Морквы, ни новых укусов, ни чего-либо хорошего по допросу стряпчего. Взбадриваю Грызи новостью о том, что у нас теперь пять веретенщиков. Если местная кошачья рать не сожрала мимоходом и всех остальных.

Грызи малость светлеет.

— Жаль, им не объяснить, что от них требуется. Я попробую, но без единения...

— Они и так справляются. Получше нас, — скребу за ухом героя дня, вернее, ночи. — Конфетка эту бирюзовую пакость не глядела?

— Не хватает индикаторов. Аманда вывернула наизнанку припасы местной лекарской, да и у Мастера прихватила... но говорит, что время нужно. Пока что работала через Дар. Говорит, точно какой-то состав необычный. Но пока не удаётся понять — то ли работа сильного Травника, то ли...

— ?

— ...вообще не смесь.

Не смесь — значит, новое растение с особой пыльцой. Изменённое или выращенное, чтобы приманивать веретенщиков. Как сами веретенщики были выведены из ящериц. А это уже не просто Травник. Это уже гнусно отдаёт экспериментами, вроде тех, которыми маются в Академии Таррахоры.

Вир забери, вряд ли кто-то заморочился настолько, чтобы вырубить только Касильду Виверрент. Раз уж искали возможности управлять веретенщиками... По глазам Грызи вижу, что она думает так же.

— Скажи это Морковке, он в восторге будет. С детства мечтал Кайетту спасти.

Только малость меньше, чем дам из высокой башни.

На ловушке глухо. Усиленный патруль усиленно зевает в кулаки. Туфля Касильды Виверрент укоризненно лежит на столике. Подхожу и играю с ней в гляделки.

В оранжерее — это была случайность. Людей по ночам обычно нет, веретешик вылез на кормление, а тут я. Вот он и полез хватать. Но тут-то должна закономерность сработать, а она не работает. Хотя...

Касильда Виверрент — туфля... При шаге могло на чулок попасть, так? Служанка держала тряпку, окунула в тазик, состав остался на коже. И поломойка...

— В смеси с ароматом кожи, — припечатываю я. — Или как клеймо на теплокровной жертве.

А дальше я делаю то, что приписать могу исключительно нервняку, глоткам бодрящего и своей дурусти. Беру туфлю открытой рукой, без перчатки.

Примерно через секунду до меня доходит, что состав на коже может действовать как сигнал к мгновенной атаке. И если до этого веретенщик просто ошивался поблизости, привлечённый запахом снадобья, то после того как ты перемазался...

Топотка по потолку так и нет, но я чуть ли не макушкой чувствую движение. Кидаюсь влево, а на место, где я стояла, шлёпается веретенщик — переливчато-перламутровая дрянь, крупная ожившая ртутная капля.

— Бейте по нему! Что застыли!

Пока я визжу, а слуги Виверрент тупят, веретенщик опрометью кидается к моей лодыжке. Убираю ногу, подскакиваю из положения лёжа, бахаюсь об пол копчиком. Удар

воздушной магии чуть не сносит мне башку, переворачивает банку с приманкой на столике, следом приходят три удара заморозки — широким веером. Волосы повисают сосульками, лицо жжёт холод, тварь начинает двигаться медленнее, но всё-таки ещё движется, стремится к моей ладони...

Выхватываю нож — ставлю точку с размаху, сверху вниз. Выдыхаю.

Веретенщик дрыгается, прищипленный к паркету. Ходит перламутровыми волнами, будто ракушка, которую поворачивают под светом.

Слуги в запале добавляют ещё по удару заморозки — никак, решили добить меня вместе с ящерицей.

— Хватит, — в лицо перестаёт лупить холодом. Лезу на пояс за укрепляющим. Надо попросить у Конфетки чего-нибудь от обморожения — а то я что-то носа не чувствую.

Но дела не так плохи. Минус две твари за ночь — и есть возможность отловить остальных.

Надо бы запастись смертниками.

Ну, или котами.

* * *

— Минус два, — повторяет Грызи задумчиво. — И есть способ отловить остальных.

На «встряску» мы собрались в глухой предутренний час. В комнате возле спальни Дамы, где Конфетка и Грызи развернули оперативный штаб.

Я натираю нос противоожоговкой — Конфетка сказала, должна помочь. Нойя вытанцовывает вокруг банки с тельцем веретенщика. У Яниста такой вид, будто его мантикора семь раз прожевала и выплюнула. Шипелка шипит в одном углу, Плакса трясётся во втором, Грызи перешла в режим «не сказать лишнего».

Ни слова — насчёт догадок про Пухлика. Обозначает только насчёт этого самого состава. Способа подманить веретенщиков.

— Хорошие новости — способ рабочий, плохие новости — способ опасный. Мел, в следующий раз — ради Девятерых, без попыток суицида. Аманда, из тел веретенщиков что-то удалось выжать?

Нойя цокает языком и пялится в банку, почти как Мясник на своих бабочек.

— В лейрах поют — спешка хороша для воровства и побегов. Быстро не получится, сладкая. Замысловатые твари, очень искусная магия — проявляющие артефакты рядом с ними с ума сходят. Почти уверена, что выводили их при помощи кого-то из Мастеров...

— Аманда!

— Да-да-да, кровь и яд... интересная реакция на холод. Как их доставили сюда — во льду? Вялость нападений и медленное восполнение яда отсюда, я почти уверена — вы же заметили, нападений слишком мало для шести веретенщиков. В наших песнях и одного хватало, чтобы за сутки погрузить замок в чёрный сон.

И мурлычет песенку, уставившись на ящерицу в банке. В песенке что-то про милых тварей, которые замёрзли и хотят тепла, как всякая порядочная нойя.

— По противоядию новости есть?

Конфетка качает головой и поёт дальше.

— Плохи дела, сладкая моя, — выпевает Конфетка. — Мне не поднять Касильду

Виверент: я сделаю все, чтобы замедлить действие яда и дать тебе больше времени, но лучше бы нам найти того, чувства кого горячи. Или того, к кому склоняется ее сердце.

— Легче сказать, — бормочет Гриз, — у вдовы Виверент много поклонников, к тому же знатных. Эвклинг Разящий, Йелт Нокторн, Джонар Эмерин, Ирлен Харрдоу... Так, сходу, я могу придумать только одно: притаскивать их к ней по очереди для поцелуев. Только вот сомневаюсь, что это одобрит сама Касильда...

— ...или ее муж, который в последнее время так часто появляется в коридорах?

Это еще что за новости?

Новости объясняет Гриз: Хромцу с чего-то очень понадобилось повидать свою женушку. И вряд ли для того, чтобы ее облобызать. Скорее уж, ему не терпится ее добить. На удивление, Шеннета не пугают даже веретенщики, которые пока что крутятся где-то неподалеку. И вряд ли при таком раскладе он допустит, чтобы к одру его жены притаскивали кучу ее любовников.

— Не будет же он все время там торчать, — бурчу я. — Можно же протащить хоть кого-то, наверное.

Гриз кивает — ага, можно. Несмотря на то, что мы не в курсе — кто из слуг шпионы Шеннета (или там вообще все его шпионы?). Можно, наверное, прошмыгнуть, или внимание отвлечь, или еще что сострять, только вот — как узнать, кого тащить?

Взгляды обращаются на Плаксу. Плакса трясется как в лихорадке и занавешивается волосами пуще прежнего. Из волос доносится ноющее:

— Ну, я... я не знаю. Туда очень непросто погрузиться, это же даже не совсем сон... Я... я пыталась, но получается перехватывать какие-то урывки. Она видит... она сейчас не в этом доме, в совсем другом поместье, ветхом, пыльном каком-то, и там приём, и мужчины тоже есть, и как будто ее муж... только не этот, а старый... вот.

Спасибочки за сто пудов ненужной информации.

— А, еще я видела... было как воспоминание, что какой-то мужчина ее целует, в коридоре.

— Как выглядел? — настораживается Грызи. Плакса совсем тушует.

— Ну, я не знаю, волосы светлые, длинные... лет двадцать пять, может, немного больше, высокий, красивый, немного похож на...

И начинает краснеть, хотя по кончику носа, который выглядывает из прорвы волос, особо не уследишь. Можно и не говорить, на кого похож этот самый из снов.

Сон вообще точно был с участием Дамы?

Рыцарь Морковка выходит из оцепенения: он последние минут пять шатался разумом невесть где, плясь на Грызи с самым идиотским видом.

— Это Йеллт Нокторн — поспорить могу. Тот самый, с которым у Шеннета должна быть дуэль. Так и думал, что там дело нечисто — Гроски еще советовал про него расспросить...

— Рассказывай.

Его Светлость счастлив по самое не могу. Явно мечтает поразить Грызи в самое сердце.

— Йеллт Нокторн — из второго круга знати Айлора. Богатая семья, приближенная ко двору — правда, богатство сильно поуменьшилось за последние годы, потому что сам Йеллт швыряет его направо-налево. Дар Мечника — состоял в королевских мечниках-стражах...

А это значит, что мечом он владеет будь здоров — успевай отмахивайся.

— ...но его оттуда убрали после нескольких дуэлей. Но вот зато на любовном поприще

сделал себе еще очень громкую славу — разбитые сердца, измены, знатные любовницы...

Вполне себе как обычно при проклятуших аристократских дворах.

— Так вот, где-то месяц назад стали ходить слухи о том, что он в фаворе у Касильды Виверрент. Слухи были слухами, но пару недель назад на одном из приёмов Нокторна вместе со своей супругой застал Эвальд Шеннетский. Не знаю, были ли там поцелуи... Но положение было достаточно щекотливым, чтобы бросить вызов на дуэль.

Грызи кидает вопросительный взгляд, и Рыцарь Морковка тут же кидается объяснять:

— Представьте, что я аристократ и застал свою жену с другим. Что мне, спрашивается, делать?

— Нойя в таком случае могут зарезать, — мечтательно выпевает Конфетка, немного думает и добавляет: — Обоих.

— Бракоразводный процесс, — предлагает Грызи. — По закону возможен.

— На деле — в аристократической среде редкость, — подхватывает Его Светлость. — Высокородные стараются не выносить сор за порог: потеря репутации, раздел состояния... Аристократические кодексы чести во всех странах примерно одинаковые, так вот: в таком вот случае у меня остается только два выхода. Первый — объявить жену виновной в измене, ославить ее, добиться этого самого процесса... в случае Шеннета это значит потерять добрую половину состояния и ославить себя самого и собственный род. И второй — представить это насилием со стороны любовника и вызвать его на дуэль. Что-то наподобие: «Ты оскорбил мою жену, ты заплатишь за это кровью», — «Но она была не против», — «Но ты всё равно заплатишь». В общем, Шеннет остался верен кодексам и бросил вызов, как полагается аристократу первого круга. Не думаю, что он этого хотел — он, наверное, вообще бы дорого дал, чтобы в ту минуту подальше оказаться.

— Мог бы сделать вид, что ему мошка в глаз залетела. Ничего не видал, да и все тут.

Рыцарь Морковка только что вспомнил, что я тут тоже есть. Он отрывает от Грызи взгляд и медленно, прямо на глазах наполняется алым до краев.

— Мелони... я бы поспорил. Представь: моя жена целуется с любовником, а я просто делаю вид, что ничего не происходит...

— Позор, — тихо говорит Грыз. — И сомневаюсь, чтобы сам Нокторн не припомнил тогда такого бы Хромому Министру. Слухи, сплетни, репутация интригана, который не смог жену удержать, презрение высшей знати за несоблюдение кодексов... Я вообще сомневаюсь, что Нокторн молчал и не нарывался на вызов: он опытный дуэлянт, перед ним — калека...

— Так и случилось, — истово кивает Рыцарь Морковка. — Нокторн принял вызов с радостью. Одна из благотворительниц, эта... госпожа Тильер... говорила, что он прямо смаковал будущую дуэль. Особенно когда жребий определил им поединок на мечах, правда, без применения Дара. Всех аристократов учат фехтовать с детства. Но шансы Шеннета...

Он отмеряет между пальцами микроскопическое расстояние.

— Самое смешное, что после того, как вызов брошен и принят, противники не очень-то могут отказаться. Величайший позор. После такого ни в одном приличном доме тебя больше не примут. И вот поединок назначен на седьмое число Дикта — девятницу назад, значит. Все предвкушают будущее зрелище и похороны Эвальда Шеннетского... и тут за два дня до дуэли Нокторна разбивает тяжкая болезнь. Да такая, что он закрывается у себя в замке, обрубает все связи с внешним миром и... сейчас вообще непонятно, жив он или нет. Однако похорон не было, так что...

Я фыркаю носом, воздавая должное наивности Йелта-как-его-там-дамского-угодника.

Он-то, само собой, полагал, что Хромец выскочит с ним на поединок и за милую душу даст зарубить себя.

Конфетка тем временем восхищённо прищелкивает языком и бормочет под нос:

— Двух ворон одной стрелой. А местный хозяин отменный стрелок!

Тут уже доходит и до Рыцаря Морковки:

— То есть, ты считаешь, что он пытался не просто избавиться от этого поединка, но еще и от жены — вот таким вот способом?

Ноя мило усмехается и прижимает пальчик к губам, напоминая — у кого мы в доме. Его Пресветлость замолкает, но пыхтит крайне выразительно.

— Так, — Грызи возвращается из раздумий. — Тут есть, над чем поразмыслить. Как, говорите, называется поместье Нокторнов?

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

По пути к «поплавку» она мурлычет под нос песенку. Та прицепилась, заскочила в мысли — нипочем не отстаёт. Ярмарочная и дурацкая, с мелодией, под которую притопывать и прихлопывать.

У Джейни муж некрасив и прост —

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Косые глаза да малый рост —

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Он самый нелепый из всех мужей —

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Кого же, скажи нам, ты любишь Джейн?

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Аманда, которая шагает рядом, косится удивленно, потом лукаво. Она знает десять тысяч песен нойя, так что, наверное, могла бы выбрать что-то более подходящее. Но Гриз выбрала эту — и теперь не может отвязаться, в память как по заказу просятся слова:

Быть может, бродячего любит певца?

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Тот сладкие песни поёт без конца.

Пой, Джейни, Джейни, хей!

Иль, может, торговцу душой отдана?

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Ведь лавка шелками да мёдом полна —

Хей, Джейни, Джейни, хей!

Список длинный, может даже — бесконечный. Перебираются и жрецы храмов, и моряки, и разбойники. Список вьется и вьется, скачет каждой рифмованной строчкой и дразнится — потому что Гриз не может вспомнить, чем там заканчивается эта песенка и есть ли в ней ответ.

Почему-то кажется очень важным вспомнить.

— Сладкая моя, не решила ли ты занять место первой певуни питомника? — не выдерживает Аманда уже в «поплавке».

Но Гриз только машет рукой, показывает — просто прицепилось. И Аманда умолкает,

пока перед ними не вырастают ворота, за которыми скукожилось под одеялом из плюща поместье.

У поместья вид обглоданный и уставший, как у должника, который еще совсем недавно прохлаждался на балах — а потом его на части растащили кредиторы. У пожилого привратника с вислыми усами — усталые глаза. Госпожа Нокторн никого не принимает, — говорит он. Господин Нокторн — тоже. Больше ничего не могу сказать.

— Нужно было все же взять с собой Мел, медовая моя, — тревожно шепчет Аманда, на которую привратник бросает хмурые, подозрительные взгляды. — Или кого-нибудь из слуг Касильды — всё же в этой стране...

— Это ничего, — отвечает Гриз углом рта. — Передайте госпоже Нокторн... нет, лучше господину Нокторну, что мы явились от Касильды Виверент. Доказательство — её печать.

Привратник не удивляется — у него глаза человека, который решительно всему перестал удивляться. Он только спрашивает — как доложить. Потом отсылает кого-то передать сообщение — и так же не удивляется, когда их приказывают немедленно впустить.

В нем будто жизнь иссякла, думает Гриз, упруго шагая по дорожке к поместью. Остановилась, как во всем здесь. Совсем недавно подстригалась трава и выпалывались цветы — но всё уже успело зарости, и такие модные фигуры из кустов ветками торчат во все стороны. Прислуги не видно.

Родственники Сквора — серые горевестники — перелетают с дерева на дерево, перекликаются зловещими голосами. Откуда-то слышится ржание голодных единорогов, далекое рычание виверния в зверинце — никому нет дела...

Дом — недавно отремонтированный, с прекрасной лепниной, смотрит подслеповато тусклыми от горя окнами. У дома забрали душу. Вынули.

Как у госпожи Нокторн, на лице которой — следы иступленного горя.

— Она вас послала, она, да? — кричит госпожа с крыльца, забыв даже о приветствии. Она маленькая, хрупкая, и когда взмахивает руками — исчезает под своей старушечьей шалью, как под крыльями. И она изо всех сил пытается удержать себя от того, чтобы не броситься к ним навстречу. — Она узнала, она знает средство, вы поможете ему?!

Аманда за спиной поёживается: на нойя Энешти нечасто смотрят со всепожирающей, безумной надеждой.

— Мы постараемся помочь, — говорит Гриз. — Но нам нужно знать — как всё случилось.

Госпожа Нокторн просит называть ее просто Эльдой. Госпожа Нокторн проводит их в холл, где глухо отдаются шаги, где застоялся запах успокаивающих средств. И ломает руки, и пытается блюсти традиции и предложить им чаю, и говорит, что сейчас кого-нибудь позовет, и если у них только есть какие-то пожелания — все, что угодно...

— Нам нужно будет увидеть вашего сына, — говорит тогда Гриз. — Но сначала расскажите вы — что произошло.

— Я говорила ему, что его погубит этот поединок, — отвечает госпожа Нокторн тихо.

Она не плачет. Она рассказывала это уже сотню раз — врачам. И теперь только садится на софу, и ломает пальцы, и кутается в шаль, состаривая себя на десять, двадцать лет — хотя неизвестно, насколько ее и так состарило горе. И говорит монотонно и тихо, что ее сын был весел и готовился к поединку... да, к тому самому поединку. И когда сказали, что его ждет молодая женщина — он не испугался и вышел ей навстречу. А та закричала, что он разбил ей сердце и сломал жизнь, и бросилась на него с кинжалом, но он — опытный мечник —

перехватил ее руки.

Тогда она начала пинаться и царапаться, и кусаться как безумная, потом прибежали слуги, скрутили ее и вытолкали вон.

— Ваш сын знал ее? — спрашивает Гриз, и госпожа Нокторн опускает глаза и шепчет, что он не был уверен... что может быть... наконец — что такое не в первый раз.

У Йеллта Нокторна слишком насыщенная любовная жизнь, чтобы помнить все победы.

— А к вечеру он занемог, — говорит несчастная мать. — Лекари говорят — это яд. Яд, от которого нет противоядия... но вы сможете, да? Вы же сможете? Раз вас прислала она...

— Я взгляну, сладенькая, — отвечает Аманда в ответ на взгляд Гриз. — Я попытаюсь.

Потом они идут по поместью, где у слуг — испуганные и изнуренные лица, где обитает дух лекарств. Где еще бродит призрак юного веселья: вот коллекция оружия на стене в зале, белый платок, подаренный кем-то, лежит в углу. Портрет юноши с золотистыми вьющимися локонами, в костюме охотника.

В последнем коридоре благовония не могут скрыть тяжкий запах гниющей плоти. Гриз бросает предупредительный взгляд на Аманду — гляди в оба — и спокойно входит.

В комнате зашторены окна. Слабо жужжит какая-то муха. Слышится тяжелое, свистящее дыхание. И лежит что-то разбухшее, фиолето-багровое на кровати, истекает гноем и по временам сипло кашляет, и глаз не видно из-за треснувших щёк. Остатки потускневших локонов пристали к подушке — вылезают клочьями.

Рядом обретаётся лекарь с даром Травника — разгоняет тяжкий запах отварами и вздыхает с облегчением, когда хоть кто-то входит.

— Кажется, удалось замедлить процесс, — скучно говорит он. — Но пока что заметных улучшений не видно.

И из него это страшное место выпило жизнь. Он немного пробуждается, только когда Аманда бросает на него заинтересованный взгляд и воркует ласково: «Господин травник, ах, как хорошо, что вы здесь, вы же мне расскажете о симптомах, да-да-да?»

Лекарь сдаётся мгновенно, даже осмеливается подкрутить усы, бормочет:

— Я, собственно, предполагал, что это может быть как раз что-то связанное с ядами нойя, так что ваше присутствие... я бы, конечно, не осмелился пригласить вот так, напрямую...

И удаляется с Амандой под ручку в коридор, и оттуда начинают звучать вопросы и ответы, термины и названия трав.

— Все хорошо, — шепчет госпожа Нокторн тому, который лежит и умирает на кровати. — Смотри, это она прислала, госпожа Виверент прислала, они тебе помогут.

Йеллт Нокторн прерывисто дышит, рассматривает Гриз щелями глаз.

— Собственно, я достиг успехов лишь в обезболивании, — доносится из коридора. — Но основные симптомы...

— Эльда, — говорит Гриз мягко. — Мне нужно поговорить с ним наедине.

Мать не спорит, мать подчиняется тут же. Механические движения. На грани безумия от горя. Готова на все, все, все, только бы хоть кто-то, что-то...

— Вы... не от нее.

Голос у умирающего высокий и сиплый. Слова выходят невнятными: за губами в язвах нет некоторых зубов. Но он смотрит с таким отчаянием, будто ждал именно этого визита и обдумывал, что скажет.

— Не от нее. Она бы не прислала. Вы от него.

Гриз молчит и смотрит, не делая ни утвердительных, ни отрицательных жестов.

— Скажите, что я... я умоляю, я сделаю, что он скажет, я... что угодно, только пусть... пусть он прекратит это, пусть... Я отказался от поединка, я же писал ему. Что он еще хочет?

Чтобы ты мучился, — думает Гриз. Неужели неясно? Эвальд Шеннетский подослал к тебе ту женщину с ядом, не чтобы ты откупался от него. Даже — не чтобы ускользнуть от рокового поединка. Он просто хочет, чтобы ты умер медленно и в мучениях.

Но бывший дамский угодник Йеллт — обезображенный, измотанный болью и гниющий заживо — так и не понял этого. И все еще надеется откупиться.

— Любые условия... что угодно, что угод...

— Господин Нокторн. Мы не посыльные Эвальда Шеннетского. И мы постараемся вам помочь. Но сначала — я хочу, чтобы вы ответили на мои вопросы. Честно ответили на мои вопросы.

— Что угод...

Умолкает, издавая клокочущие звуки — вот-вот захлебнется рвотой и гноем. Но Гриз не привыкать. Она подходит и помогает Йеллту перевернуться, и подносит к его губам небольшой медный тазик, который стоит у кровати. Потом дает отвар — прополоскать рот. Промокает губы. И спрашивает между делом:

— Вы любили Касильду Виверент?

Йеллт Нокторн, задыхаясь, мотает головой.

— Просто... ухаживал. При дворе так... часто.

Да, роман с такой труднодоступной добычей, как жена Хромого Министра может придать блеска в глазах других придворных. Любовные приключения — просто еще одна разновидность охоты. Так сказал бы один устранитель.

— А она вас как-то выделяла?

Не отвергала, но и не выделяла. Это он успевает сказать между приступами удушья. Принимала его ухаживания — как и остальных, у нее же было много поклонников. Соглашалась танцевать и отвечала улыбками на его шутки.

— А в тот вечер? Когда Эвальд Шеннетский бросил вам вызов?

В тот вечер он перешел черту. Танцы, игристые вина, восхищенные взгляды женщин и благосклонность Касильды, чувство собственной неотразимости (и неубиваемости — добавляет Гриз мысленно — он же пока что выигрывал все свои дуэли). Перешел черту, потому и стал целовать ее тогда в коридоре. Она пыталась оттолкнуть его, но он не слушал — думал, это она просто ломается, последние капли стыдливости, может — еще страх перед мужем.

«Замужние дамы так часто», — сказал он тоном обиженного мальчика, который так привык брать препятствия с разбега, что не понимает — что же на этот раз пошло не так.

Не так пошел Эвальд Шеннетский.

— *Я вижу, вы здесь хорошо проводите время.*

Гриз кажется, что она слышит стук тросточки — а может, это горевестники ходят по крыше. Мог Хромой Министр сделать вид, что ничего не заметил? Кто знает — в любом случае, после этих слов все могло кончиться только поединком.

— *Кажется, ваша жена была совсем не против моего общества, господин министр. В любом случае, если вы вдруг считаете, что я оскорбил вашу честь — знаете ли, с радостью... предоставлю вам со мной рассчитаться по всем правилам дуэльного кодекса. Не хотите ли бросить вызов? Или, может, желаете поразмыслить — это же в ваших*

правилах, размышлять...

Златоволосый любимец дам шутливо раскланивается перед невысоким человеком, опирающимся на трость. Жаль, воображение отказывается подсказывать — как смотрит на глупого любителя поединков Эвальд Шеннетский: с иронией? Может, с удивлением или с жалостью?

Зато воображение с готовностью рисует выражение лица Касильды. С ужасом глядящей на мужа.

Тот, что еще десять дней назад был златоволосым красавцем, тяжело сглатывает — говорить дальше тяжело. И не нужно: дальше была подготовка к беспроигрышному поединку, ощущение самого себя самым умным и удачливым, женщина, метящая когтями в глаза — и конец.

Размышлять действительно в правилах Эвальда Шеннетского. Как и разить исподтишка. У заносчивого юнца вряд ли осталось много шансов. И у нее вряд ли осталось много шансов — если она решит дважды пойти против Хромого Министра: в случае с его женой и в случае с его жертвой.

— Мы сделаем, что сможем, — говорит Гриз, наклоняясь над неподвижным, распухшим телом. — Все, что сможем.

И отходит, впуская Аманду — оживленную, заинтригованную разговором с врачом. Аманда бросается осматривать больного: «Хорошо, что взяла проявилку, да-да-да». Берет слюну, набирает побольше крови, бормочет: «Свертывается худо». Поит какими-то антидотами и поясняет, ничуть не смущаясь состоянием больного:

— В целом, дела скверные, сладенькая. Этот травник верно представил себе, что это медленный яд, и верно представил, что это работа кого-то из нойя. Лейр Ядовитого Жала и тамошние мастерицы — я думаю так. Их яды словно песня: каждый отличается от другого действием, а некоторые обладают свойствами, какие попросит заказчик. Иной может изуродовать и оставить в живых, иной убивает мгновенно, а иной — медленно...

Гриз кивает на больного, но Аманда только пожимает плечами, вглядываясь в хрустальный шар проявилки под сине-багровыми пальцами.

— Пусть слышит, золотая, у меня нет желания заливать ему уши медом. Если у него хватило глупости, чтобы вызвать на поединок Хромого Министра — едва ли он даже после моих слов поймет, насколько плохи дела.

— Можно ли найти противоядие? — спрашивает Гриз.

Нойя пожимает одним плечом, переходя на родной язык.

— Кто знает все пути Перекрестницы? Я взгляну, что можно сделать... если ты полагаешь, что стоит спасти этого дурня. Может он нам помочь?

Гриз качает головой, и Аманда недовольно фыркает носом. Пальцы её выплясывают страстный и ядовитый танец над пробирками с отравленной кровью. Мы на службе у Касильды Виверрент, — говорит пляска пальцев. Так с чего нам тратить время на этого олуха? На пустышку, которая нам — не в помощь? Рискую навлечь на себя гнев Эвальда Шеннетского?

— Потому что ты тоже этого хочешь, — Гриз она хорошо различает в танце пальцев над пробирками страстное нетерпение. Желание поднять пациента с кровати, исцелить, позаботиться... впрочем, Аманда скажет — это желание найти разгадку яда.

— Как скажешь, сладенькая — тем более, что это так таинственно, — она опять говорит на общекайетском, и каждое слово сочится густой отравой. — Только как бы нам не

потратить усилия зря. Ты же помнишь, кто дал ему этот яд. Скажи, как по-твоему: стал бы тот человек посылать врагу яд, который имеет противоядие?

С кровати доносится тяжкий стон: Йеллт Нокторн, бывший красавец и дамский угодник, наконец-то осознал, к чему его приговорили. Извивается на кровати, хрипло, задушенно воя, пальцы в язвах терзают простынь.

— Что угодно... что угодно... что угодно...

Прибежавшая на жуткие звуки Эльда начинает плакать, лекарь-травник тоже вбегает — и суетится вокруг. Так что они уходят почти незамеченными и не прощаясь.

Не разбрасывая ложных надежд напоследок.

И всю дорогу обратно к «поплавку» Гриз молчит и пытается думать о человеке, облачённом в ненависть и во всемогущество. О том, кто любит котов и удары в спину. Кто разит ядами и недомолвками. О человеке с тремя гербами и вечно скрытой ладонью.

Пытается — и не может: мешает приставучая ярмарочная песенка.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Хей, Дженни, Дженни, хей!

Тридцать три куплета — и бесконечность догадок о том, кого же любит Дженни. Благородного Мечника? Пирата, а может, разбойника? Жреца, рыцаря, короля?

Тридцать три куплета — и две строки после них, как ответ. Вот только никто обычно не допевает до последних строк длинные песни.

В песнях и в сказках важнее история. Поиск достойного. Прекрасного принца.

В коридоре у комнаты Касильды Виверрент прогуливаются люди с неприметными лицами. Уважительно кивают и не покушаются на дверь.

За дверью — первая линия обороны. Дремотно-вялые служанки с вышивкой, книгами, сплетнями...

— Вы все свободны, — сообщает Гриз. — Можете возвращаться к своим обязанностям.

В комнате Касильды ей навстречу вскакивает Янист, всем видом кричит: «Узнали что-нибудь?»

— Я потом расскажу, — отвечает Гриз. — Мел, займитесь остальными веретенщиками.

Следопытка фыркает: «Давно пора!» — и уволакивает Олжеста с собой.

Лицо Касильды Виверрент бледно и спокойно. Дышит ожиданием.

— Что-нибудь можно различить? — спрашивает Гриз у Уны.

— Я не... не очень. Она бродит... кажется, среди оранжерей. Огромных, только тёмных... там повсюду цветы, фонтаны, зеркала... а выхода нет, и она совсем в них запуталась. И там как будто есть голоса. Зовут её, манят... Они... вроде как ласковые, такие усыпляющие...

Голос Уны становится дремотным — сколько девочка уже использует свой Дар без перерыва?

— Да... а ещё там ответвления, и иногда в них как будто кто-то стоит. Там была девушка — такая, с золотыми волосами...

— Королева Арианта.

— Да, наверное... и этот... Йеллт Нокторн? И Хорот Эвклинг Разящий — я... я его портрет в газетах видела... и ещё остальные... и все её зовут, но она... будто кого-то ищет. Только она как будто не помнит, кого, я и не знаю — кто это может быть...

— Лучший из людей, — отвечает Гриз тихо. — Спасибо за всё. Тебе нужно поспать, Уна. Пока не нужно больше смотреть чужие сны. Можешь пойти к себе.

Уна недоверчиво глядит из-за завесы волос, выходит нерешительно, с оглядкой. Гриз ей вслед выстукивает всё тот же развесёлый мотивчик: «Хей, Дженни, Дженни, хей!»

— Понадобится барьер целителя, Аманда.

Аманда ничуть не удивляется. Извлекает артефакт из неизменного кофра, помогает установить — по комнате словно растекается лёгкая бирюзовая дымка. Полная непроницаемость от магии. В том числе от всех видов прослушек.

— И мне нужно, чтобы ты была в соседней комнате. Присмотрела бы... если что.

Травница деловито кивает. Собирает нужные ингредиенты, баночки, складывает в кофр. Пощёлкивает пальцами: так-так, ещё листья подлунницы, они были в пакетике...

— Мне сказать тем, в коридорах? — вопрос звучит мимоходом и совсем невинно. Аманда встречает взгляд Гриз и сочно улыбается алым ртом.

— Я знаю все тридцать три куплета той песни, утренняя моя. И две последние строки тоже.

Гриз приподнимает брови: и что скажешь обо всём этом?

— Нояя любят риск, любят безумие. Ты идёшь на безумный риск, сладкая, — разве я могу это не одобрить?

И выходит, посмеиваясь и напевая о Дженни и её малорослом муже.

Гриз вздыхает, прислоняясь лбом к бежевым кружевным обоям. Осталось совсем немного времени.

Стук трости за дверью — неожиданный и быстрый, будто старинные часы. Раз, потом два, три — стук разбавляется быстрыми, неровными, почти неслышными шагами.

— Госпожа Арделл, — насмешливо говорит Шеннет от двери, — как поживает моя драгоценная женушка?

— Становится хуже, — отзывается Гриз, плотно прикрывая дверь и бросая в щелку Аманде: «Смотри», — Мы ведем поиски тех, кто... был близок к ней.

Взгляд Хромого Министра скользит по лицу жены, задерживается на бледных, плотно сомкнутых губах.

— Ее любовников, госпожа Арделл, к чему все эти недомолвки. И...?

— Сон уже вошел в ту стадию, когда требуется поцелуй человека, чувства которого взаимны.

— Иными словами — вам нужен не просто тот, кто любит ее, но кого еще и она любит? — Шеннет встряхивает седой головой. — Это все напоминает древние баллады. Чтс же вы предпринимаете, госпожа Арделл, чтобы вернуть мою дражайшую супругу к жизни?

— Предприняла, — быстро и тихо отвечает Гриз. — Дверь закрыта, на комнате барьер целителя. Никто ничего не увидит и не услышит. Осталось последнее.

Улыбка в глазах Эвальда Шеннетского гаснет.

— Последнее?

— Последнее, — шепчет Гриз Арделл и делает шаг в сторону с его пути. — Ваша жена умирает. Торопитесь.

Маска лжи сползает с лица Хромого Министра еще до того, как она произнесла это слово. Стирается, опадает прахом, оставляя бледность и волнение. Взмах ресниц — и у него другие глаза, короткое сжатие губ — и на лице проступают тревога, смятение... и другое, более глубокое чувство.

Чувство, в котором нельзя заподозрить Эвальда Хромца. Если, конечно, вы не безумная Гриз Арделл.

Тихо стучит трость, которую Шеннет поставил у кровати, опускаясь на колени рядом с изголовьем жены. Словно перед киотом с изображениями древних божеств — и ее волос он касается с таким же благоговением. Пальцы, в которые вселилась дрожь, осторожно гладят ее щеку.

Наверное, сказочники сказали бы — все неправильно, — думает Гриз Арделл, глядя, как он поднимается, чтобы прижаться губами сначала ко лбу жены. Они сказали бы — прекрасная принцесса должна быть более юной. Облаченной в бальные одежды и возлежащей на хрустальном ложе. А тот, кто преклонил перед ней колени — он не может быть презираем, не может носить трость, не должен быть седым, будто старец. А я сказала

бы — это правильная сказка. Пусть ее губы бледны. Зато его — горячи. И дрожь пальцев, и мелькнувшие в глазах слезы — настоящие.

И разве не важнее всего то, что в ответ на ее поцелуй на ее щеки медленно, по капле возвращается румянец?

И с покрасневших губ медленно, тихо слетает то, что чуть не запечаталось на них навсегда:

— Эв...

— Я, Касси, — шепчет самый могущественный министр Кайетты, улыбаясь вымученной улыбкой. — Я здесь. Пора просыпаться.

— Эв, там было... — она опять прикрывает глаза, но тут же приподнимается с усилием, затрепетав ресницами, пытаюсь сделать так, чтобы лицо мужа не расплывалось перед ней. — Такие странные сны. Они манили... звали... Только среди них не было тебя.

— Это потому, что я здесь, Касси, — он берет жену за руку и подносит к губам ее ладонь. — Просто я ждал тебя здесь.

— Эв, — она видит Гриз Арделл и вздрагивает, тревожно приподнимается, — как же...

— Все хорошо, дорогая, не волнуйся. Тихо... тихо. Тебе нужно отдыхать.

Голос Шеннета мягок, но Гриз чувствует вдруг усталость. Думается вяло: найти бы веретенщика, вложить ему палец между челюстей. Да, госпожа Виверрент — вам нужно отдыхать. А мне нужно придумать, как избежать смерти от рук вашего мужа, чью тайну я случайно раскрыла.

— Поцелуйте ее еще раз, — тон сухой и лекарский, комок в горле лучше всего растворяется именно в таком. — Я отвернусь. Думаю, у вас есть минут десять, пока ни у кого не возникли вопросы.

Ей приходится созерцать дверь минут семь, прежде чем из-за плеч не раздаётся бодрый голос Эвальда Хромца.

— Госпожа Арделл, думаю, нам с вами нужно побеседовать ещё раз. Может быть, чаю?

* **

— Как вы узнали? — интересуется Шеннет.

Его глаза кажутся чересчур синими — потому что Гриз вместе с Хромым Министром сейчас сидят в Сапфировой гостиной.

Гриз предпочла бы разговаривать с тем Эвальдом Шеннетским, которого видела минут десять назад. Но по пути в Сапфировую гостиную от мужа, измученного тревогой за жизнь жены, в нем не осталось больше ничего, и беседовать приходится с Хромым Министром.

— Господин Шеннетский...

— О, можно просто Эвальд. Если правду говорят, что близкий человек — тот, кто знает твои секреты... то вы внезапно стали мне ближе, чем половина моих так называемых друзей. Так я настолько плохо скрываю чувства?

— Если хотите — назовите это интуицией. И потом, вы скрывали свои чувства даже слишком хорошо. Но тогда зачем вы хотели остаться с женой наедине? Вы ведь не могли не понимать, что она умирает. И если бы вы хотели ее смерти — вам было бы достаточно отойти в сторону. Эвальд.

— Да, — говорит Хромой Министр с легким сожалением, — я-то полагал — вы не обратите внимания. Скажите, жизнь Касси теперь...

— Думаю, вне опасности. Если, конечно, веретенщик не нанесет еще один удар, но и в этом случае у нас ведь есть надёжное средство. Однако Касильде в любом случае безопаснее под присмотром... — она встречает вопросительный взгляд Шеннета и добавляет тихо: — Я отвечаю за Аманду, она... будет молчать об обстоятельствах выздоровления Касильды.

— Молчаливая нойя, честная нойя, верная Диаманда Энешти... госпожа Арделл, вы так странно влияете на людей.

Гриз берет кружку — тонкую, с искусно выписанными синими птицами. Вдыхает травяной аромат и задумчиво глядится в насыщенные коричневым глубины чашки.

Напоминает себе — если вдруг захочется спать или вдруг сведет тело... ну что ж, ты сама приняла этот вызов.

— Нет, я проще отношусь к противоречиям человеческой природы. Например, допускаю, что тот, кого считают бездушным, может любить.

Чаю хочется нестерпимо, но жить хочется еще больше. Парок от кружки невинно поднимается в воздух. Дразнит ароматом.

— Там нет яда, — смешок у Эвальда Шеннетского — мальчишеский, залиvistый. — Честно. Хотите — могу отпить первым. Послушайте, я не собираюсь устранять вас, или нойя Энешти, или кого бы то ни было из вашей группы, хотя, может, кое-кого и стоило бы — исключительно ради вашего блага. Но я не разбрасываюсь людьми, и выбор останется за вами. Я скорее имел в виду, что вам придется обсудить с нойя Энешти — как мы объясним внезапное выздоровление моей супруги.

Гриз Арделл делает осторожный глоток. Терпкий вкус багульника проливается внутрь теплом, дарит силу.

— Вы, конечно, полагаете, что слухи о веретенщиках и смертях слуг всё равно просочатся...

— Больше половина персонала замка эвакуирована, и не на всех есть кровный обет тайны.

— Значит, при дворе могут узнать и о том, что Касильда была укушена. Тогда... скажем, отыскался тот, кто любит Касильду по-настоящему, и мы сумели тайно привести его в замок. Воспользовавшись вашим... ну, не знаю, отсутствием.

— Зыбко, — отзывается Шеннет, откидываясь в кресле. — В то, что вы сумели обставить меня — двор поверит в последнюю очередь. Вы уж извините, но я тут вроде как вселенское зло.

Чашка звякает о блюдце, Хромой Министр поднимает глаза и обнаруживает, что Гриз Арделл смотрит на него трудноопределимым взглядом.

— Хотите спросить о чем-то? Ах да — насчёт Касси...

И делает глоток, и начинает с такой непринуждённостью, будто он в любимом клубе или салоне:

— Никогда не думали, что таким, как я, лучше не жениться? Или жениться по расчету — это я о том сорте браков, когда на похоронах жены муж натирает глаза луком, чтобы не было видно, как у него душа поет. Одно время я даже подыскивал себе такой вариант. А Касси... просто пришла. Думаю, против меня сыграло то обстоятельство, что подлецы, оказывается, тоже могут любить. Особенно забавно получается — если мы вдруг влюбляемся в тех, кто на нас разительно непохож. Прекрасных и чистых душою дев, которые нас презирают за то, чем мы являемся.

— Презирают?

— О, вы же понимаете, вынужденный брак не слишком-то способствует пробуждению горячей любви. Касси и впрямь видела во мне отъявленного мерзавца и окончательно изменила мнение только после Ночи Искупления, — Шеннет барабанит пальцами по трости. — Если точнее — когда в Храм Целительницы в Айлор-тэне доставили то, что от меня осталось. Думаю, сжалилась надо мной, а может, рассмотрела во мне что-то... и всё осложнилось ее ответными чувствами.

— Осложнилось?

— Гризельда... можно по имени, так ведь? Думаю, вы понимаете. Любая женщина, которая окажется рядом со мной, будет в опасности. Если, конечно, она не та, кто меня ненавидит.

— Значит, с той поры вы и разыгрываете этот спектакль?

Эвальд Шеннетский разводит руками, показывая: да, выходит как-то так.

— Весьма удачное представление, за которое известнейшие драматурги душу бы продали. Я вовсю делаю вид, что супруга мне требуется для далеко идущих планов. Касси заводит тех, кто считается ее любовниками в свете... И каждый ухажёр полагает, что вот-вот достигнет желаемого, а пока что — счастлив его соперник. И, конечно, интриги против меня. Иногда это помогает узнавать об очередных кознях знати. Ух, если бы вы знали, сколько покушений жены на мою жизнь мне якобы удалось пресечь. Осуждаете?

Синие, слишком юные глаза. На незапоминающемся лице человека средних лет. Под волосами, которые словно иссеребрила Ледяная Дева.

— За желание быть рядом с любимой женщиной? Или за желание уберечь её? Тут не за что осуждать, а я... надо признаться, не люблю судить. Но у меня остались вопросы.

Эвальд Шеннетский дарит ей благосклонный кивок.

— Хотите спросить меня, почему я медлил? Зачем дал вам эти сутки, рискуя при этом жизнью жены? Риск был не так уж велик — если бы Касси стало намного хуже...

Гриз качает головой. Медленно ставит чашку на столик со сложной деревянной мозаикой: дуб и тейенх.

— Нет. Хочу спросить: зачем вам понадобилась моя группа?

Синие глаза на бледном, тусклом лице словно искрятся. Подначивают — решишься сделать ход?

— Идея пригласить нас в поместье исходила не от Касильды, верно ведь? У неё было полно возможностей обратиться к кому угодно. Раз уж по-настоящему она вас не опасается. Но Касильда вызвала нас, из враждебной страны, выказала нереальное доверие и говорила со мной так, будто давно меня знает. И потом, Линешенты...

Эвальд Шеннетский только чуть прищуривает глаза — а в комнате слышится эхо аплодисментов.

— Та история, с геральдионом, была три месяца назад. Но Джиорел Линешент уже тогда обмолвился о друге из Айлора, который дал мне лестную характеристику. А Дэймок Линешент писал о могущественном покровителе, которого обрёл.

— Чудесные люди, — светло улыбается Хромец. — Передавали, к слову, горячие приветы. Навещаю их время от времени — у Джиорела замечательная деловая хватка. Сейчас, правда, он больше занят с сыном, маленьким Янистом... Но зато Дэймок делает успехи. Не сомневаюсь, что из него выйдет отличный Глава Рода — и в вир болотный все эти предрассудки насчёт происхождения. Не знаю, можно ли это назвать покровительством — просто мне нравится работать с... подобным типом людей, что ли. Возможности у меня

немалые, и если я что-то могу сделать — почему нет?

В чашке тончайшего фарфора остывает чай. Манит терпким ароматом. За этой чашкой так удобно укрыться — и сделать вид, что не понимаешь. Намёков и интонаций.

— Итак, вы следите за моей группой с Луны Глубинницы как минимум.

— Чуть дольше, но предлагаю услать в вир болотный ещё и календарь. Тем более что следующий ваш вопрос будет явно не о сроках.

— Энкер и то, что случилось там на Луну Мастера... Служба Закона вдруг как-то слишком внезапно забыла о нашем существовании.

Дзынь-дзынь — это чашка встречается с блюдцем. Приветствует собрата фарфоровым смешком.

— А, не благодарите. Недолюбливаю все эти допросы, протоколы... наверное, сказывается печальный опыт — как-никак, я побывал под следствием. Если ещё учитывать — сколько brave законники могут создать проблем своим ненужным любопытством... В общем, я решил, что надо бы вас от этого избавить. К тому же, у сыскарей и без того работы хватало: там же куда-то исчез этот, как его, юный Мастер со странными идеями.

Лукавый прищур ненавязчиво сообщает, что фанатик Петэйр исчез не просто так, а в нужном направлении.

— Значит, вы просто воспользовались моментом. Когда на территории объявились веретенщики — вы увидели в этом возможность...

— Завязать наконец знакомство с вашей группой и с вами в особенности. Очень непросто, знаете ли, сводить знакомство с кем-то из Вейгорда при Хартии Непримиримости. Здесь же Касильда разыграла карту «О нет, мой коварный супруг явно подкупил уже всех, кроме вейгордцев» и получила возможность пригласить вас — вполне оправданно, заметьте, и даже если вас попытаются обвинить в работе на вражеское государство, вы можете сообщить, что занимались разрушением моих козней против жены. Возможно, король Илай даже выдаст вам награду... впрочем, о ваших гарантиях чуть позже. Тем более, что у вас ведь есть ещё вопросы?

Гриз прикрывает глаза, плавая в синеве. В комнате слишком много синего: обивка кресел, и хризантемы в вазах, и по обоям разбегаются синие волны. Из-за этого ты словно в июльских небесах или в «Балладе о васильковой деве».

— Один вопрос. Эвальд. Зачем вам понадобился варг? Зачем... понадобилась я?

Синь плывёт и безмолвствует, а Хромец слишком хорошо сливается с местностью: у него темно-синий костюм, только волосы серебруются, да ещё белый лис подмигивает глазками-изумрудами с трости.

— Вы наблюдали за группой и вызвали всех. Это понятно — всё-таки веретенщик. Но эти сутки... вы очень тревожились за жену — я видела своими глазами, чего вам стоило ждать. Но вы рискнули. Неужели вам настолько важно было меня испытать?

— Я был вполне уверен в вашей проницательности. Но понять, с кем ты по-настоящему имеешь дело, легче всего в сюжете.

— В сюжете?

— Выражение, конечно, не очень, но суть... — Шеннет поднимается, не прихватывая трость. Лезет за пухлые тома в книжном шкафу, достаёт слегка запылившуюся коробку. — Во что вы играли в детстве, Гризельда? В Айлоре в годы моего детства постоянно... вот.

На плоской коробке — потускневшая витиеватая надпись «Сказка о Великом Созидателе». Внутри — пухлый том, карта Кайетты, несколько листов бумаги, перья.

Резные фигурки — Мечника, Стрелка, короля, Дарителя Огня. И карточки с правилами.

— В моё время в моду вошли игры, прививавшие детям аристократов литературный вкус. Эта одна из таких. «Сочини сказку о Великом Созидателе — собери Кайетту воедино!» Фигурки распределялись по жребью, и вы становились персонажем сказки. Героем или злодеем. У героев была задача соединить то, что было разделено в древние времена. Айлор и Вейгорд — в Таррахору Сияющую. Крайтос и Ничейные Земли — в Дайен Пламянольдистый. Тильвию, Раккант и Ирмелей — в Эллейсалин Благословенный, Дамату и Велейсу — в Ирвилию Полноводную. И всё вместе — в единый корабль. В единый Ковчег.

Он обводит пальцем государства на карте, рисуя вотчины божественных пар — Мечника и Целительницы, Дарителя Огня и Снежной Девы, Стрелка и Травницы Глубинницы и Мастера. Древние государства, которые вместе — Кайетта, разбитый в незапамятные времена Ковчег.

— А злодеи должны были им мешать, в рамках заданных правил. Всё это требовалось излагать высоким литературным языком — какой-нибудь слуга записывал. Мы часто играли с сестрой — к слову, у неё отлично получалось завоёвывать Вейгорд. Найра мечтала, что однажды по-настоящему его завоюет — с клинком в руках, во главе армии.

На лице Эвальда Шеннетского — печальная нежность, чуть снисходительная, словно говорит о ребёнке. В пальцах медленно поворачивается изящная костяная фигурка — мечник, только слишком тонкий, изящный... юноша, наверное.

— А мне вот вечно приходилось быть Тёмным Властелином — другие-то роли быстро расхватывали. Братья и соседские ребятишки смеялись, знаете ли...

— И неужели вы проигрывали?

— Злодей должен быть повержен, — Шеннет жмёт плечами. — А если он не будет повержен — тебя же потом отлупят как следует. Когда ты в сказке и в окружении храбрых героев... вариантов концовки не так много, а? Я быстро усвоил, к чему идёт, и принялся развлекаться на свой лад.

Хромец бережно ставит фигурку Мечника на карту Кайетты.

— Да... одна фраза, маленькая фраза — и храбрые рыцари уже сражаются друг с другом. И со временем становится так просто предсказывать повороты истории для каждого персонажа. Нигде человек так не раскрывается, как в творчестве, особенно когда пытается спрятать свою физиономию под сияющим забралом. А когда начинается настоящий сюжет — становится отлично видно — кто жаден, кто упрям, кто непостоянен... кого можно взять в союзники.

Едва заметный нажим на последнем слове — и непринуждённый шелест страниц. Какие победы над Тёмным Властелином записаны в пухлом томе? И собрал ли кто-нибудь в своей сказке полный Ковчег?

— В союзники?

— Вас это удивляет, наверное. Как там меня изображают в слухах — армия наёмников, куча продажных людишек на службе, да ещё те, которые дрожат под моей ужасной хромой пятою, — Шеннет укоризненно смотрит на правую ногу. — Будь я идиотом или законченным циником — я бы так и поступал. И моя история оказалась бы на редкость короткой. Понимаете, трусы, лжецы и продажные людишки — крайне полезные существа, когда их используешь. Но работать с ними по-настоящему решительно невозможно — сбегут, предадут или будут перекуплены, или всё вместе. Вы знаете историю Даггерна Шутника? Вот он делал ставку на такие кадры. Льщу себе надеждой, что я-то уж немногос

поумнее этого покойного монарха, а потому я предпочитаю людей верных. Нет, не лично мне, а... своим принципам, если хотите. Если человек не умеет предавать, если по-настоящему служит какой-то идее...

— Тогда он может от вас отвернуться. Если вдруг увидит, что вы слишком жестоки, к примеру.

Гриз изо всех сил старается, чтобы её голос не зазвучал мелодией горевестников — из погибающего поместья Нокторнов.

— Оправданные риски, я считаю, — Шеннет подкупающе улыбается. — К тому же даже в этом случае такой человек не станет втихомолку перебежать на сторону противника. И если уж плюнет в твою физиономию — сделает это честно, от всей души. Я ценю эту породу людей — если позволите так обозначить. *Породу верных*. Чистосердечных и желающих действительно что-то изменить в этом мире. Может, вам покажется, что это сентиментальщина — ну, я всегда полагал, что лучшие правители получаются из романтиков, которые со временем поднабрались цинизма. Из романтиков неизменных получается в лучшем случае Илай Вейгордский, а из изначальных циников — м-м-м... Даггерн Шутник подходит к этому сравнению?

Гриз кивает, показывая, что услышала. И неявно высказанный комплимент («Вы из той породы, которую я так ценю»). И приглашение в союзники. И то, что как-то потерялось за жизнерадостной болтовнёй первого министра Айлора.

— Это еще не ответ на вопрос — зачем вам варг?

Пустое, конечно. Ясно, что Шеннет приготовил по три ответа на каждый ее вопрос. Ложь, ложь поменьше, псевдоискренность. Вот бы хотя бы знать, что он ей выдаст.

— Гризельда. Гриз. Вы ведь, наверное, слышали о том, что я самый могущественный человек в Кайетте? О том, что я решаю судьбы ее мира, нависая зловещей тенью над тронами королей?

— ...а стук вашей трости приходит в кошмарах к другим министрам. Я слышала, Эвальд. К чему был вопрос?

— Ну так вот, я — не самый. Наверное, это очевидно не для всех, — Шеннет беспечно жмёт плечами, задвигая коробку с игрой на место. Однако больше не улыбается. — Но понимаете... чем выше взбираешься, тем сильнее осознаешь свою ничтожность. Тем ближе оказываешься к силам, с которым не можешь совладать. И тем яснее видишь, насколько иногда бесполезна и беспомощна наша возня. То, что мы считаем великими интригами. Дворцовыми переворотами, войнами. Какой смысл писать любые истории — к примеру, хоть и о Великом Созидателе... К чему собирать корабль, который в ближайшем же будущем ждет крушение?

— Крушение?

Эвальд Шеннетский возвращается в кресло. Погружается в синь, словно в мягкие, лазурные волны.

— Вы же сами не раз говорили, что мир идёт к катастрофе. Не скрою, меня очень заинтересовала эта ваша теория. Более того — местами она, кажется, оправдывается.

Говорила... не раз и не два, и в основном — когда приходилось выступать перед важными шишками — вроде тех же благотворительниц. Когда доказывала — насколько нужен питомник. Или рассуждала о тех же прогрессистах — они-то явно тащат Кайетту в вир болотный со своими теориями! Только вот она не бросается такими высказываниями на каждом шагу, и невольно возникает вопрос — сколько же за ней следили по-настоящему?!

— Вы выражаетесь довольно туманно, Эвальд.

— Это потому, что я не знаю всего. Зачерпнул из колодца горстью и не вижу дна... пока что. Но в Кайетте назрели перемены. Что-то, что, возможно, отразится на всех нас. Может быть, разрушит все, что я создал. Что вы делаете, когда сталкиваетесь с угрозой, в которой ничего не смыслите, Гриз? Думаю, идете к тому, кто в ней хоть сколько-нибудь разбирается. Или к тому, у кого есть возможное оружие.

Гриз сглатывает, закрывая глаза.

— Оружие?

Голос Эвальда Шеннетского доносится теперь словно через толщу каменных стен.

— Я думал, между нами притворство уже и ни к чему. Мне известно, *что* вам удалось найти, Гриз. Мне назвать это вслух? Не нужно? Так и думал. И лишь вопрос времени — когда союза с вами будут искать и остальные. В Кайетте полно пронизательных людей — а к Энкеру и без того было приковано излишнее внимание. Так что я не единственный, кто обратится к вам, Гриз... я просто хочу быть первым.

Гриз подавляет дурноту, потирая искромсанную шрамами ладонь — нервный жест, выработался после ухода из общины. *Оружие* — проклятый приговор, с которым хочется спорить — и не получается. Не после того, что она видела и помнит.

— Если вы знаете о том, что я нашла... вы понимаете, что я не могу этим управлять.

— Пока что, — улыбается ей мальчик, который так удачно просчитывал — куда свернёт чужая история. — Но я, как-никак, вырос в семье Мечников. Я лучше других знаю, что тот, у кого есть при себе меч, рано или поздно вынет его из ножен. Поверьте, я счастлив буду оказать вам любую помощь в ваших исканиях — а мои возможности... может, не так велики, как твердит молва, но кое-что я всё-таки могу, не так ли? К примеру, помочь с теми, кто захочет... хм, продолжим нашу метафору и скажем — отнять у вас найденное. И использовать по своему усмотрению. Выглядит так, будто мы можем оказаться друг другу исключительно полезными, Гриз. Когда то, что приближается — начнётся.

Если совсем немного прикрыть глаза, вдохнуть воздух с ароматом цветов и дымка от камина... можно вообразить себя на крепостной стене. Глядящей сверху на далёкие пылающие цветочные поля.

— Вы, значит, предлагаете своё покровительство?

— Именно так. Вашей группе и вам лично. Защиту, деньги и немаленькие возможности в будущем противостоянии. Информацию. И, возможно, наводки на случаи, которые могут пролить свет — я имею в виду, на всю эту чертовщину с варгами крови, прогрессистами, новопровозглашенным Первоваргом, терраантами и вир знает, с чем ещё.

Какая-то часть Гриз хочет рвануться — и улететь из комнаты, сбежать в коридоры и помочь Мел с поимкой терраанта. Эта часть говорит голосом Яниста Олжеста. Что такой человек, как Хромец, не может предложить ничего достойного. Что он из Айлора, что Хартию Непримируемости никто не отменял. И союзников из враждебных стран не выбирают — тем более таких союзников.

Другая часть голосом Лайла Гроски нашептывает: «Вот предложение, от которого нельзя отказаться».

— Мне кажется, вы предлагаете слишком много, Эвальд, — говорит Гриз осторожно. — Это неоправданная щедрость... или же неоправданные ожидания. Я слабый варг, и вам, конечно, известно, — она поворачивает ладонь, — остальные меня не жалуют. Те же силы, о которых мы говорили... очень возможно, что разобраться с ними не удастся вообще никому.

Так что причины оказывать мне такую честь...

— ...в вас самой, я говорил это раньше. Понимаете, Гризельда — я мог бы стать на ту сторону, которая предлагает более выигрышную программу. Только вот таких сторон нет. Прогрессисты, даарду, Кормчая, Гегемония Равных и эти варги, которые учиняют повсюду террор на своей крови... Сдаётся мне, каждая из сторон будет действовать в точности по кодексу Мечников. Не удивляйтесь, я с такой роднёй его наизусть выучил в детстве. «Щит для одного — меч для другого» — кодекс полон банальностями, но эта кажется подходящей. Защищаешь себя — убиваешь противника или, иными словами...

— «Щит для одной стороны — всегда меч для другой».

«Я клялся, что меч мой будет щитом, — говорил он ей, — для невинных и обиженных, для поругаемых и беззащитных. Это не просто слова, понимаешь? А на дворцовой службе я... о чём ты думаешь?»

«О тех, для кого твой меч будет мечом», — ответила она.

— Отличное знание Кодекса Мечника — впрочем, кажется, у вас были знакомые, которые носили этот знак. Фраза странная, но она отлично отражает то, как мыслят Мечники — и увы, не только они. Философия силы и слабости. Сожри, чтобы жить. Столкни, чтобы возвыситься. Убей, чтобы достигнуть цели. Так вот, все прочие стороны попытаются опрокинуть тех, кого они назначили противником. Прогрессисты — варгов и тех, кто ратует за бережное освоение природы. Гегемония — магов, впрочем, сомневаюсь, что пустошники выступят в открытую, силы не те... Не знаю, кого выбрали себе противником даарду и варги крови — но не удивлюсь, что и эти хотят кого-то прикончить ради достижения великих целей! Вы же слышали, да? «Освободи! Освободи!»

В тонких серебристых узорах обоев мерещатся слепые бельма. Звук биения тел о решётку. Слитные голоса, твердящие одно.

— Вы же, Гризельда... вы попытаетесь спасти всех. Виновных и невинных, вейгордцев, айлорцев, ирмелейцев, варгов, даарду, жителей Гегемонии, бестий и вир знает — кого ещё. Так что, знаете ли, если на кого-то и ставить, то...

«Всех не спасти», — глядит на Гриз из памяти истина. Глазами всех зверей питомника, которые ушли из него «третьим путём». Но в ответ — поднимается изнутри, толкается упрямое, варжеское: «Всех не спасти, но нужно попробовать спасти как можно больше».

— Кого попытаетесь спасти вы, Эвальд?

— Ковчег, — отвечает Эвальд Хромец и снова смеётся своим заливистым, мальчишеским смехом. — Ковчег из детской игры — слегка разбитый, малость перегруженный не самыми приятными созданиями... Понимаю, как это звучит в моих устах. Но, видите ли, в чём дело. Меня устраивает этот мир таким, как он есть.

Он щедро охватывает рукой Сапфировую гостиную — и оранжереи за ней, и всё, что за оранжереями.

— Нет, он, конечно, несовершенен, кучу всего руки чешутся подправить, но когда это катастрофы довели до добра. И сдаётся мне, что каждая из сторон — чего бы они там ни хотели... по-своему тащит этот мир к катастрофе. Вы не спорите?

Не спорю, кивает Гриз. Я только думаю — что-ты знаешь что-то или догадываешься о том, что на нас надвигается. Просто держишь при себе... потому что ты всё до последнего привык держать при себе, Эвальд Хромец. Даже поцелуй для собственной жены.

— Так вот, я признаю, что мантия спасителя этого грешного мира мне чертовски не идёт. Но если уж Кормчая, Девятеро или кто там есть не торопятся спасти миропорядок от

нового великого катаклизма, то стоит попытаться, как вы считаете?

— Что, конечно, не помешает вам в случае этого катаклизма попытаться развернуть ситуацию в ту сторону, которая будет выгодна Айлору... или вам. Верно?

— Глупо было бы не попытаться, — легко признаётся Шеннет. — Но если вы думаете, что я предлагаю вам союз только ради Айлора... нет — и вы тому лучшее подтверждение. Я же говорил, что вы попытаетесь спасти всех. Поверьте, меня ваши намерения вполне устраивают. Гризельда, — он ставит чашку на столик и наклоняется вперёд, приглашая посмотреть в глаза. — Я... наверное, не лучший человек в Кайетте. Можете считать, что я обратился к вам ещё и поэтому. Потому что вы стараетесь оставлять шансы даже тем, которым едва ли нужно рассчитывать на милосердие. Если хотите — я прошу вас оставить мне шанс. Небольшой шанс... выйти за рамки написанной для меня истории.

Глаза у него блестят, голос скомкался, соскользнул в шёпот, пальцы сжимают трость с головой белого лиса — словно ищут поддержки. И Гриз чувствует там — под бронёй всесильности и интриг — страх. Перед чем-то, что сильнее тронов, перед великим и неизбежным.

Таким, что в попытке остановить это — протянешь руку даже варгу-на-крови.

— Эвальд...

— О, и само собой — я готов платить, — он уже снова безмятежен. — Нет-нет, не поймите неверно — я вижу, что вы не ответите мне сейчас. Не в ваших правилах, да и информации у вас маловато. Это был разговор на будущее. Нет, я готов платить уже за то, чтобы вы подумали. Не деньгами — Касильда и без того собирается неплохо оплатить вашу работу, а сверх вы вряд ли возьмёте... но, скажем, услугами? Число три кажется вам достаточно сказочным? Три услуги от не самого последнего человека в Кайетте. Три ваших желания — Девятеро и Единый, в какой это сказке было, про девочку и чёрного кота?

Нет. Это было в сказке про девочку и белого лиса. Девочка заблудилась в тёмном лесу и избавила от капкана белого лиса с зелёными глазами — и он предложил ей три желания, на выбор...

И Эвальд Шеннетский прекрасно знает эту сказку.

— Три желания за одну фразу. Простую фразу — «Я подумаю над вашим предложением». Даже нойя Энешти сказала бы, что это отличный торг.

Аманда бы сказала не так. Мурлыкнула бы: «Глупо отказываться от таких возможностей».

— Я подумаю над вашим предложением. Эвальд.

Хромой Министр сияет, вскакивая из кресла. Так, будто всерьёз предполагал, что она скажет что-то другое.

— Замечательно, чудно! Тогда до следующего раза. Думаю, представится возможность побеседовать, как только вы выполните контракт — я имею в виду этих оставшихся веретенщиков, да ещё того типа, который придумал протащить сюда этих тварей. Ах да, там же ещё этот странный состав, приманивающий веретенщиков. И лазутчик в вашей команде — право, мне очень интересно, кем он может оказаться. Я попытаюсь выяснить — и ещё посмотрю, как можно обставить в глазах общественности пробуждение Касильды...

— Понимаю, — Гриз не торопится покидать кресло. — Тысяча дел.

Но когда Шеннет, насвистывая под нос что-то задорное, открывает дверь — она всё-таки не выдерживает.

— Вы хотели, чтобы я позвала вас к Касильде, верно? Догадалась и позвала вас к ней

сама. Была бы свидетелем её пробуждения. И поняла бы, что вы... не чудовище.

Эвальд Шеннетский с ослепительной улыбкой салютует ей тростью из дверного проёма.

— Три желания, Гризельда. Не сомневаюсь, что вы распорядитесь ими дальновидно.

Мягкий звук прикрытой двери — и удаляющийся стук трости. Гриз остаётся в сплошной синеве Сапфировой гостиной.

Чувствуя себя персонажем в сказке, которую пишет искусный автор.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Свинки и трюфеля, — бормотал я. — Свинки и трюфеля...

У книжных сыщиков такое вообще-то в заводе. Сидеть, уставясь не пойми куда, и повторять зацепку, которая занимает их ум. Верные помощники должны в этот момент пялиться на небритую физиономию сыщика с величайшим почтением. И спрашивать с придыханием: «О чём же ты догадался, о мудрейший?»

— Проголодался, Лайл? — осведомилась Длинноногая Секретарша (она же Нэйш).

— Маленько есть, — с учётом того, что навозный магнат нас даже к ужину не пригласил. — Но это насчёт того, что подслушал парнишка. Те, кто наведался к Дэрришу с веретенщиками, перешучивались, пока паковали ящерок в ящик. И была там пара любопытных фразочек. Кайви запомнил так: «Посмотрим, как этим свинкам пойдут наши трюфеля!» и потом ещё — «Самые дорогие трюфеля в подарочек от мужа». Вот вы, господин Даллейн, не подскажите — какие у нас самые дорогие трюфеля?

Даллейн развёл руками с сожалением.

— «Пурпурное сердце», — тихо подсказал Нэйш. — Их ещё называют подземными гранатами.

И это человек, который жрёт аналог баланды с Рифов, не моргнув и глазом.

— В таком случае не сообщишь ли ты нам что-нибудь этакое про эти самые драгоценные трюфеля?

Нэйш застыл, погрузившись в пучины своего опыта.

— Подаются к айлорским винам и куропаткам.

— Поздравляю — я действительно проголодался. Теперь дай-ка я извлеку из памяти что-то действительно полезное. «Пурпурное сердце» трюфель редкий и труднонаходимый — растёт на глубине, и только в очень старых дубовых и буковых рощах. Грибочки ищут с мелкими яприлями, которых от мамки отнимают и натаскивают. — Эти сведения на меня вывалила Арделл, пока я помогал ей в вольере для яприлят. — А самое чудное — что грибочки эти наподобие драгоценных камней. Если уж где нашлись залежи — там нужно разработки проводить. Вполне себе шахты рыть и до кучи — строить подземное хранилище. Эти трюфеля — штуки весьма нравные, знаете ли. Их даже после срывания нужно выдерживать пару девятниц в той же местности, в земле и холоде. Не поднимая на поверхность — иначе они аромат теряют. А знаете, из какой страны в основном эту вкусность поставляют? Вейгорд. — Это уже следствие знакомства с одной очаровательной контрабандисткой, которая перепродавала и такие грибочки. — Так что, господа, похоже наши ниточки уводят, так сказать, домой.

Даллейн выбивал длинными пальцами по коленям что-то явно зашифрованное.

— Моё почтение, господин Гроски — мы сильно продвинулись благодаря вам. Вейгорд... Мне понадобится время, чтобы собрать там группу поиска. И если придётся обыскать все месторождения таких трюфелей...

— А все не надо, — возвестил я с видом фокусника. — Как там было? Самые дорогие трюфеля *в подарочек от мужа*? Я бы поискал возле бывших земель рода Шеннетских. Или даже прямо в их владениях. У них же был замок в Вейгорде — возле...

— Триграничья, — нежнейшим образом помог устранитель. Я прихлопнул воспоминание, как прыгучего, злого грызуна.

— Да, как это? Белолисье. В Вейгорде немало старых угодий Шеннетских. Хотя, может и наводить справки-то особо не потребуется. Раз уж наш хозяин рекомендует знатным господам удобрения — должен же он разбираться, что и где растёт.

Навозный магнат таки уделил нам от своего ужина и даже отыскал трюфельную карту Кайетты. Господин Даллейн со знанием дела в карте порылся, ткнул пальцем куда-то в Шеннетен, хмыкнул и буркнул, что ему «надо доложить». Интересно только — кому, если Касильда Виверрент в «чёрном сне», а с Гриз Арделл на связь вышел я?

Известие о том, что веретенщик на территории, как бы это сказать, не совсем один, Гриз приняла со стоицизмом человека, который взял в команду Рихарда Нэйша.

Да ещё я, вроде как, должен следы тут заметать. Если бы отыскать Чашу, связаться с Гильдией, сказать — пусть убирают из Шеннетена своих, если есть...

Нам с повизгивающим внутри грызуном даже благоприятствовал наш Расторопный Помощник. Даллейн заявил, что ночевать придётся в поместье навозного магната. В Цветочном Дворце всё еще был шанс нарваться на укус веретенщика. Если бы выскользнуть потихоньку, ночью... ещё лучше — шепнуть пару словечек Кайви, мол, мне нужно связаться с высоким покровителем. Паренёк же явно знает местность, найти проточную воду не проблема.

Направляясь в комнату, которую выделил мне хозяин поместья, я чуть было даже не стал намурлыкивать песенку.

— Привет, Лайл.

Вир побери, я-то уж надеялся, что он бросил играть мою тень и куда-то да сгинул — его же и на ужине не было.

— Боженьки, да отвянь, ты, воплощённое одиночество! — устранитель приподнял брови. — К твоему сведению, я иду спать. И если ты только не желаешь погреть меня ночью или расположиться где-нибудь на коврике...

На миг он как будто задумался — прежде чем положить мне руку на плечо и одним движением пропихнуть в отведённый мне покой.

— Как тебе нравится твоя комната?

Спаленка пестрела патристично-золотистыми цветами Айлора, а на картинах и покрывале было многовато роз. Словом, средней помпезности гостевая комнатка.

— Она мне до черта не нравится по одной причине. В ней есть ты.

Напарничек добродушно хмыкнул, запирая дверь. Кивнул мне на стул, проследовал к кровати и вытряхнул подушку из наволочки.

— Просто создана для вечерних бесед, — длинный треск ткани, разрезаемой острым ножичком. — Для разговоров с лучшим другом перед сном.

— ... у тебя какая-то личная неприязнь к розочкам или к цветам Айлора? У этого Дэриша, знаешь ли, будет куча вопросов к тому, что он увидит тут утром.

Я частил, выдавал смешочки и отчаянно потел, наблюдая за неспешными, отточенными движениями. За тем, как ткань обращается в полосы.

— Вопросы будут в любом случае — особенно если наша беседа пройдёт слишком громко. Ты хотел что-то спросить?

— В другом случае я бы спросил человека — какая муха его укусила, но в случае с тобой... что, у какой-то стаи бешеных шнырков таки хватило смелости?

Нэйш одобрительно кивнул наволочке, дорезая последнюю полосу.

— Я говорил с Арделл. Она и Мел нашли вещество, которое приманивает веретенщиков. Какая-то бирюзовая пыль с травянистым запахом. На туфлях Касильды Виверрент. Представляешь?

Воздух из комнаты исчез, выпитый неведомой сволочью. Я прикипел взглядом к длинным пальцам, которые ласково поглаживали нож.

— П-п-приманивает? — значит, Виверрент не случайно так быстро атаковали, когда она вышла из помещения, где были... о-о-о, черти водные...

— Ну-у... само-то собой, в замке есть агенты Хромца... или кто там это устроил.

Нэйш поощрил полосы ткани на своих коленях микроскопическим кивком.

— Действительно. Агенты того, кто всё это устроил. Одного из них мы с тобой как будто знаем, ты как полагаешь?

— Ты что же, думаешь, это был я?

— На этот раз, — с праздничной улыбкой сообщил устранитель, поднимаясь, — так думаю не я один, Лайл.

Эффект был таким, будто устранитель мне всё-таки врезал сразу по нескольким болевым точкам: колени ослабли, в ушах появился шум, и я словно погрузился куда-то в тёмную глубину вслед за крысой. Вздор, Лайл, надо думать, как выжить, ты же понимал, что однажды это случится, ты же не считал, что она будет доверять тебе вечно?

Под седалище подпихнули стул. Я поднял глаза, встретился взглядом с Нэйшем, который надо мной наклонился, спросил тихо:

— Она... приказала тебе?

«Клык» глядел с разочарованием. То ли из-за идиотского вопроса, то ли потому, что я раскис, когда он ещё не начал работу.

— Она просила за тобой присмотреть. Но я подумал — раз уж у нас сложились доверительные отношения...

Перед глазами с намёком закачалась бывшая наволочка.

— Я не делал этого.

Нэйш над головой хмыкнул понимающе («Ты же расскажешь мне всё, что я хочу знать»), и я открыл рот, чтобы пропихнуть в грудь хоть толику воздуха.

— Знаю, как выглядит. Но я о задании узнал только сегодня утром, а дальше был всё время на виду. Ч-чёрт... и об этом снадобье я ни сном, ни духом. У тебя случайно нет «Истины на ладони»? Тогда можешь попытаться меня малость, чтобы оправдать расправу над наволочкой.

Сверху установилось задумчивое молчание. Там боролись с искушением. Или взвешивали шансы на то, что никто не услышит моих криков.

— И, кстати говоря, у них тут пацан со знаком Следопыта, так что если ты не уверен, что сможешь заткнуть меня эффективно...

— Есть приёмы, при которых кляп не нужен. Сбивается дыхание или теряется голос... правда, восстановление потом длится не меньше суток.

Я осмелился перевести дух и покосился вверх. Нэйш стоял в шаге от меня, задумчиво поигрывая готовым кляпом.

— Кто это мог быть? Ещё один посланник Гильдии?

Мастер и стряпчий наверняка под кровными обетами, ковчежники, понятно, исключаются. Так что это за...

— Не знаю... не могу сказать. Я бы ставил на прямого агента заказчика, но мало данных. Может, прояснится, если сумеем взять лабораторию.

Будем надеяться — гильдейские нам что-то оставят. Нужно их всё же предупредить, а то как бы бляхи с жизнью не лишиться.

— Ах да, лаборатория, — на плечо не спеша опустилась рука. — Так как тебе нравится твоя комната, Лайл?

— Ну, в ней слегка не хватает наволочек, но...

— Уютная, не так ли? Достаточно, чтобы оставаться в ней всю ночь. В ней, конечно, нет особых удобств, наподобие Водной Чаши... но я не думаю, что тебе захочется их искать. Учитывая, что моя комната рядом.

— А если мне понадобятся ещё какие-нибудь чаши, ну или горшки... — рука на плече потяжелела раз в десять. — Понял, все потребности — в угол да в камин. Надеюсь, ты не будешь заглядывать ко мне каждый час поправить одеяльце, чёртов ты параноик?

Устранитель показал зубы в непроницаемо-сердечной улыбке. От которой у меня наверняка отмер какой-нибудь орган.

— Тебе лучше как следует выспаться. Похоже, завтра от тебя столько будет зависеть. Гильдия, Арделл, господин Даллейн. Все возлагают на тебя надежды. Какие из них ты собираешься оправдать?

— А ты позволишь мне оправдать какие-то, кроме твоих?

— Просто решил тебе об этом напомнить.

Заботливый напарничек. И тон такой, что снов можно лишиться на добрую половину ночи. Я покосился на бранные останки наволочки и постарался придать голосу убедительность.

— Сделаю, что смогу. Если, конечно, подручные Даллейна не облажаются.

Позже я сам себе говорил, что из меня бы вышел неплохой горевестник.

* * *

— С-с-сволочи, — приложил невозмутимый господин Даллейн. Рискнул высунуться из укрытия и влупить магией со всей своей немалой дури.

Порыв ветра всколыхнул волосы да развеял туманную дымку, которая плотно облепила бывший Шеннетен.

Бирюзовая сфера над входом в трюфельное хранилище весело мигнула. В ответ кто-то из защитников маленькой крепости высадил по нам заряд огненного амулета, но Даллейн отбил его воздушным щитом. Сполз назад в ложбинку за дубом-исполином и выпалил в сторону своих людей что-то на древнем жреческом наречии.

Отряд магов, собранный расторопным господином, облажался не просто как-то, а с размахом, эпически. Сперва разведчики потревожили сигналки, которые они даже не заметили. Затем часа два проводили осмотр окрестностей, хотя совершенно пустая местность без единого часового уже должна была их малость насторожить. Затем ребяташки решили, что штурм малыми силами — отличное решение.

Мы втроем подоспели через часик после того, как Даллейну сообщили: мол, ой, какая неприятность, вход в здание закрылся мощной защитной сферой. А когда по сфере начали гвоздить всеми возможными видами магии — изнутри полезли ребяташки с запитанными до

отказа боевыми артефактами. И начали гвоздить в ответ.

В общем, мы прибыли в довольно-таки перепаханную местность. Пара-тройка средних дубков художественно валялись там и сям — два выкорчеванных с корнем, один переломанный. Печальной корявой свечкой чадил один из местных дубовых старожилов. Посреди всего этого безобразия невозмутимо торчало крытое каменное строение — наподобие сарая или конюшни. Над почётной древностью раскинулась бирюзовая сфера магической защиты.

Из шести окон время от времени высывались защитнички — выставляли то артефакты, то ладони с Печатами Огня и Воздуха. Удары магии отдавались в тумане между столетних дубов весёлым уханьем.

Ребятунки Даллейна рассредоточились по местности, залегли и отвечали со всей должной страстью.

— Улей, — прошептал я. — Приходилось сталкиваться с этим типом защиты. Похоже, основные фигуранты успели сбежать. Только вот валили поспешно — стало быть, всё важное с собой не забрали. Эти типчики там, внутри, — наёмники, мелкие сошки...

Кто-то из мелких сошек с отменным глазомером дослал в нашу сторону ещё один огненный удар. Сгусток пламени зашипел почти над головой, остановленный щитом Даллейна.

— Их задача — потянуть время, пока остальные внутри уберут улики. Потом снимут сферу и сдадутся. И мы им ни черта предъявить не сможем, скажут — не при делах, наняли помещение охранять, перепугались, думали — разбойники лезут.

Не говоря уж о том, что Даллейн вообще на территории враждебного государства.

— Переговоры? — углом рта шепнул подручный Вивверент.

— Им только на руку.

У «пчёлки», которые тычут в нас сейчас «жальцами» магии — задача задержать. Пока остальные не подчистят «соты».

Севернее бахнуло с такой силой, что нас присыпало землёй и перепревшими желудями. Черти водные, что ж у них там за зверские артефакты.

— А остальные входы? Этот — явно основной, других разве нет?

— Пока нашли два, оба завалены, — маг Воздуха сделал пару сложных пассов и подвесил перед нами проекцию здания. Теперь мы не рисковали головами, высываясь из ложбинки. — Вир побери, защита держится уже почти два часа, чем же они её запитывают?!

— Она проницаема для магии изнутри.

Нэйш соизволил подать голос в первый раз с того момента, как мы влезли в эту клятую дубовую рощу.

— Разумеется, — отмахнулся Даллейн. — Это не артефакт типа «Клетки Таррона». Здесь боевая защитная сфера: пропускает магию изнутри, не пропускает снаружи...

— Исключительно магию, — уточнил Нэйш, любуясь бирюзовыми отсветами над зданием.

— Или удары с артефактов. Ценные сведения, господин Нэйш, но у нас отсутствуют немагические средства для возможной атаки... уп.

Простая истина — что у нас есть как минимум одно средство для немагической атаки — дошла до Даллейна в тот миг, когда Нэйш поднялся во весь рост, отряхнул костюм и шагнул из ложбинки. Пройдя при этом через очередной удар — для разнообразия, холодом.

Воздух вокруг «клыка» заискрился и оледенел, туманная дымка обратилась в

похрустывающую мглу. По земле пролегла замороженная полоса. По которой устранитель и продолжил своё невозмутимое шествие. Под дружный хор «Мужик совсем...?!» — и со стороны защитничков, и со стороны ребят Даллейна.

— У Дара Щита вашего друга замечательный потенциал, — пробормотал подручный Виверрент, наблюдая за прогулочкой Нэйша по перепаханной поляне. Удивлённо скосился в ответ на моё мычание. — Вы не согласны?

— Разве что со словом «друг». А вам, стало быть, доводилось наблюдать этот Дар в действии?

— Несколько раз, но такой исключительной силы...

По Нэйшу теперь били из трёх окон. Огнём и воздухом, с нескольких амулетов и печатей, удары магического ветра и пламени переплетались, свивались в смерч — и в нём поблёскивали голубоватые молнии. И в центре клубящихся огненных вихрей плыла неспешно белая фигура. Устранитель даже и не думал перейти на бег, шёл через магический ад — будто за бабочками прогуляться собрался.

Группа Даллейна малость обалдела от зрелища, но потом там спохватились, попытались боковыми ударами сбить магию противников, хоть немного оттянуть на себя. Поздно — Нэйш перешёл на быстрый шаг, перешагнул через последний обгоревший ствол, пролетел через бирюзовый пузырь защиты, почти позволил садануть себя магией в упор — почти, потому что схватился за руку наёмника, резко дёрнул на себя, выдал пару тычков сжатыми пальцами и попросту вытащил парня из окна. Заслонился им ещё от одного магического удара, отшвырнул в сторону, легко подтянулся — и исчез внутри здания.

Магические удары из окон перестали наноситься почти тут же. А в самом здании явно наметилось побоище.

Невозмутимый господин Даллейн только языком цокнул, покидая канаву.

Уникальный Дар, ага, размышлял я, пока трусцой нёсся вслед за ним к трюфельному хранилищу. Такой, что выдерживает «Эффект Овхарти» у феникса — притом, что Нэйш тогда ещё и Гриз закрывал. Или агонию четырёхсотлетнего геральдиона (а в том случае он закрывал Аманду и меня). С другой стороны, Нэйша как-то повязали двое придурков с арбалетом — вот что мне покоя не даёт.

Когда мы подошли к зданию, внутри уже всё утихло. Бирюзовая дымка защиты не рассосалась, зато двери теперь были гостеприимно распахнуты.

Наземная часть трюфельного хранилища была небольшой. На единственном столе выставлены бутылки укрепляющих и заживляющих зелий и аккуратно разложены боевые амулеты — в основном ударного типа. Огонь, воздух, заморозка, даже что-то с молниями. Недешёвые, запитанные до отказа штучки — я только присвистнул от зависти.

Ребятки из набранного Даллейном отряда вязали тех, кто лупил по нам магией. Шестеро магов, да ещё один валяется под окном и стонет. В основном все скрючены от боли, но у двух ножевые раны — дарта у устранителя не было, а ножики никто не отменял.

— Где господин Нэйш? — осведомился Даллейн вполголоса.

Его группа, не стовариваясь, кивнула на старинную кованую дверь прямо в стене. Так, словно за дверью скрывался Властелин Пустошей.

За дверью обнаружили тьма и холод небольшого переходника. Вниз вели широкие, но искрошившиеся от старости ступени. Кое-где их пытались подлатать деревянными досками, но ступать всё равно приходилось осторожно, подсвечивая фонариками.

Где-то внизу и вдалеке гуляло эхо отдалённых криков, и на последних ступенях до нас

донесли пара громких хлопков — и всё затихло совсем.

У подножия лестницы чуть не споткнулись ещё о двоих наёмников. Один был в отключке, второй — едва слышно постанывал. Даллейн перешагнул через них, осветил по сторонам, наткнулся лучом фонаря ещё на одну дверь и шагнул к ней.

У двери разлеглись ещё два тела, а сама дверка оказалась запертой на магический засов. Даллейн примерился, пробормотал что-то — и просто выдрал дверь из стены при помощи Дара.

В нос ударил густой, терпкий и настоянный запах грибов, смешанный с запахом земли, ветхости и чего-то ещё, знакомого, сладко-солёного. Глаза не сразу справились со светом — слишком много бирюзовых отсветов, ярких переливов от ракушек флектусов. Так что я сперва не разобрал, что это стоит на середине зала. И почему между стен эхом отдаётся невозмутимое густое «кап-кап-кап».

— Девятеро, что за... — прохрипел не такой уж невозмутивый господин Даллейн.

Мы стояли в старом трюфельном хранилище — приземистом и широком, вдоль стен ещё сохранились остатки полок, на которых вызревали рубиновые трюфеля. А посреди хранилища расположился алтарь. Деревянный и грубый, в виде плоской ладьи.

На алтаре лежало тело. Мужчина лет тридцати, с виду — то ли учёный, то ли деятель искусства: нежные, тонкие пальцы, худые руки, аккуратная бородка. Лёгкая полуулыбка — словно смотрит сны.

И кровь, которая пропитала доски, капает на пол, стекает по желобочкам в ноги, к пазу, где неярко сияет бирюзовый кристалл, обточенный в форме щита.

Я ощупал шею бедолаги, на всякий случай пошарил по поясу — вдруг да поможет кроветвор. Почти сразу понял — не поможет, такую потерю не восполнить, да и сердце не бьётся уже — трепещет, замирая.

Даллейн тем временем вынул из углубления защитный артефакт. Брезгливо коснулся пальцами нижней части — испачканной алым.

— Защита на крови?

— Артефакт-преобразователь.

В темноте у дверного проёма блеснула брошь-бабочка. Серебристо-багряным, почти кровавым отсветом. Вслед за бабочкой из темноты выплыла безмятежная физиономия устроителя.

— Да... их называют ещё артефактами-передатчиками. Трансформами или вампирами. Обычные амулеты — просто резервуары для магии. Их запивают Мастера или маги при помощи Дара. Артефакты-трансформы способны восполняться сами: преобразовывать энергию иного рода и переплавлять её в магию. Чаще всего эмоции — страсть, гнев, печаль... страдания. Иногда смерть. И временами...

Он неспешно приближался к алтарю, пока проговаривал это. Обвёл пальцами желобок для стекающей крови — словно прикасался к чему-то знакомому. Может, мне показалось — но на лице «клыка» — полускрытом тенями — в этот момент проступило что-то вроде нежности.

— Артефакты-трансформы часто используют для защиты — как видите, их возможности очень велики. Даже когда они действуют напрямик, без накопления сил.

Даллейн пялился на кристальный щит в своей руке с омерзением

— Припоминаю, я читал о таком... в основном времён Войны Артефактов. Но это под строжайшим запретом. Даже использовать артефакт такого типа...

Настала моя очередь проявлять эрудицию.

— От двадцати пяти до пожизненного на Северных Рифах. С Мастерами, которые осмелятся такое создать, разбираются свои, в Мастерграде. Я бы так сказал, эти парни нехило так рисковали.

Приходилось болтать, чтобы заглушать подступающую тошноту. От кроваво-грибного запаха, медленного, вязкого звука падения кровавых капель, да ещё от физиономии устранителя — такой проникновенной, будто он встретил свою давно потерянную тётушку. По счастью, Даллейн вспомнил, что мы тут вроде как по делу, завернул артефакт-трансформ в платок и сунул в карман.

— Господин Нэйш, вам удалось найти лабораторию?

Под лаборатории оказались отведены два других подземных хранилища. В одном, наверное, хранились основные записи, потому там остались головешки да перебитые колбы. В другом зале нам улыбнулась какая-никакая удача.

Нэйш успел вырубить тройку наёмников посередине процесса зачистки. Записей на нашу долю не осталось, зато удалось увидеть обстановку. Довольно солидную — видно, денег не жалели. Перегонные кубы и колбы, клетки сдохлыми теперь уже крысами, бутылки с разными заманчивыми химикалиями — большей частью битые — лупы и микроскопы, пара амулетов невыясненного значения.

Даллейн заметил, что тут нужна полная опись, и сунулся наверх за своими людьми. Оставив меня в компании из трёх бессознательных и одного отмороженного.

— Знакомые, Лайл? — осведомился Нэйш, пока я притворялся, что по уши занят хладными тушками отключённых наёмников.

— Не то чтобы мы вместе пили пиво, но они из завсегдаев «Честной вдовушки». «Уборщики», ранга четвёртого... а вот и бляхи.

Двое парней поближе к двери были вполне в пристойном состоянии для допроса. Третий, в глубине помещения, был в состоянии непристойном. Похоже, ему от души надавали по болевым точкам, а на закуску впечатали физиономией в стол с битым стеклом.

— А с этим типчиком у вас возникла личная неприязнь?

— Ну, он порвал мне костюм.

Устранитель с беспредельной скорбью изучал прореху на сюртуке. Таллея была прорвана на левом плече, с самого края.

— Боженьки, да как ты его в живых-то вообще оставил. Стоп, — мой взгляд упал на вывернутую кисть бедолаги. — У него же знак Огня. И как он ухитрился нанести твоему сюртуку ранение — вы что сошлись врукопашную, и он хватанул тебя зубами?

Нэйш слегка пожал плечами.

— Какое-то оружие с Пустошей.

Крыса внутри замерла. С Пустошей — стало быть, не-магическое?

— Версия с зубами мне нравилась больше. А насчёт оружия...

Пришлось заползти под стол — туда оно отлетело после того, как Нэйш вывернул кисть наёмнику. Гладенькая серебристая игрушка, похожая на во много раз уменьшенную пушку, из которой фейерверки пускают. Удобная ручка — не скользят ладони. Спусковой крючок. Я перевёл рычажок и вскрыл «гнездовье», где в уютных гнёздышках расположились восемь серебряных пулек. Одно гнёздышко было пустым.

— «Горевестник». Так эту штуку называют на Пустошах. Из-за мелкого размера, да и звук пронзительный. Стреляет за счёт взрывчатого состава — он вот в эту ёмкость подаётся.

Вир знает, из чего они его делают в Гегемонии — пустошники своих секретов не выдают.

На миг позволил себе прикрыть глаза — и провалиться в прошлое четырёхлетней давности. В прогулочки по чистым, усыпанным песком дорожкам, под нескончаемое журчание мягкого голоса: «В Гегемонии знают, на что ставить, сынок, и нельзя недооценивать их изобретения. А теперь взглядишь в мишень, опусти дуло вот так...»

«Горевестник» привычно соскользнул в руку, я опустил дуло, прицеливаясь в пустоту. Открыл глаза.

Дуло смотрело аккуратно в настороженный прищур моего напарничка.

— Не знал, что ты разбираешься в оружии Пустошей.

— Был у меня знакомый, помешанный на этом деле. Тоже, в общем, коллекционер на свой лад. Разве что собирал не бабочек.

В загородном доме — потому что на квартире Старый Лис держал разве что книги о законах да брошюры с благотворительностью. Вот в поместье, которое он именовал Логовом, была даже отдельная комнатка, вдоль и поперёк увешанная «воронами», «скроггами», «горевестниками» и прочими образчиками искусства Пустошей.

— В самом деле, — уронил Нэйш, плавно сокращая дистанцию. — И этот человек был связан с Гильдией?

— Жаон Флористан, — я отложил «горевестник» подальше и добавил, пока меня не просверлили глазами. — «Сводник» высшей категории. В том смысле, что он был посредником. Если вдруг что-то нужно было обтяпать — обращались к нему, а дальше старина Флористан подбирал исполнителей, союзников... смотря кого нужно, словом. К тому же один из лучших вербовщиков.

Не договаривать не было смысла.

— Это с его подачи я попал в Гильдию.

Странновато было стоять в разгромленной подземной лаборатории и вспоминать тёплые вечерки в компании со Старым Лисом. Тогда я уже работал пару раз с «чисторучками» — но как вольнонаёмный, а тут выпало особое дельце, и друг свёл меня с Жаоном. Флористан (до оторопи похожий на кузена Эрли, только куда постарше) ерошил аккуратную седую причёсочку — в ней начинала мелькать рыжина — и вещал мягко: «Понимаешь ли, сынок, я совсем было уж собрался на покой, а тут дельце с этой графинькой и браком, который непременно нужно расстроить. Эти дураки подсылали ей своих жеребцов — только что копытом не бьют — но потом всё-таки уломали меня. Так вот, я-то полагаю, тут нужен человек, который умеет слушать и проявлять участие. Да ещё рассказывать интересные и трагичные истории. Поживёшь у меня пару девятниц — наберёшься информации...»

О Старом Лисе шла слава того, кто может уломать кого угодно и на что угодно. Думаю, он мог бы втоухать Мел её титул и женишка в придачу.

— И у него были связи с Гегемонией Равных. Так?

— Да, он же сам, — взмахнул правой ладонью и тут же стёр с неё воображаемый порез. — Искалеченная Печать, рассказывали — в бою с пиратами или что-то такое героическое. Словом, пустошники дела вели через него. Впрочем, кто только не вёл через него дела — знать, магнаты, пираты, контрабандисты, ребята из Закрытых Городов...

Иногда законническая жилка работает слишком хорошо. Вот сейчас память с готовностью мне расписала — сколько артефактов было в поместье у Старого Лиса.

— Лайл?

— Мастерград... ч-чёрт же.

— Звучит так, будто ты только что обнаружил очередную зацепку.

Ага, умница, Лайл Гроски, лови поощрительный взгляд от своего злого рока — приправленный сладчайшей, до печёночек выедающей поощрительной улыбочкой. И хотя я и впрямь только что самолично связал в одном человеке Гильдию, запрещённые артефакты, оружие Пустошей... и меня... почему-то до жути, до пронзительного крысиного ора хочется ошибиться.

— Не знаю. В последний раз я его видел два года назад. Он ушёл на покой и постреливал уток у себя в угодьях из оружия Пустошей, но...

Если бы старине Флористану пообещали вкусный, жирный кусок — а в придачу возможность подставить самого Шеннета — что, разве он не согласился бы?

От необходимости продолжать меня спасло появление господина Даллейна — на сей раз больше расстроенного, чем невозмутимого.

— Приношу извинения за промедление, — указал троице своих ребят на столы. — Обыск, опись, полную. Удалось что-нибудь узнать?

Нэйш приобнял меня за плечи, сформировав композицию для портрета «Лучшие друзья навеки, один улыбается, а у второго, кажись флюс».

— Лайл проявил себя наилучшим образом.

— Замечательно, — выдал Даллейн. — Господин Гроски, по поводу пленных наверху, оправдываются ваши прогнозы: наёмники, наняты вчера, для охраны, через подставное лицо, оплата вперёд, вниз не спускались — во всяком случае, утверждают так. Боюсь, с ними может затянуться — они накачаны противоядиями, и «Истина на ладони» эффекта не оказывает. Лучше допросить тех, которых вы обнаружили здесь, но если зелья не окажут на них эффекта...

Я покосился на пальцы на своём левом плече и пробубнил:

— Ну-у, это как раз тот случай, когда с нами специалист.

Какой-то части меня было даже жаль наёмников. Очнуться и увидеть над собой Нэйша, весь вид которого говорит «Вы мне тут сейчас все ответите за мой костюм»...

На экзекуцию я смотреть отказался, сославшись на чувствительную, склонную к нервным запорам натуру. Убрёл шастать по лаборатории. Позвякал пробирками под ругательства очнувшихся наёмников. Постучал ящичками под дружные уверения, что ничего, ничего они нам, сволочам... Благополучно пережил дрожь при знакомом «Вы же расскажете всё, что я хочу знать».

И после первого переливчатого вопля, — по-крысиному оглядываясь, скользнул поближе к тому самому столу.

Нэйш нависал над своей жертвой, Даллейн проникался методами рифских допросчиков, двое магов заняты обыском, один отвлёкся на сцену допроса. Так что никто не заметил, как моя лапка утащила со стола серебристый «горевестник». А потом скользнула во вместительный внутренний карман.

Дальше я с головой погрузился в мнимый обыск: заглядывал под столы, обстукивал стены в поисках тайников, суетился над колбами (нашёл четыре почти целые банки с заспиртованными веретенщиками).

Первый наёмник на диво скоро перешёл от «Мрази, глотку перегрызу» до «Всё скажу, господин, не надо больше». И залепетал — про Гильдию, про свой контракт со Стольфси. Про то, что они только охраняли тут всё, а вниз не спускались, что там — не знали, кто был

внутри — не видели, те часто ходили через другие выходы.

Да, да, господин, — шептал паренек, и я даже мог вообразить его преданный взгляд («Я скажу, всё скажу, вам не солгу никогда»). А с нами разговаривали... их было несколько — полный такой, с залысынами, черноволосый ещё, и один был высокий, с обожжённой рукой... Имена — нет, не знаю. Знаю клички — Хорь, Лучина, Крюк...

Те самые красавцы, которых срисовал малыш Кайви. Только в его рассказе был и четвёртый.

— А человек в плаще, с акцентом? — подгадал мои мысли Даллейн.

Да, выходил ещё один — в капюшоне, худой, так смешно пришепётывал. Он часто ходил туда-сюда. Но он не с остальными был, остальные его боялись, называли тварью. Ещё шутили — «такая погань, что даже наши трюфельки его не берут»...

Первый бедолага замолк — то ли Нэйш его перепрессовал, то ли еще не отошёл от недавнего удара. Зато второй начал рассказывать, не дожидаясь, пока его начнут допрашивать с ударами по больным точкам.

«Пыльца фей» — они часто говорили о какой-то «пыльце фей», он слышал. «Испытаем пыльцу фей», «на пыльцу фей приманиваем трюфельков». Наверное, какой-то наркотик. Он-то думал, лаборатория для этого и создана. И сюда же приводили покупателей, а может, распространителей. Он пару раз видел. Были мужчины и женщины. Им завязывали глаза, проводили внутрь.

— А потом?

Ответом на вопрос Нэйша стало молчание — выразительное и испуганное. Показывающее, что потом покупателей никто почему-то и не видел.

Нужно же было эту самую «пыльцу фей» испытать на ком-то. Посмотреть, идут ли «трюфельки» на запах. Скверное дело, и всё сквернее с каждой секундой, и интересно бы знать — как они потом отлавливали своих ящерок, у них что — было противоядие, или они их замораживали?

Бирюзовый отблеск возле одного из столов заставил отвлечься. На полу валялась плоская коробочка из толстого стекла. Наполненная чем-то легчайшим, с блёстками. Пыльца фей... ну-ну. Прихватим-ка её с собой за компанию. А вот и ещё несколько коробочек, попроще. Завалились по углам, будто кто-то торопливо выгребал партию... будто этой пыли тут была целая куча.

— Сюда, ребята, — я махнул парням, которые сосредоточенно шерстили всё подряд. Показал им коробочки, вполуха слушая — что там несёт наёмник: к ночи пришёл сигнал эвакуации, начали выгружать книги, клетки, ящики; внутри была суета, очень долго. Потом привели новую партию охраны, а их Крюк и Лучина снабдили амулетами и оружием Пустошей, приказали зачистить внутри. Одно хранилище оставили запертым, сказали — не трогать, там амулет защиты. А дозачистить приказали жилые помещения, всё в лабораториях, и ещё ту, дальнюю шахту. Жилые помещения — это налево отсюда, они с них и начали...

Стало быть, найти что-нибудь будет сложновато. Так, в общем, и получилось.

Жилые комнаты были снесены подчисто — работали огнём и мощными ветряными ударами. Навскидку можно было сказать, что жило здесь не меньше десяти человек. Да на одной из глиняных стен запеклась странная монограмма — две переплетённые буквы «А», увитые языками пламени.

— Инициалы? — усомнился я, потыкав в знак пальцем.

— Или название организации, — отозвался Даллейн. — Впрочем, в Академии Таррахоры встречаются подобные знаки. Обозначают полный круг жизни — от «Аканты» до «Арлаа».

Точно, буквы «А» — разные, первая буква общекайетского алфавита, как в начале имени «Арианта», и последняя — как в конце того же имени.

Нэйш, пока мы пытались разобраться в дебрях лингвистики, откопал в углу какую-то фигурку, покрутил в пальцах, хмыкнул и перебросил мне.

— Малыш из Энкера, — три алапарда и ребёнок сверху, разве что ребёнок что-то великоват по росту. — Либо кто-то сюда ребёнка приволок, либо это настоящий поклонник.

Либо господа, которые принялись выращивать веретенщика, как-то связаны с Энкером, а может, с Академией.

— Господин Гроски, можете ли вы сделать какие-то выводы?

От почтительного тона господина Даллейна захотелось приосаниться. Или как ещё ведут себя Настоящие Сыщики, когда их подручные задают им такие вопросы? Впрочем, сомневаюсь, что сыщики в этот момент топают при свете фонарей по узковатым и низковатым земляным коридорам. Как можно незаметнее придерживая пустошное оружие в кармашке.

— Мы по уши в навозе яприля. Лаборатория здесь не меньше года, разработка серьёзная, с финансами всё более чем в порядке. Дерзости и выдумки хоть отбавляй — посадить лабораторию так, чтобы одновременно бросить тень на Вейгорд и на Шеннета — это нужно уметь! — промолчим пока о том, что это фирменный стиль старика Флористана. — Да плюс ещё они были настороже — следили за поместьем Дэриша, я так думаю, на тот случай, если мы выйдем на след. Как только мы зашли в поместье — провели временную эвакуацию, на всякий случай, а как только ваша группа задела сигналки тут, в окрестностях... не надо объяснять, да?

Эвакуация на полную, забрали даже основную свою охрану, взамен запихнули ничего не знающих сменщиков, приказали им зачищать всю территорию, оставили нам сюрприз — артефакт-трансформ с мощным щитом. Да ещё команду зачистки с пушками от Гегемонии Равных. Видать, на случай кой-чьего Дара. Странного такого Дара, который не пробьёшь пламенем взбешённого феникса, а вот арбалет или оружие Пустошей...

Если бы они ещё объяснили им — с кем дело иметь придётся и что стрелять нужно сразу, не пытаясь обороняться с Печатей.

— Это всё меньше похоже на заговор против Касильды Виверрент с подачи её муженька. Кто бы ни провернул всё это, с Касильдой... у тех, кто обосновался здесь, цели были покрупнее. Несколько союзников, не поручусь, что даже с одинаковыми целями. Гильдия, какие-то отбитые на всю голову учёные, запрещённые артефакты Мастерграда, возможно, кто-то из Айлора или Вейгорда, да ещё оружие Пустошей... Плюс, у нас тут ниточки связи с Академией и Энкером, так? Ну, и...

И вот в этом ты увяз по самую шею, — выстонал внутренний голос. Ну давай, попытайся сказать, что и похуже бывало.

— В любом случае, должен быть посредник, — высказался Даллейн, я дёрнул головой и въехал макушкой в низкий потолок. — Объединяющий фактор — и если мы найдём его...

В вязкой грибной тьме обозначился предвкушающий взгляд Нэйша. Где-то у меня в затылке — ощущалось, будто туда воткнули два холодноватых лезвия.

Я даже уже начал прикидывать — кто меня скорее доконает: Нэйш за попытку соврать

или Гильдия, если я сдам одного из лучших посредников. Но тут фонари высветили дверь — деревянную, грубую, сработанную явно недавно. Засова на ней не было, так что Даллейн просто рванул дверь на себя.

Мы дошли до той самой «дальней шахты». Небольшой, разведывательной — запас трюфелей в других начал иссякать, вот рабочие и прорылись сюда, к корням дуба-исполина. Корни причудливой сетью оплели стены, свисали бахромой и перекручивались могучими узлами. И повсюду шли рубиновые отблески — трюфельные жилы. Разработка остановилась давным-давно, а трюфеля продолжали расти — прятались по стенам богатыми гроздьями, нарастали и бугрились, заполняя воздух пьяным ароматом.

Стены в пурпурных прожилках казались оплетённым венами куском сырой плоти. Остановившимся давным-давно сердцем. Внутри которого...

Пола не было видно. Он был погребён под слоем пепла — чёрного, жирного, и белесого, хлопьями. Тысячи сортов пепла, в которых поблёскивали временами пуговицы и заколки. Может, и зубы.

Не сожжённых тел было два — они ещё не начали разлагаться, только окостенели. Молодой мужчина и женщина в годах. Горожанин и крестьянка. Их положили поближе к двери, чтобы наблюдать за объектами, а потом, когда надобность пропадёт — кликнуть помощников-магов... и превратить в почти однородный, жирный, чёрный пепел, на котором, словно на диковинном покрывале, разлеглись они.

Мелкие разноцветные ящерицы. Поодиночке и гнёздами. Прорастающие на черноте пепла, словно экзотические пёстрые цветы. Десятки, нет, сотни — ведь под пеплом наверняка таятся другие.

Мёртвые. Сваленные сюда после опытов. Выявления жизнеспособности, исследования ядовитости, отработки размножения, устойчивости к холоду и вир знает, чего ещё.

Отработанный материал — как и люди.

Даллейн прочистил горло. Завернул длинную поэтическую тираду на старожреческом языке, певучую и многоэтажную.

Я как раз старался удержать внутри свой желудок, когда заметил движение — две капли, стремительно стекающие по пурпурным стенам. Пёстрые, очень-очень стремительные капли.

Нам оставили ещё один сюрприз — на случай, если галерею не успеют зачистить.

Поднял руку — тяжёлую и будто онемевшую. Вытолкнул откуда-то из-под сердца скопившийся холод. Та ящерица, которая нацелилась в прыжке на меня, опала прозрачной ледяной статуэткой.

Даллейн дёрнул ладонью, статуэтка разлетелась о противоположную стену. Осыпав рубины бриллиантовой пылью.

Слева раздался свист, и второго веретенчика пришили к стене безошибочно пущенный нож. Нэйш повернул ко мне лицо с плотно сжатыми губами. Мина не оставляла сомнений в том, кому достанется второй нож в случае молчания.

— Насчёт посредника... — голос раздался будто со стороны и был совершенно, непередаваемо спокойным. — Есть одна догадка...

УНА МАРДЖЕН

Я иду по бескрайнему залу, который представляет из себя море. Стены нежно-аквамариновые, по стенам висят морские пейзажи, а в бирюзовых вазах — белая пена цветов. Всё так изящно, красиво, изысканно. Как в самом лучшем романе.

Жаль, что мне так долго пришлось сидеть рядом с Касильдой Виверрент и заглядывать в её сны. Почти не посмотрела замок. А мне хотелось побывать в оранжереях.

В «Цветах желания» действия тоже происходят среди оранжерей, только автор никогда не был в этом дворце. Не подозревает, какой он прекрасный и грандиозный. Повезло тем, кто живёт среди такой красоты.

Тут только слишком много кошек. Они повсюду: ленивые и раскормленные — на подушках, и быстрые мяукающие охотники — в коридорах. Совсем маленькие котята прыгают и пытаются драть обои. Противная кошачья армия — не понимаю, зачем госпожа Виверрент их всех держит? Может, раньше за ними присматривали слуги?

Теперь многие в эвакуации. А если кто-то встречается в залах — учтиво кланяются, а мне от этого неловко. Хочется затеряться между тяжёлых портьер, ширм с серебристыми орнаментами, или за тяжёлыми комодами из красного и розового дерева.

Мне кажется, слуги понимают, для чего я тут хожу — там, где совсем нет чужих снов. Догадываются, зачем рискую попасться веретенщику.

Страшно, конечно — я же смотрела сны тех, которые получили укусы. И я тоже окажусь во сне, как в зачарованной башне, и буду бежать по долгим лабиринтам, или пугаться зеркал, или там будут какие-нибудь монстры, вроде Арделл.

Но это всё стоит поцелуя Моего Принца. Потому что, если мы теперь в сказке — разве так не должно быть? Арделл придётся его вызвать, она не решится медлить, она же вечно строит из себя общую спасительницу. И все знают, как я отношусь к Рихарду. Я этого не прячу.

Мой сон не продлится долго. И когда я открою глаза — я увижу его лицо близко-близко, как всегда мечтала, а на губах будет тепло его губ. Может, я скажу что-нибудь. Например — «Ты пришёл» или нет, можно просто его имя — главное взгляд, чтобы растопить льдинки в его сердце. Может, он наконец поймёт. Осознает, *что* он для меня.

Веретенщиков нет, только кошки. Наверное, в оранжереях будет надёжнее. Хочу выйти в оранжерею, но прохожу только два розария, а потом натыкаюсь на Мел.

— Тут никто не спит, вали к Конфетке!

Янист мямлит извинения — как будто ему не всё равно, укусят меня или нет. Они оба красные и мрачные — наверное, двух последних так и не поймали. Я возвращаюсь во дворец, в кружево арок и переходов. Поднимаюсь по лестнице, трогаю гладкие, как вода, перила.

Если бы вдруг веретенщик укусил Его...

Об этом жарко думать, и как-то неудобно: получается, я хочу, чтобы он пострадал. Но я всё равно думаю, потому что это же не по-настоящему: он только уснёт, и тогда я смогу... Потому что поцелуй Арделл ничего не решит. Точно ничего не решит.

А я бы спасла его. Вывела бы из тьмы и холода. Иногда я представляю, что он ранен и я сижу у его изголовья, приношу воды и зелий и меняю повязки — и он наконец-то начинает

смотреть на меня теплее и улыбается иначе, и берёт за руку... Но так даже лучше, так он сразу поймёт.

Впереди по коридору спальня Касильды Виверрент. Мне туда не нужно: Аманда сказала, всё уже понятно. И я была «просто молодцом, сладенькая моя, да-да-да» (как раздражает эта её притворная ласка!). Может, они найти способ привести к госпоже Виверрент того юношу, Йелта Нокторна? Они же ездили в его поместье и явились какие-то странные. Или они нашли другого возлюбленного? Мне почему-то хочется, чтобы это был Йелт Нокторн, он такой красивый, романтичный. Хотя отважный Хорот Эвклинг, тоже, наверное...

Дар зовёт меня — я так долго пользовалась им, что он стал слишком чувствительным. Возле комнаты Касильды Виверрент процветает сонная тень. Это как-то странно, потому что такие тени бывают у здоровых людей: когда видишь яркий, чёткий сон. А у укушенных веретенщиком я такого не видела. Или, может, не смотрела.

Хочу пройти мимо, но тень сна плавает и плавает, и просто умоляет её коснуться. Тень тянет ко мне руки — тонкие, маленькие, беспомощные, как у потерянной девочки.

Тень впускает меня в сон.

В рассветный полумрак.

В одуряющий запах зелий.

Пахнет кроветворным, усыпляющим, обезболивающим — травы сплетаются в единый горьковато-сладковатый дух, в котором тонут нотки крови. Лекарь и двое жриц Целительницы хлопчут у ложа, бесстрастно и быстро отшвыривают в сторону заскорузлые от крови остатки того, что недавно было одеждой. Перебрасываются шепотом непонятными терминами.

Мне не нужно слышать, чтобы понять — у человека на ложе нет надежды.

Мне с самого начала предложили удалиться, но я стою и смотрю — на простыни, которые пропитываются кровью, и полосы ожогов от огненного хлыста, и запавшие глаза, и искусанные, запекшиеся губы на восковом, неживом лице.

Губы шевелятся, пропускают почти неслышимый, рваный шепот:

— Девочку уведите... уведите... не должна видеть... уведите...

Люди в последние минуты молятся. Клянутся в любви или обещают отомстить с того света. Говорят о наследстве или последней воле. Некоторые стонут.

Человек на кровати стонал слишком много, и голос он сорвал в первую половину своей Правой Ночи, и клятв у него больше нет, только тихое сипение, когда лекарь пытается хоть что-нибудь сделать с раздробленными костями. Остался лишь суетливый, торопливый, захлебывающийся шепот без голоса:

— Девочку... девочку уведите...

Я смотрю на человека, которого ненавижу. Ненавидела.

Он смотрит на меня — и в глазах у него, за пеленой невыносимой муки — мольба... нет, приказ.

Последняя осознанная воля.

И я отвожу глаза от этого незнакомого лица с впечатанным в него страданием. Иду в предрассветном сумраке туда, где у двери застыла она — ее профиль белеет, будто вырезанный из кости единорога, и она не сводит глаз с кровати, с рук лекаря, с испуганных лиц Дочерей Целительницы...

Видит все сразу — и ничего, кроме его заострившегося лица, вздрагивающих губ,

которые пытаются сдержать рвущийся изнутри вой — она не должна услышать, не должна видеть, не должна плакать...

Она не плачет, только смотрит широко раскрытыми глазами, и мне кажется — я слышу, как медленно и тяжело бьется ее сердце, все замедляет удары, будто решило остановиться...

Когда я подхожу к ней — она останавливает меня ровным повелительным жестом. Говорит, не поворачивая головы:

— Уйдите из комнаты. Все.

Лекарь и Дочери Целительницы не смеют перечить ей. Удаляются, потупив глаза, только поглядывают на меня — не возражу ли?

Я не возражу. Но я и не уйду. Они считают, что это кара — она отослала их, она отнимает у него эту последнюю возможность — умереть с облегчением... Или что она хочет сказать ему что-то перед смертью.

Я же знаю другое. Она отослала их потому, что не хочет, чтобы они упали на колени, увидев это.

Когда она открывает глаза — они наполнены светом. Катится солнечная слезинка по щеке. Сияние медленно ткет узор на стенах — листва, и неведомый сад, и садящаяся на ладонь птица...

И хотя я никогда не видела, как это бывает — но я знаю, я верю, что это должно быть оно.

Пробуждение Спящей.

Это просыпается Великий Дар, поднимается — и до отказа заполняет сосуд, которому он был предназначен с рождения.

Она шагает к кровати — вызолоченная этим сиянием, своим Даром, плещущимся в глазах, переливающимся под кожей. Шагает мягко, будто плывет над полом. И я слышу шепот, хотя губы ее не шевелятся.

— Я спала, но ты пробудил меня.

Сияние брызжет из ее ладони — правой, на которой проступает потускневшая за многие годы страданий Печать.

— Была потеряна, но ты отыскал меня.

Она наклоняется над ним — его глаза полузакрыты, и если он может еще видеть что-то — то ему это кажется всего лишь странным видением перед последней агонией.

— Не имела сил — но ты дал мне силы.

Она кладет одну руку ему на лоб, другую, с нестерпимо сверкающей Печатью — на грудь. На лице у нее — высшая власть той, у которой на коленях молят об исцелении.

Великой Премилосердной Целительницы Тарры.

И только чуть-чуть — упрямства шестнадцатилетней девушки.

— Ты страдаешь — и я дарю тебе исцеление. И говорю тебе: не смей уходить. Слушай меня, Эвальд Шеннетский. Карменниэ... я приказываю тебе — жить. Приказываю остаться.

Тонкие пальцы, чуть вздрагивающие на его груди, на лбу, отдают сияние. С кожи смываются страшные раны, растворяются ожоги, и переломанные пальцы сжимаются так, будто их не ломали.

Он приоткрывает глаза и шепчет:

— Повинуюсь... моя королева.

И потом он погружается в сон, а сияние медленно гаснет в пригоршнях девочки, которая присела на край его кровати. Девочка обессиленно всхлипывает, и тогда я подхожу к ней — и она шепчет:

— Я... не смогла... до конца.

И сон мой тревожен — в нем кто-то выкрикивает сорванным девичьим голосом:

— Вы! Все! Со своим презрением, со своей честью! А он лучший, понимаете?! Лучшие вас всех!

Девичьи крики тонут в мешанине других образов: мерные вспышки огненного хлыста и ликующая толпа вокруг эшафота. Холодное, неподвижное лицо королевы, которая смотрит на человека, приговор которому только что вынесли... Одинокая слезинка сползает по щеке. В тонких пальцах извивается ветка сирени: «Вы думали о том, что мерзавцы иногда могут любить цветы?» Огонь и синь сплетаются над сиреневыми лепестками и плачущим голосом, который повторяет: «Лучший! Лучший!»

Я не могу удержать сон, и он рвется, как старая паутинка.

Обжигая мою ладонь — будто влезла и просмотрела что-то запретное, секретное... Я тороплюсь подальше от двери. Полная тем, что видела.

Я знаю, чьими глазами я только что смотрела. И кто был там, в храме Целительницы — я видела их портреты в газетах, только он не выглядел таким измождённым, а она казалась взрослее, а не испуганной девочкой или богиней. И это всё так непохоже на то, что в газетах писали, и... нужно ли рассказать об этом Аманде? Или Арделл?

Останавливаюсь и смотрю на тени в коридоре — такие надёжные, успокаивающие.

Зачем кому-то рассказывать? Это же не имеет никакого смысла, правда? Какая разница, что там было в Храме Целительницы Айлор-тэна, два года назад. Это всё никак не относится к веретенщикам, и любви Касильды Виверрент, и ко всему прочему.

Нужно скорее закрыться в комнате. Спрятаться под одеялом и волосами. Как это я могла забыть, что по этим коридорам и лестницам ходит теперь Шеннет. Если я встречу с ним взглядом... даже посмотрю на его трость — я, наверное, умру от страха. Говорят, у него такой Дар — читать, что у тебя в мыслях. И если он посмотрит, то увидит, что я...

В комнате я забиваюсь в угол кровати и укутываюсь во все одеяла сразу — но всё равно меня трясёт. Я никому не скажу. Никогда никому не скажу.

Я только тень, ваша тень, и они умеют хранить ваши тайны.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

В Ирмелей можно было попасть официально, но мы всё-таки решили не светить физиономии и не ставить подписи на пропускных пунктах у международных виров. Чем и вызвали у Фрезы бесконечное словоизвержение. Вроде бы, бывшая пиратка изрыгала что-то про внебрачных детей яприля и шнырка и интересовалась, с чего это у нас такие зелёные рожи. И я даже отвечал ей что-то развесёлое, разрываясь между тошнотой и попытками незаметно припрятать «горевестник» под скамейку.

Сквозник начал морозить, едва только погрузились на борт «поплавка». Вызывали постоянно, но не произносили в Сквозную Чашу слов вроде «срочно, важно, немедленно». Только вот у меня были некоторые сомнения, что это Гриз Арделл — потому что начальство могло связаться и с Нэйшем, а он за своим сквозником не лез. Можно было бы предположить, что со мной возжелал поговорить кто-то из вольерных, или Йолла, или её

мать, или кто угодно из пяти сотен персон, с которыми мы соединили сквозники...

Вот только крыса внутри решительно отвергала эти обнадеживающие мыслишки. Она исходила на зуд, скреблась и извивалась, и нащёптывала, что как-то уж слишком вовремя меня вызывают. Очень может быть — чтобы намекнуть, что не следует мне ходить в гости к Старому Лису с этакой компашкой. Или даже спросить: «Сорный, ты что, рехнулся? Флористан первым делом, увидев тебя, расскажет про Гильдию, а может — и про твоё задание, ну и как ты это объяснишь Даллейну?»

Из-за этих мыслей и постоянной подморозки сквозником я изъёрзался и испотелся в синеватой полутьме «поплавка». И под задумчивыми взглядами Нэйша и Даллейна фонтанировал словами:

— Вообще-то, Жаон Флористан живёт в Ирмелей-тэне, у него там слава книжного червя. Научные работы, историк, благотворитель... Время от времени посещает прихрамовые школы. С лекциями, от которых детишки вырубаются на десятой минуте. Словом, всё как любит ирмелейское общество — холостяк в строгом сюртуке, в свет выходит редко. Если кто-то и знает о его отлучках — списывают это на поездки в Эрдей, или ещё в какие места, где куча храмов. Или на научные изыскания. Вся эта чёртова прорва конференций.

Флористан даже иногда их посещал — достаточно, чтобы поддержать репутацию, но недостаточно, чтобы серьёзно примелькаться в научных кругах. Помнится, мы с ним здорово потешались над учёными мужами. Постреливая по мишеням из «воронов» или «скроггов».

— Так что будем надеяться, что он у себя в поместье. Милое место в безбожной глуши, куда ни один приличный ирмелеец не сунется. Зато под носом незарегистрированный вир. Сам дом не то чтобы большой, но артефакты по периметру выставлены очень серьёзные. Учитывая ещё обслугу — а их три человека, и все по совместительству — боевики Гильдии...

Клятый сквозник чувствительно холодил бок, а от собственного треска у меня раскалывалась голова. Даже не знаю, что я хотел им заглушить. Может, чувство подступающего прошлого: совсем недавно Эрли, теперь вот Старый Лис...

— ...Флористан в своём гнёздышке не то чтобы часто делами занимался — для посредничества предпочитал нейтральные территории или даже вовсе работал по сквознику. Эта деляночка у него была больше для укромных размышлений. Ну, и для друзей, а их, нужно сказать, у него была куча...

И от каждого Старый Лис умел получить своё. Он вообще отлично умел обаять и увлечь — словно закутывал пушистым, поседевшим от старости хвостом. Уволакивал в своё логово, хвалился своей коллекцией оружия, рассуждал на любые темы, подкидывал денег, и вы вскоре были уже его с потрохами, готовы были оказать новому другу пару небольших услуг, порекомендовать кого надо...

Или нырнуть с головой в Гильдию, будто в удушливый, помойный омут.

— Хотите — сравните с паутиной, разве что здесь мухи потом приходят снова и требуют добавки, потому что... ну, вот как-то верилось, что человек тебе добра хочет. Не могу сказать, чтобы у нас с ним было долгое знакомство — дела торговые, правда, он говорил, что я ему приглянулся... гостил вот несколько раз. Он-то как раз часто водил знакомства с не-гильдейцами — сами понимаете, по должности положено...

Старина Флористан говорил, что из меня может получиться со временем отменный «посредник» или любой другой вид «дельцов» — с моими-то связями и умением

убалтывать...

— Лучшая в мире профессия, уж ты мне поверь, — похохатывал старик. — Прямо-таки посланник Перекрестницы из сказочки. Раз — и все желания выполнены, все желания, всех сторон, да... а твои руки чисты.

Только вот заказы мне сплошь присылали — не те, где требовалась сказочка и чистые руки. Для моих нужны были острые зубы и умение проскользнуть в любую щёлку — и интересно бы знать, не Старый Лис ли давал на меня рекомендации?

Леса Ирмотиля навевали тоску. Вереск на болотных проталинах казался ветошью, по пальцам крался холодок — в Вейгорде было на ступень теплее, чем здесь. Пар изо рта лез ключьями, и ледяной сквозняк в кармане добавлял печали, так что меня изрядно колотило, пока мы добирались от лесной речушки до укрытого за холмами Логова.

Может, я знал, что мы увидим. Ещё до того, как увидел молчащее, словно сонное поместье. Наверное, даже и до того, как мы взяли курс на Ирмелей. Это так часто случается в работе законника, вырабатывается особая чуйка — и ты только выходишь на задание, а можешь с точностью предсказать, что увидишь, по одним только вводным.

Слегка припорошённый мокрым снежком сверху аккуратненький дом — возмутительно ирмелейский. Защита на ограде — но только по контуру, не «колпак» (Даллейн осведомился, все ли готовы совершить злонамеренное проникновение, не дождался ответа — и подкинул нас всех по воздуху, через защиту). Приоткрытая дверь. Выставший за ночь дом. Недочитанные книжки и початая бутылка старого доброго виски. Темные ступени, жёлтая полоска света в коридоре — из плотно занавешенного кабинета.

И удивительно мирное лицо хозяина кабинета, почти что удовлетворённое — ну, насколько можно быть удовлетворённым, когда у тебя дырка во лбу, а твои мозги забрызгали обшивку любимого кресла.

Под рукой у Жаона Флористана лежал раскрытый томик — я вытянул шею и прочитал начальные строки: «С прискорбием от одиночества бегу...» Вторая рука свесилась и в ней покоился «ворон» — черный, со зловеще длинным стволом.

Мы стояли в кабинете втроем — пялясь на нашу оборвавшуюся нить.

— Знаешь, Лайл, — послышалось над ухом, — похоже, быть твоим другом прямо-таки опасно. Они все удивительно недолго живут, ты как полагаешь?

— Точно, — шепнул я углом рта. — Ты уж, как соберёшься нас покинуть без времени, хоть заранее предупреди.

Даллейн не обращал внимания на нашу милую беседу. Коршуном нависал над мертвецом.

— Мёртв более восьми часов — возможно, с вечера... Господин Гроски, что могло быть причиной? Угрозы, возможно, провал задания...

— Рассмотрите вариант «Пуля, которую тебе кто-то пустил в башку». Подстава, конечно, сделана старательно — я такие... видел, словом. Но до совершенства далеко.

Им бы взять пару уроков у законника Лайла Гроски в его лучшие годы.

Это оказалось легко — наверное, я уже свыкся со шкуркой Истинного Сыщика. Сказать себе — перед тобой только тело. Отодвинуть Даллейна в сторонку и осматривать труп — глядеть на кончики пальцев, обхлопывать карманы домашней бархатной куртки, задирать рукава, поглядывать на пол. Вываливая попутно на окружающих:

— Гость был один, а то тут всё было бы почище. Старикан не успел понять. Прямо в лоб, за несколько шагов — у него возле раны ожога нет, а я... ну так, пару раз видел, какой

след остаётся при стрельбе из оружия Пустошей в упор. Его откинуло на кресло, и он из него свесился, завалился на бок. Тут на полу след. Гость выправил тело — поза не устраивала, нужно было красиво — одна рука на книжку... Хотя при таком оружии — если бы он решил себе стрелнуть в лоб, ему пришлось бы держать «ворона» двумя руками. Старик всё же, как ни крути. Да, и оружие ему вложили потом в правую руку.

— В правую руку, — повторил Даллейн. Я кивнул, пошевелил пальцами правой руки. Маги Дара стараются не использовать правую руку для оружия — помимо магии. Случаются, конечно, и оболтусы, и исключения — но Флористан продолжал упорно стрелять с левой, несмотря на искалеченную Печать.

И не знать об этом мог, к примеру, тот, у кого вовсе нет Печати. И кто отлично умеет стрелять из оружия Пустошей. Кто никак не смог бы убить Старого Лиса другим способом — яд не считается, старикан кучу противоядий держал.

— Гегемония Равных, — подытожил Даллейн. — Но как же защита над оградой? И где слуги?

— Думаю, слуги обнаружили труп хозяина, посчитали это самоубийством и свалили, чтобы не попасть на глаза законникам Ирмелея — рано или поздно те сюда заявятся. Они и поставили защиту, уходя.

Или же слуги были в курсе, удостоверились в смерти хозяина, отчитались Гильдии и ушли — но тогда убийство было с согласия крупных шишек Гильдии. План неплох, если вдуматься. Ограда под защитой, трагическое самоубийство хозяина. Едва ли станут расследовать — а если и станут, сколько в Ирмелее законников знакомо с оружием Пустошей?

— ...но тогда вопрос — почему. Может, догадался о чём-то или отказался доигрывать до конца. В общем, начал представлять опасность. В таком случае — он мог бы оставить знак. Да и вообще, тут могут остаться какие-нибудь бумаги. Так что я бы на вашем месте пошерстил дом на предмет тайников, да ещё поковырялся бы в камине внизу — вдруг слуги чего жгли. Нэйш — а ты глянул бы двор и пристройки, вдруг что найдётся.

Наверное, их сбил с толку мой самоуверенный вид — будто я что-то знаю. Расторопный Помощник и Длинноногая Секретарша тут же отправились рыть.

Они были недалеко от истины — кое-что я знал. Например, что тип, который вышиб мозги Старому Лису, был в этом доме не впервые. Что он ходил по этим комнатам, сидел в креслах у каминов. Что старикан звал его «сынком» — как всех, кого думал утащить в свои сети. Как когда-то меня.

«На тебя вся надежда, сынком».

Пришлось оглянуться через плечо и убедиться, что Старый Лис упокоился с дыркой во лбу. Голос слышался прямо как наяву — только принадлежал не покойнику, а памяти.

«Сам ведь понимаешь, тут он прибрался. Я к себе дураков не приближал, и тот, кто меня положил, дураком не был. Ну как, отыщешь что-нибудь в Лисьем Логове?»

Я ступал по пушистым даматским коврам, заходил в памятные комнаты — где были резные бары, статуэтки обнажённых девиц, шкуры медведей и альфинов. А рядом со мной ступал Старый Лис — бодрый и подтянутый призрак памяти.

«А что, собственно, ты хотел у меня спросить, сынком? Что меня заставило ввязаться в эту историю посредником? Ах да, я вроде как ушёл на покой... только я же всегда был тщеславен и не скрывал, а? И если уж началась Большая Игра... а она же началась, ты понимаешь? Так что не только деньги, но и возможность поучаствовать в кое-чём»

забавном. К примеру, обставить Шеннета-Хромца, как тебе такое?»

Больше всего было лисиц. Чучела и шкуры, на картинах, в статуэтках, только хвосты... Обычные рыжие и черно-бурые, исчезнувшие белые и огнистые. Лисье Логово, ты же был в восторге от него, Гроски. Теперь-то тебе что не нравится?

«Сынок, да ты, никак, насчёт Гильдии... Ну, раз уж так — неужто ты не знал, с кем тогда связался, а?»

Ну, конечно, знал. С кем-то вроде Эрли. С кем-то вроде меня самого. Или кого угодно из тех, с кем мне приходилось иметь дело — и до Рифов, и после них.

«И какого ж вира ты решил, что отличной идеей будет послушать сводника Гильдии и в Гильдию вступить?»

Потому что это казалось таким простым. Мне всегда было просто идти за теми, кто сильнее. Кто прокладывает путь. Крысы бегут за вожаками, а? Да и к тому же я был без денег, устал бегать по разовым шабашкам, а ещё я размяк от тепла — даже крысам иногда нужно согреться...

Голос памяти смущённо прокашлялся, подбирая вопрос, потом задал глобальный: *«Какого черта, Гроски?»*

Тут полагалось отвечать долго. Возможно, даже зайти в отчаянном визге: «Да не знаю я, какого чёрта, да просто я трус и ничтожество, просто Эрли был прав, и я всегда был крысой, и не умею я выгребать против течения, а ты помер — ну и не встравай, понимаю я, что не ты в этом виноват, а если уж искать виноватых...»

Я встретил свой красноречивый взгляд в зеркале, в коридоре. Отвернулся, толкнул дубовую дверь.

В этой каминной Флористан хранил игрушки с Пустошей. Нелепые «грифоны» и тяжеленные «филины». «Вороны», «коршуны» и вир знает, что ещё — он эту коллекцию лет двадцать собирал, все стены увешаны образчиками пустошного искусства. Полированные деревянные рукоятки, затворы и дула, тряпицы с маслом, и к ним — задумчивая усмешка: «Соседи идут вперёд быстро, очень быстро... Меньше сотни лет — а как развернулись, смотри-ка ты. Ну, и кто будет говорить, что будущее за магией?»

На столике — полупустой стакан и несколько книг: свод ирмелейских законов, атлас, том стихов и что-то по истории Пустошей. Призрак Старого Лиса похмыкивал, когда я скользил пальцами по обложкам. «Помнишь, сынок?»

Как не помнить, ты же мне и рассказывал, что лет девяносто назад один ирмелейский магнат (и по совместительству — «пустой элемент») возомнил, что отсутствие магии — благо, а не недостаток. Откупил порядочный кусок земли в Ничейных Землях и основал колонию, в которую принялся приглашать только «пустых элементов». Со временем колония отгородилась от внешнего мира, провозгласила себя государством — Братство Равных, потом Гегемония Равных... а потом пустошники и вовсе перестали к себе пускать тех, у кого есть Печать. Вир теперь знает, что у них там творится.

Только вот я к тебе не за историями про Пустоши, Старый Лис. Понимаешь ли, при обыске я не обнаружил на тебе кое-какой маленькой детали. О которой житель Пустоши мог бы даже и забыть — и я бы тоже забыл, с удовольствием, только вот эта клятая деталь мне сейчас карман насквозь проморозит.

На трупе не было сквозника. Может и был когда-то, но его забрали. Только вот Флористан заслужил своё прозвище не зря: у него было несколько артефактов связи. Один он вечно таскал в карманах — на случай связи с «безопасными контактами». Второй, куда

более мощный сквозник должен быть где-то в Водной Чаше — и её-то мне и нужно, только вот во всех комнатах, куда я заглядывал, ничего подобного нет.

Кресло двигали, статуэтки на каминной полке переставляли, кое-какое оружие висит кривовато. Пустошник додумался до того же, что и я: больше всего старина Флористан любил эту комнату, часто в ней вечерами один посиживал, стало быть, Чаша тут...

Просто убийце не хватило времени, а может, сообразительности. Посмотрим, как с этим делом у меня.

Не в стенах, нет, и сложного тайника не будет: Чаша должна быть под рукой. Значит, ещё и открывается просто. И я не могу себе вообразить, чтобы Флористан таскал тяжёлую, наполненную водой Чашу туда-сюда к креслу — а наверняка он сидел где-нибудь в одном из этих уютных, массивных креслиц, когда беседовал с клиентами. Я уселся на кресло хозяина. Камин, столик, оружие перед глазами. Вряд ли Старый Лис стал бы размещать рычаг среди любимой коллекции. Пушистый ковёр... нет, пол вряд ли.

Остаётся пузатая бочечка под книжной полкой. Изрядная бочка на колёсиках, в которой скрывается бар. Дверка приоткрыта — я распахнул её и удостоверился, что бутылок внутри с годами не поуменьшилось. И вкусы у Старого Лиса остались прежними... Только вот зачем бару колёсики, если вдуматься?

А перемещается бочка для такой заполненной штуки слишком легко и следов по ковру не оставляет. Какой-то воздушный артефакт на днище — чтобы хозяину было просто катить штуковину туда-сюда. Так и сидел вечерами: в руках какой-нибудь пугач с Пустошей, рядом — бар, на столике — налитый на четверть стакан виски...

Рычагов или артефактов контроля маскировки на бочке или внутри неё не обнаружилось. В духе старины Флористана — разметить открывающий артефакт где-то в стороне.

К примеру, в чучеле белой лисы, которое скалится из угла. Или на столике с неординарной коллекцией книг. Сборничек стихов — не просто сборничек. «Поэма о Белом Лисе» — писана Тадэо Стимфереллом, предком Хромца. И на обложке — изображение лисицы, обвившей хвостом клинок.

А книга о Пустошах написана Нерейсом Хоррелом — тем самым магнатом, который стал основателем Братства Равных. Старинное издание, явно подарок.

В атласе закладка на особой карте — трюфельной карте Кайетты.

Но покоя мне не даёт другая книга. Книга, которую я видел годы назад на этом же столике, но раньше не задавался вопросом — зачем в этом доме Флористану свод законов Ирмелея? Да ещё такого вида, будто он их тут читает?

Я распахнул книгу — механизм был внутри. Стрелки-ключики и четыре значка: рыжая лиса бежит, белая — плещется в воде, чёрная — выглядывает из норы, огненная накрылась хвостом.

Обе стрелки указывали на огненную.

— Посмотрим, что у нас с водичкой, — пробормотал я, передвигая обе стрелки на белую лису.

Верхнее дно бочки плавно убралось вбок. Водная Чаша была плоской — и вмурованной прямо в бар, с самого верха, так что и не заметить разницу.

В воде, невинно поблёскивая, расположился сквозник.

— Боженьки, — выдохнул я, прибирая его в карман. — Это ж надо было так заморочиться.

Призрак Флористана похихикал откуда-то из-за плеч и завернул что-то про обычаи лисиц. Но я не слушал. Оглянулся, прислушался — никого? Потянул из кармана другой сквозник — свой собственный, ледяной и наливающийся синим из-за долгого вызова.

Воды Чаши невинно булькнули, принимая новый груз. Всколыхнулись и пропустили будто бы обрывок разговора:

— ...продать товар первого сорта...

Потом насмешливо зашипели — что, большего ждал? Улеглись.

Не было ничего — ни лица связного, ни хоть чьего-нибудь голоса.

Ничего и не было нужно.

Я знал этот сигнал — особый сигнал Гильдии. Похожий на случайный обрыв связи или ошибку работы сквозника. «Товар первого сорта» — глава конторы, куда тебя внедряют. Любое слово вместе с этим сочетанием — приказ убрать.

Гильдия повышала ставки для своей «крысы».

Гильдия приказывала убить Гриз Арделл.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— Сон пошёл вам на пользу, но Аманда говорит, что вставать пока ещё рано. И в любом случае, вам пока нельзя покидать комнату. Это небезопасно, да и мы ещё не придумали, как обставить ваше пробуждение.

Касильда Виверрент полусидит на васильково-синих подушках. Улыбается — уже не такая мраморно-белая, но всё ещё похожая на принцессу из сказки.

— Скажем, господин Шеннетский демонстративно отбывает из замка. А через несколько часов к чёрному входу тайно прибывает некто, закутанный в чёрный плащ. Высокий и статный... возможно, ваш устраниватель не откажется сыграть эту роль. Пятнадцать минут — и он таинственно исчезает. Всё будет выглядеть так, словно вы всё-таки нашли способ... узнали имя.

«Лучшего из людей», — невольно отдаётся внутри Гриз, и та спешит уделить внимание розам. Розы тащат служанки к комнате госпожи: «Она любит цветы». Приходится заносить внутрь, расставлять по вазам, проверять — нет ли в букетах веретенчиков или на листьях — опасной бирюзовой пыли.

— При дворе много статных и красивых, — Касильда ласкает белые лепестки, — и мне приписывают романы с многими из них. Не удивляйтесь, за годы своего брака я привыкла...

«Быть в сюжете», — а вот теперь это голос Эвальда Шеннетского, и Гриз отмахивается от голоса простым «лгать».

— Я должна перед вами извиниться. За то, что я не назвала его сразу. Простите, что подвергла вас этому испытанию — я была в вас уверена, но Эв...

«Эв», — произносит она мягко, будто целуя самое имя. Разительная противоположность с холодным, брезгливым «мой муж» раньше.

— Понимаю. У господина Шеннетского свои пути.

— Он разве не просил вас звать его по имени? — смех у неё — печальная флейта. — Должен был. Мы с ним часто о вас разговаривали, и знаете... он восхищается вами.

— Часто разговаривали? — сколько же всё-таки времени за ней следят?

Касильда понимает вопрос иначе.

— Когда удаётся поговорить. Он здесь не так часто — дела государственные, —

(«клятые бумаги, секретные донесения и заговоры», — уточняет голос Шеннета в памяти). — Но он старается выбираться... насколько может.

Белая роза в её пальцах. Касильду Виверрент всё же тяготит это. Ежедневное, вьёвшееся в кожу, отравившее кровь притворство. Когда не можешь улыбнуться даже мужу в присутствии слуг.

— Мой муж — великий человек, Гриз. И я считаю — за то, чтобы быть возле него... как угодно... цена невелика.

Глаза у Касильды обращаются в синие звёзды — из-за сияния слёз.

— У вас когда-нибудь... вы когда-нибудь думали, что всё могло быть иначе? Совсем иначе? Знаете, вскоре после смерти моего первого мужа Эв начал ухаживать за мной. И как-то раз сделал мне предложение. Сказал, что откажется от всего — должности, своих связей при дворе. Целей. Если только я выйду за него. Предложил даже уехать в отдалённый замок. Всё, что угодно. Если бы я тогда...

«... если бы только я согласилась...» — рвущий душу припев из прошлого. Гобелен, тканый из липкой паутины памяти: девушка в свадебном платье и темноволосый вельможа, Гриз понимает, что нужно дышать, нужно поднять и укрепить стены, иначе воспоминания, замурованные в подвалах памяти, выползут и задушат, разорвут душу на части.

— Целительница Премилосердная, мне не следовало... простите, я позволила себе лишнее, я ведь знаю о той истории с Этельмаром Сотторном...

Роза отлетает в сторону, и Касильда Виверрент собирается лететь за ней — наверное, чтобы принести Гриз Арделл воды.

— Не извиняйтесь, это всё в прошлом, — нужно сплетать, увести от опасной темы, но это выше сил Гриз: — Вы думаете, что если бы согласились тогда — сейчас были бы счастливы?

— Может быть. Иногда мне кажется: вдруг я смогла бы его рассмотреть... узнать раньше. Понять. И мы просто жили бы... и дети...

Закрывает глаза и давит, давит судорогу боли на лице. Запирает в стенах своей крепости. Гриз не спрашивает ничего. Если даже жена Хромца — его слабость и находится в огромной опасности, то ребёнок...

— А потом я думаю, что сейчас Айлор был бы иным, — говорит Касильда окрепшим голосом. — До сих пор бы правил Даггерн Шутник. И то, как я относилась к Эву тогда... не знаю, смогла ли бы я изменить своё мнение. Я цеплялась за свои заблуждения так упорно — считала любое слово ложью, выискивала двойное дно. Даже несмотря на его благородство во время нашего брака.

Ей нужно об этом поговорить, — понимает Гриз. Хоть с кем-нибудь, потому что когда ты не переносишь ложь, а тебе приходится лгать так долго — рано или поздно чаша переполняется.

— Я прозрела только перед Правой Ночью. У нас была последняя встреча в тюрьме, но мне нужно было играть роль, которую мы определили. Ведь я же, получается, наконец добилась своего, когда подвела его под суд. И я не смогла сказать. Потом была *Та Ночь*. Арианте... королеве пришлось смотреть. Я, к счастью, могла прикрыться вуалью. Но не закрыть уши.

Какое-то время она молчит. Пытается сбежать из ночной, пропитанной криками памяти.

— Несколько дней после исцеления он лежал — лёгкая лихорадка, бывает, если

целителю пришлось проделать большую работу. Я наконец-то могла быть рядом с ним — это был долг жены: навещать, читать, сидеть у его изголовья. Тогда я и поняла. В те дни осознала, что буду с ним, пусть и придётся продолжить обман. Пусть даже обман теперь станет во сто крат тяжелее.

На бледных щеках проступает румянец — словно к ним прилипли два розовых лепестка.

— Знаете, что он сказал мне сразу же после того, как встал на ноги? Что теперь я могу просить у королевы расторжения брака. Выполнил обещание, которое дал ещё до нашей свадьбы... Эв сказал, что я могу быть свободной и выйти замуж за того, кого я люблю. Только вот я уже...

Касильда Виверрент прикрывает глаза и улыбается, баюкая дорогой момент в памяти, словно розу в ладонях.

Сколько у них было таких вот моментов? — думает Гриз и тихонько отходит к двери — не хочет спугнуть счастливую память. Сколько было разговоров без лжи? Взглядов — вне игр и сюжетов? Встреч, пожатий ладоней, поцелуев... Правая Ночь была два года назад. Преступно недостаточно — во всяком случае для Касильды. Что же касается её мужа...

— Вы говорили с ним, Гриз. Я знаю, что он мог вам предложить. И прошу вас согласиться.

Голос у хозяйки Цветочного Дворца совсем тихий.

— Молва много лжёт о моём муже... хотя методы его и впрямь безгрешны. Но я видела его настоящим. И если... варги ведь во многом полагаются на внутреннее чутьё, так? Если вы не верите ему — поверьте мне.

Касильда Виверрент наклоняется вперёд и словно распахивается, предлагая себя — на ладони: глаза в глаза. Бледно-жемчужная роза с ароматом вечной печали.

— Мой муж не лжёт в том, что Кайетте угрожает опасность. И не лукавит, когда говорит, что ваши цели совпадают.

— Я знаю, — как можно мягче отвечает Гриз.

— Пожалуйста, не отказывайтесь от его покровительства. И пообещайте хотя бы подумать об этом.

Гриз обещает подумать. Тихо покидает комнату, в которой поселилась память — сладко-горькая: об обмане и благородстве, о презрении и прозрении. О прекрасной женщине у постели больного и о его деланно бодрой улыбке: «Королева даёт разрешение на расторжение брака. Так что теперь вы можете наконец быть свободны и выйти замуж за человека, которого любите». О решительном ответном шёпоте: «Не думаю, что это возможно. Видите ли, я уже замужем за этим человеком».

В соседней комнате живёт совсем другая память.

Тяжкая, зловонная, пропитанная криками горевестников.

Выстывший дом, из которого вынули сердце. Иступлённое горе на лице матери. Шёпот когда-то красивого Мечника, который умирает, захлёбываясь гноем и шёпотом: «Сделаю всё, всё, всё...»

Служанок из комнаты пришлось удалить, чтобы не проведали о выздоровлении госпожи. Теперь здесь властвует Аманда: котёл в камине, котёл над нагревающим артефактом, маленький котелок — на столе. И охапки трав, пробирки и перегонные кубы, крысиные хвосты и высушенная земляника, толчёные драгоценные камни и букеты цветов.

Три веретенщика разной ступени исследования — в банке, на доске и один уже по частям. Четвёртого нет — впрочем, Аманда могла его и целиком сварить.

— Укрепляющее, — кивает нойя от края стола. Не отрываясь от котелка, в котором варится разновидность проявляющего зелья. — Ей и тебе. Сколько твои красивые глазки не видели сна?

Гриз отмахивается — заснёшь тут... Делает глоток укрепляющего — шипучие пузырьки весело покалывают в носу.

— По веретенщикам или по этой пыли есть что-нибудь?

— Совсем немного, медовая, да... тут долгая песня, на много ночей. Пока смотрю взаимодействие их яда с разными веществами — хочу понять, почему пробуждает поцелуй и как пробудить иначе. Но они упрямятся, — травница игриво шлёпает ближайшую ящерку по хвосту. — Совсем-совсем не хотят помочь. Очень искусная магия, хорошая загадка! С этой пылью проще. Это не растение — здесь что-то вместе: наука, и магия, и мощная энергия артефактов. Будто бы кто-то стёр несколько веретенщиков в пыль — или их шкуру, или железы. Теперь каждый, на ком эта пыль, — для них нарушитель территории и враг.

— А что по яду, которым отравили Нокторна?

— Сейчас буду над ним петь.

Гриз усаживается в угол, чтобы не мешать. Нойя подхватывает полированную палочку для помешивания и отправляется к тому котлу, варево в котором начинает темнеть. Роняет в котёл из пузырька несколько мутных капель — яд, который она выделила из крови и слюны больного. И орудует мешалкой, вглядывается в дым и разноцветные узоры в котле, по временам помогая себе магией Травника с Печати.

Потом заводит медленную и задумчивую песню на языке нойя, и кажется — это зелье обрастает словами, пар облекается в мелодию.

О чём споёт мне тот цветок, который подарил ты?

О страсти розы говорят, стыдливость — маргаритки,

Влюблённость — белая сирень, а грусть — нарцисс пахучий,

Но твой цветок — что скрыто в нём? Уверенность иль случай?

В песне перевиваются стебли, летят лепестки, и ароматы обвиваются друг вокруг друга. Гвоздики и гиацинты, яблоневый цвет и дурман, ирисы и колокольчики — и каждый говорит что-то, и только невиданный цветок, который юноша-Травник вырастил для своей возлюбленной, хранит свои секреты.

Невинность лилии ли в нём? Иль торжество левкоя?

Послание в свой летний дар, скажи, вложил какое?

Жасмин шепнёт о встрече в ночь, о поцелуях сладких,

А твой цветок — как тень, как ты — он весь одна загадка...

Песня переходит в дым, цветы в ней — в цветные разводы зелья. Аманда хмурится над котлом, читая знаки, которые дано разбирать не каждому.

— Это «саято-чэлле», «цветочная загадка», сладенькая. Мастерницы Лейры Ядовитого жала творят такие яды — в память об одной королеве нойя, великой Травнице. Та королева, чтобы отомстить неверному любимому, создала яд мести. «Отыщи цветок, — вот что сказала королева, когда уже напоила неверного ядом, — отыщи мой любимый цветок — и его сок сотворит из яда противоядие». Когда же неверный спросил — какой цветок у неё любимый, Травница засмеялась и ушла. А тот её неверный ещё год умирал мучительно, среди охапок цветов. Но цветов в Кайетте так много, особенно для умелых Травников...

Стынут угли в камине — покрываюся то ли инеем, то ли сединой от сказки нойя.

— «Цветочная загадка» — небыстрый яд. И у него много видов. Иные убивают быстрее,

иные — медленнее. Некоторые обезображивают, другие — парализуют. Но ни один из них нельзя отменить обычным противоядием — можно лишь протянуть время. Должна быть разгадка — цветок, который мастерица отдала заказчику при продаже.

Гриз слишком уж не хочет задавать вопрос — и потому Аманда даёт ответ сразу же.

— Да. Он будет знать. А кроме него — лишь Травник, который сотворил яд, а я здесь бессильна.

Эвальд Шеннетский просто не мог не оставить себе путь отхода. Даже если дело касается Йеллта Нокторна.

— Попроси её, — кивает Аманда на дверь. — Её он любит, а она тебе не откажет. Пусть спросит его о цветке — раз ты хочешь сохранить жизнь дурачку-Нокторну!

Это кажется лёгким — повернуться и войти вновь в комнату, уставленную розами. Рассказать, чем захворал Йеллт Нокторн, которого Хромой Министр вызвал на дуэль. И просить у причины этой дуэли — чтобы она возвала к милости своего мужа.

— Ты не хочешь почему-то, сахарная моя? Но тогда ведь тебе остаётся один путь — к Арианте Целительнице, королеве, исполненной милосердия. Хромец связан с ней тяжким обетом, и если она прикажет, подчинится, да-да-да, но ты же понимаешь...

Да. Нельзя афишировать своё присутствие в Айлоре, взывая к самой королеве. Нельзя выступать против могущественного министра с обвинениями — особенно если в будущем придётся брать его в союзники.

— *Карменниэ?*

Аманда держит палку-мешалку наперевес, а смотрит встревоженно.

— Я знаю такое молчание. Ты задумала что-то иное. Нашла путь, к которому не хотела прибегать, а теперь решила по нему пойти. Скажи — ты и впрямь знаешь способ спасти этого осла в человеческом облике — так, чтобы это не навредило тебе?

Гриз Арделл молчит миг, два мига. Перед тем, как ответить во второй раз за день:

— Да. Я знаю.

Нойя провожает её переливистым, полным сомнения хмыканьем. Гриз не твечает: выскальзывает в коридор, где притаилась новая тысяча дел. Посмотреть, что там у Мел и Яниста с их охотой, спросить слуг о новых случаях, отыскать Хаату...

— Трудный день, аталия?

Холодок пробегает от шеи к пальцам — эхом ночных касаний, хорошо памятных. День тут же становится ещё труднее. Впрочем — разве бывают у крепости другие дни?

— Ты не предупредил, что вы возвращаетесь.

— Моя оплошность.

Он приближается крадкой походкой расслабленного хищника. Второй человек после Касильды Виверрент, который ухитряется естественно смотреться в здешних интерьерах.

— Коротко и без твоих обычных извращений — что-то нашли?

— Лабораторию в землях Шеннетена. Пустую и с недружелюбными наёмникам на охране. Защита артефактом через кровавую жертву, оружие Пустошей. Не менее сотни сожжённых тел и выбраковка веретенщиков — навскидку, дюжин шесть...

Слова норвят стрелами перелететь стены. Посеять в крепости панику.

Лаборатория в Шеннетене. Оружие Пустошей. Посредник из Гильдии, который был убит этим же оружием. Сотни жертв только испытаний...

— Лайл в порядке?

— Если ты имеешь в виду — не ранен ли он, то он вполне здоров. Если это о твоей

милой просьбе за ним присмотреть — во время нашей небольшой охоты он был весьма эффективен. Правда, лабораторию мы обнаружили покинутой, а посредник Гильдии был мёртв. Но всё-таки Лайл обеспечил нашей миссии весь успех, какой смог.

Нэйш идёт, отставая от неё на шаг — на боевых такое может считаться прикрытием, а просто так в коридоре — раздражает.

— Впрочем, это ведь не показатель, не так ли. И я не могу поручиться, что Лайл не скрыл чего-нибудь: я не обыскивал его и не подвергал... другим воздействиям. Конечно, я мог бы...

— Пытать моих сотрудников ты не будешь.

— Тогда нам остаётся надеяться на честность Лайла Гроски. Он, к слову, собирался искать тебя. Для отчёта. Нет сомнений, что ваш с ним разговор будет предельно откровенным. У тебя же нет причин ему не доверять? Да?

Гриз слишком ясно видит устранителя — даже когда он в шаге за её спиной. Сюртук из таллеи перекинут через руку, рукава белой рубахи чуть закатаны. Приглаженные светлые волосы, чуть приподнятые брови, абсолютная невинность на лице — которая так и сочится намёками на обвинения Тербенно, Триграничье, Эрлина Трои...

Потому она разворачивается и смотрит Нэйшу в глаза.

— Не доверять тебе у меня куда больше причин. Я поговорю с Лайлом. Тебе нужен отдых, или можешь заняться делом по специальности?

— Всегда в твоём распоряжении, аталия.

Нэйш подчёркнуто вежлив и деловит. Даже когда они входят в оранжерею. Даже когда Мел встречает их рыком: «Грифона селезёнки, на кой ты этого приволокла?!»

А в оленьем взгляде Яниста Олкеста — просьба забрать его куда-нибудь уже.

— Мы не можем отыскать двух последних, — шепотом сообщает он, пока Мел брызжет ядом в сторону Нэйша. — Мел опасается, что они покинули территорию.

— П-п-падлы вонючие, как те, кто их выводил, Мясник, нашли этих мразей?!

— Боюсь, что касается прямого заказчика — мы в тупике. *Мелони*. Но мы ведь можем присоединить к нашей информации то, что отыскал господин Олкест, не так ли.

Господин Олкест поглядывает на Гриз с тревогой:

— Как здоровье госпожи Виверрент?

— Пока нам удалось потянуть время, — Прости, Рыцарь Морковка, но сердечная склонность Касильды Виверрент — слишком опасная тайна. — И мы узнали кое-что новое. Думаю, мы сможем отыскать нужного человека.

— Хорот Эвклинг? — Олкест наклоняется поближе и шепчет: — Я тут подумал, — ведь если кого-то и можно назвать «лучшим из людей» — то разве что его. Безупречная репутация... благотворитель... и один из самых благородных клинков нашего времени.

Гриз прижимает палец к губам, качает головой — не моя тайна. И во взгляде Олкеста тревога мешается с досадой... с чем ещё и почему это так важно?

— ...так что если ты не против моей компании — почему бы и не устроить небольшой обмен парами.

В бирюзе глаз теперь — лишь изумление. Олкест тоже вспомнил, что они не одни в оранжерее.

Мел в пяти шагах от них закатывает глаза, Нэйш усмехается.

— Продолжайте, не хотел вас прерывать. Просто небольшая беседа о преимуществе разных партнёров... на охоте. Если Мел подустала от общества господина Олкеста — мы

могли бы устроить маленькую рокировку.

— А и точно, — вдруг выбрасывает Мел через зубы. — Принцесска, подь сюды!

Хватает Яниста за рукав и волочёт к Нэйшу, будто ягнёнка на закланье.

— Ты у нас умеешь убалтывать чокнутых сплениц, вот тебе твой лучший экземпляр. А мы пока как нормальные люди переговорим.

И так же решительно уволакивает Гриз подальше, к зарослям анемонов. Поясняя по пути:

— Ты ж не любишь, когда я в эту мразь ножи кидаю.

Волосы у Мел разлохмачены, глаза и нос покраснели, и налицо перенапряжение Дара — она морщится и разминает правую ладонь.

— Выдержишь? — с тревогой спрашивает Гриз и нарываяется на обычное фыркание: «Я тебе не Плакса».

— С Касильдой порешали? — своего чутья Мел не утратила. — Сколько у нас ещё времени?

— Желательно бы успеть за сутки — дальше опасно. Судя по всему — дело крайне...

— Ну. Живодёр обрисовал масштаб, — Мел хмурится и трёт шрам на щеке. — С лабораториями и этой чертовщиной пусть разбирается сама Виверрент, её королева и кто угодно. Меня эта пыль волнует. Слуг проверили?

Серые глаза ловят её кивок. Мел вполголоса ругается, покосившись на своего наречённого.

— Кто-то из нас, ч-чёрт же. Мог ещё и припрятать одну из этих тварей. Раз он знает, как с ними управляться. Делать что?

— Прочёсывать территорию дальше. Попытайтесь обнаружить двух последних веретенщиков. И Мел...

Мел перехватывает её взгляд на Нэйша и Яниста. Устранитель оживлённо о чём-то повествует, Олжест смотрит на него исподлобья, закусив губу.

— Нашла, о ком волноваться. Не прикончим мы его — эту тварь ещё попробуй прикончи.

Гриз не пытается спорить или обозначать — о ком она волнуется.

— Шеннета, Касильду и нашего диверсанта я возьму на себя. Вопросы?

Иногда разговаривать со Следопытом — всё равно что разговаривать с нойя. Мел пару мигов молчит, потирая шрам. Потом фыркает:

— Самый простой. Ты ведь уже знаешь, кто это и что с ним делать?

— Да, — говорит Гриз в третий раз. — Я знаю.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Понимаешь, Гриз, тебя вроде как убить собираются. Только не перебивай, ладно? Так вот, тебя хотят убить те, кто стоит за всей этой историей с веретенщиками. Почему сейчас? Вот уж понятия не имею, что ты такого вытворила, пока я разыгрывал сыщика — но что-то вытворила, это уж точно. Эти твари встревожились и отдали прямой приказ по каналам Гильдии... ты же догадалась, кому, да? Выходит, Крысолов не всегда несёт полную дичь — насчёт моей персоны он оказался прав. Я правда из гильдейских, получил заказ насчет одного задания... в общем, не суть важно. Важно — что они отдали приказ, который я не собираюсь выполнять. Почему? Ну-у-у, есть куча причин, например, моя мучительная смерть от рук Мел, или Аманды, или Нэйша, или Фрезы — Боженки, да они соревнование устроят, кто первым до меня доберётся. Ты бы на кого поставила? Я бы на Аманду, исключительно от большой к ней моей симпатии. Да... и ещё я вроде как не по этому делу — то есть, мне приходилось, конечно, но... в Гильдии я старался обойтись без этого, и я не так давно уже... кое-кого, кто был для меня... Что? Нет, мне не нужно помогать, вир побери, кто тут кого вообще спасает?! Просто будь настороже, ладно? И не удивляйся, когда я пропаду после этой истории. Мне, знаешь ли, придётся побегать пару месяцев, ну или лет. Смыться куда-нибудь подальше, где Гильдия не достанет, сменить имя, зажечь иначе... подумываю, кстати, открыть трактир где-нибудь в глухомани. В общем, я непременно как-нибудь пришлю тебе открытку, ладно?

Гриз улыбнулась понимающе и кивнула.

Воображаемые собеседники всегда чертовски покладисты.

Я брёл по коридорам дворца неспешно: нужно поберечь силы, скоро в бега. Гриз Арделл у меня в воображении была просто чудо как мила. Даже верила, что у меня и впрямь хватит хитрости и скорости сбежать от Гильдии.

Тварь, которая металась и билась внутри меня, в это не верила ни на грош.

Нужно спетлять, — нашёптывала серая тварь. Слушай меня, слушай. «Горевестник» с Пустошей ты припрятал в «поплавке», это да. А коробочка с «пыльцой фей» — с собой. Как эта дрянь сработала на Касильду? Нэйш сказал — на туфли... вот и ты просыпь немного на сапоги варгине. Мы вывернемся, вывернемся...

Панический шёпот изнутри словно бился о ледяную корку.

— Где госпожа Арделл?

— Она у себя в комнате или вскоре будет там, господин. Указать вам путь или провести?

— Не нужно, знаю.

Слуги тут просто сверхсведомлённые всё-таки.

Зачем напрямик, — шептала исколоченная, изрезанная, но чертовски живучая тварь. Зачем тебе говорить — ну, напиши ты ей письмо, предупреди иначе. Давай сбежим, просто сбежим, у нас ведь тогда появляется фора, может, сразу искать и не будут...

Я кивал и успокаивал тварь как мог, и обещал, что непременно сбежим, обязательно. Только вот у нас тут есть ещё одно небольшое дельце.

В комнате, которую Арделл отвели, её не было. Сама комната выглядела так, будто

начальство сюда заглянуло пару раз, не больше. Покрывало смято совсем чуть-чуть — будто кто-то прилёт на четверть часа, потом вскочил и понёсся по тысяче, тысяче дел.

— Скоро будет, так они сказали, — пробормотал я, нашёл глазами кресло и садиться расхотел.

Мелкая ящерка была там — среди подушечек, в складках темно-зелёного бархата. Выставила головёнку и настороженно следила за гостем. Радужная тварь с мёртвыми глазками.

Вир побери, с дюжину раз могла уже кинуться!

Шарахнулся к двери, выставя перед собой правую ладонь. Веретенщик лениво закопался обратно в подушки. То ли с крысами не связывался из принципа, то ли лелеял далеко идущие планы. Может, просто был малость подморожен, пережрал или получил заряд магии — что я-то о них знаю?

Что это твой шанс, — хихикала и потирала лапки крыса внутри. Просто выйди и ступай к себе в комнату. Ты ничего не видел. Оно само как-нибудь. Или можешь всё-таки просыпать тут малость бирюзовой пыли — чтобы с гарантией. Потом останется только Янист — чтобы не поцеловал. Подождать, пока Гриз уснёт, вызвать парня, осыпать пылью, затолкать в комнату к веретенщику... А потом честно закажешь по нему несколько хороших служб в храмах Единого. И будешь мучаться совестью год-другой. Здорово же?

Я улыбнулся разноцветному малышу в кресле. Шансу, который наконец-то подарила мне ушибленная, вечно ненавидящая меня судьба. Прямо как злая мачеха, которая расщедрилась на подарочек нелюбимому пасынку хоть в один Хороводный день.

Холодная волна из груди выплеснулась через ладонь. Обратив кресло в мебель из ледяных чертогов Снежной Девы Дайры.

Крыса жирно охнула внутри. Взвыла дурным голосом: «Что ты сделал, что ты сделал, что ты сде...»

Сорвал собственное задание, — растолковал я ей, а может, себе. Это же то, чем мы занимаемся, а? Срываем задания. Ну так вот, я тут всем крысам крыса: не каждый грызун обратит в труху гильдейский контракт.

Веретенщика нужно было проверить, так что я взял кочергу от камина и наперевес с ней двинулся к креслу. Оглядываясь на каждом шагу — не летит ли с потолка или с каминной полки дядя или бабушка покойного.

Заиндевшее кресло дождалось меня, как жёнушка моряка из рейда. Веретенщик тоже не возражал, когда я потыкал его кочергой. Ящерка была дохлой, будто старина Флористан. Да ещё примерно столько же времени.

Когда я выгреб веретенщика из-под подушек, в спине у него обнаружилась внушительная прореха от клинка. Заштопанная тонкими нитками — а внутри поблёскивал какой-то артефакт. Надо думать, что-то вроде тех изделий Мастерграда, которые заставляют серебряных птиц махать крыльями и петь.

— Что за...

— А, господин Гроски, — прилетело из-за спины, я обернулся и увидел возле двери невысокую фигуру с тросточкой. — Так значит, вы не собираетесь убивать Гриз Арделл?

* * *

В книгах о великих сыщиках встреча с закулисным злодеем обыгрывается как-то иначе.

Шеннет отчаянно не походил на злого гения — скорее уж, на стряпчего в мелкой конторе.

А во мне было маловато от великого сыщика. Особенно не вписывались кочерга и дохлый веретенщик.

— Я так понимаю, Гриз сюда придёт нескоро, — потряс давно почившей ящеркой. — Ваша игрушка?

— Один из тех, которых обезвредила госпожа Драккант, — любезно просветил Хромец. — И небольшой артефакт. Вы уж простите за это маленькое испытание, господин Гроски. Но с вашей биографией... да, было не так сложно узнать о ваших связях с Гильдией. И это просто-таки тревожит, вы не находите?

— Очень даже нахожу, — от всей своей трижды покойницей тушки согласился я. Остороженько поставил на место кочергу, пока Хромец пересекал комнату.

Всесильный министр кощунственно разместил зад на полированном столике и припечатал по второму разу:

— Но вы всё же не собираетесь убивать Гриз Арделл.

— Ну, я решил, что стоит подождать, пока она хотя бы жалование мне задержит. А то это же, вир побери, неудобно как-то.

— Хм. Всегда говорил, что это попросту невежливо. А как к вашим намерениям отнесётся Гильдия?

Прямо-таки папаша, который в курсе всего-всего, что случилось с непутёвым сынулей и искренне за него переживает. Готов даже объяснить непонятное.

— Ваша должность не то чтобы предполагает убийства. Скорее уж, от вас требовалось замечать следы и мешать работе группы. Но так вышло, что Гриз Арделл наведальась к одному поклоннику моей драгоценной жены. Господин Йеллт Нокторн, к величайшей моей скорби, тяжело болен... но те, кто подбросил веретенщиков в замок, могли решить, что госпожа Арделл слишком уж близко подобралась к сердечным тайнам Касильды Виверрент. Значит, они всё-таки отдали прямой приказ, но вы решили ему не следовать...

А теперь мой труп отыщут где-нибудь в канаве месяца через два — или через пару лет, зависит от того, сколько я всё-таки смогу пробегать. Интересно бы знать, кто из «чисторучек» возьмёт заказ на мою шкурку, вдруг кто-то из знакомых?

— Вроде бы, Гильдия практикует суровые наказания за нарушение своих обязанностей. В контракте под залог бляхи даже была занятая формулировка — как же там...

— Экзистенциальная ответственность?

— Она самая. Судя по вашему послужному списку — вы мастер выходить из сложных ситуаций. Но если вы идёте против Гильдии... Какие варианты у вас есть, господин Гроски?

Вариантов было — шнырку на ползубка. Но не хотелось ударить лицом в грязь.

— Сменить имя, сделать поддельную Печать, держаться подальше от привычных мест и привычных родов деятельности, не встречаться со знакомыми, не быть там, куда забредают наёмники Гильдии... — В Алчнодол, что ли, податься? Из меня выйдет лихой член секты Единого. — Или, скажем, заручиться поддержкой кого-то крайне могущественного, кому Гильдия тоже не по душе. Оказать ему услугу...

Шеннет слушал с бескрайней доброжелательностью. Простой, непринуждённый и будто знакомый со мной тысячу лет.

И от этого до зуда остро чувствовалось, кто он и кто я.

— Этот сквозник я нашёл в логове у старины Флористана. Он иногда связывался с

клиентами через Водную Чашу. Так что это может быть зацепкой — только вот не так-то просто вытащить из сквозника сведения о тех, кто выходил через него на связь. Если, конечно, у вас нет знакомого Мастера уникальной силы.

Хромой Министр любовался синеньким сквозником в своих пальцах. Поворачивал так и этак.

— Совершенно случайно, господин Гроски, у меня есть знакомый Мастер. Которому нравятся сложные задачи.

Например — как зачаровать дюжину алапардов в Энкере, если только мы говорим об одном и том же Мастере.

— Что ж, благодарю, — Шеннет закинул сквозник в карман. — Можете считать, что вы заручились моим покровительством в деле с Гильдией.

Всё это слишком уж напоминало сказочку о должнике, который хотел сохранить десять золотых, а в результате продал душу Властелину Пустошей.

— И раз уж я теперь ваш покровитель, — сгустил Шеннет мои подозрения, — что вы вообще думаете по поводу этого небольшого заговора, господин Гроски?

Я попытался задавить неуместный смешок и от этого разразился придушенным всхрюком.

— Вы уж меня простите... но только это как если бы Мел поинтересовалась у меня — что я думаю о бестиях в питомнике. Я ведь так понял, Даллейн передавал вам мои соображения — это парень основательный. А чтобы предполагать что-то ещё — у меня самую малость не хватает информации и полномочий. Нет, я, конечно, могу начать рассуждать, что вот, в Шеннетене в лаборатории готовилось что-то масштабное, и затевалось это явно не ради вашей жены... Но у меня такое ощущение, что вы будете знать это куда лучше. Просто потому что...

Хромец благодушно переварил мою пантомиму «Вы — вона где, а я — во-оон, букашечка, у подножия ползает».

— В общем, не сочтите за дерзость, только... это уж скорее вы мне смогли бы рассказать об этом заговоре.

Шеннет покивал: мол, точно, а как же. Бодро соскочил со стола, подхватил тросточку и припечатал:

— А почему бы, собственно, и нет.

* * *

Рот никак не хотел закрываться. Я так и тащился по коридорам за Хромцом, который заявил: «Есть одно место, где наша беседа будет более наглядной» — после чего взял такой темп, будто десять лет учился у Мел и Гриз Арделл. И это с тростью, Боженьки!

Спасибочки Девятерым — в Сказочном зале моя пришибленность смотрелась естественно.

Один из изобретательных предков Касильды Вивверент (это поведал мне Шеннет, который во время пробежки ещё и разговаривал) настолько любил своих наследников, что под игры им отвёл чуть ли не полкрыла здания. А потом ещё и ввалил кучу деньжищ — чтобы перекинуть зал в волшебную сказку.

Под потолком на разной высоте парили драконы, пыхали пламенем фениксы, пикировали грифоны. Стены вдоль и поперёк были расписаны сценами из сказок о Зелёном

стрелке, об алмазных тувельках, Эвальдаине-Сказочнике и вир знает, о чём ещё. На полу искрились виры и плыли корабли — рядом с которыми плескались гиппокампы и сирены. А вдоль стен возвышались крепости, и горы, и тёмные леса, и всего было понемножку: вот здесь — небольшой зеркальный лабиринт, а тут — интерьеры дворца с самым настоящим тронном. В искусно сделанных деревьях (каждое — выше меня на пару голов) водились искусно сделанные шнырки и разные прочие твари. У пристани стоял пиратский корабль — длиной футов двенадцать.

— Обожаю это место, — признался Хромец. — Люблю посидеть тут и порассматривать стены. Надеюсь, вы не посчитаете потерей времени то, что нам пришлось пробежать почти весь замок.

Выглядеть впечатлённым до последней степени получилось без труда.

— Стены расписывали знаменитые мастера. Вот это, например, кисти Ларила Таррахорского — и всего за пару лет до его казни... «Четвёрка с Перекрёстка». Старая добрая история о том, как на перекрестье дорог с разных сторон сошлись четверо: дракон, Стрелок, бродяга и лис. Пережили много приключений и исполнили заветное желание для каждого. Мораль, как мне кажется, заключается во взаимовыручке. И в том, что каждый из команды в нужный момент делает то, что он умеет. А вы как думаете, господин Гроски?

Я полагал, что рот уже надо бы прикрыть. Но вид Хромца, толкующего о сказочках, — это и для трижды покойника как-то чересчур.

— Из всего, о чём мне доложил господин Даллейн, самой примечательной мне показалась ваша теория о разных союзниках и разных целях. Кое-что напоминает, а? Так вот, если говорить о тех, кто сошёл на нашем воображаемом перекрёстке...

Острые тросточки указывало на дракона. Тот был изображён самую чуточку фривольно. Крупнее человека раза в два, весь в бирюзовой чешуе — но зато на задних лапах, с книгами под мышкой и с моноклем в глазу — видно, художник не знал, как иначе изобразить учёность.

— Древнее олицетворение мудрости, которое может принимать облик человека — и дарует ему знания, но только не всегда добрые знания. Драконов и их даров нужно остерегаться... Прямо как наших знакомых, которые с чего-то решили разводить веретенчиков. Пожалуй, у меня есть предположения по поводу того, кто это может быть. В Кайетте не в первый раз возникают незаконные союзы учёных. Но один из таких союзов примечателен своей живучестью. Может быть, вы слышали ту историю про Академию Таррахоры, семидесятилетней давности. Раскол Академии. Попытка возродить драконов. Исход учёных, а во главе этого...

— Мантико... — Мел бухтела про эти, так их растак, эксперименты. Да и драккайны, как считают, из-за этого произошли, а уж этих я в питомнике навидался.

— Арвин Мантико, примечательный был учёный с идеями, которые пришлись по вкусу многим его последователям. И хотя самого Арвина Мантико вот уже сорок лет приняла вода — ученики продолжают славное дело.

— Возрождают драконов?

— О, не совсем. Хотя, может, и драконов тоже. Но в основном они помешаны на выведении исчезнувших животных. Или мифологических — вроде тех же первофениксов, — Шеннет поискал в потолочных небесах первофениксов, не нашёл и пожал плечами. — Совершеннейшие фанатики, можно сказать — секта. В методах не стесняются, вы видели это в Шеннетене. Поклоняются Мальчику из Энкера, и это... довольно-таки иронично, я бы

сказал.

У дракона из сказочки видок был пакостливый. Мол, я, конечно, сейчас одарю вас мудростью, но кто сказал, что вам это понравится?

— А... финансирование?

— Отличный вопрос, господин Гроски. Я так думаю, они работают с контрабандистами и частными заказчиками. Выводят гибридов за деньги. Но не исключено, что у них есть какие-нибудь влиятельные покровители.

— Например, из тех, кому может понадобится в скором времени куча веретенщиков? Но кому и для чего... в таком-то количестве...

Это же клятый Сонный Мор, снова Сонный Мор, тысячи смертей, а если эти твари размножаются — всё это расплзётся по всей Кайетте... И теперь есть ведь эта бирюзовая дрянь, «пыльца фей», которая позволяет их направлять.

— А. Позвольте мне рассказать ещё об одной стороне наших заговорщиков, — теперь Шеннет указывал на фигуру Стрелка: статного, знатного и идущего освободить свою возлюбленную от власти злой мачехи — потомственной ведьмы-нойя. — Вы же знаете сказку о Зелёном Стрелке?

Я скосился в начало зала. Там на одной из стен в ветвях раскидистого дуба притаилась фигура в зелёном плаще и с луком. Одна из любимых сказочек кузена Эрли — о богатеньком наследнике и искусном Стрелке, который повредил Печать и оттого был изгнан злобным отчимом (их в сказках только чуть поменьше, чем коварных мачех). С горя наследник сколотил шайку разбойников и принялся творить справедливость во все стороны. Попутно без Дара обстреливая знаменитейших Стрелков.

— А знаете ли вы, что легло в основу этой сказки? Поражаюсь, право: это и было-то века полтора назад, а вот во что превратилась история. В те времена мощных Стрелков ещё появлялось побольше, чем сейчас, а потому они устраивали турниры. На эти Турниры и начал являться лучник в зелёных одеждах и со странным луком — не атархэ, но с непонятными приспособлениями. Он не открывал своего лица, но неизменно выигрывал у остальных Стрелков. И вот настал день Большого Турнира в Аканторе. Там лучник в зелёном обстрелял всех и выиграл первый приз. А потом Первый Стрелок Кайетты вышел на середину арены и поднял правую ладонь. И все увидели, что она чиста. Нерейс Хоррел, сын мастера по изготовлению луков, был «пустым элементом».

— Нерейс Хоррел — это же тип, который...

— Основал Гегемонию Равных, Братство Чистых — словом, как там называется то милое государство, которое расположилось на Ничейных Землях. Да. Хоррел выгодно пустил в ход свой приз. Он быстро стал магнатом и всю жизнь собирал вокруг себя исключительно «пустых элементов» — таких же, как он сам. Под старость выкупил кусок Ничейных Земель и перевёл туда своё Братство Чистых — и за неполный век... — Шеннет развёл руками, — я бы сказал, они добились ошеломительных результатов. Вы, наверное, знаете, что они приглашают к себе «пустых элементов» со всей Кайетты, а своих детей к Камню не носят. Полагаются исключительно на прогресс, ведут торговлю всевозможнейшими изделиями — от тканей до сучильных машин... словом, они как будто полностью сосредоточены на выживании за счёт своей науки и разных занятных приспособлений. Не рвутся общаться с Магами Камня: продолжают линию основателя, а Нерейс Хоррел полагал, что «пустые элементы» — это не обделённые магией нищие, а новый виток эволюции. Лишённые магии и потому — лишённые ограничений, которых

накладывает Печать. «Без Дара — но не бездарны», кажется, это их девиз, а? Они считают, что будущее Кайетты — за ними. И знаете, господин Гроски, я тут познакомился с некоторыми их достижениями, неофициально, так сказать...

«Через своих шпионов», — расшифровал я, мысленно.

— И если бы с Камнем что-то случилось... Ведь мы оказались бы беспомощны. Без артефактов, Травников с их зельями, магов воды, холода... Без Дара. А они — нет, и в таком случае как раз они бы могли стать... как бы это выразиться?

— Высшим звеном пищевой цепи, — предположил я малость осипшим голосом.

— Отличные метафоры у вас в питомнике. Так вот, во главе совета Равных у них сейчас Брид Цирзич, а он сторонник действий. Конечно, Гегемония слишком малочисленна, чтобы враждовать с кем-либо напрямую. Но они действуют исподтишка. Поощряют тех, у кого не хватает средств. Предоставляют им оружие. Словом, они делают всё, чтобы ослабить существующий в остальных государствах Кайетты порядок. И для этого заключают временами довольно занимательные союзы.

— В том числе финансируют этих, — я указал на дракона на стене, — учёных из секты Мантико?

— Да, и, возможно, не первый год. А вы увидели один из результатов этого союза. О причинах чётко сказать нельзя: либо господа учёные сами проявили такой интерес к веретенщикам, а пустошники просто обеспечили полигон и предложили не стесняться в средствах... Либо это изначально план Пустошей, в который включились последователи Мантико.

— Либо это был сторонний заказ, который учёные выполняли, а Гегемония финансировала?

— Во всяком случае хотя бы роль одного из сказки в таком случае понятна, верно ведь?

Острые тросточки теперь упиралось в лиса. Белого, оскаленного в ухмылке, с отчаянно ехидными зелёными глазами.

Такое ощущение, что старину Флористана попросили для этой картинки позировать.

— Как там было в сказке? Тот, кто видит путь в темноте и может вывести из любой беды... Благодаря своей хитрости. Ваш добрый знакомый выполнял связующую роль, так ведь? Голос Гильдии, добытчик артефактов и автор блестящего плана по тому, где лучше разместить временную лабораторию — так, чтобы бросить тень на меня. Или по тому, как доставить веретенщиков в замок.

Лицо у Шеннета никак не изменилось, да и голос своей лёгкости не потерял. Только в глазах почудился странный отблеск.

Будто свет заиграл на хорошо заточенной стали.

— Но тогда что этой компании нужно было от вас? Удар был нацелен на вашу супругу, но подставить-то они вас собрались. Эти самые фанатики творят что-то себе на уме — может, просто решили возродить популяцию веретенщиков, кто знает. Ребята с Пустоши вообще за любое веселье, если это ослабит магов Кайетты. Но вся эта история с вами... и с нами...

— Не вписывается, а?

Шеннет поднял тросточку и неспешно провёл ей по стене.

— Был кто-то ещё. Некто со скрытым лицом, — тросточка остановилась на бродяге в капюшоне. — В каждой истории должен быть свой перевертыш, а? Нищий юноша, который влюблён в принцессу и собирается избавить её от власти министра-колдуна. Истинный

Мечник, который оказывается в конце концов потерянным наследником знатного рода. Да — отважный, благородный, честный перевёртыш...

Из Айлора, — пришло внезапное понимание. Вот, в чём тут дело — само-то собой, у Шеннета полно врагов, но он думает, это кто-то из своих. Кто-то, кто собирается добратся до королевы Арианты — раз уж вознамерился убрать сразу и её наставницу, и министра, к которому королева прислушивается всё больше.

— Да... Кто-то, кто вышел на связь с Жаоном Флористаном и сказал что-то вроде: «У меня тут проблема, вернее, даже две — Касильда Виверрент и Эвальд Шеннетский. Вы случайно, не знаете, как помочь?»

А старина Флористан подключил фантазию. И связал желания всех сторон воедино, как хороший посредник. И выродил долговременный план, в котором были веретенщики, лаборатория в землях Шеннетена и одна печальная, в меру упитанная гильдейская крыса.

— Личность перевёртыша меня интересует больше всего, — говорил Шеннет, вглядываясь в фигуру бродяги на стене. — Будем надеяться, ваш сквозник прояснит этот вопрос. Если же нет — скрытник всё равно проявит себя в ближайшее время. Благородные рыцари так нетерпеливы — даже когда они перевёртыши. Но хотелось бы знать заранее — чтобы что-нибудь да предпринять.

Прозвучало — будто Хромец задумывал отличный розыгрыш над парой-тройкой знакомой. Только вот из стен будто сквознячком потянуло.

— С остальными, конечно, тоже придётся что-нибудь да поделаться. Учёные из секты Мантико своими изысканиями несут прямую угрозу Кайетте. Но обезвреживанием веретенщиков и поиском лабораторий займутся те, кто уже показал себя в этом — охранные ордена, да вот хоть и Тающие. Пустоши... хм, за Гегемонией придётся пока присмотреть. Всё же государство как-никак, хоть и мелкое. Воевать с ними никто не сунется — нынешняя Кормчая недолюбливает войны. Но узнать не помешает. А тут у нас... да.

Тут у нас — белый лис с ехидными зелёными глазами. А за лисом — фигура Флористана, а за призраком посредника Гильдии — сама Гильдия Чистых Рук, во весь рост. Потому что лучшего «сводника» не просто так выдернули с заслуженного отдыха. Да и заказы на персон вроде Шеннетского и его жены всегда согласуются в самых верхах.

И Хромец об этом знает — потому и всматривается в лиса на стене с таким сожалением.

— Знаете, у нас ведь с Гильдией богатая история. Ещё в мою бытность министром финансов... в общем, это связано с наполнением казны. Позже, когда я стал министром у Даггерна Шутника — с Гильдией пришлось прийти к соглашению. Вы ведь знаете законы «чисторучек» — они подчиняются только деньгам. И устраняют того, на кого укажут клиенты — всё дело только в цене и в том, одобрит ли это из высший совет. Так вот, мне совсем не хотелось, чтобы нужные мне люди были внезапно устранены Гильдией. Не говоря уж обо мне самом, вир побери. И мы сумели прийти к соглашению: отныне на территории Айлора мой голос был решающим. Гильдия не должна была трогать тех, кто под моим покровительством. Взамен они получили кое-какие торговые каналы, информацию, защиту от законников, ну и так, по мелочам. Не всем в Гильдии было по душе такое ограничение их вольницы. Стоило ожидать чего-то подобного — они решили, что я ослабел после Правой Ночи, готовились, а теперь вот решили рискнуть. Конечно, с расчётом выторговать для себя огромные привилегии в Айлоре — когда их заказчик...

Трость задумчиво обвела белого лиса, и я так и не услышал — что там с заказчиком.

«Займёт моё место»? «Сможет влиять на королеву»? Да и я был самую малость занят — озвучивая вопрос, который мне не давал покоя:

— Но... что же вы будете делать с Гильдией?

— С Гильдией? — рассеянно переспросил Хромец. — Строго говоря, раз уж они решили убрать меня — что мне ещё остаётся, как не ответить взаимностью?

Крыса ойкнула внутри, придавленная ледяной глыбой.

— Вы хотите... сделать что?

— Убрать Гильдию Чистых Рук, — так, будто речь шла о книге, которую нужно убрать со стола.

Высокий потолок рушился на меня. С сияющими звёздами и парящими виверниями.

Потому что Шеннет не стал бы говорить человеку вроде меня о таких планах. Не стал бы говорить... если только не...

— Вы уже это сделали.

— Не зря господин Даллейн отзывался о вашей проницательности. Не я один и не то чтобы так уж сделал — там работы не на одну девятницу. Всё-таки Гильдия весьма могущественная организация — и тщательно готовится ко всяким неожиданностям.

Хромец развёл руками — мол, вот что хочешь ты делай с такими остолопами.

— Просто они как-то упустили из виду, что я тоже могу подготовиться.

По стенам скакали рыцари с обнажёнными мечами — стремились навстречу рассвету. И лёгкий, невозмутимый голос рассказывал — будто недавно сочинённую сказочку:

— Чистые руки — это прелестно, но управляет ими голова, вернее, головы. Уважаемые люди в разных странах — магнаты, аристократы, судьи и жрецы. Ведут тихую и законопослушную жизнь и имеют отличную охрану. Как жаль, что она не защищает их от прискорбных случайностей. Косточка, попавшая не в то горло. Неумеренно пылкая любовница. Скользящая ступенька. Или... как вы думаете, если на кого-то упадёт рояль — это же можно посчитать прискорбной случайностью? Бедный господин Тейшелли... А преклонный возраст — это же само по себе опасно, начинаются проблемы с памятью, Даром, стулом — в общем, так нелепо, так грустно. Конечно, со средним звеном такое не получилось бы — их слишком много, и внезапностей на всех не хватит. Но зачем, если есть Служба Закона?

Острый стариковский профиль склонился над бумагой. Седая бородка, твёрдая рука Мечника, по приказу змеится надпись «В полной секретности...» — под приказом подпись Хола Аржетта, главы Корнуа Закона. Чья-то тень за ним — высокая, молодая.

Желтоватый листок приказа передаётся из рук в руки, журчит мягкий голос: «Наконец мы получили нужную информацию, удар нужно нанести немедленно, но исполнителей бы отбирать с особенным тщанием, чтобы их не успели предупредить...»

И вот — распахиваются настежь двери и окна «Честной вдовушки», раскатывается повелительное «Служба Закона, ладони опустить, Дар не использовать!» Летят амулеты, «вяжущие» магию, гремят перевёрнутые столы, визжит трактирищица Милка... Свистят метательные ножи-атархэ, кого-то вяжут лицом в пол, охрана у лестница пытается ставить щиты, но верхний этаж уже захвачен, волокут Стольфси, верещит его беспольный секретарь, «Бумаги взяли?» — «Пачку успел спалить, остальные взяли...»

И так во всех трактирах, где собиралась Гильдия. Во всех штабах и штабиках.

По всей Кайетте.

— Разумеется, кому-то удастся ускользнуть. А у кого-то будет надежда, что их

оправдают на суде. Но — вообразите, какая случайность! — один из охранных Орденов обнаружил основной архив Гильдии. Тот самый, который, как считалось, невозможно обнаружить. Архив, кстати, расположился в неожиданном месте — прямо в Ирмелее, у самого Святилища Закона. Артефакты охраны там крайне сложные — даже и не знаю, может, у этого Ордена тоже был знакомый Мастер исключительной силы? Или даже несколько Мастеров. Да, все записи Гильдии зашифрованы, и часть из них были уничтожены при схватке. Но вы представьте: Служба Закона объявляет о том, что тайны Гильдии в её руках. Вот уж не наю, сколько уцелевших «чисторучек» доживёт до суда. У благодарных клиентов, может, не столь чистые руки — зато временами очень длинные.

Суды, суды, бесконечные суды, лица судей неразличимы по ту сторону искажающей завесы, и приговоры — Рифы, Рифы, Рифы... Кто-то сдаёт всех под зельями, кто-то плачет: «Я только бляху получил, я и заказов не брал!» А лучшие шифровальщики службы закона корпят над зашифрованными контрактами, и... в скольких — моё имя?

— ... нет, ну вы что, до Службы Закона дойдёт не всё. Знаете, какая там неразбериха и коррупция? Кое-что потеряется при перевозке — вы только представьте, сколько там этого добра за этот век накопилось. Кое-что не удастся расшифровать. Что-то пропало при схватке, а что-то... ну да, просто пропало. Не можем же мы допустить хаос по всей Кайетте — а вы только представьте, сколько людей и какого калибра прибегало к услугам Гильдии Чистых Рук! Нет, многие тайны так и останутся тайнами.

«Пока», — додумывается без всякого труда, потому что это же огромная власть: достаточно только Шеннету намекнуть какому-нибудь политику или придворном, что его тайна в безопасности — и вот тебе услуга. Достаточно намекнуть, что нужный контракт в руках Хромца — и вот вам шантаж.

— Основной гильдейский «кошель» и вовсе прятали и защищали возмутительно слабо. По сравнению с архивом-то, который я пять лет искал. Они считали тот горный замок неприступным — наивно, правда? В наши-то нелёгкие времена.

Человек с тросточкой посмеивается, прогуливаясь вдоль сказочных стен. Посматривает на монстров: семиглавых драконов, волосатых людоедов, рогатых демонов.

Монстры посматривают со стен в ответ пугливо.

— Тяжеловато было — сразу по всей Кайетте... Да и с ресурсами туговато — но, благо, у Гильдии тоже много врагов. Так что сложнее всего было с тайной да с одновременными действиями. Но к вечеру, самое позднее — к следующему утру будет ясно, насколько хорошо удалось. Представляете, господин Гроски, приказ, который вы получили о Гриз Арделл, мог быть последним приказом Гильдии.

Они все растворялись, уходили от меня. Эштон-Весельчак, и плюгавый Щур, и Кровавый Арри, и «мизинчики», с которыми только-только познакомились, и чернявый связной... И твердых, надёжных досок палубы не было больше под ногами — морская зыбь, сирены да гиппокампы...

— Конечно, многие простые наёмники избежат задержания — а потом смогут применить свои таланты... хм, в других конторах. Ведь целью-то было — чтобы Гильдия перестала существовать именно как организация. Не сомневаюсь, рано или поздно она обновится, возникнет вновь. Будем надеяться, новые лидеры будут уже поговорчивее и поумнее. Да и остальные участники заговора получают неплохой урок...

Говорят, перед Кормчей чувствуешь особый благоговейный трепет. Я-то не помню своего Посвящения, но почему бы и нет.

Зато теперь знаю, что есть противоположное чувство. Вымораживающая жуть от осознания того, с кем находишься в одной комнате. Несравнимая с тем, что я чувствовал даже в присутствии Нэйша на Рифах.

— Получается, что вы же теперь свободны, так?

Хромой Министр напротив меня поглядывал участливо.

— Я имею в виду, что после исчезновения Гильдии вы оказываетесь... вир побери, «безработный» как-то грубо. Конечно, у вас есть служба в питомнике — но вы же пока не решили, хотите ли остаться?

Я пока ещё не решил — жив ли я. Не сплю ли я. И не вылакал ли я пару бутылок виски, отчего у меня приключились какие-то странные галлюцинации. В виде причудливого сказочного зала и приветливого человека с тросточкой.

— У меня есть к вам предложение, на самом деле даже два. Не люблю упускать хорошие кадры, а господин Даллейн от вас правда в восторге. Почему бы вам не поработать на меня. Возможности у меня немалые, — он улыбнулся, и при воспоминании о Гильдии меня бросило в пот. — Так что мы найдём, куда применить ваши таланты — куда лучше, чем сделала это Гильдия. Хорошее вознаграждение, и защита, конечно. И если вы решите выбрать более или менее законопослушные пути, скажем, встретиться с дочерью, я только...

Наверное, у меня переменялось лицо, потому что он замолчал. Прищурился, покачивая тросточкой. И заговорил ещё мягче, чем прежде:

— Господин Гроски, это не угроза. Вы, кажется, меня каким-то чудовищем вообразили. Не волнуйтесь, вашей дочери в случае вашего отказа ничего не грозит. Просто здесь, в Айлоре, у вас куда больше шансов встретиться с ней и наладить отношения. Господин Гроски, эй? Моргните, пожалуйста. Или скажите что-нибудь — а то я, право слово, встревожен.

Дебби в Айлоре... значит, вот куда переехала моя бывшая из Крайтоса. Точно, у неё же тут была то ли подруга, то ли давняя родня. Я постарался расслабить мышцы физиономии. Выжал через силу:

— Да я... вспомнил кое-что. Один молодой Следопыт, сынок Дэриша, навозного магната... Очень ценный кадр, рекомендую. У него, кстати, ваш портрет в спальне висит.

— Да что вы говорите, — умилился Шеннетский и смахнул невидимую слезинку со щеки. — Вот так и начнёшь верить в новое поколение. Но вы-то сами — поразмыслите над моим предложением? Честное слово, насчёт портрета в спальне настаивать не буду.

Я всем своим существом отобразил глубочайшую благодарность. И трепет. И намерение прямо вот сейчас пойти и подумать. Если, конечно, мне озвучат второе предложение — их же, вроде бы, было два?

— Да, если вы захотите остаться в питомнике — я это только приветствую. Видите ли, я решил сделаться покровителем этого достойного заведения. Хартию Непримируемости никто не отменял, но я пообщался с Гриз Арделл и считаю, что она заслуживает поддержки. Особенно с учётом того, что начинает твориться в Кайетте.

Боженьки — что-то *ещё* начинает твориться в Кайетте? *Помимо* чокнутых учёных, странных Пустошников, неизвестного гада в Айлоре и Гильдии, которую Шеннет пару часов назад начал стирать в порошок? И это связано то ли с питомником, то ли с Гриз?

— Госпожа Арделл вам объяснит, если захочет, — послал меня в вир болотный Хромец. Вышло обаятельно. — Но в любом случае — мне бы очень хотелось знать о том, что происходит в питомнике. Немалое вознаграждение и защита прилагаются. Подумайте об

этом. Хорошо?

Он сунул руку в карман и перекинул мне небольшой кристалл — сквозник, насыщенного бирюзового цвета.

— Если решите принять любое из предложений — свяжитесь со мной, господин Гроски. Или если вдруг питомнику потребуется срочная помощь. Или можете не брать. Честное слово — я необидчивый человек.

Гильдия Чистых Рук могла бы на это что-нибудь возразить.

Кристалл сквозника приятно охлаждал ладонь. Увесистый, оgranённый шанс — даже два шанса, лучше которых не будет.

Единственная возможность для тонущей крысы — вскочить на другой корабль.

— И всё равно у вас будет время подумать и выбрать. Сразу после того, как вы справитесь здесь. Вы же помните, что поручила вам моя дорогая супруга? Расследование, которое осложнилось кое-чем: у нас тут агент Гильдии под носом, и это изначально были не вы.

Вир побери, совсем забыл о Нэйше и его премилом сообщении. Кто-то осыпал «пыльцой фей» туфли Виверрент, кто-то... из наших?

— Вы уж простите, господин Гроски, но ваша биография разве только не кричит ещё, что вы из Гильдии. Когда мы стали проверять группу — это было настолько ясно, что даже тревожно, я же говорил. Напрашивался один вывод: вас ввели в группу для заметания следов и отвлечения внимания. Основным диверсантом был кто-то другой. Версия со слугами отменяется — их проверили. Это кто-то из вашей группы. Вы не догадываетесь — кто может быть этим таинственным наёмником Гильдии?

Я прикрыл глаза и выстроил их в ряд: «клык», «дыхание», «кровь», «чутьё»... все, сколько нас есть — все, кто явился в Цветочный Дворец.

— Лучший наёмник — тот, кто никогда не подписывал контракт. Это кто-то, кто не служит Гильдии. Или не знает, что он ей служит.

— И вы знаете, кто?

Можно было долго обсасывать подозрения. Обглаживать до косточек: Янист — последний, кто пришёл; нойя, говорят, легко подкупить; Нэйш сам по себе подозрителен...

— Да. Я знаю.

— В таком случае давайте пригласим сюда Гриз Арделл, — ничуть не удивился Шеннет. — И совместно решим, что сделать с этой досадной помехой. Вы ведь всё равно хотели поговорить со своим начальством? Да?

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Судьба настигает пятого веретенщика около полудня.

Впрочем, Нэйш — это скорее рок. В похоронно-белом, исключительно безжалостен и склонен к истязаниям всех вокруг. И любит заигрывать — а потому сперва о чём-то болтает со служанками, а потом срывает нас с Мелони с прочёсывания территории.

— Сиреневый грот — одно из любимых мест госпожи Виверрент. Вы же его ещё не осматривали? Вам точно придётся по вкусу, господин Олкест, — служанки говорят, это место прямо создано для романтических мечтаний.

Можно ли посчитать романтическим мечтание упокоить проклятого устранителя где-нибудь в кустах роз? Мел она смотрит на Нэйша с совершенно определённым интересом, пока мы идём к тому самому гроту. Тем более, что тот переключился на неё:

— Вы ведь работали с приманкой? И кто из вас... Мелони, ты же это несерьёзно? Знаешь, на месте веретенщика — не думаю, что я бы на тебя польстился.

— Будь на его месте и подохни, — чеканит Мел, пригвождая меня взглядом к живой изгороди из розовых камелий. Я полночи и утро убеждал её, что роль приманки лучше отдать мне. Под конец мы едва серьёзно не поссорились.

— Господин Олкест, не сомневаюсь, что вы предлагали себя. Как охотник Мел вас превосходит, ей лучше действовать со стороны, а если что-то пойдёт не так... кажется, у вас тоже несколько больше шансов.

Я молчу и терплю гнусные намёки, и даже почти не краснею. Потому что если что-то пойдёт не так и тварь укусит меня...

— Впрочем, чувства... сложная материя. Непредсказуемая — особенно что касается нужного накала *взаимности*. И вы ведь слишком ценны, не так ли, господин Олкест. Кто ещё смог бы так блистательно добыть нужные сведения из пожилых аристократок. Но здесь столько хорошеньких служанок — невинных, влюблённых...

Терпение подходит к концу, но меня опережает Мел.

— На черта они нам. Ты ж весь такой неотразимый. Была б я веретенщиком — точно бы за всякое тебя кусанула.

Я давлюсь неуместным хохотом. Нэйш приподнимает углы губ, отчего возле них чётче проступают два полукруга — словно отметины, где должна остановиться улыбка.

— Не люблю выступать в роли приманки. Но после такого комплимента...

Сиреневый грот — душистое переплетение ветвей, лиловых и белых кистей. Цветы полные, как виноградные гроздья, свешиваются над искусственным гротом из крупных камней. Шумит маленький водопад — стекает по боку грота, падает в ручей. Внутри — мягкий, тёплый, наполненный размеренным шумом воды полумрак. Резная скамья в половину стены. На пол небрежно сползла синяя накидка. Несколько тяжёлых медных светильников расставлены по полу.

И лёгкие бирюзовые отсветы в воздухе, и пахнет весной.

Мел поднимает ладонь: стоять. Обводит взглядом пещеру и принимается потирать Печать.

— Под скамейкой, на накидке. И у входа. Не пожалели, с-сволочи.

— Следы?

От благодущия Нэйша не осталось следа, глаза превращаются в два прозрачных камешка. Мел качает головой.

— Вокруг куча народу топталась, дорожка каменная. Запах глушится цветами.

Нам повезло, что никто из работников или служанок не зашёл внутрь.

— Будь снаружи, — бросает Нэйш в сторону Мел. Меня он словно перестал видеть — так мне кажется до того момента, как в меня не прилетает белым сюртуком.

Нужно возмутиться или отшвырнуть сюртук — но я стою молча. Смотрю, как Нэйш перетекает — иначе не скажешь — в грот. Приоткрывает светильники, осматривается — в правой руке у него словно из ниоткуда берётся охотничий нож.

На нас устранитель больше не смотрит — протягивает длинные пальцы и самыми кончиками касается скамейки там, где она поблёскивает бирюзовым.

Прохладная ткань таллеи кажется в моих пальцах сброшенной чешуёй. Мы с Мелони застыли у выхода — два холодных амулета и нож. И я не знаю, чего я жду — может, что веретенщик не появится? Или что он, как выражается Нэйш, не польстится на «клыка»? Или что Нэйш промахнётся, и веретенщик его всё же укусит? Впрочем, непонятно, что в таком случае станет с бедной тварью.

«Без шансов», — цедит Мел сквозь зубы, и я согласен с ней. Разве может быть невезучим рок?

Веретенщик выскользывает из складок накидки — разноцветная капля, которую едва можно отследить глазом. Я не успеваю вскрикнуть — лезвие ножа оказывается точно в середине тела ящерицы. Пригвождает тварь к скамье.

— Отличный улов.

Нэйш присаживается на корточки в двух шагах от веретенщика и терпеливо ждёт, пока стихнут конвульсии. Потом выдёргивает нож.

— Остался один. Думаю, стоит проверить другие места, в которых любила бывать Касильда Виверрент.

«Без тебя не поняли», — прилетает со стороны Мел, а устранитель уже направляется ко мне — забирает сюртук.

— Неоценимая помощь, спасибо. Удивительные создания, да?

Нэйш достаёт из кармана белоснежный платок и сперва тщательно оттирает кончики пальцев, потом стирает малейшие следы крови веретенщика со своего ножа.

— Счастливая случайность, что никого из всей группы не укусили, однако... Материал для исследований мог бы быть таким необычным.

Он стоит теперь в шаге от меня, а говорит благожелательно и совсем негромко — только взгляд его, застывший и жёсткий, уходит куда-то поверх моей головы.

— Вот, к примеру, в том маловероятном случае, если бы я промахнулся пять минут назад. Интересно, кого из группы пришлось бы пригласить? Малышку Уну? Или кого-то другого? Или если бы вы...

— Знаете, господин Нэйш, — не выдерживаю я. — Удивительно, что Арделл направила вас на отлов веретенщиков. Как по мне, вам куда больше подходит убалтывать старых сплетниц.

Единственное, чего я достигаю — лёгкая заинтересованность на его лице. Устранитель явно не прочь ещё позабавиться, но тут вступает Мел. С вопросом, не собираемся ли мы сбежать в Дамату и связать себя Полным Брачным. И финальным аккордом «Заткнитесь».

работать надо, Мясник, где у Виверрент любимые места?»

Нэйш это выяснил, а потому мы, к счастью, разделяемся. Я и Мелони продолжаем работать в оранжерее, устранитель отправляется в замок.

И мне показалось — или в рукаве его сюртука зияет изрядная прореха?

Время утекает весенним ручьём. С ним утекает наша удача — уходит вместе с роком в белом. Последнего веретенщика нет и следа, к тому же ещё Мел в изрядно дурном настроении. Всё-таки предлагаю ей отдохнуть — и принимаю на себя все залпы всех орудий, как сказали бы моряки.

— В Водной Бездони выплешь, Морковка! Хочешь — сам иди прикорни у кого на коленочках. М-мантикоры печёнка, что ж тут творится...

— Остался ведь только один — или ты обеспокоена из-за этого... из-за Нэйша?

Мелони раздражённо потирает лоб, но вдруг успокаивается.

— Конфетка говорит, эту мразь явно кто-то колданул на везение. Или он в котёл с чем-то таким упал, а по пути головой ударился — в общем, с ним так всегда. Я о другом — ты что, не видишь, что творится? Сколько укусов среди слуг было за эту ночь? И за утро?

Нисколько. Впрочем, может быть, нам просто не докладывали, потому что всегда вовремя находилось лекарство — поцелуй любви. И мы ведь успели убрать двух веретенщиков с полуночи до утра. Мел читает по моему лицу эти возражения, потому что кивает в сторону Сиреневого грота.

— Этот что там делал? Дрых в накидочке? Не питался и в засаде не сидел. Выполз только потому что Мясник в эту пыльцу перемазался. Ты про Сонный Мор читал?

Я читал. И в детстве, и те книги, которые откуда-то раздобыла на рассвете Гриз Арделл — их я торопливо пролистал между двумя патрулями. И понимаю, что хочет сказать мне Мел: веретенщики так обычно не действуют. Они не затаиваются в засадах подолгу — двигаются по территории, кусая всех, кто встретится на пути.

— Может, это какие-то ненормальные веретенщики?

— Угу. Тоже в котелок упали или башкой приложились. Ладно, пошли ещё пару беседок поглядим.

Однако вскоре слуги Виверрент зовут нас в Розовую Ротонду, на общий совет.

В этой просторной каменной беседке мы с Мел побывали уже несколько раз — её сложно миновать, когда прочёсываешь оранжереи. Конструкция внутри конструкции, — она похожа на изящный, разукрашенный резьбой фонарик. Только вместо лампы внутри — фонтан в виде плачущей розы. И плетистыми розами увиты колонны — гладкий мрамор, которого не касались ветра. Алые и белые бутоны — и тонкое покрывало лепестков на полу. Под куполом — замысловатая лепнина в форме цветов. И особый свет — рассеянный и мягко-медовый, какой бывает во время закатов позднего лета.

Созданное для отдохновения место — а теперь в нём намечается собрание «тела». Гриз Арделл коротко кивает, когда мы с Мел, когда мы — занимайте места. Она удручена чем-то и обеспокоена — а вот проклятый господин Нэйш, напротив, выглядит отдыхающим. Он уже избавился он порванного сюртука, подвернул рукава — и несчастная Уна, расположившаяся по другую сторону от фонтана, кажется, не дышит. Хаата, которая сидит недалеко от неё, кажется спящей и почти погружённой в розовый куст у самого выхода. А Аманда вся светится удовольствием, озирает беседку, кокетливо поправляет платье на плече и лукаво посматривает на Лайла Гроски...

Он в ответ не глядит. Гроски бледен и тревожен и выглядит едва ли не центральным

действующим лицом этого внезапного совета. Он нервно потирает руки и шепчется с Гриз Арделл, причём я слышу обрывки странных фраз: «...точно уверена?», «авантюра какая-то» — и несомненное предложение «по башке и в мешок».

Гриз обрывает его жестом, который можно истолковать как «Всё обговорено». И, прежде чем я успеваю задаться вопросом — зачем нас вообще собрали — она кивает Гроски, как бы говоря: «Начинай».

Мой сосед по комнате тяжело вздыхает. И происходит удивительное преобразование.

Вместо знакомого мне Лайла Гроски в Розовой Ротонде откуда-то берётся законник. Нет, даже сыщик — из детективных историй, прочитанных в детстве. У него такой же пронизательный прищур, лукавая усмешка и неторопливые жесты.

У него даже слова такие же.

— Господа, я вас созвал, чтобы сообщить кое-что о расследовании, которое мне поручили вести. Пока что факты выглядят следующим образом...

Лайл расхаживает неторопливо вокруг фонтана, и перед нами один за другим встают поразительные этапы расследования: домик для удобрений, магнат Дэриш и его сын (тут Гроски подробно воспроизводит разговор четверых злоумышленников, которых подслушал юный Следопыт). Зловещая лаборатория в землях Шеннетена, допрос злосчастных наёмников, а потом логово посредника Гильдии Чистых Рук.

— Самой интересной находкой, — говорит Гроски, ни на кого не глядя и не прекращая мерно шагать, — конечно, стала эта пыль. «Пыльца фей», как её называли те наёмники. К тому времени наша группа в замке уже познакомилась с действием этой пыли. Кто-то нанёс её на туфли госпожи Виверрент — должно быть, просто просыпал на её пути. Или, скажем, насыпал на растение, мимо которого она должна была пройти — там ведь повсюду растения в кадках, цветы в вазах, так? Легко что-то задеть.

Он зачаровывает — своим рассказом, непривычной властной уверенностью на лице. И все взгляды обращены на него. Только Гриз Арделл глядит прямо в струи фонтана и совсем не слушает.

— И, поскольку все слуги прошли проверку, напрашивается неутешительный вывод. В комнате, куда вошла Касильда Виверрент, кроме слуг присутствовали только мы. Все те, кто сейчас здесь.

Звучит, как нечто безумное — веретенщика на госпожу Виверрент попытался натравить кто-то из нас? Единый и ангелы... кто-то подкупленный? Околдованный? Или имел место шантаж? Или желание поэкспериментировать? Я невольно гляжу в сторону Нэйша: он слушает Лайла, слегка приподняв брови. Мог он пойти на такое? Или Аманда — нойя, которую Гриз почему-то называет целительницей?

Гроски длит и длит паузу, а я с дрожью вспоминаю Корабельную Ночь и его рассказ о Рифах, о тёмных веках прошлого.

— Самым простым было бы прогнать нас всех через эликсиры правды, — говорит Лайл, возобновляя своё хождение вокруг фонтана. — Но это не требуется. Видите ли, я подумал... получается, тот, кто просыпал эту пыльцу на пол — или на растение — сам не боялся измараться и попасть под укус веретенщика. Но почему? И мне вспомнились рассказы младшего Дэриша и тех наёмниках. О парне в капюшоне, с низким ростом и забавным акцентом. Союзничек, к которому остальные относились с отвращением. Но который был им крайне нужен.

Он постепенно превращается из сыщика в самого себя, когда договаривает:

— Понимаете, во всех книжках есть куча историй о том, как были укушены маги. И ни одной — об укушенном терраанте.

Хаата начинает двигаться ещё до того, как он договорит. Она словно взмывает из розового куста, останавливается в проходе и выставляет перед собой худую, землистого цвета ладонь.

На ладони, переливаясь всеми цветами радуги, лежит ящерица — последний веретенщик. Самый крупный из тех, что я видел.

— Стоять! — голос Хааты — злой шелест умирающей листвы. — Си-шээ-но фиос! Этот быстрый, сильный. Вам не успеть. И с холодом не успеть! Отпущу — укусит трёх, четырёх!

Личико у неё кривится, глаза горят недобрыми зелёными огнями. И пальцы второй руки топорчатся словно ветки диковинного растения, и по розам за её спиной проходит слабый трепет — будто волнуется цветочное море. Тщедушная грудь даарду вздымается, и Хаата словно не знает — куда кинуться. Сбежать в проход? Её наверняка не выпустят.

— Стойте все! Ты! Ты!

Это Мел и Нэйш застыли в одинаковых обманчиво расслабленных позах — готовясь выметнуться вперёд из положения сидя. А я вскочил на ноги и словно не слышу криков — потому что я знаю, что будет сейчас...

Гриз Арделл, моя невыносимая, говорит тихо:

— Спасибо, Лайл, сядь, пожалуйста. Остальные тоже не двигайтесь.

И встаёт, оказываясь лицом к лицу с разозлённым терраантом, который, к тому же, пытался убить Касильду Виверрент.

— Поговорим, Хаата? Только на общекайетском, если ты не против. Так, чтобы все тебя поняли.

Кажется мне, или в скривленном, скукоженном личике, словно на древесной коре, прорезается нечто неожиданное? Вина.

— Тут нечего говорить, Гриз Арделл. Я плохой корень.

— Не настолько плохой, чтобы поубивать нас поголовно, — спокойно отзывается Арделл. Она не пытается подойти к Хаате, и их разделяет не меньше семи шагов. — И не настолько, чтобы попытаться убить невинного человека. Ты же не убийца, Хаата.

— Тебе откуда знать! — бросает та зло, обнажая редкие, мелкие зубы. — Все бывают дурные корни. Каждый бывает убийца. Даже Пастыри.

Гриз Арделл смотрит непоколебимо — словно с крепостной стены. Она только чуть опускает подбородок, соглашаясь — да, даже Пастыри.

— И всё-таки я знаю. Хотя бы даже по тому, насколько нелепо ты пыталась выполнить то, что тебе поручили. После первой удачной попытки ты осознала, что натворила, не так ли? И не смогла дальше. Даже постаралась отвести веретенщиков от людей — рассыпала снадобье в тех местах, которые навещала только Касильда Виверрент. И куда вряд ли пришёл кто-то ещё, кроме наших ловцов.

Она говорит ласково, будто с испуганным ребёнком — но мне становится всё страшнее. Какие демоны обуревают маленькую даарду изнутри? Она слушает как заворожённая, словно бы забываясь, а потом лицо вновь искажается — то ли от злости, то ли от боли.

И веретенщик всё так же лежит на ладони. Нервно высовывая язычок и озирая нас — возможные цели.

— Я не знала, что твой народ может с ними общаться, — говорит Арделл так, словно мы просто сидим на ежедневной «встряске». — Так и раньше было?

— Было раньше. Кто выводил их — брали наших как слуг. Плохий корни. Изгнанники тоже. Магия была против бэраард. Не против нас.

— Это объясняет, почему вас не кусали. Но не объясняет, почему вы можете ими управлять. Это ведь ты замедлила их, насколько могла. Значит, в создании веретенщиков участвовала магия даарду.

— Часть силы Кэлда-Ард, часть связи — слышать живое, быть рядом, — шепчет предательница, раскачиваясь, как змея в высокой траве. — Потому пробуждает Печать связи. Знак связи. Те, которые служили *бэраард*, были предатели Роя. Хотели...

Ладонь её дёргается так, что веретенщик едва не слетает.

— Создать что-то, что убьёт Людей Камня, — тихо продолжает Гриз.

— Да. Пока *бэраард* совсем не убили Её. Хотели отомстить. И остановить что-то — что, я не знаю, не спрашивай, сестра. Дурные корни не всё знают.

— О прошлом — да. Но о настоящем ты знаешь куда больше. Зачем ты и другие изгнанники вступили в союз с этими людьми? Почему не отвернулись, даже зная, что те творят? Почему ты...

Она не продолжает, но и без того ясно, что речь о Касильде Виверрент. Лицо даарду перекашивается совсем, глаза сверкают через тёмные пряди, и она выдыхает одно слово — длинное, свистящее, на которое Мел отзывается приглушённым ругательством.

— Разменная клятва, — переводит Гриз Арделл.

— Священна даже для дурных корней, — вышёптывает даарду. — Переступишь — кровь убьёт тебя. Хотела, чтоб ты знала, сестра. Чтоб поняла.

— А вторая? Это клятва «службу на службу», к ней прибегают редко, я знаю — но значит, клялся кто-то и со второй стороны? Чем и в чём?

Терраант прерывисто дышит, с носа у неё капают слёзы. Она выглядит пойманной, отчаявшейся. Но предчувствие шепчет, что она скрывает что-то страшное. Если сейчас использовать Дар Воды, попытаться при помощи вод фонтана выбить у неё из руки веретенщика... успею или нет?

— Кто и в чём? — повторяет Гриз Арделл, и в голосе у неё — свист кнута. — Вы клялись кровью и остатками связи с Ардаанна Матэс — что исполните любую порученную службу, так? А он? Клялся Даром, верно? Или был какой-то особый ритуал?

Шпильки выскальзывают из её причёски, тихо звенят о мрамор — выпускают на свободу каштановые пряди. И наверняка у неё сейчас в глазах эта невыносимая, безумная зелень, которой так сложно противостоять, которая говорит всё лучше слов. Даарду глядит варгине в глаза, и отшатывается, обмякает, словно понимая что-то.

Например — что ритуал клятвы со второй стороны мог быть фальшивым.

— *Кто броню пробьёт, крепче древних стен? Зверь, что род хранил девяти колен, где к руке рука, где Печать — в Печать, лютый зверь стальной там начнёт крепчать...*

Этого я ждал меньше всего — вместо ответов или угроз Хаата бормочет стихи. Что-то будто смутно знакомое, древняя загадка про родовой атархэ. Хаата что-то говорит Арделл на языке даарду (я разбираю только «Сиаа-Тьо») — и дальше их разговор идёт тоже словно бы на другом языке. Они читают вопросы и ответы в глазах друг друга — мы же слышим лишь отголоски.

— Так вы всё же решились.

— Единственный выход, сестра. Ты видела, что он делает. Будет хуже. Совсем хуже. Для всех корней — дурных, добрых... всех! Показала тебе... хотела, чтобы ты поняла.

— Почему ты сразу не сказала?

— Ты должна ему. Должна ему клятву! Должна ему службу! Не могла сказать. Не тебе, сестра!

«Всесущий», — бормочет Мелони сквозь зубы. И я вспоминаю рассказы малышки Йоллы о какой-то истории с верховным жрецом даарду, когда Гриз пришлось дать ему клятву служения... Значит, Хаата и другие изгнанники решились поднять восстание против своего жреца? Свергнуть его или даже хуже?

— И ты наверняка знаешь, что только так.

— *Этот зверь могуч, этот зверь хитёр, паче всех мечей клык его остёр, верь, что щит любой обратишь ты в тлен, коли зверь с тобой девяти колен.*

Шёпот даарду дрожит, а на измученном личике за отчаянием теперь ещё — всепожирающая, страстная надежда. Гриз Арделл откликается этой надежде понимающим кивком.

— И в чём они поклялись вам? Отыскать его?

— Не отыскать, нет, сестра... освободить. Они... знают, да.

Хаата словно забывает, что она предатель, что на руке у неё — веретенщик. Делает шаг, словно вырастая в своих серых крапивных отрешьях. И шепчет с загоревшимися глазами:

— Знают, где он... хитрый зверь, прятался, нашли. Теперь только освободить. Чтобы — в нужную руку.

— Но вы не сможете...

— Нет, не мы! Нужная рука нашлась. Нужная Печать. Истинный, кто может его укротить. Понимаешь ли?

Я не понимаю ничего, только сердце стучит и колотится, и аромат роз наплывает волнами — тревожный, острый. Куда идёт этот разговор? Почему Арделл кивает так, будто всё уже сказано?

— Понимаю, Хаата. Теперь последнее. Но перед тем, как проститься — знай, что я отзовусь тебе. Слышишь? Если нужно будет — я всегда отзовусь тебе.

Голос у неё грустный и ласковый, словно растаётся с дорогой подругой. А Хаата в ответ плачет, уже не скрываясь, и улыбается искорёженной, страшной улыбкой того, кто всё решил.

— Ты выполнила приказ о Касильде Виверрент, — говорит Гризельда Арделл. — И ты избегала меня, чтобы я не спросила этого... верно? Кто был во втором приказе? Эвальд Шеннетский?

— Ты.

Хаата чуть стискивает в пальцах шипящую тварь и наконец прорывается в смех — полускрип-полушелест. Смех сотрясает её, и с трудом можно разобрать слова.

— К нему... не подойти... сразу они знали... не хотели показывать, кто... Сказали — тебя. Тебя! И других... чтобы не поцелуй. Чтобы не проснулась. Не позову, сестра! Не зовут оттуда.

Я вдруг понимаю, на что она решилась. Была ли она послана в группу уже связанная клятвой? Или её завербовали позже, когда она уже узнала Гриз Арделл? И уже поставила её жизнь выше своей?

И тут же окатывает варом понимания — для чего даарду всё время держала на виду веретенщика.

— Эти... не кусают, — кивает она на свою ладонь. — Не кусают нас. Если не...

попросить.

Глубоко вдыхает, чтобы прошептать ещё что-то — прощание, а может, команду для ядовитой твари на ладони. Но в этот миг Гриз Арделл делает шаг вперёд — и вскидывает ладонь, осыпая себя пылью с бирюзовыми отсветами.

Я давлюсь криком, срываясь с места — поздно, бирюза искрится и окутывает невыносимую варгиню запахом весны, и веретенщик прыгает с ладони Хааты — она не успевает сжать её. Даарду свистит какую-то команду и тоже кидается за ящерицей — но тоже поздно... Веретенщик скользит по полу, будто ртутная капля, подпрыгивает, впиваясь в протянутую ладонь Гриз Арделл.

Та смыкает пальцы.

— Гроски, ящик!

Лайл подскакивает к ней с металлическим ларцом, в ларец вмурованы артефакты, и Гриз одним движением стряхивает веретенщика внутрь, закрывает крышку, бросает: «Морозь!» — всё это я различаю на бегу, не зная — что делать, понимая — она сейчас упадёт...

Она покачивается, но не падает, потом разворачивается и ищет кого-то взглядом, но почти сразу смотрит на меня.

— Янист, — выбрасывает она сквозь зубы. — Хорошо, что вы здесь, Янист!

А потом Гриз Арделл хватает меня за отвороты сюртука и целует при всех, и это обрушивается девятым валом: её обжигающие губы, запах осенних листьев от её волос, которые скользят по моей щеке. И блаженная, горячая волна, которая захлёстывает и отнимает дыхание, смывает напрочь все мысли, кроме жалкого отголоска, маленькой, углой лодчонки: не может быть, чтобы она... тоже... это всё сказка.

Когда она отпускает меня, щеки у неё окрашены румянцем — а брови нахмурены и глаза широко распахнуты, полны зеленью, словно штормовое море. Она невыносимо, невозможно прекрасна — прекраснее Касильды Виверрент, прекраснее любых виденных мною красавиц, и я стою, замороженный этой красотой, и могу только смотреть, остолбенев.

— Уходи, Хаата, — тихо бросает Гриз, повернувшись к даарду. — Твоя клятва выполнена — веретенщик меня укусил. Тут уже всё закончено. Теперь иди.

Воздух звенит, будто колокола, и он наполнен розовым благоуханием. В нём без остатка растворяются слова на языке терраантов — напутствие или предчувствие встречи. Отвечает ли Хаата что-нибудь, прежде чем отвернуться?

Закрываю глаза, а когда открываю их, фигура даарду растворяется в зарослях роз, словно сон.

Губы мои горят, а благоухание кажется горьким и оглушает, и я тону в единственной мысли: «Она тоже... тоже!..» И в звенящей, синей глубине шторма — где-то там далеко скрывается тщедушная фигурка даарду... хотя разве её выпустят за пределы поместья?

Но это неважно, и всё остальное неважно тоже — потому что волна, горячая, алая, как розы, смывает весь мир, и остаётся лишь моя невыносимая, взгляд которой мне так важно встретить сейчас — чтобы знать, что я не сплю, что это не яд веретенщика в крови, не безумное видение, что невозможное может быть правдой...

Развившиеся волосы упали ей на лицо. Она нетерпеливо стряхивает их, отворачиваясь к Гроски. Тот баюкает коробку, которую он только что наморозил магией с печати.

Вид у него скорее обречённый, он бормочет: «Предлагал же — по башке и в мешок». Но Гриз Арделл качает головой и ищет взглядом кого-то.

Не меня — я стою в двух шагах. А позади стоят другие — свидетели того, что было, и словно из толщи хрустальных вод я вижу их лица. Улыбку Аманды, лукавую и радостную. Лёгкое изумление на лице Нэйша. И у Мелони — выражение, которое легко прочесть, как «Да наконец-то уже».

Но моя невыносимая ищет глазами кого-то другого — словно он тоже присутствовал на этой странной беседе.

Словно вот-вот задаст вопрос, на который непременно нужно ответить.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— Она искала Белый Лис. Меч ваших предков.

Кабинет Хромого Министра поражает хаосом. К серебристой обивке стен пришпилены бумаги и карты. В круговерти бумаг на столе можно потерять дюжину шнырков. Огромная карта прижата к полу корзиной с котятками. Рыжий котёнок, попискивая, гуляет по Велейсе Пиратской.

— Или, вернее, ей сказали, что Белый Лис должен быть *освобождён*.

— После моей смерти, полагаю. Надо же, как занятно.

Шеннет перегнулся через ручку кресла и всю забавляется с котёнком.

— Между прочим, называть эту реликвию рода *клинком девяти колен* было бы не совсем верно. Есть старое поверье — если девять колен рода владеют родовым атархэ, при этом все девять колен — с одним и тем же Даром, то атархэ становится непобедимым. Потому их и именуют *девятиколёнными*. Но Белый Лис видел девять колен Мечников ещё при Стимфереллах, а до того принадлежал Шеннетам из Вейгорда, хотя вир их знает, может, они не все были мечниками. Зато на их гербе как раз был белый лис. В общем, этому клинку самое меньшее — лет пятьсот, а в семейном предании и вовсе утверждалось, что он создан ещё до Войны Артефактов. Одними из тех Мастеров, которые владели настоящим искусством — так что их произведения были способны на невообразимое.

Остальные котята ползут вон из корзинки — всем хочется прогуляться по Кайетте. Хромой Министр уделяет внимание и им.

— Да... Но при мне эта реликвия в основном лежала в церемониальном зале. Непременный участник семейных церемоний — знаете, вынести, торжественно попялиться, не вынимая из ножен. При Вступлении в Право он так же торжественно передавался новому полноправному члену рода. На одну минутку. И хотя все родные как заведённые твердили, что это — бесценный атархэ... едва ли они знали, какие силы в нём скрыты. Если, конечно, такие силы вообще были.

— Про Белый Лис ходит множество легенд, — Она знает — кто мог рассказать бы эти легенды, но это потом, потом... Но всё же Гриз невольно прикрывает ладонью губы. Храня их тепло.

— Предок даже книжку написал. Вся эта чушь насчёт «гибель рода придёт, когда будет утрачена сия реликвия» и «лишь в деснице истинного Мечника Белый Лис просияет своей истинной силой». Считаете, даарду Хаата и её сообщники верили во что-то подобное?

— Вы сами видели. И слышали.

Едва ли Эвальду Шеннетскому нужно объяснять — кого хотели убить изгнанники-терранты при помощи Белого Лиса. Потому что считали, что никак иначе его не убить.

Шеннет с немного обиженным видом рассматривает укушенный котёнком палец. Так,

будто это не он пару часов назад в Сказочном зале обсуждал с Гриз судьбу Хааты. Будто это не его Гриз просила дать ей один разговор — а он в ответ настоял на месте этого разговора. И на присутствии «небольшой публики».

Будто это не было ещё одним испытанием.

— Всё хотел испробовать эти следящие артефакты. Мастер не соврал — качество отличное. Любопытно, где они всё же собирались искать этот клинок? Моя матушка озаботилась тем, чтобы драгоценная реликвия мне не досталась. Да к тому же, есть ещё эти семейные легенды. Будто бы Белый Лис исчезает для недостойных и появляется для достойных — словом, он сам по себе не так прост. Я, конечно, тоже интересовался этой тайной — полагаете, они могли напасть на какой-то след?

— Полагаю, едва ли. Скорее они нашли, что солгать терраантам-изгнанникам. Воспользовавшись тем, что на свой лад даарду весьма наивны. К примеру, сказали, что тайник может открыться только после вашей смерти. Или что мечом можно воспользоваться только после вашей смерти — помните, она сказала «освободить».

— К слову, знакомый клич. Вы не считаете, что это связано с...

«Освободи! Освободи! Освободи!» — взвываются хриплые голоса среди стен внутренней крепости. Гриз давит озноб (губы такие тёплые!).

— Хаата как-то сказала, что этих одержимых даарду посылает на поиски сам Всесущий. Едва ли Всесущий послал бы их искать этот клинок.

— На его месте я бы как раз послал кого-то искать этот клинок. Если то, что говорила ваша подруга, — верно...

Молчание в серебристой комнате. Среди стен, расшитых шёлком.

Если что-то может тебя убить — ты найдешь это, пока не нашёл кто-то другой. Но едва ли станешь посылать на поиски врагов.

— А я-то уж думал, кто-то напал на след и решил заполучить себе бесценную реликвию, — Шеннет делает выпад воображаемым мечом. — Почти обнадёжился. Любопытно было бы узнать, куда всё-таки делся этот клинок.

О Белом Лисе ходит много легенд, — молчит в ответ Гриз. Некоторые знаю даже я. Например, ту, по которой один вельможа купил себе место министра в обмен на реликвию предков. Или продал эту же реликвию. Или заложил в древнем заговоре — в обмен на способность читать в душах людей.

Впору поверить в то, что эта способность есть у Эвальда Шеннетского.

— Итак, нашим милым заговорщикам понадобилось содействие терраантов — и в лаборатории, и здесь. А господин Флористан обладал нужными знакомствами даже и в этой сфере — и нашёл, чем привлечь даарду на свою сторону. Обставил всё как обмен клятвами и вынудил нескольких изгнанников из племени выполнять его приказы. Может, они и сами были этому не рады, но посчитали, что цель стоит средств. Всё ведь так и было? А теперь объясните же мне, Гриз, почему вы просили её отпустить.

Он поднимает серого котёнка на колени и нежно поглаживает его. Но Гриз кажется, что пальцы Шеннета высекают искры о кошачью шерсть.

— Я не спорил с вашим решением — даже отдал приказ её не задерживать. И я вполне уверен, что на свой лад даарду Хаата преследовала высокие цели. Но она всё же пыталась убить мою жену.

— И после единственного раза не повторяла попыток.

— Одна попытка в случае с веретенщиком — неоправданно много. Вам не кажется?

Котёнок выгибает спинку и шипит — полная противоположность расслабленному, благожелательному хозяину.

— Вы сами сказали. Я попытаюсь спасти всех. И кажется, как раз это вас устраивало. Но если вам интересно, были ли у меня другие причины...

В крепости Гриз— нашествие шипящих котят. Горбят спинки, разевают розовые ротки. Вцепляются коготками в незыблемо стоящие стены.

— Первая — вы получили агента среди терраантов. Это разве не драгоценно? Что бы ни происходило с Кайеттой, терраанты и их верховный жрец — часть этого. Хаата объявится, если будет нужно, поверьте.

Шеннет и котёнок следят за ней с интересом. Как за птичкой, которая пока не подлетела достаточно близко для броска.

— Вторая причина — то, что вы узнали имя своего заговорщика из Айлора. Мне нужно повторять, что Хаата говорила о руке, которая нашлась для клинка? И вы же только что сами озвучивали легенды из книги о Белом Лисе.

Шеннет приопускает ресницы и отпускает погулять лёгкую мальчишескую усмешку. Можно было бы уже умолкнуть, но Гриз выдыхает последнее:

— И ещё — вы можете считать это первым из обещанных мне желаний.

Какое-то время они смотрят друг на друга. Первый министр Айлора и варг из питомника Вейгорда. А стены вокруг обращаются в лунный лес, серебрятся шёлковые стволы. А возле них — перекрёсток, где сошлась вся Кайетта, и диковинные звери разгуливают по дорогам, и воздвигся холм у перекрёстка — припорошённый ранним снегом бумаг.

— Девятеро и все их дети — как же приятно ощущать, что не ошибся в своём выборе. Значит, вы всё-таки решили подумать над моим предложением. А как с остальными желаниями? Я не ограничиваю вас во времени, но если вдруг...

На лунных перекрёстках вечно встречаются духи-искусители. С ясными глазами и открытыми улыбками.

— Вы услышите оба сейчас. Второе желание... мне нужно название цветка. Противоядия для Йеллта Нокторна.

Ты предвидел это, — думает Гриз. Предвидел и сделал ещё одним испытанием. И судьбу Хааты, и судьбу бедного Нокторна. Ты никогда не давал мне три желания, лукавый министр.

Потому что знал два из них.

— Вы любите «Балладу о васильковой деве»? Я обожал в детстве.

Шеннет слегка касается пальцами цветка в своём кармане. Полевой василёк. Свежий — они же наверняка есть в оранжереях...

Нужно сказать Аманде.

— Ещё что-то?

В голосе у него — настоящий интерес. Потому что этого он предвидеть не мог.

Гриз прикрывает глаза, делает вдох — ровный, будто вокруг неё сейчас — безумный смех кровавых нитей. Непременно нужно удержаться. Разжать ворота — нет, губы. Выпустить эти слова.

— Однажды... возможно... мне понадобится ваш Дар, Эвальд.

Котёнок спрыгивает с колен Хромца — и министр не ловит его. Он глядит на Гриз, приподняв брови.

— Мой Дар? Но ведь все в Кайетте сходятся на том, что вот тут, — он поворачивает затянутую в перчатку правую ладонь, — вир знает что! Кто-то говорит, что у меня и вовсе нет Дара. Некоторые уверены, что Печать у меня искалечена. Кто-то считает, что я при помощи Дара читаю мысли, кто-то — что перемещаюсь без Ви́ра, а кто-то — что моя Печать содержит сотню других Печатей, и я могу пользоваться любой Магией Камня. Так что это вроде как одна из великих тайн Кайетты — и вы правда хотите купить такого кота в мешке?

Он даже нашаривает взглядом кота для сравнения, но под взгляд всё попадаются котята — слишком мелкие. Приходится остановиться на серьёзном лице Гриз Арделл.

— Мне кажется, понять, что у вас за Дар, не так сложно, — говорит она тихо. Берёт бумагу из залежей на столе. Добывает из причёски шпильку.

— Надо же, — удивляется Хромец, — и быстро вы это поняли?

— В первые пять минут нашего первого разговора.

Шпилька погружается в чернила, и Гриз вычерчивает на бумаге знак. Сворачивает свой рисунок и передаёт Шеннету.

Эвальд Шеннетский разворачивает бумагу и целых три мига рассматривает то, что на ней изображено.

Потом вскидывает глаза — и широкая улыбка делает его лицо совсем молодым.

— Приятно видеть — насколько я в вас не ошибся.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Они уходят на закате, завершив последние дела.

Зимний день алеет стремительно — через прозрачный купол оранжереи кажется, что в небесах разом расцвели сорок тысяч роз.

Касильда Виверрент выходит проводить их в оранжерею. Рихард Нэйш хорошо справился со своей ролью — прогуляться в плаще до черного хода и обратно. И теперь все, кто следит за замком, будут знать: нашёлся тот, кто по-настоящему любит хозяйку Цветочного Дворца. Высокий и статный, таинственный знатный вельможа — и спящая дева. Всё как в сказке.

Даже награда в конце.

— Надеюсь, это сможет хоть немного окупить то, что вы для меня сделали.

Касильда учтиво распрощалась с остальными и теперь вручает Гриз чек. Подпись и печать Линешентов — чтобы можно было обналичить деньги в Вейгорде. Сумма заставляет Гриз приподнять брови.

— Вы очень щедры.

Питомник наконец-то может расплатиться с долгами. Может быть, нанять пару новых сотрудников. Расширение птичника и загонов для гидр, защитные артефакты...

— Малая часть моей благодарности, поверьте. И если вам когда-либо понадобятся средства или услуга — прошу, обращайтесь ко мне не стесняясь.

Поблагодарить выходит скомкано и рассеянно — она знает, что едва ли прибегнет к этой возможности. *Это слишком уж будет похоже на ответ.*

— Эв не смог прийти, — говорит Касильда тихо. — Он, кажется, готовится к какой-то важной встрече. И потом...

Согласно легенде, мы ведь расстроили планы Хромого Министра. Так что едва ли он стал бы прощаться с нами.

И потом, всё ведь уже сказано.

Касильда не просит её больше подумать, не даёт напутствий. Дружески пожимает руку: «Для меня было честью познакомиться с вами и вашей группой». И вот уже Гриз Арделл идёт к выходу из поместья, нагоняя остальных.

Небо наверху прорастает небесными маками и гиацинтами, и в кармане куртки, рядом с чеком — два прощальных наставления от Эвальда Шеннетского.

Бирюзовый сквозник — «Если вдруг захотите связаться со мной».

И запечатанное письмо, адресованное неведомо кому.

«Однажды к вам придут», — и лукавый, мальчишеский прищур говорит: не хочу портить сюрприза. «Не волнуйтесь о проблемах из-за того, что вы съездили в Айлор. Но однажды к вам придут — и тогда вы передадите это письмо. А потом решать уже вам».

Туман вокруг ограды закручивается причудливыми спиралями. Укутывает два герба на воротах. Мягкой лапкой прикрывает девиз «Любыми путями» над перечёркнутым клинком.

Янист пытается поймать её взгляд, когда она проносится мимо них с Гроски — но она уже впереди. Потом. Она всё скажет ему потом. Объяснит, извинится. Найдёт нужные слова.

Нэйш, Уна... Мел чуть ли не обгоняет невозмутимого господина Даллейна. И прореха — на том месте, где была Хаата. «Тело» лишилось одного из членов. Опять.

— Зачем спешить, когда сказка закончилась, ненаглядная? — окликает Аманда, когда Гриз равняется с ней.

Гриз замедляет шаг:

— Ты веришь, что она закончилась?

— Сказки это плохо умеют заканчиваться — за каждой следом тянется другая... Это сказал кто-то, не помню, кто. Наши *хальмау* — мастера сказок — могут рассказывать иные истории днями и ночами — словно куют цепи из лунного серебра. И продолжится сказка или оборвётся — решает лишь её сочинитель.

Всесильный сочинитель, кивает Гриз. Тот, что всегда знает, как распорядиться сюжетом... может ли он предсказать все действия персонажей?

Аманда идёт рядом, чуть пританцовывая. Мурлычет песню. Может быть, о противоядии, которое наконец-то создано и отправлено в имение Нокторнов? О глупом мальчишке-Мечнике, который будет жить — пусть изуродованный, искалеченный, пусть на восстановление потребуются годы, целители, зелья...

— Новая? — спрашивает Гриз, вслушиваясь в незнакомый мотив. Аманда кивает, напевает пару строк на своём языке — о дворце, что утопает в цветах, о зачарованной царевне и ядовитом веретене.

— Веретено? — не так уж хорошо она знает язык нойя.

— У моего народа нет слова для веретенщика, медовая. *Матаризэ* — ядовитое веретено. Не думаю, что от этого моя песня станет хуже: в ней столько всего! Любовь и чары, сон и обман, коварство и заговор... Клянусь блуждающими огнями, песни о сказках получаются самыми лучшими. Что ты печальна, золотая моя? Я должна спеть о ком-то ещё? О ком-то совсем особенном, может быть?

Аманда косится туда, назад, где бредёт рядом с Гроски молчаливый Янист... Но Гриз не оглядывается.

— Спой о коварстве сказок, — соглашается она. — О том, какими они были до того, как стали сказками. Спой о том, что в настоящей жизни злодей из сказки может оказаться героем.

— А! — нойя щёлкает пальцами. — Не зря тебя называют Попутчицей в наших лейрах: ты хорошо знаешь, как делают песни! Спою, сладкая, непременно спою. Только вот остаётся один вопрос...

Она поворачивает к Гриз разумыяненное лицо и выгибает брови-дуги:

— Если злодей в этой сказке оказался героем — кто оказался злодеем?

ХОРОТ ЭВКЛИНГ

Премилосердная Целительница Тарра улыбалась печально.

Простёртые ладони готовились дарить тепло. Одевание и волосы источали свет — приглушенный золотистый, почти живой. Особый состав краски — от него в полумраке храма одежды и волосы статуи словно бы струились, а сама она, казалось, сейчас шагнёт вперёд. Встречать того, кто отмечен знаком её мужа — возлюбленного Хорота Мечника.

«Входи, входи, о благословлённый мужем моим, и прости ладонь в ответ, и назови имена тех, кого любишь — чтобы попросить для них моего милосердия...»

Хорот усмехнулся, подкрутил чёрный ус.

Истинный мечник любит лишь свой клинок.

Разящий лёг в ладонь теплой рукоятью. Родовой *атархэ*, клинок трёх колен Эвклингов — с льдистой сталью и удобной рукоятью из кости альфина, с завораживающей прямой статью ясного лезвия, чуть замутившегося у кромки — словно от дыхания. Вернее любой девицы, прекраснее глаз распутниц — и радуется пальцы лучше, чем женская грудь. И музыка, когда — покидает ножны, и сливается с ладонью, с Печатью Дара, и они одно — мастерство мечника, магия клинка и Дар.... Танец, полёт, пламя и вино, и ни одни женские губки не подарят ощущения, какое испытываешь, когда видишь, как падает твой противник. А страх в глазах, когда в горло упирается наконечник Разящего, царапает кожу — чуть-чуть... Ликование толпы, восторженное сияние в глазках красавиц на трибунах, опаляющее ощущение того, что ты — опять! Ты — первый! Приз турнира твой!

Взгляд Целительницы из-под купола казался укоризненным. В храмах Тарры Премилосердной не обнажают оружия, не льют крови. Я же посланник твоего мужа, — усмехнулся Хорот. Зачем-то же меня нарекли его именем. И не зря к нему присовокупили прозвище Разящий — от имени моего меча. Ни одно из этих имён я — первый клинок Айлора — не посрамил. Пока я ещё не первый клинок Кайетты — но у меня всё впереди. Когда-нибудь Разящий встретится с Верным, клинком Дерка Горбуна, — и возьмёт верх, и напьётся крови, потому что какой смысл оставлять в живых калеку, который посмел одержать над тобой верх уже дважды?

В Вейгорде объявят траур, а Илай Недоумок будет рыдать по своему кузену-заступничку...

И та, которая носит на ладони твою Печать, — наградит меня, потому что я избавил её народ от врага.

Из глаз статуи медленно вытекали слёзы — ползли по щекам, сползали по одежкам к подножию. Всегда улыбается, чтобы подбодрить. Всегда плачет, чтобы посочувствовать.

Что ты делаешь в моём храме? — спрашивала Целительница Тарра из мрака, который разгонял свет её одежд. Зачем пришёл сюда, если тебе не нужна молитва о милосердии?

Мечники плохо знают, что такое милосердие, но хорошо знают — как разить.

Удобное место, — ответил он самому себе. Ночные жрицы здесь под обетами молчания, и легко перерезать выходы, в случае чего... и есть, где схорониться и послушать — здесь же повсюду «места для отдохновения», деревянные кабинки с мягкими креслами для странников и ищущих молитвы и уединения...

Памятное место. Ибо три года назад я был на той несостоявшейся коронации. Когда Гилмет, сын почившего Даггерна Шутника, готовился принять корону — и всё случилось: внезапная тьма в чертоге и зловещий шелест, онемевшие, растерянные жрецы валятся на колени, звенит корона, выпадая из рук посланника Кормчей, и пылает плащ, и мечется жалкий крик некоронованного... И истошный вой, вопль толпы, которая собралась снаружи: «Знамения! Знамения!!»

Ползущая по стенам храмов кровь, водные вихри и пожары, расколотые плиты и упавшие статуи, увядшие цветы — и всё это одновременно, но об этом он узнал потом. А тогда стоял вместе с остальными, оглядываясь во тьме, слушал пугливые крики, сквозь которые прорвался призыв: «Храм Целительницы! Храм Целительницы просиял!!»

Тогда в числе первых бросился наружу и сиянием Разящего отпугнул обалдевшую, вонючую толпу черни — он стремился сюда, к храму, вокруг которого погасали остатки золотистого, будто бы солнечного света.

Свет развеивался, уходил от стен, но задержался на дверях — и они распахнулись, когда Хорот был в двадцати шагах. Тогда он узрел её — дивное видение в золотом свете, девушку в короне ослепительных волос, посланницу Целительницы из Благословенных Земель и истинную королеву — это поняли все, кто увидел её и Печать на её ладони.

Позже её признают родовые артефакты, она окажется одной из дочерей свергнутого короля. Пройдёт проверку под зельями правды и расскажет, что её скрывала от погони её покровительница, Касильда Виверрент, жена Эвальда Шеннетского. Арианте присягнёт большая часть знати, и сторонники Даггерна Шутника будут арестованы, и будет коронация — совсем другая, сбывшаяся...

Всё будет позже — но в тот день он, Хорот Эклингский, Эклинг Разящий, шагнул вперед — и преклонил колена, и положил свой меч у её ног. Присягнул ей — первым.

Потому что уже знал, что видит перед собой.

Величайший из турниров — и самый желанный приз.

Мечники всегда склоняют колена, когда турнир начинается.

Она чуть улыбнулась ему тогда — слегка испуганной и немного детской улыбкой. И всю ночь он представлял её своей: острые ключицы и ещё не налившиеся соком бедра, немного угловатые плечики, бугорки груди...

Это вскипало в нём каждый раз, как он видел её. Неважно — в тронном ли зале, на балах ли, где она иногда принимала его приглашения на танец, в делах ли милосердия — он обратился к благотворительности и был щедр, хотя на самом деле плевать хотел на ноющих, сопливых бродяжек. Но это позволяло видеть её чаще, а чтобы выиграть турнир приходится постараться.

Если разишь лишь клинком — непременно проиграешь.

Мечников считают прямыми и честными, усердными и недалёкими. Эвклинг старался не отходить от этого образа. Немного шрамов, немного танцев, тут вступить за честь дамы, там бросить опасную шуточку про тирана-короля. И — имя божества, и прозвище, взятое от клинка, портрет истинного Мечника, во весь рост: широкие плечи, гордая посадка головы, лихо закрученные усики и небрежный вихрь чёрных кудрей, дерзко горящие вызовом серозелёные глаза. Охотничий или парадный костюм и сокол на перчатке, и рядом — непременно клинок, тоже обнажённый, открытый. Всем ведь известно, что Мечники умеют только сражаться в открытую.

Разве может Мечник укрыться за своей славой? За охотами, восторженными шепотками

дам: «Какой галантный кавалер!», за безупречной вежливостью, танцами, дуэлями? Может ли скрыть изощрённый ум за Печатью? Спрятать за турнирами и призами истинный турнир?

Королева — последняя в династии. Династических же браков в Кайетте не заключалось вот уже тысячу лет, мелкие союзы князьков Тильвии не в счёт. Значит, муж будет избран из знати первого уровня любой страны, кроме враждебного Вейгорда. И тот, кто поведёт Арианту в храм, войдёт в род королей и станет со-правителем, а в случае рождения наследника и отхода королевы от дел — будет править.

Эвклингу было что предложить: его имя, его состояние, знатность, репутацию. И знамение — имя и Печать Мечника.

Мечник и Целительница, древний союз, который породил эту землю. Божественный брак правителей Таррахоры Сияющей — пусть Айлор и составляет лишь половину от неё.

Целительница и Мечник — освящённый веками союз.

И он предложил королеве службу. Всегда к её услугам и полон почтения. Оставил даже маленькие развлечения, которым предавался втайне: без визитов в Галотту, Град Разврата, было тяжело... но к турнирам следует приступить в хорошей форме.

Он швырял фамильное золото жрицам Целительницы. Строил больницы и жертвовал на приюты: хочешь завоевать приз — готовься к расходам. Он ликовал, когда прошёл процесс над Эвальдом Шеннетским — Шеннету не удалось одурачить юную королеву, и приговор к Правой Ночи выглядел только ещё более жестоким, чем мгновенная казнь.

Той ночью она была в королевской ложе вместе с Касильдой Виверрент. Но Эвклинг стоял недалеко и глядел на королеву. Видел её сошедшиеся брови, плотно сжатые губы. Неприкрытое сострадание за маской твёрдости. Одинокую слезинку на щеке. И пальцы её впились в перила, и казалось, что маленькая королева сейчас отменит казнь, отступится, пошатнётся, отведёт взгляд. Но она стояла, выпрямившись, и всё смотрела туда, где извивался в руках палачей бывший Плесенный Министр.

Однако излишек милосердия всё же сыграл с королевой злую шутку. Стены храма помнят об этом. О её шагах, когда она явилась сюда, чтобы исцелить Шеннета.

Это и для него памятное место. Для моего противника.

Шеннет — скользкая гадина, и раз уж выжил, — нашёл способ втереться в доверие к королеве. И не потерпит рядом с Ариантой кого-то ещё.

Я понял это быстро — в поединках учишься опережать удар...

И тогда... слышишь, Целительница? Тогда я подготовился к настоящему бою.

Хорот прошёлся перед статуей, прислушался — нет, лишь эхо его шагов. Тишина — и нет звуков... дичи, решил он, нет, уже не противника. Ловушка расставлена, осталось лишь захлопнуть. И разможжить визжащую, извивающуюся тварь, которая так долго ему мешала. Правая Ночь? Нет, на этот раз нет.

Полагаться на милосердие Мечника — всё равно что взывать к воинственности Целительницы.

Эвальд Шеннетский был препятствием. Он и его жена — потому что они имели влияние на Арианту. Этот треугольник забавлял Хорота: супруги, которые терпеть друг друга не могут, тянут маленькую королеву в разные стороны, дают разные советы... к чьим она прислушивается чаще? Ходят слухи, что всё больше принимает сторону Хромца. Впрочем, убережешь одного Шеннета — его жена обретёт большее влияние на королеву, может отговорить от брака. Нет, Арианта должна остаться одна — без наставников, без советчиков, растерянная, напуганная — чтобы прижаться к нужному плечу...

Своего героя и защитника, и истинного Мечника, а раз так — ему нужно не просто избавиться от докучливых помех. Нужен подвиг во имя Дамы — но не ради неё. Спасение своей жизни или репутации королева оценила бы, но Хорот знал, что она оценила бы больше. Видел, как она раздаёт свой Дар Целения — прикасается к язвам и гнойным ранам, к застарелым ожогам, к желтушным старухам в лихорадке...

Он должен был спасти народ, который она так любит. Уберечь от страшной опасности, источник которой — Хромец или Вейгорд — старое пугало со времён Братских Войн.

Старый Кодекс Мечника был намертво впечатан в память: *«Истинный мастер клинка не должен быть тороплив и беспечен», «Разум — твой лучший клинок».*

Эвклинг наблюдал за противником (*«Знай клинок противника лучше, чем свой!»*). Он решил не полагаться на знакомых наёмников и остановил выбор на посредниках Гильдии Чистых Рук. Чисторучки не сдают своих заказчиков, а их картотеку невозможно отыскать.

Он не называл имён и целей, не заключал порочащих контрактов. Осторожно выспрашивал у знакомых посредников: не хочет ли кто-либо навредить Айлору и королеве? Или её приближённым лицам? Он — верный слуга её величества, он желает лишь предупредить опасность, поймите же верно.

В Гильдии Чистых Рук хорошо умели понимать: Жаон Флористан подошёл к Хороту во время одного из благотворительных визитов. Учтиво раскланялся и завёл поразительной пустоты речь о благотворительности в Ирмелее: *«Вы достигли таких выдающихся успехов, может быть, мы сможем обменяться опытом».*

— Хотелось бы объединить усилия, — улыбнулся тонко, и перед глазами на секунду блеснула бляха со знаком Гильдии. — Досточтимая королева Ракканта утверждает, что взаимопомощь людей — истинное чудо. Вам ведь тоже нравится совершать чудеса?

Посредник Гильдии был обворожителен в общении и осторожен в речах. Когда они оказались наедине и в безопасном месте — он с пониманием выслушал слова Хорота о служении королеве.

— Королеву и впрямь окружают опасности, — промурлыкал сочувственно. — Впрочем, многие уверены, что некоторые из этих опасностей ближе, чем можно было бы представить.

— Я готов защищать его величество от любых козней и заговоров — пусть они даже исходят от доверенных лиц.

— О, мы всецело поддерживаем такие благие начинания, — улыбнулся Флористан мягко, и Хорот понял: Гильдия готова выступить против Шеннета-Хромца. — С надеждой на поддержку в будущем, когда вы — не сомневаюсь — обретете более высокое положение. Мы уповаем на то, что вельможа с такой репутацией не забудет тех, кто оказал ему помощь.

Потом обсуждали условия — и Хороту казалось, что он пытается догнать на охоте лисицу среди деревьев. Флористан оплетал словами, говорил о своих «обширных связях». И цеплялся маленькими зубками за каждое условие в контракте: время — до года, в случае успеха — не менее ста тысяч золотом за контракт посредника, до пятисот тысяч — за услуги Гильдии в течение пяти лет, возвращение Гильдии вольностей, ограждение от законников и конкурентов...

Эвклинг хмыкал, выслушивая это. Что ж, если Гильдия поможет ему избавиться от Шеннета и Касильды и совершить подвиг во имя королевы — можно отдать им многое.

— Вы торгуетесь так, словно уже отыскали решение моей небольшой проблемы.

— Я же говорил, что мне нравятся чудеса, — оскалился по-лисий посредник. — И я ведь упоминал о своих обширных связях? Вас ждёт воистину великий подвиг: похоже, вам

придётся спасти королеву и всю страну от нового Сонного Мора.

Новость о веретенщиках поразила Хорота. Безумцы, которые возродили этих тварей — и более того, собираются их разводить!

— Они ведут дела с пустошниками Гегемонии, — сказал посредник, и Хорот поморщился: проклятые самим Камнем, обделённые неудачники, мелкое недогосударство, провозгласившее, что ему не нужна магия.

Пришлось согласиться на личную встречу при одном из сотни храмов Эрдея. Благочестивая миссия — поездка в Град Жрецов, ничего больше. И четверо мужчин в полутёмной пристройке Храма Мечника. Все в капюшонах, никто не называет подлинных имён. Дерганый и нервный тип — от этих безумцев-разводчиков; низкий полноватый коротышка с чистой ладонью — от Пустошей. И он, первый мечник Айлора — подавляющий дрожь от общения с мразью.

«Мне хотелось бы узнать — для чего вы возродили этих тварей?»

«Но... научный интерес... вы же понимаете, уникальные создания! И если воссоздать их в первозданном виде, времён Братских Войн...»

Шайка помещанных на науку восторженных нищевродов — им нужны были деньги, деньги и затишное место для экспериментов, а в обмен они готовы были предоставить что угодно.

Пустошник же общался с Флористаном как со старым знакомым. Тихо заверял, что они всемерно поддерживают проект и обеспечат обустройство лаборатории. Однако у них не хватает нужных знакомств в остальной Кайетте, и они были бы признательны, если бы кто-нибудь оплатил охрану.

Низменное отребье, пустошник был уверен, что попал на глупца, который не поймёт — что нужно Гегемонии. Устроить ещё один Сонный Мор. Навести ужас на тех, у кого магия есть — что ещё может эта разбойничья шайка с Пустошей, как не мстить исподтишка тем, кому повезло больше?

Однако как щит годились и эти. Заговор Гегемонии и Вейгорда — и он, Эвклинг Разящий, — тот, кто его разоблачит. Нужно было только впутать Хромца и его жёнушку.

Эвклинг предложил устроить тайную ферму веретенщиков в Вейгорде, на бывших землях Шеннетского. Флористан через связи Гильдии в Мастерграде разузнал о защите Цветочного Дворца: нет чар от бестий. Пустошник сообщил, что их учёным в союзе с чокнутыми разводчиками веретенщиков удалось создать особый состав, приманивающий тварей.

Через год Арианта вступала в Право — и после двадцатилетия могла связать себя браком. Всё должно было решиться раньше — к осени.

— Нужен кто-то, кто сможет подсыпать «пыль фей» госпоже Виверрент, — говорил Флористан, когда они в очередной раз связывались через «сквозник». — Кто-то, кто обеспечит успех дела, если что-то пойдёт не так и её не укусят сразу. И нельзя исключать, что в этом случае Касильда Виверрент обратится к кому-то за помощью. Хорошо бы занять возможного человека в такой группе.

Слуги Цветочного Дворца не годились: они приносили серьезные обеты — да и непонятно, сколько среди этих слуг соглядатаев Хромца. Следить удавалось лишь за самим замком да за нравами его госпожи — через частых гостей Касильды. С ними Хорот старался сойтись покороче — чтобы узнавать об интересах Виверрент.

— Ковчежники Вейгорда? — переспросил он как-то раз. — Безумцы, которые работают

с бестиями? Да ещё и из питомника, который носит имя Илая Полуумного?

Миртиа Стаглет, красивая пустышка, дальняя родственница Касильды, захихикала, затрещала с готовностью: ах, представьте себе, именно из Вейгорда, моя кузина из Тильвии к ним обращалась по поводу своего зверинца, очень рекомендовала эту Арделл — умеет держать язык за зубами, презабавно, она варг, вообразите себе. А команда такая экзотическая, у них даже есть нойя и наследница Драккантов, а ещё там, говорят, есть какой-то красавчик-устранитель, жаль, его не было...

— Девятеро, я и представить не мог, что пропустил такую увлекательную беседу! Могу себе представить, что госпоже Виверрент это всё было любопытно.

— О да, она казалась по-настоящему заинтересованной, и её познания о варгах весьма глубоки, разумеется, разумеется...

Глубоки познания о варгах у Касильды Виверрент, хозяйки Цветочного Дворца? Да к тому же ещё группа из Вейгорда — звучит как подарок судьбы. Он сообщил о своей догадке Флористану и принялся за дело.

Стоило лишь подбросить кому надо мысль о продажности ковчезников Айлора. Об их связях с Хромцом. Сделать так, чтобы это дошло до Касильды. Потом распусть слухи, что её муж взялся и за другие такие же группы — заодно вселяя в будущую жертву веретенщика уверенность в том, что что-то готовится. Попутно создать группе этой Арделл репутацию в Вейгорде — через салоны дам, сплетни да шепотки. Несколько предложений для друзей и знакомых в других странах взять заказы именно у ковчезников Вейгорда: «Ах, там же Драккант», «Ах, красавчик-устранитель». Иоберта Дорми и прочие из второго уровня знати, одержимые тем, чтобы приблизиться к самым верхам... Он узнал многих, когда окунулся в благотворительность — и те, у кого были зверинцы, с благодарностью принимали советы обратиться к Арделл. На свою же голову эта варгиня и впрямь умела делать что надо и держать язык за зубами. Жаль, что это же мешало её подкупить.

Впрочем, Флористан был по-прежнему неоценим со своими обширными связями.

— Думаю, у нас будет даже запасной вариант, — заверил он с видом фокусника, доставшего феникса из шляпы. — Мой добрый знакомый, специалист в разрушении планов и заметании следов. Надежнейший профессионал — если потребуется пойти за нас на Рифы. Что же касается варианта основного... о, здесь я вас поражу.

И впрямь, поразил — умудрившись завербовать терраанта из группы Арделл. Вернее, нескольких терраантов — лесные твари понадобились и в лаборатории.

— Этих милых созданий не кусают веретенщики, — пояснял развеселый Флористан во время их второй личной встречи. — Более того — они, кажется, могут с ящерками общаться. Будьте только молчаливы и таинственны — я всё беру на себя. Понадобилась крупица воображения, а то эти изгнанники ни за что не хотели служить за деньги. Так что клятвой мы их свяжем на других условиях.

Он нёс какую-то чушь про даарду, которые разыскивают *девятиколенный меч* — хотя для чего такой клинок жалким тварям?

— Вы хотите пообещать им Белый Лис?

— Нет, клятву принесёте вы. Вы же истинный Мечник, не так ли? Рука для клинка, — Флористан рассмеялся. — Увы, я понятия не имею, куда мать Шеннета или он сам задевали этот клинок. Белый Лис не так прост: вообразите, по некоторым легендам — он даже мог обращаться настоящим лисом, чтобы не допустить к себе руку недостойного. Этим и воспользуемся — скажем, что нашли клинок, но его надо бы освободить от последнего

владельца. Я проведу ложный обряд: я достаточно изучил даарду, у них разум семилетних. Поклявшись искренне, они поверят, что и вы клялись по-настоящему. Не всё ли равно — если мы получим, что захотим?

Флористан лицедействовал вдохновенно, с отдачей. Притащил Хорота на руины древнего храма, чертил по земле и поливал её кровью (вир знает откуда взятой), повторял о мече-звере, который найден, но который следует освободить. А когда девятиколенный клинок будет свободен — для него найдется рука. И удар будет нанесён. Здесь молчаливо стоявший у стены Хорот приблизился — и заставил Печать Клинка засеребриться во тьме.

Пещерные твари откликнулись вздохами из-под капюшонов. Их было три — все тщедушные, мелкие. Он даже не знал — которая из них из группы Арделл. Может, та, что тряслась и отнекивалась, а остальные убеждали её — скрипя и свистя на своём мерзком наречии.

Клятва пещерников оказалась короткой: сунули пальцы в землю да пошептались, словно листья. Потом главный шепнул в сторону Флористана: «Теперь пойдём делать, что нужно».

Нужно было — ждать осени. Терраант и агент Гильдии затаились в группе Арделл. Доставка веретенщиков в удобрениях — блестящая идея, которая принадлежала самому Хороту. Дальше дожидаться, пока Касильда поймёт, с чем столкнулась — когда в поместье начнутся смерти слуг. Конечно, она не уедет — бросить Цветочный Дворец на растерзание супругу, который может узнать все тщательно скрываемые тайны! Дальше — группа ковчежников и агенты Гильдии, которые должны проследить, что всё пройдёт гладко. Касильда Виверрент умирает, ибо никто не успел подарить ей лекарство — поцелуй любви. Если каким-то чудом Эвальд Шеннетский попадёт под укус и отправится за женой — превосходно. Если же нет... Тогда разоблачение. Веретенщики в Цветочном Дворце. Группа из враждебного государства с двумя диверсантами. Расследование, которое неминуемо выведет на ферму — тоже в Вейгорде.

Заговор с вейгордцами с целью убить Касильду Виверрент и учинить новый Сонный Мор в Айлоре — за такое Шеннета прикончат на месте. Учитывая, что раскрыть этот заговор должен Хорот Эвклингский, человек безупречной репутации, настоящий Мечник, который вступил в дело как друг Касильды Виверрент и из-за беспокойства за свою королеву... у Хромца даже не будет возможностей оправдаться.

С того места, куда он отошёл, лицо Целительницы казалось строгим. Глаза — следящими. Как у Кормчей — это всё, что он помнил о своём Посвящении: строгие, следящие глаза женщины, одетой словно в серебристые струи воды. Впрочем, здешняя Целительница и есть Кормчая: статую ваяли с портретов Летейи Стриан, храм строили вскоре после её Восхождения. Первая Кормчая из Айлора, великая честь — вести праведную жизнь, год за годом отдавать себя другим, чтобы получить власть и могущество, ещё сотню или две лет жизни и потратить — на что? На то же самое? Отдавать себя? Хранить Камень? Сидеть в башне и копить мудрость, вмешиваясь в дела людские лишь в редчайших случаях?

Эвклинг отвернулся от статуи, чтобы не засмеяться Кормчей в лицо. Он всегда знал, чего хочет и как этого достичь.

Ещё знал, что план битвы всегда далёк от самой битвы.

Сперва не заладилось с веретенщиками: проклятые твари дохли от холода, их не получалось заморозить на нужное время, живучей оказалась изначальная пара, но они не желали размножаться. Пришлось подождать, пока шайка учёных сделает образцы «менее хрупкими». Возникли перебои с каким-то нужным минералом — это стоило двух месяцев

ожидания. Потом было решено перенести всё ближе к зиме — чтобы веретенчики в ящиках не оттаяли и не проснулись раньше времени.

Затем Флористан намекнул, что, если подождать ещё немного — Касильда уж наверняка обратится к Арделл. Пояснять ничего не стал, снова сослался на обширные связи, но Хорот и сам заметил: с варгами творится неладное. Куда они девались — было непонятно, но половина групп ковчезников осталась без варгов за два осенних месяца. Наверняка это было связано то ли с Энкером и знаменьями в нём, то ли с нападениями зверей в питомниках.

«Терпеливый Мечник получает награду», — говорится в Кодексе.

Промедление играло Хороту на руку. Группа Арделл стала известной в кругах знати. Сперва была история с геральдионом — подарок небес. Джиорел Линешент на светском приёме обмолвился перед отъездом к родным, что те тревожатся за свой символ, питомца рода. Хорот отвёл его в сторону и осторожно заметил, что, конечно, он не стал бы советовать, однако раз уж Линешенты из Ирмелея — они могли бы обратиться к ковчезникам Арделл...

Малоумный Линешент — ничтожество, как можно было жениться на магнатской дочке с лицом деревенской бабы! — слушал и кивал. И обронил, что он-де слышал от хорошего друга, что группа Арделл вполне надежна...

«Хороший друг», — фыркнул Хорот про себя. Будто неизвестно, что жёнушка Линешента в дружбе с Касильдой Виверрент.

Линешенты не распространялись о том, что случилось в поместье, но слухи поражали воображение: ходили разговоры о сотнях бастардов, заточённых в подземельях замка, о кровавых ритуалах, фамильяре-перевёртыше, который в агонии вырезал половину Рода... Хорот наведалься в гости к семейству — поздравить с рождением сына. Заодно познакомился с мальчишкой-бастардом (Джиорел Линешент явно решил убить свой род, отдав его в такие руки) и выяснил, что тот пребывает от группы Арделл в восторге. Надо думать, даже ведёт с ними переписку — и обо всём этом будет узнавать Касильда.

Однако Мечник ещё не истощил своих милостей — и дальше грянул Энкер с дюжиной алапардов, мнимым явлением Ребёнка, потом истинным явлением... И женщиной-варгом, которая пыталась остановить самозванца. Эвклингу было глубоко плевать — кто на самом деле скрывался под капюшоном, но на ближайшем же благотворительном приёме он навел разговор на тему Энкера и мимоходом заметил при Касильде, что в Вейгорде, кажется, есть только одна варгиня, способная на такое.

Быстрый взгляд хозяйки Цветочного Дворца вполне его вознаградила. Она, впрочем, смотрела на него часто. Смотрела, и просила спеть в светских салонах, и не отвергала приглашения на танец — и в синеве глаз таилось обещание большего.

Он учтиво склонялся, прикасался губами к подрагивающим пальцам — не позволял себе ничего лишнего, даже ответов на лёгкий флирт. Его драгоценный приз, его королева не должна даже помыслить, что он может заглядеться на другую.

Касильда Виверрент раздражала. Когда она овдовела, родители принялись болтать про «выгодную партию» — но Хорот сделал вид, что не понимает. Он побрезговал бы взять жену из-под магната, к какому бы роду она ни принадлежала — к тому же, ходили слухи, что её муженёк промотал состояние, влез в громадные долги. Хорот согласился бы иметь её любовницей — роман с «цветочной затворницей» мог придать блеска в обществе. Он посвятил ей одну победу в турнире, ухаживал на светских вечерах, где она начала

появляться. Не слишком настойчиво: дворец, родовитость и красота были единственным ей достоинством в глазах Хорота — а ко всему этому прилагалась бедность, гордость, холодность и непоправимое благочестие со скукой пополам. По крайней мере до того, как Даггерн Шутник сыграл со вдовой Виверрент лучшую из своих шуток.

Говорили, что Касильда упала без чувств сразу же после того, как король заявил, что по «праву отца» пристраивает её замуж за ненавистного Шеннета.

Впрочем, такого ли ненавистного теперь — вот вопрос.

После свадьбы с Шеннетом вдовушка Виверрент пустилась во все тяжкие, чтобы насолить муженьку. Однако Эвклинг держался в стороне — принимал авансы и был галантен, но не более того. Не хватало быть втянутым в какой-нибудь дурацкий заговор против Эвальда Шеннетского — Плесенный Министр и без того только что раскрыл Заговор Семи Родов. Даггерн Шутник целую луну радовался разнообразием казней.

Впрочем, кто знает, может, стоило быть ближе к Касильде — чтобы оказаться ближе к маленькой королеве.

Хорот прикрыл глаза, вызвал перед глазами их двоих. Касильда — синь глаз, безупречность строгого лица, будто выточенные из алебаstra черты, чёрные волосы — всегда подобраны, скрыты под жемчужными сетками. Её воспитанница — чуть пониже, округлое девичье личико и золотая корона волос, карие глаза — словно гречишный мёд: утонуть, увязнуть...

Он знал — которой стоит опасаться, а к которой — стремиться.

Истинный Мечник совершает свой выбор без колебаний.

Он не колебался, когда связался с пустошником через кристалл сквозника в тот день, когда в Цветочный Дворец прибыла группа Гриз Арделл.

— Меня беспокоит расследование, — признался Хорот в Водную Чашу. — Мои соглядатаи сообщили, что подручный Виверрент и двое из группы отбыли из дворца в поместье Дэриша. Как полагаете, они могут взять след?

Тёмная вода Чаши чуть колыхнулась. Донесла чуть слышно:

— Мы эвакуируем основную лабораторию в Вейгорде.

— Превосходно. Однако агент Гильдии — протеже господина Флористана — не слишком хорошо замечает следы. В то время как терраант, насколько можно судить, выполнила свои обязательства.

— Поручительство господина Флористана многое стоит.

— Разумеется, но я навёл справки об этом Гроски: низкое и трусливое существо, бывший законник. К тому же сейчас он работает в паре с неким Нэйшем, устранителем, о котором рассказывают дикие истории. Словом, я опасаясь, что в критический момент дело может раскрыться — а поскольку Гроски лично знаком с Флористаном, это грозит катастрофой.

Пустошник в Чаше едва заметным жестом выразил своё согласие.

— На карту поставлено столь много, — посетовал Эвклинг, — и я предпочёл бы последовать девизу Гильдии Чистых Рук: не оставлять следов.

— Гильдия вполне с вами согласна, — глуховато раздалось из-под капюшона. — Вы можете не волноваться.

Хорот заверил собеседника в своём почтении. Потом он в последний раз связался с Жаоном Флористаном — узнать, есть ли новости от соглядатаев вокруг дворца. Соглядатаи доложили, что в Цветочный Дворец прибыл Шеннет — должно быть, присмотреть, чтобы

жёнущку случайно не исцелили.

А Гризельда Арделл наведалься к безмозглому мальчишке Йеллту Нокторну — возможному возлюбленному Касильды. Нокторн был из тех Мечников, какими их представляют — оттого вызвал Хромца на дуэль и подписал себе приговор.

— Что ж, они могут продолжать поиски, — усмехнулся Хорот и навсегда распрощался с лучшим посредником Гильдии.

Взгляд Целительницы укорял.

Эвклинг Разящий хмыкнул негромко. Вытянул ногу, полюбовался носком сапога, окованным железом. Изящный узор.

И ни следа на плитах из розового мрамора.

Теперь уже всё неважно. Пусть группа Арделл покинула Цветочный Дворец, истребив всех веретенчиков. Пусть даже Касильда пришла в себя (кто же был тот вельможа в плаще у её двери?). Пусть даже Хромец с чего-то не добил свою жёнущку. Придётся несколько изменить версию, вот и всё. Турнир завершится боем один на один. И план боя уже готов, и время самому выходить — на арену, выбранную и обставленную им самим.

Выбирай поле боя так, чтобы оно доставляло неудобство твоему сопернику.

Он обеспечил себе аудиторию. И позаботился насчёт охраны — нужных людей ему рекомендовал ещё Флористан. Его не поколебали смутные слухи — что-то о законниках и их рейдах в тавернах.

Эта ночь принадлежала ему. И давно предвиденной битве.

Вытащить Эвальда Шеннетского на свет, в настоящее сражение, где этот слизняк сроду не бывал — дорогого стоило. У Эвклинга оставалось одно опасение: струсит, не придёт. В уме не укладывалось, что Хромец из рода Стимфереллов — с их-то клинком на гербе, девизом «Отвага и честность» и сплошными Мечниками во всех поколениях.

Шеннет может ещё и явиться с чересчур большой свитой: это зверь осторожный. Хорот, впрочем, постарался с приманкой. В послании говорилось о заговоре против королевы, и он настаивал на встрече один на один. А поручительством должны были служить сразу две славы: Целительницы-Тарры и Первого Мечника королевства. Разве может самый благородный придворный замышлять злое, да ещё в храме Целительницы?

— Памятное место.

Негромкий голос Хромца от дверей показался Эвклингу Разящему громче труб, зовущих к бою. Стук трости по плитам храма заглушился стуком сердца: пришёл! Явился! Попался!

— Господин министр.

Короткий поклон — и салют воображаемым клинком в начале турнира.

— Господин Эвклинг. Ждал чего-то подобного — но чтобы письмом, с личной встречей да в Храме Целительницы... удивили.

С чем представить противника, Дар которого неизвестен? К примеру, с бесполезной тросточкой. Представлять Шеннета безоружным было приятно.

— Отчего же вы были удивлены, господин министр? Вы должны были знать, что я, как истинный Мечник, не люблю увиливаний и лжи. Я решил поговорить с вами напрямую и выбрал место, которое напомнило бы вам о том, что однажды вам был уже дарован драгоценный шанс. Чтобы, возможно, даровать вам ещё один.

— А я-то думал, вы мне собираетесь сообщить про заговор против возлюбленной нашей королевы, — он мельком взглянул на статую Целительницы, словно отдавая ей почести, положенные Ариантой. — Да и я сам хотел бы кое-что прояснить.

— Не связано ли это с внезапным недугом, который поразил вашу жену совсем недавно? Знакомый недуг — для тех, кто читал о Братских Войнах и помнит историю Сонного Мора. Не так ли?

Воображаемый клинок подрагивал в руке от нетерпения — выцеливал бреши в защите противника.

— В самом деле — Кассильда что-то занемогла на пару дней, но теперь она уже в полном здравии. А с чего вы полагаете, что это связано с Сонным мором?

— Потому что я знаю всё.

Клинок описывал сверкающие дуги перед лицом противника, и, сцепившись взглядом, они шли по кругу...

— Я знаю о лаборатории, которую вы разместили на землях врага — в ваших бывших землях, в Шеннетене. Знаю о вашем сговоре с пустошниками и Гильдии. Знаю с веретенщиках, которых доставили в Цветочный Дворец вместе с удобрениями.

Он швырял фразы рублеными ударами — короткими, яростными. А Шеннет уходил, изворачивался.

— Поздравляю — у вас обширные связи, — лёгкий укол улыбочкой. — Прямо как у одного посредника Гильдии. Вы с ним, случайно, не беседовали по сквознику недавно?

Знает про Флористана. Плевать, Флористан мёртв, из Водной Бездони не свидетельствуют.

— Да. Я беседовал, ибо должен был знать о том, что замышляется. И если вы хотите знать — благодаря кому ваш план сорвался...

Вот я, перед тобой — небрежный жест, приглашающий нападать. Но Хромца едва ли как следует обучали поединкам в детстве — всё так же держит дистанцию.

— Мой план? Может, окажете милость и просветите — что ж я там такого назамышлял?

— Непременно. Однако сначала я задам вам вопрос. Почему ваша жена всё ещё жива, если она получила укус веретенщика?

— ...предположительный укус веретенщика, не так ли? — это уже явная защита! Теперь удар в брешь:

— Не пытайтесь увилить! Я знаю, отчего приключилась её недуг. И знаю, что вы были в это время в Цветочном Дворце. А сейчас ваша супруга внезапно исцелена, почему бы это?

— Вы что, намекаете, что я люблю свою жену? Или она тайно влюблена в меня?

Возмущение, смешанное с насмешкой — дурная защита, которую Эвклинг пробивает прямым колющим:

— Нет. Полагаю, вы допустили к ней любовника. Чтобы не утратить сообщницу.

И теперь, пока он ошеломлён — непрекращающийся град ударов, чтобы не успел задуматься:

— Я давно узнал о лаборатории в ваших землях. Увы, я только недавно при помощи Гильдии смог выяснить, насколько зловещие вещи там творятся.

— С опозданием я узнал и о веретенщиках, которых доставили в Цветочный Дворец. Можно было подумать, что вы собираетесь убить жену. Однако мои люди во дворце следили за Кассильдой. Они смогли сообщить мне ваш план. Веретенщики предназначались для королевского дворца, не так ли?

— Яд ваше оружие, извечное оружие. Яд и чужие руки. Не вы ли, к слову, убили моего посредника в Гильдии?

— Что мне оставалось делать, как не попытаться сорвать ваш план любыми способами? Мои люди пробудили веретенщиков до срока.

Вихрь ударов — как в настоящем поединке, лёгкое покалывание Печати, да ладонь, слитая с клинком. И попытки Шеннета выставить защиту — смешные:

— Получается, что за всю эту кутерьму во дворце... и, возможно, даже недуг моей супруги ответственны вы?

— Я виновен лишь в том, что обратил ваше зло на вас. Но и вы ведь не дремали? Вызвали этих ковчезников. Группа из Вейгорда, да к тому же с терраантом — хотели загнать тварей на положенное место?

— Действительно, там был терраант. Правда, у неё были какие-то другие цели. Что-то насчёт Белого Лиса, для которого якобы нашлась рука, стоит только меня убрать. Чья бы это могла быть рука, вот интересно?

Девчонка-терраант отбыла из Цветочного Дворца. Арделл со своей группой отбыла тоже — оставшись в живых. Хотя Эвклинг сам настаивал на её устранении: эта варгиня слишком рьяно взялась за дела. Но ни Гроски, ни пещерная тварь так и не смогли выполнить уговор... что они выложили Хромцу? Впрочем, уже безразлично. Касильде Виверрент всё равно конец, как и её мужу.

— Хотите вывести меня из равновесия гнусными намёками? Ничего, мы поглядим, кому поверят. Ибо я поручусь своим словом за то, что всё, мною сказанное, — правда.

Обманный рубящий — чтобы вынудить своего противника на предвиденную атаку.

— А других доказательств у вас нет? А то я ведь тоже могу поручиться словом.

— Вашим словом? — твёрдость в голосе переплести с отвращением, выставить как щит. — О, все хорошо знают — насколько ценно ваше слово. Даггерн Шутник мог бы подтвердить это — или любой из тех, кого вы предали. И если вы собираетесь на королевском суде поставить ваше слово против моего...

Эвальд Шеннетский молчал, и Хорот почувствовал, как его охватывает азарт. Словно рубишься с противником, который уже на исходе сил: вот-вот поразишь искусным ударом, нельзя только ослаблять напор.

— Доказательство найдутся и помимо моего слова, господин министр. Говорят, Цветочный Дворец хранит свои тайны намертво — какие тайны он хранит сейчас? Давайте же обобщем его как следует — с подлинными Мастерами, умеющими обнаруживать тайники. Спросим Касильду Виверрент под зельями правды — что она охраняет и почему вы так часто навеваетесь к супруге, которая якобы настроена против вас. Вы хотите услышать ответ, господин Шеннетский?

— Сделайте милость, — беспечный прищур, разведенные руки. — Сообщите же мне, что Касси там скрывает — а то в прошлый раз я прозевал целую наследницу престола у себя под носом. Что может в этот раз оказаться — просто страшно представить.

— Например, заговор, господин Хромец? — короткий, точный укол. Прямо в непрочный щит насмешливой улыбочки.

— Девятеро и их родители... опять?! Женушка, я гляжу, никак не угомонится. Против кого на этот раз? Неужто снова против меня?

Мнимое недоумение — какая смешная защита! Отвести круговым и рубануть напрямик:

— Думаю, вы знаете это гораздо лучше меня, господин Шеннетский. Это ведь ваши тайны скрывает Касильда Виверрент, которая так внезапно восстала после укуса веретенщика...

— ...предположительного укуса веретенщика.

— О, вы мастер отпираться. И, разумеется — всё случайности: то, на чьих землях были разведены эти твари, и ковчезники из Вейгорда — те, кто сможет обучить их, адресировать...

— ...клянусь всеми вирами Айлора — ну вот, нашёлся эксперт по дрессировке веретенщиков, а меня-то уверяли, что таких и в природе нет!

— Вы стакнулись с Вейгордом, господин предатель — и не пытайтесь увилывать! — Хорот Эвклинг повысил голос, и тот загремел, словно сталь о доспехи. — Вы со своей лицемерной супругой... не надо только говорить о любви, которую она питает к королеве! Всем известно, что Арианта Айлорская выходит из-под её контроля — её величество не желает быть марионеткой Касильды Виверрент... и вашей, не так ли? Поэтому вы решили сотворить всё это? Продать Айлор Илаю Недоумку... впрочем, нет — вы ведь договаривались с кем-то более влиятельным? Королева Ревелейна не стала бы вступать в сговор с предателями... не с Дерком ли Горбуном вы связались? Горбун и Хромец — занятно звучит!

Сладость наполняла его, текла по венам — радость настоящего боя, когда вместо щита — давний противник, проклятый Дерк Горбун, уродец со счастливым клинком!

— Вы так полагаете? — Шеннет притворялся заинтересованным. — Я слышал о Дерке Миллтарском, что он достойный противник. Сколько раз вы брали верх над ним на Аканторском турнире? Запомнил — не интересуюсь поединками на мечах.

Потому что не умеешь сражаться по-настоящему. Язвишь и пытаешься укусить исподтишка, запустить в плоть ядовитые зубы... Ничего, зубы скоро обломаются о мой доспех. Мой лучший из доспехов — о котором ты даже не знаешь, калека.

— Так зачем же, по-вашему, я вступил в заговор с кузеном Илая Вейгордского?

— Чтобы разрушить Хартию Непримируемости. — Вот он. Настоящий удар. То, на чём зиждется весь закон Айлора — лицо извечного врага. — Все знают, что ты мечтаешь о портах Вейгорда — так же, как Дерк Горбун мечтает накормить свой народ нашим зерном. Но наша королева почитает традиции и никогда бы не пошла на соглашение с вейгордскими псами. И ты с твоей женой решил продать Айлор — за жирный куш, не сомневаюсь. Веретенщики в королевском дворце... новый Сонный Мор и тысячи смертей...

Он делает мазки на своей картине гуце — плещет краски, не стесняясь: захват власти под шумок, смерти тех, кто близок королеве, и вот уже Арианта мертва — а на её место садится марионетка, готовая предательски заключить соглашение с Вейгордом.

— Не так ли, господин министр? Уверен, если обыскать Цветочный Дворец, даже притом, что вы могли уничтожить доказательства — что-нибудь да отыщется. — Дворец будет обыскивать он, конечно же, и потом, ведь Шеннету же нужно хранить где-то свои тайны. — Я даже уверен, что это был не единственный твой план — у лисы много нор. Так знай — если ты только помыслишь о том, чтобы нанести хотя бы какой-то вред королеве...

Он делает тяжкий шаг, без отрыва сверлит Шеннетского взглядом и специально швыряется этим «ты» — с пренебрежением, каждый раз — как удар щитом. И — *Мечник должен ловить каждую брешь* — легко подхватывает растерянность противника. Эвальд Хромец отступает, и в полутени лицо его кажется изумлённым.

— Вот, значит, ради чего вы это всё затеяли? Ради королевы Арианты?

— Ради его величества я готов на всё, — о, ты слышишь, там? Ты ещё не знаешь — сколь на много. — Вы с Касильдой считали меня только турнирным бойцом, не так ли?

— Нет, почему же. Вы и танцор тоже отменный.

Он наступает на Эвальда Шеннетского, вооруженный отточенными фразами.

— Зато ты отвратительный. И боец, и танцор, и заговорщик. Иначе не позволил бы мне проследить за твоей сообщницей и узнать о плане с веретенщиками.

— Да, это я, кажется, дал маху, — взмахивает тростью Шеннет (*глупец! Ты только что заигрался и подставился под удар!*). — Недооценил вас. Ну, кто бы мог подумать, что за Печатью Мечника может скрываться такое. Мои родичи-Мечники — а их у меня было примерно все — были людьми малость другого склада. Разве что с милосердием у них было так же туго, как у вас. Скажите, господин Эвклинг — вам их разве было не жаль?

— Ваших родичей? С чего бы?

— Нет-нет, я об этих бедных слугах. Умерших в Цветочном Дворце, вы знаете, — трость описывает неровный круг. — Когда вы так блестяще раскрыли заговор и пробудили веретенщиков к жизни. Что Касильда осталась цела — это вы слышали, а о слугах вам разве не доложили? Там двое садовников, повар, девушка, составлявшая букеты, ещё кто-то из оранжерей. Пять несчастных, потерянных жизней.

Мелочь. Пыль. Слуги — расходный материал. Но говорить так нельзя, потому что одна из кабинок в храме не пуста.

— Я скорблю о них, — голос нужно сделать приглушённым и печальным. Но оставить стальную ноту непреклонности. — И клянусь, что сделаю всё для их родных. Однако не на мне вина в их смерти — я лишь сделал то, что должен был. Вы с Касильдой не оставили мне выбора. Если на весах Айлор, мой народ, жизнь моей королевы — я готов идти на любые жертвы. Слышишь, ты..!

Теперь он словно бы вырастает — а Шеннет словно бы умяется в росте, и со следующим шагом Хорот Эвклинг, прозванный Разящим, точно впечатывает каждое слово — врубает сталью в камень:

— Даже если бы понадобилось сжечь ваше змеиное гнездо...

— Довольно!

Королева вышла из кабинки, где скрывалась до этого — и теперь стояла посреди храма. Закутанная в тёмную накидку, но всё равно — словно бы сияющая.

Он почувствовал вождение при взгляде на неё. Преклонил колени — поединок кончился, теперь только приз...

— Я слышала достаточно, — она не шла, а словно плыла в полумраке зала, между колоннами. Миниатюрное живое подобие Целительницы с такими же пышными золотыми волосами — и с такой же скорбью на лице. — Встаньте, господин Эвклинг. Я признательна вам за то, что вы так горячо печётесь о государстве... и обо мне.

Она глядела с теплом, и он постарался звучать смущённо, когда заверял, что готов на всё.

— Вы проявили большое старание, — Арианта жестом подняла его с колен. — Приложили много усилий и показали, как вы талантливы. Однако риск жизнями людей...

Казалось, он слышит падение каждой слезы Целительницы за своей спиной.

— Я буду вечно оплакивать этих несчастных, ваше величество. Поверьте, я не имел выбора и не хотел их смерти.

— Я верю вам, — голос у неё дрогнул, и он представил, как этим дрожащим голосом она будет просить его взять её на ложе ещё раз. — Но вы поставили под угрозу жизнь ещё одного человека. Человека, который мне дороже всего.

— Ваше величество — я был уверен, что Касильде Виверрент ничего не угрожает. Сейчас она жива и в полном здравии. Зная, как вы относитесь к ней... всё же хочу сказать, что речь идёт о предательнице.

Арианта выслушала это, плотно сомкнув губы. Взгляд глаз, карих и тёплых, шёл над головой Хорота. И при свете одежд статуи Эвклингу показалось — две Целительницы переглядываются друг с другом. Только на лице одной из них нет улыбки.

— Я говорила не о Касильде Виверрент, — очень тихо произнесла королева.

Меч сломался. Не Разящий в ножнах — воображаемый, которым он дрался только что, в лучшем из турниров. Хорот Эвклинг услышал предсмертный стон стали — отвратительный звук проигрыша.

Мечнику нельзя выпускать из виду своего противника.

Хромой Министр улыбался, глядя на королеву с неприкрытой, почти отцовской нежностью. Она ответила ему коротким, полным привязанности взглядом — и обратила взгляд на Хорота, и теперь в тёмных глазах были гнев и скорбь.

Он задыхался. Нелепица, глупость, столько хороших ударов впустую, ком в горле обрастает иглами, царапает нёбо, вот-вот вырвется хохотом. *Арианта Всемилосердная. Осудившая и подчинившая себе Эвальда Шеннетского...*

— Вы... вы были заодно... с самого начала заодно!

О, Мечник Хорот Твердодланный и его клинок — значит, она слушала, не веря ни единому слову, потому что было — его слово против слова того, кто ей дороже всех, против того, кто ей уже обо всём наверняка рассказал...

— Вы были... с самого начала...

Касильда Виверрент — ненавидящая собственного супруга... обманувшая его, воспитавшая у него под носом маленькую королеву... Его душил безумный хохот. Планы, вертясь, улетали из разума один за другим.

— Вы и Касильда... всё это провернули тогда... возвели на престол...

— Чертовски сложно было устроить все эти знамения, — вздохнул Шеннет. — И знали б вы, сколько денег ушло! Зелье онемения для жрецов, специальный состав для плаща принца — как вам была та вспышка, а? Да я только гонца из Акантора месяц шантажировал — тот не хотел ронять корону. Но оно того стоило, правда же?

Хохот булькал и переливался у Хорота в глотке.

— Но... Правая Ночь?

Хромец кивнул понимающе.

— А. Я совершил досадную оплошность, не убрав сразу всех сторонников бывшего короля. Вот они и начали мутить воду — в основном против меня. Но тут к ним прибавились сторонники самой королевы. Позарез нужно было выиграть время и бросить собакам кость. Ну, и... — он развел руками, — перед вами лучшая сахарная косточка со времён Великого Крушения. Расчёт был на то, что, пока меня судят и казнят, все будут пропихивать своих ставленников поближе к трону... все эти интриги, знаете ли, надежда на обновление с моей смертью... Касильда и еще кое-кто верный успели бы уговорить по-настоящему опасных противников. Одно плохо: мой распрекрасный план заканчивался моей смертью. Счастье ещё, Арианта нашла выход с этим целением — в последний момент. Я уж, признаться, всех кошек на прощание перецеловал и приготовился стать министром Водной Бездони.

— Не надо об этом, *карменниэ*, — шепнула Арианта. — Не вспоминай.

Она плакала, — вспомнил Хорот. Ему казалось это всё игрой лунного света, но он видел

тогда — прочертившую след на её щеке слезу.

Знак скорби, думали все, кто видел. Знак мягкосердечия.

Или просто тому, кто тебе дорог, делают очень больно по твоему приговору.

По щекам ползли теплые капли — целительные слёзы Премилосердной Тарры. Он так отступил, что прижался к ногам статуи, и теперь вечные слёзы неспешно падали сверху. Искрились, отливали, будто крошечные изумруды на его плечах — говорят, слёзы Целительницы превращаются в драгоценные камни...

Когда она хочет благословить кого-то на подвиг.

Разум опустел, и время планов прошло. Разящий с лязгом покинул ножны.

— Вы что, обнажили клинок в храме Целительницы, господин Эвклинг? Это не сулит вам ничего доброго.

Он усмехается и приподнимает брови, но это щит, щит и броня, — сказал Хорот себе. Там, внутри — мягкое нутро. Кровь и страх.

— Это не сулит ничего доброго тебе, — он ступил вперёд, и тихое пение стали наполнило древний храм. — Тебе и кукле, которую ты возвёл на престол. Мои люди стоят вокруг этого храма. Она пришла с единственным рыцарем, который уже мертв... как и твоя стража. Вы здесь одни.

— Калека и женщина, — Хромец приподнял трость. — Безоружные. А у Третьего Мечника Кайетты есть его клинок. Что же будет делать благородный рыцарь в такой ситуации? Что там говорят его обеты?

Защищать слабых и сберечь того, кому присягнул, и обращать клинок лишь на зло...

— Я поступлю согласно им, — улыбка вышла твёрдой и острой, как Разящий. — Обращу свой клинок на зло. Тебя давно нужно было пришить... ещё до Правой ночи.

— Распространённое мнение. Я даже допускаю, что вы в своём благородном порыве не остановитесь и перед тем, чтобы зарубить меня прямо в храме Целительницы и на глазах у королевы. Она, может быть, будет возражать...

— Думаю, не будет.

Арианта не глядела на Хорота — глаза её вновь были подняты к лицу Целительницы. Молилась она? Может быть, просто не хотела читать в его глазах свою судьбу — принадлежать ему на этих плитах, у ног своей богини-покровительницы. А потом быть связанной с ним обетами брака — если не захочет, чтобы кто-то узнал о её бесчестье и о том, чья она ставленница.

Королева молчит, вот и хорошо. Ей нужно привыкать быть молчаливой и покорной.

— Я бы вызвал тебя на поединок, чтобы не убивать безоружного, но змея никогда не безоружна. Всегда хотел знать, что у тебя на правой ладони. Сними перчатку и вытяни руку ладонью вверх.

Достаточно, чтобы увидеть Печать, но недостаточно — чтобы произвести пас. Впрочем, они стоят слишком далеко, чтобы можно было нанести хороший удар — Разящий легко рассечёт и отразит любой магический поток, а потом Хорот двинется вперёд — и лезвие безошибочно найдёт цель, перерубит глупую тросточку, прорежет ещё одну улыбку, пониже первой... И они не успеют сбежать: стоят слишком далеко от Хорота, но ещё дальше — от выходов. Особенно для женщины и калеки.

Слёзы Целительницы с запахом весны разбивались, покрывали его волосы и плечи благодатной, искрящейся изумрудной пылью. Разящий казался золотым клинком из легенд.

Рыцарь в зелёных доспехах и с золотым клинком — тот, из древней баллады. Который

сразил ядовитого змея у ног испуганной Люонны Златовласой.

Эвальд Шеннетский вздохнул, неспешно начиная стягивать перчатку.

— Вот за что я терпеть не могу Мечников, — говорил он, будто продолжая начатый давно разговор, — это за их веру, что знак на ладони определяет тебя с ног до головы. Даже когда они пытаются хоть немного шевелить мозгами... Поскреби малость — отыщешь всё того же рыцаря, самоотверженность с жертвенностью пополам. А между тем...

Чёрная перчатка взлетела в воздух, и Хорот Эвклинг на миг проводил её взглядом. На ладонь он взглянуть не успел.

Что-то скользнуло по коже, падая сверху. Хорот ощутил будто бы лёгкий удар по плечу, прикосновение холодного к шее и лёгкий укол под подбородком — словно булавкой.

— ...вы бы лучше по сторонам смотрели, пока я вам зубы заговариваю. Иначе давно бы уже догадались, что Целительница нынче плачет отнюдь не исцеляющими слезами, а с ладоней у неё не благословения падают.

Холодное пробежалось вокруг шеи, царапнуло кожу, и Хорот передёрнулся, схватился за это ладонью — ладонь тоже укололо, раз, два, и он швырнул в воздух проклятую, юркую тварь. Разящий взметнулся, разрубая маленькую ящерку напополам.

— Один из ваших, — заметил Шеннет, надевая перчатку опять. — Возвращаю, так сказать, хозяину — впрочем, вы же вряд ли видели их близко.

Хорот, оцепенев, смотрел на две части радужно-перламутровой ящерицы. Части еще жили, не понимая, что вышло время: одна сучила лапками и разевала рот, вторая дергала хвостом и извивалась.

«Мелочь, — стучало в висках. — Пыль, мелочь, блеф».

Смерть от лезвия — чиста, от яда же — позорна, и она не для истинного Мечника.

— Вы же не ожидали, что я, например, с мечом на вас брошусь, — говорил Шеннет, и его голос казался назойливым, тягучим. — Даже если бы у меня и был клинок — с детства всего этого не выношу, да и потом, вы же сами сказали — яд моё оружие.

Мелочь. Седой калека не может одолеть Истинного Мечника. Собраться с мыслями, нужно... меч, он ещё успеет...

Ему нужен был его Дар — и он воззвал к нему, но по венам вместо приятного жара растекся ледяной холод, и магия не пришла. Ему нужен был меч — но Разящий потяжелел во много раз, и тёплая рукоять покинула ладонь, звук падения донёсся — дальний и глухой, будто бы из бездны. Нужно было его тело — ловкое, гибкое тело мага Меча — и он потянулся за кинжалом, раз меч его покинул — и рукоять отказывалась подворачиваться негнушимся пальцам, а времени было так мало. Да ещё трескотня Шеннета, от неё раскалывалась голова, а ему, Эвклингу Хороту Разящему было так нужно что-то, так... нужно...

— ... о ваших людях, конечно, тоже позаботились... Милая, не стоит смотреть, я же говорил. Господину Эвклингу ты ничем не поможешь, и мы же не хотим, чтобы у тебя опять начались кошмары. Будь умницей, отвернись. Давай я кликну кого-нибудь, они тебя проводят к выходу.

Хорот поскользнулся на мраморе, залитом слезами Целительницы. Качнулся, опустился на одно колено. Он видел теперь их очень ясно: седовласый Хромец встревоженно выговаривал что-то, Арианта, в золотом сиянии волос, оперлась о его плечо и смотрела печально.

— Не нужно было этого делать, *карменниэ*, — Когда это маленькая королева

нахваталась языка нойя? Наверное, в изгнании. Звать Шеннета «лучшим из людей» — презабавная шутка.

— Знаю, дорогая, — он бережно вытирал слезинки с её щёк. — Будь твоя воля — ты раздавала бы всем шансы, как одна моя знакомая варгиня. Но в случае с господином Эвклингом темница или исчезновение вызовут много вопросов. Здесь же — он герой, который попытался остановить новый Сонный Мор и поплатился жизнью. К тому же, шанс у него остаётся. Сказочный шанс: трое суток на поцелуй любви, правда, пока его найдут и начнут поиски — нужно будет взаимное, истинное чувство. Так что, господин Хорот, если вы кого-то любили по-настоящему...

Свой меч. Истинный Мечник... только свой меч.

Колонны храма извивались, оборачивались змеями, разевали пасти, и нужно было пробежать через ряд чудовищ, рассекая их клинком — пробежать, чтобы попасть на ночной турнир с самым лучшим призом, и он не понимал, почему эти двое так говорят о нём: он не проиграл, он только выходит в бой, он ещё останется в песнях...

— Он останется в песнях, — говорил лунноволосый призрак, обнимая прильнувшую к его плечу светлую тень. — О нём сложат дивные сказки, можешь не сомневаться. О спящем юноше, который ждёт прикосновения губ истинной возлюбленной. Ну, пойдём, не надо смотреть.

Нет, смотри на меня, — хотел он сказать. Гляди на меня со слезами, подари мне свой поцелуй, стань моей Целительницей — и я буду твоим Мечником...

Она стояла над ним, глядя пристально, светло и строго — и он тянулся к ней, светящейся, изо всех сил, полз по холодным плитам. А вокруг были встающие на дыбы колонны, и меч оборачивался на полу храма то змеёй, то лисицей со вздыбленной шерстью, то тростью, трубы звали его на последний турнир, но он стремился только к ней, шепча немymi губами: «Милосердия, милосердия». Она не могла не откликнуться, и она откликнулась, склонилась над ним, в целительном сиянии, теплые слёзы упали к нему на лоб...

— ...что до пустошников и их участия в этой аванюре — со временем всё выяснится. Надо бы присмотреться к господам из Гегемонии пристальнее...

— А варги? Ты расскажешь мне о Гризельде Арделл?

Ресницы отяжелели, и он разомкнул их с усилием. Словно поднимал давно заржавевшее забрало.

Двое уходили от него по плитам храма. Невысокий седой мужчина помогал себе тростью при ходьбе. Девушка — ещё хрупкая, но с царственной осанкой — доверчиво опиралась на его руку. Склоняла к нему золотую корону волос — и бестрепетно шла в кипящий, глотающий всё мрак.

Мрак напал, и в нём были змеи и трубы, возвещающие концовку турнира...

Статуя Целительницы, возвышаясь над Хоротом, роняла слёзы на его лицо.

Милосердие — не для Мечников.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

Гриз Арделл ждёт.

Настоящая зима приходит с Днями Дикта Жестокосердного, и в питомник несут обмороженных животных, хищники начали подходить к селениям, а деревенские и городские охотники ставят жестокие капканы. И много дел — потому что теперь нет Хааты, и дежурить в закрытой части приходится своими силами, Гриз всё чаще уходит в патрули с Морвиллом, Мел натаскивает на помощь пару керберов, и нужно ещё перетирать травы для мазей от обморожения, подпаивать молодняк керберов и шнырков молоком с рыбьим жиром, разгонять пьянки Лортена...

Тысяча, тысяча дел. Она ждёт во время каждого из них.

Прощальные инструкции Эвальда Шеннетского ушли под кожу изогнутым кошачьим когтем.

«Однажды к вам придут», — и лукавая улыбочка, как бы говорящая: «Не скажу всё, чтобы не испортить сюрприз». От этой фразы не укрыться за стенами внутренней крепости. Фраза-окупант влезла внутрь, гуляет по улицам, пугает жильцов.

Новости бродят вокруг питомника, словно грифоны-шатуны в поисках пищи. Гильдия Чистых Рук уничтожена, и Тербенно не является: у него, кажется, успех и долгожданное повышение. Третий Мечник Кайетты Хорот Эвклинг спас Айлор от заговора и сам пал как герой, и губы сотен влюблённых девушек не подняли Эвклинга Разящего от зачарованного сна, не помог даже поцелуй королевы Арианты. Вейгордский Душитель нанёс ещё удар, и пропадают охотники, а безумие даарду ширится, и где-то вновь видели варга с фениксом...

От новостей горит правая ладонь — давно свободная от бинтов. От мыслей спасают бесконечные дела. Мягкая шерсть Морвила под руками. Улыбки и сладости Аманды. Дальний отзвук тепла на губах.

От ожидания не спасает ничто. «Однажды ко мне придут», — думает Гриз. Придут... ко мне? Почему не за мной? Что вы этим хотели сказать, Эвальд Шеннетский?

Приходят на десятый день после возвращения из Айлора. Вестница-Йолла нетерпеливо выплясывает в сумерках по ту сторону клетки.

— Гриз, ты это... ты занята? Лортен сказал — срочно чтобы. Там... к тебе вроде как пришли.

Гриз гладит керберику Кляксу — умница, всё хорошо, я ненадолго. Проверяет, как там письмо Шеннета во внутреннем кармане куртки.

— Сейчас иду.

У Лортена внезапно темно в его «приёмном холле». Бутылки и карты сиротливо раскиданы по полу. Лежит выпотрошенная подушка. В другой торчит кинжал. А от томика поэзии, кажется, трубку прикуривали.

— Есть кто? — негромко говорит Гриз.

Лортен вылетает из боковой комнаты — даже в темноте видно, что какой-то пришибленный. Спотыкается о грудку тарелок и взмахивает руками.

— А. Да. Это ты.

Хватается за статую обнажённой прелестницы и недоуменно рассматривает руки —

руки, несомненно, в варенье.

— Там... в общем, не ожидал, кхм. Что ты стоишь, а? Заставляешь ждать. Иди, давай...

Гриз перешагивает женские чулки, старается не споткнуться о деревянную ногу (или что это?!) и наконец-то достигает Лортена. Ждёт ещё пояснений, но директор питомника задумчиво лижет перепачканную ладонь:

— Хм. Малиновое. Где твои манеры? Явилась... в таком виде.

Слышать о манерах от Лортена настолько странно, что Гриз больше не спрашивает ничего. Шагает через порог указанной комнаты со странным чувством: сейчас всё повторится. Пламя камина озарит руку в перчатке на подлокотнике кресла. Потом из тьмы выступит трость с головой серебристой лисы...

Клинок — вот, на что она натывается взглядом в первую очередь.

Длинный меч в чёрных с серебром ножнах прислонён к софе, словно зонтик или палка для прогулок. Рядом небрежно раскинулся зимний чёрный плащ с капюшоном. Возле человека, который сидит на софе в странной позе — словно наклонившись вправо, положив руку на подушку.

— Добрый вечер, госпожа Арделл.

В душевной комнате, явно предназначенной «для утех», Дерк Милтаррский кажется чёрной кляксой на ярком фоне.

Худое, горбоносое лицо. Прямые чёрные волосы обрамляют впалые щёки, наползают на глаза. Первому Мечнику Кайетты едва ли есть тридцать — но он кажется старше. Может, из-за густых, сведённых бровей. Или из-за измождённого вида.

— Благодарю, Лортен. Прошу, оставьте нас одних.

За спиной Гриз торопливо захлопывается дверь. Судя по звуку — Лортен после этого куда-то не слишком твердо крадется. Быстро, на цыпочках, и подальше, подальше.

Повинуясь приглашающему жесту, она занимает кресло у камина. И ещё минуту они молчат и изучают друг друга. Варг Гриз Арделл — и легенда во плоти, кузен и приближённый советник короля, Первый Мечник Кайетты.

Из стали его глаз можно ковать острейшие клинки, а смотрит он, будто вглядывается в неизвестную книгу. Но тонкие губы сжаты то ли с обречённостью, то ли со скорбью. От этого у Дерка Милтаррского вид не воина, а древнего подвижника или затворника — кем его и считают в Кайетте.

Кто лишён гордыни скверны,

Чей клинок был назван Верным?

Строки... из песни, а может, из загадки. Это было совсем недавно, на Хороводный День: пылал камин, и невзгоды и боль ушли, отпущенные по реке с кораблями, а маленькая Йолла облизывала сливки с куска пирога и просила: «Янист, а теперь про Первого Мечника!» Раскрасневшийся Янист Олкест послушно нырял в память и рассказывал, переплетая быль и легенды: кузен нынешнего короля был единственным ребёнком в семье, и враг его отца подстроил несчастье во время катания на единорогах. Шестилетний мальчик был сброшен на всём скаку, и врачи твердили, что без мощного целителя шансов нет. Тогда ребёнка отнесли в храм, посвятив Великой Целительнице Тарре — и он исцелился, остался только с горбом. А через год Дерк Горбун получил Печать Мечника — и все дивились тому, какие успехи хрупкий мальчик делает в овладении Даром.

В рассказе были турниры и поединки в защиту обиженных, и истории о суровом милосердии и заступничестве, и восхищение тем, как двадцатитрёхлетний полководец сумел

обуздать Приграничную Смуту после смерти короля. Как стал опорой Илаю Вейгордскому, своему кузену и другу.

Рассказ всё тек — а она проваливалась в тепло, в запахи сливок и мёда, и Морвил тыкался в ладонь, и можно было вечно смотреть — на оживлённое лицо, россыпи веснушках на щеках, отросшие, растрепавшиеся рыжие кудри...

Нельзя об этом сейчас. Нельзя об этом вообще.

— Приношу извинения за внезапный визит. Но вы ведь ждали чего-то подобного?

— Да. Я ждала, что ко мне придут.

Голос у Первого Мечника спокойный и усталый. Лишённый властности и мечной стали — но лишённый и фальши.

— Вопросы, которые я буду задавать, могут показаться вам слишком прямыми или неприятными. Но мне говорили, что вы не сторонница обходных путей.

— Верно. Предпочту услышать всё как есть.

«Потому что вы знаете, что это за вопросы, не так ли?» — спрашивает взгляд первого Мечника. Гриз чуть склоняет подбородок: знаю, готова ответить.

— Ваш визит в Айлор девятницу назад. Без ваших пояснений он может быть расценен как нарушение Хартии Непримируемости.

— Хартия Непримируемости подразумевает лишь запрет на торговлю, браки и дипломатические отношения. Мы были приглашены как вольнонаёмные, директор питомника не был поставлен в известность и в нашей поездке не участвовал.

— Не сомневаюсь, — Дерк Милтаррский бросает взгляд на дверь, за которой где-то далеко прячется Лортен. — Но вы и ваши люди считаетесь состоящими на службе в королевском питомнике. Который, в свою очередь, считается прямой вотчиной короля Илая.

— Однако нашей заказчицей выступила Касильда Виверрент.

Насупленные брови слегка приподнимаются.

— Жена Эвальда Шеннетского...

— И, как всем известно, его злейший враг. Таким образом, выполнив распоряжение госпожи Виверрент, мы не оказали услуги Эвальду Шеннетскому или действующему правительству Айлора. Скорее уж, напротив.

Первый Мечник слегка склоняет голову.

— Можете ли вы сообщить, какого рода услуги вам пришлось оказать госпоже Виверрент?

— Только в самых общих словах и если вы будете настаивать. Это тайна клиента, и... боюсь, я сама не всё понимаю в этой истории.

Дерк Горбун снова кивает. Может, ему уже сообщил кто-то о веретенщиках на территории Айлора и о лаборатории в Шеннетене.

А может, эта беседа — лишь разминка, как в схватке на мечях. Перед главным вопросом.

— Вы говорили с Эвальдом Шеннетским.

— Верно.

— Что он вам сказал?

— Кроме всего прочего — он говорил, что однажды ко мне придут. И просил передать вам это.

Письмо Эвальда нагрелось в кармане. Посверкивает бирюзовой печаткой. Письмо ложится в жёсткую, мозолистую ладонь Мечника. Дерк Горбун касается печати правой

ладонью со Знаком Дара, вскрывает конверт и пробегает послание от старинного врага Вейгорда. Потом начинает читать медленно и вдумчиво. Иногда останавливаясь и перечитывая заново.

Гриз отворачивается к камину. Орудует кочергой в молчании. Стараясь не думать о том, что они преступники.

Нарушители Хартии между странами.

— Бросьте в камин, прошу.

Она молча берёт у советника короля письмо. Отправляет в огонь. И они вместе вслушиваются в сытое, довольное потрескивание.

— Нужно мне было прийти раньше, — говорит Первый Мечник так, будто беседует со своим доверенным лицом. — Я ведь собирался навеститься в питомник и до того. Илай... король спрашивает — как там его задумка. А отчёты Лортена, конечно, пространны... Но едва ли он в одиночку одолел орду пьяных танцующих яприлей.

— Яприль был один, и мы его не так давно выпустили на свободу. Но вряд ли вы хотели навестить питомник из-за отчётов Лортена.

— Верно. Хотел поговорить с вами. Но после Энкера решил выждать и понаблюдать, потом — знаете, как бывает — отвлёкся на иные дела...

Знаю, — кивает Гриз и старается не думать о Янисте Олкесте. С которым всё не получается поговорить: то он в отъезде, то она занята, а может — они избегают друг друга.

— Бешенство зверей в питомниках. Недавнее появление Ребёнка Энкера на улицах города. Сумасшествие терраантов. Исчезновение охотников. Вы полагаете — всё это связано между собой?

Под испытывающим взглядом Дерка Милтаррского Гриз старается не опустить глаз.

— Мне кажется, что что-то из этого может быть связано. Однако пока что связи я не вижу. Не вижу причины.

— Эвальд Шеннетский, — Дерк Мечник кивает в камин, где истлевает пепел от письма, — считает, что это лишь первые знаки. Признаки того, что мы на пороге войны. Не новой войны между Айлором и Вейгордом, но чего-то наподобие Войны за Воздух. Или может быть, ещё хуже — поскольку он полагает, что в это дело втянуты силы и стороны, которые нам неведомы.

— Именно так он и полагает.

— И вы не считаете, что он вам лгал.

— Нет. Я думаю, он не лгал в этом.

На миг ей кажется — сейчас сурово сжатые губы дрогнут, раздвинутся в улыбке. И Дерк Мечник поднимет её на смех. Сумасшедшую, которая верит, что Шеннет хоть в чём-то может не лгать.

Горбун молчит, глядя в камин. В глазах плещется теперь пламя.

Двое сумасшедших, понимает Гриз. Двое в одной комнате, которые верят, что Эвальд Шеннетский, Хромой Министр — когда-то да может быть искренен.

— Почему он обратился к вам? — спрашивает Дерк Мечник тихо. — Почему хочет избрать союзником именно вас? Он считает, вы что-то знаете?

Считает, что у меня есть некое оружие, которое я рано или поздно сумею использовать... Нет. Об этом нельзя. Немой договор не-упоминания — и не её тайна.

— Думаю, он считает, что я что-нибудь смогу узнать. Прочитать эти знаки или доискаться до причины. Я варг и ковчезник, жила в общинах терраантов... — Гриз

поворачивает правую ладонь, открывая шрамы. — И если в Кайетте орудуют варги крови — я смогу... может быть... понять, чего они хотят. Потому что знаю, как использовать Дар на крови.

— Да, я слышал об этом. Тяжкое бремя среди ваших собратьев.

Баллада, облекшаяся в плоть. Тонкий горбоносый профиль и меч с названием Верный. Благородство и сочувствие — в каждой строчке.

— Но ещё вы не умеете стоять в стороне. Дело Моргойлов, дело Линешентов... и это ведь вы были в Энкере на Луну Мастера. Законник Тербенно в своих отчётах очень красноречив. Скажите, а то, что вы не были арестованы или хотя бы допрошены...

— Шеннет. И поверьте, я его об этом не просила.

— Верю. Говорят, для Эвальда Шеннетского такое обычно. Оказывать услуги как бы авансом, ставя тебя в положение должника.

Мрачный взгляд сторает в камине вслед за письмом. Что-то было в тех строках. Оказанная услуга... тайна? Предупреждение?

Что-то, отчего Первый Мечник, ходячая быль, облёкся в тень и теперь вот похож на печального кондора с перебитым крылом.

— Мне не по душе Шеннет. Он предал двух королей, а из своей королевы сотворил марионетку и правит от её имени. Он достигает своего любыми способами и слишком уж часто бьёт в спину.

«А ещё он безжалостен, — добавляет Гриз мысленно. — Знаете вы историю о глупом мальчишке Йеллте Нокторне, который посмел поцеловать Касильду Виверрент?»

— Среди врагов Вейгорда в списке он — первый, и, как говорят при дворе, сделает всё, чтобы завладеть нашими гаванями. Он крайне опасен и как враг, и как союзник.

«Да, — вторит ему Гриз про себя. — "Любыми путями". Что случилось с Третьим Мечником Кайетты? Шеннет опасен. И он не остановится».

— Не говоря уж о его склонности к интригам, лжи и предательству. Слово Эвальда Шеннетского...

«...что может стоить слово того, кто даже любовь свою прячет под маской вражды с женой? Но...»

— Но отказать Шеннету в дальновидности или в проницательности — значит, быть полнейшим глупцом. Как и усомниться в его возможностях. Дело Гильдии их показало как нельзя лучше.

Разгром Гильдии Чистых Рук... Аманда смакует подробности, вольерные пересказывают друг другу новость в лицах. Лайл Гроски прячет глаза, а нынче вот в Вейгорд-тэн отпросился.

— И при всех своих возможностях, при всём могуществе, шпионской сети и агентах Шеннет полагает, что ему не обойтись без вас. Настолько, что готов торговаться и платить. — Ещё кивок в камин. — Что он обещал вам в обмен на поиск отгадок? Покровительство и все свои возможности — что-нибудь вроде этого? Он выразился туманно, но понять можно.

Он предложил мне больше, — молчит Гриз и топит, топит свой взгляд в своенравном пламени. Предложил мне... мимоходом и вскользь, когда отвечал на мой вопрос.

«Вы же, Гриз... вы попытаетесь спасти всех. Виновных и невиновных, вейгордцев, айлорцев, ирмелейцев, варгов, даарду, жителей Гегемонии, бестий и вир знает — кого ещё...»

В молчании Первого Мечника Кайетты растворено понимание.

— Вы не дали ему ответа.

Она качает головой и не поясняет — почему. Потому что — всех не спасти. И она знает, что за знак на ладони у Шеннета — и не верит, что Эвальд не преследует свои, тайные цели в этой игре. И она ковчезник на службе в королевском питомнике, и поставить под удар всю свою группу, сговорившись с Шеннетом...

— Истинный Мечник всегда верен присяге, — шепчет живая былина. — У варгов тоже есть что-то подобное? Не Кодекс Мечника, но... свод правил из тех, что тщишься соблюдать до первой катастрофы.

Он понимает её даже слишком хорошо. Хотя у него нет шрамов поперёк ладони — только знак Клинка на ней.

Да. Когда трещит и рушится прежний мир — не до обетов. Когда выбор — взрезать свою ладонь или допустить гибель людей — пальцы невольно дёргаются к поясу, где висит нож. Когда приближается катастрофа...

— В детстве я много читал о Сезонных Морах, как их называют. Пламенный Мор, Таранное Шествие, Война за воздух... Но пугало меня неизменно другое, — он распахнул настежь, словно дверь в дом, где не боятся воров. — Знаете вы, как родилась Великая Хартия Братских Войн?

— Хартия Непримируемости?

— Она.

Кузен короля кажется сгустком тени, прокравшимся в уютную комнатку по недоразумению. Черный, застёгнутый на все пуговицы сюртук — и чёрные волосы вокруг худого лица, на которое тоже пала тень.

— Два государства были обескровлены за тридцать два года войн и стычек. Сонный Мор и резня при Млгаре... Седьмая Кормчая вмешивалась восемь раз, взывая к миру. На девятый она потребовала подписания мирного договора. Пригрозив исключительной карой — отлучением всего народа бывшей Таррахоры от милости Камня. От магии. Но раны были слишком глубоки. Каждый потерял в тех войнах войну или друга. И Эдрих Разделитель, король Вейгорда, предложил подписать не договор мира, но договор вечной ненависти — обет быть всегда разделёнными во всём. В храме Мечника на границе...

Голос Дерка Мечника плавает по комнате — и древняя быль обрастает словами, как плотью.

— Белая ткань как траур по умершим. Алые чернила — как кровь, которую нельзя забыть. Они освящали это магией, кровью и водой. Клятва ненавидеть и презирать в веках. Пашни Айлора и порты Вейгорда — вечно порознь. Кордоны на границе — столетиями. Смерть для того из высшей знати Айлора, кто окажется на наших землях — и смерть для тех из знати Вейгорда, который посмеет ступить на земли Айлора.

Он подносит пальцы к огню — даёт обогреть их алыми отсветами, как кровью. И Гриз кажется, что она видит на запястьях белые цепи с алым заклатьем вечной ненависти.

— И вечное проклятие тем, кто посмеет сделать хотя бы шаг навстречу. Все храмы, воздвигнутые — в столице ли, в иных городах — ничто. Это наша настоящая религия. Ненависть — и проклятие тем, кто от неё отступит. И уже давно я спросил себя — не это ли первый знак для любой катастрофы?

Гриз прикрывает глаза — окунается в молчание, как в чистую, холодную воду. Так можно не смотреть на полководца Айлора и приближённого советника короля. Чей долг и

основной закон — ненавидеть.

«Все Пастыри Людей — Хищные, — когда-то давно сказал ей отец. — Все они — пастыри-на-крови. Их не учат спасать свои стада или любить их. Только вести на убой».

Отец мало знал про исключения из правил.

Древний пророк на её глазах перекидывается в воина, собранного перед схваткой.

— Я надеюсь, мы поняли друг друга, госпожа Арделл. Итак, ваш визит в Айлоф состоялся с моего ведома и по моему распоряжению. И впредь вы можете рассчитывать на любую мою помощь в своих поисках.

Он встаёт и буднично призывает к себе клинок — атархэ послушно впрыгивает в ладонь Первого Мечника, и тот прикрепляет ножны к поясу.

Полководец Вейгорда, приближённый советник престола и Первый Мечник.

Отступник от религии и основного закона своей страны.

— Если же вы решите дать Эвальду Шеннетскому своё согласие — и в этом случае будет считаться, что вы под моим покровительством. К примеру, что пытаетесь выведать у Шеннета его козни по поводу Вейгорда... придумаю что-нибудь. К сожалению, ни в моём кузене, ни среди двора мы не встретим понимания, если попытаемся действовать прямо. Однако — на своём Верном я клянусь, что сделаю всё, от меня зависящее. Ваш сквозник!

Их ладони с кристаллами соприкасаются — и кристаллы слегка теплеют: прямая и быстрая связь по первому зову. После этого Дерк Горбун размыкает рукопожатие. Кутается в плащ, жестом отказываясь от провожания: дойду сам, тут быстро...

— Вы не спросили у меня кое-чего, — вспоминает Гриз, когда он уже на пороге. — Не потребовали ответной клятвы. Например — сообщить вам, если я замечу, что Шеннет собирается воспользоваться ситуацией или навредить Вейгорду.

Первый Мечник поворачивается от дверей — горбоносый профиль на фоне чёрной ткани капюшона.

— В этом нет нужды. Что Шеннет собирается воспользоваться ситуацией — я и не сомневался. Если же он задумает что-то во вред Вейгорду — я не сомневаюсь в вас. Он написал, что вы желаете спасти всех. Теперь, когда я видел вас и говорил с вами — у меня нет причин этому не верить.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Да ладно, не жмись. Дельце-то было горяченькое, а?

Крысолов всем своим видом показал, что не уделит мне ни крупицы драгоценной информации. При этом стал немного похожим на отчаянно пафосного хомячка.

Я хихикнул в стакан.

— Какие секреты между старыми друзьями? Только не говори, что ты не участвовал.

Видок у Тербенно стал не только надутый, но и осуждающий. Достойный законник полагал, что я собираюсь вусмерть нажраться прямо на его законнических глазах.

Тут Тербенно в кои-то веки был прав.

— Ты что, никогда не слышал о вознаграждении? Я-то, в конце концов, подкинул тебе кой-чего вкусенького. Вся эта заварушка в бывшей вотчине Шеннета...

Само-то собой, я не стал вываливать Крысолову насчёт нашей поездки в Айлор и знакомства с Хромым Министром. По моим рассказам выходило, что мы с Нэйшем и одним

клиентом всего-то стаскались в Шеннетен. Где и пропадали несколько дней, ища клятую лабораторию с веретенщиками. А тут, пока нас не было, такие события, такие дела.

— Нет, ну правда, я же всё-таки имел дела с Гильдией... Давно, правда. Ха. Но имел как и с Корпусом. Так что не могу не любопытствовать, как это Корпус прикончил Гильдию. Это как если бы две твоих бывших подрались насмерть, а тебе не досталось билетов — в общем, парень, тебе не понять моей глубокой скорби.

Щёки Крысолова распирались от напыха гордости. У него на физиономии было прописано — и повышение, и эпохальная операция, и «вот оно, возрождение мощи Корпуса»...

Что было у меня на лице — так это уверенность в том, что в «Морёном дубе» лучший виски в Вейгорд-тэне.

— Только не пытайся меня заверить, что тебя не подключили — понимаю, конечно, начальство тебе малость не доверяет после той истории с Энкером и его мэром...

— Чтоб ты знал — я координировал операцию в Вейгорд-тэне! — шикнул на меня Тербенно, перекрашиваясь в бордовый. — И, чтоб ты знал, провёл её блестяще!

— Папочка гордится, небось, — сказал я, поглаживая бутылку.

Законник зыркнул по сторонам, не увидел у дубовых панелей ушей и процедил:

— Полагаю, я могу поделиться... открытой частью информации. Если ты, конечно, ещё в состоянии что-то воспринимать. Приказ пришёл внезапно и по секретным линиям. Обнаружена явка Гильдии в Вейгорд-тэне, взять со всей возможной осторожностью и всеми фигурантами.

Я постарался не похрюкивать в стакан при попытках совместить «осторожность» и «Тербенно».

— Подобные приказы получили по всей Кайетте... притом, лишь законники, зарекомендовавшие себя как... хм, — Крысолов значительной миной обозначил безупречность своего служения Корпусу. — Словом, те, на кого можно положиться. Нам было приказано прибыть с группами в точку условного сбора. В точке сбора нас ждали отряды боевых магов Корпуса. Инструктаж проводил я, уже на месте.

Тербенно сам выглядит малость изумлённым масштабом операции. Додумался, видать, что такое готовят годами. И поражён гением старины Холла Аржетта.

— «Честная вдовушка», ну надо же. Я туда даже раз или два заходил... пиво там отменное. И подумать не мог...

— Выглядит невинно, не так ли? — Крысолов подпустил благодушной пронизательности. — Впрочем, первый этаж — и впрямь таверна. Вот со вторым всё куда интереснее. Мы знали только, что внутри есть как минимум один завербованный гильдеец, который в нужный момент облегчит нам штурм. Но точных сведений не было. Значит, во-первых, нужно было незаметно оцепить дом. Во-вторых — у Гильдии наверняка были наблюдательные посты в соседних домах. Их нужно было незаметно вычислить и снять. Этим занялся Следопыт группы. В-третьих, нельзя было дать возможность кому-то из гильдейских поднять тревогу по Водной Чаше. Здесь нужны были мощные «глушилки»...

— Боженьки, как всё изменилось со снабжением в Корпусе...

Крысолов покашлял, словно решая — делиться или нет.

— Полагаю, была задействована какая-то из тайных служб... или какой-то из охранных орденов. Возможно, приказ Кормчей...

Так Шеннета-Хромца пока не называли — посмеётся, если вдруг свидимся.

Виски внутри глушит скользкое, мерзкое в глотке запахами дуба и костра. Одного не понимаю — какого чёрта я спросил Крысолова об этом. «Честная вдовушка» в шести кварталах отсюда, и с утра я там побывал: насмотрелся на выбитые окна и вынесенные двери. Перевернутые столы, чья-то сиротливо лежащая бляха в углу — не утасили ещё местные на сувениры. Остальное подчистую выгребли, как только Корпус провёл последние обыски и снял оцепление.

Пальма, правда, так и осталась чахнуть в коридоре второго этажа.

Память хрустит осколками битого стекла, когда я крадусь вслед за Тербенно. По дорожке из его воспоминаний: с оцеплением управились к сроку, Мастера работали скрытно, под местных портовых. Ко времени, указанному в приказе, раздался сигнал — шум драки, боевые маги начали одновременный штурм...

— Разумеется, я мог бы поучаствовать, однако вынужден был наблюдать картину со стороны, — Крысолов недовольно морщится. — Если бы что-то пошло не так ...

Понятно, кто-то придерживал нашего пёсика за ошейник. Наверняка кто-то из тихих и незаметных, как некий господин Даллейн, стоящий на службе у одного моего знакомого с тросточкой

— Таверна была полна, и если портовые рабочие и моряки сразу подчинились командам, то некоторые гильдейские попытались оказать сопротивление. Это обойдётся им в пять дополнительных лет на Рифах. Дальше началась работа — дознание, обыск и первоначальные допросы. Жаль, не удалось взять живым основного посредника... Когда я прибыл, он был мёртв. Какой-то яд, мгновенный и не реагирующий на основные противоядия.

Я помянул Стольфси ещё одним стаканчиком виски. Как помянул до этого Гильдию. И Флористана. И многих знакомых.

— Однако нам удалось взять бумаги — кое-что они сумели сжечь, но это мелочь. А вот захватили мы настоящее сокровище. Все действующие контракты, с подписями и печатями. Неопровержимые улики.

Я прикрыл глаза: сияющая физиономия Крысолова их слегка утомляла. Да-да, всё и скопом, не открутиться, верные Рифы для всех, кого успели захватить. Возможно, и для тех, кто на вызовах. В контрактах не прописываются настоящие имена, но расшифровки имён есть в основном хранилище Гильдии, которое тоже захвачено. Да и в контрактах же указаны цели. Так что очередного «чисторучку» легко взять тёпленьким.

Многие успеют услышать и сбежать. Но засвечены их имена, приметы...

Даже если Гильдия поднимется из пепла — ей не восстановить репутацию. Это разгром до руин, со сносом фундамента.

А кто бы ни стал на место Гильдии — теперь Хромцу достаточно постучать к ним в дверь и предаться сладким воспоминаниям. И он получит что угодно: информацию о любом заказе, любую договорённость, любой контракт...

— В Кайетте наконец-то стало чище, — Тербенно адресовал своей чашке с чаем победоносную ухмылку. — Как понимаешь, это всё не на один год. Шифровальщики трудятся над уже закрытыми контрактами — может быть, мы узнаем имена заказчиков. И в любом случае, как я считаю, Корпус наконец показал...

— А трактирщица?

— Что?

— Ну, там была какая-то... — пощёлкал пальцами, будто в попытках припомнить

имя. — Малка... Вилка... Милая такая, пирожки ещё... Я ж говорю, заходил пару раз. Она что, тоже из гильдейских? Вир побери.

— Милка Хротиа, — без запинки припомнил Крысолов. — Её допрашивали, но это не тянет даже на пособничество. Бедная вдова, таверна — единственное, что осталось от мужа. Её просто запугали, и она вынуждена была терпеть эту братию в своём заведении. По-моему, она вздохнула с облегчением, когда всё кончилось.

— Что-то сомневаюсь — учитывая, что осталось от её таверны.

— Таверну она продаёт, — мимоходом поведал Тербенно. — У неё есть накопления, к тому же, она получила небольшое наследство от тётки. Хочет обосноваться заново, в Тильвии... что? Я спрашивал. Предлагал обеспечить её безопасность — на тот случай, если оставшиеся мерзавцы заподозрят её в чём-то. И в конце концов, она идёт как свидетель — так что, если придётся что-то прояснить, я должен был держать связь... кхм.

У Крысолова был такой рассерженный вид, будто я подозревал его в непристойном. К примеру, в том, что он человек.

— К слову, она о тебе спрашивала.

Виски в стаканчике дрогнул, потек по пальцам. Я неторопливо пальцы облизал.

— Так-таки уж и она обо мне?

— Возможно, в процессе допроса нашлась подходящая тема, — Тербенно решительно дёрнул пуговицу на жилетке и перешёл на тон воинственный: — Да, я спрашивал, не знает ли она тебя. Недальновидно было с твоей стороны полагать, что я не воспользуюсь такой возможностью.

Нет, это-то я как раз мог предвидеть. У меня скорее другой вопрос — почему я не в наручниках.

— Она сказала, что ты заходил пару раз. Делал хорошие заказы — выпивка, закуска. Вовремя платил и помогал охлаждать бочонок. Потом спросила, не стряслось ли чего с тобой, потому что ты... кх... «славный парень».

Смешок упрямо прорывался через виски, но я всё заливал его — маленькими глоточками. Милку-умничку, конечно, допрашивали без «Истины на ладони», в свидетелей такое не заливают направо-налево. Стало быть, и на главный вопрос ухитрилась соврать — спасибо ей за это большое.

— О, а ты не спросил её, случаем, у меня был шанс в плане... ну, знаешь, — игриво повёл бровями. — Или ты озаботился другими вопросами? К примеру, моими связями с Гильдией. Любопытно бы знать, что она тебе насчёт этого ответила.

Перед глазами малость расплывалось — наверное, нужно было заказать закуску. Но если откинуться назад и прижаться спиной к деревянной спинке скамьи — можно как следует рассмотреть досаду на холёной физиономии.

— Сказала, что ты не имеешь отношения к Гильдии. Но это значит лишь, что ты не связан с вейгордской явкой.

Справедливо. Только вот доказательств, что я связан с какой-то другой явкой, тоже вроде бы нет. Крысолов это понимал, потому что выжал неохотно:

— Если уж начистоту... я был уверен, что ты направлен в питомник как агент Гильдии. Однако согласно бумагам, да и тем, кого мы захватили...

Он поджал губы, и я понял, что меня нет там. Ни в бумагах, ни в показаниях гильдейцев. Боженьки — как Шеннет это-то провернул?! Куда делись Щур, Эштон Весельчак, Малыш Хью и прочие, с кем я водил знакомство и кто мог меня опознать? Получается — их всех

вызвали? Или они все...

Я решил не заканчивать мысль.

— Ты, к твоему сведению, должен мне извинения. За такие нелепые подозре...

— Не дождёшься!

Крысолов бахнул ладонью по столу так, что чашка с чаем подпрыгнула и перевернулась. Я спас свой стаканчик от сотрясения и пронаблюдал, как законник, ругаясь вполголоса, отряхивает брюки.

— Может быть, не эта явка или вообще не Гильдия — но я тебя знаю. Такие, как ты, не меняются, так что рано или поздно ты снова возьмёшься за тёмные делишки. Если уже не увяз с них в головой. И, к твоему сведению, то, что мне дали повышение...

— Помянем... то есть, помои... то есть, обмоем?

Язык у меня начал порядком заплетаться, а разум — уплывать в тёплые дубовые дубравы.

— ...не снимает с меня расследования по Душителю. А значит, не освобождает тебя от необходимости присматривать за твоим напарником.

— Эхехе, — сказал я, напоминая себе при этом Сквора (только он одурел от весны, а я от более приятной субстанции). — Эхе-хе.

Крысолов смотрел так, будто в жизни не слышал более подозрительных «эхе-хе».

— А я вот как раз думал — может, я подзадержался в питомнике. Я тут... поднакопил малость денегат, — С учётом гонорара от Касильды Виверрент — сумма выходит нехилой. — Так что я вот думаю — может, податься отсюда. Заняться кой-чем другим...

Попросить у Тербенно адрес, извиниться перед Милкой, рассказать, что скучал, вместе поохать — хорошо, под облаву не попал... И забыть прошлое, охлаждать бочонки, таскать булочки из печки привычным с детства жестом...

Плевать на нитьё грызуна там, внутри.

— Ты серьёзно? — Крысолов щурился испытывающе. — Собираешься уходить из питомника?

— Мне в живот недавно всадили кинжал, к твоему сведению. Очень неприятный опыт.

Или прогнать озноб, бросить в Водную Чашу бирюзовый сквозник, сказать: «Согласен» — шагнуть в Айлор, разыскать дочку... Погрузиться в привычное: приказ — обдумывание — решение, только денег будет куда побольше... И будет защита того, кто перешагнул через Гильдию.

Только оттолкнуть скулящую крысу где-то под сердцем.

— Ещё я не очень-то люблю зверушек. И Нэйша... совсем не люблю. Вир побери. Арделл, конечно, душка, а эта нойя... так, тут ты опять вряд ли поймёшь... Но ты вот мне можешь сказать — что я забыл в таком месте?

Особенно сейчас, когда заказ Гильдии больше не держит. Самое время податься подальше от вольеров, гарпий, смертоубийственных выездов и неприятных тайн.

— То есть, ты пьёшь поэтому, — проявил Тербенно невероятный сыщицкий дар. — Потому что собрался сменить место работы?

— Нет, — глоток получился скорбным. — Потому что я порочное существо, которому только дай повод. К примеру, вот твоё повышение...

Разгром Гильдии, освобождение от заказа, Флористан, Милка, Эрли, жалование — поводов наберётся не на одну бутылку.

Или, может, я просто собираюсь заполнить себя хоть чем-то. Потому что мой серый

крысиный инстинкт за последнюю девятницу не замолк ни на секунду: паникует, орёт и носится. У нас с ним так давно не было того, что называется выбором. Настоящим выбором. Из нескольких настоящих вариантов.

Свобода иногда может не кисло так пугать.

— Ну что ж, — сказал Крысолов, поднимаясь. — Если вдруг решишь покинуть питомник — предупреди. Надеюсь, ты выберешь что-нибудь непохожее на твои предыдущие занятия. Помни, чем закончила Гильдия.

Это было почти даже мило — если бы не мина на физиономии законника. «Такие не меняются», ну-ну.

Хлопнула дверь, и я остался пропивать мозги в теплой компании одной почти выпитой бутылки и одной — чарующе полной. Печально булькающий внутренний инстинкт можно не считать — он уже притупился до приемлемого уровня.

— Так-то оно, — шепнул я самому себе под нос, наполняя сразу четыре мелких стаканчика. — Как тебе такая концовка сказки, старина?

Поступить на службу к Шеннету. Остаться в питомнике и всё равно докладывать Шеннету. Или отказаться от того и другого, направиться в свободное плавание, обрести бездну вариантов...

Вместо «долго и счастливо» — «герой на распутье».

Если подумать, не самая худшая концовка для сказки.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Сказки бывают коварными. Обманчивыми. Жестокими. Знаю об этом, потому что люблю их всей душой. Ещё с детства, когда мать, завернувшись в меха перед камином, рассказывала одну за другой нескончаемые волшебные истории: о Лесной Деве, об Эвальдаине-сказочнике, о спящей принцессе, о Зелёном Рыцаре с золотым клинком...

Отец ворчал, что она испортит меня «этими росказнями», а я жадно пил каждое слабое, задыхающееся слово — и в каждом слове было волшебство.

Позже, когда я укрыл себя за томами книг надежнее, чем за крепостными стенами — сказки не покинули меня. Теперь я думаю, что погружался с головой в рыцарские романы, лишь потому, что они были родственными сказкам. Или, вернее, они и были сказками, только перелицованными для взрослых детей. Но в них всё так же волновалось волшебное море и сплетались зловещие интриги, влюблённые находили друг друга, а злодей был всегда наказан.

Иногда я размышлял о том, что чувствуют герои, когда подходят к черте, за которой их оставляет автор. Нынче я сам вернулся из сказки — причудливой и запутанной, где были спящая дева, и её коварный муж, и козни, и поцелуй был тоже. Теперь я знаю, что они чувствуют — свободу.

Возможность вершить свой путь без неумолимой руки сказочника.

Питомник этим вечером тих, безмятежен и сонлив. Звери устали после безумной девятницы. И Мелони, когда мы с ней закончили возиться с последним обмороженным волчонком, заметила: «Разрулились, пока» — и украдкой зевнула в рукав.

Почему-то мне кажется, что этой ночью она обойдётся без бодрящего и будет спать крепко.

Вольерные в подсобке согреваются карточной игрой и глинтвейном, и даже ночные хищники молчаливы в вольерах, и в этом странном, пограничном безмолвии я прохожу между загонов. Знаю, что никого не встречу ни в открытой части, ни в закрытой. Маленькая Йолла сидит с матерью, Лайл ещё не вернулся из столицы. Аманда и Уна второй день за котлами: пополняют зелья. Старушка Фреза наверняка с обожаемыми гиппокампами. Где проводит время Нэйш — мне нет дела, главное — его нет на территории.

У ворот маячит высокая тёмная фигура — но плащ на ней тёмный, и фигура стремительно растворяется за оградой. Верно, какой-нибудь друг Лортена — странно только, что один и ушёл так рано.

Что до Гризельды Арделл — она занята каким-нибудь из своих бесконечных дел. И это почти устраивает меня — так с ней гораздо легче разговаривать.

Единорог Вулкан сонно фыркает пламенем, словно порицая мою попытку прогуляться по вечернему питомнику и побеседовать с воображаемой Гриз. Я в ответ только развожу руками. Я не виноват. Мне очень хотелось бы спросить совета у учителя Найго — но представляется только она. Всегда она.

Совершенно невыносимая, конечно.

Я стою у клетки драккайны, а Арделл облокотилась о прутья и будто бы даже спрашивает — что это мне вздумалось прогуляться по питомнику.

— Просто перед прощанием нужно оглянуться. Вспомнить кое-какие вехи.

«Так вы собираетесь прощаться?» — удивляется Гриз. В моём воображении её печалит эта весть.

— Да. Кое с чем, что мне очень дорого.

Мечте о море придётся кануть в непроглядную глубину — или разбиться о скалы в лёгкую пену. А в общине меня подождут. Я обещал учителю навестить его и остальных — я обязательно навещу. Может, как-нибудь, в отпуске.

Если тут бывают отпуска.

«Вы намереваетесь уйти, Янист?»

— Намереваюсь остаться.

Выбор сделан в Корабельную Ночь, и теперь я скрепляю его. Проходя по вехам прошлого: вспоминаю первый свой вызов, и драккайну-единорога, и иду мимо препротивно пахнувшей клетки с гарпиями — незабываемое моё прибытие в «Ковчежец», ночь, когда мы с ней впервые встретились лицом к лицу. Страшно вспомнить, каким олухом я был и какими обвинениями бросался. А вон там, дальше, серебрятся шкуры алапардов, и это память об Энкере, где она сказала непоправимо жестокое «Мне не для кого себя беречь». Если пройти ещё мимо двух клеток — будут йоссы, тоже словно залитые жидким серебром. И зацемит сердце от воспоминания: испятнанный алым снег, пустое лицо устранителя в круге зверей, нож взлетает, чертя полосу по ладони — «Она варг крови...»

«Вам разве совсем не страшно?»

Алапарды — знак тайны. Йоссы — крови и беды. Керберы, игольчатники, прочие — знак охоты, той, зимней, в Дамате, когда стало ясно, что дело очень серьёзное.

— Вы даже не представляете себе — насколько. Единый и его ангелы — да я в ужасе. За три месяца навидался такого, что до старости не забуду. Чего только стоит последний вызов. Я уже говорил как-то Лайлу — вы здесь все сумасшедшие.

С этим она не спорит. Легко представлять её — в лунном свете, в клубках пара от моего дыхания, в заснеженных ветвях...

— Но куда страшнее мне уйти. И оставить вас всех наедине с этим. Мел, Лайла, Аманду, маленькую Йоллу и Уну. Вас. Как я смогу теперь ходить на кораблях, открывать какие-то там страны, искать пути за Рифы — если буду знать, что на вашем пути могут встать фамильяры, безумные Мастера, варги-на-крови и вир знает, что ещё! Если вы будете в патрулировании, без денег, без сна — да ни всё ли равно, если что-то пойдёт не так, а меня не будет...

«Неужели вы думаете, что в силах защитить ковчегников от всего этого?»

— Нет. Но в силах — разделить с вами это. Так мне будет спокойнее.

Отражение прошлого — будущее, и по его вехам я тоже иду сейчас. Клетки с заболевшими зверями. С людоедами. С обездоленными и капризными, с отвратительными и лукавыми, с кусачими, царапучими, дышащими огнём, подхватывающими понос, впадающими в истерики...

«Вы не любите животных».

Остановившись у клеток шнырков, я всё жду, пока она добавит: «Это не ваше». Но она молчит.

— Не у всех ваших сотрудников в резонах — любовь к животным.

«Что тогда у вас? Чувство долга? Снова загоняете себя в клетку, как в истории с Мел, и если так...»

— Мел — сестра мне. Была ею с детства и всегда ей будет. Но остаюсь я по самым эгоистическим побуждениям. Людям естественно оставаться рядом с теми, кого они любят.

Получается сказать это без запинки — в который уже раз. Я даже повторяю, прикрыв глаза: «Люблю, люблю». А невыносимая Гриз Арделл поворачивается ко мне спиной, и это так жаль: даже в моём воображении я не могу рассмотреть её лицо в этот момент.

«Даже если чувства не взаимны?»

— Но я знаю, что они взаимны. Тот поцелуй, в оранжереях. Тот, что избавил тебя от темного сна веретенщика. Я не верю, что ты просто догадалась о моих чувствах. Будь это так — ты поговорила бы со мной. Успокоила бы меня сразу же после приезда из Айлора. Ты так заботишься обо всех, и ты непременно сказала бы что-то вроде: «Извините, что пришлось открыть ваши чувства прилюдно, Янист. Мне очень жаль, что так вышло и очень жаль, что вы полюбили такую недостойную...» Не знаю, какие слова ты бы подобрала, но там было бы что-нибудь про варга крови, проклятую, отступницу. Возможно, падшую женщину — как ты говорила об этом в Энкере. А закончила бы ты тем, что всё понимаешь, и тебе жаль, что ты не сможешь мне ответить, и спросила бы — как ты сможешь мне помочь... Вот видишь, я тебя уже почти понимаю.

Когда я успел перейти с ней на ты? Наплевать, в этом ценность воображения. Можно говорить без утайки, называть по имени. Даже мысленно взять за руку.

— Но ты молчишь. Потому что уверена, что это *твои* чувства не взаимны. Единый, какая уничтожающая ирония... Я не знаю — подбираешь ли ты слова или ждёшь чего-то, или ты хочешь, чтобы мы никогда не заговорили об этом поцелуе и всё забылось... Но я знаю другое. Самое важное.

«Почему же ты тоже молчишь? Почему не подойдёшь ко мне? Не заговоришь со мною?»

Прислоняюсь плечом к большому тёплому вольеру для керберов.

— Потому что ты попытаешься оттолкнуть меня, вне зависимости от того, что чувствуешь. А я не знаю, смогу ли я тебя переубедить. Хватит ли у меня смелости и упорства, чтобы сломать все стены, которые ты выстроишь между нами.

За день под солнцем снег подтаял, и мороз чертит по нему причудливые узоры. Гидры в прудах залегли в норах в глубокой спячке. Я шагаю — и мне хочется, чтобы рядом со мной шагала она, раскрасневшаяся, с растрепавшимися волосами. И усмехалась колко и насмешливо: «Ну что же, давайте взглянем на эти стены». Чтобы между нами, будто лёгкие снежки, перелетали фразы... мысли, которые я успел прокрутить в голове раз двести за эти дни.

«Варги не выют гнезда».

— Можно построить дом. Избушку. Что угодно.

«Варги-женщины не могут иметь детей, я говорила».

— Дракканты воспитали меня как сына. Лучше других я знаю, как важно дать кров осиротевшему ребёнку.

«Рихард Нэйш...»

— ...и его странное влияние на тебя — но скажи мне, что ты не сможешь освободиться, если захочешь. Гроски был прав — это твоё решение, с кем быть.

Перед тем, как выдохнуть следующую фразу, она каждый раз медлит. Может, потому что это слишком властно предстаёт в моей памяти: звенящий голос, наполненный властностью, алая струйка крови стекает в снег, медленно оседают на скомканное белое покрывало йоссы...

«Я варг крови, и я сама не знаю — сколько мне осталось».

— Ты говорила, что те, кто здесь, возможно, помогут тебе удержаться. Я тоже буду здесь. Чтобы осталось как можно больше.

Это всегда долгий разговор, где она иногда сердится, а иногда смущается и замыкается в молчании. Или говорит о своём воспитании, о манерах, работе, тысяче дел — обо всех этих маловажных, глупых препонах. О неведомой опасности, признаки которой витают в воздухе. Заканчивается всё одинаково — тихим, печальным выдохом:

«Видите, как меня сложно любить, господин Олкест».

— Любить вообще сложно. Может статься, что любовь — самый тяжёлый труд и величайший из подвигов, который только можно принести в этот мир. Мне сказал это однажды мой учитель, господин Найго.

Думаю, он знал, о чём говорил. Он, переживший смерть любимой жены и обожаемых детей. Сделавший любовь к людям своей основой — как ты сделала своей любовь ко всему живому вообще.

Тороплюсь, огибая птичник, из которого несутся убаюкивающие песни золотистых тенн. Она теперь молчит и следует за мной в вечерней дымке, и она ждёт моих слов, и нужно... нужно сказать, что я понимаю: легко не будет. Понимаю, что мы разные. И, может, я не так умён, или талантлив, или терпелив, чтобы быть возле неё... или это не нужно добавлять? Просто это глупо, делать вид, что ничего не произошло, отворачиваться друг от друга, когда... И Мел была права. И я сделал свой выбор, отступить не намерен — об этом тоже нужно сказать непременно, я справлюсь (а если она усомнится?!), всё будет хорошо...

Ощупью бреду в поисках слов, отгоняя по пути настырную мысль о сказках, которые слишком мрачны и жестоки, чтобы в них нашлось место для «долго и счастливо». Вздор, мы уже не в Цветочном Дворце («Отчего же ты чувствуешь себя словно под обложкой старинной книжки, Янист?»), мы свободны — она и я («Почему же вы словно ждёте нужного поворота сюжета, Рыцарь Морковка?»), просто ещё немного времени, совсем немного времени...

Просто немного времени, чтобы придумать хотя бы для этого разговора счастливую концовку. Почему-то это очень важно для меня. Словно это даст мне веру, или готовность, или...

— Олкест!

Туманное марево воображения слишком стремительно обретает плоть. Гриз Арделл, живая, чуть раскрасневшаяся от мороза, выныривает из-за стены загона прямо передо мной — и мой язык прилипает к горлу.

— Хорошо, что вы здесь, Янист, — звёзды отражаются у неё в глазах, когда она повторяет эту фразу. И на лице такая же решимость, как когда она поцеловала меня в Айлоре. — Вы же не просто так гуляете по питомнику, да? Хотели со мной поговорить? Я с вами тоже хотела. Извините, что не раньше: я, в общем... ждала кое-чего, так что мысли в голову не шли. Я вам потом всё расскажу — но только потом, потому что, если всё пойдёт нормально, то рассказывать-то будет почти нечего. Вот если всё будет совсем плохо...

Проговаривая это, она тащит меня за собой, к длинному и высокому кирпичному зданию птичника. Я повинуюсь молча и с обморочной дурнотой. В голове, словно неприкаянная бродяжка, болтается жалобная мысль: «Не успел».

— Зайдём к фениксам — нечего торчать в темноте и холоде, а до «Ковчежца» далековато.

В отделении для фениксов ощущаешь себя вступившим в громадный, недавно потухший камин. В темноте со всех сторон тлеют и попрыхивают маленькие тельца — птенцы этого года, которые по каким-либо причинам так и не отправились в полёт. Фениксы покрупнее приветствуют слабыми золотистыми вспышками. Всего их сейчас в питомнике восемь — совсем недавно мы с Мелони хлопотали над двумя особо нервными...

Светильники Гриз не зажигает, но в подсвеченной полутьме лица видны достаточно хорошо. Опасаюсь, что на моём — испуг.

— Так вот, это насчёт того поцелуя, в оранжереях Айлора. Приношу свои извинения за то, что пришлось прибегнуть к такому средству. Проще было бы повязать или усыпить Хаату, кое-кто это даже предлагал. Но я догадывалась, что речь идёт об обоюдной клятве, а даарду очень серьёзно относятся к такого рода обетам. Если бы мы забрали у неё веретенщика — она бы или умерла из-за неисполненной клятвы, или попыталась бы убить себя. Нужно было её освободить, и хорошо ещё, что целью была только я, а не мы все или не Эвальд Шеннетский. В общем, пришлось на это пойти. Как ни крути, я поставила вас в дурацкое положение, так что вы уж меня извините.

О Единый — кажется, она тоже готовилась все эти дни. Только подготовилась явно к чему-то другому. И, наверное, ждёт от меня каких-то слов — может быть: «Ничего, переживу», или гнева...

Но я молчу — жалкий, уничтоженный её решимостью, тьмой и пламенем, которые смешиваются на её лице и плещутся в голосе, когда она безжалостно продолжает:

— Надеюсь, вы не слишком расстроены тем, что всё вот так повернулось. Честное слово, я не планировала вам продемонстрировать, а что так вышло... Всегда скверно умела приказывать себе — что нужно чувствовать. Ну, а вы, к тому же, на редкость хороший человек. И как это сказал бы Тербенно? Ага, с учётом ваших личных качеств — шансов у меня было маловато, прямо скажем.

Каким-то чудом я не валяюсь в искристую тьму фенисковника, но зато теряю способность не только говорить, но и дышать. Счастье накатывается на меня девятым валом,

обрушивается, сокрушающее: она... правда. Правда — тоже...

А на лице у неё решимость граничит с ожесточением.

— Надеюсь, я вас не слишком дискредитировала этой своей выходкой. Но, уж будьте уверены, я не собираюсь... как это? Использовать служебное положение или приставать к вам по углам, — я наконец понимаю, что нужно хотя бы пошевелиться, но получается только замотать головой, а она понимает это по-своему: — Ага, ничего такого, вроде там коварных соблазнений или полных нежности взглядов вслед. Мало книг читаю, я вам это говорила уже...

Она выдыхает, надувая щёки, и трёт лоб, будто упрасивает мысли собраться и двигаться поживее. А я вдруг чувствую, как холод и онемение отступают — потому что ей же сейчас куда страшнее моего и куда больнее — и от этого в голосе у неё берётся эта ирония, перемешанная с горечью:

— Да, насчёт остальных. Остальные поймут, если вы опасаетесь сплетен или насмешек. Кроме Нэйша, — лицо у неё совсем мрачнеет. — Но и этот заткнётся со временем, если поводов не давать. Так, что ещё. В совместные выезды со мной вас пока ставить не буду, на патрулирование тоже — чтобы вы себя не чувствовали неловко. По работе в питомнике там посмотрим. И если вы переживаете насчёт меня и моих чувств — не нужно, хорошо? Я же уже говорила вам насчёт жалости.

Громадная, тяжкая волна, сворачивается во что-то пушистое, нежное. Греет грудь изнутри. И даже получается подать голос — неверный и не тот, но всё-таки...

— Не... нужно?

— Не нужно, Янист, — решимость и жесткость отходят от её лица, теперь там только отчаянное желание убедить. — Вам может показаться, что это... неловко, что ли? Или к чему-то вас обязывает. Это не так. Честное слово, я переживу. Мне хватит того, что есть, а потом — кто знает, может, это всё ненадолго.

— Не... надолго?

Она было набирает воздуха — что-то ещё говорить, но осекается и просто смотрит на моё лицо. Грустнеет.

— Я опять слишком прямо или слишком грубо, да? Но ведь это было бы проще всего и лучше всего. Если это пройдёт, и всё будет по-прежнему. В общем, извините, — и усмехается коротко, надломленно: — Как говорят в учёных книгах о варгах? Чужды чувств, словно животные? Может, они и правы. Может, что касается кое-чего... наверное, в этом я не слишком-то человек.

Она кажется сгорающей, истаивающей в призрачном свечении фениксов, и это так невыносимо, что я наконец-то могу заговорить.

— Нет. Они неправы. Вы прекрасный человек. Как говорит Аманда? *Карменниэ* — лучшая из всех. Просто однажды по каким-то дурацким причинам — я не знаю, шрамы это на вашей ладони или что-то ещё в вашем прошлом... Однажды вы с чего-то решили, что вы недостойны любви. Не заслуживаете её. И вы до сих пор упорно считаете, что никто не должен вас любить.

— Ну, а по-вашему, меня все должны любить, так, что ли? — удивлённая улыбка, недоверчивое покачивание головой.

Голос из груди идёт легко, как песня феникса.

— Да. Я считаю, что вас должны любить. Обязаны. Что вас... нельзя не любить. Пусть даже будет иначе. Пусть не все. Но я...

Она делает рывок навстречу — и тёплые пальцы запечатывают на моих губах следующие два слова. Но я и так говорил уже слишком много — в своём воображении. Потому просто прижимаюсь губами к её ладони и произношу недосказанное — взглядом.

Её глаза слишком близко, и ей не успеть спрятать за тревогой и опасениями — то самое искристое, тёплое, лёгкое, радостное... Не скрыть покрасневших щёк, шевельнувшихся губ, застучавшего сердца.

Не скрыть — ответа, пусть себе без слов.

Иногда даже самые мрачные, самые жестокие сказки склонны заканчиваться счастливо.

“...однако же, по моему разумению, высшая прелесть охоты не в том, чтобы истреблять, но в том, чтобы показывать превосходство своего вида над bestиями — пусть могучими, но неразумными. Оттого настоящий охотник должен быть хитёр, и внимателен, и не чураться никаких методов: грань слишком хрупка, и если оступиться, то в следующий момент можно сделаться добычей”.
Кодекс Охотника

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Представляешь. Они собираются меня убить.

— Думал, ты с ними договоришься, Лайл. Плёвое дельце — ты же как-то так выразился?

Маргинального вида ребяташки вяло зашевелились. Девять превосходных образчиков. Подёргивание ладоней с позеленевшими Печатями, остекленевшие глаза. Ребяташки именовали себя «кристальными» и были под самую маковку напичканы тем, чем сами же и барыжили. Возможно, даже принимали Нэйша в его белом костюмчике за какой-то занимательный глюк.

— Я, вир побери, — шипел я, подпрыгивая со стулом, к которому меня примотали, — могу договориться даже с крайне упоротыми, я же работаю с тобой! Я только не могу рассчитать, что клиенты нажрут зелий, изменяющих сознание. Они приняли меня за законника, за законника, Нэйш!

— Но ты и есть законник, Лайл, — мягко сообщил Нэйш, проходя внутрь комнаты. — Во всяком случае, в прошлом.

— Ты не помогаешь.

— А должен?

В горле першило из-за смеси перца, клопов и «выхлопа» магических зелий. «Кристальные» вслушивались в «изнанку бытия» и выдавали всякое, от томного шёпота до истерических выкриков:

— Мы знаем... мы видим...

— Это было ясно, кристально ясно....

— Я вижу крысу на двух путях! Крысу на двух путях!

— А что видит Гормэн?

— Ааа-а-а-а!! Жжё-ё-ё-ёт!!

Только вот я не знал, сколько трясущихся ладоней с Печатями направлено на ту мою часть, которая неизменно отыскивает себе приключений. В Нэйша, вроде, четверо целятся.

— Это подходит под твоё правило, нет? «Притаскиваю группы с выездов живыми», а? Я в твоей группе, вот эти собираются меня убить, так что не мог бы ты, как бы это... уже начать?

— Даже не знаю, Лайл. По-моему, ситуация не выглядит такой уж опасной. Они же даже не использовали кляп. Я бы, к слову, непременно использовал.

— Какие-то неправильные законники, — жалобно простенали у меня над головой. — Или я слишком сильно обдолбался.

— Но если ты настаиваешь, — размеренно продолжал Нэйш, — Господа, вы правда собирались убить моего напарника? Есть столько форм насилия, не приводящих к смерти, но гораздо более увлекательных. Скажем, лишение Печати — кое-где в Дамате это расценивается даже страшнее, чем смерть. К тому же, при вытравливании Печати едкими зельями — процесс может быть длительным и крайне болезненным. Однако использование самой магии тоже может быть эффективно. Я вижу, среди вас есть маги Огня — так вот прижигание...

Клоповник с вонью зелий начал походить на зал потрёпанных портновских манекенов. «Кристалльные» замирали, приоткрыв рты, будто мерная речь вводила их в транс. Хотя в этом с Нэйша был толк: пока он витийствует — на него явно смотрят даже те, кто должен бы в меня целиться.

Так что пора доставать козыри из рукавов.

— ...не говорю, что ломание пальцев эффективно — грубый приём, к которому прибегают дилетанты, однако иногда, по чуть-чуть...

Верный ножичек скользил в пальцах, перерезая верёвку — потихоньку, потихохоньку, спешить нельзя, показывать движения нельзя...

— ...удары, ориентированные в пах, крайне результативны, как и прочие манипуляции — в этой зоне — к примеру, с режущими предметами, — народ чувствительно сглотнул, и до меня долетело слабое «Ой, надо было принять больше». — И при всём изобилии вариантов — вы собирались именно *убить* его? Понимаете, в таком случае мы натываемся на маленькое недоразумение. Но я уверен, мы могли бы...

Первым не выдержали нервы у парняги, который стоял к Нэйшу ближе всего. Огненная вспышка полыхнула в полутьме, мелькнуло белое, раздался тихий свист и вопль — ладонь «кристального» была пришпилена к стене серебристым лезвием. Прямо в середину Печати.

— Я предупреждал, это больно, — не меняя выражения, произнёс «клык». Левую руку он теперь держал вытянутой вперёд, направляя палладарт. — Так о чём мы?

«Три, два, один, — считал я миги тишины, пиля верёвки. — Накинем ещё парочку из-за того, чем они накачаны... О, ну вот».

«Кристалльные» атаквали почти одновременно. Бахнув по Нэйшу магией из всех своих трясущихся Печатей.

Бутылки и кружки на столах раскололись и заледенели, заорал кто-то, подпаленный ударом товарища, вихри ветра смешались с вихрями пламени, и в этой неразберихе я повалился на бок — на случай, если ребяташки позади решат выполнить обещание насчёт «убить». По-моему, они даже не заметили: тоже кинулись к Нэйшу. Кто-то запнулся за мои ноги и улетел дальше, задорно хрустя костями о пол, кто-то громко блевал в углу, кто-то выл: «Аы-у-у-у-у, жжёт, жжё-о-о-о-от!» — и посреди общего веселья я допиллил клятую верёвку. Высвободил руки, принялся выпутываться из верёвочного кокона, ощущая себя грузной и не слишком-то удачливой бабочкой. Которой приспичило вылупляться, когда рядом тхиор разбирается с мешающими друг другу шнырками.

Пятеро уже валялись на полу — правда, неясно, кто их вырубил, Нэйш или сами друг друга. Ещё троих «клык» отключил тычками по слабым точкам. Предпоследний, за секунду до того, как его голова поздоровалась с полом, успел выдать эпохальное заключение: «Я узрел магию, которая не дей...»

Последний Травник попятился, уселся на копчик, выставляя перед собой ладонь с Печатью. Поднатужился, икнул и вырастил из пола пару мухоморов. Тупо посмотрел на грибочки и отключился от перенапряжения магии.

Нэйш осмотрел тильвийский клоповник взглядом алапарда, которому не додали мяса в обед.

— Не могу припомнить, как ты выразился, когда уверял, что справишься один?

— Всё пошло не по плану, ясно?

Наводка была на торговцев зельями, так что я-то настроился на разговор с более адекватной публикой. Всяко уж не с братией с бешеными шнырками в черепушке.

— Действительно, — Нэйш слегка поддел носком ботинка какого-то стонущего бедолагу. — Кто мог знать, что здесь окажутся настолько опасные, коварные...

— Не у всех тут Печать Щита, к твоему сведению.

Я понадеялся, что отвяжусь от напарника при обыске, но лаборатория оказалась за соседней же дверью. Тесная комнатка с перегонными кубами и простенькими нагревающими артефактами. Два стола, ящики с ингредиентами у стен, шкаф, в котором полно склянок с разноцветной дрянью.

— Не знаю, стоило мне вообще торчать под окном... как ты там сказал? «Дышать тебе в затылок и руинить твою работу»? Если подумать — я всего только...

— Да-да-да, спас мне жизнь, — я уловил говорящую паузу за спиной и добавил: — Во второй раз. О, смогу ли я воздать, смогу ли я воздать и так далее.

— Забываешь о поместье Линешентов.

Ну да, ну да, кое-кто же великодушно закрывал нас Амандой своим идеальным телом. И куда менее идеальным щитом, и если подумать — какого вира болотного я всё время цепляюсь мыслью за этот щит...

То что я искал, никак не желало находиться. Я пошарил под столом, похлопал дверцами шкафа — ничего похожего на клетку или коробку с чем-то живым.

— Ты со всеми ведёшь такие подсчёты? Ну там, Аманда, Мел, Гриз... Что-то вроде ещё одной коллекции? Кто пока лидирует? И потом каждому тычешь в нос квитанцию об оплате, или как?

Нашлось всё-таки — среди ящиков с грибами и корзин с травами, в куче ингредиентов. Крошечный плотный мешочек, а в него запихнули трёх змеек длиной по пару пядей. Полуживые бедолаги — чуть не задохлись.

— Есть, нашёл. Три пересредника, интересно бы знать — где они их спёрли. Спросить, что ли.

Вдруг там ещё есть — Мел обрадуется.

«Пересредник, или вживулька, тварь дорогая и редкая, с умением временно перенимать чужой Дар. При случае чужой же магией и подпитываются». После побега Хааты Следопытка шпиговала меня знаниями щедрее, чем Фреза — свинину чесноком.

— Вы уж не обижайтесь, парни, — пробормотал я. Осторожно дал импульс магии с Печати.

Пересредники слабо задвигались, подняли головёнки и приветственно зашипели. Ну вот, до питомника доживут, только устроить поудобнее в просторном мешочке. Любопытно было бы знать — что «кристальные» собирались делать с этими тварюшками. Может, хотели сварить в каком-то из своих развесёлых зелий. Нанесло на группу упоротых экспериментаторов — остальные жрут то, что отшибает мозги или вызывает толпы

грудастых розовых грифонов (из личного опыта). А эти вот решили бахнуть того, что позволяет достигнуть кристальной ясности сознания. Вплоть до того, что можешь видеть суть вещей.

Не знаю, как эта штука на самом деле действует: я и представиться-то не успел, как один заорал: «Законник, законник!» А двигаются эти ребята, когда захотят, довольно нервно: вмазали под дых магией воздуха и примотали к столу, а потом уже дофилософствовались до «убить». Моих аргументов никто особенно не слушал.

Выходя из лаборатории с мешком, я даже раздумывал — а не стоит ли поместить в грудь что-нибудь вроде благодарности. Потом увидел Нэйша, и решил, что придётся подождать, пока чувство «он меня достал» освободит благодарности хоть дюйм места.

Устранитель развлекался, стоя над тем самым «кристальным», который орал сперва про «законника», потом про «жжёт». Нэйш перевернул его на спину, и теперь парень пялился на «клыка» снизу вверх, прерывисто икал и что-то бормотал со всхлипами. Нэйш внимал с чуточку заинтересованным видом того, кто раньше не сталкивался с таким поведением насекомых.

«Белое, — разобрал я среди вздохов и цокота зубов. — Белый... скорпион... клетка и коридор. И дверь».

Нэйш носком ботинка самую чуточку придавил ему шею, и парень замолк.

— Знаешь, Лайл, я тут подумал... пора нам с этим заканчивать.

Я потряс мешком с многосущниками и сделал лицо того, кто в упор не слышит скрытых смыслов.

— Обычно я не веду подсчёты и не требую оплаты в случае с кем-либо из «тела» — в основном потому, что в схожей ситуации могу рассчитывать на ответную любезность. Можешь считать это вложением активов с моей стороны. В случае же с тобой, мне кажется, счёт едва ли не просто выровняется, а... — он сделал короткий жест, как бы показывая, что мне в этой игре со спасениями жизни не светит даже размочить счёт. — Так что, я думаю, небольшая оплата...

Если вас когда-нибудь попросит оплатить счёт за три спасения жизни напарник-маньяк — потрудитесь мне сообщить о красивом, остроумном ответе.

— Боженьки, это для тебя какой-то способ развлечения, да? Гриз дала тебе отставку ради Олкеста, тебе нечем заняться, и ты решил переключиться на меня?

— Сомневаюсь, что ты сможешь послужить адекватной заменой, — раздумчиво откликнулся устранитель. — Но кое-какую услугу ты мне точно можешь оказать.

— ...погоди, дай-ка я упорюсь всем, что есть в этой лаборатории...

— Да брось, Лайл. Я не стал бы загонять тебя в угол. «Не поворачивайся ко мне спиной» — я помню. Нет, это всего лишь то, что у тебя так хорошо получается. Прикрытие на выезде.

Звучало издевательски безопасно, так что я уставился на «клыка» с обоснованным недоверием. Нэйш в ответ кивнул на улицу и заговорил, только когда мы нырнули во влажные тильвийские сумерки.

— Небольшой вызов не по линии питомника. Из тех, которые не нравятся Гриз: клиент настаивает на безусловном и быстром устранении. А также на том, чтобы никто вообще не знал о нашем контракте. Видишь, Лайл, мне без тебя просто никак.

Я всё ещё в упор не видел, что мешает напарничку привычно кануть на несколько дней вир знает куда и появиться потом с довольным видом.

— Вызов может занять несколько дней, — прояснил Нэйш, принаклоняясь ко мне с лютой доброжелательностью, — а клиент настаивает на безотлучном нахождении на его территории. И если меня вызовет кто-нибудь из питомника, я не смогу явиться на вызов. Хотя обычно являюсь. Так что тебе придётся придумать убедительную причину, почему это мы вместе с тобой отправились куда-то. И почему я не отвечаю на вызовы сквозника.

— Мы с тобой — в смысле, мне, что придётся волочась куда-то в пасть к неведомой зверюге, только затем, чтобы оформить тебе прикрытие перед Гриз?!

Нэйш жестом обозначил, что я разминулся с истиной на пару-другую шажочков, не более.

— Да на кой?! Легенду сварганю хоть сейчас, нужно отболтаться, если вызовут — ну, так оставь мне свой сквозник, я из любого трактира такого Гриз понараскажу, что...

Устранитель на сей раз мимикой выразил, что это у меня не прокатит. И вообще он мне тут не выбор даёт, а сообщает направление движения. А отказы не принимаются, потому что... кто тут достал меня за пару девятниц и доконает, если что, ещё за парочку дней? Ой, какие вы догадливые.

— Деньги пополам, — выпалил я, понадеявшись на устранительскую жадность.

Улыбка Нэйша в лунной мороси высверкнула ярче дарта.

— Тридцать на семьдесят, и я не отравляю твоё существование до Луны Дарителя.

О, да какого чёрта.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

Снежная Дева на полпути к мужу плаксива. Примеряет зелёную накидку поверх вечног белого траура, потом изляпывает грязью, заливается слезами: вдруг забыл! Отвернулся! Снова поглядел на Травницу, которая следует после него!

Слёзы Девы падают на крышу «Ковчежца», капают с деревьев, блестят на крыльях грифонов. Стук слёз об оконное стекло — частый, горький, вторит рыданиям из Чаши.

— Никогда так надолго... т-три дев-вятницы...

— Хлия, успокойся, — твердит Гриз, — постарайся рассказать, что знаешь. Норн брал заказ?

В воду с той стороны падают слёзы. И всхлипывания о том, что он не поступил бы так... и они всё врут, и он не мог найти другую... а она вовсе не располнела после родов...

— Хлия, — просит Гриз. — Он брал с собой оружие? Говорил что-то о новых заказах?

Но уже знает, что оружие её добрый знакомый, Норн Клеск взял — просто потому что почти не расстается с коротким и тугим луком-атархэ.

— Го... говорил большой заказ... ско... скоро верну-у-у-уться!

У ног распластался Морвил — греет не хуже камина. На плече пристроился Сквор — к счастью, молчит.

А Хлия Клеск, жена одного из лучших охотников в Кайетте, задыхается и рыдает, и просит найти её мужа, который неведомо куда ушел почти месяц назад.

Сама понимая — как безнадежна просьба. Жена охотника на опасных и бешеных бестий привыкла к долгим отлучкам. Думала — потом взял второй заказ. Потому и спохватилась поздно. А о Гриз вообще вспомнила только через две девятницы бесполезных поисков.

— Хлия, я сделаю, что могу. Но постарайся же припомнить — он как-нибудь намекал, что-нибудь гово...

— Н-нет, только... что вот, привалило, такого сам не ждал... Я спросила — куда... какой зверь... А он г-головой покачал только. Улыбнулся... в-всё...

Непохоже что-то на Норна — с женой он ладил, всё ей рассказывал. О заказах уж и тем более — если вдруг что-то не так выйдет на охоте, родные должны знать — куда охотник ушёл и на кого брал контракт. Условие заказчика? Но кому и зачем такая секретность?

Лайл Гроски застаёт Гриз уже над картой. И с подборкой старых газет.

— Вечерний досуг с чтивом? — говорит уважительно. — Мы съездили с прибылью. Пересредников сдал Мел, три шгуки. Как у нас с работкой, срочной нет?

— Вызовов нет, — газетные листья шуршат и пахнут плесенью лжи. — Нэйш вернулся с тобой?

— Остался в Тильвии — надо полагать, будет искать тепла и участия у какой-нибудь красотки. А что, у нас покойнички, которых нужно потрошить?

— Кишки, — ностальгически оживляется Сквор. Гриз снимает горевестника с плеча, сажает на пачку бесполезной прессы. Последние дни Нэйш, как назло, маячил в питомнике чуть ли не безотлучно — и вот, когда понадобился...

— Вопросы по старым связям. Ты вот не в курсе — что происходит с охотниками?

— Убиваются потихоньку, — жизнерадостно изрекает Гроски, опускаясь на стул. — Янист рассказывал насчёт Зимней Травли в Дамате — весёленькое зрелище, а? И не первый случай. Хотя охоты и раньше проваливались — всё-таки бестии опасная добыча.

Совсем неплохо — рассказать всё Лайлу. Она поделилась подозрениями с Янистом — и тот закопался на девятницу в газеты и книги, пришёл с обведёнными заметками: «Погибших на охоте всё больше, посмотри. И я думаю, что в газеты попадает не всё».

— Насколько ты вообще представляешь себе, кто и как охотится на бестий?

— Изложить тебе очаровательную классификацию Мел? — Гроски начинает загибать пальцы. — Сперва идут *торгашки* — эти промышляют охотой ради шкурок или ещё каких интересных частей бестии. Утыкивают местность ловушками, приманками, используют яды. Бывают, ловят и живых бестий для контрабанды или зверинцев. *Торгашки* — зверёк стайный и опасный. Опасны для бестий, для других охотников, да даже если бабулька в лес забредёт — и ей не поздоровится, потому что идиоты не всегда убирают свои игрушки. Так, дальше. *Трофейщики* — это часто среди знати. Любители разостлать перед камином очередную шкурку или похвалиться умениями. По методам разные — от «припрусь в компании друзей и собак, устроим травлю» до «пощекочу себе нервишки, добуду славы, выйду на зверя в одиночку». Последние, как я понял, вымирающие... кх... ясно, почему. И есть ещё одни — *спецы*. Часто из охотничьих династий, не обязательно знатные. Зря не убивают, охотятся ради ремесла и обычно на людоедов или зверей, которые устраивают потраву стад. Работают осторожно, иногда — ловушками, иногда и при помощи Дара. Стрелки или Воздух, бывают и Следопыты. Часто работают в одиночку, нужно — привлекают местных. Принципиальные ребята, могут и от денег отказаться. В своих кругах на слуху. Остальных Мел обозначает как «*придурков*» — куча охотничьих групп с разными названиями: Грудоломы, Капканщики, Неясыти... Плюс Гильдия Охотников, пара от замороженных сект типа Братства Мора и прочий сброд. Сам я не слишком-то часто пересекался с этой братией.

— Ковчезникам приходится пересекаться. Иногда работаем на одной территории, иногда конкурируем... временами сотрудничаем. И если с «торгашками» и «трофейщиками» бывает сложно, то с некоторыми «спецами» можно договориться. Так что у меня есть в их кругах хорошие знакомые.

Они нечасто выходят на связь — разве что кому-то понадобятся знания варга. И слухи раньше касались лишь тех, с кем она не была знакома — а потому ничего не могла сказать об их натурах, способностях, методах охоты. Но Норн Клеск...

— Охотникам, бывает, не везёт. Уходят и пропадают, и... потом не всегда находят останки. Говорят, в суровые годы бывает — когда появляется много людоедов. Понимаешь, Лайл, это длится уже несколько лет. Пропадают охотники-одиночки — «спецы», временами «трофейщики». Без следа.

— Что-то такое было в аканторской прессе, — Лайл шурится в попытках вспомнить. — Где-то годик назад, охотника ещё называли «наследником Мейса Трогири», как его... — Лацариан?

— Гроза Людоедов, — кивает Гриз. — Бывший боевой маг, знатный вельможа. Мы не были знакомы, но среди охотников у него была отличная репутация — и у его родового лукаатархэ...

— А. Который так и не нашли? Точно, была же здоровущая статья, что, будто бы, наследники охотника оказались пострашнее всех бестий, да и прикончили его, а лук куда-то припрятали. Потом младшие Лацарианы ещё судились с газетами, да... Но ты ж говоришь, случай не единичный?

Первый Мечник, возможно, что-то слышал об этом — и он, и Эвальд Шеннетский мельком упоминали исчезновения охотников. Как что-то связанное с остальными тайнами. Теперь вот влезла и она, попыталась поднять свои связи, связаться с родными пропавших — наверняка насторожила их своими вопросами. Попыталась составить список — и тут ударил вызов от Хлии Клеск, и в списке появилось слишком знакомое имя.

— Морео Этол — Следопыт, специалист по капканам и ловушкам, пропал на Луну Дарителя. Жатар Тихоня — два клинка-атархэ, это летом. И ещё года за три... — В списке пока что восемь имён, но их должно быть больше, потому что о ком-то не вспомнили, где-то родные отказались выходить на связь... — Все — отличные охотники с репутацией. Работали одни, потому в первое время их исчезновения никого не настораживали. А потом это приписывали неудаче на охоте: и лучший может ошибиться. Вот только...

— ...от этих лучших должно бы что-нибудь да остаться. У них же это было ремеслом? Стало быть, охотились по контрактам и на местности, а местные должны были бы устроить поиск, если бы охотнички не вернулись. А здесь, говоришь...

— Да. И никого не предупреждали о заказе. Словно... понимаешь, словно они вообще не получали заказов. И только в двух случаях охотники обмолвились перед уходом, но как-то уж очень странно.

Норн Клеск говорил о большом заказе, но очень расплывчато — «привалило»... А даматский зверолов Хамарто Соок был болтлив и нёс что-то о венце карьеры.

— Венец, стало быть, — Гроски задумчиво стучит пальцами по столешнице. Сквор тоже начинает весело постукивать в такт. — Если подумать — что может выдернуть опытного охотника вир знает куда и чтобы он ещё никому и не сказал... Либо огромные деньги, либо какой-то невиданный зверь. Сверххищник?

— Мрм?

— Это не тебе, Морвил, — шепчет Гриз, поглаживая алапарда босой ступнёй. — Снова нахвтался от Мел?

— Среди вольерных, бывает, наслушаешься — вот и решил уточнить. Слухи-то ходят.

Слухи и легенды, и песни нойя. О короле хищников, высшем звене пищевой цепи.

Учёные Академии и без того относят к сверххищникам алапардов, альфинов, виверниев и мантикор. Теперь вот ещё драккайн. Но предания гласят о короле-звере, дичью для которого служат сами сверххищники. О том, который якобы рождается раз в несколько сотен лет перед великими катастрофами или войнами. И властвует над остальными тварями.

— Его изображают разным — перед Войной за Воздух, говорят, являлся крылатый виверний, только огромный. В легендах о Пламенном Море встречается кое-что о монстре из чистого пламени. В Войну Ядов — это когда скортоксов почти истребили — слышали о чудовищной змее. Но кое-что в этих легендах неизменно. Охотники.

Янист выжал из архивов Вейгорд-тэна, что мог. Кажется, даже рад был этому расследованию на двоих.

— Все эти истории... я склонна думать, что их придумали те, кто считает, что человек властен над природой.

— А, прогрессисты, — Лайл прищёлкивает пальцами. — Вот что Мел об этих говорит — я повторять не буду. Вряд ли выговорю. Хм, выдумать хищника над хищниками, а потом расписать сказочку о том, что его убил такой-то охотник — и вот вам легенда на века. О людском превосходстве.

Всегда должен быть самый страшный монстр. Король. Военачальник.

Потому что война ведь заканчивается, когда свергаешь короля.

— Но ты же считала, что всё это легенды?

— Считала, да. Но что может заставить охотников по всей Кайетте сорваться вот так, вдруг, не предупредив — кроме такой добычи... Думаю, у них свои легенды. И они относятся к ним куда серьёзнее.

— Ну да, а возможность стать королём над охотниками — нехило радует их сердечки. Потому и уходят одни. Не хотят делиться славой, стало быть? Вот только если посмотреть на то, чем заканчивается — пока что выигрывает эта тварь, чем бы она ни была. Да, занятая теория, узнать бы поподробнее, хотя... может статься... Знаю я тут одного человечка...

Лайл потирает переносицу, перекидывает в пальцах какой-то амулет работы нойя. Подтаскивает к себе карту:

— В общем, может, вариант и есть... но дело может затянуться денька на два-три — пока по связям пройду, найду, кого следует, потом сведут с кем нужно. Местность не слишком надёжная, зато если уж выгорит — сможем разжиться хорошими сведениями.

Палец у него так и остаётся уткнутым в Велейсу Пиратскую. Гроски следует взглядом за Гриз и очень удивляется пальцу: чего это он сюда влез?

— Заодно, может, и про пересредников что-нибудь да выяснится: зацепки от тех ребят вели примерно в этом же направлении. Раз с вызовами пока тишина — я бы попробовал.

— Если это опасно...

— Хе. Один раз живём. Как подстраховку прихвачу с собой нашего любителя бабочек — если, конечно, тебе он не нужен позарез на территории.

«Позарез как не нужен», — очень точное определение. Только вот это Гриз несколько часов назад настаивала на том, чтобы за пересредниками шли двое, а Лайл отмахивался: «А что, неужели никому в Кайетте не требуется мгновенная кончина? Да я сам договорюсь, а Нэйш мог бы пока съездить в лечебку, полечить головушку».

— А вы с ним разве не...

— Не больше обычного — в том смысле, что он и так дальше некуда пристукнутый. Весна на него, что ли, действует? Но там, куда я собираюсь, пригодится что-нибудь с

Печатью Щита, костюмчиком за пару сотен золотниц и взглядом типа «Эй, я тут чемпион по долбанутости». Обещаю вернуть в целости — правда, может, какое-то время он или я не будем на связь выходить. Ну так как?

— Езжай. Если что-то вдруг узнаешь — выходи на связь немедленно. Спасибо.

— Рановато благодарить, — в пальцах Гроски выплывает плетённый мешочек, перевитый узором из трав — амулет... нет, оберег. И узор-то знакомый. — Кто там знает, может, и не выгорит. Ладно, стало быть, с утра пораньше выеду, до «встряски» — ничего? Нашего бахнутого предупрежу сам.

Она кивает — хорошо, конечно, доброй ночи. И уже когда он встаёт, кивает на вышитый мешочек.

— «Милость Перекрестницы»?

— А? Аманда дала — сказала, что раскинула на меня картишки и это мне вроде как пригодится. Может, начну ловить в живот меньше ножичков. Ха. А что?

Ничего — кроме того, что «Милость Перекрестницы» нойя вьют для тех, кто стоит на распутье, колеблется... Да ещё кое-чего.

— А ты знаешь, что по обычаям нойя за оберег нужно отдариваться? Иначе через три дня он потеряет силу.

Судя по ошеломлённому выражению лица — не знал или забыл. И Аманда не сказала, и это тоже странно — подарки в духе «догадайся сам» нойя делают, если хотят проверить человека или его чувства к себе.

— Вир побери... чем отдариваться-то? Может, у старого Тодда успею...

— Не деньгами и не купленным. То, что смастерил сам или сделал от души. Вырезать что-нибудь, нарвать цветов...

Они смотрят на окно, залитое дождём.

— ...слепить грязевика, — продолжает Лайл бодро, — или составить букет из перьев, выдернутых из задниц фениксов? Мел не одобрит. И какая жалость, что я оставил где-то в Вейгорд-тене свои спицы и набор для вышивания.

— Можешь сделать ей бутерброд или спеть песню — главное, чтобы от души...

Лайл фыркает. Прячет «Милость Перекрестницы» в нагрудный карман и направляется к лестнице, бросив напоследок:

— Если в ночи будут крики — это я пытаю Яниста поэзией.

— Жестокое сердце, — выдаёт ему вслед Сквор и заливается тоненьким смехом — горевестник быстро пополняет запас фраз...

Сиреневые сумерки за окном тонут в дожде. В Водной Чаше на столе — беспокойное море. Стоило сказать Лайлу или нет? Не надо, пусть узнает сам...

У нойя сотни оберегов, тысячи амулетов. Плетёные, вязаные, деревянные, на травах, на магии, на крови. Аманда иногда мастерит от скуки, нащёптывает колдовские слова — раздаривает ковчезникам по праздникам. От дурного глаза, от порчи, от болезни магии, от лихих людей...

«Милость Перекрестницы» она не дарила пока ещё никому.

«Ходящую Перекрёстками не просят о милостях просто так — рассердишь... Просят только для *своих* — друзей или любимых. Тебе я свила бы такой оберег десятков раз, *карменниэ* — только вот ты же не боишься перекрёстков. А даже если бы оказалась на распутье... варгам такое не вьют. Считается, что вы уже под высшей милостью, с рождения. И вам не нужны обереги. Ах, как жаль, *карменниэ*, я свила бы для тебя самый хороший,

самый-самый... какой ты хотела бы получить?»

«От дурных предчувствий, — сказала она тогда, потому что недавно пришлось побывать на «лёгких путях», и ладонь отзывалась болезненной памятью. — Есть у вас такие?»

«Таких нет, рассветная. Можно прогнать ложные тревоги и наваждение. Или отпугнуть призраков прошлого. Но будущее не спугнуть, а предчувствия — слишком часто лишь его призраки».

Вода в Сквозной Чаше кажется выплаканными слезами. Сквор вышагивает по газетам с заметками о неудачных охотах — и заводит тихую песню, от которой в сердце что-то обрывается.

Иногда остро хочется, чтобы у тебя был оберег от призраков будущего.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Что ты делаешь в питомнике, Лайл?

Я как раз раздумывал сразу над несколькими вопросами: куда нас таки несёт, чей это воздушный корабль, что подарить красотке-нойя... и на кой брал я с собой «горевестник» с Пустошей.

Вопрос Нэйша был пожалуй что и лишним.

— Произвожу закупки, нахожу плотников-торговцев-вольерных, ловлю шнырков, стараюсь не попасться на зубок гарпиям-благотворительницам, спасаю свою печень от Лортена... О, точно, ещё выезды с одним устранителем, в оплату предполагаемого долга жизни. Хватит или списочек на полсотни пунктов оформить?

Под бортом воздушного судёнышка сменялись туманные пейзажи. Нэйш примостился на скамье напротив, вытянув ноги. Терпеливый, как смерть.

— Гильдии больше нет. И за свою жизнь ты можешь не опасаться. По крайней мере, настолько, как раньше. Ты, конечно, допускаешь, что кое-кто из Гильдии избежал ареста. И есть ещё законники на Рифах и их друзья, которые так и не в курсе, кто их сдал.

— ...ты же, вроде, пообещал не отравлять мне жизнь?

— Просто хочу понять. Что ты делаешь в питомнике до сих пор? Скоро будет месяц, как мы вернулись из Айлора. Ты сотню раз мог бы сбежать, нырнуть в уютную норку... А вместо этого вчера тебя могли убить.

— Ребятишки всего-то с мухоморами в настойке перебрали. Может, через четверть часа я убедил бы их, что я — второе пришествие Арианты-Целительницы.

Штурман воздушного кораблика нырнул в свою будчонку — отслеживать курс, а может, проверять воздушные кристаллы. Так что нельзя было сослаться на то, что у разговора есть свидетели. И некем было заслониться от «клыка», который явно на досуге заглянул в мою черепушку, вытащил самые дрянные вопросы и принялся их озвучивать вслух.

— Не вчера, так завтра. Через девятницу. Через месяц. Спроси у Арделл — сколько «тело» потеряло с момента основания. Быть ковчезником — риск, мне казалось, ты понял это после той истории с геральдионом и небольшого случая с йоссами. А ты ведь не склонен рисковать на пустом месте. Так что же тебя держит — деньги? Но ты бы мог заработать гораздо больше в других местах.

— Может, мне хочется полюбоваться на то, как твоя кукушечка наконец-то упорхнёт за Рифы окончательно. Или как ты наконец-то нарвёшься — а с твоей способностью повсюду наживать себе друзей, — это вопрос времени.

— Сомневаюсь, что ты стал бы рисковать жизнью ради того, чтобы увидеть, как я сверну себе шею.

— Да ты, никак, себя недооценивать начал, — умилился я в туман.

Дали бы мне гарантию, что одному отморозку какая-нибудь тварь что-нибудь отгрызёт в ближайшую девятницу — я бы точно не стал паковать чемоданы.

— Клык за клык, хвост за хвост. Или как это там? Скажу тебе, почему я торчу в питомнике, если ты прояснишь — что тебе-то здесь понадобилось, — Нэйш вскинул брови, и я добавил: — Только не надо гнать про «Мне чертовски нравится видеть, как Гриз Арделл

сигает через огненные обручи, а ещё я препарирую зверушек, у меня чудо, а не жизнь!»
Давай уж начистоту — ты ни шнырка не похож на того, кто сидит в занюханном питомнике и огребаёт штрафы за каждое второе устранение.

— На кого же я похож, по-твоему?

В голосе у Нэйша зазвучали опасно мягкие нотки. Сразу как-то вспомнилось, что у меня нет ни ответа, ни понимания — что прячется за личиной Шева Сакриста, охранника с Рифов. Устранителя из Вейгордского питомника. Коллекционера в белом костюмчике.

— Ты бы тоже мог получше устроиться.

Нэйш тоже посматривал через перила — в сырую утреннюю мглу.

— Не могу сказать, чтобы меня интересовали деньги...

— Сказал тот, у кого костюмчик стоит как этот корабль.

Устранитель пожал плечами — почему бы и нет, мол?

— Ты имеешь в виду, что я мог бы сделать карьеру охотника-одиночки. Свобода в перемещениях, свобода в выборе союзников, меньше ответственности и меньше ограничений. Но конкуренция среди одиночек высока. У них бывают времена простоя, когда к ним не обращаются. Заказы приходится искать самому... Да ещё масса сопутствующей работы — переговоры с заказчиками, опросы населения, отслеживание. Если добавить возможности для наблюдения и некоторых... практических исследований, то работа в команде почти всегда перевешивает.

— А. Экземпляров в коллекции больше.

— Можно и так сказать. А если учесть направленность моей работы...

— Это ты про «покажи зверушкам, кто тут главный»? Ты что-то такое говорил во время нашего первого выезда. Всякое там про круг «жертва-хищник» и возможность напомнить бестиям, что не они тут вершина пищевой цепи.

— Мило, что ты помнишь. Может быть, со временем я сменю место. Но пока что...

— Точно, у тебя есть куча причин оставаться в питомнике, — надо бы добавить в тон побольше изумления. — И притаскивать живыми всех, кто идёт с тобой в рейды. А хотя у тебя же и в других группах было это милое правило? Это ж тоже так выгодно! Правда, можешь случайно за компанию с кем-нибудь в Водную Бездонь прогуляться, но ты ж такой весь заинтересованный в грани между жизнью и смертью, так что почему бы и нет?

Нэйш вскинул брови особенным манером — мол, а ты на что вообще-то намекаешь?

— Забываешь, что я видел, чем ты был раньше, на Рифах. Так вот, знаешь что? Ты можешь даже сам верить в то, что навешиваешь мне тут на уши. Вот только ты в питомнике не поэтому и из рейдов всех притаскиваешь живыми по другим причинам.

Крыса внутри грызла, верещала, вертелась ужом. В попытках заставить меня заткнуться. Но заткнуться я с чего-то не мог. Может, придавал опрометчивости «горевестник» во внутреннем кармане или амулет Аманды — в нагрудном. А может, взгляд Нэйша: напарничек чуть-чуть склонил голову к левому плечу, по губам порхаёт очаровательнейшая улыбка, но взгляд — нацеленный, тускло-стальной, словно вырывает из меня слово за словом, выдирает крючьями, как куски мяса.

— Вариантов на самом деле куча. Питомник — отличное прикрытие. Или укрытие — если ты вдруг бежишь от чего-то. Или кого-то. Бывшей супруги, или закона, или, к примеру, памяти. Или, может, кого-то разыскиваешь и потому постоянно отлучаешься из питомника. А может, у тебя это личное, с бестиями? Сожрали кого-то, на кого тебе не было плевать? Вот ещё вариант — ты натворил что-то такое, что пытаешься искупить — оттого и лезешь из

кожи вон, чтобы каждый раз все вернулись живыми.

Ветерок пробивался через воздушный барьер, подхватывал мои слова и швырял их в лицо устранителя. О которое слова и разбивались благополучно в пыль, в пену и щепки. Ни на одном из вариантов лицо не дрогнуло, глумливая улыбочка не дёрнулась и взгляд не изменился.

Вопли крысы наконец-то дошли до адресата, я выдохся и смолк. Нэйш ещё какое-то время полюбовался на меня не мигая.

— Но даже если и так — ты же не ожидаешь, что я тебе об этом скажу?

— Точно, совсем забыл — выдохнул я, повалился на лавку и прикрыл глаза. — Гильдия же сдохла, и мы теперь не лучшие друзья.

— Хочешь сказать, тебя это разочаровывает?

— Хочу сказать — иди ты к чёрту со своими вопросиками.

Нэйш качнул головой укоризненно. Но больше играть в «запрепарируй крысу» не пытался и оставшийся час полёта малевал что-то в блокнотике.

Мы держали курс на юго-восток Вейгорда, и когда неразговорчивый штурман опустил судёнышко на специальной площадке — на западе чернели пики Милтаррских гор, неподалёку от которых у нас случился славный замес с пьющим яприлем.

А на востоке красовалась реликтовая тейенховая роща. Громадные, пузатые, перевитые светящимися прожилками стволы возносились кверху, раскидывали вечнозелёные руки, будто здороваясь. И переплетали кроны в однородную кровлю с подсветкой из высохших плодов-фонариков.

— Мертейенх, — выдохнул Нэйш над ухом и запихнул меня в поджидавший неподалёку экипаж. И весь путь я упорно, зачарованно пялился на Пламенные Деревья, которые Даритель Огня Йенх сотворил для своей любовницы Травницы. Соединив огонь и живое.

До «прихода вод» рощи тейенха красовались чуть ли не по всей Кайетте. Даже в родимом Крайтосе, хотя говорят, что Ледяная Дева не терпит тейенха как свидетельства неверности мужа. У корней «теплых деревьев» селились даарду и вили гнёзда фениксы. Только вот с годами люди распробовали, что это за древесина — сохраняет тепло, не горит, переливается, да ещё отменно накапливает магию, потому годится для артефактов. Так что сейчас по всей Кайетте не наскребётся дюжина рощ, а кусочек такого вот деревца продаётся едва ли не на вес золота. Вырастить тейенх до полноценного размера — нужны столетия, а прорастают и приживаются на новых местах они плохо.

Пока экипаж тащился по распутице мимо тейенховых угодий, напарничек с чего-то шурился на чудо-рощу так, будто вымерял — куда нужно ткнуть топориком.

— Память одолела? У тебя же была какая-то история с рощей тейенха, фениксами и эффектом, как его бишь...

— Овхартти, Лайл, — отозвался Нэйш тихо. — Там была другая роща. Теперь её не существует, в любом случае.

— Эта-то тебя чем не устроила?

— Ты разве ещё не понял, кто заказчик? Ах да, ты же не вращаешься в кругах охотников. Но ты ведь не мог не слышать про Мертейенх.

— Мерте... — я глянул на ограду, бегущую вдоль рощи «тёплых деревьев», углядел герб, — «Т» в виде дерева, увешанного то ли тушками, то ли петлями, — и родил абсурдное: — Погоди... мы что, сейчас едем в поместье Мейса Трогири?

— Теперь уже его сына. Мертейенхский затворник... любопытно, правда?

Будь на моем месте Янист — малого пришлось бы откачивать при помощи зелий.

Слава охотника на бестий Мейса Трогири ого-го как гремела по всей Кайетте в пору моего детства. Года не проходило, чтобы он не уложил какую-нибудь здоровенную и страшную тварь — лютейшую мантикору, виверния-людоеда, а то и альфина. Если тварей не подворачивалось, красавчик Трогири направо-налево укладывал в свою кровать не последних женщин в Кайетте. Рассказывали, что это из-за него королева Ракканта осталась вечной девой, а уж про всяких там графинь-герцогинь-маркиз и говорить нечего. А потом за безродного охотника скаканула девица из знати второго круга — с солидным приданым в виде рощи тейенха. Из этого самого тейенха Трогири отстроил себе поместье, стал в нём поживать и воспитывать сынка-наследника. Да только лет двадцать назад наскочил на несговорчивую животинку на охоте — то ли драккайну, то ли виверния.

«Переломала ему все кости до единой, — со знающим видом пересказывал Эрли на законнической посиделке. — Однако же этот Трогири — крепкий мужик, вон, почти два месяца продержался. Лекари всё пытались собрать его по косточкам, а жена даже у Кормчей в ногах валялась — просила милости и исцеления, только Девятая не снизошла, к убийце-то зверушек, ха!»

По такому случаю жена Трогири скоро отправилась в Омут Душ вслед за мужем. А сынок, на глазах которого папанька попал под виверния, говорят, нехило поплыл рассудком. Закрылся в Мертейенхе, носа из него не кажет и никого не принимает — то ли оплакивает папочку, то ли предаётся безумствам. Особо отчаянные щелкопёры пытались пролезть, только вот перед поместьем... раз... два... тройная линия защиты, тейенховая роща обнесена оградой с защитными артефактами, вон там стоят сигналки...

— Не Цветочный Дворец, — шепнул Нэйш, глядя на ограду и сигналки так, будто они поубивали его родных, — но совсем неплохо.

Поместье Мейса Трогири казалось частью тейенховой рощи вокруг. Колонны-стволы, зелёная резная крыша — и древний, диковатый вид.

Типчик, который нас встречал, к поместью не подходил. Типчик был низковат, хлипковат, а напомаженной и заглаженной причёсочкой напоминал мелкого банковского служащего.

— Неприемлемо! — вкнул типчик, едва мы с напарничком выгрузились из экипажа. — Неприемлемо и недопустимо! Нарушает все договорённости! Как вы их сюда пропустили? — это уже вознице. — Вы будете наказаны за то, что привезли их! А вы — как вы посмели нарушить уговор, это... даже и не думайте, что вам сойдёт это!

Нэйш переваривал истерику со спокойствием того, кто время от времени убивает зверушек на глазах у Мел. А вот возница втянул голову в плечи так, будто его кнутом шибанули, да и руки тряслись. Если только это не боязнь лютого управляющего, то...

— Господин Трогири, так? — изрек в этот момент напарничек. — Не хотите объяснить, о чём идёт речь?

Хлыщ выпучил глаза и ткнул пальцем в меня, будто дамочка, в будуар которой принесли блохастую левретку. Нэйш окинул меня взглядом, который говорил «Отчасти понимаю и даже разделяю ваше негодование, но...»

— Это Лайл.

— Оговаривалось, что вы будете один!

— Оговаривалось, что охотник будет один, — поправил Нэйш педантично. — Лайл не охотник, он...

Пауза вышла оскорбительной, и я поспешил в разговор:

— Помощник на все руки — ну, знаете, переговоры, прикрытие, иногда вот приманкой поработать приходится. А в чём проблема? Если волнуетесь за конфиденциальность, то я как раз отвечаю за полное неразглашение в пользу клиента.

— Никто из группы, — сипел Мертейенхский затворник, — не должен был знать. Секретность... На этой территории...

— Если вы настаиваете — мы можем покинуть территорию прямо сейчас.

Таким тоном можно перекинуть в лёд пару средних речек. Хозяин поместья заморгал и утратил воинственный пыл. Личико с мелкими чертами исказилось испугом — будто у мальчишки, когда урок не выучил, а учитель выдернул отвечать.

— Я должен по... поразмыслить, да. Немного поразмыслить. Несколько минут. А вы подождите. Я сейчас... пойду... поразмыслю, да.

Хлопнула тяжёлая дверь из тейенха. Оставляя нас пялиться на сложную резьбу.

— Слышал, конечно, что на детях талантливых людей природа отдыхает, — высказался я вполголоса. — Но тут она уж прямо длительный отпуск взяла.

Попытался было разговорить возницу, но тот отворачивался, мотал головой и трясся так, что аж в лошадях отдавалось. Ладно, если только сынок знаменитого Трогири не примет нужные таблеточки и не передумает — поездка может оказаться слишком короткой.

Таблеточки оказались что надо: за распахнувшейся вновь дверью, открылась бездна гостеприимства.

— Прошу прощения, даже не знаю, как оправдаться... Такой нелюбезный приём, входите же, входите. Господин Нэйш и господин... Лайл, ах, это не фамилия, какой я недогадливый. Гроски, да, очень приятно познакомиться, и мне правда, очень жаль. Приветствую вас в Мертейенхском поместье — обители лучшего из охотников Кайетты!

Полутёмный холл и без того орал о том, чья это обитель. Он был устлан шкурами альфинов, а по стенам красовались головы бестий. Кое-где стояли и чучела — а на почётных местах было развешано аж шесть высоченных портретов Мейса Трогири. Охотник на единороге, охотник со сворой собак, охотник поставил ногу на голову поверженного альфина...

— Боюсь, я совершенно одичал в своём уединении. Но когда сберегаешь наследие знаменитого отца... тяжкая ноша... и столько недостойных людей хотят проникнуть сюда, ходят и вынюхивают... Впечатляет, правда? Вот это знаете что? Шкура Мартакского людоеда, три года и почти двести жертв, отец выслеживал его две девятницы... А вот чёрный альфин, он нападал на добытчиков серебра в Айлоре. О, вы, конечно, слышали про этого огнистого лиса, он разорял и поджигал птичники в Ирмелее, виртуозно обходил ловушки, несколько лет водил за нос охотников и из облав уходил! Венец коллекции — скортокс, эти твари очень опасны, особенно их хлысты, и то, что отец одолел одну такую...

Хлысты скортокса — с десятков длинных, кожистых кнутов Гриз Арделл — свисали со стены безжизненно. А сынок Трогири вился вокруг — сам как хлыст, пригибался, хихикал, заглядывал в лица.

— ...да, тот игольчатый волк со своей стаей зарезал немало овец под Фения... В коридорах и других залах тоже немало памяти об отце — вы, конечно, слышали о нём и о той давней трагедии... ужасной трагедии. Я стараюсь сберечь его славу, однако что я... недостойн, и репутация — поймите, репутация моей фамилии...

Прогулка закончилась в небольшой курительной, где над камином примостился

очередной портрет Мейса Трогири — в компании золотистого алапарда. Хозяин указал на диван, сам плюхнулся в кресло и позвонил в колокольчик.

— Виски? Вино? Может быть, несколько затяжек водной трубки? И если вы не завтракали... Да-да, я вижу, вы хотите скорее к сути, просто хочу заверить, что если вам только что-то понадобится — достаточно сказать... да, сейчас.

Бледная служанка скользнула в комнату, выставила на столик бутылки, выложила водную трубку, тенью ускользнула в коридор. Сынок Мейса Трогири принялся прикуривать, причём руки ну него подрагивали.

— Репутация... великая вещь, правда? Ваша репутация, господин Нэйш, великолепна, просто великолепна. Ваше имя ещё не гремит, как у моего отца, но со временем, я не сомневаюсь... а я вот ни на что не годен в охоте, представляете себе? Из-за того и попал в эту ужасную ситуацию. Вынужден прибегнуть к сторонней помощи здесь, когда...

Он сделал крепкую затяжку и позеленел. Выдохнул вместе с дымом:

— Понимаете, в нашей роще... там хищник.

И вытянул шею, чтобы рассмотреть ошеломление на наших лицах.

— Ну, знаете ли, — высказался я поосторожнее. — Бывает такое.

— Да-да-да, бывает, но подумайте — роща ограждена! Об ограде позаботился ещё мой дед, а отец хотел соорудить здесь вечные охотничьи уголья. Нечто вроде заповедника для самых разных тварей, из тех, на которых он охотился, а охотился он только на самых опасных...

Да уж, по поместью видать — фанат своего дела. Даже в курительной по стенам разгуливают деревянные мозаичные твари. Когтистые и клыкастые.

— Отец покупал их, выпускал туда. Пару алапардов и пару виверниев. Пару грифонов. Япριлей у нас было пять. Мантикор и альфинов он не успел... Игольчатники, огненные лисицы, драккайны... Бести не нападают друг на друга, а пищи было вдоволь: косули быстро плодятся, и кабаны, в озёрах рыба, птица. Нет-нет, это не те хищники. Тех мы знаем. Я после отца заботился об угольях: хотел, чтобы всё осталось при нём, да. Но это... эта тварь... это не алапард, не виверний, не драккайна. Это... иной Хищник. Зверь.

Заглавные буквы так и засияли перед глазами. А лицо у Трогири дёргалось, бутылка виски звякала о край стакана.

— В прошлом году, летом, лесничие начали замечать тела. Всегда только бестий. Она... оно не ест их, только убивает. Чаще без крови. Переламывает кости: хребет или позвоночник. Иногда душит. И... оно не оставляет следов: ни шерсти, ни меток, ни крови. А охотится по всем нашим угольям тейенха, которые... вы же понимаете, вокруг поместья. Только сначала Зверь охотился далеко, а теперь начал... сужать круги.

Он полувсхлипнул-полухрюкнул и приложился к своему стакану с виски.

— А егеря и лесничие теперь боятся ходить в тейенховые рощи... Говорят, у них такое чувство, будто кто за ними следит. И ловушки мы пробовали ставить, но оно не идёт на ловушки и манки, оно будто... знает.

— Стало быть, никаких следов, и его не видели... а нападения на людей были?

Мертейенхский затворник замотал головой как будто даже с облегчением.

— Люди... нет, с людьми был только один случай: какая-то сила налетела, ударила одного молодого егеря — он говорил, будто из пустоты. Он перепугался, отполз за кусты, но трогать его не стали. Да и ещё некоторые лесничие рассказывают, что вдалеке мелькало что-то — словно бы ожившая часть леса, но они так и не могли понять, что это за тварь.

— А тела убитых зверей или хоть шкуры? Нет? Извиняюсь, конечно, но получается — всё известно только со слов слуг?

Трогири странно хихикнул, покосившись на портрет.

— Нет, не только со слов... впрочем, это потом. Ещё можно услышать странный вой при молодой луне. Жуткие звуки, не принадлежащие ни одной твари в Кайетте. И я полностью уверен в своих лесничих, некоторые из них служили ещё при моём отце, и я им доверяю! Зверь там. Я просто знаю, что он там.

— А вы не думали, откуда он мог там взяться?

Трогири-младший замер так, будто я высадил в него всю свою магию заморозки с Печати. В руке — поднятый стакан с виски, тихо позванивает кубиками.

— В-взяться? От-ткуда в-взяться?

— Ну, если вы уж так доверяете вашим егерям и лесничим и это правда не какая-нибудь сбрендившая драккайна... или кто там у вас — вивернии? То как-то же должна была у вас в угодах появиться эта тварь? Вы разве это не пытались понять?

— Н-нет?! То есть, д-да, я... я пытался, но... — он мучительно кривился, будто на что-то решаясь. — Сперва я думал, может — ну, вы знаете, когда бестии вместе живут... возникают мощные гибриды, да? Особенно если там драккайны?

Ну и от мороженым же охотничком был Трогири-старший, если закинул к себе в хозяйство драккайн! Эти твари легко скрещиваются и образуют гибридов второго-третьего порядка. Только вот драккайна-гарпия будет размножаться с гарпиями, а не с алапардами.

— Потом... может, он как-то через ограду — она очень надёжная, рассчитана на лазающих тварей, даже на летающих. И был ещё перенос — где-то полгода назад...

И зачастил, пряча глазки, что он старается сохранять наследие отца, а земли и активы, которые были в банках, — всё равно истощаются, а поместье требует денег, приходится идти на крайние меры, и это было не так уж много, всего десяток деревьев, но ограду пришлось перестраивать и переносить, и может быть, какой-то хищник смог проникнуть...

Видно было, что в собственную теорию местный отшельник не верит ни на грош, а настоящую озвучить боится.

— Господин Трогири, вы же понимаете, что чем полнее изложите свои догадки, тем проще нам будет обнаружить этого... Зверя? Если есть какие-то предположения...

Сыночка знаменитого охотника конвульсивно хихикнул. Всосал дозу виски до конца и принагнулся вперёд, чтобы выдохнуть вместе с алкогольными парами:

— Я думаю... думаю, что это Он.

Чёртовы заглавные буквы, почему они тут повсюду вообще?

— Он. Ну, вы понимаете... — Трогири взмахнул руками — руки тряслись. — Он. Тот самый. Зверь. Хищник. Который сделал Это.

— Это?

— Да. Убил отца.

Широкоплечий охотник с портрета глядел на отпрыска хмуро, как бы не понимая — как у него такое-то могло народиться. Зато Нэйш соизволил поднять ресницы и упереться в Трогири взглядом, под которым тот затрясся только сильнее.

— Я... я был там, девятнадцать лет и три месяца назад... был там. Болота Тильвии. Отец часто брал меня с собой, всё пытался научить, передать... Но я был плохим учеником. И там... там тоже были тела. Мы находили с ним. Алапардов. Гарпий. Керберов. Отец сначала думал — какой-то капкан или артефакт. Потом он напал на след — я не знаю, что

это было, я не видел, как он, не умел применять такие заклинания поиска... Отец вернул меня в лагерь, оградил артефактами. Он сказал, что долго искал эту тварь. Я просил его, понимаете, просил — не ходить одному... взять слуг, свору... Но он взял только Приала. Это был его охотничий алапарт, вот он с ним вместе на портрете.

Золотистая кошка на картине улеглась у ног хозяина, подставилась под ладонь. На плече у Мейса Трогири красовался знаменитый *атархэ* — раздваивающийся при надобности метательный серп.

— Они ушли, а я... я ждал в лагере, под защитой. Со мной были егеря, свора... хорошая защита на артефактах... отец всегда брал, когда шёл со мной... И всё было тихо. Всё ночь тихо.

Он раскачивался в кресле, глядя на портрет отца. Будто маленький мальчик, который рассказывает страшную историю.

— А потом один егеря — он был Следопыт — он услышал рычание. Далеко. Дрался алапарт и... ещё были звуки. Будто бы плач, только жуткий, заунывный. Потом всё опять смолкло, и я подумал — отцу нужно помочь... приказал взять свору, мы пошли туда...

А по виду так и не скажешь, что отчаянный. Сколько ему тогда было? Лет двадцать

— для охотника прилично, многих с малых лет обучают.

— Отец, наверное, пытался выйти к лагерю с другой стороны. А тот... Зверь... он шёл следом. И мы слышали.

Он зажмурился и замотал головой, выдавил через силу:

— Там... был крик... потом хруст костей. Я бежал обратно, к лагерю... мы все бежали. И слышали, как кричал отец. И плач, жалобный, как у ребёнка. А потом я... потом я увидел.

Голос у него совсем осип, а глаза вытаращились безумно.

— Отец был в воздухе. Будто... словно его Дар обезумел, вышел из-под контроля. И его словно смяло, искорёжило... отшвырнуло. Метнулась какая-то тень. Потом — всё. Мы после не нашли следов. Даже Следопыт — признался, что Дар почему-то не берёт.

Трогири клацал краем бутылки о стакан. Нэйш щурился на местного отшельника. Я прикидывал, а не пора ли и мне выпить, после такой-то истории.

— Ваш отец, — сказал я, когда Трогири таки нацедил себе выпивки, — умер не сразу. Простите, что спрашиваю, но... он не говорил, что это была за тварь?

Наследничек мотнул головёнкой, на которой встопорщилась не до конца залакированная прядь.

— Вершина цепи, — вышептал, улыбаясь кривовато. — Вот, что он твердил. Вершина цепи и проклятие охотника. И просил, чтобы никто не узнал. Потом я понял: он опасался, что другие тоже пойдут искать... и будет как с ним. И я долго пытался понять — что это могло быть... Думал даже, что это какая-то демоническая сущность — знаете, как бывают твари, которые преследуют всех членов рода, или... Я думал, что Зверь убивает охотников. Но я — я ведь не охотник.

Он икал и захлёбывался виски, и часто дышал, кидая взгляды то на меня, то на Нэйша:

— Если это Он... что ему тут надо? А? Зачем пришёл? Я никудышный наследник своего отца, я могу только беречь, но... не умею, как он. А ваша репутация, господин Нэйш — выше всяческих похвал, и вы сделаете это, вы же согласны, да? Просто закончите с этой тварью, прошу. Хотите пятьсот золотниц? Или тысячу?

Нэйш по-прежнему молча таращился на хозяина. В светло-голубых глазах отражалось каминное пламя. Разговаривать приходилось мне:

— По части устранения господин Нэйш большой специалист, не сомневайтесь. Но вы как-то... не думали, что лучше бы вызвать команду больших специалистов? Вот наша группа ковчезников — там есть Следопыт, есть варг, нойя со снадобьями и амулетами...

Интересно, спасёт «Милость Перекрестницы» от странных заказчиков? Трогири взвился, как укушенный, даже виски расплескал, пока махал руками:

— Нет! Нельзя! Я же вам всё время толкую — репутация моего отца... что скажут, если узнают? Трогири? Нанял охотников?! Тайну не соблюсти, и эти репортёры, постоянно вокруг, они бы вынюхали, узнали! Отец так рассердился бы, он... он надеялся, что я смогу, но я не смогу, я не как он, а вы же сможете, да, господин Нэйш? Ваши характеристики, и Дар Щита... Вы сможете. Я не сомневаюсь.

«Ты чего молчишь?» — поинтересовался я у внутренней крысы и у Нэйша — мысленно. «А чего говорить, — резонно пискнул грызун, — валить надо от такой работёнки. Если уж эта тварь замочила когда-то лучшего охотника Кайетты, а теперь пришла за его отпрыском...»

На удивление, Нэйш думал примерно так же.

— Господин Трогири. Что, если мы откажемся от этой миссии? Мы ведь сейчас не связаны клятвами или контрактами. Так что можем просто выйти из поместья, сесть в экипаж. И мы не давали пока что никаких обещаний о том, что будем молчать — так что если мы выедем отсюда и пойдём напрямиком в газеты...

Мертейенхский отшельник перестал размахивать руками и застыл с приоткрытым ртом. Видок у него был глуповатый — будто у деревенского дурачка, который ухитрился заблудиться между соседних домов.

— Вы... вы же шутите, да? Шутите? Я же знаю, ваша репутация... вы же не отказываетесь от вызовов, вы не можете! И вы выразили согласие, когда явились сюда — как это вы можете отказаться? И... я оказываю вам честь! Выбрал вас... среди других... охотиться во владениях Трогири. Я — Нарден Трогири — прошу вашей помощи, а вы мне... вы не можете! Вы просто не можете!

Последнее — в полный голос, с негодующе-визгливыми интонациями и размахиванием рук.

— Не могу?

Нэйш сидел на месте — ногу за ногу заложил. А наследничек торчал посередь комнаты во весь рост. Только вот не было сомнения насчёт того — кто тут хищник, а кто жертва.

— Прошу вас... — Трогири заламывал руки с безумным видом. — Умоляю, не бросайте... не бросайте меня... с Ним. Крах... сейчас... искать ещё кого-то...

— Есть много более опытных и известных охотников, и я могу подсказать, как с ними связаться.

— Но они все... промахивались.

Мертейенхский отшельник зыркнул на портрет своего отца, подступил к Нэйшу вплотную и зашептал ему чуть ли не в лицо:

— Я выбирал, я знаю... у них у всех были промахи. У каждого. Они скрывают... не хотят себе портить репутацию. Но у них были ранения. Или от них уходила дичь. О вас же говорят, что вы безупречны. Господин Нэйш, этот Зверь сумел справиться с моим отцом. Лучшим охотником из всех, кого я знал. И теперь, чтобы убить эту тварь, нужен не просто охотник. Нужен кто-то... кто-то...

«Сверххищник», — попросилось в мысли.

— «Вершина цепи», — выдохнул Трогири благоговейно. — Да, точно. Чтобы убить того, кого так назвал отец — нужен тот, кто выше, чем просто охотник. Умоляю, позвольте мне... скажите мне, что я могу надеяться на вас.

«Откажись», — чуть не завопил я. Плевать, что не отказываешься от вызовов (это, кстати, что — ещё одно правило?). Плевать на предложенную цену. Откажись, потому что здесь всё не так в этом клятом доме, начинённом портретами и трофеями — неужели ты не слышишь, не чуешь?!

Но я уже знал, что он согласится. Чуть расширенная улыбочка, немигающий взгляд: «Вам трудно отказать, господин Трогири. Я сделаю, что смогу». Взгляд чуть-чуть соскальзывает на меня — эй, Лайл, заснул? И время изгибать хребет, изображать радость от обрётённого задания, кивать: а как же, всё, что только изволите... надо бы контрактик, к слову... говорите, уже есть? Чудненько, чудненько, можно глянуть?

Нэйш подписал, не читая, кивнул в мою сторону — «Лайл изучит и задаст нужные вопросы, где можно переодеться?» Потом напарничка увела куда-то бледная тень слуги, а я застрял в курительной с контрактом на тридцати шести страницах, а чокнутый сынок знаменитого охотника заглядывал через плечо, дышал сладковатым дымом из водной трубки, тыкал пальцем с длинным ногтем: «Вот пункты о неразглашении, видите? С тридцать седьмого по шестьдесят третий... А тут вот ограничение по срокам... не хотелось бы, понимаете, чтобы это длилось долго... И — вот — вам придётся не покидать поместье, пока всё не будет выполнено. О привлечении моего персонала...»

И то ли от пахнущего ванилью дымка, то ли от мерного чтения пунктов, шелеста страниц — я впадал в угловое, покорное оцепенение. Безднадёжное, как похмелье после четырехдневной пирушки. Пробегал взглядом один за другим многословные, спорные пункты, привязывающие нас к поместью Мертейенх, пока тварь в угодьях тейенха не будет «стопроцентно мертва». И покорно кивал, хотя мог бы сказать: «Эй, постойте, пункты с сорок второй по семидесятый что-то спорные, мне надо бы посоветоваться с напарничком». Потом разыскать комнату, выделенную Нэйшу, взять коллекционера за грудки, спросить напрямик: «Ты что творишь?! Ты зачем на это вообще подписался?!»

«Вам покажут вашу комнату, господин Гроски» — почему у них тут всё-таки не слуги, а бледные немочи? Мысли путаются, тонут среди переливов тейенха, как в сладковатом дыму, нужно потянуть время, нет, опросить лесничих. И только приставучий, неотвязный звон в ушах... нет, это как будто визг где-то изнутри... тейенх, тейенх, что же я помнил про тейенх, что-то важное про эту рощу. «Ваш напарник зовёт вас, господин Гроски», — и я покорно иду на зов, будто жертва, которая понимает, что от прыжка хищника не уклониться — а в мире же есть только жертвы и хищники, я же от кого-то слышал это...

Коридоры тоже путаются, путаются и ветвятся. И в них полно трофеев — шкур, и клыков, и голов с мёртвыми глазами. Трогири снова прилип по пути — Боженьки, откуда только выскочил? В его рассказе сменяются ловушки, взлетают в прыжке обречённые звери, пытаются уйти из облавы, скрыться от преследования, не понимая — что обречены, что по пятам идёт охотник... Чучело оскаленного кербера. Панно с перьями пятнадцати грифонов. Два жала мантикоры — глядятся друг в друга...

Вывели не к воротам — к выходу за правым крылом поместья. «Вот помещения егерей, а за ними вход на территорию тейенховых рощ, вы можете зайти, оглядеться, ознакомиться...» Нэйш в чёрном плотном костюме (расстался с трауром?), с сумкой на боку кивает —

«Да, разумеется. Нет, оружие всегда при мне. Начну с небольшой вылазки вдоль ограды. Посмотрю местность, следы, сигналы в лесу. Тем временем Лайл опросит лесничих, у него это получается куда лучше, да, Лайл?»

Мантикора заberi — да он улыбается. Мягкой, почти светлой улыбкой того, кто вот-вот чудо узрит! И Мертейенхский наследник кивает, успокоенный, осеняет даже вслед каким-то знаком благословения...

— Идём же, Лайл.

Мне-то куда? А, туда, где высокая зубчатая ограда и невысокая калитка, в которой светится хранящий артефакт. Калитку уже с приглашением приоткрывают, а за ней возвышаются, приветственно протягивают руки теплые деревья, навсегда впитавшие то ли солнце, то ли огонь Йенха Пламядарителя... А под деревьями, гуляют алапарды, и драккайны, и яприли, а ещё гуляет Зверь, который — над ними... Но мне ведь не туда? Нэйшу туда, точно. А мне вон в те домики, справа и слева, мне — говорить с вольерными, мне повезло не хищник, меня уберегли... кто? От дурных дорог бережёт Перекрестница...

Пальцы правой руки подползли к карману, где лежал подаренный Амандой амулет. Коснулись сложной вязи — сходящиеся-расходящиеся пути... колет кончики пальцев — или, может, это Печать откликается холодом...

Пальцы левой руки сжали чёрную ткань. Нэйш остановился на полушаге. С искренним интересом опустил взгляд на свой локоть, в который вцепился я.

— Не ходи.

— Лайл. Ты здоров? На нас вообще-то смотрят.

— Я здоров, а ты окончательно рехнулся. Куда тебя вообще сейчас несёт? Ты хоть карту их угодий запросил?

— Думаешь, она нужна на этой маленькой охоте?

Ресницы приподнялись, открывая застывший, тусклый голубоватый лёд. Обращая светлую, полную ожидания улыбочку во что-то жуткое.

— Лайл. Ла-а-айл, — я поклялся, что если уйду из питомника, никогда больше не назовусь своим именем. — Ты ведь с нами восемь лун уже. Пора было бы привыкнуть и научиться распознавать...

— Да что ты несёшь?! — теперь я пытался тащить его назад. Всё равно что пытаться сдвинуть с места королевский дворец Вейгорда. Испарина выступила на лбу, ноги соскальзывали, но я всё не сдавался и шептал, почти не слушая, что говорит он: — Ты хоть понимаешь, что отсюда нужно уходить, этот Трогири лгал, не знаю, в чём, но всё неспроста, куда ты лезешь, не ходи, мы же тут будто в...

Крысы остро чувствуют ловушки. Даже через дурман.

Амулет Аманды покалывал грудь — или кололо изнутри?

Улыбка Нэйша — выстывшая и жёсткая, теперь казалась высеченной в камне. Хотя и была одобрительной — «Ну вот, молодец, что понял».

— Знаешь, что примечательно, Лайл, — прошептал напарник, мягко нажимая на моё запястье (пальцы разжались сами собой, запястье словно ужалило болью). — Когда в клетку попадают два хищника... никогда не ясно — кто из них окажется добычей.

Он похлопал меня по плечу. Улыбнулся лёгкой и радостной безумной улыбочкой, шепнул: «Осмотри дом, Лайл, только осторожно».

И канул за калиткой между молчаливых егерей — и калитка закрылась за ним, прежде чем я успел пожелать ему хотя бы милости Перекрестницы.

ЗВЕРЬ

Я стою у Запретительной Черты. Черта говорит: не ходи, нельзя. Она длинная и высокая. Если прыгнуть на неё — будет жечься и оттолкнёт. Я не прыгаю. Я слышу ловушки, как голос земли и дыхание травы. Среди деревьев много мелких, глупых (для кого?). Я их всегда обхожу. Но вдоль этой люблю ходить и вслушиваться, и думать.

Запретительных Черты две, у второй я тоже бываю. Та много длиннее, к ней нужно бежать через деревья. Но эта интереснее. У этой другая цель.

Всё живое имеет цель: вода утоляет жажду и прячет следы, а опавшие листья теплы, и в них хорошо спать. Добыча вкусна, а клыки — чтобы рвать её. Особенно имеет цель магия. Я знаю магию. Различаю её запахи, как запахи крови.

Та, что позвала меня в этот мир, дала мне цель, и я несу её в себе. Цель держит, вцепляется, не даёт уйти в тёплое лоно, в сытый, спокойный сон.

Найти Охотника. Убить Охотника.

Я убил многих, но цель звенит во мне. Зудит под кожей и заставляет ходить у Запретительной Черты. Вдыхать запах магии страха.

Там, за Чертой — логово. В логове кто-то есть. Может ли быть там Охотник? Я самый умный, самый хитрый. Читаю следы и знаки. Слышу, как ходят те, кем он повелевает. Они боятся меня. Смешные жертвы, которые мне не нужны.

Он там в засаде. Но я его пока не выманил. Он тоже хитрый, он попытается выманить меня. Может, он пошлёт охотника, который ему покорен, только не так силён? Тогда тот бросит вызов по глупости, и будет схватка. Я самый сильный, самый ловкий. Всегда побеждаю и не промахиваюсь.

Оставляющие следы под деревьями знают это. Некоторые бросили мне вызов. Этих я быстро убил. Другие признали моё превосходство. Все они пахнут этой землёй и кровью её, и они-с-землёй, как со мной клыки и когти. Слабые. Добыча. Жертвы. Не умеют сливаться с землёй, как я. Не умеют ступать без следов, как я...

Все, кого я убивал раньше. Слишком медленные и громкие. Трусливые и хрупкие. И цель царапает, цель холодит. Найти Охотника. Убить Охотника.

Я великий охотник. Самый лучший охотник, которому покорны все меж этими деревьями. Кто лучший охотник у тех, с магией на ладони? Кому они покорны?

Запретительная Черта пахнет логовом Охотника-над-Охотниками. Цели.

Дождь пахнет ловом. Вызовом. Встречей.

Запретительная Черта не сплошная. Открывается в разных местах. Эти места я тоже чую и бываю у них. Но там она толще. Там не пройти.

Оттуда выходят ненужные, шумные жертвы, по которым ясно, что они покорны. Я не показываюсь им. И не трогаю. Они не цель. И невкусны.

Я становлюсь дождём — и знаю, что Запретительная Черта открылась с другой стороны круга. Становлюсь листвой — и знаю, что Черта впустила не жертву, но хищника. Охотника.

Найти Охотника. Убить Охотника.

Чешуйки брони на спине подрагивают смыкаются, скрывая уши. Несколько прозрачных защищают глаза. Я чую его цель. Он пришёл за мной, и это так хорошо.

Сейчас я превращусь в ветер, потом в лес. Буду следить за ним. Гнать его. Потом он бросит мне вызов или я ему.

Тогда я превращусь в смерть.

Может — это всё-таки будет тот самый, самый главный Охотник? Тогда я исполню цель и смогу вернуться.

Я самый сильный. Самый хитрый. Самый быстрый.

Запретительная Черта закрывается за ним. И начинает пахнуть ловушкой.

Я скольжу на зов, к Охотнику, который скоро станет добычей.

У Охотника нет ни шанса.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Утро смердючее. Нужно полечить от капканных ран двух истеричных серных коз и козла. Козёл воняет в три раза хуже, чем обе самки, орёт громче Пиратки, а мозги, как у среднего вольерного — не завозили от рождения.

У двух таяет понос — корм впрок не пошёл. Отравленную волчицу Резвунью всё рвёт. Тхиоры вышли из спячки и решили, что хватит терпеть. Гнойные раны, дерьмо и блевотина — букет питомника. С аккордами вчерашнего горохового супа от вольерных. И нотками перегара от Дрызги и Бабника.

— Ох... где эта нойя... — стонет Дрызга, пока волочётся к лекарской за антипохмельной. Лортен ползёт вслед. Он, похоже, выкупался в одеколоне. Сколько-то секунд я почти готова вырезать себе Печать.

Конфетка вонючести этих двоих не сносит: в «Ковчежце» звучит вопль на языке нойя, и пьянчужки кубарем выкатываются обратно. Дрызга бредёт к Пиратке, стеная и хныча. Бабник топает мимо и поэтично сокрушается о предначертанности выбранного пути:

— Когда само небо отводит меня от трезвости — я же не могу не внимать этим знакам?

Не успевает ещё прозвонить колокольчик на «встряску», как прибегает взъерошенная Йолла. С новостью, что у нас то ли посетитель, то ли заказчик.

— Нос только заткните. А то ой-ёй-ёй...

Я б сказала иначе. Например, что клиент воняет хуже, чем самец серной козы. И что куча навоза яприля выглядит симпатичнее. И ведёт себя получше.

Он мелкий и кряжистый, одет в какое-то отрепье; из того, что лет пятьдесят назад было меховой шапкой зыркают загноившиеся глазки. Резкая вонь немытого тела, чего-то прокисшего. И — бульканье, клокотание, пропасть мерзких звуков каждую секунду, гнилая пасть отворяется сплошь для потока грязи:

— А эт у вас горевестник, что ль, э-е-е-е? В клетке, склг? О, мы таких били... Перья торговцам идут хорошо, ык-ык-хы-гы. На амулетики, у меня вот тож есть, ык-хы. Ты, стал быть, варг? А это работнички, ы-ы-ы-ы? Во умора. Тож в мозгах у бестий или так их под хвостом целуют?

Рыцарь Морковка, который так и не донёс зад до кресла, начинает бледнеть и вырастать обратно. Грызи, проходя мимо, нажимает ему на плечо и таки усаживает.

— Да, я варг. Гриз Арделл. Вы по делу ко мне лично или к ковчежникам?

— Да, с тобой лично я б беседку-то поимел, — Козёл меряет её глазками, и Морковка опять начинает ползти вверх. Грызи давит на его плечо сильнее. — Ну так, дельце вам есть. Мхе-е-е, спасибочки-то скажете, небось, ой как скажете. Я так-то из Гильдии, нда.

— Гильдия Чистых Рук?

Смех у него блеющий и булькающий, прозвищу под стать.

— Были Чистые Руки да вышли все! Из Гильдии Охотников я. Мгхыэ-э... Слыхали, что ль?

Старый Резун сам по себе вползает в пальцы. Грызи оглядывается на меня от Морковки, понимает, что обоих не удержит, роняет сквозь зубы:

— Доводилось.

В комнату бесшумно вступает Морвил — брезгливо принюхивается к Козлу, подходит ко мне и кладёт на колени золотистую лапу. Сиди, мол.

— Тц-тц-тц, здоровый какой... и шкура-то, шкура, — охотник ухмыляется гнилопакостно. — Что, пугать вздумала? Попробуй, тварь лесная. А я тебя согрею, мьяхьях...

На ладони к него — Печать Огня, тоже какая-то заскорузлая. Идеальная мишень для атархэ, только вот Морвил смотрит упреждающе. Как и Грызи.

— Мел, Янист, не можете переносить нашего визитёра — давайте в питомник, я сейчас подойду. Вы, как вас там... если вы по делу — излагайте, нет — не задерживайте.

Козёл пакостно скалится. В бородёнке у него — полный набор для сытного завтрака.

— Слушок прошёл, вам про охотников интересно, кхех? Кто это охотничков прибирает, гхых? Так-то оно подумать — кто б мог-то, кроме таких, как вы, дряней... а вам интересненько, и-э-э?

И ёрзает, пока достаёт что-то из своего блохосборника. Кресло после него сжечь придётся.

— Вот, ихихих, вот контрактик-то... сладенький такой контрактик. Никто в нашей Гильдии и не взял, хрк... а я — цоп! Контрактик-то... предъявить да выполнить. Коли не побоитесь, ха-хах. Хотя где вам, на такое-то! Мхехехех. Ну, а вдруг?

— Вы взяли заказ у своей Гильдии, — Визиты в мозги к людоедам дают Грызи понимать самую разную мразь, — взяли контракт... И хотите передать его нам. Почему?

— Да уж не за просто так, как ты думаешь-то, дыа-а-а? Контрактик-то... на двадцать золотых рыбёх. Кхюсь, кхюсь, а я так думаю: раз вам надо, то вы за вдвое купите, ы? Да, может, и чего ещё приплюсуете, чтобы по-доброму порадовать, мге-е-е? Эй, рыжий — она в койке-то как, ничего?

Багровый Морковка стартует с кресла, будто под ним открылось сопло вулкана. Гриз вцепляется в него, и начинается борьба «масса против ловкости» с обменом маловнятным шепотом типа «Гриз, я не собираюсь выносить, как он...» — «Сядь и молчи!»

Козёл веселится и что-то булькает про голубков, я прикидываю бросок, чтобы атархэ угодило прямо в вонючую пасть. Но тут по лестнице наплывают вниз шаги вместе с голосом:

— Ах, как интересно!

Ароматы Конфетки — ваниль, жасмин и перец — почти перебивают вонь охотника. Тот сначала упирается глазами ей в бюст и начинает с «Вот это сись...» — потом глаза поднимает и хрипит:

— Нойя? Ведьму, что ль, на меня напустить решили? А, дряни, не получится у вас! Да у меня такие амулеты... первейшие!

Шарит ручонкой в лохмотьях, достаёт целую связку. Хвост таясты, клык мантикоры, связанные грифоньи перья, коготь гарпии... Конфетка смотрит на это и ухмыляется зловеще. Явно торчала наверху и слышала разговор чуть ли не с начала, а не учуяла я её из-за вонючки Козла.

— Нойя говорят — настоящий мастер помех не боится. Но нужно выбрать — ах, конечно, выбрать подходящее. Ломоту в кости или безденежье... или тяжкую болезнь? Паралич, недержание...

Это у него и так сейчас будет. Козёл подрывается с кресла и верещит:

— Э! Варг! Тварь свою отзови, поняла? А то уйду отседа и контракт унесу, ясно тебе, ы?

— Не уйдёте, — отвечает Грызи, которая опять додала Морковку до сидячего

положения. — Потому что до смерти боитесь того, кто вас послал. Настолько, что даже пришли к нам, хотя вряд ли этого хотели. Кто вам сказал, что мы расследуем пропажи охотников?

— Неудача в охоте... — напевает нойя у столика, на который она выложила свои мешочки. — Боязнь спиртного... ах, может быть...

Козёл следит за ней, выставив руку с Печатью, и вид у него тупой и пристукнутый.

— Сказано было... Было мне сказано... Десять золотниц скину, ладно, мых...ну! Останови её!

— Не раньше, чем вы ответите на мои вопросы. Сколько вам заплатили за то, чтобы вы передали нам контракт?

— Да уж как следует заплатили, чтоб я в ваше логово вонючее полез! — визжит Козёл. — Бери контракт, чтоб вы все...

Он не успевает обозначить, куда нам деться. Конфетка начинает шептать, насыпая того и этого в пригоршню: «Чёрный сухостой, полуночный гнус, пепел чудаца, щупальца медуз...» И Козёл застывает, сипя и брызгая слюной.

— Контракт не взял никто из ваших, — уточняет Грызи преспокойно. — Да и вы не собирались брать. Так что же там за вызов?

— Да оборотень в Тильвии охотников порешает! — верещит гильдейский. — В нескольких деревнях, говорят! Два месяца заказ, наши не берутся... и я б не взялся, а тут... заплатили, ну! Да заткните ведьму!

«Подкрадётся ночь, силы выпьет прочь, не придёт грешок, сохнет корешок...», — быстро-быстро бормочет нойя и перемешивает на ладони что-то со зловещим видом. Дальше бормочет уже на своём, Грызи прислушивается — и с уважением скидывает брови:

— Зачем же сразу так... Последний вопрос. Почему все считают, что это оборотень?

— Да разным зверем-то ходит! То алапардом перекинется, то волком, а кербером ещё! И в ловушки не идёт, на приманку не падкий, а там силочки и ямники через одного, в деревнях. Мехом они живут, ловушками кормятся, а тут помощи запросили — оборотень потому что! Э! Варг! Я всё сказал, ведьму свою отзови, пусть расколдовывает!

Грызи подмигивает Конфетке. Конфетка тоже радостно подмигивает и сдувает с ладони то, что намешала — в физиономию охотнику. И зловеще, по-ведьмински, хохочет, когда Козёл с воплями и ругательствами вываливается из «Ковчежца». Оставляя на прощание едкий дух страха.

— Это было... неосторожно, — придушенно замечает Морковка, когда нойя перестаёт хохотать. — А если бы он ударил с Печати?

— Не ударил бы. Его хорошо проинструктировали. Надо думать, не только заплатили сверх стоимости контракта — ещё и объяснили, что будет, если он кого-то из нас заденет.

Грызи возится с оконными задвижками. Скрипят старые рамы — и в комнату вливается утренний воздух. Разгоняет козлиную вонь.

— В любом случае, ты вовремя, Аманда. И отличный блеф.

— Какой блеф, сладенькая? Его корешок на два года лишился силы. Если, конечно, он не попытается принять зелья для мужской мощи — тогда действие может и утроиться...

Нойя, мурлыча себе под нос что-то зловещее, стекает в свободное кресло. Румянец полыхает, в глазах странный блеск.

— Бедный, бедный мужчинка... Жаль, не родился в лейре — собратья бы избавили его от страданий ещё в детстве. Мать оставила бы дитя на перекрёстке, посвятила бы Знающей

Все Дороги... и здесь было бы легче дышать, — брезгливо кривится. — Что за контракт он там притащил? Обратни — это так интересно!

Грызи пялится на Конфетку, потому контракт со стола уволакивает Морковка.

— Исполнитель не вписан... и впрямь, по дате — заявлен больше, чем полтора месяца назад. Общей на несколько деревень в Нирвэа, это...

— Тильвия, — включается Грызи. — Западная окраина Вирских лесов.

Расстилает по столу карту, очерчивает — хотя что там смотреть. Вирские Леса бездонны, как мантикорья глотка. Здоровенные, дикие, пересыпанные болотами и старыми вирами — говорят, вымахали на местах каких-то проклятых крепостей, то ли обителей. Зверья там — не протолкнёшься. А где есть бестии — есть охотники. Стервятнички на окраинах. Ко всему ещё — куча банд контрабандистов, разбойники и куча разной швали. Как всегда в Тильвии.

— Меня больше волнует тот, кто мог послать нам это задание, — хмурится Морковка. — Не направить — напрямик перекупить у Гильдии, отправить с каким-то охотником. Если уж начистоту, это выглядит как-то подозрительно, и я бы не сове...

Грызи смотрит на контракт так, будто совершенно определённо понимает, кто нам мог подкинуть такое вонючее дельце. И, конечно, пойдёт в Тильвию выяснять насчёт обратней. Ну, вот пожалуйста:

— Я иду.

— И тебя там прикончат. Когда увидят, что ты варг. Там же ямочники и силочники, Грызи, ты не слышала, что ли? Они в жизни не поверят, что ты из охотничьей Гильдии.

Если у этих гадов весь промысел на охоте построен — представляю, что у них в деревнях творится. И с каким лицом Грызи будет ходить посреди этих...

Грызи, само собой, не об этом думает. Вид у неё такой, будто только разбудили.

— Да, точно, Мел... Нужен тот, кто сойдёт за охотника, — и делает шаг к столу с Водной Чашей. — Вызову Рихарда.

Его Светлость при мысли о том, что придётся куда-то там отпускать Гриз с Нэйшем, опять подскакивает с кресла.

— Зачем?! То есть, кхм... я хотел сказать... ты ведь говорила, они с Лайлом отправились куда-то... их может быть небезопасно вызывать, так ведь?

— небезопасно вызывать? — Конфетка задумчиво крутит на палец прядь. — Об этом я не слышала, медовая.

— По связям Лайла, — машет Гриз. — Насчёт охотников и пересредников. В общем, если они ещё не успели сунуться вглубь...

Морковка следит за тем, как её рука подвигается к Чаше. Почти как алапарт за кроликом.

— Разве нельзя без этого? Вообще, мы же не знаем, что там, и если местные не так поняли... вдруг привлечь Нэйша не лучшая идея? С его методами...

Морква дело говорит — Мясник сразу пойдёт направо-налево валить. Бестий, пьяниц, которые до него наверняка докопаются. Местных баб. Грызи это понимает, хоть и колеблется:

— Ты ведь понимаешь, что в таком случае охотника придётся играть тебе?

Его Светлость исхитряется и половиной физиономии изображает горячую готовность. Вторая половина физиономии — та, что ближе ко мне — наполняется виной.

— Да порядок, — говорю. — Мой отец его таскал по охотам. Как прикрытие сойдёт.

Грызи, нюхач там нужен? Проветриться охота.

И посмотреть на Морковку в роли охотника из Гильдии. Может, и на оборотня, если повезёт.

Грызи явно прикидывает — сколько охотников я могу перекалечить во время задания. И не перевешивает ли это мою полезность. Хотя ясно, что всё равно возьмёт. Спасибо ещё, двух вольерных недавно наняли — оболтусы, но питомник на пару дней оставить без страха можно.

— Четыре деревни, — журчит Конфетка, — так много... А гадалке нойя же всегда расскажут больше, да-да-да? Может, попросят составить заговор — отпугнуть нечисть. О, и я бы могла продать там несколько своих амулетов, ах да, там же охотники — тогда ещё и разжиться чем-нибудь полезным для зелий? И к тому же — оборотень...

Грызи мрачно обзирает нас одного за другим. Перед тем, как кивнуть.

На месте оборотня я бы не высывалась, наверное.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

День перевалил за половину незаметно, где-то за серыми тучами. Он пахнет притворством, этот день. Отдаёт можжевелевым дымом и железом, мокрыми шкурами, тесаным деревом, потёртой кожей.

Мне пришлось обрядиться в куртку с капюшоном — охотники Гильдии часто скрывают лица. Ещё у меня есть арбалет, его притащила Мел со склада отобранного у браконьеров добра. Склад ещё до Перекрестья завёл Гроски, искренне возмущаясь: «Какого это вира вы ценным оружием раскидываетесь? Что отбираете у браконьеров ладно — а потом куда деваете? Никому не надо, вольерные Тодду продают? Да тут за одни ножи озолотиться можно!»

Мел сунула арбалет в руки, буркнула: «Солидности придаст», — и вдобавок повесила на меня ещё парочку ножей, чтобы я больше походил на охотника.

Гриз тоже натянула капюшон поглубже и налепила фальшивую Печать — цветок на ладонь, если вдруг будут любопытствовать.

Но они тут на диво нелюбопытны — люди, которые уже несколько поколений передвигаются по границе Вирского леса. И не стараются срубить себе прочные дома — всё равно ведь через десяток лет идти туда, где зверья побольше...

Утлые домишки разбросаны по трём жалким улочкам. Тщедушные хозяйства — куры, козы, овцы. Пища для жителей — и приманка для животных, за счёт которых здесь живут по-настоящему.

Каждый дом — свидетельство многих охот. Выточенные из костей грифонов рукояти ножей. Черепа волков вместо подпорок. Протёртые шкуры-одеяла — лучшие идут на продажу — амулеты из клыков у детей, ожерелья — у женщин. Распяленные челюсти капканов, сложенные тёсаные колья для ям-ловушек, петли для силков, охотничьи манки-амулеты...

И Гриз Арделл тиха рядом со мною. Молчалива, словно идёт через кладбище — да это так и есть, вокруг нас сейчас — могилы для сотни, а может, и для тысячи животных. Помнит ли она, что я иду рядом с ней? И что я могу здесь, на её вечном поле битвы...

Могу малое: размахиваю контрактом с гильдейской Печатью. И лгу, давясь, краснея и вспоминая уроки Лайла Гроски. *Мы — из Гильдии Охотников, вот, взяли за контракт,*

остальные наши пошли к другим селениям, а нам бы пока узнать — как у вас тут всё началось, что происходило...

Я лгу вместо неё и расспрашиваю вместо неё, и выдумываю причину, по которой Гриз нужно взглянуть на местных псов (игольчатники и болотные сторожевые), отвлекаю хозяев, чтобы не увидели, как варг расспрашивает животных. Потом Гриз уходит посмотреть следы вокруг селения. А я остаюсь среди домов, полных костей, капканов и шкур. И лица-лица-лица кружатся и наплывают, а голоса сливаются в единый рассказ:

— Первым был мой муж, он у нас был лучшим ямником, — гордо вскидывает голову ещё не старая женщина. На шее — ожерелье из клыков, на каждом клыке — сложный узор. — Ушёл проверить ямы, не вернулся. Мы сперва думали — наскочил на кого. Потом уж нашли.

— Глотка-то порвана, ой-ой-ой... — охает досужая кумушка. — А не жрали его, так я сразу сказала: не людоед это, где видано, чтобы людоед и не жрал! Они ещё думали — алапард задрал, да и всё. На территорию, мол, к нему зашёл, ой-ой-ой! А я-то сразу говорю: оборотень-перевертыш, никак иначе, а они мне: да что ты понимаешь! А как остальные-то уж пошли — тут все и поняли...

— Восемь в прошлом месяце, — разгибает пальцы мрачный староста, — в этом вон... десятого позавчера бабы приволокли... тьфу! Да он на кроликов так-то охотился, жрать же надо чего-то, а коз резать не захотел. Ну, пошёл силки смотреть — вот его и...

— Оборотень это был, — твердит черноглазая девчонка и трёт щёки — её потере нет ещё пяти дней. — Батя осторожно ходил, амулеты у него были, да отводы хитрые. Не, он не на охоту, он даже силки ставить-то перестал. Он за хворостом. Мамка кашляла, я животом маялась — а то б мы пошли, оно на баб и девчонок не прыгает, а?

— Лучших охотников первыми положил, — ехидный старик поплёвывает тёмной от табака слюной. — Сперва лучших и на охоте, да... Потом уж за тех, которые послабее взялся. Ну, мне-то что — я отохотился давно, ходил я, глядел следы. Оборотень это, непременно. Это вам любой скажет. А? Что говорите? Да, следы-то разные. Алапарда следы, волка-игольчатника...

— Гарпия-бескрылка — четырёх, говорят, положила, — рыжая девица кокетливо мнёт высушенную розу, приколотую к корсажу. — Да, ко мне-то часто охотнички прогуливались... говорили, говорили... Грифон был, были следы кербера, ой, да там и виверния следы раз видали, и какие-то странные — драккайны, может? Только вот это всё равно оборотень, а знаете, почему? Ну-у-у, за бесплатно такое не сообщают, но...

— Вели они себя одинаково, — цедит сквозь пиво один из тех охотников, которые остались в живых. Совсем мальчик — едва ли есть семнадцать. — С ареалами охоты тоже вир знает что — с какой стати алапард и кербер в одних местах охотятся? Но это у нас тут бывает. Кроликов много, оленей всяких, вот хищники и бродят. Только вот повадка у них по охоте тоже отличается. А у этой твари — одна, кем бы ни перекидывалась.

— Загоняет он их, понимаете? Загоняет! — лупит по столу изрядно набравшийся кузнец. Комкает железо для капкана в пальцах, будто бумагу. — Ребята-то все лежали... сбежать пытались, отбиться пытались! Магией во все стороны лупили, как по призраку. У одного сквозник был — того нашли у ручья, на помощь позвать хотел. А только тварь прыгнула, да и прикончила в тот же миг, я б её, др-р-рянь...

— Точно пляшет, да, — шепчет одна из женщин во вдовьем белом уборе, — моего когда мы забирали... снег выпал уже, следов много было, а у нас следы читать всякого с детства

учат... Поглядела я — а паскуда словно танцует. Мой был хорошим охотником — и сплетлять пытался, и отвести артефактами... только не вышло у него — загнала... словно издевалась ещё... убила и ушла, ушла...

— Кто там знает — куда и откуда, — зло бросает седоусый держатель местных лодок. — Охотников пойти за этой дрянью я потом до храма Глубинницы сплавливал. А больше никому не хотелось. У нас тут, сами понимаете, и так охотники не мейсы трогири, ага. Ловушки и капканы, а чтоб в лоб на зверьё — это ж у нас больше в Гильдии специалисты?

На нас с Гриз они глядят даже не недоверчиво — с и обречённостью. «Новый корм оборотню пожаловал». Словно сквозняки, вслед летят шепотки: «Водный маг и девка-травник? Ну всё, совсем пропадём» — «Гильдия охотницкая мельчает, а!» — «Да просто дурни явились, кто поумнее — они осторожнее...»

На постой останавливаемся у древней старушки, подслеповатой местной знахарки — в её доме пахнет травами, не смертью и железом.

— Бедные вы, бедные... — шамкает хозяйка, пока мы разжигаем огонь в камине поярче и осматриваем комнаты, завешанные вениками из трав по стенам. — Мой вам совет — сдайте вы контракт, да и поезжайте. Молодые ещё, а что удумали, а? На гиблое дело — и за двадцать золотниц? Не рассказывали вам, что ли — тварь эта и с крыльями, и чешуёй обрастает, а зубов уж, зубов!

Следуя мудрому совету, который мне давным-давно дал Гроски: «Опрашиваешь в городе народ — дели на два, в деревне — на восемь».

Мелони является к обеду. Взъерошенные и взмокшие волосы, шапка в руке, щеки горят после долгой пробежки. Прыгает к столу — и тут же торопливо начиняет рот хлебом и сыром.

Видела бы это её матушка — или хотя бы тётя...

— Фамильный жамок жа пожрачь, — невнятно выговаривает Мел. — Намотала миль фыфнажцать, ф-ф-ф-ф...

Делает глоток и уточняет:

— Почти никого не покалечила, — и тянется за пирогом с капустой.

Кое-что о соседнем селении она так и сообщает нам — между откусыванием и проглатыванием пищи. «Трупов под два десятка», «Местные напуганы, несут вир знает что о бабах со змеиными головами», «Все следы разные, повадка охоты общая», «Убивают охотников, мужиков. Но не жрут».

Мы переходим в самую большую из отведённых нам комнат. Хозяйка тут же прилипает к двери, и Гриз выкладывает на стол артефакт против подслушивания. Пока она активирует его при помощи согревающего артефакта, Мел играет в кресле с ножом.

— Все трупы нашли не так далеко от селения. На некоторых охотников нападали, как только малость углублялись в лес. Вернуться к своим не давали, всегда гнали в чащу, а там уже додушивали. Некоторых брали у их же капканов. Или возле ям. Да и вокруг селения натоптано. Разными лапами. Гарпия. Игольчатник. Алапард. Кербер. Здесь ты сама видела, да?

До этого Гриз не сказала не слова — но говорит сейчас. С отстранённым, почти полусонным видом:

— Вокруг селений пляшут звери. Хищники. Каждый день разные. Они не приближаются к ограде и не показываются людям...

— Следят, — Мелони стучит пальцем по носу. — Слышно было алапарда и волка в засаде. Да и в лесу меня вели. Не напали, правда. Но они вообще как-то избирательно кладут, да? Сперва поудачливее охотничков, потом послабее. И не каждый день.

— Потому что их не так много, — поясняет моя невыносимая, глядя куда-то в себя. — Они идут за добычей то к одному селению, то к другому... для зверей это не расстояние. Жители успевают привыкнуть. Расслабиться. И тут...

Мне кажется, я знаю — что у неё перед глазами: разметанные шатры Зимней Травли в Дамате, тела лесничих между деревьями, обезумевшие животные — и пятна крови варга на снегу...

— Это всё как-то не стыкуется между собой, — Гриз поднимает на меня глаза, устало-удивлённо, а я говорю почти сердито. — Например, тогда, в Дамате... Кровавых варгов было несколько, так? И они ввергли зверей в бешенство, те уничтожали всё на своём пути. Мел, эти ведь действуют не так?

Мелони соглашается коротким взмахом ножа.

— Вряд ли варг крови. Раз — это тут с прошлой луны началось. Сперва в этом селении, потом ещё в трёх. Сколько миль получается, даже с учётом того, что можно по реке и на лодке? Тридцать? Сорок? Ну да, тут Вирские леса, может, кто разведал заброшенные виры и через них каким-то буераком ходит. Но два — кто-то бы да увидел. Ты насколько далеко можешь от зверя отойти во время контроля на крови?

Гриз, всё так же отстранённо, пожимает плечами, и Мел смягчает тон:

— Недалеко. Иначе контроль затрудняется. Если б их на крови держали — кто-то бы увидел следы, понимаешь? Деревенские после первых трупов искать пытались, след брать. Нашли бы и человеческие следы, и следы крови. Мантикоры печёнка, Грызи — да они тут все охотники! Ну, и три — как звери действуют.

— Мне это скорее напоминает кое-что другое, — тороплюсь вставить я. — Энкер и того сумасшедшего Мастера — помните? Петэйр ведь тоже мог контролировать животных. И натравливать их на людей. Едва ли при этом играло значение расстояние. Если здесь мы имеем дело с чем-то подобным...

— Похоже, угу. Звери точно заморочены — может быть артефакт, зелье... да хоть и просто дрессировка, хотя тут странно: приманки они обходят слишком уж мастерски, и на манки не идут. Только вот кому такое...

— Конкуренты. Фанатики. Кто-то, кто хочет отомстить — что мы вообще знаем о здешних людях? Никого, к примеру, не насторожило, что у них ведь чудовищные потери, сплошные похороны полтора месяца — и при этом они не обратились к властям...

— Морковка, мы в Тильвии — какие власти?!

— Всё равно. Эти земли ведь кому-то принадлежат? Почему они не обратились к нему?

— Да с окраинами не поймёшь, кто ими владеет, часто по семь графов на одну деревню, и все с тяжбами за неё же... Хм. На мотив смахивает. Может, с земли согнать хотят — во втором селении уже подумывают сниматься с места...

— Или же это опять козни прогрессистов, как в Энкере! Почему не допустить, что они собираются устроить какую-то провокацию, как в прошлый раз. Привлечь внимание, обвинить во всём варгов, указать на то, что животные опасны...

— Пф, опять детективов обчитался — мы в Тильвии, какое внимание!

— Что это меняет? Жители внезапно обратились в Гильдию Охотников — хотя наверняка пытались нанять кого-то ещё, и им отказывали! Предположим, что согласился бы

кто-то авторитетный, ну хоть и из Ирмелея, сюда бы приехали охотники из знати, за ними журналисты...

— А за ними волки на хромой двуколке! Морковка, хватит громоздить «бы», а то...

Мы с Мел перекидываемся версиями. Упругие, разноцветные мячики слов, так и мелькают в воздухе: кто мог быть, что мог применить, чем это вызвано, из-за чего началось... Мы повышаем голоса, словно стараемся перекричать тот единственный, который звучит внутри неподвижной, загородившейся от нас стенами Гриз.

Едва ли она нас вообще слышит. Замерла у окна и откликается лишь на минутную тишину. Не оборачиваясь, произносит странным, пустым, невесомым голосом:

— Водной Чаши здесь нет. Где ближайший водоём? Тот ручей, через который мостик?..

По взгляду Мел я читаю, что той становится страшно видеть Гриз такой. И потому загораживаю собой дверь, когда моя невыносимая делает к ней движение.

— Ты хочешь связаться с Фрезой?

Она поднимает на меня глаза — задумчиво, как на чужого. Едва заметно качает головой из стороны в сторону: не Фрезу.

— Нужно было вызвать его сразу.

Это «его» отдаётся оскоминой в горле. Позади Гриз взлетает на ноги Мел:

— Мясника?! Да какого...

Гриз делает ещё шаг, и мы стоим теперь очень близко — я могу рассмотреть каждый травянистый извив в её дивных глазах. Губы её кривятся чуть виновато, когда она шепчет:

— Нам не узнать, что тут стряслось, пока мы не перехватим кого-то из зверей. Но они избегают показываться на глаза людям. Держатся в стороне, пока не нападут. Не нападут, понимаешь?

Понимаю, что у меня сердце вылетит через грудную клетку. От того, что она в шаге — ближе, чем на наших прогулках, таких редких, силой вырванных у тысяч и тысяч дел.

Мел присвистывает.

— На живца?

Гриз чуть наклоняет голову, но обращается будто бы только ко мне.

— Они нападают на охотников. Чаще всего — на одиночек. Мужчин. И единственный способ, чтобы это выглядело правдоподобно, а охотник не пострадал...

...вызвать проклятого устранителя. С его белым костюмом, самодовольной ухмылочкой («Приятно видеть, как вы цените мои маленькие таланты») и выедающей душу любезностью в последние девятницы («Милый вечер, да? Господин Олкест, может быть, подменить вас на дежурстве?»). Того, на ком словно написано «Охотник и хищник», у кого есть Дар Щита — гарантия, что он будет невредим...

Всё во мне осознаёт, как это правильно. Каждый нерв во мне кричит, что этого не следует делать.

— Но они ведь с Лайлом где-то на задании, разве нет? И если даже отзовутся — пока Нэйш доберётся сюда... И если на него попытаются напасть, он точно не устранит зверя на месте? А ты ведь хочешь перехватить зверя и попробовать соединиться с ним разумом?

Я выдумываю аргумент за аргументом, один другого убедительнее. И что с того? Я не переношу этого типа, и меня с души воротит, стоит только представить его голос: «Удивительно, что вызвали меня. Кажется, вас берегут, господин Янист. Может статься, для других важных дел».

— Я могу это сделать.

Гриз моргает недоуменно, и я уже не таясь беру её за руку. Говорю, глядя в расширившиеся глаза:

— Так будет даже правильнее. Если кто-то следил за селением, то знает, что сюда пришли охотники. Расспросили людей. А теперь время идти по следу.

«Даже и не думай», — едва заметно обрисовывают губы Гриз. С неё наконец-то слетела отстранённость, вид поражённый и испуганный, и пусть мне даже приятно, что она волнуется за меня...

— Нет, послушай! Тогда мы можем отправиться сейчас же. Я умею читать следы... — Мелони фыркает. — Ну, более или менее, но чтобы изобразить охотника — хватит. Вы меня будете страховать в стороне. Вмешаетесь, если что. Опасности почти ника...

Она рывком высвобождает свои пальцы из моих.

— Никакой опасности? Ты видел Энкер? Я не смогла пробиться к животным. Если там что-то подобное и меня не услышат... если будет алапард? Если мы не успеем...

«Вас берегут», — смеётся голос Нэйша у меня в голове, и я удерживаю Гриз, когда она пытается пройти к двери.

— Но вы успеете. У нас с собой снотворное... звери всегда нападали по одному, так же действительно проще.

Я гляжу в полыхающие безумной зеленью глаза — и в какой-то момент мне кажется, что я слышу ответ: «Но если вдруг... я тебя потеряю» — и готов уже улыбнуться и пообещать, что этого не будет никогда-никогда...

— Морковка прав.

Единый Всемогущий, я забыл про Мелони. Мы забыли — потому что Гриз вздрагивает и оборачивается с разбуженным видом.

Мел изо всех сил делает вид, что её занимает лезвие своего ножа.

— Они не убивали сразу. Всегда устраивали гонку. Пляску. У нас будет навалом времени, чтобы поближе подойти, а ты успеешь применить Дар — хоть так, хоть на крови. И ещё... забыла второе правило ловли на живца?

— Что за правило?

Отвечает мне Гриз — хмуро и не сводя взгляда с Мел:

— Это из «Кодекса Охотника». «Чем более предсказуема наживка — тем удачнее охота».

По части «сотворить что-нибудь неожиданно неприятное» я уж точно не сравняюсь с Нэйшем в ближайшие полстолетия.

— А... первое правило?

— «Нужно знать, на кого охотишься», — отзывается Мел. Но Гриз добавляет — уже отвернувшись от двери:

— «Или хотя бы знать, что охотятся не на тебя».

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

О чём думает наживка?

Лайл рассказывал о своём первом выезде с Нэйшем — охоте на лисицу-драккайну. И уверял, что думалось в основном «о еде, боли в ногах и о том, где ж этот клятый устранитель».

Я думаю о любви.

Она здесь, моя невыносимая. Я иду по влажному, болотистому лесу, держу арбалет наперевес и изо всех сил изображаю охотника. А она где-то позади или сбоку, невидимая в маск-плаще, неслышная... и всё ещё не согласная со мной и Мел, наверное.

Даже согласившись, Гриз встревоженно глядела, как Мел меня инструктирует. Убедилась, что я экипирован и понимаю, что нужно делать. И уже когда мы остались одни, спросила негромко:

— Тебе-то самому это зачем?

И, не дождавшись ответа, отвернулась досадливо. Похоронив мои надежды на напутственный поцелуй.

Но ты ведь не могла не понять, — говорю я ей мысленно. Это не мальчишество и не попытки играть в подвиг. Просто я хочу быть рядом с тобой. Во всём. Помочь тебе хоть чем-то. Я понимаю, что я подготовлен меньше остальных — значит, время учиться. Ты ведь тоже понимаешь, что я не останусь в стороне. Может быть, ты беспокоишься за меня и хочешь уберечь... но не нужно. Мой путь давно начертил в небесах Единый, и если он перевил его с твоим — значит, я спокоен. Будь что будет.

Кажется, я слышу ответный вздох — но нет, это вздыхает в кронах елей ветер... Лес мрачен и угрюм вокруг, остатки листвы на кустарниках кажутся грязным тряпьем. Я иду по тропам собирателей грибов и ягод — меньше риска свалиться в охотничью яму. Держу курс на место предпоследнего убийства, выхожу на поляну, где нашли жертву. Опалённые знаки на стволах, прогоревшие кусты. Метки огня, жертва била по зверю. Вот глубокие женские следы в грязи и след волокуши — женщины тащили тело. Вся поляна истоптана, и в слякотной неразберихе следы теряются, но вот немного дальше — крупные лапы. Волк-игольчатник или же кербер, судя по массивности — последний. Я кружу, распутывая петли звериного пути: нужно увидеть, куда хищник ушёл после того, как убил охотника.

Мел (где она, интересно?), наверное, цокает языком недовольно: много времени трачу. Пока наконец не выхожу к заболоченному виру — вроде бы, просто воронка в земле, но вода едва-едва заметно вращается.

Такой вир есть в питомнике, в закрытой части. Гриз мне его показывала во время патрулирования... или прогулки? Глупо считать свиданием ночные бдения в опасном питомнике, среди бестий и браконьеров. С другой стороны, мы хотя бы вместе и можем говорить о чём угодно во время этих вылазок. Она рассказывает о старых выездах, об обычаях варгов, терраантов и нойя, о том, что можно увидеть в сознании зверей. Но чаще взглядом просит говорить меня — и я говорю о пансионе, о морских путешествиях, про которые читал. В такие моменты мне кажется — печаль, которая словно смыкается над моей невыносимой в последние девятницы, отступает ненадолго.

Следы обходят вир и уводят в чащу. Прислушиваюсь к шелестам и поскрипываниям Вирских лесов. Следят ли за мной уже? Не заметили ли бестии-соглядатаи Мел и Гриз? Впрочем, если звери под контролем — чутьё у них может ухудшиться. Жаль, нельзя топтать погромче или ещё как-либо ясно обозначать своё присутствие: охотник должен быть осторожен, пусть даже дешёвый охотник из Гильдии...

Например, сосредоточиться на следах и не думать о касании горячих пальцев, тонком осеннем запахе волос, редких поцелуях в щёку.

Волк появляется вдруг — выставляет из-за ствола тёмную морду и плечи в порослях игл. Невольно вскидываю арбалет — к счастью, промахиваюсь, а то Мел бы меня убила. Зверь убирается за деревья — не спугнул ли я его? Но тут из-за кустов слева раздаётся шорох и вылетает длинная струя пламени — приходится шарахнуться назад.

Огнедыхание. Драккайна?

Низкий вой наплывает будто бы со всех сторон — словно на меня охотится стая. Шорох сзади — поворачиваюсь и успеваю увидеть тварь в двадцати шагах. Крупнее обычного игольчатника, и чешуя на боках — верно, драккайна. Вскидываю теперь руку с Печатью — и зверь, словно издеваясь, растворяется среди кустарника и стволов.

Пляска началась.

Прижимаюсь к стволу и вожу арбалетом туда-сюда, а тень волка мелькает то справа, то слева от меня, и вой плывёт, оскаленная морда выныривает из-за кривой сосны — всё на той же дистанции, неудобной для магического удара... Деревенские правы, слишком умно для животного. Ещё и ещё вой, насмешливый, приглашающий. Выскальзываю из-за ствола, пытаюсь сменить место — и тут же шорох за спиной, мгновенное дыхание огня, приходится развернуться, выставить водный щит с Печати. Печать откликается неохотно, и тут же начинает ныть ладонь.

Тварь играет со мной. Прячется за стволами, пляшет в отдалении, но стоит сделать к ней шаг — пропадает. Чтобы объявиться сбоку или сзади, подвыть или дыхнуть огнём. Иногда драккайна пускается бежать, но как только я пытаюсь не отстать — исчезает, петляет, чтобы начать теперь погоню уже за мной.

Несколько раз она почти вылезает под прицел моего арбалета — и ещё два болта я выпускаю мимо, нарочно, хотя уверен, что промахнулся бы даже хороший Стрелок.

Бестия — или тот, кто ей управляет — хорошо знает, как действуют охотники. Меня выматывают. Провоцируют на удары с амулета и с Печати, на растрату болтов. Если я пытаюсь ничего не делать — драккайна тут же подходит ближе: рычит из кустов, лязгает зубами, дышит огнём. И ждёт, когда я пойму, что охота идёт уже на меня. Запаникую и брошусь бежать к деревне.

И я старательно делаю ошибки неумелого, молодого охотника. Трачу болты и заряды с огненного амулета. Спотыкаюсь, едва ли не до колена проваливаюсь в жидкую, болотную грязь (ладно, это непреднамеренно). Нервничаю и оборачиваюсь на топот быстрых лап.

Рычанье слева. Взблеск тёмной чешуи между елями. Отбросить бы бесполезный арбалет. Топот справа и сзади. Оборачиваюсь и вижу, как огромная тварь прыжком уходит за кусты. Похоже, в моей беспомощности убедились, и поплясать осталось совсем немного.

Промокаю вспотевший лоб рукавом. От капюшона пришлось избавиться — мешает обзору. С еловых лап летят на голову капли. Визгливо хохочут скрогги на высоте, швыряются шишками, переговариваются, как кумушки, которых пригласили в театр, на изысканное представление.

Тварь мелькает между деревьями, виляет, приглашает стрелять. Ничего, вон там видна удобная поляна... пламя! Проклятие, как близко подошла — едва успеваю уйти за ствол, ступаю на намеченную поляну... и словно оказываюсь один. Нет топота. Нет мелькания игл и чешуи между стволами. Ни шороха в мелком ельнике — и только возбуждённая скороговорка скроггов наверху.

Ушёл? Решил оставить добычу? Или почуял кого-то ещё, а потому...

Мгновенное ощущение опасности — и когда я оборачиваюсь, вижу прямо перед собой оскаленную пасть. Лапы больно ударяют в грудь, макушка крепко прикладывается о поваленный ствол, мир идёт кругами, из кругов вылепляется клыкастая пасть, обдаёт жарким дыханием, опускается ниже... ниже...

— Вместе!

Крик Гриз слышится совсем близко, и тяжёлые лапы убираются у меня с груди. Через силу делаю вдох, приподнимаю голову ...

Нож — вот, что мне бросается в глаза в первую очередь. Он лежит поперёк ладони, и пальцы на рукояти сомкнуты добела. Лицо Гриз искажено, и я понимаю, что она не взрезала ладонь, только потому что зверь остановился сразу. Но вся её поза, лицо, глаза, всё кричит, что ещё только миг...

Но драккайна не нападает. Она стоит почти что надо мной: в полтора раза больше обычного игольчатника, почти чёрный цвет, драконий хвост да поблёскивающая чешуя по бокам. Тварь стоит напротив варга, не обращая больше на меня внимания — и смотрит... но не в глаза Гриз, а как будто на нож.

Потом склоняет голову, то ли приветствуя, то ли покоряясь.

Скрогги умолкают на вершинах елей. Медленно-медленно Гриз опускает нож — и я знаю, что в глазах у неё начинает разрастаться властная, чарующая зелень.

— Вместе, — шепчет Гриз и протягивает к зверю руку. — Не бойся...

«Не бойся, послушай меня. Я Гриз, Гриз Арделл, и ты больше не один. Я варг, и теперь мы с тобой вместе», — она рассказывала мне, как это бывает, когда погружаешься в сознание бестий, прорастаешь в них, связывая разумы. «Они откликаются. Всегда откликаются, потому что чувствуют в нас своих защитников — Пастырей чудовищ».

Драккайна бросает на Гриз короткий взгляд, отворачивается и скачком влетает в кусты. Под недоумевающий вскрик Мел (та, оказывается, страховала слева):

— И какого вира это было, а?!

Но Гриз уже возле меня, ощупывает мою голову, надавливает пальцами на грудь, одновременно вынимает какое-то зелье из поясной сумки...

— Так не больно? Рёбра не сломаны? Сейчас, постой, сейчас...

— Я да... да я в порядке, просто он... неожиданно как-то... — дрожь зарождается изнутри при воспоминании о нависшей оскаленной пасти. — Не надо зелий, я... нормально, правда... а что случилось, вообще?

— Вир знает что, — свирепо прилетает от Мел из кустарника. — Рванул, будто ему под хвост перца напихали. На тебя прыгнул, потому что кого-то из нас учуял. Плясал ты с ним отлично, он вылез на поляну, и тут его будто переключило, и он полез тебя приканчивать.

— Будто... решил, что он меня уже загнал? — Гриз пытается приложить мне компресс к затылку, заливает в меня укрепляюще а я мотаю головой и пытаюсь показать: да всё хорошо, сейчас встану уже, на груди только синяки, да руки дрожат.

Голос Мел приближается вместе с её шагами.

— Или вдруг понял, что в лес вошли три человека. Только вот мы же шли после тебя и с других мест. Сигнал он что ли от кого получил?

Я заставляю себя сесть. Голова гудит, и перед глазами — дюжина чёрных клыкастых провалов... А ещё лицо Гриз — совершенно белое, с неистойвой зеленью в глазах.

Её руки на моих щеках кажутся обжигающими.

— Может, и сигнал, — в груди неприятно сдавливают при мысли, что Гриз только что едва не применила Дар-на-крови из-за меня. — Я скорее имел в виду — как эта драккайна повела себя. Она остановилась, увидев варга, но потом вдруг отказалась от соединения. Это как-то странно, да?

— Странно, — едва слышно отвечает Гриз.

По дороге обратно в селение она молчит.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— ...а под конец — самую чуточку чабреца, ах, конечно, кто бы мог подумать!

Аманда нахваливает хозяйкины пирожки и всюю выпрашивает секреты приготовления «самого вкусного чая в Тильвии, даже нойя так не умеют, да-да-да?» А ещё делится сплетнями, которые удалось выщедить из жителей четвёртого селения.

— В, третьем, что поближе, мне совсем-совсем не повезло, какая жалость, очень уж недоверчивые жители. Приняли меня то ли за того самого оборотня, то ли за злую колдунью — так и не удалось их убедить. Конечно, я могла бы кое-что применить, но не хочется тратить, да и они уж слишком настороже — селение на осадном положении, там всё перекрыто. Ох, и единственное, что я узнала — вообразите себе, они собираются взывать к милости самой Кормчей! Пытались меня этим напугать, дурашки.

Травница располагается поудобнее в скрипучем кресле, просит хозяйку подать «всем-всем этого необычайного чая, он лучше сладких вейгордских вин, сразу возвращает силы, а моим друзьям это точно нужно». И отмахивается от попытки пригласить её в комнату:

— К чему секретничать? Наша милая хозяйка никому не выдаст, правда же? Да, так вот, в третьем селении выправили гонца в Акантор — правда, гонец пока не возвращался. Может, ждёт аудиенции у Девятой, а может, кутит на полученные от всей деревни деньги — кто там знает! Но я направилась в четвёртое селение — самое дальнее, самое богатое. Неподалёку от него вир, да ещё пролегают торговые пути, потому там обитают больше не охотники, а те, кто обрабатывает шкуры да живёт с перепродаж. Даже есть пара лавок с дивными мехами, ах, прости, Мел, лапочка, что-то я замечталась. Это селение совсем немного пострадало от оборотня. В нём мало охотников, а убиты четверо — впрочем, они были ловкими, потому их оплакали как должно.

Голос её набирает мёда — жаркого, гречишного.

— Но в часовне Круга, что стоит на конце селения, умелая и зоркая жрица. Вообразите себе, не побоялась выйти на дорогу в глухой час, под полную луну, когда вокруг селения выла и бесновалась на разные голоса нечистая сила...

Хозяйка охает сдавленно и делает охранный знак перед лицом. Янист слушает, как замороженный:

— И она... осталась жива?

— О, она осталась, — нараспев сообщает Аманда. — И она уверяет, что видела зверя.

Серебристого, словно иней на рассвете, и быстрого, словно стрела отменного Стрелка. Она начертила охранный круг, призывая Девятерых — и Зверь не тронул её и обошёл селение. И оборачивался он то алапардом, то волком, то драккайной — и был всё так же велик и серебрист. Но едва лишь луна начала терять своё серебро — зверь встал на задние лапы и скинул шкуру, обратившись человеком! А тот пошёл к ближайшему виру, и жрица уверяет, что не видела его лица, однако видела, как он хромал.

Она умолкает и пьёт чай так, будто сообщила уже всё. Старушка-хозяйка тут же подхватывается и начинает суесться — мол, ой, как могла забыть, у соседуски бы лучка прихватить, да и маслице вот кончилось, ай-яй-яй, господа-то за постой платят щедро, а она их — чем утром угостит?

Гриз ждёт, пока та ускользнёт с восторженно-предвкушающим выражением на лице. И уже потом говорит вполголоса:

— Шеннет? Серьёзно?

— Хромому Министру не повредит никакая слава, — задумчиво откликается нойя, поднимается и наливает себе ещё чая. — А нам не повредит побеседовать в одиночестве.

Привычная к методам Аманды Мел только хмыкает, а Янист выдаёт нервный смешок.

— Так не было отважной жрицы Круга?

— Была. Только это была не жрица, а приживалка при храме; она была не отважна, а пьяна; видела не оборотня, а кузнеца, который напился и полз на четвереньках... Лучше расскажите вы, сладкие мои детки, — что дала ваша ловля на живца?

И демонстрирует Аманда ямочки на щеках, поясняет в ответ на взгляды:

— Пошли в лес втроём — даже глупышка с волосами цвета траура догадалась бы, чего вы хотели. Вот только я думала, что застану вас в компании кое-кого в костюме того же цвета... ах, Янист, какой ты отважный! Так это ты был приманкой — не сомневаюсь, на неё кто-то клюнул!

— В общем, вроде как да, — Янист поглядывает встревоженно. — Но это ничего не дало. Как только тот волк увидел Гриз — он просто сбежал.

Сбежал, пряча глаза. Вот только он всё-таки взглянул. Достаточно, чтобы ощутить то, что стояло за ним.

— Настают последние времена, — качает головой Аманда. — Звери бегут от своих Пастырей, ай-яй-яй... что будет дальше?

— Плохо будет дальше, — едва слышно отзывается Гриз. — Что ты узнала по-настоящему?

— В то селение часто заходит странный народ — проезжие, контрабандисты, торговцы. А с ней они свыклись, потому не сразу сказали мне о ней. Отшельница, которая поселилась в глуши. Больше десяти лет назад. Она навевалась к ним в селение — выменивала ягоды, грибы и редкие болотные травы на еду и вещи. Всегда под капюшоном — потому считали, что она из моего народа. Только вот наши отшельницы, которые приняли Путь Перекрестницы, не скрывают ладони перчатками.

Перчатки. Подарок Яниста на Перекрёстки, такой удобный, красивый.

Скроют отсутствие Печати. Или шрамы поперёк ладони.

— Перчатки, да... к ней относились спокойно, там бывает и более странный люд. Она почти ни с кем и не заговаривала. Когда она только поселилась там, оказала жителям селения несколько услуг: вывела заблудившихся детей из леса, помогла неопытным охотникам выбраться из болота, потом нашла маленькую девочку, которую мачеха вздумала

бросить в лесу. Отец едва не обезумел: единственная дочь, на поиски бросилось всё селение, с собаками... но та отшельница каким-то чудом смогла отыскать её быстрее. Одна. Одна, ведь верно, медовая?

Неверно, — качает головой Гриз. Потому что никто из нас не один.

Всегда вместе.

— С тех пор её уважают. Говорят, правда, что охота в последние годы ухудшилась — но с ней это не связывают, она ведь поселилась в таком месте, которое охотники обходят стороной. Гончая Топь, или Охотничья Погибель — трясина, каких много в Вирских лесах. Немало молодых охотников пропали в ней бесследно — вместе с собаками. Топкие тропы... заболоченные виры... ложные кочки, по которым разве что зверь пройдёт — ах, эта топь такое страшное место, кто стал бы там жить?

Например, кто-то, кто ищет уединения. Кто давно ушёл из общины — торопливо, не попрощавшись, словно в попытках сбежать от чего-то...

— В последний раз она была в селении больше трёх девятиц назад. И теперь за неё даже тревожатся: вдруг с ней что-то случилось, и этим объясняются смерти охотников? Она не разговаривала ни с кем в торговых лавках, но я расспросила ту девочку — помните, она её ещё когда-то спасла. Девочке сейчас уже двенадцать, и она призналась, что в этот раз решилась подойти к своей спасительнице. Понесла ей домашний пирог — такое милое дитя! Спросила отшельницу — помнит ли та маленькую спасённую жизнь, поблагодарила, славная девочка...

— А... та?

Аманда смотрит на Яниста с кривой усмешкой — внезапно теряя всю свою сладость.

— А та погладила её по голове. Взяла пирог. И сказала: «Ты невинна, дитя. Не бойся. Качнувшиеся весы тебя не заденут».

Мел с ругательством всаживает нож в стол.

— Всё-таки чокнутый варг, да вир же побери!

— Хищный Пастырь, да-да-да, я тоже склонна так думать. Пастырь, который слишком преуспел в защите своих стад — и теперь вот принялся убивать тех, кто может им навредить.

— Ну, в этом-то она, может, не так и не права...

— Мелони, о, да ради Единого!

Голоса текут сквозь неё. Сливаются в ручей внутри её крепости. По которой она мечется мысленно, в поисках единственного: что им сказать теперь... что им сказать, чтобы это выглядело правдоподобно.

— ...около полусотни жертв, не меньше... Но разве это возможно? Мы же посчитали, что у варга крови не хватило бы сил, да и как она осталась незамеченной...

— Так она, может, и не использует Дар на крови. Просто рассказывает животным, как себя вести и на кого нападать. Хотя контроль, конечно, странный...

— Янист, дорогуша, кто там знает, возможности варга, который практикует Дар на крови, скажем, десятков лет, могут очень отличаться от того, что мы представляем...

— Я её знаю.

Гриз выдыхает слова медленно, словно идёт по неизведанным тропам. Нужно по кирпичику из слов выстроить стены. Спрятать решение.

— Похоже, что знаю. Её зовут Крелла, и она сестра моего отца. Единокровная, конечно. Пришла в нашу общину, когда мне было пять. С их собственной что-то случилось. Вернее, что-то стряслось с наставницей варгов в единственной общине Ракканта — и община

распалась.

Хочется взять в руки старые дневники, шелестеть страницами — вдруг что-то в записях бабушки наведёт на путь? Только к дневникам её не подпустят, отец не желает отвечать на вопросы, сигналист, чтобы она не смела показываться... Что же случилось в общине неподалёку от Единорожьей Долины? Кто был там наставницей? Детская память не сохранила имени, и бабушка лишь вздыхала об этом, а тетя Крелла...

Темноволосая и приветливая, чуть-чуть похожая на Аманду — то ли пышностью фигуры, то ли насмешливой улыбкой. Она тоже в крепости, среди жильцов-воспоминаний. Вечно возится с детьми, рассказывает о травах, вяжет носочки и расчёсывает девочкам волосы. Или плачет — потому что Гриз несколько раз заставляла её заплаканной в домике у своей матери. Но мать не говорила, почему плачет сестра отца.

— Около десяти лет назад она ушла из общины. Никому ничего не сообщив. Наши её искали, но варги знают, как скрыть след даже от зверей. Отец был сердит.

Сильнее он сердился только в день, когда общину оставила его дочь.

— Смерти никто из нас тогда не почувствовал, выходит, она была жива. Но все эти годы я про неё не слышала. Она не связывалась с другими общинами и не поддерживала связь с варгами-одиночками. Я даже считала, что она может быть среди ушедших — мы же не можем чувствовать, кто именно умер... Но теперь я думаю, что было иначе.

Потому что знаю, чьи глаза глядели на меня — за зрачками зверя, скованного Даром-на-крови.

— Ты считаешь, что твоя тётка десять лет назад перешла один из запретов, — задумчиво тянет Аманда. — Пролила кровь или отняла жизнь — и потому покинула общину, из которой её всё равно бы изгнали с позором. Она поселилась здесь — может быть, чтобы бороться со своей натурой... и вот теперь бороться не смогла. Ах-ах, как это скверно, как грустно, сладенькая, но что теперь с этим делать?

— Вызывать Мясника, — чеканит Мел, и все, даже Гриз, глядят на неё с удивлением. — Что?! Там поехавший варг крови, да таких убивать на...

Янист цыкает на неё так яростно, что Мел смущается на целых два мига, но тут же огрызается:

— Заднице Лортена цыкни, понял? Грызи не мочит людей направо-налево. А эта бешеная уже полста положила — охотников, конечно, но людоедам же всё мало, а? Скоро на собирателей ягод перейдёт, потом и других не останется, а сами мы с ней не справимся. Так что вызывайте одного убийцу, пусть устраняет другого.

— Ну, почему же не справимся, — мурлычет Аманда. — Кое-какие некрояды широкого действия...

— Тебе дай волю — всю округу потравишь! У неё там минимум один алапард, других зверей с десятков — всех перебьёшь?

— Нет, но ведь тогда их всех перебьёт Рихард.

— Это тебе скрогги накаркали? Если мы её малость отвлечём... контроль собьём, ну или вот усыпим зверей малость...

— Разве не проще в таком случае усыпить саму эту Креллу?

Не проще, Янист, совсем не проще. Потому что она уже знает, что мы здесь. И не подпустит вас к себе.

Вас — не подпустит.

— Ещё разговаривать с ней предложи! Обнимашки-пожалешки, прощение грешников!

— Это точно лучше, чем убивать, Мелони! Мы не знаем, почему с ней это случилось, из-за чего она покинула общину, возможно, что она вообще это не контролирует, возможно — что нуждается в помощи, и рубить сплеча...

— Сладенький, а если нет? Я допускаю, что бедная родственница Гриз может быть и в беде... и даже под чьим-то влиянием, однако пятьдесят жизней — это пятьдесят жизней, и даже Тшилаба — великая Жрица моего племени — едва ли пошла бы туда, вооружённая только добрым словом да улыбкой.

— Я не говорю о том, что нужно идти вовсе нагишом или без оружия, но вдруг она сдастся добровольно, вдруг удастся как-то убедить...

Голоса бьются, трепещут в висках, словно умирающие бабочки. Словно сердца зверей, запутавшихся в паутине алых нитей.

— Тише, — говорит Гриз. Непонятно — им или себе. Поднимается, сжав виски руками. — Тут всё очень непросто, мне нужно подумать.

Слышат ли они за ломкостью и усталостью тона — ложь? Пусть хотя бы не видят её лица — и она отворачивается к окну, где диковинным фиолетовым цветком расцвели над миром сумерки.

— Рихарда вызывать не будем, — позади облегчённо выдыхает Янист. — Но самим туда лезть тоже нет смысла, и уж точно нет смысла лезть среди ночи в болото. Я сообщу в свою общину. Новости слишком тревожные, чтобы они не откликнулись. Даже если не вышлют никого — обратятся к старейшинам и дадут хоть какой-то совет. Отпустим им на эту ночь, а утром поглядим. Если, конечно, никто не хочет вернуться в питомник на ночь или... вообще.

Протестующие звуки за спиной. Жаль, она-то надеялась, что либо Мел, либо Аманда захотят вернуться.

— Сейчас предлагаю выспаться, — когда Гриз оборачивается, её ждут три изумлённых лица. — Что? Завтра у нас тысяча дел. Если вы не в состоянии заснуть после сегодняшнего — у нас есть Аманда. Аманда?

Нойя вздрагивает, словно очнувшись.

— Да, сладенькая? А, конечно. Немного целебных настоев, чтобы прогнать дурные мысли и дать новые силы. Я займусь, да-да-да.

Но думает она о другом и смотрит слишком уж пристально, потому Гриз поскорее хватается за куртку.

— Тогда я к ручью, свяжусь со своими.

Янист делает такое движение, словно собирается удерживать. Или идти за ней.

— Скоро приду, — успокаивает Гриз, и на этот раз она выглядит искренне: он останавливается, нахмурившись.

Но она не лжёт: безумием будет идти ночью в болото. Даже притом, что варги неплохо видят в темноте.

На этот раз она действительно ненадолго.

Деревня звенит от вечерних напевов: пронзительного собачьего лая, переключки коз, кудахтанья кур в хлевах. Цветок вечернего неба — багрянец по краям, густо-фиолетовая середина лепестков, бледно-жёлтая сердцевинка-луна. Ветер обтирает влажной тряпкой пылающие щёки, охлаждает лоб, шепчет участливо: «Может, подождёшь?»

Гриз качает головой.

Даже Мел не различает этого в воздухе — а я чувствую странную взбудораженность, словно вся округа поросла тонкими огненными нитями, ощущаю их трепет кожей. Это

откликается мой Дар, моя кровь — на что-то невообразимо сильное, что-то, что властвует над всеми животными здесь... и ждёт меня.

Прыгает волк с оскаленной пастью. Слышит крик «Вместе!» — оглядывается, и останавливается, смотрит на нож, лежавший на ладонь... Потом поднимает взгляд — на миг.

И за стеклянными, бессмысленными глазами зверя, среди затопившего его алого моря толкается приветствие.

«Здравствуй, сестра».

Ручей рассекает селение надвое. Над ручьём выгнулся мостик, и хорошо встать возле него, чтобы случайно идущий мимо житель не увидел тебя в тени. А усталый Следопыт не услышал бы тебя за звуками деревни и разговорами воды. На случай, если Мел вздумается прислушаться и проверить — кого это она вызывает...

Никого.

Ты хотела спросить, Мел, что делают мои сородичи с теми, кто переступил черту? Предоставляют своей судьбе. Те, кто преступил первый запрет, несут ответственность перед властями — если убили людей. Перед хозяином животного — если умертвили чью-то собственность. Те, кто пролил кровь, несут ответственность лишь перед самими собой да тем, что наградило нас этим Даром. Даже исправлять свои ошибки мы доверяем другим.

Она окунает ладонь в воду, и шрамы резко выделяются на белой коже. Наверное, их можно скрыть перчатками — славными, из мягкой кожи, она надевала целых три раза, на прогулки с Янистом — чтобы самой забыть хоть на миг, что она из себя представляет...

Но натуру не скроешь.

Ладонь щекочет ледяная вода, луна серебрит камешки в ручье. Можно было бы бросить в воду ещё один, связаться... с кем? С дежурным по питомнику? Выслушивать новости, раздавать распоряжения, отшучиваться, что нет-нет, всё нормально, скоро будем... А сердце занает, и придётся опять брать у Аманды сердечное.

Или шепнуть «Хестер Арделл» — и спросить, почему плакала Крелла, попросить, чтобы отцу передали — что здесь творится... Только вот мать же чувствует её слишком хорошо, а значит — солгать не получится.

Можно ещё положить в ручей другой сквозник. Камень, полученный из рук того, кому не повредит никакая слава. И... попросить помощи? Спросить, чего он добивался, когда подсылал к ним гильдейского охотника с перекупленным контрактом?

Гриз хмыкает и не достаёт сквозник Шеннета из кармана. Некого вызывать. Нечего говорить. Все знают то, что должны знать, разве что вот...

В водах ручья — магический голубоватый блеск. Как будто её кто-то вызывает без сквозника. Или она пытается вызвать кого-то. Кто всё равно не откликнется, а если и откликнется — только навредит.

«Хочешь сказать мне что-то перед уходом на боевые, аталия?»

На какой-то миг она слышит насмешливый голос так ясно, что ей кажется — в ручье проступает знакомое лицо. Но нет — это просто луна высеребрила воду.

«Ты говорил мне, что инстинктами не нужно пренебрегать. Что все мы бестии и время от времени нужно идти на поводу у своих инстинктов. Не сопротивляться тяге».

«А ты мне отвечала, что есть хищники, которых нельзя приручить. Которым место разве что в клетке».

Рубцы на блестящей под светом ладони сплелись в густую вязь.

«Мы с тобой оба беглецы, Рихард. Только я бежала от лёгких путей. Ты же несся прямо

по ним, напрямик. Очень скоро мы узнаем, чей метод вернее».

«Кажется, ты собралась сделать какую-то глупость, аталия?»

«Всего лишь только перестать бегать. Поддаться инстинкту. Он говорит мне, что меня ждут. И мне нужно узнать — что произошло с Креллой. Думаю, если она варг крови — я знаю, что нужно делать».

«Что же ты собираешься делать, аталия?»

Голос звучит вкрадчиво, почти встревоженно.

«Открывать клетки, — отвечает она с неожиданной уверенностью. — Или, может быть, крепости. Иногда даже стены крепости — это не выход, Рихард. Ты знаешь, о чём я».

Жаль, что она не смогла бы сказать ему это в лицо. А может — жаль, что он не попытался бы выслушать. И можно говорить только так — глядя в бледный, запрокинутый лик луны в воде.

«Теперь ты знаешь, куда я иду. И что я едва ли остановлюсь. Я всегда знала, куда идёшь ты, Рихард. И я буду надеяться, что ты остановишься однажды».

«Что-то вроде священной последней просьбы?»

«Говорят, мы можем просить перед лицом Предвечных Сил. Единожды. Уходя. И я прошу, чтобы однажды... перед тем, как ты сделаешь необратимый, последний шаг... Я прошу, чтобы ты остановился. Вспомнил легенду о бабочке, которая вспыхнула во тьме и холоде, чтобы обогреть людей. И задумался, куда идёшь».

Обратно она возвращается не торопясь. Прикидывая, как поменьше пересекаться с остальными, и какие найти темы для беседы. Так, чтобы казалось, что всё в порядке.

Плану почти удаётся следовать. Гриз раскланивается с хозяйкой: «Спасибо, да, всё хорошо», машет Мел: «Связалась, утром поглядим, давай, спи». Ободряюще кивает Янисту: «Ты как, в норме? Вот и хорошо, вот и славно...» Остаётся только Аманда — проницательная и опасная, чующая и ложь, и зелья. Аманду нужно отвлечь, занять её мысли, и Гриз поскорее проскальзывает в отведённую ей комнату и дожидается, пока туда приходит травница с кубком в руке. От кубка слабо тянет молоком, мёдом и тимьяном.

— Успокоительное. Отогнать дурные мысли, дать силы... давай-давай, пей до краёв, сладкая.

— Мне-то зачем? Вот Янисту...

— Уже была у него — мальчик заснул. Хотя изо всех сил старался держать глаза открытыми. Тревожился о ком-то? А может, ждал, что кто-нибудь зайдёт, посидит у изголовья, подержит за руку...

Аманда воркует умильно, и Гриз со вздохом потребляет зелье. На губах остаётся терпкая горечь — наверняка ведь и сердечного намешала на всякий случай.

— Ну да. Я бы зашла, а он из-под одеяла — шашь. «Гриз, ну, это же неловко, что я лежу, да я в порядке, да я очень рад тебя видеть...» И как его потом усыпить...

— Есть разные... интересные способы.

— Угу. Прогулка под луной. На пятнадцать миль. Отлично вырубают, по себе могу сказать.

Аманда, напевая сквозь зубы, перестилает постель, пересыпает травами — от клопов и дурных снов.

— Эмейо-то, сладкая... есть, конечно, и более пикантные методы, но — ах, ты права, мальчик, кажется, не готов. Жаль, жаль... Может, он сумел бы обаять эту Креллу. Тогда, может, Рихард... ах, нет, ты же решила не вмешивать его... Так, может, стоило бы вызвать

сюда Лайла? У него всегда полно интересных идей.

— Посмотрим с утра. Мог бы пригодиться, только он сейчас может и не откликнуться. Пытается кое-что выяснить о пропавших охотниках-одиночках.

— Ах, как интересно!

Аманда заканчивает с постелью и теперь идёт заниматься остывающим камином — шепчет заговоры на огонь, сыплет на дрова щепотку того и сего — и отсыревшие дрова дают яркое, тёплое пламя.

— Ты свила для него «Милость Перекрестницы».

Пламя вспыхивает особенно ярко — словно нойя перестаралась со снадобьями.

— И не сказала, что нужно отдариваться. Он тебе нравится?

— А тебе не нравилось бы, когда на тебя так смотрят? Клянусь тропами Перекрестницы — никто из моих кавалеров не додумался принести мне беспамятников. И браслет на Перекрестки был очень хорош. О! А какие истории Лайл рассказывает за чаем! Если бы сама не видала его магию в действии — сказала бы, что Камень дал ему Дар Сказочника. Слышала ты ту историю о семидневной карточной игре?

— Какие-то боги упасли, видимо, — Гриз не любит брюзгливый тон, но сейчас он даётся без труда. — Извини. Не хочешь отвечать — не нужно.

— Лайл Гроски... — Аманда потягивается и обращает к Гриз улыбающееся лицо, — интересный человек. Хороший ли — этого не скажу, все мы ходим по разным путям под Луной Её... Но с ним не скучно. Я думала подарить ему ночь, даже две. Хоть он и не в моём вкусе, ты знаешь.

Нойя любят лихость и красоту. Щедрые и широкие поступки, молодость, горячую кровь. За почти три года, что Аманда провела в питомнике, она заводила короткие романы с мужчинами — всегда с красавчиками. Не уделяя больше одной ночи — ни богатому магнату из Крайтоса, ни ясноглазому, широкоплечему кузнецу из Тильвии.

— Весна в воздухе, — напевает Аманда на родном наречии, — Даритель Огня шлёт огненные стрелы, и сердца тают, а тела хотят пламени. Весна идёт, и соки земли скоро потребуют своих подарков — ах, особых ночей... Может, мне стоило бы поискать среди молодых и красивых? Этот законник Тербенно совсем неплох с виду. И, конечно, Рихард теперь свободен, так ли, сладкая?

Шпилька, как живая, выскальзывает из рук и несётся к полу, Гриз подхватывает её — и теряет две другие, те точно стоворились для побега...

— Рихард?

Аманда качает головой, придвигает к камину стул. Идёт доставать из сумки вязание.

— У нас с ним были ночи, ты знаешь, конечно. Три ночи — когда он только пришёл в питомник. Он любит поиграть, и красив, и в постели очень хорош, и с ним тоже нескучно, на свой лад. Вот только греть он совсем не умеет, ай-яй, как грустно: нойя же так любят тепло...

— Думала, вы сами согреете, кого угодно.

Тёплый пушистый шарф тянется из-под спиц Аманды, а та смеётся тихонько.

— Иногда мы просто делимся. Нойя всегда стремятся, чтобы кровь их была горяча. Оттого так голодны до тепла: любим костры, вина, танцы. Вольным бывает тяжело согреться, потому и любовь наша вспыхивает, обдаёт жаром — и гаснет, как осенний костёр. Потом разгорается вновь — с другим. Только вот из-за нашей любви к теплу мы так чутки к холоду. И быть рядом с ледяной пустошью... о! Нужно либо не уметь мёрзнуть, либо пылать изнутри

слишком жарко и оттого желать холода.

Отзвуки ночей с Рихардом Нэйшем процветают на щеках жаром. Я не холода желала, — хочет сказать Гриз — и спотыкается об очевидное «Чего же?»

— Да и к тому же очевидно было, на кого он охотится, с первого дня, на Псовом Побойще. Помнишь тот день, когда ты позвала его из шайки Неясытей? Помнишь, что я сказала тебе тогда?

— «Это очень плохая идея», — невесело усмехается Гриз. — Ты и до сих пор думаешь так?

— Нет, сладкая.

Спицы звенят-звенят, в такт словам. Словно по капле вытекающим из прошлого.

— В тот день на арене среди Неясытей... я увидела белую смерть. Что увидела в нём ты, что заговорила с ним? Не отвечай, *карменниэ*, наши Зрящие тоже не всё выдают. Это твоё — и его: что-то ведь заставило его бросить группу и уйти за тобой. Вы не проговорили пяти минут — но, когда вы вышли из того трактира, на меня он глядел, как на довесок. То, что прилагается к тебе. Он и до сих пор так смотрит на весь питомник — просто, может статься, так ясно этого не показывает.

Слова вызывают лёгкую дурноту — и озноб катится по коже. Щекочущий отзвук на правой ладони — словно на неё уселась бабочка... или коснулись чьи-то легкие пальцы.

«*Варг... правда?*»

— Рихард Нэйш страшный человек, — говорит Аманда так же спокойно, как произносит «Йолла — милая девочка» или «Уна — моя ученица». — У нас таких называют — «человек смерти». Но ты — «человек жизни» и видишь её в других. Во мне вот увидела. Значит, ты думаешь, что надежда есть даже для него. Не знаю, что тебя с ним связывает — хочешь ли ты пробудить что-то в нём или спасти от него других. Но знаю, что в тот день ты не просто так позвала его сюда. Опасаюсь только, что это принесёт тебе ещё больше горестей, чем до того, *карменниэ*.

Она не упоминает имени Яниста и не говорит о разрыве с Нэйшем. Но голос Гриз ломается, когда она спрашивает:

— Ты гадала на него? На Рихарда? Лайл сказал, на него ты...

Ноя — мастерицы гадать, и это древнее ведовство не зависит от их Дара, передаётся от бабушки к внучке, как и умение творить заговоры и амулеты. Вольный Народ верит, что Великая Перекрестница благословила их особым образом — чтобы могли предвидеть пути. Видов гаданий столько же, сколько амулетов: по воде, по птицам, по дыму трав, по знакам огня, при помощи особых магических карт... и по ладони — «истинное гадание, на вероятности», то, о котором страшно просить и в котором можно за час увидеть несколько своих возможных жизней наперёд...

Спицы молчат. Огонь выхватывает лицо Аманды — необычно строгое, почти зловещее.

— Я не стала бы гадать на Рихарда Нэйша. Или ему. Он не стоит на распутьях. Не умеет сомневаться. Его путь прям, прям настолько, что иногда я спрашиваю себя — не пытаешься ли ты добавить туда хоть одно разветвление... Да и во мне слишком мало интереса к нашему устранителю — а без интереса гадание будет лгать. Но на Лайла я раскинула карты, и по обе стороны черты выпала «развилка» — главная в нашей гадальной колоде после «перекрестья».

— Выбор?

— Не один выбор — выбор для настоящего и выбор для будущего. Но «двойная

«развилка» равна одному «перекрестью» — а это много сложных выборов, да... А после «развилки» карты падали странные, ох, странные! Карта «господин» — могущественный покровитель. «Лисица» — обман. «Кинжал» — предательство. И рядом с ним — «мечник», верность. Дальше выпали «зверь» — опасность и «туман» — загадка или тайна.

— На близь или на даль? — Гриз мало смыслит в гаданиях нойя, но помнит, что метать карты можно на ближнее будущее и на дальнее.

Спицы звенят торопливо, словно стараются сбежать от чего-то.

— Последнее — на близь. А до того карты падали едва ли не поперёк черты.

На настоящее и на будущее, получается... Странный расклад. Тревожный. Может ли такое гадание врать — или, может, Аманда просто вложила мало сил, плохо представила себе образ Лайла Гроски во время гадания...

— «Корабль», — добавляет нойя, помедлив. — Эта упала на будущее. Это значит...

— Путь, помню.

Если только гадаешь не моряку и не тому, для кого корабль — особый символ. Там какие-то другие значения — впрочем, нет смысла вспоминать.

— Ты потому свила для него «Милость Перекрестницы»? Думаешь, он собирается покинуть «Ковчежец»?

— Даже если бы и так — не в традициях нойя мешать выбору. «Милость Перекрестницы» не склоняет к решениям, сладкая. Только даёт твёрдость духа, ясность ума... иногда, впрочем, может помогать против обморачивающих артефактов, но это побочный эффект, временный, к тому же. Это ведь не артефакт Мастера.

Да. Амулеты нойя — слишком слабы, завязаны на магию Трав и земли, чересчур прихотливы — и временами действия их зависят от того, какие чувства в них вложены. Какие чувства ты вложила в артефакт для Лайла Гроски, Аманда? И почему пугаешь петли в своём вязании — вот, опять приходится распускать.

— Припоминаю, что на простейшее гадание выкидывают девять карт. Только если две выпадают одинаковыми — они считаются за одну.

— Ты хорошо знаешь гадания нойя, Попутчица.

— Это основа основ, ты сама говорила. Подобие, которое сливается воедино. А Лайлу выпало две «развилки» — значит, одну карту ты мне не назвала.

Пальцы нойя запутываются в нитках, клубок убегает с коленей — порезвиться на полу, словно котёнок.

— «Древо».

— Ну и что? У вас же это символ жизни.

— Символ жизни. Символ связи всего сущего — потому что деревья пьют воду, уходят корнями в землю, стремятся в небо и порождают огонь. Символ роста и движения вперёд.

Самый лучший символ, который никогда не выпадал Гриз, хотя ей Аманда гадала на картах не раз. «Развилка», «зверь», «пламя» — вот её вечные карты. Падающие на близкое и далёкое.

— Но это даже обнадеживает. Лайл, в конце концов, крепко стоит на земле, но если надо... Аманда. Что не так?

— Всё так, золотенькая, — отзывается нойя, неотрывно глядя в огонь, — «Древо» — это связь. Всегда карта будущего, на какую бы сторону ни упала. Только она упала не на одну из сторон. Она соскользнула со стола. Мне на колени.

Гриз не знает, что это обозначает. В гаданиях нойя слишком много знаков — не

упомнишь все. А Аманда не собирается пояснять — наклоняется за клубком, начинает играть с ним в пальцах, распутывая нити, сматывая их...

— Потому ты не сказала ему, что за амулет нужно отдариваться? Решила сыграть в «угадай меня»?

— Немножко решила, — Травница стряхивает с себя задумчивость и возвращает ямочки на щеках. — Нойя так любят загадки! Любят игры. Решила — пусть погадает, почему нет.

Но улыбка тут же и гаснет. Она глядит на клубок так, словно тот содержит путеводную нить. Прибавляет шёпотом:

— У нас говорят — когда несёшь с собой загадку нойя, все другие тайны по плечу.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Зелье или артефакт?

В помещении для лесничих стояли мягкие креслица. В таком хочется поселиться, вслушиваться в рассказы и важно кивать: мол, ага, принял к сведению.

Я выслушивал рассказы лесничих и егерей Мертейенха — бледных и тенеобразных. И кивал, кивал понимающе — и под шкуркой, сотканной из улыбочек и кивков, пытался решить: зелье или артефакт.

Не знаю, чем отдарюсь Аманде, но отдариться нужно как следует. Её амулет выдернул меня из-под воздействия. Похоже, там что-то, что мешает мыслить критически, расслабляет, склоняет к согласию. В горле, к слову, першит — может, эта дрянь в дыме трубки, которую покуривал наш хозяин?

— Мне бы воды, — сказал я, и самый молодой из лесничих повиновался: отошел, налил, принёс. Остальные так и пялились грустными глазами сторожевых собак, которым две девятницы ни косточки не перепало. И где-то я видел и физиономии, и взгляды такого типа ... а, вир побери, времени маловато.

— Господин Трогири сказал, что одного лесничего сшибли с ног.

— Это я, да. Меня сшибли. Мы вместе шли в обход, а я отстал. Хотел проверить кормушки для яприлей. Тут что-то налетело сзади...

Парню под тридцать — приятный высокий голос, аккуратная бородка, румянец на щеках. А вот поди ж ты, ощущение, что перед тобой механизм, который повторяет то, что твердил уже с десятков раз. *С десятков или больше* — ох, скверно-то как...

— ...упал. Голова закружилась, но мне показалось — кто-то стоит рядом со мной. И смотрит. Я поднял голову, огляделся. И мне показалось — там была какая-то тень.

В конце-то концов, слуги тут тоже могут быть по влиянием этого то ли зелья, то ли артефакта. Вот и дошли до «умственного состояния репы», как изволила выразиться моя бывшая, когда бывала мною недовольна.

— Очень, очень интересно, спасибо. А вот другие — говорят, тоже это видели?

Нэйша-то зацепило или нет? Если зацепило, то не сильно — Дар Щита, мантикора егс дери! Тогда получается, что он тащился сюда, зная, в какой навоз яприля мы окунаемся? Охотника вызывают с требованием никому не говорить о вызове и ни с кем не выходить на связь, ещё и в одиночку... ни разу не подозрительно, дюжину бешеных шнырков ему в зад.

— Нет-нет, я хочу услышать все истории, вдруг что-то важное пропустил. Давайте сперва вы, теперь вы, а на закуску вот вы... Да-да, в подробностях.

А может, и не подозрительно. Ну, вызвали одного. Ну, втайне — высшие чины берегут репутацию, Шеннет вон какой спектакль из вызова устроил. Не держать связь — тоже объяснимо, тут всё вообще объяснимо и рациональненько, если не считать того, что Нэйш, подъезжая к поместью — уже что-то подозревал, а уходя в артефактные воротца не просто предполагал ловушку — был в ней уверен.

Может, ему тоже показалось, что всё это как-то уж слишком хорошо пригнано и сопоставлено. Сильнейшая защита вокруг угодий тейенха. Этот вир знает откуда взявшийся зверь-маньяк. Явно ненормальный хозяин, который помешан на своём папочке да на его

репутации.

И слухи про исчезающих в последние годы охотников. Одиночек. Которые никому не сообщили, куда идут. Зато были уверены в чём-то чертовски замечательном.

— Но вы же не могли не находить совсем никаких следов? Пожалуйста, всё, что можете сказать мне о ловушках, которые ставили, манках... в подробностях.

Если там ловушка для охотников — почему никто из жертв не позвал по сквознику на помощь? Блок на сквозники? Магический, через артефакты или магию Вод? Или сделать воду непроточной, да и каюк. Не на всё время — только пока дичь в загоне.

— Так-так, понял, — жаль, «клык» не завещал мне свой блокнотик перед уходом, а то бы я прикидывался, что записываю. — Значит, в основном магические ловушки, по стихиям и артефакты-капканы, артефакты-манки... Да-да, про две попытки с зельями тоже услышал. А вот прямо на охоту на него не выходили — очень, кстати, благоразумно было это всё специалистам поручить! Но всё-таки мне хотелось бы взглянуть на ваш арсенал. Всё оружие. Какое есть.

Замедлились. В глазах — недоумение: я явно съехал со сценарной дорожки и с воплем ломанулся через кусты неизведанного.

— По приказу вашего хозяина, — усилил я напор. — Не хотелось бы вызвать его недовольство. Он, знаете ли, мне полномочия придал.

То ли правда придал, то ли их слишком долго натаскивали на тупое, безынициативное повиновение. Повели показывать. И по пути я ещё услышал где-то в подвздошьё слабый, как бы задавленный крысиный писк, писк говорил — Гроски, ты что-то не о том...

Тебе же просто нужно выбраться отсюда самому. Живым.

Беглый осмотр оружейной показал, что выбраться живым будет трудненько. С десятков хорошо запитанных боевых артефактов — а ведь у местных егерей и лесничих и Печати есть! Арбалеты, мечи, два дрянных с виду кинжальчика, напоминают атархэ — и...

— О, даже с Пустошей оружие, — восхитился я самым добродушным образом. — «Скрогги» и «вороны», не ошибаюсь? Хорошие штучки, очень, очень благоразумно было ими запастись.

От этого благоразумия у меня сейчас волосы повыпадают в чувствительных местах.

— А карта поместья и угодий у вас есть?

Теперь я выскочил из кущей неизвестности и вполз в набитую колею. Набитую той ещё субстанцией, к слову. Слуги Трогири перестали оглядываться да переминаясь. Принесли карту, сунули в руки, замерли, ожидая распоряжений.

— Я это одолжу ненадолго. Пригодится, когда мой напарник вернётся с разведки.

А они тут не до конца обратились в корнеплоды. Вон тот в углу отвернулся, двое глаза отвели. Ещё один взгляд опустил, а младший так и губу закусил. Картина «Не вернётся уже никто, и ты не вернёшься». Выполнена мимическими морщинами.

И где я всё-таки видел такие взгляды и лица?

Поместье из тейенха снова замаячило впереди. И грызун выкарабкался из-под кожи, остервенело пробежался мелкими лапками по хребту. *Опять идёшь? Снова в ловушку? Сам? Как тот?*

Потому что мне нужно осмотреть дом, — растолковал я неуёмной крыске. Потому что в нём-то всё и дело. В этом забитом трофеями доме, похожем то ли на музей, то ли на что другое. Там где-то разгадка — чуешь? А без неё нам отсюда не выбраться.

Грызун в ответ взвыл тоненько и жалобно — мол, чую, чую... а как дальше-то, без

чутья? Если там — то ли зелье, то ли артефакт, от которого до сих пор ещё мысли слегка сбиваются?

— Как я не люблю это делать, — проворчал я под нос.

Трюк был простым, заученным ещё в учебке. Повернуть ладонь, длинный импульс с Печати — не вовне, внутрь, в кровь... «Холодная голова», магия, проясняющая сознание. Странное чувство покалывания в Печати — и будто бы холод, разливающийся по венам, дарящий бодрость, постукивающий в висках.

Смешно, преподаётся-то на втором курсе, а многими магами считается лишним. Проще взять защитный амулет или бахнуть антидота перед операцией. «Холодную голову» нельзя держать больше двенадцати часов, да и до этого часиков через шесть ощущения будут те ещё: сперва начнёт рука начнёт болеть, потом неметь, а в случае боя ты не сможешь применять магию.

Опасный трюк, только вот необходимый. Кто знает, рассчитан ли амулет Аманды на длительное воздействие.

Господин Трогири поджидал меня на крылечке, ещё ласковее, чем был.

— Удалось выяснить что-нибудь важное?

— Кое-что удалось. Посмотрим, что удастся сделать напарнику. Правда, его-то с разведки до ночи можно не ждать — вечно увлечётся, как полезет шастать, следы читать, а если там что интересное, так вообще...

— Ох, а вы разве за него не волнуетесь? На него же там может накинуться... ну, Зверь.

— И то правда, — сказал я. — Бедолаженька.

Трогири явно призадумался, кого я всё-таки имел в виду. Потом рассыпался в любезностях: «Да-да-да, но скоро ведь будет обед, а потом и ужин, буду рад вас пригласить, да и мне казалось, что вы захотите осмотреть дом...»

— Особняк Мейса Трогири — вир побери, да конечно же, почту за честь!

Только вот мне же, возможно, в ночную смену вместе с напарником, так что надо бы вздремнуть. Мы уговорились, что обед мне принесут в комнату, а к ужину я таки присоединюсь — если пробужусь к тому времени. В общем, когда мы расстались — у меня ныли от любезности зубы.

В комнате я разложил перед собой карту поместья. Покрутил так и этак: поместье обнесено двойным кольцом защиты, внутренний круг, дальше роца тейенха — и второе кольцо артефакторной ограды, широкое, неровное. На нём ворота — одни, на внутреннем кольце — четыре штуки. Все, надо думать, закрываются с артефактами. Обозначены основные ареалы обитания хищников. Теперь внутри ограды. Хозяйственные постройки — ясно. Егерская, вот тут держат собак, тут — единорогов и лошадей на выезд... а вот подобие арены, что ли. Только какой-то уж слишком небольшой. Но и это случается: аристократы любят устраивать бойцовые поединки между зверушками, почему бы и охотникам не устраивать?

Обед мне принесли, когда и без того паскудный день за окном начал переливаться в ещё более паскудные сумерки. Гороховое пюре, котлетки на пару, протёртый салат из репы, куриный бульон с гренками... Нэйшу бы точно понравилось с этим его пунктиком «жрать чего дают». Если, конечно, он ещё жив.

Если переживёт ночь.

«Отпразднуем?» — робко спросила крысиная сущность внутри. «Не говори гоп», — не согласился внутренний голос. Я в их разборки вступать не стал. Малость улучшил вкус

блюды, полив их антидотом. Героически задохнулся в себя пропитание.

Пальцы чесались от желания пошмыгать по поместью, но раз — лучше шмыгать, когда стемнеет, два — надо выяснить, что там с распорядком дел хозяина, три — а что ты там хочешь найти-то, Гроски?

Для начала — Водную Чашу. Связаться с Гриз, сообщить, где мы, сказать, что есть хорошие новости и плохие, хорошие — мы, возможно, нашли причину такой убыли охотников в Кайетте... Дальше — что? Тут где-то может быть объяснение, с чего это Мертейенхский отшельник отъехал кукушечкой и пытается убивать охотников?

«Осмотри дом, Лайл...»

Да понял я, Боженьки! Ты-то почему посчитал, что это так важно? Тебе-то что сказал этот дом, похожий то ли на музей, то ли на выставку, то ли на логово ошизевшего коллекционера...

Я замер, глядя на пушистую шкуру серебристого йосса на полу, под ногами.

Трогири относился к «трофейщикам» по классификации Мел. То-то у него все коридоры и холл уставлены и увешаны добычей с прежних охот. Для такого зрелища у знатных охотников непременно есть трофейный зал. Чтобы можно было водить гостей на погляд, взмахивать рукой, рассказывать: «А вот этот виверний почти достал до меня своим пламенем и убил двух лучших собак, жаркая была схватка!» А здесь — всё поместье прямо как трофейный зал, и если подумать...

Очередная тень скользнула в комнату, прихватила поднос с тарелками. Выдала торопливый реверанс, готовясь утечь в дверь.

— Стой.

Замерла на полушаге, на полувздохе.

— Прикрой дверь и повернись. Как тебя зовут?

— Альма, господин.

Голос тусклый, будто стёртый.

— Давно работаешь здесь?

— Шесть лет, господин.

Взгляд прямо перед собой. Равнодушный, бессмысленный, какой бывает, когда тебя тысячу раз ломают. Как у полностью покорного раба... да дери ж меня мантикора.

— Ты из Тавентатума, — пробормотал я. — И остальные оттуда.

Вот, стало быть, откуда Мертейенхский отшельник набирает верных и исполнительных слуг. На рынке рабов умеют доводить до полнейшего подчинения.

Тарелки на подносе пугливо зазвякали, я подхватил поднос, отставил на комод.

— Здесь где-нибудь есть Водная Чаша? Ты знаешь?

Мотает головой, глаза испуганные. Или не знает, или запрещено говорить, через запреты она не полезет.

— А зал трофеев? Ну, место, где хозяин хранит свою... изюминку коллекции. Главное место в доме.

— Да, господин. Трофейный зал в левом крыле.

— Можешь меня провести? Твой хозяин обещал мне осмотр поместья, вот я и решил пораньше начать.

— Да, господин.

У рабов такое бывает, говорил кузен Эрли. Если не было прямого запрета — то можно и обойти.

— Вот ещё что. Альма. Господин Трогири сейчас где? Какой у него распорядок?

— Господин... — она запнулась, — Трогири в своей Комнате Уединения. Не разрешено тревожить, пока он не даст приказаний.

— Стало быть, мы его тревожить и не будем, — Мне только на руку, если Нарден Трогири завязнет в своём уединении (это что, дивный эвфемизм уборной?) до ужина. — Тебе приказывали наблюдать за мной? Доносить кому-нибудь, что я спрашиваю и как себя веду?

Девушка замотала головой совсем уж панически. Бедолажка, лет двадцати трёх, с хорошеньким личиком... обращённая в тень дельцами, вроде моего покойного кузена.

— Только... если будут распоряжения о блюдах... или если добавки.

Мысль о двух порциях горохового пюре без соли повергла меня в пучины ужаса.

— Чудненько. Давай ты меня отведёшь только до этого самого зала. А я уж там сам поброжу. Потом вернёшься, соберёшь посуду и пойдёшь своей дорогой.

— Я... могу сразу с посудой, господин. Это по пути.

Всё-таки их тут заколотили не полностью. Внушает сколько-то надежды.

Светильники в коридоре так и не зажглись, и в полутьме только ярче разгорались тейенховые жилы на стенах и потолке. Переливались то огнём, то мягким оранжевым свечением. Альма скользила впереди. Я крался следом, временами увязал ногами в пушистых шкурах или шарахался от очередного чучела (вир побери, кому в голову пришло выставить на повороте гарпию, да ещё вставшую на дыбы?!). Головы альфинов и виверниев со стен провожали глазами равнодушно. Слуг не попадалось, это радовало.

— Тут артефакт, господин, — предупредила Альма и шмыгнула дальше, прижимая поднос к животу.

Ну да, никто же не говорил о том, что зал будет открыт, верно? Ладно, поглядим, что у нас тут. Механизм засова из тейенха, никто и не сомневался. Для надёжности вмурован запорный артефакт из яшмы. Откликается на приказ владельца, скорее всего. Теперь вопрос — насколько искусно сделан, потому что если достаточно прост, то...

Этому трюку меня обучил контрабандист, который снял мои кандалы после Рифов.

«Отпирающий кристалл — один на барак? Ха, ты ещё скажи — у законничков кристаллы для оков все отличаются. Эй, друган, ну-ка мне бутлю рома...»

У меня бутылки не было, так что я достал из кармана фляжечку. Фляжечка уютно прикорнула напротив «горевестника», и завёл я её носить с девятницу назад, как средство, смягчающее работу с Нэйшем. И за девятницу успел увериться, что виски — это слабовато, надо бы что покрепче туда залить.

— Твоё здоровье, — пробормотал я и щедро окропил запирающий артефакт спиртным. Простейшие «засовы» на кристальной структуре не перестают от такого работать. Зато перестают узнавать «подпись» ключа. К примеру, одним отпирающим рифским кристаллом можно вскрыть любые рифские кандалы.

Для надёжности я всё-таки дал малый импульс холода на дверь — поможет, если там есть сигналки, которых я не увидел. И потом положил руку на артефакт, пожелал: «Откройся!»

Дверь из тейенха огорчённо крякнула, пропуская меня внутрь, в тёмный, украшенный неизменными волнами тёплой древесины зал. Я защемил фляжку между створок двери — чтобы выбраться обратно — и шагнул. В глаза дало острым, алмазным блеском. Клинок? Ещё и украшенный драгоценностями, изогнутый... даматский, что ли?

За клинком на стене расположился лук. Дальше — меч. Аккуратно размещённый на белом фоне, чтобы не теряться среди сплошных извивов тейенха. И уже ведя взглядом дальше, от одного белого пятна к другому, я понимал, что вижу не просто коллекцию оружия.

— Чтоб тебя, — шёпот был сиплым и до последней степени не моим. — Чтоб вас всех...

Висит одинокий капкан — щерится зубьями, в которые вмурованы мелкие блестящие камешки. Рой метательных клинков замер на белом. Арбалет, ещё арбалет, и вот что-то похожее на палладарт, только без цепочки. Восточное оружие. Северное. Ловушки из Тильвии, Вейгорда, Ирмелея — и всё это бросается в глаза, наплывает со стен. Так много, чертовски много, не меньше двух десятков — я стоял, а все они словно кружили вокруг, подмигивали, шептали...

«Мы не ушли, — обижались горько. — Мы мастерски расставляли ловушки — и попались в ловушку сами. Били дичь лучше других — и сами стали дичью. Мы думали, что зверю не уйти от нас. Но не ушли сами...».

Полка вслед за коротким луком-атархэ была пустой. И ещё несколько — чистых белых пятен, заботливо подготовленных к пополнению коллекции, при взгляде на них дурнота накатывала сильнее. И въедался под кожу истиной ознобный шёпот местных *трофеев*: «Уйти не дано никому. Тебе уж точно, Гроски».

Нужно было отвернуться. Добраться до двери, рвануться вон — и обдумать, выработать план... Но я всё стоял посреди окончательных доказательств — куда подевались охотники-одиночки Кайетты.

Звук открывающейся двери я принял как должное. И свет, который вспыхнул под потолком. И дребезжащий от восторга голосок:

— Я вижу, вы нашли сердце коллекции.

Рядом с младшим Трогири стояло четверо слуг. Три Печати огня и боевой амулет воздуха.

— Я хотел показать вам после ужина, а вы оказались таким нетерпеливым. Испортили весь сюрприз. И как вы открыли дверь? Впрочем, это ничего, ладно. Раз уж вы знаете теперь эту маленькую тайну... — он кивнул слугам. — Подготовьте его.

* * *

Повезло — всего-то обшарили. Правда, отобрали много нужного, в том числе почему-то фляжку. И амулет Аманды — жаль. Играть в помирашки всё-таки лучше в компании памяти про красавицу нойя.

— Вы хотели найти тут ответы, да? Вы найдёте, я обещаю. Услышите даже больше, чем ожидали. Награда, раз вы увидели. Понимаете? А может, вы даже сможете посмотреть. До конца. Увидеть, чем закончится с вашим напарником. Это зависит от вашего поведения. Понимаете, да?

Выглядел Трогири так, будто его лихорадило от предвкушения. Бормотал: «Сейчас, сейчас». Хлыщ с манерами дурного официанта в низкопробном ресторанчике. Когда тот пытается подготовить клиента к фирменному блюду.

Например, к странному, придушенному скрипу в коридоре. Будто от телеги старого Тодда.

Дверь распахнулась, и один из слуг вошёл, толкая перед собой кресло на колёсах. В кресле полулежало что-то скрюченное, изломанное, с седыми космами — и пронзительными, сумасшедшими глазами. Знакомыми глазами. Теми самыми, которые тут смотрят с каждого портрета.

Вот тут-то я остро пожалел, что у меня забрали фляжку. Гороховое пюре прыжком устремилось наружу, я хватанул воздух, неловко дёрнул правой ладонью — сбил заклинание «Холодной головы». Черти водные, не мой день, наверное. Или не мой год.

Или десятилетие.

Похожий на полураздавленного паука старик в кресле приподнял подбородок. Уставился серо-жёлтыми круглыми глазами хищной птицы.

— Не надо магии, — сказал Мейс Трогири.

Смешок у него был тоже будто сломанным в нескольких местах.

— На зале блокировка — ослабляет Печать. Тейенх — хороший проводник для чар и артефактов. А наши люди будут бить от порога. Убьют вас раньше, чем мы побеседуем.

Я выразительно хлопал глазами да хватал ртом воздух. Грызун внутри дергался, подначивал: «Больше удивления, давай. Ты же чуешь? Ему же этого хочется!»

— Не мож... не может быть. Вы... вы же м-м... м-м-м...

— Мёртв, — проскрипел Мейс Трогири. Голова у него кренилась на правую сторону — будто он собирает тебя пристально оценивать. — Не ожидали?

— Пойдите-ка... Вы же говорили, — тут я ткнул пальцем в Трогири-младшего. — Рассказывали, как вашего отца убил этот самый Зверь! Что вы это видели. То есть, это всё...

— Ложь, — подтвердил калека. — Мой сын ничего не стоит как охотник. Зато талантливо пересказывает истории, которые придумывают для него.

Изломанный старик пялился со своего кресла. Высохший, костистый и менее живой, чем любой из его трофеев в этом доме.

— Вы любите тайны, молодой человек? В грязных газетёнках бы душу продали за то, что вы сейчас узнали. Ты помнишь эти их заголовки, Нарден? «Конец лучшего охотника Кайетты». «Величайший охотник не устоял». «Случайность или закономерность?»

На самом-то деле тайны я ненавижу всеми фибрами грызуньей души. От тайн сплошь неприятности. Порча пищеварения, вечный алкоголизм и ранняя смертность. Но что-то мне подсказывает, что открутиться у меня не выйдет.

— Да, Нарден, помнишь, конечно. Нарден был молодцом. Когда рассказывал им. Тварям с блокнотиками и запоминающими артефактами — эти твари под ноги мне стелились в годы славы. А стоило упасть — налетели, как горевестники. Дежурили здесь толпами, да, Нарден? «Ваш отец встаёт?» «Как он допустил оплошность?» «Что это было за животное?» «Как всё случилось?»

Сыночка Трогири понурил голову и завздыхал от тяжких воспоминаний. Скрипучий голос бывшего великого охотника остался всё таким же мерным.

Будто несмазанная телега едет и едет по ровной дороге.

— Вы, молодой человек, слышали обо мне. О моих подвигах. Первый в Кайетте, больше двадцати лет.

— Да у нас в вас так-то дети играли в дерев...

— Я был больше, чем охотником. Да... куда больше. Моя слава. Моя репутация. Я показал другим путь. Показал, что не нужно бояться. Я дал понять этим тварям... что человек властен над природой. Выходя с ними один на один... Я был хозяином.

Властителем.

Что-то мне эта милая философия напоминает — и не только рассуждения Нэйша о вершине цепи. Мейс Трогири был прогрессистом? Вир побери, ну не защитником же бестий, в самом-то деле!

— Потому нельзя было дать им узнать, как всё случилось. Вы же понимаете, молодой человек? Легенда должна оставаться легендой. Подвиги — и героическая гибель. И мы сказали, что это был виверний. Распустили слухи, что мантикора. Один хороший, прикормленный писатель даже тиснул книжку. О величайшем охотнике, который почти одолел стаю алапардов на «кровной мести» — убил двух, не устоял перед третьим. Почти как в Энкере... Вы не читали? Достоинно написано. Ложь, конечно. Это сделал не алапард и не виверний.

— Медведь, — вышептал послушный сыночек и весь перекосясь от страдания, глядя на папочку. — Это был медведь.

Медведь — в смысле, даже не бестия?! Я выдал степень изумления, которую приберегал для чуда, вроде «Тербенно возглавил Корпус Закона».

Трогири издал слабое одобрительное кряхтение.

— Удивлены? Я вижу, удивлены. Но это не ложь. Я ходил на самых сильных магических тварей Кайетты. Мой атархэ никогда не промахивался, а Дар Воздуха по силе не уступал прославленному боевому магам. Нет, я не участвовал во всех этих глупых турнирах. Просто знал, что мог бы победить. А в тот день... я до сих пор не знаю, что случилось в тот день. Расскажи ему, Нарден.

— Но я...

— Расскажи. Ему.

Пронзительные глаза кольнули сына взглядом — и Трогири-младший вытянулся. Заговорил, задыхаясь и дёргаясь, заглаживая причёсочку до зеркального блеска. Они с отцом охотились в Тильвийских болотах. Бестий не попадалось третий день, а накануне встретились с поклонниками отца. Потом вышли с утра, наткнулись на следы большого медведя.

— Отец тогда... он готовил меня как охотника. Не-бестия — это просто. Мы пошли вдвоём...

Он рассказывал скверно: сбиваясь, запинаясь, подбирая слова. Но я почему-то без труда это представлял. Только малость иначе, чем то, о чём мне нёс Нарден Трогири.

То, как это было на самом деле.

— *М-может, нам не следует идти, отец? Вчера было...*

— *Как мать ухитрилась сделать из тебя такую бабу? Что? Налакался вина ночью, слабак? Я охотился на яприлей во владениях Вельекта! Винного магната! Можешь себе представить, сколько мы пили?! Смотри след, недоделок!*

Хриплый рык бывалого охотника и слабые, заикающиеся возражения его сына. Тот кажется подростком на фоне отца — высокого, плечистого. Уверенно шагающего по звериной тропе.

— *Просто не удалось поспать... и тебе ведь тоже...*

— *Так прими бодрящего и не топчи мне мозг!*

— *М-мать говорит — это вредно, особенно если подряд несколько ночей... И после спиртного...*

— *Травники все сдвинуты на этом «ой, да нельзя». Слушай мамку больше — скоро в*

платье оденет. Зелье после винца только лучше работает. Лакай бодрящее и заткнись.

Комары звенят в воздухе — в Тильвийских болотах комариный рай. Хлюпают лужи, стонет какая-то птица — тоже забыла похмелиться с утра...

Медвежий след находится сбоку тропы — громадный, косолапый. Охотник приглядывается, выполняет «поиск» с Печати, хмыкает: «Большой серый, один, тысяча шагов. Пирует на падали».

— М-может, нужно было... взять свору?

Но отец только фыркает: какая свора — там не мантикора, не альфин. Всего-то медведь — в самый раз, чтобы наследничек показал себя...

— Твоя добыча.

— Это было... для меня, — сынок-Трогири оскалился страдальчески. — Мой трофей. Только я... никогда не умел как следует. Отец сделал всё правильно. Он вывел меня на добычу с нужной стороны. Поставил щиты, чтобы зверь не услышал и не увидел. Мне осталось только бить.

Он ни черта не понимал, этот сорокалетний придаток своего чокнутого папашки. А я всего-то восемь месяцев пробыл в питомнике. Но я понимал куда лучше.

Мейс Трогири облажался. И не просто, а как по учебнику. Выперся на охоту после пьянки. С недосыпа. Под бодрящим, да после спиртного — чудо, что он туда вообще дошёл. Милейшая Аманда остерегала: так и так, сладенький, «Глаз стража», конечно, после спиртного действует даже с большей силой... только вот один приём по тебе вдарит так, будто ты три ночи лакаешь бодрящее. А после этого... ты видел, как хорошо себя Мел чувствует, да? Что ты говоришь, как-то раз она даже совсем вырубилась? Дар её вырубил — тут вернее. Потеря контроля, какая неприятность.

А великий охотник даже свору с собой не прихватил. Проще говоря, сделал самую большую ошибку, какую только можно. И нет, это я не о «выбрал для своего малахольного сыночка пасс, который тот заведомо не сумеет применить».

— Я... я ударил, но не смог как нужно собраться... выполнить «Удавку». Она не получилась полностью, медведь был большой, и он освободился. Впал в ярость, бросился на нас...

...огромная серо-бурая туша с рёвом взвилась на дыбы, махнула вперёд неожиданно легко. Нарден попятился, завопил, свалился на отца, мешая тому ударить. Мелькнули рядом когти, пыхнуло жарким смрадом из пасти, и тут же его отшвырнули в сторону, а медведь взвыл, отлетая прямо на тушу мёртвого оленя посреди поляны — отец всё-таки собрался и провёл пасс с Печати...

Зверь грянулся о землю, попал прямо на рога, захрипел, дёрнулся и утих.

— Шкуру попортил, — сказал охотник, отряхиваясь. — Бестолочь. Ладно, смотри, как нужно.

— Отец хотел нанести последний удар. Лезвием атархэ. Он подошёл к зверю. И. И...

В голосе Трогири — настойчивый трезвон жадного до крови комарья. И ложь.

Великий охотник хотел покрасоваться перед сыном. Считал, что не-бестия — лёгкая добыча, потому её можно завалить с одного удара. Подошёл слишком близко, — принял красивую позу. Смотри, мол, хозяин природы стоит — а новый трофей разлётся у ног.

Может, не понял, что удар магией прошёл вскользь. Или неверно провёл добывающий. Всё-таки он уже был не мальчиком — пятьдесят лет...

Мейс Трогири совершил главную ошибку охотников. Он был беспечен.

Недооценил противника.

Грузная, вымокшая от крови туша взметнулась с рёвом — и упала на охотника сверху, замесила косматыми лапами. И потом были только крики, крики и хруст костей, и сын стоял молча, не веря, не зная, что делать — без отцовских подсказок...

— Я... растерялся, — сказал Нарден Трогири, и в улыбочке у него было — сломанное, виноватое, жалкое. — Я ударил поздно.

— Ты ударил поздно, — проскрипел остов человека в кресле. Пригвоздил своего сына к полу пренебрежением. — Ты никогда не был охотником.

Тишина была тяжёлой, как медвежья туша. Которой, наверное, нет среди славной коллекции побед в коридорах. Добил медведя всё-таки сын, не отец. А что было потом — уже ясно: сынок позвал помощь, Трогири-старший ещё дышал, в него залили эликсиры, дотащили до поместья, вызвали лекарей...

В Кайетте плохо умеют лечить раздробленные кости. Шеннет тому свидетель. Срастить чистый перелом — легко. А если там осколки, смещение, порванные жилы...

— Моя жена поползла на коленях в Акантор. Лепетала про то, что Кормчая поможет. Меня даже привезли к той. Защитнице сырых и спасительнице обделённых. А та потребовала дать обет Камню. Никогда не охотиться. Служить Камню и беречь живое.

Трогири негромко то ли поскрипел, то ли порычал, и с опозданием я понял, что это был смех.

— Послал эту тварь к Властелину Пустоши на свидание... Жаль, в лицо бы ей не доплюнул. Мейс Трогири — прислужник Камня. Я никогда никому не прислуживал. Лицемерная дрянь. Может только толкать речи да квохтать над Камнем. Когда Кормчая делала хоть что-то, а? Всё равно бы ничего не смогла...

Нынешняя Кормчая и впрямь не мешается в дела людские. Последний сеанс исцеления состоялся лет десять назад, ещё какой-то праздник был. Ковен Камня — тот ещё что-то глаголет, а Девятая и вовсе редко появляется из своей башни.

— Лекари... она таскала ко мне этих шарлатанов. Нойя, учёные из Таррахоры. Мастера из Закрытых Городов... каждый обещал, что я пойду чуть ли не завтра. А она верила. И платила, а они меня накачивали своими снадобьями. Применяли артефакты, от которых кости ломались и снова срастались неправильно. Пока...

Из-под пледа, которым он был затянут едва ли не до подбородка, выскользнула скрюченная рука. Сухая, с узловатыми, прижатыми друг к другу пальцами. Рука потянула плед вниз, и я опять пожалел об отсутствии фляжки.

Из высохшего тела под немислимыми углами выпирали суставы, наросты, бугры, изломы. Разные эликсиры наложились друг на друга, к ним добавилось действие артефактов — и не до конца сросшиеся кости начали расти, гнуться, коверкаться, заставляя конечности принимать неестественные позы...

Будто целую кучу жучья собрали во что-то уродливое, членистое, из чего торчат останки клешней, жвал и хитиновых панцирей.

— Набрось, — равнодушно просипел Трогири, и его сын заботливо поднял плед — укутал папочку. — Тогда я решил: пусть все думают, я умер. Похороны были громкие. Тело слуги завернули в саван. Моя посмертная просьба. Нарден был молодцом. Он хорошо озвучивал мою версию. С женой было хуже. Она думала — всё временно. Всё можно исправить. Глупышка.

Жена Трогири умерла через пару лет после его вроде-как-кончины. Сердце не

выдержало? Или доконал придирами до того, что сама ушла в Бездось?

— Глупышка. Наконец-то заполучила меня себе, а? Ни любовниц. Ни приёмов. Ни охот. Всегда ревновала меня к охоте, да... А теперь я мог быть её куклой. Читать мне, петь, кормить с ложечки. Будто это что-то значило. Будто это заставило бы меня отказаться от моей сути. Предназначения. Вы верите в предназначение, молодой человек?

— Я... хм. Верю в судьбу, если уж на то пошло.

Как тут не верить в того, кто с такой регулярностью лупит тебя по больным точкам.

— Тогда вы меня поймёте. Есть те, кто живёт без цели. Жвачные твари, которые не понимают, для чего пришли в мир. Умеют только жрать и размножаться. Но я с самого начала знал, для чего я здесь. С детства, когда отец впервые взял меня на охоту. Знаете вы, что такое быть Охотником, молодой человек?

Глаза у Трогири заблестели, и заглавная буква опять прозвучала до жути выразительно.

— Думаю, это что-то вроде напоминания для бестий, которые возомнили, что люди — лёгкая добыча. О том, что они не останутся безнаказанными, что есть хищник сильнее. Серьёзное. Что есть кто-то, кто выше их в пищевой цепочке. Кто главный здесь — в Кайетте.

Трогири впервые глянул на меня не как на чучелко, которое скоро выставят в коридор.

— Это интересные мысли. Вы работаете в питомнике и считаете так?

Нет, так считает один устранитель, но об этом мы сейчас не будем. Достаточно соорудить загадочную мину — мол, я тут весь такой недопонятый прогрессист!

— Правильные мысли, да, Нарден? Впрочем, ты не понимал. А вот он — знает. Вы понимаете, что такое моё предназначение. И насколько оно было важным. Это поместье — его отражение. Каждая шкура, каждый череп — память. О том, как велико превосходство настоящего охотника над другими. И после всего этого... Скажите мне — как нужно было поступить. После того, как я оказался калекой.

Как там сказал этот самый устранитель? Я всегда умел каждому предложить, что нужно? Я старался не оглядываться на страшноватые трофеи по стенам, когда отвечал:

— Думаю, для такого человека, как вы, это не преграда. И значит, вы начали искать способы охотиться дальше.

Косой разрез на месте рта покривился в подобии улыбки.

— А вы не дурак. Совсем не дурак. Да. Я искал способы. Сначала надеялся, что сын станет моими руками и ногами. Но он не боец. Может только трепаться.

Серо-жёлтые глаза облили сына презрением, и Мертейенхский отшельник виновато затоптался у коляски.

— Тогда я решил, что моими руками и ногами станут другие. Несколько лет тайно нанимал охотников. Отправлял их на опасных бестий. Анонимный богач, который забирает себе трофеи, но щедро платит. Они истребили многих тварей, память о некоторых теперь — здесь, в коридорах и комнатах. Но это было не то...

Само-то собой, он же привык упиваться властью, когда загоняешь живое существо, — и вступаешь в борьбу, которую выигрываешь. И есть у меня нехорошее чувство, будто я знаю — в каком направлении после этого полетела его кукушечка.

— ...понял, что различия — глупости. Люди — не более чем отвратительные хищники, пожирающие друг друга. Не лучше животных. И не хуже, как добыча — правда, менее ловки и когтисты, но зато у них есть Дар. Это тогда мы создали арену — там, за поместьем. Раньше ещё были препятствия, немного укрытий. Чтобы всё не заканчивалось слишком быстро. Небольшие охоты моего имени. Нечасто — два или три раза в год. Звери и люди выясняли —

кто из них лучший охотник. Потом самые сильные сходились между собой.

Людей, надо думать, покупали в том же Тавентатуме, только брали бывших наёмников, боевых магов... А животных полно гуляет в тейенховой роще. Вот вам и охоты, которые ненамного отличаются от боёв на Псовом Побоище, где сперва зверей стравливали со зверями, а теперь вот на бестий выпускают охотничков для пущего зрелища. Слышал от вольерных, что как раз с Псового Побоища Гриз и вернулась как-то в компании Нэйша — и вряд ли он там на трибунах пирожки продавал.

— Но вы же должны понимать, а? Этого было мало. Когда ты Охотник — тебе всегда становится мало...

Круглые глаза плятятся, не мигая — над острым клювом: вот-вот вцепится в мясо до крови. И я киваю — видел, понимаю. Навидался и в Корпусе, и в Гильдии, и на Рифах. Все говорили одно: с каждым разом забрать жизнь всё проще, а потом начинает тянуть. Хотеться. Когда сделал под горочку первый шажочек — дальше уже несёшься, а? Боженьки, да я с Нэйшем работаю, я же вижу — какими глазами он глядит на конвульсии зверя, он-то со своей горочки, небось, кубарем катится.

— ...всегда ищешь себе равного противника. Стремись охотиться на высшего. А есть ли дичь изысканнее, чем сами охотники? Они ведь тоже должны понимать цену. Осознавать, что их слава — не должна быть пустым звуком. Слабым в нашем деле не место. Всегда найдётся кто-то хитрее тебя. Сильнее тебя. Быстрее тебя...

Боженьки, и почему я только решил, что он выведет какую-то стройную теорию? Да ему просто хотелось поубивать тех, кто занял его место. А после повесить их оружие в трофейный ряд — смотрите, мол, я калека, а вот этих всех уделал. Чувство превосходства, помноженное на чокнутость старого инвалида. Он бы для себя ещё сотню резонов откопал, если б нужно было.

— ...готовились долго. Да, Нарден? Блокировка связи по воде. Укрепление ограды. И самое главное — нужно было решить, для кого они станут жертвой. Те, которые мнят себя настоящими охотниками. Чтобы обеспечить настоящее зрелище.

Старикан явно ждал, пока я опять проявлю сообразительность.

— Ну, поскольку вы уже сказали, что ваш сын нам скормил выдуманную историю... погодите, а выдумана-то целиком, или вы... как это... оставляете охотникам малость шансов? Пошевелить мозгами, кое-что понять...

Подобие кивка. Сообразительность я проявил, но лучше от этого не стало.

— Стало быть, за оградой кто-то всё-таки есть. Кто-нибудь особенный, а? Вы долго готовились, всяко уж не чтобы охотнички со всей Кайетты бегали по вашим угожьям и убивали бестий десятками. Дайте-ка подумать... необычная драккайна? Или что-то, что почти перевелось, вроде тхиоров? Непохоже: есть шанс, что справятся. А там должно быть что-то... как вы сказали? — теперь я обращаюсь к младшему Трогири. — «Вершина цепи». Сверххищник. Просто какой-то крайне опасный людоед? Или тот, который из легенд? Вам что, его как-то удалось добыть и запустить к себе в угожья?

Мейс Трогири явно не из тех, которые на удачу положатся. Он бы не стал ждать, пока какая-нибудь тварь объявится на горизонте. Он бы эту тварь создал за свои же кровные денежки.

— Нет, стоп. Вы человек основательный и стараетесь промахов не допускать. В случае с дикой тварью промахи неизбежны: ей цель не объяснишь, а дрессировка — это годы. Дикий хищник может и егерей пожрать, и других бестий в угожьях. Не гибрид ли? Слышал про

ребят, которые балуются выведением всякого... кх... интересного. Скажем, особо выведенный и натренированный гибрид...

Тихий стук — это Мейс Трогири воздаёт мне должное по заслугам. Постукивая действующей рукой по подлокотнику своего кресла — вместо аплодисментов.

— А вы молодец. Видишь, Нарден, какая хорошая догадка. Ха. Мы так и думали сперва поступить. Вышли на хорошую группу. Нардену показались перспективными их образцы. Но те учёные запросили слишком много, а их твари были неуправляемыми. Жаль... Хорошие хищники, в юности я бы с удовольствием бы поохотился на них...

Что — там и не гибрид тоже?! Уй, что-то мне хочется поступить, как мой голохвостый внутренний дружок сейчас. Заорать и забиться о стенку.

— Им требовалось слишком много времени, — шепнул Трогири-сын. Покосился на папашку, который пребывал в сладостных грезах. — Тогда они ещё только ставили эксперименты. А отец не хотел ждать. Один из тех учёных был из академии Таррахоры. Он изучал древние ритуалы. Призвания и воплощения. Материализации.

— Молодой человек, — калека опять вцепился в моё лицо хищным взглядом. — Молодой человек, вы знаете, что такое мортах?

Это было как удар по голове. Кувалдочкой размером с эго Лортена.

Во рту наступила великая Даматская засуха, дыхание остановилось, а крыса внутри сказала «Да к чертям» и попыталась вымереть как вид.

Очень медленно и едва заметно я наклонил подбородок в каком-то недокивке. Под старинный бабулин заговор из памяти: *«Мечник — отвратись, Дева — улыбнись, горе — не коснись, мортах — не приснись...»*

Смешно, наверное, — когда о полудемонической сущности сперва узнаёшь из рассказов бабушки, а потом Гриз Арделл в беседе мимоходом кидает: «У нас один из группы так погиб. Какой-то выживший из ума учёный начал практиковать ритуалы, вызвал мортаха...»

И ты понимаешь, что такие твари-то, оказывается, ходят не только в бабулиных заговорах или снах.

Просто ребята, которые с чем-то таким сталкивались, называли это тварью, нежитью, монстром, демоном. Не вдавались в классификации.

— Не только зверь... — заговорил я, вспоминая объяснения Гриз. — Сущность из сопредельных миров, которую материализуют при помощи обряда. Они бывают разные — сильнее и слабее, в зависимости от мага, который обряд проводит. От количества отданной магической энергии. И по виду тоже...

Гриз говорила — даже мелкие такие твари бывают поопаснее бестий. Приводила ещё древние названия: чироз-перевертыш, кхорта, симааз-крушитель, вэлрт — у этих крылья... И неясно, как они относятся к варгам, потому что они не всегда им откликаются, у мортахов есть то, что над зовом — цель и Кодекс...

Убить или защитить.

— Мортах — идеальный убийца и идеальный защитник...

Только вот Гриз говорила, что тварей редко используют как защитников. Что-то она ещё говорила — что-то важное: хитрые-умные-ловкие... бывает, есть особая способность — маскировка, защита... да и в целом их особо не брать. И существует мортах до того момента, как не выполнит приказ, и вот с этим приказом там что-то...

— «Найти охотника. Убить охотника», — с кривой ухмылочкой поведал мне Трогири этот самый приказ. Я кивнул — предполагал что-то подобное. Только вот...

— А почему он у вас тогда... — стоп, не нужно вслух. — А. Остальных зверей не трогает, да? Они для него вроде как развлечение.

Не только остальных зверей — и егеря вне опасности, об этом нужно подумать, если будет время, сейчас главное лишнего не ляпнуть.

— И давно это всё...

— Девять лет, — проскрипел Трогири. — Девять с небольшим. Мы с сыном выходим на охоту нечасто. Сначала подготовка. Найти охотника с хорошей репутацией. Через пособников из Гильдии Чистых Рук. Осторожно подманить, пообещать. Каждому своё. Деньги. Возможность затмить меня. Или невиданную добычу. Два раза в год, иногда бывает чаще, когда подворачивается случай...

Вир побери, двадцать с лишним охотников, а до того ещё рабы — вот теперь я понимаю, что чувствуешь в логове настоящего людоеда. Только вот что-то с мортахом не сходится по датам, не могу уловить... Мантикора дери, как мало времени.

— Смотрите на них, — старик любовался атархэ, ловушками, амулетами, висящими вдоль стен. — Смотрите на доказательства, память... сердце коллекции. Они все пришли сюда показать свою удачу. Быть охотниками. И оказались дичью. Столкнулись с высшим хищником.

Он заклокотал безрадостно, раздувая искорёженную грудь.

— Вот этого называли моим наследником. «Гроза Людоедов» с его знаменитым луком, видите, какая резьба? Продержался целых десять часов. А вот этот был из Даматы — интересный тип атархэ, с цепью... Болтливый бахвал, летом прошлого года, и часа не протянул. Вот Следопыт Морео Этол, хорошо развитый Дар — и сам осторожный, с ним пришлось долго работать, уговаривать... на Луну Дарителя, ха. Мортах даже позволил ему поставить четыре ловушки перед тем, как начал настоящую охоту. Последний был северным лучником — случайно подвернулся, и на удивление достойно...

Таким же тоном его сынок повествовал про виверниев, алапардов и прочих занимательных бестий, добытых папаней. Указывая при этом на чучела и головы на стене.

— Не понимаю, — прервал я, и охотник-разохотник неохотно оторвался от занимательной экскурсии. — Как вы вообще узнаете, кто и сколько держался? Этот мортах что, подаёт сигналы, когда дело сделано?

Воображение представило зверя с какой-то сказочной картинки. С сигнальными флажками в руках. Стоп, но сыночка-Трогири говорил: возможно, и мне тоже выпадет шанс посмотреть.

— У вас есть какой-то способ наблюдать за этим... Артефакты?

— Артефакты, — согласился сумасшедший старик. — Сигналки по всей роще тейенха. И наблюдающие тоже. Как только начинается самое интересное — мы можем насладиться зрелищем.

Черти водные, сколько ж они к этому готовились и сколько деньжищ извели.

— Скоро это начнётся, — шипел искорёженный безумец в кресле. Глаза у него вытаращились и сверкали, и он щерился — оголяя остатки зубов. — Скоро начнётся, и мы увидим... Как это будет с вашим товарищем. А вы посмотрите за компанию. Про него говорят, что он удачлив, да? Нарден вот сомневался, стоит ли приглашать его сюда — особенно когда вы пришли вдвоём. Спросил у меня. Я посмотрел, понаблюдал. И решил, что от таких шансов не отказываются. Рихард Нэйш. Устранитель с Даром Щита. Не промахивается. Вы хотите увидеть это? Как он промахнётся? Как упадёт? Как окажется из

охотника дичью? Как у него не останется ни шанса? Хотите увидеть, как он будет загнан, как с ним будет покончено?

Перед ответом я поразмыслил основательно. Примерно полторы секунды.

— А сколько приплатить, чтобы уж точно, с гарантией?

РИХАРД НЭЙШ

Чёрный костюм из плотной ткани превращает на тень. Брошь-бабочка примостилась на отворот чёрной куртки: сейчас вспорхнёт. Серебристое жало палладарта у левой ладони.

«Куда ты идёшь, Рихард?»

Аталия умеет спрашивать как никто. *Встревоженное лицо, растрёпанные волосы, прищур глаз — и крылышки, которые вот-вот займутся пламенем с краёв.* Рихард Нэйш усмехается её воображаемому образу.

«Просто небольшая прогулка, аталия. Тебе ли не знать, что иногда приходится ходить по грани. Маленькая проверка».

И пополнение коллекции.

Тебе бы понравилось в этом небольшом зверинце. Тепло стволов тейенха — нельзя замёрзнуть. Вечный полумрак: сверху смыкается плотная зелень, но стволы наполнены светом, украшены огненными извивами. Будто крылышки глупенькой бабочки из легенды.

Наивной и хрупкой. Запылавшей ради людей.

Рихард Нэйш много раз видел, как вспыхивают бабочки, подлетая слишком близко к огню. И как вспыхивают люди. От магии с Печати. От огненных амулетов. И от пламени бестий.

Когда видишь кого-то, кто сжигает себя изнутри, по своей воле, день за днём — это завораживает.

«Куда ты идёшь, аталия?»

В очередную ловушку, а может, в клетку? Как тебе эта? Во всю рощу тейенха. Внешнее ограждение — широкий круг. Внутреннее ограждение, с защищёнными калитками, ведущими к месту обитания ещё одного занятого экземпляра.

Нарден Трогири — задачка для Лайла Гроски. Развлечение для законника — разгадывать тайны набитого трофеями поместья. Травоядное и грызун в одной клетке — это может быть... неожиданным.

Когда в клетке оказываются два разных хищника, всё бывает чуть-чуть сложнее.

Он идёт бесшумно, пружинисто, выбирая звериные тропы. Читая царапины на деревьях, следы у ручьёв, звериные звуки в воздухе.

Два яприля пытаются начать весеннюю песнь, алапарт досадует из-за неудачной охоты — дичь затаилась... гарпии играют в догонялки где-то далеко. Тихая жалоба ручья под ногами — обманка. Мертейенхский затворник должен был предусмотреть в своей ловушке блокировку связи по воде.

Предсказуемость, предсказуемость и простота, как у всех наблюдаемых экземпляров. Извечные охотничьи замашки, как учил старый Зарси: приманка — ограничение отходов — наблюдение...

Тихий шелест над головой, преследующий взгляд. Варги, сказала как-то аталия, чувствуют, когда поблизости зверь, которому больно или печально. Настоящие устранители ощущают, когда пытаются поохотиться на них. Но там, наверху, всего лишь следящие артефакты — что-то вроде стаи птиц слепого даматского Мастера. Друга аталии, того, который сделал палладарт. Только «щебетуньи» Джемайи передавали звук. Эти наверняка

могут и переносить изображение.

Наблюдение за добычей — самая увлекательная часть. Отслеживание повадок. Определение слабых точек.

Предвкушение.

Согласен ли с этим Ты?

Наверняка Ты ведь знаешь, что охотник уже здесь — пусть даже движения беззвучны, а ткань костюма пропитана «отводными» зельями, которые любому хищнику скажут: всё в норме. Дешёвый трюк, который применяют многие, и он просто обязан на Тебе не сработать.

Многие из пропавших охотников были специалистами по ловушкам. Манкам, капканам, артефактам-силкам и прочим сюрпризам, облегчающим охоту. Кое-что и сейчас здесь осталось — артефакты-ловушки прикреплены к деревьям, манки гнездятся у подножия. Ждут добычу, которая не придёт: кое в чём Трогири не солгал. И раз уж Ты так хорошо распознаёшь магические воздействия... какой-то способ ощущать магию? И почти полное отсутствие следов... почти.

Пальцы ложатся поверх тёплой, твёрдой коры. Под пальцами — царапины.

Трогири просто не счёт нужным уточнить, что Ты часто передвигаешься по деревьям. Царапины едва заметны, можно спутать со следом алапарда... только вот пальцы длиннее и куда гибче.

Отслеживание повадок и определение, кто перед тобой. В вечной игре в «вершину цепи» это так важно. Не сомневаюсь, Ты тоже уже играешь.

Мортах.

Рихард Нэйш улыбается, потому что этого звена нет в его коллекции.

Аталия рассказывала, словно дразнила. Магическая сущность. Зверь, то ли материализованный, то ли призванный из иных, далёких миров. Идеальный убийца. Идеальный защитник. Жаль, она не показывала свои дневники — наверняка в них столько занимательного о встречах с такими. Цикл питания, цикл выделения, манера охоты...

Слабые точки.

«Какие слабые точки есть у тебя, Рихард?»

Улыбка врежется в губы.

«Может быть, скоро мы узнаем это».

Взгляд приходит сверху. И на сей раз — это тот самый взгляд: внимательный, оценивающий, выскивающий — куда нацелить удар.

Цепочка палладарта скользит между пальцами. Рихард Нэйш не спеша вешает сумку на удобный сук. Всё необходимое — с самого начала в карманах и на поясе, и там есть сюрпризы, о да. Но это тот этап игры, где появляется приманка.

Забавно в кои-то веки оказаться в роли экземпляра.

Рихард Нэйш в совершенстве знает, как ведут себя хищники, когда понимают, что на них охотятся. Перетекают из одной отточенно-совершенной позы в другую. Стоят, пытаясь ощутить угрозу, рассмотреть, учуять её. Или пытаются затаиться.

И он прорастает в здешние тени. Сливаются со стволами деревьев, застывает возле кустов, поднимая дарт в воздух на уровень глаз (хищник должен пугать клыками). Делает вид, что ощутил опасность, но не знает, где она. Должно быть, примерно так себя и вели охотники, которые были тут раньше.

Разница в том, что он *знает*.

Мортах идёт поверху. Его нельзя различить — но что-то движется в кронах тейенховых великанов. Перелетает следом огромными прыжками. Не приближаясь. Стараясь остаться незамеченным.

Тоже полагаешь, что игра в «Вершину цепи» не должна заканчиваться слишком быстро? Как мило. Трогири действительно хотел обеспечить себе не только небольшие трофеи, но и зрелищность.

Одно плохо — так действие становится предсказуемым. Сейчас Ты оценишь предполагаемую жертву с высоты и издалека (четверть часа?). Затем начнёшь игру в запугивание (может длиться и несколько часов, в зависимости от изобретательности жертвы). Что потом? Прямая схватка? Тебе ведь наверняка не нравится — со спины или сверху. Ломая шею неожиданно — рискуешь остаться без веселья.

Предсказуемость — вечная проблема жертв и хищников. Из-за чего вторые иногда становятся первыми.

Ты слишком медлишь с фазой наблюдения. Неужели добыча чем-то насторожила? Ах да, Ты же, возможно, ощущаешь магию. Это может стать некоторой проблемой. Если Ты до времени рассмотришь маленькие припасенные козыри. Но с другой стороны — разве то, что Ты сейчас ощущаешь не должно тебя скорее привлекать?

Полчаса скольжения от тени к тени.

Сорок минут. Взгляд от артефактов становится особенно пристальным.

Сорок пять. Это даже как-то скучновато.

Сорок семь...

Рихард Нэйш расслабляет плечи. Лезвие дарта опускается вместе с левой ладонью. Прислониться плечом к тейенху-великану. На виду. В незащитной позе. Так, словно убедился: опасности нет.

Сорок девять минут.

За спиной раздаётся детский плач. Он тоненький и журчащий — горький звук обиженной, потерявшей девочке. Плач обрывается жалобным всхлипом — и роца тейенха вымирает вокруг. Смолкают яприли, не подаёт голос гарпия, оборвал рык чем-то недовольный алапард...

Сигнал «Расступитесь, охочусь я», очаровательно.

Время повертеться.

Плач раздаётся теперь слева, и Рихард поворачивается, как это сделал бы любой охотник — пытаясь отследить источник звука. Но между деревьями тейенха нет никого. Только плач ширится и льётся — теперь он вновь сзади.

— Хны-хны-уи-и-и-хы-и-и-хны...

Бедная, заблудившаяся девочка, которую не видно между деревьями. Стоит где-то на грани миров и плачет, плачет о твоей душе, улыбаясь окровавленным ротиком, и в плаче — голод и ликование...

Сзади. Слева. Справа. Сзади. Справа. Дальше. Ближе. Насмешливый, голодный плач там, то здесь, но никого нет — чуть заметно колышутся ветки. Можно оценить скорость. И тоже закончить с фазой наблюдения.

Размер — примерно с алапарда, повыше, но не такое длинное тело. Вес небольшой, тело сухое, иначе не делал бы такие прыжки. Ловкость, точность, скорость. Ориентируется, предположительно, по всем чувствам плюс магия — задержался над сумкой. Любопытен. Осторожен. Даже слишком осторожен, что странно. Впрочем, у

магических тварей свои законы.

Сложно различить, но если вовремя повернуться — можно увидеть, даже не увидеть, а больше почувствовать. Будто бы тень перебегает по земле и стволам.

Словно движется часть леса.

Защитный окрас, хотя нет, скорее — вид магического камуфляжа. Интересно, это было заложено в формуле вызова мортаха или получилось само собой? Охотники едва ли были готовы играть в «высшее звено» с невидимкой.

Рихард Нэйш расстёгивает две пуговицы на куртке, вытаскивает тонкий свёрток прижавшийся к груди. Потом поднимает голову и дружески подмигивает наблюдающим артефактам наверху.

Игры хороши, только когда они равны.

Рихард Нэйш облачается в текучую ткань маск-плаща. Рывком уходя за дерево от взгляда мортаха: нужно накинуть на голову капюшон, быстро закрепить пояс, скрепить у горла застёжкой, проверить, как двигаются руки...

Плач смолк. Остальные так не делали? Пытались загородиться магией, артефактами... не пропитанной зельями тканью. Но Ты ведь всё ещё можешь найти свою цель.

Пока что можешь.

Иди же, давай. Наверняка это Твоя любимая фаза: время сюрпризов.

В пальцах перекачивается извлечённый из кармана шарик: не разобьёшь при всём желании, но если чуть-чуть вдавить крышечку...

Атака, конечно, будет проведена сверху. Как восхитительно предсказуемо.

Звуков почти что и нет, едва заметный шорох да тень, падающая, сквозь ветви. Он выскальзывает из-под удара, швыряя шарик вверх, в толстую ветку.

Теперь нужно быть как можно дальше. И желательно за препятствием — тот толстый ствол идеально подойдёт.

По тейенховой роще рассыпается маленький сапфировый ливень. Брызжет искрами, оседая на ветвях, на траве. Украшает всё, что под него попало, светящейся синей пылью, а то и каплями.

В Аканторе такими игрушками балуются детишки на Перекрёстки. Перетёртые и порошок раковины флектусов, немного особых зелий. Так красиво блестит. И само сходит уже на следующие сутки.

А на первые сутки уж очень пристаёт к коже.

Между деревьями проступает силуэт — весь в бриллиантовой и синей пыли. Силуэт перекачивается по мокрой траве и встаёт, напряженившись для прыжка. Мортах почти успел уйти от основного удара, но морду и левый бок всё-таки зацепило.

Теперь они оба частично видимы. Рихарда выдаёт лицо, руки, сапоги и дарт. Россыпь драгоценного синего выдаёт мортаха.

Игра стала равной, а потому — предсказуемо, да? — сейчас мы посмотрим на Твой способ атаковать. И немножко — на слабые точки.

Рихард Нэйш больше не пытается спрятаться. Он выходит из-за ствола тейенха и приглашающе улыбается зверю.

Воздух — и размытый, неясный силуэт, запятнанный блестящей пылью. Челюсти слева — их видно — расходятся в ответном оскале. Становятся ниже.

И приближаются быстрым рывком. Дарт давно был наготове, взлетает, метя туда, где должен быть глаз. Удар обо что-то твёрдое. Рихард уходит за ствол дерева, и его догоняет

звук — будто пластинки у виверния трутся друг о друга. Инстинкт заставляет резко рвануть вбок, он почти успевает.

Что-то продолговатое, дымящееся ударяется в его магический щит, застывает на миг. Трепещет сияющий алым кончик жала — словно живой, и вот оно уже летит обратно, повинувшись рывку длинного хлыста...

Хвост? Втягивающееся жало с возможностью отстреливания? Что за чудный экземпляр. Крутнуться, уйдя в сторону, скрыв на миг за капюшоном лицо, мортах пытается достать в прыжке, рука вновь направляет дарт, в низ левого бока. Свист атархэ, мгновенный и безошибочный, сухой треск щитков или брони, и теперь мортах атакует цепочку: пытается прижать, перехватить, оставить без оружия.

Сменить позицию, взметнуть дарт вверх силой мысли, принять на магический щит ещё два удара жалом — его тоже прощупывают, и теперь опять за ствол дерева, дарт к себе, дожидаться прыжка, сделать вид, что его защиту пробили, навести атархэ в горло...

Светящееся жало останавливается у самого лица, капюшон едва не слетает от новой попытки уклона. Вновь сухое «кляк» удара в броню, мортах уходит вверх по стволу, мелькают испятнанные синим длинные, когтистые пальцы — слабое место? Глаз не видно, корпус защищён, конечности...

Рихард Нэйш отходит на открытую местность, на миг распахивает маск-плащ, снимает с пояса один из метательных ножей. Теперь только тишина, шорох листьев и ровное дыхание, мгновенный проблеск синего — пора! Мортах падает с ветви, кувырком уйти в сторону, дарт из положения лёжа — в брюхо, поворот — и метательный нож в землю, там, где должны быть длинные пальцы...

Зверь предупредительно убирает перепачканные синим пальцы, и нож уходит в траву. Близко. Тихое шипение, и вспыхивают алые точки глаз, прямо в воздухе, повыше синей отметки на морде. Шутки кончились.

Слишком равная игра, не так ли. Противника сложно увидеть. Щиты не прошибить. Потому остаётся прямая атака. Задушить жертву или перегрызть глотку.

Скорость на скорость — если, только, конечно...

Рихард успевает уйти от первой прямой атаки, но что-то шелестящее, будто кнут из кожи скортокса, подсекает щиколотку; он падает, мягко, умело, призывая дарт; у самого лица лязгают невидимые клыки; когти процарапывают землю совсем рядом с головой — мортах промахивается, пробегает по стволу дерева, разворачивается и готовится к последней атаке не спеша. Жертве не уйти, жертве не успеть, жертва не может равняться с мортахом в скорости, пусть даже она и тренируется с алапардом...

...если только у жертвы нет ещё сюрпризов в запасе.

В миг, когда мортах обозначает прыжок, Рихард Нэйш отправляет в его сторону второй небольшой флакон.

И закрывает рот и нос рукавом, уходя за ствол стремительным рывком.

В воздухе — горькие ноты миндаля. И дрожащее, студёнистое туманное марево: артефакт-обманка от контрабандистов. Отключит чутьё у Следопыта, собьёт с толку различители магии...

Можно было бы попытаться атаковать под такой ширмой, или пустить в ход ещё пару сюрпризов. Ну, вот хоть и взрывчатые зелья. Но на первый раз хватит.

Рихард Нэйш петляет между деревьями, переходя на лёгкий бег. Его не преследуют.

А Ты сообразителен, верно? Отступить, прощупав противника — разумный ход.

Насколько ты способен на сложные выводы? Как насчёт «Все остальные шли сюда охотиться. Этот знал, что будут охотиться на него».

Подготовка несколько отличается, не так ли? Ты ещё не представляешь — до какой степени.

Маск-плащу досталось, жаль, нет запасного. Аманда снова будет недовольна. Впрочем, можно будет подлатать в передышке — только нужно забрать сумку.

Контрабандная обманка отшибает нюх керберам на пять дней, артефактам-определителям — на сутки. С учётом того, что мортах тварь магическая... несколько часов выиграно.

Стоит подготовиться ко второму раунду, как Ты полагаешь?

В этой клетке найдётся, чем заняться. Аталия в таких случаях говорит, что у неё «тысяча дел».

А насчёт того, кто Тебя вызвал...

Рихард отвечает неглубокий поклон в сторону тех, кто следит за ним через артефакты.

В поместье Мейса Трогири нынче завелся грызун. В меру предсказуемый и почти даже безобидный экземпляр с очаровательной склонностью разрушать всё, к чему притронется. Так что с этой стороны всё может быть крайне интересно.

Тени становятся гуще — это над зелёной крышей рощи смыкается ночь. Вытянутые плоды тейенха светятся, словно резные фонарики. И звуки опять здесь. Хохот гарпии, лунное приветствие кербера, теперь уже отчётливая песнь яприля, пугливый шорох кролика в траве...

Какая идиллическая, прекрасная клетка. Даже жаль пробовать её на прочность.

Рихард Нэйш подхватывает сумку, проверяет манки в ней и растворяется в лесу.

Мортахи смертны. Значит, охота продолжается.

Интересно только, почему Ты всё-таки промахнулся.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Чай пах мятой, зверобоем и немножко — ловушкой. Из глубин посмеивались знакомые бирюзовые блики.

— О, с травками, — порадовался я и шумно отхлебнул. — Спасибочки, а то в горле что-то ужас как пересохло.

Когда наблюдаешь за своим предположительно вскорости покойным напарничком — наваливается удивительная жажда.

Трогири, кажись, тоже проняло. Мы сидели в «комнате уединения», по соседству с Трофейным залом, полчаса. А младший уже измывался над баром в стене. Старший тем временем чах над Водной Чашей. Чаша была размером в добрый стол, и нам втроём с ней в комнатухе было тесновато.

Рихард Нэйш в чашных далях занимался делом привычным: он бесил.

Сперва задумчиво гулял по тропиночкам между деревьев, поглядывая то вверх, то себе под ноги. Потом эти же деревья обглаживал с таким видом, будто он наконец-то нашёл женщин своей мечты.

Изображение шло сверху, иногда — сбоку, а иногда оно будто бы «перебегало» с одного артефакта на другой. Так что Нэйш ухитрился бесить в невиданном до того качестве: вода не

колыхнётся, фигура устранителя в чёрном не теряется на фоне светящихся стволов, светлые волосы, мечтательная полуулыбочка того, кому привалило погулять по роще тейенха. Для полной картины «Стрелок с одухотворённой рожей шарится где-то, набираясь вдохновения для поэтических стрел» не хватало лука, колчана и чтобы Нэйш заговорил стихами.

Нарден Трогири спивался, Мейс Трогири пялился в Чашу, я заливался «Истиной на ладони» и настраивался на болтливо-правдивый лад; Нэйш бесил, мортах немного тоже, потому что не желал показываться — в общем, все были мало-мальски при деле.

Потом «клык» повесил сумку и принялся что-то выцеливать, Мейс Трогири уронил едва слышно: «Наблюдение», — а я сощурился и сумел-таки рассмотреть тень среди ветвей. Тень шла за Нэйшем, устранитель пытался что-то отследить с дартом, висящим в воздухе.

— Даматский стиль, — шепнул калека. — Ваш напарник обычно ходит в белом? На охоту.

«На устранение», — поправил я мысленно, но закивал: да-да, белый костюмчик из таллеи, а что не так-то?

— Имеет смысл, — проскрипел Трогири. — Белый цвет выигрывает пару мигнов. При встрече с большинством бестий Кайетты. Эффект белого пятна, я и сам пользовался несколько раз. Кроме того, белый привлекает. Только почему он его не надел?

— Шкурку не хотел попортить, — предположил я, — Ему, знаете ли, как-то продырявили рукав костюмчика — понятия не имею, сколько он отдал за перешивку, но может — решил не рисковать во второй раз...

Мортах тоже решил не рисковать и мариновал Нэйша по роще чуть ли не час. Потом заплакал детским голоском (вполне простительная реакция, если учитывать, кто дичь). И принялся скакать вокруг. Всё в том же неразличимом виде. Артефакты опустились ниже, но рассмотреть — что там мелькает между кустами и стволами — всё равно не удавалось.

— Выпить, — приказал Трогири, не сводя с Чаши жадных глаз. — Налей.

Младший покосился на меня стыдливо, но послушно подошёл с фарфоровым поильничком. И принялся заботливо переливать в папочку спиртное.

Когда Нэйш обернулся и подмигнул, Трогири остановился на полуглотке.

А потом «клык» накинул маск-плащ и пропал, и виски вытек у калеки из полуоткрытого рта. Я, как более привычный, даже чашку ухитрился аккуратненько примостить на блюдечко. Так я с этой чашкой и наблюдал всё это. Сперва взрыв синего-искрящегося посреди мирного леса, потом мгновенную схватку двух теней, где никак не удавалось отследить — кто где и кто кого. Серебристый блик дарта, ответная вспышка алого, светящегося жала, а может, хвоста, и размытый силуэт, заляпанный синим с боку — не рассмотришь, и всё это носится и мельтешит между деревьями.

Две минуты? Минута? Показалось — десяти секунд не прошло. На поляне повисло какое-то марево, и синее, пятнистое, свалило в кусты, а Нэйш был вир знает где — может, уже мёртвым, хотя в это как-то мало верилось. Если устранитель когда-нибудь войдет во знать — он возьмёт девиз «Убиваю всё, особенно ожидания». Да и Трогири окаменел с таким видом, как будто он хочет спросить то самое, что и я:

— Что это было? — хотя старый охотник быстро вернулся в строй. — Что за плащ? Артефакт?

— А-а-а-а, маск-плащ? Нет, просто ткань пропитана особым составом. Что-то вроде зеркала... ну, вбирает в себя окружающую среду. Старый рецепт нойя-кочевников, только вот из современных не каждая мастерица за такое возьмётся, потому обычно и не

вспоминают. А у нас в питомнике — чудо что за Травница, да и ингредиенты как раз под рукой. Можно было бы и артефактами, только лишнюю магию на себя навешивать не всегда хорошо: у некоторых бестий идут такие реакции...

Я болтал от всей своей наполненной «Истиной на ладони» натуры, Мейс Трогири каменел, его сынок посматривал на папочку пугливо. Выступление Нэйша имело фурор.

— Он... не проявился, — наконец вышептал Нарден.

— Без тебя вижу.

— Это... раньше ведь так не было?

— Будто не знаю!

— Но... почему так может быть? Разве он...

— Может быть из-за чёртова плаща, заткнись.

— У четвёртого и того, из Даматы, тоже были артефакты маскировки. И ещё у...

— Заткнись, мешаешь, бестолочь!

Из милой семейной беседы я понял, что тварь перед схваткой должна была показать себя. Что-то вроде «Посмотри на меня перед тем, как я укушу тебя за всякое». Но что-то засбоило, и мортах маскировку так и не скинул: то ли был сбит с толку маск-плащом, то ли обалдел от настойки флектусов в морду (вряд ли в него пуляли детскими игрушками до этого). А может, почувал в чужаке опасность.

Мейс Трогири засипел гневно, кивнул сынку, и они вместе принялись что-то выделывать с Чашей. Наверное, пытались понять — а не сдох ли мортах после эпической встречи. Мортаха, правда, не нашли.

Зато следующая картинка была до боли пасторальной: Нэйш присел на могучий выдающийся из-под земли корень и латал маск-плащ. Щурился, поднося лёгкую ткань поближе к светящемуся стволу, и прошивал солидную прореху на подоле крупными стежками. Сумка стояла у ног — стало быть, за ней «клык» наведалься.

Закончив с портняжным делом, он вернул плащ под куртку и глотнул водички из небольшого кожаного меха. После этого принялся перебирать вещи в сумке. Достал футляр, в каком доктора носят зелья первой необходимости. Примерился к нескольким флаконам, выбрал один, упрятал в карман.

Трогири наблюдал за всем этим пристально. Я же и так успел налюбоваться на напарничка, потому скучал. Зелье правды отчаянно давило на клапан моей болтливости, потому мы довольно мирно пообщались с Трогири-младшим — шепотом и на тему артефактов.

— Черти водные, ну у вас тут системочка! — восхищался я, и захмелевший Нарден Трогири млел и расцветал. — Пара-тройка моих знакомых бы за неё душу продали. Небось, дорого дали?

— Очень, — шептал Нарден, косясь на папашку. — Наблюдающие и подслушивающие артефакты есть и так, вы понимаете... но чтобы сделать работу постоянной, настроить на поиск объекта, заставить передавать изображение... Система уникальна, совершенно уникальна, да. Я приглашал Мастеров... говорил, хочу наблюдать за животными в роще тейенха... за задачу взялся только третий, и то...

И перечислял проблемы, рассказывал, как докупали материал, говорил о каком-то молодом Мастере («Настоящий гений, так всё свёл воедино, что проблемы со звуком пропали!») — я изображал усиленное внимание и кивал, и крыса тихонько попискивала изнутри, словно счёт секунд отмеряла.

Когда я обернулся к Чаше — Нэйш стоял напротив крупной гарпии-бескрылки. И жить гарпии оставалось столько же, сколько отменному кексу с изюмом, если его замечу я.

Бедная тварь даже не успела разразиться своим коронным «Урлюлюлю» — она выдала одинокий «урлюль», а сразу же после этого у неё в глотке оказалось лезвие дарты.

Мейс Трогири издал звук, похожий на прощальный «урлюль» бескрылки.

«Клык» подождал, пока стихнут конвульсии, извлёк дарт, вытер лезвие и аккуратно расширил рану лезвием ножа. Зачерпнул ладонью кровушки и принялся обмазывать куртку. С таким видом, будто натирается особо ценным бальзамом для кожи.

Оба Трогири, как по команде, уставились на меня.

— Ну-у... — выдавил я, поглядывая в Чашу. — Может, он не выполнил суточный план. Знаете, по убитым зверюшкам. Навёрстывает.

Нэйш продолжал обрабатывать куртку кровью. Потом прошёлся малость и по штанам, и даже по щекам. На волосах он призадумался, потом из всё той же сумки достал тонкую вязаную шапочку, промазал кровью и натянул на голову. Сумку обработал тоже. Хочет отбить запах? Так почему кровью — зелий не взял? Мел говорила же что-то про кровь, а вот что...

Устранитель закончил с косметическими процедурами, снял с пояса длинный охотничий нож и в несколько умелых движений вспорол гарпии брюхо. Достал тот самый флакончик, щедро чего-то насыпал сверху. Отравить хочет мортаха? Так ведь даже мне понятно, что на запах крови гарпии первым делом явятся...

«Урлюлюлюлю!»

...другие гарпии.

Шесть бескрылок, некоторые попозже, некоторые пораньше — видно, неслись на запах со всей территории, на которой обитают. Шипели и лязгали зубами, подступая к трупу сородича. Нэйш снова канул за стволы и заросли, и Мейс Трогири прошамкал в Водную Чашу команду: «Остаться, наблюдать за гарпиями».

На трапезы бескрылок я тоже насмотрелся, потому принялся вспоминать, что Мел говорила насчёт крови. Что бестии на неё реагируют уж очень остро, и на варжескую, и на всю остальную. Настолько, что раненая или опьянённая кровью бестия может даже и на варга напасть — редко, но бывало. У мортаха так же? Но не может же Нэйш надеяться сбить тварь со следа одной гарпией и одним братским обедом. Который, кстати, проходит вполне по обычной схеме: поорать и выяснить, кто главный, приступить к трапезе, ещё раз поорать на менее главных за то, что пытаются утащить куски, поклацать клювами для устрашения, сцепиться и начать убивать друг друга... стоп, что?!

Простая пирушка стремительно переросла в побоище. Примерно, как в кабаке, где кто-то пытается в карты мухлевать. Одна гарпия вцепилась другой в крыльевой отросток, третья впиалась в ляжку четвёртой, на них сиганула пятая, вопя, как моя бывшая, когда я задерживался на работе... А через мгновение шесть гарпий слились в вопящий, дрыгающийся комок, откуда высовывались зубастые клювы, когтистые лапы, летели брызги крови.

— Красавка, — пробормотал я. Трогири опять уставились выразительно. — Это я... кхм, не о напарнике. Он дал им бешеную ягоду. Настой чёрного паслёна, может, в какой-то смеси. Гарпиям выдают на подпольных боях — они от этого звереют. Только остановиться сразу не могут, так что лечить после такого...

Да и потом будут от проблем с пищеварением страдать, ай-яй-яй, — причитала одна

прекрасная Травница, пока Гриз успокаивала беснующихся гарпий, которых она и Мел каким-то чудом уперли на боях...

— У вас разносторонний напарник, — обронил Мейс Трогири, глядя в Водную Чашу, где шло кровавое побоище. — Я думал, он работает только при помощи дарта.

Я видел, как Нэйш дерётся врукопашную и метает ножи, потому справедливо полагал, что сюрпризов у устранителя припасено до второго Прихода Вод. Так что на месте Трогири я бы сразу приказал артефакту следить именно за Нэйшем.

Когда калека оторвался от драки гарпий и вспомнил о «клыке», оказалось поздно.

За стенами поместья грянул трубный визг такой силы, что вода в Чаше качнулась. Трогири цыкнул на сынка, они оба наклонились над Водной Чашей, забормотали туда и заворочали какие-то рычажки вниз. Но из Чаши долетел такой треск и грохот, что стало ясно: такие звуки может издавать только яприль. В том самом состоянии безумной ярости, которое так опасно и которое мне наблюдать, к большой моей радости, не приходилось.

Пока не приходилось.

Огромная туша слепо неслась по тейенховой роще. Крупный самец яприля казался обомшелой скалой, которую стронули с места, толкнули с горы — и она летит, подсакивая и набирая скорость. Окровавленное рыло, налившиеся алым глаза, клыки в половину моей руки — совсем не миляга из питомника. А ещё он вопил. Заходился разрывающим визгом напополам с хрипом, словно бы облакаясь на бегу в бирюзовую дымку магии...

Тресь. Это порвались со звуком бумаги плотные миртовые заросли.

Хрясьмь. Крак. Расселся ствол стройного тейенхового дерева. Наклонился и завалился на соседей, а яприль с разбегу ударил в более мощный ствол (ещё треск), отскочил, вереща, вывернул и подбросил валун чуть ли не в половину себя ростом, понёсся дальше — разнося ценнейшую рощу и сея хаос на своём пути...

— Сколько, вы говорите, у вас было яприлей? — осведомился я, таращась на то, как артефакты пытаются угнаться за непредсказуемо летящей тушей.

Нарден Трогири пялился в Чашу ещё более зачарованно. Но всё-таки ответил.

— Пять. Яприлей у нас было пять. То есть... изначально, они размножались, но некоторых яприлят мы отлавливали... и теперь около десятка, да...

— Уй-й-й, — ответил я с искренним сочувствием.

За стенами поместья взревел, приходя в неистовство, второй яприль. С хрустом упало ещё какое-то дерево.

Удачно, наверное, — когда знаешь слабые точки.

Для семейства Трогири таковой была их милая тейенховая роща — источник неограниченных деньжищ, позволяющих вызывать мортахов, заманивать охотников и покупать горох для пюрешки. Во всяком случае, что старый, что молодой — нависли над Чашей с обалдевшим видом и следили уже за вторым яприлем — самкой. Самка билась именно в деревья, будто решила во что бы то ни стало обеспечить своим хозяевам внеплановую прорубку.

Когда Мейс Трогири наконец-то просипел команду найти Рихарда Нэйша — тот обнаружился в интимной тени деревьев. Наблюдающий за третьим, встревоженно поднявшим рыло яприлем.

Даже и не знаю, кого мне было жалче — свиночку или Нардена Трогири, который изумлённо спросил:

— Да что... что собирается он делать?!

— То, что умеет лучше всего на свете, — возвестил я. — Отравит вам жизнь.

* * *

Нэйш тянул время — это хорошо чуяла крыса. Острозубый, ухмыляющийся грызун в печёнках потирал лапки понимающе — потому что сам бы поступил так.

Не можешь избавиться от того, кто идёт за тобой — затрудни ему охоту. Авось, и ночь переживёшь, если повезёт.

Очень непросто охотиться на кого-то, когда вокруг валяются деревья, всё залито кровью дерущихся гарпий, перепонки трескаются от вопля яприлей, и... боженьки, он что, правда к территории виверниев двинулся? Или там драккайны? Не запомнил по карте. Как же быстро он носится, скотина этакая.

Нэйшу-то, уж конечно, по силам взбесить пару виверниев или драккайн. Тот, кто регулярно ухитряется выводить из себя Гриз Арделл, умеет в принципе достать кого угодно.

Двух Трогири у устранителя достать получилось: оба позеленели, а старший так даже ругался под нос. Это потому, что четвёртый яприль оказался слишком близко к ограде — и незамедлительно в эту самую ограду принялся лупиться.

Артефактная ограда показала, что она не пальцем деланная, и выдержала. Трогири же ударились в обсуждение шёпотом. В основном обсуждалось — выстоит ли ограда после ещё трёх-четырёх взбешённых яприлей. Или одного виверния. И сколько вообще останется от рощи. И что делать «с этим». На мортах в помощи «с этим» охотнички, кажись, уже не рассчитывали. Зря, очень зря. Нэйш, например, принимает эту тварь в расчёт. Иначе действовал бы иначе, а не обеспечивал бы дичи весёлый досуг на всю ночь. Может, конечно, он мортах вымотать хочет — наверняка ведь тот подмял под себя всю рощу, считает её своей территорией, а стало быть, полезет наводить порядки. Но скорее — «клык» просто выигрывает время, чтобы обдумать план, подготовить ловушки, пустить в ход какой-нибудь ещё ресурс...

Или подождать, пока ход сделает кто-то ещё. Кто-то, кому налили вот уже вторую чашечку чая с «Истиной на ладони». И кому отчаянно не хватает времени на подумать, потому что что там что-то не так с этим мортахом и датами: то ли я неверно понял Трогири, то ли он не договорил... Вир побери, что ж там Гриз об этих тварях рассказывала? Идеальные убийцы, идеальные защитники... да, я ещё смеялся и сравнивал их с Тербенно, только вот сравнение было малость неверным. И речь шла о чётком приказе — о приказе и возможностях его отменить, потому что мортахи... они...

Крыса мешала, и ругательства обоих Трогири тоже, и попытки напарника в Чаше всех вокруг бесить. Нэйш оказался в этом смысле самым понимающим: он каким-то зельем довёл до безудержного огнеметания с рвотой и завываниями только одну драккайну — грифоновую. После чего проследил её пламенеющий путь и пошёл отыскивать уютное дерево. Без труда подтянулся, устроился на крупном суку с видом человека, который хорошо поработал. Немного устало улыбнулся наблюдателям, укрылся маск-плащом и прикрыл глаза, прислонившись затылком к стволу. Посреди взбаламученной, обезумевшей рощи это выглядело настолько дико, что оба Трогири аж примолкли на минуту. Потом началось сызнова:

— Послать егерей!..

— Отец, это же неразумно... мы же останемся без служащих, звери их просто убьют, а

приобрести новых... Может быть, мортах сам как-нибудь...

— Оглох, идиот?! Его нужно оттуда убирать! Ты ещё не понял? Это было только начало!

— Но... Дар Щита! Он же устранитель, а они даже не охотники — мы в любом случае лишимся егерей, но не... не решим проблему!

Кажись, Нарден протрезвел за последний час с лишним. Я скромно покашлял, напоминая, что ресурсы-то ещё не исчерпаны.

Остался один, последний, с длинным, скользким, помойным хвостом.

Жёлтые глаза впились в лицо — острее когтей коршуна.

— Вы, значит, недолюбливаете своего напарника?

— Черти водные, — ответил я с жаром. — Вы же с ним общались!

Нарден Трогири передёрнулся и проникся, старик Мэйс хрипло хмыкнул, «Истина на ладони» вкрадчиво пощекотала язык, приглашая выложить всё-всё.

— На самом-то деле это вроде как личное, потому что у нас с ним... как это? Богатая предыстория, как сказал бы один любитель сказочек, не спрашивайте, не хочу накликать. Но вы это вот видали, в Чаше? Так вот, Нэйш так себя ведёт, ну, примерно всегда, так что если кто добрый найдётся загнать его в Водную Бездонь — я бы до конца жизни за здоровье такого героя пил. Только как его, скажем, загонишь? У него же Дар Щита! А так да не так, если вдуматься...

Крыса внутри веселилась на полную и играла с зельем правды в догонялки, так что я почти что и вдохов не делал, нёс напропалую:

— Дар Щита бывает разный. Бывает абсолютный — это когда сохраняет от всего: не только магия, а и... не знаю, ножички метательные, кулаки в морду, кирпичи в голову. Только такое редко встречается, а чаще Щит бывает — с ограничениями, к примеру, защищает только от разной магии: с Печати, с артефактов, у бестий... А вот если где магия не используется — ну вот хоть и в пустошном оружии...

В Чаше полыхали пожары и слышались вопли бешеных зверей. Но оба Трогири теперь смотрели на меня. Младший — туповато. Старший — заинтересованно.

— Нарден, — каркнул он. — У него изъяли оружие Пустошей?

— В-вроде бы да...

— Так поди и узнай!

— Чего там узнавать, — отмахнулся я (или эликсир в моей крови?). — Хорошенький «горевестник», шесть пуль к нему. Это я так, на всякий случай... обзавёлся, да. Вы, правда, лучше меня знаете это, насчёт случаев, у вас же есть небольшой арсенальчик.

— Ваш напарник не дурак, — калека глянул в Чашу. — Знает об ограничении своего Дара. Может действовать палладартом с расстояния. И у него этот маск-плащ. Егеря и лесничие — слюнтяи. Стреляют ещё хуже него, — кивок на сына. — Вооружим их, вышлем туда всех... Поставлю на него это поместье. Они часа не проживут.

Потом он ещё довольно мрачно посматривал, как я хихикаю. А меня так просто распирало от того, что придётся это произнести, а может — это початая третья чашка с эликсиром дала передоз, но только я никак не мог остановиться, пока не выжал наконец:

— Ну, знаете... у каждого есть слабые точки.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Сто лет не видались, — жизнерадостно сказал кузен Эрли, выплывая из темного угла. — Во что это ты влип, братишка?

Вир побери, невезуха какая. Всё-таки Трогири переусердствовали с «Истиной на ладони», или какая там помесь зелий даёт такой эффект?

— Ты же применил «Холодную голову», — напомнил Старый Лис Флористан, выплывая из второго угла. Ручеёк крови на его щеке неприятно серебрился. — И было ещё то ли зелье, то ли артефакт раньше. Если сюда войдёт сотня розовых мортахов — я бы на твоём месте не удивлялся, сынок.

Эрли захохотал, вынул из своего горла ножичек и воспарил к потолку.

— Не отказался б глянуть на такое! Эй, Лайли, давай не жмись. Собирался мозгами пораскинуть — на троих оно пойдёт вернее!

— Я всегда давал тебе хорошие советы, — заверил Флористан и почесал простреленный висок. — А, кстати, ты пристрелял свой «горевестник»?

Я заверил, что ещё как пристрелял — на прошлой увольнительной растратил аж пять зарядов на это дело. Призраки дружно умилились моей предусмотрительности. Я начал понимать, что компания-то у меня не худшая.

— Готовишься, братишка? — Эрли был участлив сверх меры. — И как там твой план? Ты же должен был предложить им какой-то да план, уж я-то тебя знаю.

— Предложил, — признался я и потрогал здоровенный кровоподтёк на скуле. — Можно даже сказать — его приняли. Кхм... с оговорками.

— Хороша оговорочка, Лайли! Но ты им что-то многовато выложил. Прямо как одному законнику из отдела Тайных и Внутренних, а-а-а?

— Он же опять был под зельем правды, — вступился за меня Флористан. — И я бы так сказал, кое-где он не совсем... Но это не главное, главное вот что: мортах. Ты же узнал что-то о мортахе, да, сынок? Выспросил у них или вспомнил?

— В одном уверен — они разбираются в мортахах ещё хуже, чем в травах. И у них точно не было Гриз Арделл в качестве наставника.

— Мортахи — как законники, братишка?

— Мортахи — как законники, ага. Упёртые, как Тербенно. И хитрые, как... ты. Им нужен точный приказ. Тогда они будут ему следовать. Потому что если будет хоть возможность переписать приказ под себя или обойти... Вот о чём говорила Гриз. Вспоминала насчёт мортахов, с которыми приходилось встречаться ей и прочим варгам. Она говорила — умные твари. И останавливаются они в трёх случаях. Когда заказчик произносит формулу подтверждения — то есть изначальный приказ выполнен. Когда заказчик произносит формулу отчуждения — то есть в услугах не нуждаются больше. Но заказчик-то ведь может умереть, а? Или приказ может оказаться неточным. Потому есть третий, самый опасный случай... мортах останавливается, когда сам посчитает, что выполнил приказ. А теперь скажи, Эрли... вот, к примеру, тебе сказали, что нужно повязать контабандиста, чтобы съездить в отпуск. Ты вяжешь одного за другим дюжину, а тебе всё не дают отпуска и повторяют: лови контрабандиста! Если ты повторишь это два десятка раз, а начальство всё

недовольно — что ты подумашь?

— Что я уж как минимум ловлю мелкую шуштуру, когда нужно... а-а-а-а...

Я скучал по этому смеху. И по одобрительным взглядам Старого Лиса.

— Ты всегда отлично влезал в чужие шкурки, сынок. Вот, значит, как. И вот, значит, почему... с датами, да?

— Ага, — кивнул я. — Нестыковочка с датами.

— Отлично, сынок, просто отлично. Теперь-то понятно: это решает две проблемы из трёх. Правда, третья проблема... Что ты будешь делать с третьей проблемой? Ведь он, насколько помню, спас тебе жизнь три раза?

— И не посчитать, сколько раз её изгадил, — Эрли почесал за ухом и фыркнул. — А это только увеличивает проблемность. Пара хороших выстрелов...

— Выстрелы — глупости, — твердил Старый Лис, раскачиваясь, будто в такт качке. — Я пересмотрел своё отношение к оружию с Пустошей после своей смерти. Нет-нет, можно проще, изящнее, а? Просто посмотреть со стороны. Отойти в сторону и посмотреть, да...

— Есть другой выход, — прошептал я, и почему-то в оконном стекле пригрезились печальные глаза, наполненные зеленью. — Рискованный выход.

Эрли и Флористан разом расхохотались так, что комната качнулась и размылась.

— Девяносто семь за один выход — и три за другой, — проплыл надо мною голос Старого Лиса. — Ты же не пойдёшь на риск, сынок? План ведь не таков?

— Откуда вы знаете, каков мой план? — голос сорвался в резкий писк, и собеседники зашлись булькающим смехом.

— Потому что не ты приводишь напарников живыми, — сказал рыжий кот с окровавленной грудью и подкинул вверх метательный ножичек. — Нет у тебя такого правила.

— Потому что ты всегда выбираешь простое, — сказал седой лис, на шкурке которого запеклась кровь.

— Потому что ты — это ты, — отскочило от стен каюты, поваленных бутылок рома, я повернул голову и увидел в отражении бутылки серую вытянутую морду с желтоватыми резцами.

— Потому что главное — выжить, — хрипло сказала морда, и я взвизгнул, кинулся бежать, проскочил по гладким, качающимся доскам, протиснулся, обдирая бока, в приоткрытую дверь каюты...

— Главное — выжить! — неслось на два голоса вслед, но я рванулся подальше от них, в объятия давнего кошмара, где — я знал, будут утробные, жадные вздохи «костоломки», горящие паруса и ночное, бурное море, и трупы на палубе...

Но горели не паруса. Пылало небо, и от этого вода вокруг была цвета крови, а может — это и была кровь, кровавое море без конца и края, и утлый, неуклюжий кораблик на волнах. А вокруг были сплошь острые скалы, виры и пропасти, и кораблик сносило прямо к краю разверзшейся бездны. Рычали звери в каютах, и Уна и Фреза лазили по мачтам и пытались что-то творить с парусами, и звучала издалека будто бы дудочка боцмана, а кораблик подскакивал и крутился, неуклюже раскачивался на волнах...

— Нет рулевого, — сказал кто-то тихо.

Гриз Арделл была непохожей на себя: бледная, с распущенными и приглаженными волосами — и ещё она серебрилась, была в струящемся, лёгком одеянии: то ли хламида, то ли сложенные крылья. Брови у неё были нахмурены, взгляд сосредоточен, и походила на

кого-то виденного давным-давно, только один раз, в высокой белой башне Акантора...

— Как это нет? — я оглянулся и увидел мотающийся без контроля руль. — Разве ты не можешь?..

— Нет, — тепло от её ладони на щеке показалось ожогом — мне нужно лететь, Лайл. Попытайся ты.

— Но я же не умею рулить, — это показалось до того забавным, что я улыбнулся. Но она не ответила на улыбку — тихо шевельнула губами: «Учись». И взмахнула серебристой накидкой, как крыльями, сорвалась с палубы и затерялась то ли в море крови, то ли в море огня, а над головой плеснули огромные крылья, и я понял, что небо горит из-за феникса...

Паруса подожжёт! Палуба вертелась и выскальзывала из-под ног, но я вцепился в горячее, гладкое дерево штурвала, повис на нём, стремясь отвернуть корабль от бездны...

— Держи ровнее, Пухлик! — заорала Мел, появляясь из ниоткуда и вцепляясь в штурвал. — У меня тут мортахи размножаются!

— Куда держать? — завопил я в ответ. — Я же не умею рулить! Нужно...

— Спрыгнуть, мой сладенький?

Поверх моих пальцев легла тёплая ладонь — и алые волны опали перед носом корабля. Аманда запела что-то на языке нойя, мы удерживали штурвал уже втроём, но непонятно было — куда плыть...

— Кто здесь главный? — крикнул я и завертел головой, пытаясь найти фигуру на капитанском мостике. — Какой курс?

Показалось — на фоне пламенеющего неба обозначился силуэт на мостике — и я почти узнал его, но тут корабль резко вздрогнул, заваливаясь на борт. И я ругнулся сквозь зубы, стиснул в потных пальцах штурвал, повис на нём всем весом...

...и вывалился из сна напрямиком в комнату поместья Мертейенх. Пред очи нервного Нардена Трогири. Тот подозрительно глядел, как я расцепляю пальцы, намертво сжатые на столбике кровати.

— Рассвет скоро, господин Гроски, — он прямо-таки потел от предвкушения, а справа и слева от него стояли специально отобранные егеря со здоровенными тяжёлыми «скроггами» с Пустошей. — Пора на небольшую охоту.

* * *

Солнце не торопилось на небо. Вместо этого там проступала куча алых полос. Похоже было, что светило прирезали ночью, а следы как следует не затёрли, так что вот-вот набежит группа бравых небесных законников — для следствия...

Пасть калитки глухо лязгнула за спиной.

— Быстрее шагай, — буркнул егерь Борак, длиннющий и носатый. Рванул меня за связанные руки вперёд. Коренастый безусый Клайс тем временем подтолкнул дулом сзади.

— Честное ковчегническое, не вижу я в этом особенного смысла. Раз — мы продвигаемся на всех парах к ушибленному жаворонку, могу бочку пива поставить — пока будем идти, он проснётся и упорхает. А если даже и нет — услышит, как мы идём и всё равно свалит. Два — я ни разу не был в тейенховой роще, вир побери, ну и красотища!

Шелестели и сияли деревья тейенха — громадные колонны, напитанные теплом. Пахло гарью и немножко — горьким тейенховым соком и взрытой землёй. С каждой жилистой, могучей искрящейся ветки на нас мог сигануть мортах или тот, который похуже мортаха.

Потому ребяташки нервничали и шикали. Зря они так: роща спала, роща притаилась и испугалась. О ночном буйстве бестий напоминали вывернутые с корнем молодые саженцы, пропадины, взрытая земля да обломанные ветки.

Вообще-то, за это нужно было сказать спасибо мортаху.

Это случилось через полчаса после того, как меня начали выспрашивать о Нэйше. Летящая очертя голову самка яприля затормозила ни с того ни с сего. Потом в Чаше обозначилась неясная клякса — словно часть леса, которую малость подкрасили синим с бока. Яприлиха попыталась свернуть, но клякса будто обтекла её, взлетела на дерево и опять оказалась впереди. Снова послышалось хныканье маленькой девочки. В воздухе высверкнуло алое жало.

Самка яприля ещё попыталась было побиться в деревья или проломиться через кусты — но даже в Чаше было видно, что бешенство её оставляет, и она дрожит. Непонятное марево всё время оказывалось перед ней, мелькало жало — и в конце концов яприлиха тяжело вздохнула, бухнулась на бок.

— Поза покорности, — уронил себе под нос старший Трогири.

Неба за тёмным шатром листвы рассмотреть больше не удавалось, но вокруг постепенно светлело. Светлые сумерки тейенха переходили в мутный, но всё-таки день, только от ручьёв поднималась белесая дымка.

Темп и направление задавали егеря. Я шёл между ними, а меня время от времени деликатно попихивали дулами, подсказывая — куда.

Клетчатая рубашка мелькнула в кустах, я остановился и получил полновесный тычок «скроггом» в спину. Тряхнул головой — тьфу ты, просто паутина — и зашагал дальше, и в ушах противно позванивало, а во рту уксусом отдавалась оскомина.

— Давай, ори, — хрипло буркнул Клайс. Стало быть, уже близко. Ну, раз тут нет предрассветной песни яприля...

Я набрал в лёгкие побольше воздуха и заголосил:

— Нэ-э-эйш! Рихард Нэ-э-э-эйш!

«Гу», — хмуро сказала с ветки какая-то птица, которая и без того пережила не самую лёгкую ночь.

Парни вошли во вкус и пихали меня теперь двумя стволами, я орал всё сиплее и жалобнее, а тейенховая роща молчала, и с деревьев не торопились сыпаться идеальные убийцы, всё равно какого рода и племени.

Так что вступил Клайс — при помощи артефакта-усилителя.

— У нас твой приятель, и он под прицелом двух «скроггов»! — заорал егерь. — Выходи и скинь маск-плащ, а то мы твоему дружку мозги высадим! Эй! Слышишь!

Звучало чертовски решительно. Толчок в плечо был болезненным по-настоящему.

— Нэ-э-э-эйш! — заорал я. — Рихард Нэ-э-э-эйш!

— Мы знаем, что ты здесь! — подключился Борак. Он звучал менее решительно, но более басисто. — Выходи, и без твоих штучек! Иначе он труп, понятно? Даём тебе четверть часа, чтобы показаться! Мы тянуть не станем! Попробуешь напасть — убьём его тут же! Ты, ори давай!

— Нэ-э-э-эйш!!

Издавательское молчание да перекличка встревоженных птиц. И любопытный шёпот листьев в кронах. Листьям тоже интересно — а не навернётся ли кой-чей план, споткнувшись о нежелание Нэйша играть в «Спасите Лайла» в четвёртый раз. Может быть,

три раза — для него предел? Может, он открыл для каждого из ковчезников собственный счёт в ушибленной головушке? Что, если он попросту решит не отзываться? Или посмотреть на решимость тех, кто держит меня на прицеле?

Потому что с решимостью-то всё просто отлично.

— Десять минут! Потом мы прострелим ему ладонь с Печатью! Потом начнём поминутный отсчёт! Мы знаем, ты слышишь!

Дуло «скрогга», который держал Борак, теперь упиралось в висок. Клайс целился в правую ладонь. Надо же, ребята сносно управляют с оружием Пустошей. И знают, как держать под прицелом мага. Кем, интересно, они были до Города Рабов?

— Нэ-э-эй... — голос сорвался, а «эйш-эйш-эйш» стухло где-то между деревьями. — Вир побери! Они хотят меня убить!!

И если он не появится — наверняка это и сделают. Я же говорил своим галлюцинациям — с моим планом не то чтобы согласились... Малость подредактировали.

— Пять минут! Мы прострелим ему Печать! Выходи без маскировки! Мы знаем, что ты нас слышишь! У нас твой напарник! Выходи сейчас! Четыре минуты!

— Нэйш, ч-ч-чёрт тебя, они настроены серьёзно! Хватит выпендриваться!

Хотя ему же наплевать — есть ли у меня магия, сколько у меня пальцев или сколько ушей. Вполне может подождать ещё полчаса.

— Три минуты! Выходи сейчас, или мы его убьём! Прострелим Печать! Отрежем всё лишнее!

Кажется, я догадываюсь, кем эти ребята могли быть до Города Рабов. Нужно спросить — они не знают Фрезуанду Волнорезку?

Хотя нет, нужно поорать перед мучительной агонией, когда моя Печать окажется прошибленной пулей.

— Нэйш! Прошу! Ну же!

— Две минуты! Две минуты, потом он лишится Печати! А потом умрёт! Из-за тебя Выходи сейчас же без маскировки! Одна минута! Отсчёт пошёл, мы будем стрелять!

Крыса немо орала где-то в груди. Пока Борак распутывал верёвки, а Клайс шипел: «Вытяни руку перед собой, ладонь вниз, попытайся ударить магией — мозги тебе вышибем». И мокрое от пота дуло тыкалось в висок, и стекала по нему холодная капля, и нужно было додумать: я же знал, вир побери, я же догадывался, что так и будет, просто иначе не складывалось, и это была единственная возможность...

Один шанс из сотни, чтобы не убрали сразу, как свидетеля.

— Десять секунд! — гаркнул Клайс, и к ладони прижалась холодная сталь. — Мы стреляем! Девять!

Я зажмурился и закусил губу.

— Восемь!

Роща вымерла, и только азартно перекрикивались прощальники с ветвей: «Ай! Ай! Прощай!»

— Семь! Шесть!

Лёгкий шорох чего-то соскальзывающего с веток. Мягкий звук шагов. И тяжёлое, рваное дыхание егеря над ухом вместо продолжения отсчёта.

Когда я приоткрыл глаза, Рихард Нэйш стоял ярдах в двадцати. Словно недобрый лесной дух: на щеках остались следы крови, на светлых волосах тоже. Сумки при нём не было — духам не положено, — а маск-плащ устранил как раз красиво опустил на землю.

— Я же говорил, Лайл, — будто мы виделись минут пять назад, а я просто сбегал в уборную посреди разговора. — Пора нам с этим завязывать.

— Полностью согласен, — прохрипел я. Дуло теперь упиралось только в висок: Клайс взял под прицел Нэйша.

— Вынь палладарт и брось на землю. Вместе с цепочкой.

— Оружие Пустошей, — раздумчиво сказал Нэйш. — Ты с ним знаком, Лайл?

— Э-э... есть немного.

— И что скажешь?

— Если ты убьёшь того, что слева — правый успеет меня грохнуть.

— М-м-м.

— А если ты ударишь по правому — они успеют грохнуть нас обоих. Хотя тебя-то, может, Дар спасёт. Проверишь?

Нэйш совершил неопределённое движение бровью, которое можно было истолковать, как «Почему нет». Егерей такая мимика не устроила.

— Брось палладарт, или мы стреляем!

— В него или в меня? — осведомился Нэйш, и палладарт неспешно всплыл в воздух над его ладонью.

— В обоих, — отрезал Клайс, сделал несколько шагов назад и оказался на исключительно выгодной позиции. Я его теперь не видел, расстояние для палладарта было великоватым, и даже если бы Нэйш успел нанести удар и уйти из-под выстрела — я неминуемо оказывался трупом.

— Дарт в обмен на Лайла Гроски, — устранитель огорчённо качнул головой. — Аманда бы сказала: плохой торг. Ты как полагаешь, Лайл?

— Как будто ты... меня... слушаешь.

— Ну, для разнообразия... Как думаешь, мне стоит остаться безоружным ради тебя? Так будет лучше? Ты посоветовал бы мне это вот в этой ситуации?

Манतिकорий сын. Я сглотнул прохладный утренний воздух и закрыл глаза, чтобы хоть лица его не видеть.

— Да. Я... советовал бы тебе это. Просто поверь... если сможешь: это лучший из выходов. Доволен? Или что — мне нужно перейти к горячим просьбам, мольбам, или... вир побери, Нэйш, ты ж всё равно сделаешь, как решил, а сейчас просто удовольствие получаешь.

— Бросай дарт, или... — дуло «скрогга» вжалось в висок — это Бораку показалось, что о нём малость забыли.

Устранитель вздохнул и убрал ладонь, позволяя *атархэ* упасть в траву — и я медленно проводил глазами кувыркающееся серебристое лезвие.

Когда я поднял глаза на Нэйша, тот улыбался почти добродушно.

— Сколько проблем с тобой, Лайл. Но правило есть правило, верно?

— Спасибо, — шепнул я. — Спасибо...

Серебристая игрушка, скрытая в широком рукаве куртки, скользнула в правую ладонь, и через секунду в лицо устранителю смотрело дуло «горевестника».

— А теперь подними руки, сделай пять шагов вперёд и опустишься на колени.

Пару мигнов он изучал сперва дуло, затем — дольше и с куда большим интересом — моё лицо. Потом «клык» вскинул брови и показал зубы в обворожительнейшей улыбочке, будто я преподнёс ему невесть какой сюрприз.

— Даже и так?

— Ну, ты сам твердишь — у каждого есть слабые точки.

Старикан Трогири в своей «комнате уединения», небось, пеной в этот момент от азарта изошёл.

— *Отпустить вас туда связанным и под прицелом егерей?* — переспросил он, когда я выложил ему часть плана. — *И вы думаете, он бросит оружие? Позволит связать себя? Ради вас? Вы видели те картины в холле? Мой атархэ? Даже если под прицелом стоял бы мой сын...*

Нарден Трогири смущённо покашлял. Я постарался ухмыльнуться как можно безмятежнее.

— *Правило есть правило. Он всегда приводит напарников живыми. Это его слабое место. Его маленькая традиция, которую он и до ковчежников соблюдал. Оцените, насколько она ему дорога, если как-то раз он схлестнулся с ордой йоссов, почувавших кровь. Та ещё была схваточка, мне говорили. Так что, как бы это сказать, слабая точка моего напарника стоит прямо перед вами.*

— Слабые точки, — повторил Нэйш, пока неторопливо отмерял пять шагов с приподнятыми руками. — У тебя это желание выжить, не так ли, Лайл? Страх. Или ещё и деньги? Что тебе предложили?

— Вот видишь, мы с тобой друг друга поняли. Куртку долой, пояс с ножнами и зельями тоже. Клайс, подбери дарт, сразу суй в сумку, чтобы не призвал.

Егерей на самом деле выбирал я. Тех, которым в Тавентатуме не вышибли мозги окончательно. Клайс так точно сохранил творческую натуру: когда я приказал мне врезать — вмазал так, что в ушах зазвенело.

Но что тут поделаешь, если всё должно было выглядеть естественно: бедолаженька-напарник-заложник, связанные руки, угроза для жизни. Следы побоев, а как результат...

— Помнится, мы это с тобой уже проходили, Лайл, — говорил Нэйш, неторопливо стаскивая куртку. Под ней оказалась плотная, но тонкая вязанная кофта без пуговиц, наподобие тех, которые богатеи надевают для новомодной гимнастики. — Как там было? Второй совместный выезд, беспаятники. Два твоих гильдейских товарища, один из них с арбалетом... Чем же это закончилось, не припомнишь?

Воспоминания трянули ознобной болью. Светящиеся стволы тейенха на миг сложились в сырые стены рифской допросной.

— Мы стали лучшими друзьями, а мои друзья, как известно, долго не живут, — я держал серебристую игрушку с пустоши таким манером, чтобы это не оставляло сомнений. — Есть пара отличий, если вдуматься. В тебя сейчас целятся трое, ты не в белом, да и... заведи руки за спину. И помни: эта штучка как-то сделала прореху в твоём костюме. Вздумаешь чудить — и я наделаю прорех в тебе.

Момент был опасным. Мускулы под чёрной облегающей тканью были уж слишком расслабленными — от этого казалось, что я смотрю на алапарда, который втянул когти, чтобы подождать добычу.

— Значит, Шеннетен, — голосок у «клыка» был прямо-таки порхающим, а вот глаза обратились в две прозрачные льдинки. — Ты запасся оружием в трюфельном хранилище...

— Как знал, что пригодится. И уж поверь, свои навыки я обновил.

Нэйш склонил голову набок, оценил то ли мою стойку, то ли то, как оружие лежит в руках. Но проверять не стал. Хотя заткнуться явно было выше его сил.

— Обновил не только навыки стрельбы, вижу. Так задерживают в Корпусе Закона?

— Там тебе придавили бы ладонь с Печатью и отпинали ногой под рёбра, чтобы не трепался. Так что не искушай.

Ещё в Корпусе есть особые наручники — вроде рифских кандалов. Магические, с кристаллами-артефактами вместо ключа. У Трогири в поместье не водилось такой красоты, потому довольствоваться пришлось верёвками. Борак уже доказал, что вязка узлов — его конёк.

— Поднимайте его, ребята. Держите под прицелом. Напоминаю — дёрнешься, и Уна будет плакать очень громко.

— Наверное, не она одна. И разве предполагается другой исход?

— Просто небольшая прогулочка в сторону поместья. Можно сказать, тебя приглашают сыграть в «Вершину цепи». Может, тебе даже и понравится.

Мэйс Трогири долго смаковал так и этак, поглядывая в Чашу, где мортах потихоньку укрощал зверей. Потом поднял на меня глаза:

— *Вы предлагаете нам содействие, я верно понял?*

— *Так уж вышло, что я как раз подумывал сменить работу в питомнике. Скажем, на что-то более привычное. И раз уж вы всё равно меня туда закинете — почему не проверить мою полезность, а? Заодно получите небольшое развлечение, которого так хотели. Вам же хочется взять этого ушибленного живым?*

Нарден ещё пытался что-то говорить, но в глазах его папашки уже полыхнул азарт охотника.

— *Ваши условия?*

— ...жизнь, немного звонких монет и постоянная работа на поприще загонщика — думаю, Аманда назвала бы это хорошим торгом. А с тобой... ну, тебе в некотором роде хотят оказать честь. Удостоить кой-какого знакомства. И уж во всяком случае — убрать тебя отсюда после того, что ты наворотил. Боженьки, ты всегда оставляешь после себя пепелища?

Настороженная роща переливалась, словно храм во время праздничной службы. Гирлянды твёрдых, словно вырезанных из кости, плодов, тонко благоухали чем-то вроде нарцисса, и светились жёлтым. «Гу. Гу. Гу», — устало твердила птица над головами.

— Иногда приходится. Когда ничего больше не остаётся. Ты знаком с этой концепцией не хуже меня, Лайл. Разрушение ради выживания... так?

Интересно, что будет, если слегка дрогнуть пальцем на спусковом рычажке? В увольнительной я палил по тыквам — так забавно брызгали оранжевым соком.

— Но одно мне действительно интересно. Ты правда готов меня убить?

— Вообще-то, я предупреждал.

— А. «Не поворачивайся ко мне спиной». Не то чтобы это звучало серьёзно — учитывая то, кем ты являешься. Точнее, кем ты *не* являешься.

— Черти водные, вот сейчас ты скажешь, что я не такой, и мне придётся прослезиться.

Нэйш чуть повернул голову. Выражение его лица не читалось вовсе — зато видна была приподнятая бровь.

— Вообще-то, я *правда* не считаю тебя убийцей.

Пришлось собраться с силами, чтобы не выронить «горевестник».

— Точнее, ты не тот тип убийцы, — поправился Нэйш, столкнувшись со слишком явным обалдением собеседника. — Как я уже говорил, я недолюбливаю лишать людей жизни. Но я собрал впечатляющую коллекцию тех, кто умеет это делать. Ты безусловно способен убить в крайнем случае — но отнять у человека жизнь обдуманно и

хладнокровно... нет. Ты не наслаждаешься этим, Лайл. Тебе это противно. Потому тот случай с твоим кузеном меня удивил. Чем он угрожал тебе? Должен же ведь быть некий угол, в который тебя загнали, Лайл. Ты убиваешь только в момент последнего выбора — ты или другой человек. Всегда выбирая себя.

«Всегда-всегда», — насмешливо пропели голоса кота и лиса из дрянного сна. Я зажмурился и потёр зудящую переносицу стволom «горевестника». Ладонь дёргало болью — от нервов, перенапряжения магии, кучи зелий, — и ствол казался слишком холодным.

— Скажи мне, что это плохо. Знаешь, если уж выбирать между мной и тобой...

Пришлось обойти капкан. Старую, расставленную кем-то из нынче мёртвых охотников ловушку. Ловушка Нэйша была потоньше и лучше замаскирована, я угодил в неё всеми лапками и хвостом и понял, что сейчас дождусь трёх милых, аккуратных иголок под кожу. Трёх напоминаний о том, когда он *мог* выбрать себя.

Поместье Линешентов. Морозное нагорье. И грязный притон в Вольной Тильвии сутки назад.

— Это не плохо. Это естественно.

Вот это уже было вовсе неожиданно.

— Помнишь, мы говорили с тобой о бесконечном круге «жертва и хищник»? В этом круге выбирать себя — наивысшая потребность. Для жертв и хищников — в твоём случае, возможно, для паразитов. Неестественно и неожиданно скорее иное.

— О, ты пытаешься сказать, что ты меня прощаешь?

— Скорее уж — я тебя понимаю, Лайл. Правда, понимаю. Что, конечно, не отменяет твоей мучительной смерти в том случае, если передо мной встанет подобный выбор. Раз уж ты включился в эту небольшую игру...

Он опять повернул голову так, чтобы видеть меня — и теперь подарил усмешечку, микроскопическую, но очень, очень острую. «Извини, но я сдеру с тебя кожу, если будет возможность. И сделаю это медленно» — ладно, а я-то чего ожидал?

— Впрочем, есть другой путь, — продолжил Нэйш философским тоном. — *Путь варга*. Гриз Арделл, как известно, выбирает кого угодно *вместо* себя. И старается сохранить любую жизнь до последнего.

— В любом случае, мы с тобой не гуляем по таким дорожкам. Не пойми неверно, я бы, может, не прочь, и вообще, полон к тебе горячего расположения. Так что может, какой-то шанс и есть, дальше увидим.

Удалось или нет вложить нужную многозначительность в голос?

— *Мне придётся оставить ему надежду на то, что это двойная игра, — говорил я, когда мы расписывали всё по пунктикам: егеря, мои связанные руки, горевестник в рукаве. — Вы, само-то собой, будете слушать, через артефакты. А я, уж конечно, не смогу заорать ему: «Эй, напарничек, я вытащить тебя отсюда явился!» Да он и не поверит. Не какой-то шанс оставить надо — так он будет спокойнее. Не подкинет неприятных сюрпризов, понимаете?*

Желтоглазый старикашка в кресле пожёвывал гороховое пюре и кивал, ухмыляясь косой прорезью рта.

— *Что касается питомника...*

— *Ха. Я улажу дело — никто не подкопается. Да и вообще, сомневаюсь, что по нему будут скучать.*

— Гриз расстроится.

Могучие корни сплетались под ногами и тоже едва заметно светились изнутри. Егеря переглядывались тревожно. Наши разговоры им явно были поперёк горла.

— Зато у Мел будет праздник. И у Яниста. Возможно, и у Аманды. Новые Перекрёстки ха.

— Но Гриз расстроится. Ты даже не представляешь себе, насколько.

— Кажись, у неё теперь есть, кому утешить. Ты что — заговариваешь мне зубы? Это вроде как моя работа.

— Думал, что твоя работа в основном втираться в доверие, а потом бить в спину. И бежать. Хотя нет, бежать — это результат.

— Знаешь, когда ты говоришь — во мне как будто что-то помирает.

Очень может быть, это остатки совести. Хотя нет, едва ли. Наверняка это чёртов грызун.

— Может, стоит идти потише? — это уже Борак, к нему вернулась вежливость после того, как мы доиграли трагедию «Пленённый напарник». — Зверь, знаете ли...

— Следит, — любезно откликнулся Нэйш, и крыса внутри перестала царापаться, но зато и разродилась двумя дюжинами мелких, ползучих крысенят. Холодных и влажных, и все носятся по хребту. — Как ты думаешь, Лайл, с учётом того, что я связан, а ты держишь меня под прицелом... Кто из нас кандидат для следующей атаки?

— Чёрта с два, — возразил я, но сделал это шёпотом. — Я-то не охотник.

— Безобидный милый грызун, и мы все это знаем. Не крадёшься, никого не выслеживаешь, а это просто дружеская прогулка, во время которой я безоружен и почему-то держу руки за спиной. Говорят эти милые создания смотрят на мир довольно иерархично. Так вот, если ты...

Я запнулся за толстенный корень, выругался шёпотом и от души посоветовал Нэйшу заткнуться, пока мы не решили, что мортаху пора завтракать. Устранитель хмыкнул и замолчал почти что до калитки.

А недобрый взгляд щекотал между лопатками. Что-то бесшумное, но быстрое шло по деревьям, иногда оказывалось справа, слева, сверху — и наблюдало, оценивало, прикидывало.

Готово дело, привлекли внимание. Неплохо бы — чтобы мортах и дальше шёл следом, только б не влез... В конце концов, никто из нас тут пока что не охотник, а? Связанный устранитель, два егеря-раба, которые вот-вот наперегонки рванут к заветной калиточке. Да толстая пожилая крыса, перепуганная и уповающая на свою удачу игрока...

Нэйш заговорил, когда впереди замаячила ограда, и бедолаги-егеря рванули открывать калитку, наплевав и на приказ, и на меня. Он остановился — теперь под прицелом только моего «горевестника» — повернулся вполоборота, глядя не на меня и не на оружие, а куда-то в лес. И обращался словно бы даже и не ко мне.

— Не боишься заиграться? — едва слышный шёпот продрал морозцем по коже. — Игра в «Вершину цепи» многим стоила жизни. Особенно когда не можешь определиться с целями... или со стороной.

В ответ он получил крысиный оскал.

— Будь спокоен. Насчёт стороны я уверен на все сто.

Или может быть, где-то на девяносто семь... как там говорил Флористан из сна? Нет, даже девяносто восемь. Два шанса против девяносто восьми — в вир болотный, у меня нет никаких особенных правил насчёт «привести живыми...»

Ни по поводу напарников. Ни по поводу заказчиков.

— А если вы лжёте? — спрашивал Нарден Трогири и по рассеянности прихлёбывал из отцовского поильничка. — Если он нас предаст?

— Он под «Истиной на ладони», — щерился калека. — Даже если бы принял общий антидот — на зелье правды они не работают. Он нам не лжёт.

Замечательное зелье, покивал я и допил третью кружку с густым бирюзовым осадком. Располагает к откровенности и не снимается общим антидотом. Солгать ты всё равно не сможешь.

Только вот если ты собираешься кое о чём умолчать — общий антидот всё-таки помогает.

Мэйс Трогири не очень-то хорошо разобрался в зельях двадцать лет назад, и с годами знаний у него не прибавилось.

Это будет роскошная игра, — заверил я внутреннего грызуна, пока мы медленно шли к калитке. «Вершина цепи». Неостановимый круг «убийца-жертва».

Три охотника на одной арене — и маленькая крыска, которая остаётся в живых, потому что не участвует.

В роли случайного свидетеля есть куча плюсов, если вдуматься. В моём случае эта роль решает вообще все проблемы.

Калитка распахнула нам объятия, егеря потянули Нэйша внутрь. Маленькая ампулка хрустнула под ногой — и игра в «Вершину цепи» началась.

Только бы клятая тварь не подвела.

ЗВЕРЬ

Я самый сильный. Самый быстрый. Самый умный.

Но я промахнулся.

С Ним — промахнулся.

Он тоже быстрый. И сильный. И умный. Поставил ловушку — бросил синей пылью. Потом воздух стал жгучим, опалило изнутри, и на миг я потерял Его. Но всё равно я мог бы пойти за Ним, по следам магии. И Он не быстрее меня. Не сильнее меня. Он — как другие охотники, которые были целями. Только лучше.

Ушёл я не поэтому, а потому, что промахнулся. В первый раз.

Усомнился в цели.

Найти Охотника. Убить Охотника.

Охотник ли Он? От Него пахнет кровью и смертью, и ещё магией Защиты, не такой, как у Запретительной Черты, раньше я такого не чуял. И есть что-то ещё, что-то иное, чего я тоже не чуял раньше.

Хищник, но не охотник? Убийца, но не охотник? Или Он притворяется? У Него есть защитный окрас. Может, есть ещё хитрости? Чтобы я неправильно чуял?

Моё чутьё пострадало, и приходится потратить время. Я нахожу хороший ручей и окунаю в него морду. Убираю защитные чешуйки и пробую языком. Двое из тех, которых я убил, пытались положить в воду яд, но я сразу всё понимал.

Пью и отдыхаю в воде, струи щекочут морду, вымывают жгучее из ноздрей. Синее, блестящее на боку очень липкое. Нужно оттереть о траву и кору.

Чутьё возвращается, и скоро я смогу найти Его. Надо за Ним понаблюдать. Может быть

его послал тот, главный Охотник из логова, чтобы запутать меня?

«Найти Охотника. Убить Охотника», — властно звенит под кожей.

Ухо ловит громкие крики. А чутьё начинает слабо различать кровь вдалеке. Вонючие Крикуньи дерутся над добычей. Глупые жертвы. Они мешают: чутьё ещё не вернулось, и я слышу только кровь, кровь, вонь и вопли.

И потом ещё визг и треск, и хрип. Это ещё одна жертва, из Больших-с-копытами, выходит из себя. Обычно они покорны. И хотят только еды и сна. Может быть, этот встретил Его? Но жертва только ранена, ранена и разозлена.

Нужно посмотреть. Понаблюдать. Прекратить. Это моя территория. Жертвы должны быть покорны. Соблюдать мои правила.

Я становлюсь ветром и иду к одному из Больших-с-копытами. Это самка, и она ближе всего. Приходится погнаться за ней и напомнить, что нужно быть покорной. Сначала она упряма, потом показывает, что подчиняется.

Тогда я иду к Вонючим Крикуньям. Они дерутся над телами двух своих. Чутьё работает плохо, и всё забивается кровью. И Крикуньи в крови, и не хотят подчиняться. Тогда я просто убиваю ещё трёх, а остальные разбегаются.

Кровь просачивается в чутьё, кровь и жгучее, которое ещё действует. Он тут был? Я ищу в округе и нахожу отпечатки Его ног. Если Он тоже наблюдал за Крикуньями, то я близко.

Слишком шумно. Ещё один из Больших-с-копытами взбесился и бьётся в деревья. Беспорядок. Вызов. Нужно прекратить.

Я обращаюсь в воду, в лес, в ветер. Останавливаю глупых жертв. Они слышат не сразу. Но потом всё-таки принимают позы покорности. Понимают, что я самый сильный.

Только Дышащая Огнём бросает мне вызов, и приходится убить и её тоже. Она молода и вкусна, и я подкрепляюсь ею.

Чутьё почти вернулось, но слишком много гари вокруг. И запаха магии, и страха, и бешенства, и горького древесного сока. И крови. А Его я совсем не чую, наверное, Он очень хорошо запрятал следы.

Хочет схитрить. Выманить меня сейчас. Но я слишком много обращался в ветер, и я поел и уже не так лёгок. Нужно подождать света. Тогда последить.

Я оттираю остатки синего, блестящего: катаюсь по траве, трусь о стволы деревьев. Заскакиваю на дерево. Дремлю и прислушиваюсь. И думаю, почему я промахнулся.

Свет приходит с большим шумом. Это идут жертвы, посланники того, из-за Запретительной Черты. И ещё кто-то с ними. У него холодная магия и незнакомый запах.

Никто из них не охотник. Новая жертва — неуклюжая и смешная, громко пыхтит и много разговаривает. Другие пихают этого, как будто они тут хищники. Они хотят охотиться на него на моей территории? Или съесть его? Или отдать мне?

Всё это очень интересно, потому я превращаюсь в листву и слеую за ними.

Потом они кричат. Зовут кого-то, и в голосе того, нового — страх. И ложь. В голосах двух других — угроза и тоже страх. Это ловушка. Приманка. Как если бы вкусного козлёнка привязали к капкану. Один из охотников, которых я убил, так поступил.

Тот, кого они призывают, здесь. Также следит за ними, тихий и невидимый для них. Я вижу и чую Его сверху, но не начинаю охотиться. Они с Ним вместе? Или охотятся на Него? Но тогда они — охотники, а Он — жертва? Этого не может быть.

Но Он зачем-то выходит к ним, снимает маскировку. Потом отбрасывает своё жало. Потом принимает позу покорности, потому что тот, третий угрожает ему чем-то.

Я самый умный, самый хитрый. Легко читаю следы, запахи, магию. Вижу ловушки.

Но я запутался.

Тот, третий внизу низкого роста и слишком жирный для охотника. Магия его слабая. Но я слышу в нём что-то не то. Он носит с собой ещё магию? Или это то, как он ведёт себя?

Они все идут теперь к Запретительной Черте. И я мог бы убить их всех, но не стану. Они не угроза. Не охотятся. И не бросают вызова.

Опять превращаюсь в листву и слежу за ними. Может быть, этот, третий, тоже хищник и охотится на Него? Обманул Его и поймал в ловушку? Тогда получается, что тот лучший охотник. И того надо убить, хоть он и выглядит безобидным.

Или они все тут жертвы, а это — ловушка для меня от Того-что-в-Логове?

У Запретительной Черты они останавливаются, и я думаю, не броситься ли на них. Но это плохая охота. Слишком быстрая. Но если прореха в Запретительной Черте откроется — может быть, я смогу проскочить внутрь? Найти, кто там есть, в логове?

Я пытался раньше, но у тех, кто там засел, есть глаза в воздухе. Они следят. И не открывают прореху, если я близко.

Две жертвы и два хищника проходят за Запретительную Черту. Я иду за ними и тут слышу странный запах. След того, третьего, пахнет невиданным, огромным хищником. Большой добычей.

«Иди за мной, там большая охота», — шепчет след, и я иду к Запретительной Черте, к прорехе в ней, потому что это так интересно и соблазнительно.

Ловушка? Нет?

В магии Черты зияет дыра, я чую её. Дыра отдаёт магией холода. Они оставили мне проход? Хотят, чтобы я пошёл прямо в логово?

В логове может быть ловушка. Но в логове может быть Охотник, которому покорны все другие. Может, он прислал этих двоих, чтобы они заманили меня к нему?

Цель стучит в крови, цель подталкивает. Исполнить цель и уйти, и получить ответы на вопросы, и быть свободным.

Я беру разбег и опускаю защиту, и зову мою магию. Металл поддаётся под моим ударом. Слышны крики испуганных жертв. Пусть себе кричат и бегут. Я иду по следу.

Найти Охотника. Убить Охотника.

Если они все окажутся Охотниками — я просто убью их всех одного за другим.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Грызи в припадке заботы приказала Конфетке не давать мне бодрящего. Теперь лакаю «Верный глаз» не чаще остальных в питомнике (может, малость чаще). Зато и вырубаясь мгновенно.

В узенькой комнатухе — терпкий запах трав, захватывает и кружит. Нырять в сон, будто в вир. И вижу что-то удивительно приятное. Вроде бы, даже бью морду Мясику. Только вот меня пихают в бок, и сквозь сонный покров приставучим ростком проклёвывается шёпот:

— Мелони, Мел!

Резун под подушкой сам вползает в ладонь. Ещё секунда — и я сделала б дырку в бывшем наречённом.

— Сдурел? С Грызи перепутал — так она в другой комнате!

Его Светлость в полутьме перекрашивается в рассветные тона.

— Прости, я... это непозволительно с моей стороны, но...

Случилось чего, что ли? Приподнимаюсь на локте.

— Мне тревожно.

С приглушённым стоном валюсь обратно. Ладно, малого чуть не сожрали недавно, так что его сейчас и эликсиры нойя не возьмут. Но если он тут, чтобы всю ночь делиться своими переживаниями — не знаю, на сколько меня хватит.

— Из-за Грыз, — поправляется Янист. — Понимаешь, у меня такое ощущение, что... будто бы она уже поняла решение, понимаешь? После того, как Аманда сказала про ту варгиню, Креллу. Будто бы Грыз... ну, знаешь... пойдёт одна.

Морковка ждёт, что я обзову его дурнем и перестраховщиком и пошлю в вир болотный. Но я-то кое-что знаю про Грызи.

Просыпаюсь совсем. Приоткрываю ладонь с Печатью и вслушиваюсь в дом.

Храп хозяйки с размаху ударяет по голове. Будто два яприля пытаются перепилить дерево. Простуженные яприли. Ржавой пилой. И что тут услышать можно? Разве что если половицы заскрипят, вот они не заскрипят, потому что...

Если она задумает уйти — уйдёт не так.

Прижимаю палец к губам, выскальзываю из-под одеяла. Амулет-антиподслушка в самом низу сумки. Чем бы нагреть? Убираю защиту с фонарика и вытряхиваю кусок мантикоровой желчи прямо на амулет. Прикрываю пустым ночным горшком, чтобы свет не был виден. Морковка наблюдает за моими приготовлениями с непониманием на веснушчатой физиономии.

— Одежда твоя в комнате? Будь тут, я принесу.

Как он ещё весь дом не поднял, пока ко мне крался.

Чую ступнями в носках каждую половицу. Мысленно прошу двери не скрипеть — и они слушаются.

Инстинкт говорит, что за тильвийскими лесами притаился рассвет. Рулады хозяйки набирают спелости и глубины. К простуженным яприлям подваливает компания пьяных скроггов. Потом голодный алапарт. Торопливо хватаю барахло Яниста, задвигаю арбалет в

сумку, сверху трамбуя сапоги и шапку. Напоследок вслушиваюсь — ищу за раскатами храпа знакомое дыхание. И нахожу. Только не такое мерное, как у спящих.

Обратно крадусь в два раза медленнее и осторожнее. В комнате кидаю одежду Янисту.

— Сапоги надень, маску на лицо, остальное пока не надо.

Сама начинаю открывать окно.

— Окно?! — поражается Морковка позади.

— Ага, надеюсь, сигналок от воров нету. На двери точно есть какая-нибудь дрянь, хоть засов, хоть колокольчик. Запалимся, так она сама в окно выскочит — потом не догоним.

— Ты... мне веришь?

— Не, просто в окно охота выйти. Если Грызи что-то такое решила — она не будет тихонько мимо проходить, ясно? Тут у нас тревожный ты, нойя и Следопыт. Так что она нас всех вырубит. Маску на лицо, кому сказала!

Ночью тащиться по незнакомой местности на рожон глупо. Так что Грызи дожждётся своей любимой поры — предрассветной. А там уж глушанёт всех, чем — неясно, может, «Бирюзовым сном», может, чем полегче, у неё в сумке всего полно.

Хорошо, если до полудня очухаемся.

Рамы разбухли, скрипят и не поддаются. Подходит Морковка и от расстроенных нервов чуть не выдирает раму из окна. В лицо лупит морозным воздухом. Высовываю голову, проверяю, что внизу.

— Давай, лезь. И тихо, понял?

Окошко для Морковкиных статей узковато. Каким-то чудом пропихивается, принимает из моих рук вещи, глушилку, потом принимает меня. Ставит на утоптанную снежную дорожку — верх галантности.

Осторожно прикрываю окно — может, и не обратят внимания на сквозняк. Окно Грызи и Конфетки на другой стороне дома. Хозяйский пёс-пустолайка заводит стократное «вай-вай-вай-вай!», когда мы с Янистом перемахиваем через забор там, где поближе. С разных сторон звучат собачьи ругательства — но скоро умолкают.

Теперь надо отойти так, чтобы перехватить Грызи на пути к реке. Уходить она будет по воде, пешком до третьей деревни долго. По пути натягиваем куртки-шапки, заматываемся шарфами. Промозглая сырость влезает в рукава, Морковка нервно хихикает рядом:

— Немного иначе представлял себе наш побег... — и замолкает со вздохом.

Во мне копится злость, побольше, чем в закромах сумчатого шнырка. На слишком острую чуйку Морковки, на слишком тупую свою, на то, что пришлось лезть в окно. На Грызи и на эту Креллу, из-за которой приходится морозить зад поутру.

На подходе к речному мостику раскорячился дуб-патриарх, весь в буроватых опшмётках листвы. Затягиваю Морковку за патриарха. То что надо: собак не побеспокоим, нужный дом видно, дорога к реке как на ладони. Остаётся понадеяться, что Грызи не решится уходить огородами.

— Приличия, да какого вира, — бубню под нос. — Остался б с ней в одной комнате — Конфетка ж предлагала? Ну, и убеждал бы... чтобы без дуростей... по-всякому.

— Ты серьёзно думаешь, что её может кто-то убедить? — верно понимает сущность Грызи Янист.

Так и тянет ляпнуть, что, мол, у Мясника получалось, раз она его не выставила из «Ковчежца» к вирам свиньячим.

— Она меня бы вырубилa первым, — ёжится Морковка. — И в любом случае — мы с

ней не настолько...

Будто я не знаю, что Морковке надо сперва трепетно гулять под луной за ручку, потом стихи-цветы-свиданки в сени дерев, а потом поцелуи в щёчку.

Его Светлость перетекает в занудную свою ипостась и шёпотом разливается насчёт того, что отношения-де предполагают кучу граней, помимо этой самой, и это самое там совсем не самое главное, и Грыз для него в первую очередь личность, да и вообще...

Зеваю в рукав. Зря ляпнула про одну комнату. У Морковки и так весна впереди.

На горизонте небо становится беловатым, а в воздухе проклёвываются запахи дымка. И чуть-чуть сонного зелья. Грызи бахнула от души — аж сюда долетает. Сама она появляется через пару минут. Куртка-сумка-быстрый шаг-сердитая мина.

— Я знаю, что ты слышишь, — говорит ворчливо на ходу. — Вылезайте уже... заговорщики.

Даю пинка Морковке и вываливаюсь на дорогу сама. Руки у Грызи пустые, так что она не собирается шарахнуть по нам чем-нибудь этаким. Вроде бы.

— Ты проверила комнату.

— А вы вылезли в окно.

— Потому что не хотелось дрыхнуть следующие сутки. Ртом сказать не могла?

— А кто-то из вас меня бы послушал?

— К вирам свинячьим!!

— Я и говорю.

Плохо дело. Грызи упёрлась всерьёз, я-то это выражение лица знаю. Сейчас она пойдёт душить меня аргументами.

— Мел, там Хищный Пастырь, возможно — варг-на-крови с невыясненными способностями. Что у Креллы на уме — только боги знают... но мы с ней были знакомы, понимаешь? У меня есть шанс к ней подойти и сделать хоть что-нибудь. Но присутствие кого угодно другого может всё осложнить. Вы не сможете оказать мне помощь...

— Ну, могу ткнуть эту тварь ножом.

— Исключается, это убьёт всех животных, которых она держит. Мел, — голос Грызи набирает звона и свиста кнута. — Всё только усложнится, если она получит заложников. Если вы окажетесь под угрозой удара...

В упёртости Грызи я безнадёжно проигрываю.

— Да что ты там сделаешь-то?! — слова будто отскакивают от гладких каменных стен. — Куда тебя вообще несёт, ты там... кого спасти собралась? Она полсотни человек убила, да может, она и тебя тоже, почём ты знаешь, что ты вообще к ней подойдёшь?!

— Потому что она поприветствовала меня. Потому что мы равные. Там должен быть варг, Мел... должен быть Пастырь. И мы родня по крови. Для варгов это имеет огромное значение.

— Да? Разве тебя не папаша из общины выпер?

Лицо подруги каменеет, рука сдёргивает кнут с пояса. Вир болотный, никогда не умела во всю эту риторичку. Даю толчок в бок Морковке, его Светлость вздрагивает и шагает вперёд.

— Ты думаешь, что не вернёшься, — говорит приглушённо. — Что ты... скорее всего не вернёшься. Так?

Губы у Грызи дёргаются, но ложь с них так и не срывается.

— Но ты считаешь, что всё равно должна. Потому что она... эта Крелла... ты

понимаешь, что происходит с ней. Потому что ты тоже... — поднимает подрагивающую руку и пальцем проводит черту по линии жизни. — Однажды ты сказала мне, что в ваших общинах неправильно поступают, изгоняя тех, кто преступает запреты варгов. Сказала, что в такие моменты... в страшные моменты... очень важно, чтобы рядом был хоть кто-то. Кто поможет удержаться. И что те, кто рядом с тобой... может быть, смогут тебя удержать. Гриз, прошу, выслушай. Если вдруг та не услышит тебя, если ты не пробьёшься, и тебе придётся... воззвать к своему Дару не так, как обычно — разве мы не сможем помочь хоть чем-то?

Что значит прочесть кучу книжек. Морковка стелет так, что Грызи приотпускает свои форты и бастионы. И опускает кнут. Теперь смотрит просто грустно.

— Наверное, в этом вы могли бы помочь, — говорит почти неслышно. — Но мне не хочется платить вашими жизнями.

— А, золотенькая! Всё в руках Великой Перекрестницы!

Конфетка выныривает откуда-то сбоку. Добиралась непонятными дорогами, как положено нойя.

— Усыпить Травницу её же эликсиром, — качает головой. — Некоторые варги бывают так наивны, да-да-да? А скажи мне, сладенькая моя, может быть, эта Крелла тоже открыта, словно объятия Премилосердной Целительницы и бесхитростна, как Травница со своим мужем на ложе?

— Это вряд ли, — угрюмо цедит Грызи. И берётся вызывать «поплавок».

* * *

— Мел, глянь арсенал, Аманда, будет возможность — применяй весь свой набор усыпления. Вплоть до некрозелий и мощных артефактов. Защитные амулеты есть?

— «Клетка Таррона», — перебирает свою сумку Конфетка. — Ай-яй, не пойдёт, плохо работает на открытой местности, нужна ровная поверхность... Но несколько парализующих, отпугивающих... есть ослепление, есть маскировочный дым — если понадобится быстро скрыться...

Выволакиваю из-под лавки сундук с конфискованным у контрабандистов барахлом. Ценного нет ни шнырка — манки-капканы-отпугиватели... Достая пару перстней со змеевиком — эти будут помощнее, главное — чтобы не разряженные. Беру себе, один кидаю Морковке. Под мерный речитатив нойя:

— Есть, с чем потанцевать, о да! Только вот я слышала, что звери при контроле на крови трудно поддаются эликсирам. Откуда бы я это могла узнать, м-м-м?

Будто не она усыпляла бешеных бестий во всех этих зверинцах. Нащупываю трубку в кармане у сердца. Хватит ли парализующих стрелок? В зверинце Гэтланда по три штуки в гарпию садить приходилось.

— Аманда, твоя роль — защита остальных. Креллу не атаковать, первой не бить, но если на вас кинется — лупи всем, что найдёшь. Мел — смотри за территорией, неизвестно, сколько у неё зверей на крючке. И...

— Что? И эту не калечить?

— Если там контроль на крови — любое воздействие на варга...

Резуну придётся полежать в ножнах. Вир знает, как любое воздействие на варга отразится на зверях. Прикончим Креллу — Дар-на-крови и без контроля. Бешенство всех зверей. И непонятно, справится Грызи или нет.

— В случае чего прикрываешь Яниста.

Что делать Морковке — не говорит. А он всем своим видом так и орёт: «Меня, меня забыли!»

Всплываем. От кабины Пиратки слышен яростный бубнёж:

— В трясику им... В следующий раз напрямую в Бездонь завалитесь? Лошадущек бедных потом мыть по три часа...

Грызи вообще-то просто пояснила, куда нам надо. И попросила высадить поближе. Но у Пиратки плавать, где никто не плавал, — вроде как у Пухлика жрать что ни попадя. Так что она посадила нас прямиком в Охотничью Погибель.

Гиппокампы всплывают из мутных болотных вод. Вокруг — поросшая кочками и бурым мхом трясику. Твёрдая поверхность — шагов за двадцать. Пиратку это не смущает, она осведомляется у меня и Яниста, точно ли там берег. А потом магией воздуха всех нас на этот берег перекидывает. И садится курить вонючую трубку прямо на крыше «поплавка».

— Зовите, коли что!

Небо сочится и подтекает алым из кровавых царапин. Под ногами хлюпают остатки болота. Охотничья Погибель тянется за нами трясикустыми ручонками: за кустами проступают ровные мшистые лужайки, кое-где даже травка пробивается. На некоторых — россыпи клюквенных ожерелий. Вкусные ловушки. Смертоносные, как стряпня Плаксы.

Иногда трясику шлёт гонцов вперёд — приходится обходить. Путь нащупываем моим Даром и Даром Морковки. Его Светлость кривится и шипит, держится за ладонь, но исправно предупреждает, что впереди вода.

Первый зверь появляется минут через двадцать. Игольчатник — не тот, который играл с Морковкой. Самец покрупнее и потемнее, выходит на дорогу с приветственным оскалом.

— Не трогать, — говорит Грызи.

Игольчатник поворачивается задом и трусит впереди. Потом появляются другие — за деревьями и кустами.

Алапард. Две гарпии. Грифон. Ещё алапард.

Не прячутся, но и не подставляются. Провожают.

Дорогу теперь можно не выбирать: эта Крелла расщедрилась на пышную встречу. Идём по звериной еле заметной тропке гуськом. В ложбинах — грязноватые остатки снега, на пригорках — первые венчики весенников.

Мошкары нет, но вместо неё летает и жалит память.

«Что случается с кровавыми варгами?»

«Они меняются».

Это был третий месяц, как я пришла в питомник. И первый раз, как она это сделала на моих глазах.

Покрасила первый снежок в алый цвет, чтобы не дать беременной мантикоре раскатать в блин охотников, а заодно и их деревню. Охотники были полные отморозки, деревня была ни при чём, а про кровавых варгов я ни шнырка тогда не знала, потому мне было интересно.

«Меняются в смысле головой едут?»

«Иногда да. Иногда остаются в своём уме, но изменения всё равно заметны. Я встречалась с несколькими из тех, кто пытался практиковать Дар на крови...»

Я-прежняя наполняю молчание вопросом. Я-настоящая полагаю, что воспоминанию надо бы заткнуться.

«Меньше сочувствия, сострадания. Меньше эмоций — им приходится постоянно

контролировать себя, они же постепенно прибегают к “лёгким путям” всё чаще. Иногда они считают, что открыли некое тайное знание, увидели “изнанку мира”. Оттого глядят на тебя свысока. Впрочем, они почти всегда смотрят на нас с презрением».

«Ну, вы же их вроде как изгоями считаете. И в общины им же...»

«Да, — Грызи задумчиво касается забинтованной ладони, — в общины путь заказан. Там слишком боятся финала. Того, к которому ведут “лёгкие тропы”».

Тут я молчу, даже в прошлом. С запретами варгов Грызи уже успела меня познакомить. Исповторялась про первый, самый важный — «не отнимай жизни».

«Как хищники... как охотники... — доносит мой Дар почти неразличимый шёпот — должно быть, вспоминает, как глядят эти, которые применяют Дар на крови. — И так часто... через последнюю черту».

По хребту проносится армия кусачих мурашей. Конфетка рассказала, что Хищные Пастыри тоже бывают разные. Бывают — случайно убивают животное, и ничего — становятся отшельниками, борются как-то с хищностью. Бывают — трогаются рассудком и начинают умерщвлять подопечные стада. И всё равно не доходят до «последней черты».

«Убей подобного».

Если варг убил человека — он, считай, совсем конченный. А если варг мало что использует Дар на Крови — так ещё и угробил человека, а то и несколько? Каверзный вопрос точит червяком — но прошлой-мне всё-таки хватает мозгов не ковырять в ране. Вместо этого я говорю:

«Ты-то не изменилась».

Хочется её приободрить. Прежнюю и нынешнюю. С прежней у меня получилось скверно. Та ответила только: «Мы не всегда замечаем перемены в себе».

— Ты не черта не изменилась, — говорю нынешней. Грызи поворачивает голову и глядит удивлённо. Не может понять, чего это я на ровном месте.

— Не знаю, как там насчёт внутри. По мне так всё такая же упёртая и спасаешь всех кого ни попадя.

— Иногда это единственный способ удержаться, — шепчет Грызи едва слышно. И не понять — приободрила я её хоть сколько или наоборот. Мантикоры корявые, раз в жизни мне хочется побыть немножко Морковкой.

Но мы уже пришли.

Хижина крошечная. Полусгнившая крыша, покосившаяся труба, обомшелые стены. Вытоптаные остатки жухлой травы. Бестии расселись по небольшой полянке. Глядят пустыми, равнодушными глазами. Марионетки на ниточках. Почти два десятка: пяток алапардов, четыре игольчатника, грифон, гарпии...

Морды повёрнуты не к нам. К двери ветхого домишки. Дверь распахивается гостеприимно, будто за ней долго ждали.

И я получаю ответ — что случается с кровавыми варгами.

Вот это.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЛЕЛЛ

Округа пропитана кровью. Пронизана её властным голосом. Алые прожилки прорастают сквозь тину, багряные метки неявно проступают на деревьях. И звери давным-

давно утонули в её песни — и глядеть в их сознания опасно. Там колышется густое, солёное, вязкое, — норовит сковать, стиснуть, уволочь и подчинить. Оттуда глядит насмешливая, почти что незнакомая тень.

Только тень.

Отзвук прежнего на пороге ветхой избушки. Иссохшее лицо, и почти нет плоти на костях, дунет ветер — развеет. Ноги у тени черны и изранены — но она словно не чувствует, что идёт по подмерзшей земле. Плывёт, едва её касаясь, закутанная в сумерки — нет, в ветхое рубище, что-то наподобие жреческой хламиды с капюшоном.

Костистая тень с хищным взглядом, в котором — зыбкий багрец. Алой меткой сияет порез на бесплотной руке, вытянутой вперёд. Порез плачет мелкими, гранатовыми зёрнышками. Лениво скатываются на землю одно за другим. Ткут тонкую цепочку.

Неразрывную цепь чар, опоясывающих поляну.

У тени остались только губы — алые, молодые. Да волосы — чёрные и тяжёлые, совсем не тронутые сединой. Да ещё остался голос, тот самый, которым она пела ребятам весёлые песенки.

— Гризельда. Дочь Арделла из общины Тильвии. Ученица старой Изеллы. Ковчезник. Я рада, что мы вместе. И ты привела жертв, это очень хорошо, это облегчит тебе путь.

Что говорят тени того, кого не видел десять лет? Безумной жрице, которую — едва ли знаешь?

— Тётя. Я не знала, что ты здесь. В эту местность нас привели известия о смерти охотников. И рядом со мной не жертвы — ковчезники, как я.

— Привели, конечно, привели, — Крелла не говорит — выпевает слова монотонно и ровно. — Но разве ты не с нами? Я видела твою ладонь, твой нож над ней. И мне говорили, что ты давно на верных путях, и никто из нас не сомневался, что ты будешь одной из Жриц, величайшим из сосудов.

Ладонь исчерчена белыми шрамами. Утро холодит её, вынутую из кармана. И синие жилки бьются под кожей, стучат нетерпеливо: выпусти, выпусти, хватит клеток...

— Я восемь лет на «лёгких путях». И не считаю их ни верными, ни лёгкими. Но я хочу узнать больше о том, что происходит с варгами и с Кайеттой. И что случилось с тобой. Тётя Крелла... я дочь Хестер из дома при общине. Ты помнишь тот дом, совсем рядом с рекой? Помнишь мою мать?

Багряная трясина словно размыкается, открывая чистую воду тёмных глаз. На глазах проступают слёзы — воды прошлого. Блеск льда, и хохот малышни на катке, дымок из трубы, запах коричневого печенья, простые, успокаивающие слова. Гриз собирает всё это внутри себя — во взгляде, в пустых руках, в стуче сердца — и посылает вперёд.

И в безумной жрице узнаёт на миг любимую тётю.

— Я... помню, я знаю. Малышка Гризи, всегда убегала на лёд, никогда не мёрзла. И тепло рук Хестер, и её утешения, когда я плакала...

— Отчего ты плачешь, Крелла? — шепчет Гриз, и впускает её в свой взгляд, как в память: они вдвоём сидят за деревянным столом с ситцевой старой скатертью, а в комнате жарко натоплено, и все холода остались за стенами...

— Потому что с моей наставницей случилось страшное, — отвечает Крелла дремотно. Она словно загипнотизирована прошлым и неожиданным теплом. — Община в Единорожьей Долине подалась на «лёгкие пути» из-за неё. Они звали меня с собой. И я плакала, потому что не могу спасти их. Я ушла, я думала, что смогу стать ковчезником... в Ирмелее... Но не

смогла вынести боли... крови... смерти. Столько смерти... И я опять ушла, скиталась от общины к общине, пока не появился он. Я думала... думала, он спасёт меня. Но варгам не дано вить гнёзда.

Гриз упрямо сжимает губы, проталкивает в горло горький комок. Нельзя, нельзя смотреть сейчас на Яниста, нельзя потерять тонкую нить, уводящую в прошлое.

— Он и не собирался. Я не была ему нужна. Без Дара. Без детей. Он соглашался держат меня только любовницей, и ещё два года я задыхалась в каменном брюхе города — лишь бы он приходил. Потом поняла, что не могу спасти даже себя. И пришла в вашу общину — потому что больше мне было некуда идти. Я всё время пыталась бороться, малышка Гризи. И всё время проигрывала и сбегала. От того, что видела и чувствовала. Но от этого не сбежать. Это повсюду.

Лёгкое покачивание ладонью — везде, везде... *Охотники и жертвы, люди убивают зверей, и звери убивают людей, и люди убивают людей — и цикл не разомкнуть, не встать на пути у вечного колеса...*

Самое страшное для варга — понимать, как мало ты можешь сделать. Многие пытаются сохранить хоть что-то. Скрыться в общинах, ухаживать за животными при них...

Может ведь так быть, что ты исцелилась бы со временем, Крелла? Ты пробыла у нас почти десять лет, могла остаться и дольше. Учила бы детей в общине — бабуля прочила тебя в свои преемницы, до того, как в возраст войду я. Сушила бы и заваривала травы, накладывала бы повязки зверям и помогала моей матери с выпечкой. Или тебе всё-таки слишком хотелось хоть кого-то спасти — и невозможность этого делала рану кровоточащей и вечной?

— Это случилось в тот день, когда ты ушла за травами?

— Да, малышка Гризи. Я ушла за травами... зашла далеко от общины... раненая волчица выбежала прямо на меня. За ней шли трое охотников со сворой — и мы не успели уйти. Они были пьяны и злы — им пришлось гнаться за ней слишком долго, и она увела их от логова. И когда я закрыла её собой, они не послушали.

— У них был арбалет?

— Нож. Охотничий нож у первого, который шагнул ко мне. Они все смеялись, а тот говорил, что сдерёт с меня шкуру заодно с волчицей, только натешится вдоволь. Я пыталась заслониться — и он полоснул по ладони. И оно пришло.

Улыбка у неё становится шире, будто Крелла прислушивается к чему-то родному. Давно обосновавшемуся под кожей.

Алый прилив накатил — и захлестнул её и зверей, взметнул на волне общей ярости, и легко, так легко она пропела первую команду.

«Крови...»

Керберы своры услышали. Раненая волчица тоже. У них в венах жил истинный закон всего живого: есть лишь хищники и жертвы, охотники — и добыча.

Потом были попытки охотников бежать и бить магией, и вопли, и треск разрываемой плоти, и впервые она ощутила глубоко внутри — спокойствие и правоту.

И только немного — голод.

— Отец говорил — тебя искали. И не нашли следов.

— Значит, он лгал. Я приказала керберам оттащить в старый вир то, что осталось от... тех. И вещи тоже сбросила туда. Но я не заметала следы — просто сразу же ушла оттуда. Кто умеет читать строки леса — прочёл бы. Но твой отец никогда не признался бы, что в его

общине появился варг крови. Хуже того — Хищный Пастырь.

«...посмела показаться на глаза!» — гремит в памяти — и нить в прошлое оборачивается тонким, жгучим щупальцем скортокса: «...даже появляться рядом с общиной!», «Не смей её защищать, Хестер, чем меньше проживёт эта тварь, тем...»

Гриз дёргает головой — и связующая нить рвётся, воспоминания дробятся и исчезают, есть лишь она — да безумная жрица неведомой веры.

— Они называют нас изгоями. Нечистыми. Кровавыми. Тех, кто посмел. Преступил запрет и вышел из роли безмолвной жертвы. Они так опасаются нас и того, что мы можем сделать. Что могут они? Перевязывать лапы после капканов? Лечить отравленных детёнышей? Рыдать над могилами? Никто из них не достоин самого звания пастыря над чудовищами. Они лишь жертвы тех, кто властвует над миром. Пугливые. Бессильные. И мнящие, что они могут судить. Неужели ты ещё — вместе с ними, малышка Гризи? Неужели считаешь, что можешь судить меня?

— Я не судья. — Не таюсь за завесами и не выношу приговоров. Не сажаю людей или зверей в клетки. — Но ты не до конца рассказала свою историю. Если ты решила жить здесь, в отдалении от всех...

Значит, тоже пыталась бороться, — договаривает она мысленно — и Крелла едва заметно кивает.

— Я была отравлена запретами, которые нам внушали с детства. Не проливай крови. Не отнимай жизни. Я испугалась и посчитала то, что ощутила, скверной. А себя — изгоем, и захотела жить как изгой. Я добралась сюда, в болотный край. Звери помогли мне отыскать жильё. И я спасала раненых охотниками, доставала добычу из силков, лечила раны — и никого не трогала, даже из тех, кто поднимал руку на живое. Доставала детей из болот... отыскивала заблудившихся...

Старалась искупить. Вместо слов говорит властный шёпот крови да её воспалённый взгляд. *Старалась искупить то, что отняла жизни. Пыталась жить в мире с теми, которые ставят ловушки и сдирают со зверей шкуры. Быть пастырем по заветам варгов.*

Но кровь звала всё сильнее. Кровь моих стад, питавшая эту землю. Их стоны в ловушках. Вопли над опустевшими логовищами. Шкуры в деревнях, клыки на ожерельях...

— Скажи мне, дочь Перекрестницы — если кто-то будет убивать твоих друзей... мучить твоих родных... Резать их на части, уводить в рабство, вырезать их детей... что вы делаете в таких случаях? Какую плату берёте?

— Кровь, — глухо отзывается Аманда. — Кровь и жизнь.

Победоносная улыбка проносится по лицу Креллы безумной птицей: «Ты не можешь меня судить, нойя».

А шёпот становится жгучим и торжествующим:

— Сначала это было... немного. И редко. Те, кто слишком уж зарвался. Кто забрал многих. Они не возвращались из леса, и в селениях всё приписывали болоту, или опасным хищникам, или злым духам, выходящим из виров по ночам. И я встала на Верный Путь, но пыталась бороться с собой... оплакивать их. Я была глупа, малышка Гризи, — глупа и слепа, пока она не разыскала меня. Пока не объяснила мне. Не отверзла глаза.

— Она?

— Да... Роаланда Гремф, моя наставница. Та, что давно вступила на Верный Путь. И открыла истину, и собрала иных Верных, кто хочет спасти Кайетту от пропасти. Мы долго таились, — нотеперь час наш настёт. Ты должна была видеть, малышка Гризи... Знаки,

которые мы подавали нашим собратьям и магам Камня.

— Знаки... бешенство в питомниках? Зимняя Охота в Дамате?

— Знаки, знаки, малютка Гризи! Эти и иные. Варгам. Магам. Всем. Чтобы поняли.

Она говорит это с восторженным, безумным придыханием, и в ней словно истлевают остатки прежней Креллы — остаётся лишь ало-бурая зыбь в глазах. Расходящиеся волны, которые обрушиваются на Гриз одна за другой — как истина.

Бывшая наставница варгов из Ракканта — Хищный Пастырь. Наставники общин умеют вести за собой, нас же этому учат. И она вводила их — годы вводила за собой, создала секту и переманивает к себе варгов, и неясно — кто из наших уже...

Гневный крик Яниста едва продирается через пелену осознания.

— ...убивали людей! Вы считаете это справедливым, не так ли? Там, в зверинцах, на охотах — вы хоть понимаете, сколько вы...

— Малую часть, — голос Креллы распахивается, словно пасть — а под ним голод, и решимость, и багряное торжество. — Малую часть от того, что обязаны взять. Несравнимо с тем, сколько взяли они. Сколько они взяли? Даже только в этих деревнях? Тысячи? Не для того, чтобы укрыться от холодов или наполнить желудок — но чтобы нацепить на себя побрякушки, утолить похоть со многими женщинами, показать, что они лучше и богаче других... Сколько они забрали тех, кто дышал, любил, веселился, печалился? Они охотились годами, и теперь, когда пришла я и стала охотиться на них — я забрала куда меньше! Я не брала их детёнышей, не брала слабых. Только тех, кто делал больше всего. Кто сам взошёл на этот путь!

— Вы вообще слышите, что говорите? — Олкест делает пару шагов вперёд — и останавливается только когда наперерез шагают алапард и знакомая драккайна. — Понимаете, что вы говорите?! Да, многие из них алчны! Но это люди, вы убиваете людей — чьих-то отцов, дочерей, и...

— В их венах течёт кровь. У них есть оружие. Они охотятся. Почему нельзя охотиться на них? Не только у людей есть отцы и дочери. Но ты ведь думаешь иначе, маг Вод. Ты считаешь, что любой человек всегда ценнее любого зверя. Так тебе внушили те, кто тебя учил. Жизни людей для тебя не равны жизням тех, кого люди убивают. Человек выше, так, маг Вод?

Ответ вспыхивает в Янисте — но наружу изо рта рвутся только густые клубы пара. Он не может сказать этого при мне, — думает Гриз, когда Янист поворачивает лицо и бросает на неё виноватый взгляд. Не хочет, чтобы я услышала.

И торжество звенит в смешке безумной варгини — «Ты не можешь судить меня, маг Вод!»

— Человек на вершине, а природа у его ног. И вот, к чему ведёт нас это... к краю пропасти. Чаши весов так страшно качнулись, маленькая Гризи. Весы качнулись во всей Кайетте. Ты видишь знаки?

Всё больше драккайн в логовах. Грифоны становятся на крыло. Виры сходят с ума, и замолкают воды в реках, а земли остаются без магии. Прогрессисты и Мастера в заговоре, и поднимается новое государство на Пустошах, и кто-то разводит веретенчиков, и ходит в пламени тот, кто явился недавно в Энкере. И выходят из своих общин безумные даарду, нападают на людей, выкрикивают: «Освободи! Освободи!»

— Чаши весов качнулись, — в глазах Креллы — алая клокочущая бездонь. — Маги Камня взяли слишком много. Теперь настало время вернуть равновесие. И если мне нужно

назваться Охотницей на охотников и напомнить им, что и они могут быть жертвами — так тому и быть. Ты понимаешь, девочка-Следопыт, правда же. Тоже любишь живое. Защищаешь живое. И тебе приходилось убивать тех, кто поднимает на живое руку — разве они не заслуживали этого?

— Заслуживали, — хрипло говорит Мел, и торжество сверкает во взгляде Креллы алой молнией: «Ты не можешь меня судить, девочка-Следопыт!» — Прямо как ты, по твоей же логике. Раз пятьдесят, или сколько ты там грохнула? Бывают люди-уроды. Бывают звери-людоеды, которых не остановить. Ты то и другое сразу. Ты вообще не имеешь права по земле ходить!

— Мел... — остерегает Янист сквозь стиснутые зубы, но Крелла только смеётся.

— Глупая девочка. Слепа, глуха и бесчувственна — несмотря на свою Печать. Я — Охотница. И я — Пастырь, пекущийся о своих стадах...

— Заставляешь зверей убивать! — шипит Мел, и теперь уже она делает шаг вперёд. — Превращаешь в марионеток! В оружие! А ты их-то спрашивала — хотят они загонять охотников?!

Крелла оглядывает бестий вокруг себя удивлённо. По её короткому знаку свита приходит в движение — и круг смыкается плотнее. Гарпии рядом с алапардами. Драккайны — с грифонами. Керберы с игольчатниками.

Увязшие в зове алой трясины.

— Они должны уметь защищаться — и я учу. Должны уметь охотиться на тех — я даю им шансы. Я не причиняю им боли — они рады следовать за своим Пастырем по проложенному пути. Они хорошо знают Истинный Закон. Сами стремятся к равновесию.

— К какому равновесию? — пронзительно спрашивает Янист. — Вы хоть понимаете, к чему это приведёт? На бестий и на варгов начнут охоту из-за вас! Это будет как... как Война за Воздух! Только страшнее!

— Это будет как Война за Воздух, — шепчет Крелла, довольная, что они догадались. — Только в этот раз мы будем вооружены как следует.

— Какой оригинальный способ нырнуть в Водную Бездось, — мурлычет вкрадчивый голос нойя. — И если бы вы не собирались забрать с собой всю Кайетту...

— Мы спасём её, — зубы у Креллы повыгнули, и улыбка обнажает кровоточащие дёсны. — Мы вернём равновесие, мы — Верные... и ты вместе с нами, малышка Гризи. Так ведь? Роаланда говорила — ты непременно будешь с нами. Что же ты молчишь?

— Потому что они всё сказали за меня. Прости, Крелла. Мы не можем позволить тебе продолжать. Ради людей в деревнях, ради этих несчастных зверей... и ради тебя самой.

Странный колкий шелест врывается в уши. Нетерпеливый утробный засасывающий звук. Алые прожилки в глазах Креллы становятся ярче — словно кровь проступает через тину.

— Как вы хотите остановить меня, сестра? — она выделяет последнее слово, покачивая разрезанной ладонью. — Девочка-Следопыт считает, — я должна умереть. Но Дар уведёт вслед за мной и всех этих зверей. А если даже и нет... ты знаешь, что происходит, когда кровь варга пролита, но никто не взывает к ней. Они не бросятся на тебя — звери чувствуют высшее покровительство над пастырем, даже когда в них говорит кровь. Но все, кто рядом с тобой, умрут. И ты не сумеешь удержать моё стадо. Потому что пока ты слаба, как слаба была я, и колеблешься, как колебалась я. Но это ничего. Это пройдёт, когда ты шагнёшь со мною. Когда ты отбросишь сомнения и поймёшь...

— Что вы с собой делаете, Крелла? — шепчет она сквозь сжатые зубы. — Как обретае такой контроль над Даром?

— На Верных путях мало невозможного. Для истинных сосудов, — Крелла манит её окровавленной ладонью. Медленно сочатся капли из глубокого пореза. — Хочешь остановить меня, сестра? Здесь я не стану тебя слушать. Пойдём со мной — и поглядим на твой истинный Дар. Без оков, которые на него надели глупые жертвы. И тогда... если ты будешь достаточно убедительна... я подчинюсь. По праву сильного. Пойдём же. Это легко.

Это тяжко. Делать шаг в предвиденную ловушку. Прибегать к крайнему средству — в котором не уверен, потому что не знаешь достоверно — что таится там, внутри... в клетке, которую она собирается отомкнуть. И горячий шёпот Яниста: «Не нужно, Гриз, прошу, не нужно» — созвучен её собственному внутреннему шёпоту.

Но чутьё варга говорит иначе. Оно — и то, что колотится под кожей, властно зовут сделать шаг: «Ты знала, что так и будет, отсюда её не остановить».

— Низшее звено склонится перед высшим, — мурлычет Крелла, и губы у неё кажутся окровавленными. — Ты опять колеблешься, сестра... Я сделаю проще. Позови свой Дар, или твои ковчезники умрут на твоих глазах.

Шелест прибоя или движущихся льдин... нет, это приходят в движение бестии. Выпускают когти, оскаливают клыки, дышат пламенем и запевают тихую, слитную Песнь Крови — и в ней тонет проклятие Аманды, которая не знает — успеет ли она со своими зельями и артефактами, удержит ли...

Или знает, что не успеет.

— Высвободи свой истинный Дар — и покори меня, и останови их, — нашептывает Крелла-Охотница и посмеивается, когда в левой ладони Гриз сверкает нож. — Что, сестра? Больше нет колебаний? Теперь всё легко?

Теперь всё легко. Нет колебаний.

Губы Гриз едва заметно смыкаются-размыкаются в шёпоте. Выпуская коротенькое слово. Напоминание тому, кто сам взял на себя эту роль.

— Держи.

Гриз Арделл проводит алую черту по ладони — и пропадает.

Падает в солёную бездну с запахом безумия.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

«Как это? — спросил я её. В один из редких вечеров, силой вырванных у тысяч, тысяч дел питомника. — Ходить по лёгким путям?»

На землю падали сумерки, а выздоравливающие фениксы радовались первому весеннему полёту и оттого процветали в воздухе пламенем.

Она долго следила за ними, прежде чем ответить.

«Больно. Страшно. Чувствуешь себя обнажённой — будто ты перед стихией. Отчасти ты и есть эта стихия. Твои страсти. Желания. Искушения. И нужно постоянно держать контроль, иначе и тебя опутает...»

«Что?»

«Огненная паутина, — она взмахнула рукой и начертила сеть, соединяя пламенеющие следы феникса. — Горящие нити с запахом крови и безумия. Пронизывающие мир. Животных. Тебя. Прорастающие внутрь. Паутина, за которую тянешь — и тебе подчиняются.»

Травы, — подумал я, потому что видел сам и потому что она мне уже рассказывала: «Мы вместе» — и стремящаяся вперёд, обвивающая зелень её взгляда. И у других варгов по-разному: бывает море или ручей, или звенящая птичья песня, извивающиеся лесные тропы, звёздные пути... То, что привлекает, успокаивает, соединяет...

Не у варгов крови.

«Наверное, тоже у всех по-разному, — сказала она и поглядела на правую ладонь, скрытую мягкой кожей перчатки. — Пламя, или ураган, или воды... Не знаю, не спрашивала у таких же, как я.»

Потому что таких, как ты, вообще нет. Почему я не сказал ей это тогда?

«А если... встречаются два варга? В сознании одного животного или...»

«Такое бывает редко. И это опасно. Чтобы удержаться в сознании животного, где уже есть варг, нужны сила и умение. Обычно на это решаются опытные наставники — если что-то не получается у учеников.»

«А...»

«Хочешь спросить — что будет, если я решу побороться с одной из тех, кто сорвал Зимнюю Травлю в Дамате. Поспорить за сознания животных.»

Она об этом думала постоянно. Я понял это, глядя на её запрокинутое в небо лицо. Озарённое вспышками фениксов.

«Сильно зависит от того, кто будет моим противником. И чего он будет хотеть. Но те, в Дамате, проявили способности далеко за пределами моих. И если я в таком противостоянии попытаюсь докричаться до подконтрольных зверей, высвободить их сознания, то сама я окажусь уязвима.»

Учитель Найго говорил: «На лёгкие пути легче вступить, чем вернуться с них»...

«Ты говорила мне о тех, кто не вернулся. Из сознания животных.»

Бывает, что варг уходит слишком глубоко, пытаюсь спастись. Не рассчитывает силы. Не может выдержать боли. Или теряет контроль — потому что варгам нужно сохранять спокойствие в чужом разуме. Тогда они уходят — куда?

«Смутные тропы... Вечные тропы. О них всё больше в преданиях, потому что путешествовать по ним никто не решился. Но когда провожаешь зверей — чувствуешь: там что-то есть. Там, куда они идут. Моя наставница полагала, что это некие тайные жилы, по которым течёт магия, то, что хранит в себе отголоски прошлого и признаки будущего — нечто, чем связано всё живое в Кайетте».

«Нечто вроде Пуповины даарду?»

Вспышка в небесах высветила её слабую улыбку.

«Ты не зря общался с Хаатой, а? Но если хочешь спросить меня — есть ли шанс попасть во время поединка варгов на эти самые тропы...».

«Не хочу. Хочу спросить о том, есть ли совсем другой шанс».

«Стены — это не выход, — шепнула моя невыносимая едва слышно. И, следя за огненными узорами в небе, спросила: — Если я сейчас упаду — ты подхватишь? Удержишь?»

Она думала об этом всё время... Она к этому готовилась.

Застывшая Крелла — высохшая мумия со спокойным величием на лице. Лениво ползут с ладони мелкие тёмные капли.

Ладонь Гриз опущена, и с неё стекает ручеёк, проливается на землю у её ног, расплывается по влажной почве причудливым рисунком — словно сетка вен, а может, паутина.

Момент истины. Поединок варгов, в котором я зритель.

— Усыпляй зверей! — кричит Мел и выхватывает трубку с усыпляющими иглами. — Конфетка, давай!

— Можем навредить! — яростно отдаётся слева. — Не когда она там! Они там сейчас вдвоём, в сознании каждого, понимаешь?! И если мы хоть что-то нарушим...

— Что ж нам, так и стоять, на эту сволочь пялиться, — шипит Мел, и я знаю, что она сейчас сжимает свой атархэ, хотя я совершенно на неё не смотрю.

Я стою позади Гриз и готовлюсь — подхватить и удержать, в случае надобности. Я должен — быть здесь, и ждать её, и прикрывать, и ничего не делать, глядя на жуткую картину: две варгини застыли друг напротив друга, и неподвижная свита животных, и кровь на земле...

— *Держи.*

Держусь.

Невыносимо хочется махнуть рукой Аманде — давай! — и закрыть окровавленную ладонь одной варгини повязкой, разбудить её, вернуть, прекратить... Я не знаю, смогу ли я удержаться, если что-нибудь пойдёт не так. Не знаю, сколько смогу удержаться от того, что в книгах называют опрометчивыми поступками.

Потому что она там, захлёбывается в алых волнах чужого сознания, одна, совсем одна...

Нет, — поправляю я себя. Не одна.

Где бы она ни была — мы вместе.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Она разодрана, размазана, распята между чужими сознаниями. Разделена среди бестий, у которых нет больше своего «я» — только, нутряной зов холодной трясины, алая зыбь,

бесконечное: «Крови, крови, крови». Гриз падает, захлёбываясь, в их сознания, и пытается добраться до боли, до живого, взывает к своей крови, огненному смеху паутины, но паутина шипит и гаснет в ледяной чешуе, и густая топь глушит крики. Холодное, солёное наползает грузно, совсем немного — и она растворится в этом, останется только тело без разума.

Ты здесь не за этим, сестра, правда же? Не за тем, чтобы показать свою слабость. Соberись же. И погляди иначе.

Вздых — и словно собраться из частей, перестать распылять себя между бестиями. Ещё вздох — и открыть глаза в зыбком мире, где не бывает зрения и слуха, где только пронзительно пахнет кровью.

Бескрайняя чёрно-алая топь. Корка тины, стеклистые прожилки льда, редкие кочки, вот-вот уйдут под воду. Только вот это не вода. Вязкая масса мелких льдинок шипит, потрескивает, ползёт вперёд. Кровавое, колючее, липкое тесто. В нём увязли фигуры бестий. Облеплены щупальцами, клейкими, красными, щупальца чуть пульсируют. Тянутся к ногам исполинской фигуры посреди топи. Скользкой, обнажённой до мяса и сосудов — и сосуды словно выходят наружу, прорастают в топь, становятся тем, что обвивает зверей.

«Что ты сделала с собой, что это такое?!» Гриз глохнет от своего внутреннего крика, улыбка повелительницы здешней топи обжигает холодом.

— Моя сила. Моя Охотничья Погибель. Истинный, высвобожденный Дар!

Кровавые вены-щупальца вросли в зверей. Впились в сердца, в головы. Прощемились под шкуру и перья. И стоит чуть шевельнуть их — марионетки приходят в движение, вокруг трёх фигур... трёх жертв, которые смутно виднеются из этого мира.

«Остановись!» — кричит, надрываясь, Гриз, но Крелла только смеётся, заставляя зверей танцевать вокруг нойя, и мага Вод, и девочки-Следопытки.

— Останови меня ты. Иначе погибнут не только они. Избавься от сомнений, сестра. Стань выше.

Стать выше. Привычно облечься в стены, в старинные башни, в форты и бойницы — затворить ворота, и устоять.

Хохот и шелест вязко накатывающих волн глушат, падают на стены одинокой крепости. Хрупкой крепости, воздвигшейся на болотах, той, внутри которой... что?

Что ты скрываешь там? Что такое страшное прячешь, маленькая девочка из общины?

— Освободи себя-настоящую, сестра! Освободи — и ударь меня, и стань надо мной...

Перейди черту, шипят змеиным голосом наползающие льдинки. Кровавая топь булькает, клокочет, ползёт на приступ, бормоча: ты же знаешь, что нужно, чтобы обрести силу, любой охотник тебе скажет. Нужна жертва, жертва и добыча, давай же, останови меня, сестра, переступи черту!

Крепость вздрагивает, испуганно, всеми стенами, крепость теряет камни — и густое, ледяное, алое месиво с причмокиванием вбирает их в себя, щупальца ползут по выбитым стенам, вот-вот переберутся...

И в каждом — всё тот же голос.

Возьми кого-нибудь из них, кто тебе дорог меньше? Маг Вод, девочка-Следопыт или дочь Перекрестницы — возьми, я дам тебе любого из своих зверей, я дам тебе всех своих зверей, если нужно — возьми...

И убей.

Стань истинным Пастырем — Хищным. Стань над другими — глупыми жертвами.

Стань надо мной — ибо я знаю тебя, ты сильнее.

С её стен в вязкое месиво летят огненные стрелы. На улицах громоздят баррикады. Ставят подпорки под треснувшие городские ворота. Но стены не выдерживают, когда на них наваливаются липкие, кровавые волны, и шёпот: «Нет, нет, никогда» тонет в треске и щёлканье наползающих льдинок. Несущих с собой приманчивый шёпот:

Только одна жизнь — одна жертва. Сколько потом ты спасёшь? Это равновесие. Это честно. Они сами поймут это. Они готовы были умереть, когда шли сюда. Чтобы остановить меня. Убей одного — и останови меня, или я заберу всех сразу!

Трещат и ломаются ворота, и властные волны затекают внутрь, затапливают подвалы памяти, перекормленными змеями распластываются вместо воды в почтовых каналах, пятнают мостовую и стены домов. Алые следы — так знакомо. Сейчас промчатся алапарды, и закричит мальчик на площади...

Звук мягких лап, скрежет когтей, шорох перьев. Алапарды не мчатся — идут, покорные воле обвивших их щупалец. словно предводители воинства, а за ними — солдаты: гарпии, грифоны, драккайна, керберы... Призраки, истуканы со слитными созданиями — отростки от здешней топи. И в их глазах, бессмысленных мордах, ощеренных в ухмылках пастях — всё тот же прилипчивый шёпот:

— Страх — удел жертв. Тот, на площади, не боялся, и ты не должна. Закричи на них, как тот: «Умрите».

Но он не кричал, — думает Гриз. Все твердили: тот, на площади Энкера, был тих, как посланник неба. Или как внезапная смерть.

Только преступи черту. И пройдёшь на первую ступень познания своей силы, а дальше... дальше ты поймешь, и Роаланда Грейф проведёт тебя вместе с сёстрами по нужным тропам.

Что ты скрываешь там, за стенами? Нельзя всё время скрываться и бежать, иначе однажды может случиться так, что бежать больше некуда.

Бежать некуда. Гарнизон крепости сломлен. Жильцы попрятались по подвалам. Осталась последняя площадь, в самом центре.

Маленький храм с плотной дверью — что же там? *Испуганные горожане? Или, может, то, что ты так боишься выпускать наружу, сестра?*

Шелестящая масса вваливается сквозь окна внутрь, продавливая двери. Ползёт по стенам, гасит последние светильники — и воцаряется темнота и холод, и в вязкой, кровавой темноте Гриз — одна. Варг крови, не выющий гнезда. Восемь лет на «лёгких путях».

Бежать больше некуда.

Звук трущихся друг о друга льдинок — словно в темноте возятся, перевиваясь друг с другом, тысячи змей. Закрывает глаза, ощущая вязкий холод. Нельзя постоянно бороться.

«Один человек сказал мне, что так недолго и сжечь себя изнутри».

Хищное потрескивание льда — звуки крошечных панцирей, а может, челюстей. Холод царапает ступни, влажными пиявками присасывается к икрам. Прикасается к каждой части тебя стылыми губами, хранящими ласковый напев:

— Он был прав. Не сомневайся, сестра. Поддайся. Высвободи то, что прятала. Истинную себя.

Голос щедр: не хочешь забирать жизнь у одного из ковчежников? Пусть останутся живы. Бери любого из зверей. Бери всех — вот они (и щупальца приносят сознания зверей, и Гриз прорастает в эти сознания, единая с ними, с Креллой, с кровью...). Пастырь имеет

право и на такую жертву. И они отдадут себя с радостью, во имя твоего восхождения. Ты чувствуешь их? Бери же.

«Тот человек сказал мне, что нужно иногда потакать желаниям. Подчиняться инстинктам. Высвободить то, что живёт внутри».

— *И был прав,* — шёпот теперь живёт в её собственных губах. — *Открой свою клетку и возьми то, что я даю. А потом... если не хочешь убивать их, мы пойдём, поохотимся. В любое селение. Ты сама наметишь того, кто заслужил наиболее. Я расскажу тебе — как надо. Вот так, молодец. Ты же сама понимаешь, что...*

«Стены не выход...» — стен больше нет, осталась последняя клетка-скорлупка, болотистые щупальца сжимаются всё крепче, заковывают в ледяной, чешуйчатый кровавый панцирь. И в каждой чешуйке — одуряющий, слитный напев: «Яоткрываютвоюклеткутысвободнастрада».

«Крелла...»

Губы немеют, щёки поглаживает кровавая тина. Со лба на глаза медленно наползает алая изморозь.

«Ты... не могла... зн...»

Стылая трясина укрывает с головой. Звук падения тягучих капель отмеряет последние миги.

Чего я не могла знать? Что ты скрываешь? Но я сейчас узнаю. Сейчас, когда родится новый варг. Слышишь треск твоей скорлупы? Время переродиться в нечто новое..

Сейчас мы узнаем, что тебя так пугало. То, чему ты не давала воли.

Скорлупки потрескивают, отлетают. Падают, обожжённые. Тем, что таилось внутри. Что было там всегда.

Чего ты хочешь?

— *Спаси,* — отвечает Гриз и открывает глаза, и в них поселяется то, что жило за стенами.

Крошечная, едва заметная искорка.

В молчании выстывшего, тёмного храма — скользят слабые отблески по стенам. Прорываясь из непрозрачного, ледяного кокона.

Словно чьи-то крылья случайно коснулись огня.

Глупые, слабые отблески. Глупые искры — разве можно кого-то ими согреть?

— *Это — твоё тайное? То, чего ты боишься? Основной завет варгов, который ты и так повторяешь на каждом шагу? Зачем же ты скрывала его, глупенькая сестричка? Зачем?*

Если вспомнить о тех, кто там, во мраке и боли, огоньков станет больше. Если крылья чуть-чуть расправить — они загорятся по краям. Если думать, о тех, к кому идёшь — ледяной кокон покажется глупостью.

Просто я знаю, во что разгоряются искры.

Лёд лопается, алые мелкие льдины с шорохом сыплются вниз. По венам бежит тепло, всё быстрее и быстрее, осталось совсем немного — и Гриз думает о несчастных бестиях, которым пришлось убивать — и делает первый взмах.

Светильники в храме обретают оранжевые крылья. Трепещут десятками радостных бабочек и прогоняют тьму.

— *Что ты... как ты...*

Пламени всё больше, и его не удержишь — люди в четырёх селениях, и охотники, и трое

ковчежников там, на поляне, и несчастные, околдованные бестии, и варги в общинах, и маги, и их всех... нужно...

Волосы, занимаются, треща, и под кожей струится пламя, пламя глядит из глаз, льётся с пальцев, горят на полу чьи-то извивающиеся щупальца, тает ледяная крошка, и чей-то испуганный голос повторяет, что так не должно быть.

— *Ты... не сможешь, ты не умеешь ходить в пламени!*

Я и не пытаюсь. Прости, тётя. Сквозь пламя ходят чистые из легенд и безумцы. А я вечно всех разочаровываю. И ты была права, тётя. Наши законы ничто. Они лишь средство не встречаться с искушением — но не средство перебороть его. Они исходят из того, что каждый, кто преступил черту — не выдержит и обратится в Хищного Пастыря.

Об этом же говорят *ваши* законы.

Потому они тоже ничто.

Высвобожденное пламя бьётся в перьях, перебегает по волосам, наполняет теплом и светом выстывший храм. Искры бегут по площади, перескакивают по домам крепости — и входят в зверей, привязанных к Гриз, тех, что сама Крелла привела и отдала, и перекидываются по болотным кочкам — к огромной, властной фигуре. Та вздымает все свои щупальца — и поднимает кровавую топь на дыбы, заставляет её выгнуться сотней кошачьих спин. Пухнут высокие волны — пытаются дотянуться до мелкой бабочки в высоте.

— Меня заполнили! — заходится булькающим смехом Кровавая. — Меня заполнили, а ты слаба! Так что ты делаешь, глупая девочка?

— *Сжигаю себя*, — шепчут пересохшие губы.

Сколько болота бывает охваченным пламенем при пожарах?

— Меня заполнили-и-и-и-и!! — визжит Крелла, но Гриз уже не слушает.

Распахивая крылья во всю ширь. Облекаясь в пламя и становясь им.

Мгновенным жаром прокатывается по нитям, что связывают с сознаниями животных — и вспыхивает у них внутри обжигающим «Вместе!»

Вместе с каждым, горю в каждом, и всё уже в порядке, боль сейчас уйдёт, холод отступит. Ты слышишь меня, я знаю, потому что пылаю внутри тебя. Не бойся моего огня — я хочу только спасти. Я дарю тебе этот огонь, как желание уберечь, как возможность не слышать зова крови. Я — ваш пастырь и ваше пламя. Я открываю ваши клетки.

Их испуг и боль, их горе и ужас сгорают в ней без остатка, а взамен она даёт им горячее чувство пробуждения и возможность — быть прежними. Они же просыпаются и тянутся к огню в ответ — сперва драккайна, керберы, виверний, огнистые лисицы — все, кому родственно пламя. Потом алапарды, игольчатники, гарпии...

«Вместе!» — откликаются пламени звери, — и уходят в обычный мир, где не нужно быть ничьими орудиями. А пламя разгорается ярче, охватывает вздыбленную, обезумевшую топь, перекидывается по кочкам и вздымается к небесам.

Где-то внизу корчится обожжённое существо, завывает: «Меня заполнили, заполнили, заполнили!» — и пытается затушить пламя, смять его в ладонях...

«Нужно спасти», — то, что единственно важно вспыхивает внутри. Нужно показать дорогу, подтолкнуть к важной мысли, к собственному имени, к тому, что уведёт Креллу-Охотницу вслед за освобождёнными зверями...

«Сожги же меня! Сожгии-и-и-и!» — истошный визг боли, но это пламя может сжечь лишь одну, а всех остальных оно хочет уберечь. Ярость, сытая ненависть, холодное превосходство — всё плавится, сгорает в бушующем пожаре без остатка, пламя наполняет

мир — и последний вой говорит, что узница ушла.

Куда?

Куда-то, куда её вытолкнуло из заполненного огнём мира.

Вовне.

Куда нужно и мне.

Совсем в пепел нельзя, потому что там, куда ушла другая, кто-то есть, кто-то...

Вспомнить. Погаснуть.

Спасти, спасти, спас... некого спасать здесь, но вовне — есть другие, и ей нужно к ним.

Медленно гаснут за спиной крылья. Ноги касаются мягкого, горячего. Пальцы дрожат — в них ещё не утих внутренний жар — и она наклоняется и тихо ладонью сметает из-под ног пепел.

Ладонь натывается на твёрдое, холодное.

Почти прозрачный, чуть розоватый лёд, в котором нет отражения.

Подо льдом — бездна. Кажется чёрной, но она знает, что в глубине у неё живут тропы — сотни шепчущих, манящих путей с тысячей перекрестий. Смутные тропы, ловушка для варгов, куда нельзя уходить.

Топь, засыпанная пеплом. Покрытая узорами льда. Лёд трещит и ломается, под ним просыпаются беспокойные, густые волны.

Слишком много крови пролилось на землю. Слишком много безумия. Жажды мести.

Из-под ног тихо ползут трещины. В них проступает сырое, вязкое, алое. Зовёт вниз, танцевать — она танцевала на льду, а мать звала её... звала её как?

До того, как она запылала и возродилась безымянной, у неё было имя, не птичье, но человеческое, имя нужно вспомнить — и уйти туда, где она почему-то нужна.

Шум неистовых волн. Подступающих к хрупкому ледяному островку, отъедающих от него куски. словно это её память — вся в трещинах, и в трещинах стены крепости за её стеной. И нужно собрать слова, и положить друг на друга, и скрепить ошмётками памяти — пока крепость не потопило совсем.

Я — крепость, и я мост между бестиями и магами (как быстро ползут трещины!), и я варг, но отступница (волны вздымаются так яростно), меня называют Тавмантой-попутчицей нойя и сестрой — даарду, и один варг с фениксом тоже назвал сестрой (нет, нет, всё не то!), а один законник говорил — я преступница, и был ещё один, для кого я — невыносимая... (лицо не помнится, почему оно так важно?), и я хорошая покупательница и друг, но нет чего-то, от чего можно оттолкнуться, как от камня, вспомнить имя, хлёсткое, короткое, как свист кнута — у меня был кнут, как у пастуха, только я не пастух, я...

Треск лопающегося льда оглушает, густое и алое касается ног, но трещины не пугают её, её никогда почему-то не пугали тьма и холод, и откуда-то, может быть, из бездны под ногами, — отдаётся вкрадчивый, дальний голос: «Аталия...».

И, отталкивая этот голос, она кричит в бушующие волны: «Я тебе не чёртова бабочка, Рихард, я...»

Гриз. Я Гриз. Гриз Ард...

Тяжкая волна с запахом безумия накатывается — и подминает её под себя.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Они все падают разом. Грызи, звери и тварь, которая назвала себя Охотницей.

Звери воют и скулят, сучат лапами и стонут, как от плохих снов. Тварь Крелла вскрикивает удивлённо, и она оседает на землю медленно. Грызиде же с помертвевшим лицом молча падает назад.

Морковка подхватывает её, опускается на колени, заглядывает в лицо отчаянно.

У неё стиснуты зубы, прерывается дыхание. Глаза широко раскрыты, и в них полыхает невиданная зелень. Только взгляд мёртвый, невидящий: она не-здесь. Ручеёк крови с разрезанной ладони медленно растекается по грязной земле.

— Это надо прекратить, — шепчет Морковка и дрожащими руками нашаривает на поясе то ли заживляющее, то ли бинт. — Нужно... прекратить это!

— С-с-с-стоять!

Огненный вихрь — разъярённая Конфетка, из которой вытряхнуло сладость. Подлетает к Морковке и шипит, оскаливая зубы ему в лицо:

— Не смей! Не тронь! Она сказала, что делать. Знала, что делать! Не лезь туда, слышишь, дурной мальчишка?! Не суйся!

— Она же умрёт! Умрёт, из-за того, что мы позволили ей! Это безумие...

— Будешь ей мешать — клянусь волосами Перекрестницы, пушу кровь и тебе тоже!

Конфетка суёт под нос Его Светлости короткий кинжал. Янист коротко моргает, а потом глаза у него делаются темно-синими омутами. Как в детстве. Когда до него доходило. Когда в голову ему вступало что-то отчаянно...

Кровь.

Вир побери, держать зверей на крови варга может не только варг. Может — маг, у которого хватит воли воззвать и удержать. Осталось секунд десять, пока он осмыслит. И пока пойдёт вслед за ней. Нырнёт туда, в не-здесь, на лёгкие тропы, в трясину сплетённых сознаний. С концами.

— Янист.

Голос нужно сделать спокойным. Хотя больше всего мне сейчас хочется метнуть нож в Конфетку и сигануть за Грызиде с Морковкой на пару.

— Она сказала держать её, Янист. Там ты этого сделать не сможешь. Никто не сможет. Понимаешь? Ты должен быть здесь. Чтобы держать. Вытащить её.

Вроде бы, мне удаётся пробиться к нему. Он часто дышит, но смотрит теперь на меня, а не в неживое лицо Грызиде или на её ладонь. Губы дрожат, когда он шепчет:

— Но я не знаю, как...

— Зови её, — говорит нойя и чуть встряхивает его за плечи. — Мальчик! Зови её! Тебе она отзовётся, на твой зов придёт. Кричи, зови, чтобы слышала!

Но кричать первой начинает Крелла. Охотница корчится, держится за виски и визжит, будто её виверний поджаривает. А все звери разом режут. Только это не песнь Крови и не песнь Охоты. Это будто бы они все разом вдруг обрели голос. Очнулись и приветствуют кого-то.

Нойя сквозь зубы ругается на родном наречии. Потом встаёт рядом с Янистом, опустив ему руку на плечо.

— Не смотри на них, зови её! Я прикрою.

И поднимает в руке какую-то склянку — готова метнуть.

«Вместе!» — выпевают звери особый зов, который у бестий предназначается для варгов. — «Мы вместе!»

Гарпии сбегают сразу же. Смущённо юркает в кусты огнистая лисица. Игольчатники

побаиваются и огрызаются на грифона, а он сверху вниз глядит на них без любопытства, с холодным превосходством — что забыли, мол?

Они все прежние. Освобождённые. Некоторые недоумевают, другим страшно, или больно. Два алапарда вздыбили шерсть, низко рычат. Виверний тоже злится. И драккайна.

Не на нас.

Охотница заканчивает визжать и отлипает от земли. Роба у неё перекошена и перемазана кровью из разрезанной ладони. Зубы оскалены и постукивают дробно. С третьего раза она поднимается, и глядит так, будто хочет то ли зарыдать, то ли расхохотаться.

На Конфетку, которая стоит с каким-то артефактом в одной руке и поднятой склянкой — в другой. Зловещая, как все слухи о нойя. На меня и мой атархэ в руке. На Грызи, ручеёк крови и Яниста — тот что-то шепчет Грыз на ухо, но та не откликается...

Потом тварь Крелла слышит рык и переводит взгляд на бестий. Стадо, которое она предала. На их выпущенные когти, оскаленные в страхе и злобе клыки.

Кидает мимолётный взгляд на свою окровавленную, трясущуюся ладонь — опускает её. И вырисовывает дрожащими губами неуверенное, знакомое «Вместе...»

Пытается воззвать как варг. Пройти в обычное единение. Значит, кровь больше не действует — наверное, Грызи сотворила что-нибудь этакое.

В своём обычном духе.

«Вместе, вместе, вместе», — твердит Крелла и шарит безумным взглядом по мордам алапардов, грифона, керберов, виверния... Но они все только дёргают головами и отворачиваются. А драккайна припадает к земле и рычит, высоко и злобно: предупреждение, чтобы не смели к ней соваться.

Охотница тужится, перекашивает лицо ещё сильнее, но в глазах у неё так и нет никаких разводов, глаза просто налиты кровью. Алые, как у кролика. И из носа тоже тёмные капли текут.

— Ты не можешь, — говорит Конфетка.

На физиономии у нойя — злорадная улыбка. Мстительная и тёмная.

— Ты сгорела. Не можешь больше дотянуться до Дара. Ты им больше не Пастырь.

На лице у Конфетки слишком ясно написано, что за этим последует. Тварь Крелла вскрикивает и кидается наутёк между деревьев.

Чёрта с два.

— Прикрой! — ору я Конфетке и несусь следом. Одновременно взываю к Дару: кто-то из хищников точно дёрнулся за мной. Просто на инстинктах: бежишь — значит, добыча. Потом за спиной, затихает — нойя всё-таки успела со своими эликсирами.

Перехожу на патрульную пробежку — неслышную, мягкую, скользкую. Крелла несётся громко, сучья трещат и ломаются под ней, она заплетается ногами, шатается и налетает на стволы. И дышит с натугой и хрипом, загнанно. И россыпь кровавых брызг отмечает её следы.

Но несётся она всё-таки быстро и хорошо знает здешние тропы.

И омуты.

О первой болотной ловушке предупреждает Дар, за три шага. Перелетаю в прыжке, прыгаю по кочкам. Охотница бежит прямо в болото, думает оторваться среди трясины, она тут точно все кочки выучила...

Врёшь, не уйдёшь! Взываю к Дару на полную катушку и кожей, нюхом, всем нутром

настраиваюсь на сколько-нибудь твёрдую почву, рвусь по следу дальше. Скоро капли крови пропадают среди коричневой воды и ряски. Но уже не нужно, потому что я её вижу.

Ей удалось оторваться шагов на тридцать, и теперь кажется, что Охотница идёт прямо по трясине. На самом деле переступает по какой-то тайной тропке, временами без боязни окуная ногу до колен.

Шатается. Дар доносит сиплое, сбитое дыхание. Надрезанная рука висит плетью.

Делаю с десятков шагов — и понимаю, что могу не догнать. Дар орёт о том, что дальше так идти слишком опасно. А Крелле осталась с дюжину шагов до кочковатого островка с чахлыми деревцами — там будет посуше, и идти ей станет легче, а потом...

Отцов подарок греется в ладони. Попаду, нет? Ещё пять шагов, метнуть, держать направление всей волей...

В момент, когда я вскидываю Резун, Крелла оборачивается посмотреть — где погоня.

Наступает босой ногой на скользкое дерево коряги и теряет равновесие в трёх шагах от заветного островка.

Она соскальзывает с тропы и проваливается сразу до груди, пытается вытянуть руки, распластаться пошире, но ноги уже ушли в глубину, и до кочек дотянуться тоже не получается: вязкое торфяное месиво начинает тянуть её вниз.

Вкладываю атархэ в ножны. И зачем-то прохожу ещё несколько шагов. Нащупывая путь при помощи Дара.

Крелла теперь совсем близко, тянет руки из трясины.

— Помоги, — хриплый шёпот, прыгающие губы. Безумные глаза с алыми разводами. — Дай... руку. Ты... спасаешь живое.

Спасаю живое. Дерусь за людоедов с Мясником. Дрессирую тхиоров.

Не терплю охотников.

— Ты... знаешь, что я права. Они... заслужили... С-справедливо... справедливое отмщение.

— Да, — говорю я, глядя на неё сверху вниз.

Охотники убивали зверей. Ты убивала охотников. Потом угрожала двум самым близким мне людям на всём свете. И ещё Конфетке. И мне уж заодно.

Справедливое отмщение.

Трясина ей уже до подбородка, и только рука тянется и тянется. Скрюченные синеватые пальцы, покрытая шрамами ладонь вся в крови. Сочится глубокий порез — алая отметина, как на небе...

— Она хотела бы... дала бы мне руку. Она спасла бы меня!

— Да, — говорю я ещё раз.

Сжалилась бы и поняла. Попыталась бы обогреть и исправить. К делу приставить, как Мясника.

Только вот я не она.

Поворачиваюсь спиной и принимаюсь выбираться из болота. Под ногами чмокает трясина. Заглушает другие звуки. Можно подумать, что плеск и бульканье — это от местных гидр. Их тут точно целая прорва.

А алая метка перед глазами — это ни черта не растопыренная ладонь. Просто кто-то поранил небо, и некому его перевязать.

Я не оборачиваюсь, пока не выхожу на твёрдую поверхность. Потом выдыхаю, вытираю лоб рукавом, гляжу на болото, и вслушиваюсь Даром. Но там уже никого нет, только что-то

будто бы ворочается в глубине, пуская пузыри.

Тогда я бегу туда, где слышится отчаянный зов Яниста.

С каждым шагом зов становится всё громче, а утробные, глухие звуки из трясины — тише.

Потом Охотничья Погибель за моей спиной замолкает совсем.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Изнутри поднималась мутная волна тошноты.

Очень может быть, дело было в передозировке всякого рода нехороших зелий. Или в той ампулке с секретом альфина, которую я раздавил пять минут назад. Трогири я наврал, что ампулка мне совершенно необходима, чтобы отпугнуть в роце злых и страшных алапардов. На самом деле запах самого крупного хищника Кайетты должен бы как раз поманить на всю голову ушибленную тварь, которая считает себя вершиной местной пищевой цепи.

Тошнота могла объясняться и попытками понять — что там в голове у мортаха. Одновременно при этом орать на лесничих и размахивать руками.

— Значит так, этого вот живо на контроль! Проверьте, что у него там с верёвками на руках. Дарт подальше уберите! Бестолочи, четыре конвойных, не меньше, что вы там толкотню устроили, сбежит — нам всем разом башку оторвут! Да куда вы в меня целитесь — мне напомнить, что вы должны выполнять мои приказы? Живее! Арена там готова или нет? Ты и ты — доложите хозяевам, срочно!

От воплей и суеты очумевшие лесничие метались вокруг, как некормленные шнырки. С закрытием калиточки я устроил не меньшую суету — и выцепил-таки момент, проследил, чтобы запирающий артефакт не был как следует активирован («Куда ты его поворачиваешь, а ну, дай я, а то к нам сейчас все зверьё местное пожалует!»). Поорал ещё, выцепил второй момент — прикоснулся ладонью к артефакторной задвижке, с силой вытолкнул остатки магии через Печать.

От магических упражнений тошнота навалилась с удвоенной силой, ноги начали заплетаться, и лесничие хором обеспокоились — а не надо ли мне чего.

— Пока не надо, — отстал от Нэйша и конвойных, поманил Клайса. — Вот тебе приказ напоследок: собери кого можешь — и не рыпайтесь, пока не кончится заварушка. Услышал? Есть желание уточнить приказ у высшего начальства или получить другие распоряжения?

Тощий Клайс понятливо замотал головой. Всё-таки не до конца им мозги вынесли в Граде Рабов...

— Вот и молодчина. Выполнять.

Жаль, мне фляжку не вернули. Пока догонял лесничих и Нэйша, пока огибали поместье — тошнота так и подтапливала своими волнами. Будто пережил морскую болтанку. Или собираюсь с разбега сигать в пропасть.

Может, просто слишком много мыслей о Гриз. Пока я продумывал всё это, насчёт мортаха, — вспоминал её уроки. Так что теперь кое-что от Гриз точно обосновалось внутри. И, кажется, печалилось. Или интересовалось — что я буду делать, когда все три проблемы окажутся решенными, а путь в «Ковчежец» для меня — закрытым.

«Не думала же ты, что я останусь, — спорил я и всё никак не мог поймать в прицел светлый затылок впереди. — Вот этот отморозок кое в чём был прав: непонятно, почему я не ушёл раньше. Мне такое же место в питомнике, как ему. Что я, спрашивается, буду делать, а? Ловить кинжалы в пузо, поедаться тхиорами, сжигаться чокнутыми геральдионами? Пытаться кого-то спасать, как это делаешь ты — хотя у меня это вообще внутри не прописано?»

И хватит смотреть этой своей укоризненной зеленью из моих периодических галлюцинаций. У меня два отменных выхода. Сигануть с этого корабля на роскошное судно Шеннета. Или самому выбрать, чем заниматься. И оба выбора — привычнее, проще, вот только это... опять...

Тут мы наконец обогнули поместья с левого крыла, и нас препроводили на арену. Ту самую, построенную для развлечений инвалида на голову и не на голову. Скучнейшая площадка с твёрдым покрытием, на каких стравливают диких зверей — может, только в несколько раз пошире. Тех самых лабиринтов и препятствий, о которых говорил Трогири, на арене не было — то ли поубирали, то ли арен всё-таки было несколько, под настроение.

Настроение у обоих Трогири было ничего себе. Они находились на единственной трибуне, закрытой малым артемагическим щитом (вир побери, подстраховались!). В компании четырёх слуг с Печатями (да чтоб вас!). Нарден приветственно дёргался, зеленел и строил гримасы. Старший Трогири откинулся в своём кресле и пялился на то, как мы с Нэйшем волочимся пред его ясные очи.

Дюжина шагов и порядочное возвышение. Достаточно чтобы рассмотреть выражение лица и говорить без крика. Недостаточно для качественного рывка в побег или нападения. Не только из-за слуг на трибунах. Просто конвойные лесничие повинуются приказу Нардена и уходят с арены. Занимают посты у калиточки, через которую нас сюда привели. И через ограду наводят на нас пушки с Пустошей.

А Нэйш поворачивается ко мне и всем своим видом выражает, как он рад оказаться на этой арене в компании со мной.

Когда шулер в «Каменноликом» узнаёт, что вместо обычных ребят с ним тоже играют сплошь шулеры — это обозначается ёмким «Судьба показала корму». В моём случае она ещё и оголила все свои шлюзы.

Надежда разве что на то, что Трогири начнёт излагать Нэйшу историю «Как меня задрал медведь, а я выжил».

— Не хочу тянуть, — проскрипел калека, и я чуть не заорал: «Ты чо, подслушивал?». — Я видел, на что вы способны, господин Нэйш. Вы будете венцом моей коллекции.

Ответная любезность в духе: «Оу, Мэйс Трогири, я о вас столько слышал, и вы тоже, в некотором роде, венец» — прямо-таки напрашивалась. Но Нэйш ухитрился быть ещё гаже, чем о нём думают.

— Не то чтобы я мог сказать то же самое, — Где-нибудь выдают медальку «Взбеси маньяка одной фразой»? Папочка-Трогири вернул себе речь секунд через десять.

— Нарден, покажи ему его дарт. Он будет храниться на почётном месте в Зале Трофеев. А вы будете знать, что вас убил калека.

— Спуститесь ко мне или прибегнете к более изобретательным способам? — отлично, теперь он смотрит на кресло и на колёса. Никакого уважения к покалеченным старикам.

К покалеченным старикам, от смеха которых у меня сейчас кишки завернутся.

— Лучшему из охотников нет нужды убивать самому. Достаточно правильно расставить ловушки. Поэтому вас убьёт наш напарник.

Ладно, догадаться было несложно. Хотя мы вообще-то о таком и не договаривались. Но старик скрипуче хихикает с трибун, и в смехе невесёлый выбор: грохнуть Нэйша — или грохнуть тебя.

Под взглядами двух коллекционеров моя тошнота устремилась к новому уровню.

— По твоим меркам это тянет на крайний случай, Лайл?

Ещё и как тянет. Выбор между им и тобой, рукоятка оружия нагревается в ноющей ладони, крыса верещит внутри, да какого вира, почему бы и нет, собственно?

— И ты же не будешь отрицать, что хочешь этого?

«Горевестник» лежал в пальцах прилично, совсем чуть-чуть подрагивал, не от нерешительности, а от усталости. Я чертовски хотел этого, да. Ещё на Рифах. Во время каждой пытки. И за последний год. Угрозы, издёвочки, вечное препарирование — и крыса бесилась внутри, оскаливала клыки в кровожадном визге: *ничего, рано или поздно...* И я правда хотел этого, только вот — какого вира тогда я не включил это в план?!

Предусмотреть было так просто. И всё равно ведь кончится одним. Какая разница, от чего он... а так будет даже...

— Чище. Проще. Милосерднее.

Он стоял в десятке шагов, со связанными руками, под прицелом серебристого «горевестника». Чёрный костюм и светлые волосы со следами крови. В немигающих глазах отражается серое с кровавыми полосами утро. Ещё там отражаюсь весь я, со всеми крысиными мыслишками, которые он тут же и озвучивал.

— Конечно, ты думал об этом. Любой из охотников или убийц находит подобные аргументы. «Всё равно ведь исход один, чуть раньше, чуть позже. А так можно даже получить некое удовлетворение». Или ты рассчитывал на что-то другое?

Рассчитывал, что времени будет достаточно, что мне не придётся, я просто отойду в сторону. Да какая, в вир, разница — почему я вообще не предусмотрел?!

Словно этого не могло случиться. Связанный человек под моим прицелом. Оба Трогири вытянули шею в жадном предвкушении. Старший что-то шепчет младшему — наверное, удивляется, что я так качественно впал в ступор.

А может, говорит, что это слишком просто.

— Слишком просто. Сделаем зрелище интереснее.

Нарден Трогири повозился с артефактом, вышел из защитной зоны. Немного прошёл по трибуне и как как следует размахнулся.

Слабо прошелестело что-то, блеснуло длинной серебристой цепочкой — и звякнуло о землю за два десятка шагов. Палладарт.

— Ты — или тебя, — каркнул калека, и его корявую ухмылку я ощутил каждой шерстинкой. Всеми крысиными волосками, которые поднялись дыбом.

Смотрел я при этом не на Трогири, а на лицо Нэйша, где медленно, по миллиметру, выступала совсем другая улыбка. Холодная и яркая. Из тех, которые заставляют твои пальцы леденеть, а сердце колотиться с безумной скоростью.

Из тех, которые слишком ясно говорят, что ты не жилец.

Мы смотрели в глаза друг другу, и миги неслись мимо нас — подгоняемые истошным тархтением сердца в ушах, я понимал — сейчас нужно будет дёргать крючок спуска, а устранитель рванётся в сторону, и если я не успею, не угадаю — он доберётся до дарта, призовет его — и потом уже всё.

И было оглушительно громко. Буйство ветра в роце тейенха, и вопли утренних птах, смешки Трогири, жадное сопение его сынишки, и безумное «бах-бах-бах» в ушах, отчаянный, тягучий визг крысы внутри...

Тихий плач маленькой, заблудившейся девочки. Горький, невинный. Девочка заплутала, прибрела к арене, а на ней нету мамы, какие-то дядьки, а у калитки тоже какие-то...

Орут и падают.

Я обернулся в тот момент, когда егерей охраны разметало по сторонам. Кто-то пронзительно взвизгнул, бахнул одинокий выстрел, и маленькая девочка заплакала внутри ограды.

Ближе. И ближе. И ближе.

Плач замер, и с ним замерло всё. Время и ветер. Сердце и крыса под ним.

Даже тоненький, бабий крик Трогири-младшего — словно растянулся и тоже застыл.

Сначала в воздухе обозначилась пара раскалённых алых точек.

Потом мортах явился из воздуха.

Первыми проступили цепкие когтистые пальцы, растопыренные почти по кругу, в чешуйчатой, поблёскивающей броне. Мощные лапы, гибкие и длинные, словно у кошки. Закрытое той же бронёй гладкое тулово с тускло-серебристыми щитками впереди и тёмной, шипастой полосой по хребту. Полыхнуло алым — и явился подвижный, извивающийся хвост, на конце которого поблёскивало острое жало. Потом вокруг алых точек втянулись щитки, и проступила морда — длинная, похожая на собачью, но с закруглённым, змеиным носом и прижатыми ушами.

Приоткрылась пасть, показав иглы страшных клыков.

Взгляд твари был цепенящим, слишком уж осмысленным. Скользнул по мне, ощупал «горевестник» (Нужно его бросить, — мелькнуло внутри, бросить и отойти — но пальцы будто приклеились к оружию). Потом мортаха привлекла суета на трибунах: там разбегались в разные стороны слуги, а Трогири-младший всё верещал, тоненько, отчаянно, чтобы они сделали что-то...

Рывок Нэйша я не увидел — предчувствовал. Потому что знал, что он будет — и сердце лениво, замедленно выдало бесконечный удар, наполненный истощным верещанием крысы: «Брось оружие, брось, дурак, отойди в сторону!»

На втором ударе я осознал, что готов заорать это вслух.

А потом где-то между ударами меня швырнуло устранителю вслед. Мортах и Трогири отступили и смазались, взгляд приковался к серебристой цепочке, которая взметнулась навстречу протянутым рукам, оставалось совсем немного: дотянуться, одно движение — разрезать верёвку, взметнуть дарт, поднимаясь...

Мне бы не успеть — но связанные руки замедлили его.

Прыгнул я почти наобум, совсем не грациозно, вот только Нэйш в этот момент был в движении, в текучем рывке навстречу дарту, и мой вес (хвала пирожкам Аманды), помноженный на разбег, всё-таки оказался у него на спине неожиданно. Сбил равновесие до падения, и уже в падении я, не переводя дыхания, съездил устранителя рукояткой «горевестника» пониже затылка, получилось вскользь и неудачно; ответный удар локтем чуть не вышиб из меня дух, и тело вспомнило прежние навыки: упереться коленями, лёжа на арестованном, зафиксировать шею, приставить к голове Печать, тьфу ты, дуло.

— Лежать! — голос срывался в визг, заходилась обезумевший грызун внутри, и нельзя было думать, что я делаю, потому я просто вжимал дуло в затылок «клыка» и орал изо всех сил: — Не смей, ублюдок, только дёрнись, на месте положу, лежать!!

Я орал, угрожал и честил Нэйша словечками из лексикона то ли законников, то ли пиратов. Выдавал такое, чему позавидовала бы Фреза — и сам ужасался, и всё равно орал дальше. До боли в горле, до полного оглушения себя же — потому что понимал, что удержать его мне не удастся.

— Замри, мразь, только дёрнись! Убью, тварь!!

Всё равно, что пытаться прижать к земле бешеного алапарда. Масса не спасала, а у устраниителя оставались свободными ноги, я постарался только вцепиться в него покрепче, когда меня подкинуло и перевернуло, перед глазами мелькнуло змеиное жальце дарта — подползало всё ближе, повинувшись хозяйскому зову. Потом меня саданули под дых, и прямо над собой я увидел бледное лицо устраниителя, плотно сжатые губы, серебристые острые блики в немигающих глазах.

Левая рука проскользила, я попытался захватить в горсть чёрную ткань и нацелить «горевестник» хоть куда-то, но цепкие пальцы ужалили запястье, и оружие Пустошей вырвалось, отпрыгнуло к дарту.

— Зам...

Он действительно замер — и время с ним, и сердце опять тоже. Потому что теперь устраниитель смотрел не на меня. На что-то правее и выше. Я знал, что это — и не хотел этого видеть, но я всё-таки невольно проследовал за его взглядом, поднял голову.

Тварь стояла над нами, пронизывая алыми углями глаз.

ЗВЕРЬ

Жертвы у Запретительной Черты не кричат. Разбегаются, прячутся. Знают, что я главный.

Логово прямо передо мной. Оно большое, деревянное, у него запах смерти. Может быть, обследовать его ближе, поискать Охотника?

Но запах ведёт вокруг логова. Запах и цель. Стучащая под кожей всё громче, нетерпеливее.

Найди Охотника. Убей Охотника!

Я огибаю логово и вижу странную поляну. Вокруг неё тоже есть магия-защита, только слабая, много прорех. У одной прорехи три жертвы. Но я им не показываюсь. Наблюдаю.

На поляне двое. Он и тот, неуклюжий, с магией холода. Они стоят так, будто хотят схватиться.

Но ни в одном я не чую желания убить.

Поза Его — игра и рывок. Поза другого — страх и сомнение.

Выше ещё есть люди, закрыты глупой, дырявой Чертой. Несколько жертв. И один, которого я чуял уже до того.

В день, когда меня позвали.

Этот кажется старым, очень слабым. Но в нём есть желание смерти. И он смотрит сверху вниз на двух других, как охотник на дичь.

Я запеваю охотничью песнь. Делаюсь вихрем и прохожу через трёх глупых жертв у прорехи.

На поляне снимаю маскировку. Добавляю в позу вызова и угрозы.

Ответит мне кто-нибудь?

Жертвы, которые сидели высоко, смешно кричат и разбегаются. Особенно кричит один. Очень громко, как птица.

Но Он хочет достать жало. Второй Ему мешает. Прыгает на спину, и они борются. Такие слабые. Но в них есть что-то непонятное, и я иду рассмотреть ближе.

Подхожу и становлюсь над ними. Кто-то бросит вызов?

Они лежат неподвижно. Молча. Они безоружны. И это поза покорности.

Один из них правда убийца, но не охотник. А второй под высшим покровительством.

Не угроза и не моя цель. Отворачиваюсь и иду к тому, который сидит высоко.

Остальные испугались и убежали. И одна из жертв всё смешно, громко кричит. Но тот, к которому иду я, не двигается. Он пахнет деревянным логовом и смертью из него. Сотней охот. Безумием. Вызовом.

Пахнет целью и словами «Лучший из охотников».

Я иду не торопясь и даю ему возможность ударить. Схитрить. Применить маскировку. Выпустить клыки. Отрастить когти. Но он только сидит и смотрит неподвижно, и хрипит, как раненый зверь.

Солёный запах страха в воздухе. Он боится меня? Хотя посылал ко мне других, которых я убил?

Заходя за прореху в Черте, я слышу его сердце. Оно трепыхается, как пойманная дичь. И сам он изломанный и старый, поднимает лапу и слабо машет ей перед лицом. Просит пощады?

Но он тот самый, кому подчиняются в этих местах. Кто слал за мной всех остальных. Значит, он хитрый, ловкий. Смог их подчинить.

Я становлюсь перед ним и смотрю Охотнику прямо в глаза. Пью текущий из них страх: я сильнее! Я — вершина цепи!

А он смотрит на меня и хрипит, и сердце его трепыхается всё слабее. Потом умолкает.

Плохо, что быстро издох. Я попугал бы его ещё.

Боя не вышло. Но цель отступает. Не рвёт больше вены изнутри. Не кричит в ушах. Цели тоже понимает, что я тут самый лучший Охотник.

Цель говорит, — можно уходить.

Я пою короткую, торжествующую песню, и она несётся над воплями испуганной жертвы. Смотрю на тех двоих, которые признали меня главным.

Пусть они знают: я самый лучший.

Я выполнил цель.

И я шагаю в покой. Омываясь им, как тёплым дождём.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Мортах казался огромным. Монстр из чьих-то ночных кошмаров. Пытающийся отыскать себе нового хозяина и влезть в его сны.

Тварь стояла над нами, издевательски щерясь. Тускло поблёскивали щитки панциря, трепетали какие-то чешуйки у носа — словно она внюхивалась.

Бессознательно я схватился за карман, где лежал амулет Аманды. Мысленно воззвал к милости той, которая хранит путников — защити, если сможешь...

Взгляд, осязаемый, раскалённый, прогулялся по лицу, переполз на Нэйша.

Тварь отвернулась.

Не спеша направилась к трибунам. Туда, где переливался визг Трогири-младшего. Нарден явственно спятил: открыл защиту и кинулся наружу, потом вернулся и начал бегать за разбегающимися слугами. Бросился на одну из трибун, попытался заползти под неё, вереща. Выскочил, опять побежал, споткнулся, упал, пополз.

Старший Трогири так и не двигался с места. Всё равно он не смог бы это сделать. Креслом управлял слуга. А слуги наплевали на приказы и рванули подальше от опасности

сразу, как Нарден приоткрыл защиту на трибуне.

Визг Трогири-младшего крепчал и рос, старший сидел в своём кресле, а через трибуны к нему двигалась закованная в серебристую броню тварь.

Нацеленно и неспешно.

Охотник и охотник встретились, когда мортах зашёл в ложу для наблюдений. Приблизил морду к лицу Трогири. Будто собирался обменяться приветственными поцелуями.

Чертовски хотелось отвернуться, но я приподнялся — и смотрел. На слабые взмахи руки, которой калека пытался заслониться. На конвульсии. У старикана, похоже, не выдержало сердце.

Мэйс Трогири явно был не так крепок внутренне, как думал про себя сам.

Мортах вскинул голову и выпустил короткий, переливчатый вой с неожиданным «ихихих» на конце.

Потом алые точки взглянули в душу ещё раз.

И контуры твари словно размылись. В воздухе забушевал короткий магический вихрь, подтверждая: это уже не маскировка.

Вихрь осел, и на его месте никого больше не было.

Мэйс Трогири лежал мёртвым в своём кресле. Плед сполз с него, и я даже отсюда мог видеть перекорёженную, вздыбленную плоть.

Нарден унёсся куда-то далеко и там продолжал визжать, орать и рыдать. Надо бы, пожалуй, пойти и поймать его, пока в себя не пришёл.

Да и со слугами надо бы срочно уладить, и вызвать законников, и...

Мелькнуло серебро, звякнула цепочка — и на землю упала разрезанная верёвка.

Потом железные пальцы взялись за воротник моей куртки и дёрнули вверх. Поднимая сперва на ноги, потом на цыпочки, с частичным перекрытием дыхания.

Бархатный голос поинтересовался над ухом:

— Какую строку предпочтёшь для «Книги утекшей воды»?

Если подумать, моя смерть вполне тянула на воплощение статуи Стрелка.

Ну ладно, Стрелка в худшие моменты его жизни.

Возможно, крайне разозлённого Стрелка, растрепавшего причёсочку, повалившегося щекой по земле и забывшего, что значит моргать.

В голубые глаза такой смерти очень не хочется смотреть. Ещё сложнее под немигающим взглядом придумывать ответ.

— Три — один, — прошептал я.

Нэйш моргнул. Хватка на моем воротнике ослабла — настолько, чтобы я коснулся пятками земли и как следует вдохнул воздуха для возмущённой, визгливой тирады.

— Какого вира ты творишь? Я тебе жизнь только что спас, неблагодарный ты мантикорий сын! Или что — ты считаешь, что справился бы с этой тварью только с дартом? А? Без маск-плаща, один на один?

А не влезть в эту драку он не мог, потому что инстинкты хищника — страшное дело. Лежать брюхом кверху — это же не для нашего устранителя.

Рука на моём хребте ослабела ещё. Я тут же смахнул руку совсем и сделал пару шагов назад.

— Или до тебя, придурок ты отмороженный, ещё не дошла суть игры? Ты... что ты вообще не можешь разрушить, спрашивается, а?! Я корячусь ночь напролёт в компании двух

поехавших, обвожу их вокруг пальца, провожу идеальный план — и ты собрался его разнести, просто чтобы показать, какой ты невероятно крутой охотник. Что? Тебе не понравились мои методы?! Ути-пути, какие мы нежные, на нас тут оружие наставили и плохие слова говорили, я говорил то, что думал! Тупой ты ублюдок, ты нас чуть не убил!

— Осторожнее, Лайл.

Нэйш тоже отступил на шаг и теперь сматывал цепочку дарта. По крайней мере, не собирался прикончить меня на месте.

— Мортаха провёл на арену ты?

— Само-то собой! Трогири собирался тебя убирать из рощи любыми средствами. Так что я малость подыграл, организовал всю эту охоту с вроде-как-двойной-игрой, вытащил тебя, провёл мортаха. Не говори, что не учуял секрет альфина.

— Ты знал, что он охотится за Трогири?

— Боженьки, ты блокируешь вообще всё, что говорит Арделл? И насчёт времени не заметил? Они задали ему цель «Найти Охотника. Убить Охотника». Так почему же после убийства каждого охотника мортах оставался на месте? Цель-то как будто выполнена, а? Но ты же сам говорил — они иерархичны. Тварь сообразила, что перед ней мелкие сошки. Отсиживалась в роще и искала главного. Насчёт того, кто тут главный, у тебя сомнений нет?

— Это могло не сработать.

— Точно. Могло. Если бы он появился бы попозже — мне пришлось бы в тебя стрелять или орать тебе во всю глотку своё: «Таков был план!» Хотя ты бы всё равно не поверил бы и попытался бы меня грохнуть.

— Я и сейчас ещё не исключаю такой возможности, — заметил устранитель, не отрываясь от отряхивания костюма. — И почему *в принципе* я должен тебе верить, Лайл?

— Хм, дай-ка подумать...

Я выдохнул и нагнулся вперёд, отдаваясь во власть одолевавшей меня тошноты.

Нэйш шарахнулся назад, а бирюзовая, пахнувшая травками струя сделала этот мир чуть-чуть поярче. Вир побери, надо будет сказать Аманде — пусть усовершенствует цвет, чтобы можно было поблёвывать раду...

Тут меня скрутило по второму разу. Удержаться на ногах не получилось, я грохнулся на колени, пережил спазм и сообщил куда-то в воздух:

— Если ты не знаешь, что такое передоз зелья правды — можешь записать в свой блокнотик. Я бы так сказал, часов десять я буду самым правдивым из всех правдиве... ве... ве-е-е-е-е!!

Никогда не любил превосходные степени.

Надеюсь, приложило передозом не слишком сильно, а то тут неподалёку дожидаются дела. Не тысяча, но пара десятков — вполне.

Когда я малость отдышался и попытался встать — Нэйш рассматривал «горевестник». Судя по взгляду — игрушку я больше не увижу. И вряд ли мне стоит появляться возле «клыка» с пустошным оружием на расстоянии менее мили.

— Правдивый из правдивейших, а? — повторил Нэйш и перевёл взгляд на меня.

Я удержался от того, чтобы в четвёртый раз предъявить внутренний мир окружающей меня паршивой действительности. Всё-таки встал на ноги и забубнил раздражённо:

— Если хочешь забрать свои ножички у лесничих и сумку из рощи — надо бы поторопиться. Место в роще найдёшь сам? Только нужно как-то запугать слуг, и знаешь, у меня для этого есть одна кандидатура. Да, и ещё связаться с законниками — думаю,

придётся вызвать Тербенно, он тут будет быстрее всех. И ещё...

Были дела, да. Поймать клятого Нардена, где он там бегаёт? Посмотреть раненых егерей. Отыскать фляжку. Подумать над тем, какую версию событий выложить законникам, а какую — Гриз...

Вопрос перелетел через плечо, уже когда я заковылял к выходу с арены.

— Зачем?

Пришлось остановиться и обернуться. Поглядеть на Нэйша, чёрно-серебристого из-за передоза, который так и не собирался меня оставлять.

— Ты мог отойти в сторону.

Мог. Хотел. Девяносто... девять вариантов против одного, я так думаю. Просто на меня невовремя снизошло кое-какое озарение. Но уж об этом у меня легко получится умолчать.

— Точно, как это я не додумался сказать: «Разбирайтесь сами», а потом принести тебя Гриз в наплечной сумочке. Ой, что же меня сподвигло, если не горячая симпатия к тебе? Ну, как бы по-дурацки ни звучало — та же причина, которая заставляет тебя притаскивать напарников живыми с выездов.

— И эта причина...

Всё просто. Чертовски, ошеломительно просто. В клятом круге, где каждый убивает каждого и есть лишь хищники и жертвы, нет места попыткам спасать. Мы не созданы для этого. Такие, как я или Нэйш, умеют разве что разрушать. Рощи, конторы, гильдии. Планы и жизни. Всё вокруг себя. Потихоньку от случая к случаю катясь всё ниже и ниже с невидимой горочки. Теряя последние остатки себя, растворяясь в грязи и крови.

Становясь отличными охотниками или крысами. И только.

И иногда единственный способ оставаться хоть отчасти человеком — выйти за пределы круга. Подняться над ним.

Сохраняя в себе крупницы человечности. Становясь по-настоящему вершиной цепи.

— Причина, Лайл?..

Причина, которую ты не услышишь. Вернее, никогда не захочешь слышать. Потому что никогда не признаешься, что день за днём остаёшься в питомнике, чтобы...

— Спроси меня через полгода, — посоветовал я, отворачиваясь. — Или через годик. Когда мы с тобой сравняем счёт.

...и я мог бы уйти к Эвальду Шеннетскому, только вот это будет всё той же старой доброй крысиной шкуркой — хоть и позолоченной, отменно облегающей. Мог бы торговать, или собирать информацию, или заниматься контрабандой, или даже содержать таверну где-нибудь в тильвийской глуши. Только вот грызун, поселившийся во мне, не даст мне перестать падать. И я всё так и буду прыгать с корабля на корабль, катиться всё ниже и ниже, идти через новые и новые грани, пока не утрачу остатки себя совсем.

— Через полгода? Через год? — прилетело через плечо. — Знаешь, Лайл... Это похоже на решение.

Когда мы тонем во тьме, последней искрой, которая нам остаётся — иногда бывает желание спасти хоть кого-то. Людей. Зверей. Может быть, вообще всех, как у одной моей знакомой варгини. И шанс, который мы получили от ушибленной судьбы, заключается в том, чтобы быть в нужном месте — там, где спасти кого-нибудь да придётся. Рядом с теми, кто сохранил внутри себя частичку живого огня.

Пальцы коснулись амулета, тёплого под кожей куртки.

— Да, — сказал я. — Похоже на решение.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

Тихий плеск погребальных вод, берущих тело в Бездонь. Опустив руки, и выдохни, опускаясь в спокойную, тёмную глубину. Внимай голосам, давним и незнакомым, услышь заплутавших и иди туда, куда идёт сила магов, и магия зверей, и твоя кровь...

Она до боли швыряет вперёд правую руку. Подаётся вслед за ней вперёд и вверх, словно вырываясь из осыпающейся могилы. Гребок — и под грудь ударяет упругая волна, пытается прилипнуть, вцепиться, уволочь, но она шлёт вперёд левую руку, отталкивается ногами — и выныривает, делает вздох...

Уцепиться хоть за что-то. Но вокруг только волны бескрайнего кровавого моря. Высокие, штормовые, в белой шипящей пене. Она не успевает собраться, и следующая волна поднимает её, играючи, швыряет опять — в солёную, вязкую глубину, в омут, полный отзвуков прошлого, переплетений настоящего и вероятностей будущего.

Она не помнит, для чего борется и почему старается выгребать. Но в морях бывают маяки и бывают спасательные шлюпки, с которых окликают утопавших, и если продержаться достаточно долго — её, наверное, позовут...

Кто только может позвать её? Варги не вьют гнезда. Отступникам положено тонуть в одиночестве. В мире, где есть лишь охотники и жертвы — есть ли кто-то, кто будет искать тебя, безымянную, обнажённую, затерявшуюся в бескрайнем море?

Покой бездны внизу тянет и манит, но она упорно, выбиваясь из сил, рвётся обратно в штормовое море, будто к чему-то родному и дорогому. С болью в сухожилиях пробивается через толстое покрывало крови, поднимает над ней подбородок и делает полвздоха...

Молния пронизывает её. Мгновенное, жгучее ощущение в венах, в нервах, в крови — и бескрайнее море скорбно вскрикивает: «Смерть варга!» — вздымается, закручиваясь безумной воронкой.

Она ещё пытается удержаться и барахтается, как тонущий щенок кербера — но вокруг алый вир крови, вир тащит в солёную глубину, и нечем дышать. И всё переворачивается и перемешивается: мёртвая женщина совсем рядом кричит ликующе: «Меня заполнили! Заполнили!» — а её тенями окружают другие, в капюшонах и с разрезанными ладонями, и их много, ладоней и капюшонов, а вязкие капли текут на землю: пришла пора поохотиться и стать высшим звеном.

Глаза у неё широко раскрыты, и в них холодными весенними ручьями вливается всё новое: вода наполняется серебром — и в неё погружается ладонь, и белая ладонь лежит на древнем Камне — и всё вокруг тоже полнится серебром, волосы и одежды фигуры, которая стоит в высокой башне, а сам Камень мёртв, тёмн и неподвижен, а на закованной в серебро иве распускается одинокий росток.

Земля сотрясается — и другая башня падает на землю в дыму и в пыли; корчится на земле человек с перерезанным горлом, и идёт страшный бой в выстывших ледяных пещерах — где люди, в крови которых серебро, дерутся с детьми. И непонятно, за кем победа.

Она задыхается, погружаясь в алый, безумный хаос видений, и выгибается и их путях, пытается сделать вдох, но они льются в неё вместо воздуха: мальчик рисует бабочек на стенах своей темницы, а кто-то стоит в коридоре, но это совсем не бабочки там на стенах,

это фениксы, от огня фениксов полыхает город с красными и зелёными крышами, а один феникс горит в небе как знак, и сквозь его огонь идёт человек — и сам обретает крылья.

На это смотрит древний старик в окружении внуков — и шепчет помертвевшими губами: «Остаюсь человеком». А рядом умирает женщина, соединяя смертный и детский крики, потом детский крик становится громче, ярче...

Кричит мальчик на залитой алыми потоками белой площади. Под беспощадно-синим небом — белое, алое и синее сомкнуты намертво, связаны, как смерть, катастрофа и детский крик. Крик режет слух, расходится волнами, идёт сквозь годы — и она пытается уловить, что там, в этом крике... «Умрите!» — или какое-то другое слово, это почему-то очень важно...

Но крик перебивается плеском волн, а плеск волн — звуками музыки. Музыка порождает огонь — и вот загораются небеса, а потом и весь мир, и застывает фигура над пропастью — словно пытается отыскать кого-то, и плещет в ответ огню море — и огонь и море одинакового, сумасшедшего, василькового цвета.

Потом приходит белый росчерк — это бежит куда-то белая лисица, а может, кот. Мёртвая женщина обнимает белого зверя, будто желая защитить от кого-то, а тот, кто наблюдает за этим, поворачивается (опять серебро, только в волосах) и говорит: «Вы попытаетесь спасти всех» — будто обвиняя...

Всех спасти нельзя. Иногда не можешь — даже себя. Она знает это не пытается бороться больше — опускает руки и погружается в холодную ласку солёной бездны. Всё дальше и дальше от отчаянного зова с поверхности.

«Пастырь».

Не тот зов. Этот давит грудь, вырастает под кожу, этот наполнен безумием и голосом тлена.

«Ты не можешь уйти, Пастырь. Ты дала мне клятву».

Клятва... натягивается и удерживает её, как пуповина, не даёт опуститься на дно тёмных шорохов и слепых путей. Она клялась отозваться, кому?

Зов доносится вновь, теперь уже громче, а внизу, в темницах бездны, таится что-то страшное, и Гриз смотрит в серебристые бельма, в силу, которая задержала её здесь.

«Ты не можешь уйти, Пастырь. Потому что тоже слышишь».

— Гриз! Услышь меня, Гриз! Отзовись!

Если ты упадёшь — подхватит ли кто-нибудь? Если ты обернёшься...

Она падает — и она оборачивается — и внутри бездны слышит глухие удары. Словно что-то огромное колотится, пытаясь выйти на волю. И каждый удар порождает звук, и звуки складываются в зов, который неотвязно звучит из глубин.

«Ос...во...бо...ди! Ос...во...бо...ди! Ос...во...бо...»

Зов пронизывает бездну, разливается по смутным тропам, и отзвуки зова — в крике мальчика на выпачканной алым площади, в безумии животных, в криках «Меня заполнили», и его отметку несёт варг, идущий в пламя, и зов прорастает в того, кто сам прорастает во все сосуды своего пламени, он — во всех и во всём...

Если ты уйдёшь — твои стада окажутся одни перед всем, что придёт, Пастырь.

«Нет!» — кричит она — и изгибается в пеленах вязких волн, и, преодолевая собственную слабость, рвётся вверх, прочь от бездны, от видений, от гулкого «Освободи! Освободи!» Навстречу к кому-то, кто ищет её среди кровавых волн, кто зовёт в шторме, повторяя её имя...

Воздуха нет в груди — всё заполнено солёным и горьким, вязким и холодным. И в

глазах — темнота и колышущаяся муть. Но кто-то уже близко, кто-то твердит ей: «Гриз, Гриз, пожалуйста, останься со мной» — и она делает последний рывок к поверхности, протягивает ладонь...

И вцепляется в чьи-то тёплые пальцы, будто в надёжное, просмоленное дерево корабля.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Не знаю, как долго я зову её. Сперва шёпотом, потом вполголоса, а потом я уже кричу и трясу её за плечи, прошу очнуться, клянусь в чём-то, умоляю — и зову опять.

Моя невыносимая не слышит.

На моих руках она лежит — с широко распахнутыми глазами, грудь почти не вздымается, а дыхание чуть слышное, прерывистое, и вокруг нас, как вокруг колыбели больного ребёнка, смыкается смертная тишь, падает полог, за который заходят лишь Провожатые...

За этим пологом — рычание алапардов и визгливые крики гарпий. Мелодичные распевы нойя перевивают друг друга — это Аманда, словно цветочный вихрь, вытанцовывает по поляне. То ли отпугивает, то ли усыпляет зверей. А Мелони нет, она бросилась куда-то, наверное, вдогонку за этой Креллой. И я не могу помочь.

Не могу вернуть.

— Гриз, Гриз, прошу тебя, пожалуйста, услышь меня, вернись ко мне, не уходи!

Никогда раньше я не повторял её имя столько раз. Даже в своих мыслях. Никогда не твердил так громко, что люблю её. Мне было неловко, и ей тоже, и казалось — будет хоть сколько-то времени, чтобы сказать...

Но теперь я кричу ей об этом. Повторяя снова и снова, глядя в белое лицо с едва различимыми точками веснушек, с приоткрытыми губами. Капли стекают по её щекам, по лбу — наверное, слёзы деревьев, которые там, высоко над нами... а может, это и мои слёзы тоже.

Потому что я понимаю, что она выскользывает из моих пальцев, что мне не удержать её — и грудь у неё вздымается реже и реже, пока не замирает совсем.

Распахнутый взгляд полон зелени. Медленно сочатся капли крови из разрезанной ладони. Провожатые в их белых одеждах приходят и незримо становятся вокруг нас. С усмешками, выблискивающими из-под капюшонов, эти усмешки говорят: «Всё кончено, ушла» — но я вдруг понимаю, что дозовусь.

Потому что она просила об этом.

Я перестаю кричать и звать и сцепляю её окровавленную ладонь со своею. Единый — помоги ей, прошу... и мне тоже, потому что сейчас я поступлю опрометчиво.

Я взываю, как меня учили звать с детства — но не к моему Дару. Я зову и тянусь к сущности варга, к крови, которая растекается теперь по моей ладони, и на миг, когда я вижу перед собой шторм в необъятном алом море — я бросаю зов в это море. Зову самую невыносимую и самую лучшую из всех, варгиню и пастыря, подругу и главу нашего «Ковчежца», свою любимую Гриз Арделл — и на мгновение мне кажется, что сейчас и меня закружат и погребут беснующиеся волны (пусть, я и там буду искать!) — но тут холодные пальцы сжимают мою ладонь.

И я держу, держу как можно крепче, а Гриз Арделл на моих руках сперва закрывает глаза, потом опять открывает, выгибается во вдохе, словно забыла — как нужно дышать. И

принимается кашлять, отплёвываясь и задыхаясь, будто нахлебалась солёной воды, хватается за грудь, впивается пальцами и не может сказать ни слова. Только раскачивается и падает назад, снова и снова пытаюсь приподняться. Я помогаю ей, глажу по спине и лепечу что-то дурацкое о том, что она здесь, она со мной, всё будет хорошо.

Вихрь с запахом жасмина и чего-то острого. Это Аманда подлетает и потопляет нас обоих в ворковании: «Так-так-так, детки, какие вы умницы, какие молодцы, а ладонь нужно забинтовать, вот, дорогая, заживляющее, укрепляющее сейчас будет...»

На лицо Гриз медленно возвращаются краски. Она всё ещё дрожит и откашливается, но взгляд у неё осмысленный, и она всё время пытается что-то сказать. Я набрасываю на неё куртку, она укутывается в неё, и когда из-за зарослей появляется Мел — Гриз хватается ртом воздух и наконец произносит хрипло:

— Он... прав. Он был прав.

— Он, сладенькая? — щупает ей лоб Аманда. Гриз неопределённо дёргает головой и наконец садится сама. Дышит она ещё тяжело. И трёт лоб незабинтованной ладонью с ошеломлённым видом.

— Он был прав — будет война... Кровавые Пастыри во главе с этой Роаландой Грейф. Они нашли какой-то ритуал... «заполнение». Что-то, что даёт им силы. И они собираются... потому что они слышат.

— Что слышат, дорогая? — Травница разговаривает ласково, как с больной. И норовит поднести к лицу Гриз вот уже второе зелье. Но невыносимая только качает головой, отстраняет ладонь нойя и ловит взгляд Мел.

— Что с Креллой?

Мел выглядит мрачной, встрёпанной и несколько смущённой. Словно воронёнок, который понял, что луна в небесах — это не сыр.

— Свалилась в болото, а я не полезла её доставать. И нет, я её не добивала. Хотя хотела. Но она сама понеслась в эту, как её там, Погибель.

Гриз кивает, подавляя дрожь. У неё на лице есть скорбь, но нет чувства потрясения — она откуда-то знала и так... ну да, варги же чувствуют смерть и рождение друг друга.

— Аманда, что с бестиями?

Нойя отступает, чтобы Гриз могла оглядеться — и теперь вместе с ней могу оглядеться и я.

В пяти шагах спит большая игольчатая волчица. Прочие звери — ещё шесть — куда дальше. Все в безмятежном сне.

— Эта глупышка полезла к вам, на неё пришлось изводить артефакты. С прочими было легче — обычными пугалками да снотворным. Прочие разбежались кто раньше, кто позже.

— Они не станут людоедами? — тревожится Мел.

— Думаю, что нет, — говорит Гриз тихо. — Они не питались людьми, а прочие следы единения с варгом крови уничтожены. Но нужно оповестить жителей в деревнях. Сказать, чтобы воздержались пока от охоты здесь. Связаться с местными властями — если, конечно, они в Тильвии есть...

Она говорит почти как прежде — бросается распоряжениями и планами, и тысячи, тысячи дел сквозят в её голосе. Но глаза остаются отстранёнными, глядящими в даль. И левая ладонь так и стискивает мою руку: «Держи меня, держи, не отпускай».

Ни за что на свете. Ни сейчас, ни когда бы то ни было ещё. Потому что теперь я знаю — что я могу сделать в твоём мире.

Держать тебя. Быть голосом над штормом.
Зовущим тебя, чтобы ты не ушла.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

Янист следует за ней повсюду. Рядом, когда Аманда бинтует ладонь. Поблизости — во время обратной дороги по болоту. На расстоянии шага — пока они с Мел общаются с местными...

Он накидывает ей на плечи куртку и пытается напоить успокаивающим и кроветвором («Ну, надо же, какая рыжая нойя», — умиляется Аманда), и беспокоится, потому что она слишком бледная, и старается говорить с ней, будто не верит, что она уже совсем здесь. И заглядывает в глаза так, будто опасается, что ещё миг — и в них вернётся зелень, и она опять упадёт в кровавую, затягивающую бездну...

Он смущается при виде Мел, которая красноречиво закатывает глаза. Но он здесь, и это хорошо. Это позволяет дышать.

Вытягивает из алого шёпота смутных троп, заглушает предсмертный вой Креллы, который так и стоит в ушах. Осаждает мутную круговерть внутри — словно в рвущемся на части, выкрашенном в алое мире ещё осталось хоть что-то незыблемое, нормальное... Осталось хоть что-то.

Его пальцы греют её ладонь, пока они добираются до «Ковчежца». Не ту, что вспорота ножом и зудит под повязкой, зарастая. Другую. Холодную и будто бы неживую. Слишком много отдано огня, много крови пролилось на землю. Так что тепла осталось слишком мало. Крошечный очаг — или, может, одна свеча. Чужие пальцы на ладони и откликающийся им сквозь льды слабый огонек.

Вечер дышит на огонёк холодом: на пристани слишком свежо. Весна накинула на питомник серое покрывало промозглого дождя. Аманда и Мел хором уверяют, что попросту не пустят её к вольерам, им громогласно вторит Фреза.

— Сладенькая моя, тебе сейчас нужен полный покой и никаких единений! Горячее питьё, что-нибудь сладкое... может быть, дружеское плечо...

— Головой бахнулась?! Без тебя разберемся. Грызи, да я тебя вызову, если что, ты куда намылилась после такого?!

— Себя видала?! Эй, парень! А ну хватай эту дурищу в охапку и тащи в «Ковчежец»! И валяй, сторожи, чтобы не усвистела куда. А то знаю я эту варжескую натуру!

Янист огненно рдеет, но к «Ковчезку» Гриз тащит исправно. Кажется, говорит что-то славное и утешающее. Что они все правы. И ей нужен отдых. И всё будет хорошо. И чтобы она даже не думала...

Слова ползут мимо. С шуршанием, шелестением, будто чешуя. Только под старыми слоями кожи нет новых, и она обнажена — наедине с тем, что...

Перед «Ковчежцем» они натываются на Нэйша — белизна костюма, зачёсанные назад волосы, безмятежная походочка. «Клык» встречает их соединенные руки коротким, ироническим движением бровей.

— Госпожа Арделл. Янист. Вижу, вызов прошёл успешно?

— Всё в порядке, — вызывающе цедит Янист. — Вижу, твой тоже.

Нэйш улыбается непринуждённо — так, как улыбается обычно, глядя на свою разросшуюся коллекцию. Гриз знает эту улыбку. За ней — неприятности.

— О, у Лайла найдется, что рассказать. Не сомневаюсь, вы получите удовольствие.

Он только чуть-чуть выделяет голосом последнее слово — и откланивается. Рука Яниста полыхает в ладони Гриз весь оставшийся путь — пока они пересекают коридор, поднимаются на второй этаж...

У двери своей комнаты она мягко высвобождает пальцы. Приоткрывает дверь, оборачивается на пороге к нему — и он понимает её без слов. Вновь зацветает оранжево-алым и шепчет, что, честное слово, он не позволил бы себе ничего лишнего, он о таком и не думал, но не может же она оставаться одна, может быть, просто разговор, но если ей это кажется непристойным, тогда, конечно...

Пересохшие губы раздвигаются в улыбку. Медленно, как створки ворот, в которых заржавели петли.

— Непристойным? Твоё намерение болтать со мной и стеречь мой сон? Нет, я так точно не считаю. Просто... нужно увидеться кое с кем. Сейчас. И да, тут мне нужно... остаться одной.

Наверное, она ещё выглядит не вполне пришедшей в себя. Рыцарь Морковка вскидывается встревоженно, готов спорить и просить, чтобы она позволила в кои-то веки, хоть немного присмотреть за собой...

«Не надо больше говорить. Я знаю, что ты уже решил следовать за мной повсюду — может быть, на своё горе, но решил. Однажды ты последуешь за мной и в мою комнату тоже. И дальше, если не побоишься. Но есть встречи, на которые нужно приходиться в одиночку».

Говорить это всё слишком долго, так что она просто наклоняется вперёд и прижимается к его губам. Потом смотрит на его ошеломлённое лицо, слегка улыбаясь, и шепчет:

— Спасибо. Я здесь. И я не уйду.

И делает шаг в комнату, закрывая за собой дверь.

По скрипучему полу — как по чуть поостывшей, бугристой лаве. Куртка летит в угол, а путь к столу кажется бесконечным, растянутым. Потому что с каждым шагом она проходит всё больший путь. Внутри себя. Среди стен замёрзшей внутренней крепости.

Там, в подземельях, в темницах... хищники, которых нельзя приручить. Впавшие в кровожадное исступление зверинцы. Разгромленные охоты. Мальчишка-Мастер, лицо которого перекошено страстным предвидением. Неизвестный в плаще на улицах Энкера — мановением руки уводящий за собой алапардов под восхищенное «Чудо... чудо...»

И — то недавнее, рвущееся на волю яростнее и нетерпеливее всех. Увиденное в сознании Креллы. То, что притаилось в алом, безумном водовороте сознания: предвкушение. Скоро, скоро, скоро — и бесконечные подземелья, темные и путаные, и люди на алтарях, кровь на белом и кровь на плитах, обезумевшие звери, врывающиеся в города...

Алапарды на улицах, и кричит мальчик на площади.

Разные мальчики. На разных площадях разных городов. И за ними — другие голоса: женщин, и стариков, и мужчин...

Вода в Сквозной чаше чуть заметно качается. От упавшего в чашу сквозника бегут волны — маленькие, потом побольше...

Мы у подножия волны, — думает Гриз, глядя в собственное отражение. Война за Воздух. Таранный Мор. Пламенное Нашествие. То, о чём говорил Дерк Мечник. Время от времени Кайетту захлёстывает безумие. Топит то одно, то другое — и всегда это было связано с бестиями. Летающими или огнедышащими. Или теми, что крушат стены. Но теперь всё не так. Теперь вовлечены варги. Прогрессисты. Терраанты. Вовлечены все, и мы

сейчас — у подножия волны. Вода уже отхлынула, и волна уже поднимается... выше, чем обычно.

Так, что может поглотить любые крепости, Эвальд.

— Гризельда! А я всё ждал, что вы на связь выйдете. Рад, что встреча с роднёй прошла благополучно. Хоть и с некоторыми проблемами, верно же?

— Да, — говорит Гриз, глядя теперь в лукавые глаза юнца на неприметном лице. Эвальд Шеннетский кивает, с огорчением разводит руками.

— Вас, конечно, малость страховали с моей стороны... Но взаимоотношения варгов слишком уж тонкая штука. Мои агенты просто боялись убить вас обоих, пока вы были в единении. В сущности, что мы вообще знаем о варгах? Вы, например, представляете, откуда у вашей тётушки такие силы? Вот и я нет. Зато теперь мы знаем, что она действовала не в одиночку. И это как-то даже, знаете... тревожит.

— Да, — говорит Гриз ещё раз.

Роаланда Гремф и Пастыри Крови, которые называют себя почему-то заполненными сосудами. Которые веруют в скорую гибель Кайетты и считают, что для её предотвращения нужно убивать людей. Которые что-то знают — что связано с варгами, их историей... или не только их историей. Ведь что мы, в сущности, знаем о Кайетте, Эвальд?

— Так что, я надеюсь, что вы осознали... как это? Степень угрозы. И поскольку в последнюю нашу встречу вы сказали, что подумаете, а теперь вот связались со мной... Вы решились, не так ли?

— Да, — отвечает она в третий раз.

*«...в редчайших случаях грызуны этого вида
выбирают оставаться на кораблях даже
во время штормов или крушений,
руководствуясь непонятными науке мотивами...»*

Энциклопедия Кайетты

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— В долг не дам, так твою-растак!

— Лу, — Я прижал руки к сердцу с истовой печалью. — Да как ты и обо мне-то такое...

— Ты рожу-то свою видел, Сорный? Да после твоих визитов тянет все ложечки в доме пересчитать!

Беседы со стариной Лу всегда плыли по одному и тому же руслу одной и той же реки. Вот и сейчас я привычно отыскивал незагаженные кружки, раскладывал по столу острые колбаски, косицы сыра, копчёную рыбку и прочие атрибуты к пивку. А старикан поудобнее устраивался в кресле и вовсю выражал своё горячее ко мне расположение.

— Я-то уж хотел Керренту-Первоваргу благодарности возносить — думал, тебя сожрала какая мантикора. Хе... хе... Так ведь и то бы вылез, небось, а? Через другой-то её конец? Славно вылезать умеешь, Сорный! Я-то уж думал — тебя той заварушкой с Гильдией расплющит, а вот гляди ж...

— В общем-то, по ощущениям было примерно похоже, — ухмыльнулся я и отведал пенного. — Хм, не бочонок Милки, конечно, но тоже ничего, а?

— Жидковато, а на дармовщинку сойдёт.

В доказательство Лу едва ли не единым глотком всосал половину кружки. Я терпеливо ждал, пока он докинёт в себя сколько-нибудь закуски и подбреет до приемлемого состояния.

— Видок у тебя цветущий — что, много работёнки?

— Работёнки-то... втрое против прежнего, ага. Как Хромец поломал Гильдию — кто остались, косяками пошли. Кого со знакомыми сведи, кого по старым связям на корабль пристрой... ограбить вот ещё два раза пытались, оболтусы! Ну, через полгодика оклемаются, хе... хе. Ты-то, небось, тоже не без дела припёрся? Чего надо, Сорный?

— Угощение за угощение, — копчёная скумбрия искушающе благоухала, и я подвинул её к самому носу Лу. — Попотчуеть чем интересеньким?

За грязными окошками лип к окнам утренний туман и шумел пёстрый и морской Вейгортэн. От нагревающих кристаллов шло уютное тепло, пиво согрело изнутри, а Лу покачивался в скрипучем кресле и предлагал одно блюдо за другим — виртуозно подбирая под меня.

— ...в общем, к этому Ивверту возникли нехорошие вопросы. Сам понимаешь — просочились слухи, что он по своим владениям падаль и раскидывал. Или послал кого — хотел, мол, нажитья. Потому как беспаятники же можно задорого сбыть, а растут они...

Растут они на крови. Блюдо залежалось, заветрилось. Отдаёт тиной тильвийских болот, кровью и сладких запахов лотосов. Второй выезд, старикашка со шмыгающими глазами,

союз гидры и беспамятников, Нэйш на коленях...

— Гильдейцы тоже там шмыгали — ну, это ты знаешь. Двоих, что ли, нашли в том болоте — попались гидре да память отшибло, до сих пор где-то в порту шабашат. Понятное дело, гильдейские своего не упустили — как следует обнесли владения этого Ивверта, цветочков там этих понарвали... А там и местные подтянулись — у них, оказывается, тоже были какие-то вопросы насчёт их родственничков — которые в тех владениях погибли-покалечились. Ну и... пока от местных откупился, пока от гильдейских, пока от законников... Имение чуть с молотка не пошло, этот Ивверт потерял всё до нитки. Поговаривают, что и разумом хорошо так подвинулся — всех боится, чуть ли не двери заколачивать стал.

Да, водилось за ним такое — за плаксивеньким, тощим старикашкой, любителем пожаловаться и пошмыгать глазёнками. Старикашка из памяти тончает, обращается в туманный силуэт за окном — похоже на действие беспамятников, которые я как-то преподнёс одной красавице-нойя...

— ...с этой Домерт. Доченька её, понятно, все силы положила, чтобы замять — что там случилось в доме, только слухи-то пошли. Ну, как же, тут с одной внучкой несчастье, вызвали ковчезников, а тут бабуля сиротку к себе забирает. А что дальше было — в газеты не попало, только рыбоньки булькают...

Блюдо пахнет парным молочком, отдаёт оладушками с мёдом. Первый совместный выезд с Гриз, застенчивая девочка в голубом платице и с куклой в руках, песенка серебристым голоском, окровавленные морды тхиоров.

— Да... у этой бабули Домерт была ещё воспитанница. Тоже сиротка. Знать любит играть в благотворительность, а? Так вот, эта Милли начала лить бабуле в уши, что сиротка её обижает. Мол, ужас как травит исподтишка, и бьёт, и щипает, и убить хочет, спасай меня, бабушка, хех! Ну, та вроде как и повелась сперва, а потом глядит: сиротка-то что-то совсем заколоченная стала. Ну, и... поставила артефакт-прослушку, убедиться. Что услышала — тут не понять, но девчонок она развела. Посадила внучку на домашнее обучение, присмотр там за ней — три воспитателя, два лекаря. Так слуги продавали, а что там дальше...

Не знаю, что будет дальше и нужно ли радоваться. Я лучше понадеюсь на то, что Иоберта Домерт услышала достаточно. И маленькая Милли не выйдет в свет со своими наивными глазищами и застывшей улыбочкой убийцы. Пусть она лучше растворится в тумане за окошком — а я буду вспоминать Гриз Арделл в крошечной придорожной гостинице. Оладушки и её слова о том, что она может найти мою дочь — и моё обещание, что я отыщу Дебби через год...

Осталось не так много времени.

— С Линешентами — всё обсосано по газетам, конечно... Этриана Линешента законники взяли под Перекрёстки — недолго пробегал, а? Ему б у тебя поучиться.

Угощение Лу пахнет полынью и пылью — сухим духом прорастающего из чёрных болот поместья. Белый геральдион, объятая фиолетовым в воздухе тварь, танец Аманды с артефактами, мёртвая хватка на плечах — один-ноль, чертовски странно работающий Дар Щита...

— Старший, как их там, Гарлон, лечится от зелий. Видал шумиху, когда он подписал отречение от Главы Рода? Сестры-Линешент разоряются в прессе, что младший брат обманом возвёл бастарда в Главы Рода. А сам бастард сидит себе в Айлоре, под крылом у дядюшки...

Письма пишет, да. Раз в девятницу или две — Гриз или Янист непременно читают вслух, это уже в традицию входит. У малого отменный слог, так что про Линешентов и их дрязги я могу рассказать Лу побольше того, что есть в газетах. Но лучше не надо. Просто представить, как замок тонет в тумане, так похожем на тот, что — вовне...

— Ну, про Аграста-то ты наверняка в курсе. Громкое дельце, громкое! Насилу узнал от рыбонек, что ты там тоже каким-то боком — есть у тебя совесть или нет? Мог бы и рассказать, Сорный!

Уклончиво качаю головой — мог бы, только я же лежал тогда в лекарской, залечивал кинжальную рану в животе.

Сливочное мороженое с кроваво-алым вишнёвым сиропом. Вот на что смахивает эта история. Белое и алое — и серебро: мех йоссов и острый блеск дарта, тёплые пальцы на шее: «Знаешь, Лайл, тебе лучше поспать», два-ноль, ничего, будет много шансов сравнять счёт.

— Репутацию Аграсту не вернуть. С учётом того, какие люди там погибли... На него чуть ли не дюжину раз в суд подали. Он, конечно, встал на защиту сыночка, сказал — тот умом повернулся, не понимал, что творил. Сын-то, правда... того: без зубов, весь трясётся и под себя гадит. Вы, что ль, так его уработали? Его малость подлечили, но родители погибших не унимаются. Там тяжба на годы, помяни моё слово — оставят этого портняжку без гроша. Сын его, если не на Рифы — то в лечебку куда или под пожизненный надзор. Говорят, уже предлагали процедуру Стирания...

Даже и так? Стало быть, вмешался Акантор, такой техникой владеет разве что Ковен Камня да ещё пара серьёзных орденов. В старых учебниках для законников говорится, что до постройки Рифов процедуру использовали часто. Милосердное правосудие. Полное стирание личности и памяти.

Только вот я пару раз видел «стёртых», и от этих воспоминаний в дрожь бросает. Вечная пустота в глазах, недоумение на лице, бессмысленная улыбочка... Нет уж, лучше пусть такая память затеряется в клубах тумана за окном!

Лу попивает пиво, пожёвывает рыбку, а его блюда становятся всё экзотичнее и острее. Блюда политы соусом из кровушки от тут, то там появляющихся варгов — наверняка наподобие той самой Креллы, о которой говорил Янист. Новости сдобрены фениксовым огнем — от второго явления Ребенка из Энкера. В слухах переплетаются дикие корни: это взбесившиеся терраанты выходят из лесов, накидываются на людей, вбегают в храмы... Новостные яства обильно поперчены самыми острыми интригами: Дерк Мечник раскрыл заговор против короля — да ещё с поличным взял кузена королевы во главе заговорщиков, можно представить — что при дворе начнётся...

Блюда Лу присыпаны тревогой гуще, чем хотелось бы. А в острых глазках лучшего информатора Вейгорд-тена — куча вопросов.

И тогда я бросаюсь потчевать Лу в ответ. Вспоминаю про Мертейенх — и вываливаю ворох новостей, они малость отглажены и подрезаны, но зато — с подробностями. Как тебе такое угощение, Лу? Мортах, живой Мейс Трогири (уже нет, правда), два десятка убитых охотников, рабы в поместье... и из первых уст — не оторваться же, а?

Лу причмокивает от удовольствия. Запивает новости пивком, утирается рукавом.

— В хорошие истории попадаешь, Сорный! Неплохо для ковчезников из Вейгорда — в такие-то дела влезть... и остаться незамеченными. Прикрывает кто, что ли?

— Скромные мы. Не высовываемся. Вся слава законникам, нам лишнего не надо. Сколько-то зверушек, сколько-то золотниц... малость табачка... к слову, у тебя не осталось?

Лу фыркнул носом, и подозвал при помощи магии Воздуха водную трубку и кисет с табаком. Мне кивнул на полку — доставай, мол, себе трубку сам.

— Табак не то чтобы хорош, но крепок. Но ты ж нахалюву не откажешься?

— Нахалюву можно скурить помёт шнырка — и уж поверь ты моему общению с некоторыми слишком любопытными вольерными: это не фигура речи.

Туман прильнул к стёклам — рассмотрел в клубах дыма из водных трубок своих родственничков. Мальчишка-разносчик как по заказу орал под окнами: «Жуткие убийства охотников! Отшельник-убийца! Кровожадный калека и его сын! Двадцать трупов в Мертейенхе! Самые последние новости!»

Я поёрзал в кресле.

— Чем оно хоть кончилось-то?

— Газет не читаешь, э-э?

— В газетах чушь вроде голов охотников в трофейном зале. В вейгордской прессе ещё и приплетают Хромца — не помню, правда, то ли он прислал Трогири мортаха, то ли сам этим мортахом оборачивался и лично жрал охотников...

— Ну так спросил бы у своего дружка-законничка, почему нет-то.

Идея вряд ли лучшая. Тербенно опять упустил дело мечты. Двадцать трупов, громкая фамилия — и он прибывает на место, когда преступник помер, тварь растворилась, а кукушечка подельника воспарила в небесные выси.

А тут ещё коллеги, которые, ясное дело, в эту историю тоже вцепятся, да жадные журналисты... пожалуй, что нового повышения раннеспелому законничку в ближайшее время не видать.

— Мало, мало что знаю... — кривится Лу — ясное дело, набивает себе цену. — Этот Нарден Трогири тронулся умом так, что и зелья не помогают. Мужик тоже кой-чем баловался, ну а сейчас... оттого и мало что узнаешь, что больше по слугам допросы ведут.

А слуги, понятное дело, знали не всё или немногое. Вот, к примеру, они не могли знать — что за человек вызывал мортаха. А мне это просто ну очень интересно.

— *Это всё как-то не вяжется, — поделился я, когда Тербенно малость отошёл от сенсационных новостей и перестал пытаться арестовать меня и Нэйша — просто для профилактики. — Не вяжется, вот в чём дело. Гриз говорила, мортахов вызывают только мощные маги. Да и то редко: отдача энергии такая, что бывает — прямо во время обрядов и кончаются.*

Тербенно нетерпеливо фыркнул: он рвался осматривать улики. Но снизошёл и потерпел ещё две минуты.

— *Сам Трогири сказал, что это был кто-то из Академии. Только вот... что за экспериментатор, который настолько понимал в мортахах? Он же даже не остерёг Трогири и сыночка насчёт этой твари. Не сказал, как она мыслит. Не знал сам или не захотел...*

Законник отобразил на лице неповторимое «Ещё каторжники меня работать не учили!» Но я всё-таки попытался ещё:

— *И странновато, что они ему доверились. Тут либо кто-то из старинных приятелей, либо тот, кого они собирались убрать... не могу сообразить.*

«Это как раз неудивительно», — хмыкнул Тербенно и выдал мимикой, что он тут специалист (получивший повышение, кстати!), уйдите все, работают профессионалы.

В общем, я Печать могу поставить, что Вейгордского Душителя раньше поймают, чем

этого вызывателя мортахов.

— *Вир его знает, — Лу откинул голову, блаженно выпуская дымок. — Кто из слуг говорит — был один человек, кто говорит — два. Псы из Корпуса треплют Академию, только толку-то...*

— *А само поместье? Ведь, я так понимаю, сынку светит лечение, а если вылечат — Рифы, как пособнику? Стало быть, прямых наследников нет?*

— *Ближайший — кузен жены Мейса Трогири. Что-то вроде Илая Придурковатого. Знать третьего уровня, восемь детей, строит в Ракканте какие-то школы благотворительные. И тут — такой-то подарочек, поместье, да с рощей тейенха, да и историей!*

Вопли мальчишки-газетчика утихали в конце проулка. Вслед ему орала с балкона какая-то темпераментная дама: «Тварь визгучая, у меня ребёнок спит!» — не замечая, что своим сопрано может поднять не только детей, но и мёртвых...

Туманное утро звонко разносило вопли, и в комнате тоже плавал туман — из вкуснейших трубочных дымов с ароматом ванили и вишни.

— *Ты тоже мог бы подзаработать. Газетчики хорошо дадут за эту историю — а уж я тебя знаю, ты им можешь на год вперёд наплести. А потом и нехило пристроиться. Всё лучше, чем в питомнике среди хищных тварей, верно?*

— *Хищных тварей. Да, — отозвался я и раздумчиво побулькал трубочкой, вспоминая хватку на своём горле и шёпот: «Какую строку предпочтёшь для “Книги утекшей воды”?»*

— *Что, решил, небось, податься подальше, Сорный? А?*

— *Да как бы тебе сказать...*

— *Значит, ты остаёшься, сладенький, — сказала она негромко, столкнувшись со мной в коридоре. Прислонилась плечом к стене — в соблазнительной позе, как в самый первый день моего прихода в питомник. И чёрные завитки прихотливо лежали на плечах, прядь выскочила из-под платка и упрыгала на щеку, а ямочки на щеках были просто чудо как очаровательны*

— *Хочешь, расскажу тебе сказку? — предложил я.*

— *Такую, как рассказывал однажды про одного законника? — нойя склонила голову и обогрела сладчайшей улыбкой. — Интересная была история. Только я не помню концовки — как же тот бедненький законник выбрался с Рифов?*

— *На корабле с горящими парусами — но эту историю я приберегу для вечера страшилок. А расскажу новую. Про странника, который вечно сворачивал не туда. Странник исходил всю Кайетту, торговал и путешествовал, входил в сотни домов, видел женщин — красивых и не очень — и всё не мог задержаться...*

Полутьма коридора разбавлялась сине-зелёным светом флектусов, и в глазах Аманды плескалась чёрная бездонь с колдовскими огнями.

— *Как интересно, пряничный. Он был как вольная нойя? Хотел свободы и мечтал увидеть весь свет?*

— *Скорее уж, просто выбирал не те дороги на перекрёстках. Но однажды — кто там знает, может, ему подсказала Перекрестница... однажды он свернул правильно. Странник пришёл в удивительное место, наполненное странными людьми и странными животными. И жила в том месте красавица, какой он до этого он ещё не видывал...*

— *Какая хорошая сказка, — промурлыкала нойя из полутьмы. — А конец у неё счастливый?*

— *Этого я ещё не придумал, — беспечно признался я. — Но странник точно уж никуда*

не захочет. Может, он будет даже малость околдован. Ещё там будет про дивные амулеты, которые спасают тебя от чёрных наваждений... О, и вот, пока не забыл — маленький привет аж от самого Мертейенхского отшельника. Лучшего охотника в Кайетте... до некоторых пор.

Голова закружилась от аромата жасмина, ванили и перца. Травница приблизилась на расстояние шага, приняла полотняный мешочек с вопросительной улыбкой, нырнула туда — чтобы вытащить несколько твёрдых, словно бы резных, светящихся плодов и пару веточек со свежими листьями.

— Опять же, не знаю, что лучше для эликсиров, амулетов, или ещё для чего, но... — я умолк. Аманда перебирала листья тейенха со странным, почти печальным видом.

— Дерево, — прошептала едва слышно, обвела пальцем один из плодов. — Это хороший подарок, сладенький.

— Ой, нет-нет-нет. Это так... извинение за то, что амулет конфисковал один неуёмный законник — всё ему доказательства, сколько ни долдонь. Нет, чтобы правда отдариться за такое — какого-то куска дерева было бы маловато, а? Нужно самому что-то сотворить — и лучше бы не просто что-то, а что-то прекрасное и необычное, безумное и героическое, достойное песен...

— Что же... — она подняла на меня глаза, и в этот момент я шагнул вперёд и решительно поцеловал травницу в жаркие уста. И было это словно пинта имбирного эля в иссушающую жару. И губы у Диаманды Энешти, травницы из народа нойя, оказались мягкими, и сладкими, и дурманными, в точности как я и полагал, только гораздо лучше.

— Жизнь за поцелуй, — сказал я, когда мы снова посмотрели друг на друга. — Если ты меня сейчас отравишь — напиши в Книге Утекшей Воды: «Оно того стоило».

Аманда улыбалась, как улыбаются кошки на старинных гравюрах: неуловимо хищной улыбкой, зелёными огнями в глазах.

— Нойя любят храбрых безумцев, — пропела из полутьмы, куда отступила вновь. — Ты хорошо умеешь отдариваться, Лайл Гроски. И мы с тобой поговорим ещё. Только не забывай свою сказку о страннике — тебе надо ещё придумать ей концовку.

Теперь уже не нужно. Сказки о странниках всегда заканчиваются, когда они наконец-то причаливают к нужной гавани.

— Из-за девки, что ль? Эй, Сорный, уснул, а? Из-за этой... нойя-Травницы, о которой рассказывал ещё? Да ни в жизнь не поверю!

По заставленной морскими диковинками комнате плавали дымы. Туманные, как мои перспективы пояснить Лу правду. Рассказать насчёт того, что до меня дошло в Мертейенхе.

— Ни в жизнь не поверю, что ты не знаешь моё настоящее имя. Гильдии больше нет, так что величать меня по-гильдейски...

— Хе... хе... как скажешь. Гроски. А только я так думаю, ты малость недоговариваешь насчёт этого своего решения подзависнуть в питомничке. Слыхал, у вас там интересные дела творятся, вот оно как. Непростые люди интересуются этими твоими ковчезниками, ох, и непростые! И денежки-то, видать, подкидывают, а?

— На самом деле я приехал покупать у королевы Ревелейны её дворец. Не знаешь, в котором у неё ванны побольше?

Лу захекал и затянулся трубкой с особенным ожесточением. Затряс седыми космами возмущённо.

— Что-то уж очень сильно на тебя непохоже, я тебе так скажу. Чтобы ты — и без

профита... и без связей? И ни страховочки какой, вот прямо ни-ни?

— Ну-у-у, как тебе сказать...

Бирюзовый кристалл засмеялся полированным боком из воды. Принял имя, колыхнул воды — и высветил лицо.

— *Нужно подписываться кровью? — спросил я. — Или есть обряды пострашнее, вроде поедания веретенчиков?*

— *Конечно же нет, господин Гроски. Но если вам захочется чего-то особенного, для антуража...*

Эвальд Хромец смотрел на меня, как на дорогого друга, которого не видел лет двадцать.

— *Что насчёт условий?*

— *Есть смысл что-то уточнять? Я же, в конце концов, знаю, чего вы хотите. Финансовое благополучие, — лёгкий стук оправленного в серебро карандаша по столу, словно треск костяшки от счётов. — Возможности отхода, если будет слишком опасно. Безопасность для вас и вашей дочери. — Второй и третьей удары. — А вы, кажется, знаете, что мне нужно. Ну, во всяком случае — от вас.*

— *Да, — сказал я. — Вы будете знать, что происходит в питомнике Гриз Арделл.*

— *Дрыхнешь ты там, что ли, а? Или ты ночки у этой Травницы под бочком теперь коротаешь? Попросил бы эту нойя тебе чего сварить для ясного ума. А то по всему видать, ты чокнулся. В питомнике... среди гарпий с драккайнами, да с начальницей вроде Арделл, которая...*

— *...лютый мужик, — продолжил я безмятежно. Лу фыркнул, пожалуй, обиженно.*

— *Варг крови. Как знаешь, только я бы из питомничка-то линял. Хочешь — спроси у Фрезуанды Волнорезки. У морских чутьё получше будет. А я тебе так скажу, — и он со значением постучал по своему носу — заслуженному, выдавшему много понюшек табака и, как маяк, отображавшему любовь к спиртному. — Так тебе скажу... идёт что-то не то. Я-то шквалы чуют привык, а то, что сейчас начинается... А про вас-то такие люди спрашивают — как бы этот ваш питомник в самом центре не оказался. Как тряхнёт да закачает — что делать-то будешь, Гроски? К кому пристанешь?*

— *Вот уж не знаю, — сказал я поднимаясь. — Мне, понимаешь ли, как-то не хочется прыгать с этого корабля.*

На прощание я пообещал заскочить — вот как только будет свободная минутка и лишняя монетка. Выскользнул в дверной проём и не спеша потащился по узким улочкам — мимо торговцев, вопящих детей, мелких воришек, пьяных моряков, голодных собак...

Утренний туман редел, и выблеснуло солнце — зажгло алым клинок на шпиле королевского дворца. Возле таверны «У честной вдовушки» суетились грузчики — заносили новую мебель. Новая вывеска оптимистично гласила: «Нужная гавань».

Ветер прилетел с моря — разогнал туман, швырнул в лицо запахи соли, весны и шторма. Крыса молчала.

Больше книг на сайте - Knigoed.net